

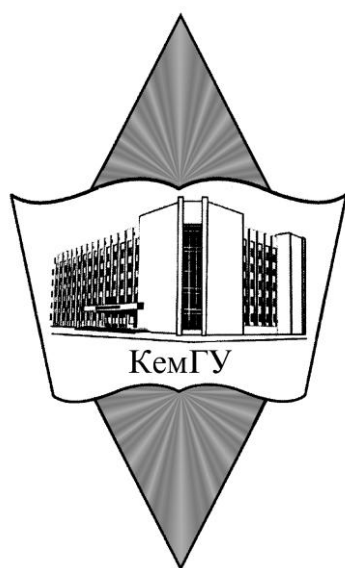
ВЕСТНИК

BULLETIN

ISSN 2078-8975

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

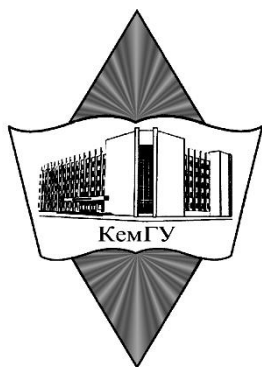
Выпуск 2 (50)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 2 (50)

**КЕМЕРОВО
2012**

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Журнал теоретических и прикладных исследований**

Издается с 1999 г.

№ 2 (50) 2012

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Свиридова И. А. – координатор, ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент.

Афанасьев К. Е. – главный редактор, проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, проф.

Невзоров Б. П. – зам. главного редактора, д-р пед. наук, проф.

Григорьева О. С. – отв. секретарь.

Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент.

Семенова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук.

Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент.

Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, проф.

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.

Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.

Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.

Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.

Карташов В. Я. – д-р техн. наук, проф.

Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.

Курбатова М. В. – д-р экон. наук, проф.

Осадчий М. А. – канд. филол. наук.

Поварич И. П. – д-р экон. наук, проф.

Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.

Шер Я. А. – д-р ист. наук, проф.

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.

Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент.

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:

ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 225

Тел.: (3842)58-28-39, 58-80-24

Факс: (3842)58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru

Адрес сайта:

http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

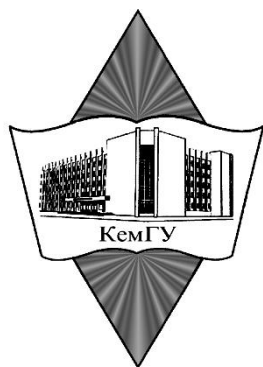
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
<http://elibrary.ru>

**BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY**
Journal of theoretical and applied research

Founded in 1999

№ 2 (50) 2012

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses" by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL BOARD:

Sviridova I. A. – coordinator, rector of KemSU, candidate of medicine, associate prof.

Afanasyev K. E. – editor-in-chief, vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics and mathematics, prof.

Nevzorov B. P. – deputy editor-in-chief, doctor of pedagogic sciences, prof.

Grigorjeva O. S. – executive secretary.

Zelenin A. A. – vice-rector for social work and youth policy, doctor of political science, associate prof.

Semenkova T. N. – vice-rector for educational and organizational work, candidate of pedagogic.

Shadrin A. V. – head of scientific management department, doctor of technical sciences, associate prof.

Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, prof.

Araeva L. A. – Doctor of Philology, Prof.

Bobrov V. V. – Doctor of History, Prof.

Danilov N. N. – Doctor of Physics and Mathematics, Prof.

Zheltoy V. V. – Doctor of Philosophic Studies, Prof.

Kazin E. M. – Doctor of Biology, Prof.

Kartashov B. Ya. – Doctor of Technical Sciences, Prof.

Kasatkina N. E. – Doctor of Pedagogic, Prof.

Kurbatova M. V. – Doctor of Economics, Prof.

Osadchiy M. A. – Candidate of Philology.

Povarich I. P. – Doctor of Economics, Prof.

Poplavnoy A. S. – Doctor of Physics and Mathematics, Prof.

Sher Ya. A. – Doctor of History, Prof.

Schennikov B. P. – Doctor of Philosophic Studies, Prof.

Yurkevich N. A. – Candidate of Law, Associate Prof.

Yanitsky M. S. – Doctor of Psychology, Prof.

Printed by the decision of Scientific Methodical Council and Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

It is issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration is:

ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Address of the Editorial Office:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1225,

Tel.: 8 (3842) 58-28-39, 58-80-24

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru.

Web-site:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>.

Address of the publisher:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39,

Fax: (3842)58-12-26,

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

Union catalogue "The Press of Russia" – 42150

Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944

The Bulletin is provided for free access on the site of the Russian Universal Scientific Electronic Library and included into the abstract database "Russian Index of Scientific Citation" (RISC).

<http://elibrary.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЯ

- Гилев А. В., Блинова С. В., Чеснокова С. В.* Изменчивость окраски северного лесного муравья *formica aquilonia* уаггow, 1955 (hymenoptera, formicidae) на юге Западной Сибири в свете возможной истории его последственного расселения 6
- Яковлева С. Н.* Состав и структура фауны мегахилид (hymenoptera, apoidea, megachilidae) Кузнецкой котловины 10

ИСТОРИЯ

- Зяблицева С. В.* Становление и эволюция музейной отрасли Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX вв. 14
- Казьмина М. В.* Коллективные хозяйства кузнецкого округа накануне массового колхозного движения 20
- Марков В. И.* Культурология войны 26
- Миненко Г. Н., Рябчевская Ж. А.* Музыкальная культура серебряного века в контексте социокультурной динамики России 30

МАТЕМАТИКА

- Вершинин Я. Н., Крутиков В. Н.* Алгоритмы обучения на основе ортогонализации последовательных векторов 37
- Данилов Н. Н.* Динамические матричные игры. Обоснование применения принципа минимакса в классе чистых комбинированных стратегий 42

ПЕДАГОГИКА

- Адакин Е. Е.* Научно-исследовательская работа как фактор развития творческой активности и исследовательской компетенции студентов-заочников 49
- Беляков А. А., Клименко Н. С., Семина О. А.* Проблема управления учебной деятельностью студентов с целью повышения качества подготовки будущих специалистов 55
- Бобриков В. Н.* Непрерывное профессиональное образование в технологическом обществе 58
- Гравова И. В., Максимова Ж. С., Чурекова Т. М.* Аксиологическая подготовка студентов педагогических специальностей 62
- Ерёмин В. В., Невзоров Б. П.* Теоретическое обоснование педагогических условий подготовки студентов к межкультурной коммуникации в университете 66
- Жигалова И. А.* Формирование гражданской культуры в процессе подготовки государственных и муниципальных служащих 70
- Кулемзин А. М., Родионова Д. Д.* О формировании новой парадигмы подготовки музееведов 74
- Скалон Н. В., Колесников П. В., Лучникова Е. М., Ненилин С. Н., Скалон Т. Н., Теплова Н. С.* Региональное экологическое образование: перспективы развития 78
- Шабашев В. А.* О системном подходе к оценке успеваемости студентов вуза 83

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- Зеленин А. А.* Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике 85
- Желтов В. В., Желтов М. В.* Религия и арабская весна 90
- Кисляков М. М.* К вопросу оптимизации межрегиональных технологий политического маркетинга 98
- Сущенко М. А.* Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР 102

ПСИХОЛОГИЯ

- Буторин Г. Г., Щеглова И. И.* Преодоление симптомов посттравматического стрессового расстройства у сотрудников органов внутренних дел с применением средств аудиовизуальной стимуляции 107

ФИЛОЛОГИЯ

- Алтухова Т. В.* Электронные и рукописные жанры естественной письменной речи: сопоставительный аспект (на примере граффити и записей на электронной стене) 110
- Бринев К. И.* Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» 117
- Голев Н. Д.* Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 1: роль фактора регулярности 123
- Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А.* К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка 128

<i>Денисова Э. С., Василенко Е. А.</i> Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово)	133
<i>Стеванович С. В., Антонова А. В.</i> Роль неологизмов в развитии современного хорватского языка	138
<i>Фомин А. Г., Якимова Н. С.</i> Стратегии вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев в конфликтных бытовых ситуациях (по материалам речеситуативного исследования)	142

ФИЛОСОФИЯ

<i>Абсалямов М. Б.</i> Архетипические единицы духовной культуры	147
<i>Золотухин В. М., Козлова М. В., Щенников В. П.</i> Социально-философская интерпретация качества жизни	151
<i>Казаков Е. Ф.</i> Принцип историзма в исследовании «души культуры»	156
<i>Овчаров А. А.</i> О социальном бытии	160
<i>Петров И. Ф.</i> Потребностное содержание личности: взаимосвязь и взаимообусловленность	167
<i>Филиппов В. Л.</i> Проблема разграничения текста и реальности в контексте культуры XX века	175
<i>Штумпф С. П.</i> У истоков духовности. Рационально-гносеологическое отражение категории «дух» в западно-европейских философских учениях	179
<i>Щенников В. П., Белоглазова О. Н.</i> Аксиологические аспекты генезиса тревоги	182

ХИМИЯ

<i>Дубровкин И. М., Ананьев В. А.</i> Влияние искажения спектра на правильность количественного анализа по методу многомерной калибровки	186
<i>Лырицков С. Ю., Кригер Л. Д., Миклин М. Б., Ананьев В. А.</i> Фотохимические превращения продуктов твердофазного разложения нитратсодержащих матриц	191

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

<i>Хорошилова Л. С., Табакаева Л. М., Скалзубова Л. Е.</i> К вопросу о профессиональной заболеваемости населения Кузбасса в 2005 – 2010 годах	194
---	-----

ЭКОНОМИКА

<i>Бувальцева В. И., Корчагина И. В.</i> Протокластер малоэтажного строительства в регионе ресурсного типа	198
<i>Зобова Л. Л.</i> Объективная основа категории пространственной ренты	202
<i>Лавров А. М., Уницков И. А.</i> Модель управления развитием электросетевого хозяйства региона в рыночных условиях	206
<i>Леванов А. Д.</i> Стареют ли экономические теории?	209
<i>Морозова Е. А., Челомбитко А. Н., Андреева Л. М.</i> Демографическая ситуация и ее влияние на социально-экономическое развитие региона	213
<i>Сурнин В. С.</i> Система комплексных мероприятий по инициации структурных сдвигов в экономике Кемеровской области	220
<i>Шабашев В. А., Шипунова В. В., Сагайдачная Н. К.</i> Институциональный аспект классификации правил в современной бюджетной системе	223

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Лелюх В. Ф., Позднякова А. Э.</i> Взаимодействие пенитенциарных учреждений России с негосударственными социальными институтами и организациями	229
<i>Невзоров Т. Б.</i> Понимание значимости идеологического механизма реализации экологического права	236

РЕЦЕНЗИИ

<i>Налегач Н. В.</i> «Именные» традиции в русской поэзии XX века (О книге: Петрова, Г. В. А. А. Фет и русские поэты конца XIX – первой трети XX веков: монография / Г. В. Петрова. – СПб.: Астерион, 2010. – 196 с.)	240
--	-----

<i>Авторы выпуска</i>	243
<i>Правила оформления статей в журнал «Вестник КемГУ»</i>	249
<i>Подписка на журнал «Вестник КемГУ»</i>	251

CONTENTS

BIOLOGY

- Gilev A. V., Blinova S. V., Chesnokova S. V.** Colour variability of the northern wood ant *Formica aquilonia* Yarrow, 1955 (Hymenoptera, Formicidae) in the South of Western Siberia in light of possible resettlement in the postglacial history 6
- Yakovleva S. N.** Species composition and structure of megachilid bees (hymenoptera, apoidea, megachilidae) fauna from Kuznetsk hollow 10

HISTORY

- Zyablitsa S. V.** Formation and evolution of museum work in Western Siberia in the end of the XIX – first third of the XX centuries 14
- Kazmina M. V.** Kuznetsk district on the eve of mass collective-farm movement 20
- Markov V. I.** Cultural studies of war 26
- Minenko G. N., Ryabchevskaya Zh. A.** Musical culture of the Silver Age in the context of socio-cultural dynamics of Russia 30

MATHEMATICS

- Vershinin Y. N., Krutikov V. N.** Orthogonalization of the sequence vectors learning algorithms 37
- Danilov N. N.** Dynamic matrix games. substantiation of application of minimax principle in the class of pure combined strategies 42

PEDAGOGY

- Adakin E. E.** The scientific and research work as a factor of developing external students' creative activity and research competence 49
- Beljakov A. A., Klimenko N. S., Semina O. A.** The problem of students' educational activity management in order to increase the quality of future specialists' training 55
- Bobrikov V. N.** Lifelong professional education in the technological society 58
- Gravova I. V., Maksimova Zh. S., Churekova T. M.** Axiological training of students of pedagogical majors 62
- Eremín V. V., Nevzorov B. P.** Theoretical argumentation of the pedagogical conditions for preparing student for intercultural communication in the university 66
- Zhigalova I. A.** Civil culture forming in state and municipal employees education 70
- Kulemzin A. M., Rodionova D. D.** On the formation of a new education paradigm for specialists in museum management 74
- Skalon N. V., Kolesnikov P. V., Luchnikova E. M., Nenilin S. N., Skalon T. N., Teplova N. V.** Ecological education in Kemerovo region: development prospects 78
- Shabashev V. A.** On the system approach to the gain score of high school students 83

POLITICAL SCIENCE AND SOZIOLOGIE

- Zelenin A. A.** Local youth parliament as means of social mobility in modern Russian politics 85
- Zhelto V. V., Zheltov M. V.** Religion and Arab spring 91
- Kislyakov M. M.** To the issue of optimization of interregional political marketing technologies 98
- Sushchenko M. A.** The Chinese diaspora as the subject of modernization in the People's Republic of China 102

PSYCHOLOGY

- Butorin G. G., Scheglova Ir. Iv.** Overcoming of posttraumatic stress disorder symptoms in the police staff using the method of audiovisual stimulation 107

PHILOLOGY

- Altukhova T. V.** Electronic and handwritten genres of natural writing: a comparative aspect (an analysis of graffiti and electronic wall posts) 110
- Brinev K. I.** Methodological problems of linguistic expertise: defining the essence of extremism/ defining the concept of "social group" 117
- Golev N. D.** Non-semantic elements' status and rank in morphoderivational word structure. Paper 1: role of regularity factor 123
- Degtyareva A. R., Osadchiy M. A.** The euphemism as a tactic of legal and ethical risk avoidance in public communications 128
- Denisova E. S., Vasilenko E. A.** Influencing potential of graphic-derivative game methods and techniques (as revealed in the outdoor advertisement in Kemerovo) 133
- Stevanovich S. V., Antonova A. V.** The role of neologisms in modern Croatian language 138

Fomin A. G., Yakimova N. S. Verbal aggression strategies in Russians' and Americans' speech behaviour in conflict situations (the results of a situations response study)	142
--	-----

PHILOSOPHIE

Absalyamov M. B. Archetypical elements of mental culture	147
Zolotukhin V. M., Kozlova M. V., Shchennikov V. P. Socio-philosophical interpretation of quality of life	151
Kazakov E. F. The Principle of historicism in the study of "the soul of culture"	156
Ovcharov A. A. On the social being	160
Petrov I. F. Needs content of the personality: the relationship and mutual dependence	167
Filippov V. L. The issue of differentiation of text and reality in the context of XX century culture	175
Shtumpf S. P. At roots of spiritual outlook. Rational gnoseological reflection of the category of «spirit» in West European philosophical theories	179
Shchennikov V. P., Beloglazova O. N. Axiological aspects of anxiety genesis	182

CHEMISTRY

Dubrovkin I. M., Ananiev V. A. The impact of the spectra distortions on the trueness of the quantitative analysis in multivariate calibration	186
Lyrshchikov S. Yu., Kriger L. D., Miklin M. B., Ananiev V. A. Photochemical conversion of products of nitrate-containing matrices decomposition	191

ECOLOGY. HEALTH

Khoroshilova L. S., Tabakaeva L. M., Skalozubova L. E. On occupational morbidity of Kuzbass population in 2005-2010	194
--	-----

ECONOMICS

Buvaltseva V. I., Korchagina I. V. The protocluster of low-height housing construction in a resource type region	198
Zobova L. L. The objective base of the "space rent" category	202
Lavrov A. M., Unshchikov I. A. Management model of a region's power supply network economy development in market conditions	206
Levanov A. D. Are economic doctrines growing old?	209
Morozova E. A., Chelombitko A. N., Andreeva L. M. The demographic situation and its influence on the region socioeconomic development	213
Surnin V. S. A system of complex actions on structural shifts initiation in the economy of Kemerovo region	220
Shabashev V. A., Shipunova V. V., Sagadaichnaya N. K. Institutional aspect of rules classification in modern budgetary system	223

LAW

Lelyukh V. F., Pozdnyakova A. E. Russian prison interaction with non-governmental social institutions and organizations	229
Nevzorov T. B. Understanding of the importance of the ideological mechanism for environmental law implementation	236

REVIEWS

Nalegach N. V. The "name" traditions in Russian poetry of the XX century (About the book: Petrova, G. V. A. A. Fet and Russian poets of the end of the XIX – the first third of the XX century: monograf / G. V. Petrova. – St. Petersburg: Asterion, 2010. – 196 p.)	240
--	-----

Authors of the Issue	243
Publication format and design in the Bulletin of KemSU	249
Subscribe to Bulletin of KemSU	251

БИОЛОГИЯ

УДК 595.796 – 115.12

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ОКРАСКИ СЕВЕРНОГО ЛЕСНОГО МУРАВЬЯ *FORMICA AQUILONIA* YARROW, 1955 (HYMENOPTERA, FORMICIDAE) НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ВОЗМОЖНОЙ ИСТОРИИ ЕГО ПОСЛЕЛЕДНИКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ**А. В. Гилев, С. В. Блинова, С. В. Чеснокова****COLOUR VARIABILITY OF THE NORTHERN WOOD ANT *FORMICA AQUILONIA* YARROW, 1955 (HYMENOPTERA, FORMICIDAE) IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN LIGHT OF POSSIBLE RESETTLEMENT IN THE POSTGLACIAL HISTORY****A. V. Gilev, S. V. Blinova, S. V. Chesnokova**

Представлены результаты изучения изменчивости северного лесного муравья *F. aquilonia* на юге Западной Сибири. Обнаружена четко выраженная фенотипическая дифференциация популяций муравьев. В направлении от некоего центра, располагающегося в области Горной Шории и южной части Кузнецкого Алатау, наблюдается закономерное потемнение окраски, увеличение доли темных вариантов. Наличие такого четко выраженного центра расхождения векторов изменчивости можно интерпретировать как обнаружение нами центра расселения муравьев в послеледниковую эпоху, то есть области одного из локальных рефугиумов в горах юга Западной Сибири.

The results of studying of the phenotype variability of northern wood ant *F. aquilonia* in the south of Western Siberia are presented marked. Differentiation of populations of ants has been revealed. In a the direction from certain center in the region of Gornaya Shoriya and the southern part of Kuznetskiy Alatau, natural dimness of coloring, increase in a share of dark variants is observed. Presence of such a definite center of variability vectors divergence of can be interpreted as detection of the center of ants' moving in the postglacial epoch, that is, areas of one of local refuge in the mountains of the south of Western Siberia.

Ключевые слова: северный лесной муравей *Formica aquilonia*, фенотипическая изменчивость, Западная Сибирь.

Keywords: northern wood ant *Formica aquilonia*, variability of phenotype, Western Siberia.

Северный лесной муравей *Formica aquilonia* Yarr. – широко распространенный вид рыжих лесных муравьев, населяющих всю таежную область Евразии [14]. Как и все рыжие лесные муравьи, этот вид демонстрирует высокую изменчивость морфологических признаков. Однако до сих пор изменчивость этого вида в широких масштабах не изучалась. Вместе с тем изучение современной картины внутривидовой и географической изменчивости различных, в том числе окрасочных, признаков широкоареальных видов позволяет детально изучить структуру ареала, оценить внутривидовое биоразнообразие, дает возможность делать выводы об эволюционной истории вида [4 – 5, 8, 10, 18 и др.]. Неоднократно было показано, что картина изменчивости отражает направления вероятных путей миграций и расселения видов в недавнем историческом прошлом [9 – 11, 16, 18, 21 и др.].

Классическая работа Н. И. Вавилова [7], обнаружившего центры происхождения культурных растений, также выполнена на основе изучения изменчивости морфологических признаков. Впоследствии такие центры происхождения и многообразия обнаружены для разных видов растений и животных [17, 22 и др.].

Данная работа посвящена анализу изменчивости окраски рабочих особей северного лесного муравья на территории юга Западной Сибири. В нашей предыдущей работе [6] показано наличие на территории

Кузнецко-Салаирской горной области трех крупных фенотипически различающихся групп популяций. В настоящей работе мы будем рассматривать изменчивость северного лесного муравья на более обширной территории. В последнее время картину внутривидовой дифференциации, выявляемой разными методами, обычно интерпретируют в свете послеледниковой истории расселения вида [1 – 2, 10, 20, 23 – 24]. Мы также сделали попытку связать выявляемую нами картину изменчивости окраски рыжих лесных муравьев с вероятной историей их послеледникового расселения в данном регионе.

Материалы и методы

Материал для работы был собран на территории юга Западной Сибири в 1993 – 2008 гг. Учеты гнезд *Formica* проводились на маршрутах длиной 1 – 3 км. На каждом маршруте учитывались все встреченные гнезда муравьев. С каждого обнаруженного муравейника, с купола, были взяты пробы по 20 – 50 рабочих особей для определения видовой принадлежности и изучения изменчивости. Описание каждого гнезда проводили с учетом рекомендаций по стандартизации методик изучения экологии муравьев [3].

Описание изменчивости окраски муравьев проводили по предложенной ранее схеме [12]. У всех собранных муравьев изучалась окраска головы и груди (рис. 1), однако наиболее интересные и со-

держательно интерпретируемые результаты были получены только по окраске переднегруди. В качестве размерной характеристики был взят один из наиболее часто используемых в мирмекологии показателей – длина груди.

Поскольку известно, что окраска рабочих муравьев зависит от их размеров (крупные муравьи в среднем окрашены светлее, чем мелкие), проводилась процедура выравнивания, таким образом, чтобы в сравниваемых выборках рабочие разных размерных классов были представлены по возможности с одинаковой частотой [12]. Все измерения проведены при помощи бинокляра МБС-9.

Степень фенотипического сходства выборок по частотам вариантов окраски оценивалась при помощи расстояния Кавалли-Сфорца [15, 19]. Этот показатель традиционно используется в популяционно-морфологических исследованиях. Матрицы расстояний по отдельным признакам затем обрабатывались при помощи методов многомерного шкалирования для визуализации различий между выборками. Все расчеты выполнены в программах Microsoft Excel 2003 и Statistica v. 6.0 (StatSoft, Ink., 1984 – 2001).

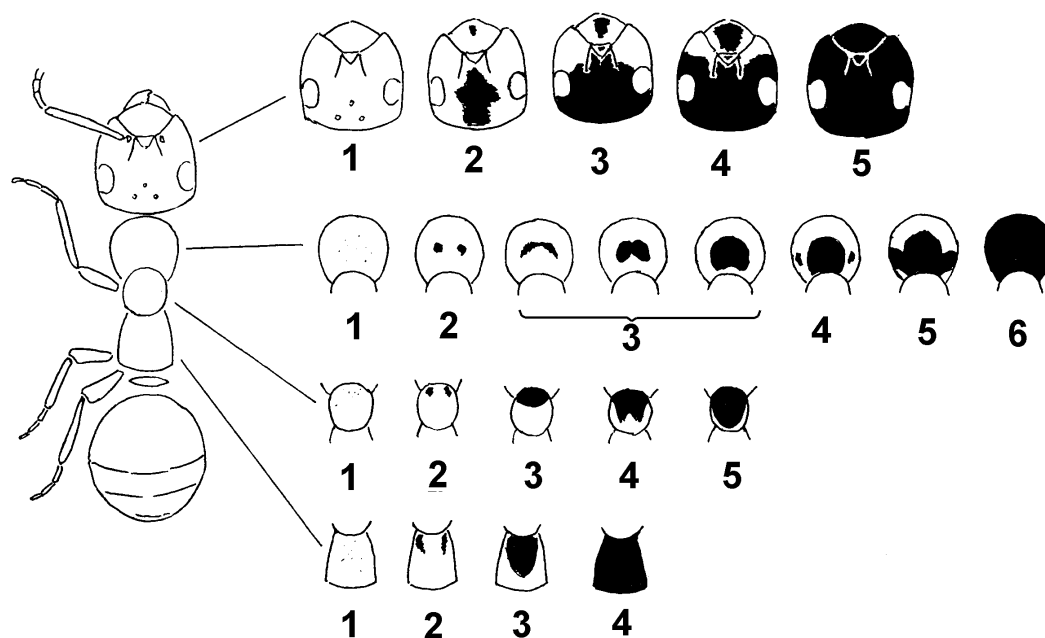

Рис. 1. Варианты окраски головы и груди у рыжих лесных муравьев [12]

Таблица

Частоты встречаемости окраски переднегруди рабочих особей *F. aquilonia* в изученных географических пунктах

Пункт	Число экз.	Варианты окраски переднегруди					
		1	2	3	4	5	6
Усть-Кокса, республика Алтай	350	0,003	0,009	0,389	0,337	0,243	0,020
Онгудай, республика Алтай	35		0,057	0,429	0,371	0,086	0,057
Курайский хр., республика Алтай	41			0,220	0,488	0,293	
Новосибирск	192			0,078	0,339	0,495	0,089
Низовка, Кемеровская область	91		0,022	0,451	0,231	0,220	0,077
Подъяково, Кемеровская область	474	0,008	0,032	0,473	0,371	0,095	0,021
Прокопьевск, Кемеровская область	123	0,008	0,008	0,488	0,309	0,163	0,024
Кемерово	173	0,006	0,029	0,699	0,266		
Горная Шория	65	0,015	0,015	0,708	0,169	0,062	0,031
Кузнецкий Алатау, юг	47	0,043	0,043	0,532	0,191	0,149	0,043
Кузнецкий Алатау, север	50			0,380	0,260	0,300	0,060
Мариинск, Кемеровская область	82		0,012	0,451	0,317	0,207	0,012
М. Кеть, Красноярский край	287	0,017	0,073	0,547	0,314	0,045	0,003
Хову-Аксы, республика Тува	36		0,167	0,361	0,361	0,111	

Результаты и обсуждение

Частоты встречаемости вариантов окраски переднегруди рабочих северного лесного муравья в изученных выборках приведены в таблице. Видно, что у этого вида наблюдается существенная фенотипическая дифференциация. В частности, следует отметить, что в разных выборках доминируют разные варианты. Это вполне согласуется с результатами, полученными ранее для уральских выборок [13].

Анализ рассчитанных по этим частотам фенотипических дистанций между выборками северного лесного муравья методами многомерного шкалирования выявил очень интересную картину (рис. 2). На

рисунке 2 видно, что все выборки группируются в три большие группы. Первую группу, своеобразный центр, образуют две географически близких выборки муравьев из Горной Шории и южной части Кузнецкого Алатау. Остальные выборки располагаются вдоль двух дуг вокруг этого центра. При этом большинство выборок расположено вдоль ближней, малой дуги, и всего три выборки – вдоль дальней, большой дуги. Интересно отметить, что эти выборки и географически оказываются самыми удаленными от нашего центра. Таким образом, мы наблюдаем хорошее соответствие между географическим расположением и фенотипическими дистанциями.

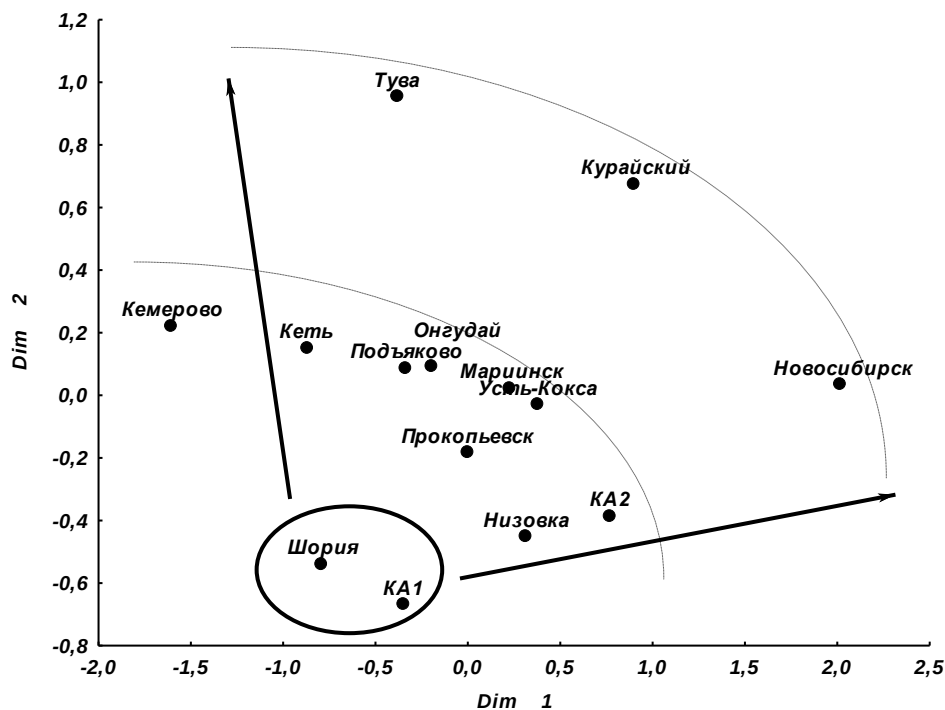

Рис. 2. Фенотипические различия по признакам окраски переднегруди выборок *F. aquilonia* с юга Западной Сибири. Обозначения: КА1 – Кузнецкий Алатау, южная часть; КА2 – Кузнецкий Алатау, северная часть

В целом же вся картина напоминает расходящиеся по поверхности воды волны от падения камня.

Если эти выборки отобразить на карте (рис. 3), обозначив условными знаками преобладающие в них варианты окраски, то аналогия с волнами становится еще более полной и наглядной. При удалении в любую сторону от области, охватывающей Горную Шорию и юг Кузнецкого Алатау, мы наблюдаем увеличение в выборках муравьев доли темных вариантов. Причем следует отметить, что это увеличение наблюдается и в направлении на север, в равнинные части Западной Сибири, и в направлении на юг и восток, в горы. Сама область преобладания более светлых вариантов также расположена в горной области. Это позволяет нам исключить влияние каких-то локальных климатических условий на наблюдаемую картину изменчивости. Наличие такого

четко выраженного центра расхождения векторов изменчивости, на наш взгляд, достаточно уверенно можно интерпретировать как наличие в данной области центра расселения муравьев в послеледниковую эпоху. Хорошо известно, что один из рефугиумов ледникового был в предгорьях Алтая и других горных систем Южной Сибири. Вероятнее всего, в условиях горных ландшафтов с высокой неоднородностью среды, этот рефугиум не был сплошным, а представлял собой достаточно пеструю мозаику различных участков. Возможно, нам удалось локализовать один из них.

На то, что этот участок и эта область расселения были достаточно локальны, указывают окружающие выборки, в частности, из Красноярского края (выборка М. Кеть), не вписывающиеся в эту картину изменчивости (рис. 3). Очевидно, эти территории заселялись муравьями из каких-то соседних участ-

ков. На нашем материале пока не представляется возможным очертить области, связанные с разными рефугиумами, однако изучение изменчивости окраски муравьев в этих целях представляется весьма перспективным.

В заключение отметим, что картина изменчивости *F. aquilonia* оказывается содержательно интерпретируема и связана с существенными моментами в истории вида. Выявляются определенные тренды изменчивости, которые с большой долей вероятности можно связать с рефугиумами и путями расселения вида в послеледниковую эпоху. Это хорошо

согласуется с теоретическими представлениями и фактическими результатами многих других исследований данной проблемы [9 – 10, 16, 21 и др.], показавшими четкое совпадение направленных трендов изменчивости и наиболее вероятных путей миграций и расселения вида. Полученные нами результаты открывают широкие перспективы и дают нам хороший метод для исследования эволюционной истории отдельных видов и для палеобиогеографических реконструкций.

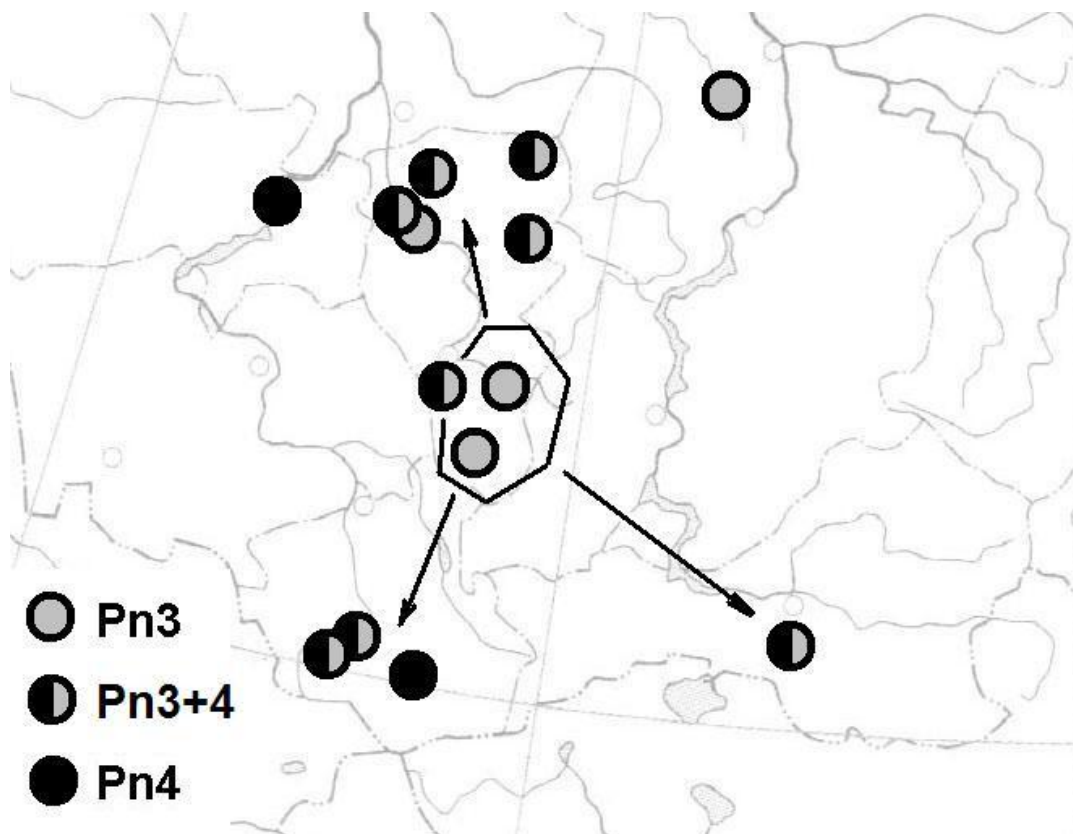

Рис. 3. Изменчивость окраски переднегруди северного лесного муравья *F. aquilonia* и вероятные пути его послеледникового расселения на юге Западной Сибири. Условными знаками отображены преобладающие в выборках варианты окраски

Благодарности

Авторы выражают свою искреннюю признательность д-ру биол. наук. В. К. Рябицеву, д-ру биол. наук Ю. Е. Михайлову, канд. биол. наук В. Н. Олышвангу, любезно предоставившим сборы муравьев для анализа.

Литература

1. Абрамсон, Н. И. Филогеография: итоги, проблемы, перспективы / Н. И. Абрамсон // Вестник ВоГИС. – 2007. – Т. 11. – № 2.
2. Абрамсон, Н. И. Молекулярные маркеры, филогеография и поиск критерия разграничения видов / Н. И. Абрамсон // Труды ЗИН, приложение № 1. – 2009.
3. Арнольди, К. В. Изучение экологии муравьев / К. В. Арнольди, В. И. Гримальский, А. В. Демченко // Муравьи и защита леса. – Тарту, 1979.
4. Блехман, А. В. Изменчивость рисунка пронотума у божьей коровки *Harmonia axyridis* Pallas (Coleoptera, Coccinellidae) / А. В. Блехман // Экологическая генетика. – 2007. – Т. 5. – № 2.
5. Блехман, А. В. Внутрипопуляционная и географическая изменчивость широкоареального вида *Harmonia axyridis* Pall. по комплексу полиморфных признаков / А. В. Блехман: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2009. – 24 с.
6. Блинова, С. В. Изменчивость окраски северного лесного муравья *Formica aquilonia* Yarr. (Hymenoptera, Formicidae) на Урале и Кузнецко-Салаирской горной области / С. В. Блинова, А. В. Гилев // Биоразнообразие, проблемы экологии

горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2008. – Ч. 1.

7. Вавилов, Н. И. Центры происхождения культурных растений / Н. И. Вавилов. – Л., 1926. – 248 с.

8. Валецкий, А. В. Анализ структуры ареала вида популяционно-морфологическими методами (на прим. прыткой ящерицы – *Lacerta agilis* L.) / А. В. Валецкий: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Свердловск, 1987. – 23 с.

9. Васильев, А. Г. Эпигенетические основы фенетики: на пути к популяционной мерономии / А. Г. Васильев. – Екатеринбург: Академкнига, 2005. – 640 с.

10. Видякин, А. И. Популяционная структура сосны обыкновенной на востоке Европейской части России / А. И. Видякин: автореф. дис. ... докт. биол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 48 с.

11. Генетика кошки / отв. ред. П. М. Бородин, А. О. Рувинский. – Новосибирск: Наука, 1993. – 212 с.

12. Гилев, А. В. Дискретные вариации окраски и некоторые закономерности изменчивости пигментации рабочих особей рыжих лесных муравьев подрода *Formica* (Hymenoptera, Formicidae) / А. В. Гилев // Зоол. журн. – 2002. – Т. 81. – № 3.

13. Гилев, А. В. Популяционная структура северного лесного муравья *Formica aquilonia* (Hymenoptera, Formicidae) на Среднем Урале / А. В. Гилев // Успехи соврем. биол. – 2003. – Т. 123. – № 3.

14. Длусский, Г. М. Муравьи рода *Formica* / Г. М. Длусский. – М.: Наука, 1967. – 236 с.

15. Животовский, Л. А. Популяционная биометрия / Л. А. Животовский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

16. Залозная, Л. М. Морфологическая изменчивость клеща *Varroa jacobsoni* Oud., 1904 в связи с расширением его ареала и распространением на территории СССР / Л. М. Залозная: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Киев: Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена АН УССР, 1988. – 26 с.

17. Майр, Э. Зоологический вид и эволюция / Э. Майр. – М.: Мир, 1968. – 597 с.

18. Монахов, В. Г. Динамика размерной и фенетической структуры соболя в ареале / В. Г. Монахов. – Екатеринбург: НИСО УРО РАН: Банк культурной информации, 2006. – 202 с.

19. Реализация морфологического разнообразия в природных популяциях млекопитающих / А. Г. Васильев, В. И. Фалеев, Ю. К. Галактионов и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 232 с.

20. Семериков, В. Л. Популяционная структура и молекулярная систематика видов *Larix* Mill / В. Л. Семериков: автореф. дис. ... докт. биол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 42 с.

21. Чернов, Ю. И. Природная зональность и животный мир суши / Ю. И. Чернов. – М.: Мысль, 1975. – 222 с.

22. Dobrzhansky, T. Genetics and the origin of species / T. Dobrzhansky. – N. Y.: Columbia Univ. press, 1951. – 446 p.

23. Goropashnaya, A. V. Phylogeographic structure and genetic variation in *Formica* ants / A. V. Goropashnaya // Acta Universitatis Uppsaliensis. – Uppsala, 2003. – 36 p.

24. Goropashnaya, A. V. Limited phylogeographical structure across Eurasia in two red wood ant species *Formica pratensis* and *F. lugubris* (Hymenoptera, Formicidae) / A. V. Goropashnaya, V. M. Fedorov, B. Seifert, P. Pamilo // Molecular Ecology. – 2004. – V. 13.

УДК 595. 799

СОСТАВ И СТРУКТУРА ФАУНЫ МЕГАХИЛИД (HYMENOPTERA, APOIDEA, MEGACHILIDAE) КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

С. Н. Яковлева

SPECIES COMPOSITION AND STRUCTURE OF MEGACHILID BEES (HYMENOPTERA, APOIDEA, MEGACHILIDAE) FAUNA FROM KUZNETSK HOLLOW

S. N. Yakovleva

Исследована фауна пчёл семейства Megachilidae Кузнецкой котловины. Установлено обитание 45 видов 13 родов 4 триб 1 подсемейства. Наибольшим числом родов представлена триба Anthidiini (6 родов). Наиболее богата видами триба Megachilini (22 вида). Род *Megachile* выделяется по числу видов (13 видов). По численному обилию преобладает *Megachile ligniseca* (12,3 % от общих сборов). Наиболее редкими (единичные сборы) на территории Кузнецкой котловины являются виды *Hoplosmia spinulosa*, *Anthidium florentinum*, *Stelis ornatula*, *Coelioxys afra*, *C. conoidea*, *C. elongata*, *C. quadridentata* и *Megachile argentata*. 9 видов отмечены впервые для Кузнецко-Салаирской горной области, 2 вида – для Западной Сибири.

The fauna of Megachilidae bees of Kuznetsk hollow is investigated. 45 species of bees in 13 genera of 4 tribes of 1 subfamily are recorded. Tribe Anthidiini is presented by the greatest number of genera (6). Tribe Megachilini is presented by the greatest number of species (22). Genus *Megachile* prevails by the number of species (13). *Megachile ligniseca* prevail by the numerical abundance (12,3 % of total). Species *Hoplosmia spinulosa*, *Anthidium florentinum*, *Stelis ornatula*, *Coelioxys afra*, *C. conoidea*, *C. elongata*, *C. quadridentata* and *Megachile argentata* are

the most rare in Kuznetsk hollow. 9 species have been recorded for the first time from Kuznetsk-Salair mountain region, 2 species have been recorded for the first time from West Siberia.

Ключевые слова: пчёлы, мегахилиды, Megachilidae, фауна, Кузнецкая котловина.

Keywords: bees, Megachilid-bees, Megachilidae, fauna, Kuznetsk Hollow.

Семейство Megachilidae является одной из наиболее высокоорганизованных и относительно молодых групп пчёл [7, с. 443 – 451]. В мировой фауне насчитывают более 3 тыс. видов мегахилид, относящихся к 74 родам двух подсемейств. Данная группа распространена во всех зоогеографических областях [11] и хорошо изучена на территории Палеарктики [6, 13 – 20]. Однако в отдельных районах фауна пчёл семейства Megachilidae остаётся исследованной очень слабо. В частности, в Кузнецко-Салаирской горной области видовой состав мегахилид изучен фрагментарно, исследования касались в основном Горной Шории [3, 4, 9]. Целью данной работы является изучение состава и структуры фауны пчёл сем. Megachilidae одной из орографических провинций Кузнецко-Салаирской горной области – Кузнецкой котловины.

Кузнецкая котловина – межгорная впадина, расположенная в центральной и северо-западной части, между хребтами Кузнецкого Алатау на северо-востоке, Салаирским кряжем – на юго-западе, Горной Шорией – на юге, на севере сливается с Западно-Сибирской равниной [1, с. 40 – 71]. Её поверхность представляет собой всхолмленную равнину, расчленённую сетью речных долин. Для пониженных участков Кузнецкой котловины типичны берёзовая лесостепь, разнотравно-дерновинно-злаковые степи и суходольные луга разной степени остепнения [2]. Данные биотопы являются благоприятными для обитания пчёл [8] и наиболее представлены на территории Кузнецкой котловины по сравнению с другими орографическими провинциями.

Исследования проводили с 1990 по 2010 г. в период с мая по август в 40 точках: Кемеровский район – г. Кемерово, п. Зеленовский, п. Кедровка, п. Мамаевка, п. Мозжуха, п. Новостройка, п. Пионер, п. Пригородный, п. Шевели, с. Балахонка, д. Барановка, д. Осиновка, д. Мазурово, д. Подъяково, д. Силино, д. Старочервово, д. Сухая Речка; Беловский район – г. Белово, п. Каракан, п. Краснобродский, п. Старобачаты, с. Беково, д. Уроп, Баят-

Баятские сопки; Крапивинский р-н: п. Зеленовский; Ленинск-Кузнецкий район – г. Ленинск-Кузнецкий, п. Мирный, с. Красное, с. Шабаново; Новокузнецкий район – г. Новокузнецк; Прокопьевский район – г. Прокопьевск, г. Киселёвск, с. Лучнево, д. Большая Талда; Промышленновский район – пгт Промышленная, с. Тарасово, д. Журавлево; Топкинский район – г. Топки, д. Малый Корчуган, д. Цыпино.

Отлов пчёл осуществляли по стандартным методикам при помощи сачка с цветущих растений [10]. В работе использованы собственные сборы автора, а также материалы коллекций кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета. Всего обработано 326 экземпляров пчёл, произведена статистическая обработка данных [5]. Классификация пчёл даётся в соответствии с работой Ч. Миченера [12].

Проведённые исследования показали, что в Кузнецкой котловине обитают 45 видов мегахилид 13 родов 4 триб 1 подсемейства – Megachilinae (табл.). В более ранних работах для исследуемой территории указаны 28 видов 9 родов [3, с. 222 – 224]. Впервые для Кузнецко-Салаирской горной области отмечены виды *Hoplitis acuticornis*, *Osmia parietina*, *O. pilicornis*, *Anthidiellum strigatum*, *Bathanthidium sibiricum*, *Stelis ornatula*, *Coelioxys afra*, *C. quadridentata*, *Megachile argentata*. Из них *C. afra* и *C. quadridentata* указаны впервые для Западной Сибири.

Наибольшее число родов включают трибы Anthidiini и Osmiini (6 и 4 рода соответственно). Триба Megachilini представлена 2 родами, а триба Lithurgini – единственным родом *Lithurgus*.

Наибольшее число видов отмечено для триб Megachilini (22 вида) и Osmiini (11). По численному обилию особей также наиболее выделяются трибы Megachilini и Osmiini – представители данных триб составляют 47,6 и 31,6 % соответственно от общего числа отловленных пчёл.

Таблица

Таксономический состав пчёл сем. Megachilidae Кузнецкой котловины

Триба	Род	Вид	Число экземпляров	Численное обилие, %
Lithurgini	<i>Lithurgus</i>	<i>L. fuscipennis</i> Lepeletier, 1841	9	2,8
Osmiini	<i>Chelostoma</i>	<i>C. rapunculi</i> (Lepeletier, 1841)	18	5,5
	<i>Hoplosmia</i>	<i>H. spinulosa</i> (Kirby, 1802)	1	0,3
	<i>Hoplitis</i>	<i>H. acuticornis</i> (Dufour & Perris, 1840)	9	2,8
		<i>H. leucomelana</i> (Kirby, 1802)	13	4,0
		<i>H. mitis</i> (Nylander, 1852)	18	5,5
		<i>H. parvula</i> (Dufour & Perris, 1840)	4	1,2
		<i>H. tridentata</i> (Dufour & Perris, 1840)	11	3,4
		<i>H. turcestanica</i> (Dalla Torre, 1896)	2	0,6

Продолжение таблицы

	<i>Osmia</i>	<i>O. bicolor</i> (Schränk, 1781) <i>O. parietina</i> Curtis, 1827 <i>O. pilicornis</i> Smith, 1846	9 2 16	2,8 0,6 4,9
Anthidiini	<i>Anthidiellum</i>	<i>A. strigatum</i> (Panzer, 1805)	4	1,2
	<i>Anthidium</i>	<i>A. florentinum</i> (Fabricius, 1775)	1	0,3
		<i>A. manicatum</i> (Linné, 1758)	6	1,8
		<i>A. septemspinosum</i> Lepeletier, 1841	22	6,8
	<i>Bathanthidium</i>	<i>B. sibiricum</i> (Eversmann, 1852)	4	1,2
	<i>Aglaoapis</i>	<i>A. tridentata</i> (Nylander, 1848)	3	0,9
Megachilini	<i>Coelioxys</i>	<i>S. ornatula</i> (Klug, 1807)	1	0,3
		<i>S. punctulatifissima</i> (Kirby, 1802)	3	0,9
		<i>S. simillima</i> Morawitz, 1876	11	3,4
		<i>T. byssina</i> (Panzer, 1798)	4	1,2
		<i>C. afra</i> Lepeletier, 1841	1	0,3
		<i>C. alata</i> Forster, 1853	2	0,6
		<i>C. conoidea</i> (Illiger, 1806)	1	0,3
		<i>C. elongata</i> Lepeletier, 1841	1	0,3
		<i>C. emarginata</i> Forster, 1853	2	0,6
	<i>Megachile</i>	<i>C. inermis</i> (Kirby, 1802)	11	3,4
		<i>C. mandibularis</i> Nylander, 1848	2	0,6
		<i>C. quadridentata</i> (Linné, 1758)	1	0,3
		<i>C. rufescens</i> Lepeletier & Serville, 1825	8	2,5
		<i>M. alpicola</i> Alfken, 1924	7	2,1
		<i>M. analis</i> Nylander, 1852	15	4,6
		<i>M. argentata</i> (Fabricius, 1793)	1	0,3
		<i>M. bombycina</i> Radoszkowski, 1874	9	2,8
		<i>M. circumcincta</i> (Kirby, 1802)	2	0,6
		<i>M. genalis</i> Morawitz, 1880	8	2,5
Всего	13	<i>M. lagopoda</i> (Linné, 1761)	7	2,1
		<i>M. lapponica</i> Thomson, 1872	8	2,5
		<i>M. ligniseca</i> (Kirby, 1802)	40	12,3
		<i>M. maacki</i> Radoszkowski, 1874	3	0,9
		<i>M. rotundata</i> (Fabricius, 1787)	5	1,5
		<i>M. versicolor</i> Smith, 1844	8	2,5
		<i>M. willoughbiella</i> (Kirby, 1802)	13	4,0
			326	100

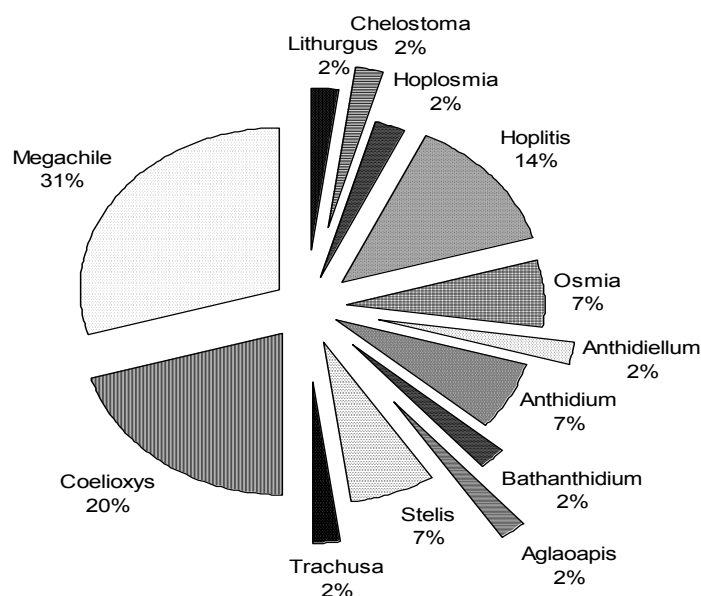

Рис. 1. Соотношение родов сем. Megachilidae по видовому богатству в Кузнецкой котловине

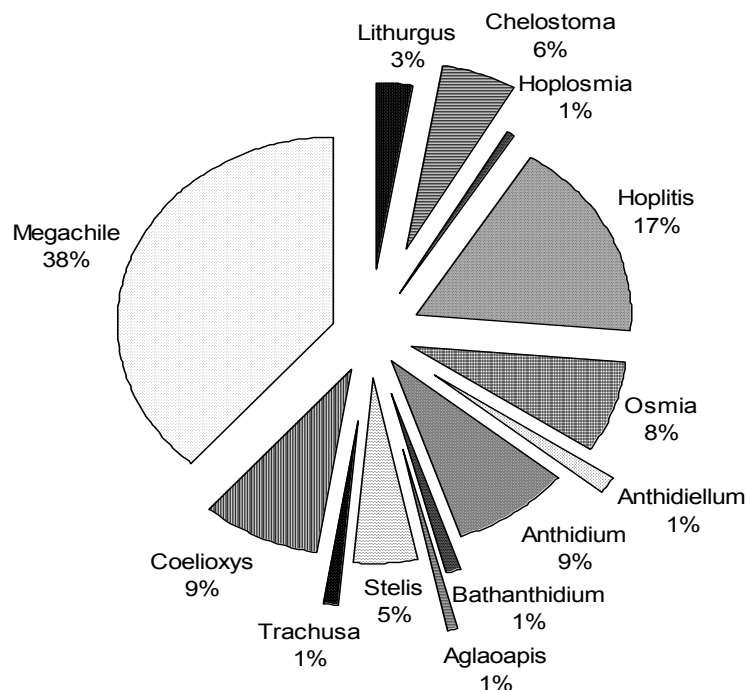

Рис. 2. Соотношение родов сем. Megachilidae по численному обилию в Кузнецкой котловине

Рода *Megachile* и *Coelioxys* включают наибольшее число видов (13 и 9 соответственно). К этим родам принадлежит 49 % видов, отловленных на исследуемой территории. Род *Hoplitis* представлен 6 видами; в остальных родах число видов не превышает трёх. Рода *Lithurgus*, *Chelostoma*, *Hoplosmia*, *Anthidiellum*, *Bathanthidium*, *Aglaopis* и *Trachusa* на территории Кузнецкой котловины представлены только одним видом (рис. 1).

Наибольшее численное обилие отмечено для представителей родов *Megachile* и *Hoplitis* (38,7 и 17,5 % от общих сборов соответственно). Наименее представлены в сборах роды *Hoplosmia*, *Anthidiellum*, *Bathanthidium*, *Aglaopis* (рис. 2).

Из рода *Megachile* по численному обилию резко выделяется *M. ligniseca* (31,7 % от числа особей данного рода и 12,3 % от общих сборов мегахилид) и *M. analis* (12 и 4,6 соответственно), из рода *Hoplitis* – *H. mitis* (31,6 и 5,5), из рода *Anthidium* – *A. septemspinosum* (76 и 6,8), из рода *Coelioxys* – *C. inermis* (38 и 3,4).

Небольшое численное обилие отмечено для представителей родов *Anthidiellum*, *Trachusa* (по 1,2 % от общих сборов пчёл), *Lithurgus* (2,8), *Stelis* (4,6), *Chelostoma* (5,5) и *Osmia* (8,3).

Редки в сборах на исследуемой территории следующие виды: *Hoplosmia spinulosa*, *Anthidium florentinum*, *Stelis ornatula*, *Coelioxys afra*, *C. conoidea*, *C. elongata*, *C. quadridentata* и *Megachile argentata* – по 0,3 % (1 экземпляр) от общих сборов мегахилид в Кузнецкой котловине.

Полученные данные являются предварительными, исследования видового состава мегахилид Кемеровской области требуют продолжения.

Литература

1. Вдовин, В. В. Кузнецко-Салаирская провинция / В. В. Вдовин // Рельеф Алтае-Саянской горной области. – Новосибирск: Наука, 1988.
2. Гвоздецкий, Н. А. Физическая география СССР. Азиатская часть / Н. А. Гвоздецкий, Н. И. Михайлов. – М.: Мысль, 1978. – 512 с.
3. Еремеева, Н. И. Материалы по фауне и экологии мегахилид (Hymenoptera, Megachilidae) Кузнецко-Салаирской горной области / Н. И. Еремеева, Д. А. Сидоров // Энтомологические исследования в Северной Азии: материалы VII Межрегион. совещ. энтомологов Сибири и Дальнего Востока, 20 – 24 сент., 2006 г. – Новосибирск: Талер-Пресс, 2006.
4. Еремеева, Н. И. Пчёлы (Hymenoptera, Apoidea) как компонент лесных экосистем Горной Шории / Н. И. Еремеева, С. Л. Лузянин, Д. А. Сидоров // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. – 2009. – Вып. 187.
5. Лакин, Г. Ф. Биометрия / Г. Ф. Лакин. – М.: Высшая школа, 1990. – 352 с.
6. Попов, В. В. Палеарктические формы трибы Stelidini Roberts. (Hymenoptera, Megachilidae) / В. В. Попов // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1932. – Т. 1.
7. Попов, В. В. О географическом распространении и эволюции пчелиных подрода *Erythrosmia* Schmied. (Hymenoptera, Megachilidae) / В. В. Попов // Зоол. журн. – 1954. – Т. 33. – Вып. 2.
8. Радченко, В. Г. Биология пчёл (Hymenoptera, Apoidea) / В. Г. Радченко, Ю. А. Песенко. – СПб.: ЗИН РАН СССР, 1994. – 350 с.
9. Сидоров, Д. А. Материалы по фауне рода *Megachile* Latr. (Hymenoptera, Megachilidae) Кузнецко-Салаирской горной области и сопредельных тер-

риторий / Д. А. Сидоров // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию победы в Великой Отечественной войне. – Кемерово: Полиграф, 2005. – Вып. 6. – Т. 3.

10. Фасулати, К. К. Полевое изучение наземных беспозвоночных / К. К. Фасулати. – М.: Высш. шк., 1971. – 424 с.

11. Michener, C. D. The bees of the world / C. D. Michener. – Baltimore; London: J. Hopkins Univ. Press. – 2000. – 913 p.

12. Michener, C. D. The bees of the world. 2nd edition / C. D. Michener. – Baltimore; London: J. Hopkins Univ. Press. – 2007. – 953 p.

13. Tkalců, B. Bemerkungen zur Taxonomie einiger Palaarktischer Arten der Familie Megachilidae (Hymenoptera, Apoidea) / B. Tkalců // Acta ent. bohemoslov. – 1967. – N 64.

14. Tkalců, B. New Species of Palearctic Osmiini (Hymenoptera, Apoidea, Megachilidae) / B. Tkalců // Acta Soc. Zool. Bohemoslov. – 1992. – N 56.

15. Ungricht, S. A taxonomic catalogue of the Palearctic bees of the tribe Osmiini (Hymenoptera: Apoidea: Megachilidae) / S. Ungricht, A. Müller, S. Dorn // Zootaxa. – 2008. – Vol. 1865.

16. Warncke, K. Die Bienengattung *Osmia* Panzer 1806, ihre Systematik in der Westpaläarktis und ihre Verbreitung in der Türkei. 1. Untergattung *Helicosmia* Thomson, 1872 (Hymenoptera, Apidae) / K. Warncke // Entomofauna. – 1988. – Bd. 9. – № 1/1.

17. Warncke, K. Die Westpaläarktischen Arten der Bienengattung *Coelioxys* Latr. (Hymenoptera, Apidae, Megachilinae) / K. Warncke // Bericht der Naturf. Gesellsch. Augsburg. – 1992 a. – № 53.

18. Warncke, K. Die Westpaläarktischen Arten der Bienengattung *Stelis* Panzer 1806 (Hymenoptera, Apidae, Megachilinae) / K. Warncke // Entomofauna. – 1992 b. – Bd. 13, H. 22.

19. Zanden, G. Neue Arten der palaarktischen Osmiini und einige eine Fälle von Synonymie (Hymenoptera, Aculeata, Apoidea, Megachilidae) / G. Zanden // Linzer. biol. Beitr. – 1991. – Bd. 23. – № 1.

20. Zanden, G. Van der. Neue Oder unvollständig bekannte Arten palaarktischer Bauchsammler (Hymenoptera, Aculeata, Apoidea, Megachilidae) / G. Zanden // Linzer. biol. Beitr. – 1992. – Bd. 24. – № 1.

ИСТОРИЯ

УДК 091(571.17)

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МУЗЕЙНОЙ ОТРАСЛИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.

С. В. Зяблицева

FORMATION AND EVOLUTION OF MUSEUM WORK IN WESTERN SIBERIA IN THE END OF THE XIX – FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES

S. V. Zyablitseva

Статья посвящена истории музейного дела в Западной Сибири на этапе его становления в конце XIX в. и последующего развития в первые десятилетия советской власти. Анализируются материальные, финансовые и кадровые ресурсы отрасли, основные формы работы музеев. Особое внимание автор уделяет обстоятельствам перехода советских музеев от общепринятой двудеиной функции – научно-исследовательской и культурно-просветительной – к агитационно-пропагандистской, что в конечном счете уподобило их учреждениям клубного типа.

The article is devoted to the history of museum work in Western Siberia at a stage of its formation in the end of the XIX century and its development in the first decades of the Soviet power. Material, financial and staff resources of branch, the basic forms of work of museums are analyzed. The author gives special attention to circumstances of transition of the Soviet museums from the standard two-uniform function – research and cultural and educational – to agitation and propaganda that which, finally, assimilated them to establishments of club type of that time.

Ключевые слова: музей, краеведческий музей, краеведение, музейное дело, Западная Сибирь.

Keywords: museum, museum of local lore, study of local lore, museum work, Western Siberia.

Историографическая ситуация, применительно к рассматриваемой в статье теме, характеризуется преобладанием работ, в своем абсолютном большинстве посвященных наиболее известным музеям региона. Не исключением в данном случае является и последняя по времени выхода в свет монография,

практически полностью основанная на ранее опубликованных материалах того же плана [30]. Оставшуюся небольшую нишу заполняют преимущественно труды ученых, придерживающихся историко-культурологического подхода. В подобных обстоятельствах за пределами исследований остаются мно-

гие аспекты концептуального порядка, характеризующие региональную музейную систему в целом, в том числе касающиеся практики советского государства по реформированию отрасли в качестве одного из «приводных ремней» от партии к массам. Исходя из сказанного, автор ставит своей целью восполнить образовавшийся историографический пробел, что, возможно, позволит расширить существующие представления не только о музейном, но и всем социокультурном пространстве Западной Сибири в пределах последних дореволюционных и первых постреволюционных десятилетий ее истории.

Известно, что первый музей в западно-сибирском регионе – «Горный музей» Управления Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов, содержавший не только модели машин и инженерных сооружений, но и минералогическую коллекцию, ботанические, энтомологические и другие собрания, был открыт в 1823 г. [8, с. 391]. Однако в особую социокультурную систему музейная сеть региона стала складываться лишь в конце XIX – начале XX вв., характеризовавшихся процессом активного торгово-промышленного освоения Сибири и актуализировавшейся в связи с этим необходимостью комплексного изучения края, его истории, экономики, природных ресурсов, вызвавшей «бум» краеведческого движения и музейного дела, как его естественной составляющей. При этом в сибирском обществе музей изначально позиционировался как «... учреждение, носящее двойственный характер: с одной стороны, он должен исследовать и изучать, с другой – популяризовать знания и учить, следовательно, это учреждение и ученое, и учебное. В этой двойственности музея его сила и значение». (Из Устава Тобольского губернского музея. 1915 г.) [5].

Учреждавшиеся поначалу для сбора, хранения и изучения краеведческого материала, музеи в условиях Западной Сибири постепенно превращались «в доступное средство и место общения всех и каждого с миром культуры...» и, будучи ядром культурного пространства территорий, «органично вписывались в структуры других городских культурных и образовательных мест» [20, с. 40]. Чему, добавим, способствовало и такое, характерное для этого периода обстоятельство, как появление, наряду с краеведческими, долгое время именовавшихся «музеями местного края», «местными музеями», музеев другого типа – школьных, научно-образовательных, родиноведения, прикладных знаний и наглядных пособий, музеев по отраслям муниципальной деятельности и т. д. Тогда же, по наблюдениям известного сибирского музееведа Н. А. Томилова, «были выявлены структуры музееведения, разработаны теоретические понятия и методика музейного дела, проанализированы отдельные виды музейных источников» [27, с. 10].

В силу их разнообразного предназначения музеи Западной Сибири формировались в качестве структурных элементов общественных либо учебных учреждений: регионального отдела Русского географического общества в Омске, научного

любительского общества исследователей края – в Барнауле, Томского университета, органов народного образования и просвещения [17]. Роль государства при этом чаще всего ограничивалась моральной поддержкой, регистрацией музеев, утверждением их уставов, выделением единовременных пособий, содействием в сборе пожертвований на постройку музейных зданий и организацию научных экспедиций. Не имея ни своего законодательства, ни специального ведомства, музейное дело в дореволюционной России так и не стало «делом государевым». Весьма показателен в этой связи «крик души» одного из авторов «Сибирской газеты», который, оценивая бедственное положение омского краеведческого музея и не надеясь на помощь властей, взывал к читателям: «Может быть, найдутся люди, которые пожелают поработать в пользу науки и помогут привести музей в такое состояние, что он достойно будет представлять сибирскую природу и сибирскую историю» [31, с. 28].

Образовавшийся в музейной сфере страны организационно-законодательный вакуум со свойственной ей стремлением к централизации весьма оперативно ликвидировала советская власть, оказавшая активную поддержку как почти беспроblemно «перешагнувшему рубеж 1917 г.» краеведческому движению, так и находящемуся с ним в единой «связке» музейному делу [18, с. 301].

Уже в 1918 г. при Наркомпросе, наряду с другими «культурными» структурами, был учрежден музейный отдел во главе с женой Л. Д. Троцкого Н. И. Троцкой (в чем, как представляется, косвенно отражалось то значение, которое придавала музеям новая власть). Для создания единой системы руководства музейным строительством 7 декабря 1918 г. Наркомпрос вынес постановление об образовании подразделов по делам музеев и охране памятников «искусства и старины» при отделах Наробраза губсовдепов, в сферу деятельности которых входило «заведование музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев в губернии, создание губернских музейных фондов для целесообразного распределения по плану, составленному Отделом при Наркомпросе» [3, с. 59]. Тем самым, в России впервые была создана единая государственная система управления музейной сферой, о чем задолго до революции ратовала краеведческая общественность. Одновременно, и также впервые, было разработано законодательство, регулировавшее отношения в области музейного дела, охраны памятников истории и культуры, гарантировавшее сохранность последних и их положение в качестве объектов народного достояния. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах значительная часть музейных работников России пошла на сотрудничество с советским государством, что позволило решить «проблему сохранения культурного наследия страны, и прежде всего музейных ценностей, совместными усилиями новой политической власти и «старой» интеллигенции» [15, с. 129]. (Естественным образом вписывается в эту общую картину поведение сотрудников Омского краеведческого музея, не

давших вывезти музейные ценности с отходящими войсками Колчака) [29, с. 105].

В Западной Сибири по очевидной причине реализация политики встраивания музеев в централизованную систему началась лишь через год после принятия соответствующих политических решений. Так, при Томском Губнаробразе отдел искусств с музейной подсекцией был организован лишь 17 декабря 1919 г., а отдел по делам музеев – в августе 1920 г. В Новосибирске подобные оргштатные акты были приняты соответственно в декабре 1919 и апреле 1920 гг. [7, с. 41]. После чего стали постепенно расширяться как музейная сеть региона, так и масштабы краеведческой деятельности. Помимо сформировавшихся еще до революции краеведческих обществ Барнаула, Омска и Томска, аналогичные организации появились и в других поселениях региона. К марту 1923 г. в Сибири имелось 28 краеведческих обществ, часть которых была сформирована на базе местных музеев [16, с. 114 – 115]. В 1925 г. в Новониколаевске было организовано Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), задачей которого являлась координация деятельности краеведческих организаций региона с целью всестороннего его изучения и дальнейшего освоения [32]. В проекте первого пятилетнего плана развития Западной Сибири отмечалось, что, «опираясь на ОИС, явится возможность втянуть в общее дело строительства народного хозяйства края все местные краеведческие организации, не разрозненные, как это было до настоящего времени, а организованным порядком» [33].

К моменту организации ОИС региональная музейная сеть уже представляла собой довольно развернутую структуру. Кроме функционировавших еще до революции Омского и Барнаульского краеведческих музеев, в пределах первой половины 1920-х гг. ее дополнили краеведческие музеи Новосибирска, Томска, Бийска, Камня-на-Оби, Улалы (Алтайский край), Прокопьевска, Мариинска и Кинска (Куйбышева) в Новосибирской области [9, с. 581]. Тем не менее по насыщенности «музейными единицами» (так в документах. – З. С.) Западная Сибирь к началу первой пятилетки все еще значительно отставала от других районов страны. Как фиксировалось в одном из правительственных постановлений 1928 г., «в Сибирском крае имеется совершенно недостаточное количество музеев» [13, с. 19]. Исправить ситуацию, если не в количественном, то в организационном и, как предполагалось, качественном плане, намечалось посредством внедрения системы районирования музейной сети Западной Сибири по естественно-географическому и административно-хозяйственному признакам. На основании решения региональной музейной конференции, проходившей в 1928 г. в Новосибирске, в зону Томского музея вошли территории среднего и нижнего течения Оби с частью Алтайских гор; Бийского – система рек Бия и Катунь; Омского – бассейна Иртыша с прилегающей казахской степью. Остальные должны были обслуживать территории, непосредственно к ним примыкавшие [8, с. 392].

Свою окончательную довоенную структуру музейная сеть Западной Сибири обрела в середине 1930 гг. К этому времени здесь имелось 3 мемориальных и 15 краеведческих музеев (краевой – в Новосибирске, базовые – в Омске, Томске, Кузнецке (Сталинске), Барнауле, Бийске, Ойротии и восемь районных (Ленинско-Омский, Барабинский, Парabelьский, Маслянинский, Каменский, Кемеровский, Прокопьевский, Ленинск-Кузнецкий). Имелось и несколько музеев, получивших статус низовых (Тарский, Мариинский, Куйбышевский, Колпашевский и др.) [30]. Как и существовавшие ранее, вновь образованные музеи отличались комплексностью (многофункциональностью) и явственной ориентацией деятельности на идеи родниоведения, что, по мнению авторов соответствующего раздела Исторической энциклопедии Сибири, являлось «определяющей спецификой музейного дела в Сибири» [8, с. 392]. В краеведческих музеях региона в этот период в совокупности насчитывалось до 40 отделов, сформированных по самым различным критериям. В их число, как правило, входили естественно-исторический (геология, палеонтология, ботаника, зоология, энтомология) и культурно-исторический (археология, этнография, нумизматика) отделы [8, с. 392]. В шести музеях имелись антирелигиозные экспозиции, в трех – Омском, Томском и Ойротском – художественные, в начале – середине 1930-х гг. понесшие значительные потери. В Томске и Омске – преимущественно за счет передачи художественных экспонатов в историко-революционные, антирелигиозные, промышленные и другие отделы (только Омский музей подобным образом переадресовал 225 экспонатов), а Ойротский, основу художественной экспозиции которого составляли работы местных авторов, – еще и в связи с изъятием в 1937 – 1938 гг. работ «контрреволюционных националистов» [6, с. 35]. Благодаря, однако, значительным поступлениям из Государственного музейного фонда, Русского и Румянцевского музеев, Музея изящных искусств в Омске на базе художественной галереи краеведческого музея в 1940 г. удалось открыть самостоятельный музей изобразительного искусства [24, с. 115].

Прямым следствием расширения музейной сети региона, вкупе с наблюдавшимся в конце 1920-х – 1930-х гг. ростом населения Западной Сибири и его культурных запросов, явилось заметное усиление влияния музеев в рамках регионального социокультурного пространства: в целом по Западной Сибири число их посетителей уже в 1926 г. в шесть с лишним раз превысило уровень последнего дореволюционного года – 190 и 30 тыс. соответственно [8, с. 393]. Дальнейший рост посещаемости в довоенный период можно проследить на примере Новосибирского (краевого), Сталинского (базового) и Кемеровского (районного) краеведческих музеев. Если в первом из них этот показатель по результатам 1926 г. составлял 11,5 тыс. человек [34], то в 1933 г. такое же количество посетителей было отмечено уже в первом его полугодии, а в 1939 г. их численность превысила 54 тыс. человек [26, с. 79, 82]. В

2,4 раза (с 6,9 тыс. до 16,5 тыс.) возросло число лиц, индивидуально или в составе групп посетивших Сталинский музей в 1935 и 1940 гг., и в четыре с лишним раза – Кемеровский в пределах 1931 и 1940 гг. (соответственно 5,0 и 16,4 тыс. человек) [35]. Более стабильной была ситуация в старейшем музее Западной Сибири – Алтайском (Барнаульском), где посещаемость в 1926 – 1940 гг. колебалась от 24 до 29,5 тыс. человек в год [1].

Имея практически одинаковые «сферы влияния», музеи, даже входившие в одну и ту же категорию, обладали весьма различными материальными и финансовыми возможностями. В лучшем положении находились Омский и Новосибирский музеи, чьи расходы в этот период, после некоторого пребывания на местном бюджете, на уровне 60 % покрывало государство. Предоставлявшиеся им субсидии составляли соответственно 40 и 30 тыс. руб. в год (то есть почти 40 % всех средств, выделявшихся в совокупности всем краеведческим музеям Западной и Восточной Сибири). Труднее всего приходилось районным и низовым музеям, финансировавшимся на уровне от 2 до 10 тыс. руб. в год [8, с. 392], а потому и в условиях плановой системы субсидирования работавших в режиме постоянного поиска внебюджетных источников пополнения кассы. Ситуацию в этой группе характеризует отчет Кемеровского краеведческого музея за 1940 г. «Привыкли считать, – обращался его директор к местному руководству, – что затраты только на зарплату и хозрасходы. На самом деле основные траты: 1) научные исследования; 2) оборудование; 3) художественное оформление.

На оборудование и художественное оформление выделено 7 тыс., но из этой суммы за аренду надо отдать 5556 руб. Делайте вывод без моих объяснений» [36].

О том, что в подобном положении находились не только сибирские музеи, свидетельствуют выводы комиссии, обследовавшей ситуацию, сложившуюся в музейной сети РСФСР в предвоенные годы. В ее отчете отмечались:

- «ужасающе низкие оклады музейных работников» и вследствие этого уход ценных работников-специалистов;

- «страшное зло совместительства, которое совершенно обесценивает самого выдающегося специалиста и заставляет его заниматься халтурой»;

- «недостаточные кредиты на научно-исследовательскую и популяризационную работу»;

- плохие материальные условия музеев, «теснота и необорудованность помещений» [12, с. 132].

Как видим, основные проблемы отрасли авторы отчета усматривали в материальном и кадровом сегментах музейной сферы. Обращение в связи с этим к фактам, отражающим ситуацию в Западной Сибири, показывает, что, с точки зрения обеспечения помещениями и уровня их комфортности, в достаточно благоприятном положении находились Омский и Томский краеведческие музеи, с начала 1920-х гг. и вплоть до первых дней войны распола-

гавшиеся в первом случае в конфискованных апартаментах генерал-губернатора (согласие на это было дано еще Временным правительством), во втором – архиерея. Также в экспроприированных, но куда менее скромных помещениях, преимущественно представлявших собой бывшие купеческие магазины и дома, как правило, в одну-три комнаты, достаточно долгое время располагались Новосибирский, Ойротский, Каменский, Каинский, Ленинск-Кузнецкий и Кузнецкий музеи. Часть «новых» музеев (Кемеровский, Прокопьевский) квартировали в клубных помещениях [26, с. 76; 6, с. 34; 25, с. 5; 10, с. 13]. Не лучшей традицией при этом было неоднократное перемещение музеев из одного здания в другое, как правило, приводившее к потере части фондов, а также плачевное состояние музейных помещений, поскольку выделявшиеся скудные средства не позволяли производить не только капитальный, но и текущий ремонт. «Музей под угрозой», – взывал в связи с этим к властям посредством газеты «Советская Сибирь» директор Новосибирского краеведческого музея М. А. Кравцов [11]. На бедственное положение Сталинского музея в 1938 г. обращала внимание городская газета «Большевицкая сталь», писавшая о последствиях его перемещения «в заведомо непригодное и тесное помещение средней школы, где ему отвели только одну комнату» [37]. В чем, впрочем, не желая вдаваться в истинные причины проблемы, автор увидел лишь козни «подлых врагов народа, орудовавших в ГорОНО и горсовете и сделавших свое грязное дело». В 1939 г. был «уплотнен» Алтайский краевой музей, в связи с чем его экспозиционная площадь была сокращена на треть [1].

Как отмечалось в уже упоминавшемся отчете Кемеровского музея за 1940 г., «музей находится в самом нетерпимом положении. Помещение не отапливается. Температура доходила до – 5 градусов. Из убежища озерных рыб каждый день выпиливаем двухсантиметровый лед» [38]. Перед самой войной, 10 июня 1941 г., из-за угрозы обвала перекрытий в музее, пришлось закрыть экспозиционные залы [38; л. 8].

Не менее сложная ситуация наблюдалась и в кадровом сегменте музейной сферы, поскольку, как известно, обе проблемы – кадровая и финансово-материальная, «не ходят одна без другой». В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 12 июня 1925 г., штат провинциального музея мог состоять не более, чем из 16 работников, начиная от его заведующего и хранителей и заканчивая дворником и истопником. В Западной Сибири подобное количество сотрудников разрешалось содержать лишь Омскому музею, по своему статусу приравненному к музеям столиц союзных и автономных республик [12, с. 151]. В других музеях региона численность сотрудников была значительно меньшей. Так, в штатном расписании Щегловского (Кемеровского) музея при его открытии имелись лишь две штатные единицы – заведующего и технического секретаря [10, с. 3].

Пример Кемеровского музея, где еще в 1940 г. не было ни одного научного сотрудника, а имевшиеся работники по очереди дежурили в качестве швейцаров [38, л. 5об.], наглядно демонстрирует тот факт, что «закрыть» даже весьма ограниченные штаты было делом весьма непростым. В одних случаях – из-за полного отсутствия претендентов, в других – по причине отмечавшихся ранее «ужасающе низких зарплат», в третьих – в силу того, что сложившаяся в конце 1920-х гг. командно-административная система управления сферой культуры, распространившаяся и на музейную систему, отторгала от нее старых работников, которые, по словам наркома просвещения А. С. Бубнова, «нередко хорошо знают «вещи» ..., но в то же время очень далеки от марксизма, а подчас даже враждебны ему» [39]. Не удивительно в связи с этим, что, как отмечалось в одном из документов Наркомпроса РСФСР, в музейной отрасли наблюдались «частая смена и текучесть кадров, случайность подбора и недостаток подготовки их к музейной работе» [12, с. 162]. Типичная иллюстрация тому – ситуация в Ойротском (Горно-Алтайском) краеведческом музее, где с 1927 по 1941 гг. сменилось 12 директоров, как правило, являвшихся и научными сотрудниками [6, с. 35]. В среднем один раз в два года менялись директора в Барнаульском (с 1937 г. – Алтайском) музее [1]. Более десяти директоров к 1938 г. насчитывала недолгая история Новосибирского музея [26, с. 80]. Не исключено, что некоторых из них накрыла волна репрессий 1930-х гг., в музейной сфере начавшаяся в 1934 г. с «Дела Русского музея», участникам которого инкриминировалось создание Российской национальной партии [28, с. 192]. К такому выводу подталкивает, в частности, пример Томского краеведческого музея, где в довоенные годы один за другим были репрессированы директор М. Б. Шатилов, Г. М. Котт, А. С. Улемов, а также библиотекарь Г. А. Ильинский и фотограф Г. Т. Прибуро [2, с. 16]. Был арестован, а затем расстрелян один из первых организаторов музейного (а также театрального) дела в Западной Сибири В. Д. Вегман. На смену же им приходили «проверенные партийные кадры», весьма далекие от музейной сферы, что хорошо видно на примере Кемеровского музея, где вместо прежнего руководителя Р. П. Матусовой, долгое время работавшей в Русском музее, в 1937 г. был назначен Ф. В. Виноградов, послужной список которого короток, но показателен: гравировщик на заводе – комсомольский активист, секретарь парткома треста Автотранс [40]. Как о редком исключении журнал «Советский музей» в том же 1937 г. писал о директоре музея Кузметкомбината Е. М. Полянской: «Это опытная музейная работница со стажем и высшим образованием» [23].

Недостаточное финансирование и ограниченный кадровый потенциал были основной причиной того, что для основной части музеев Западной Сибири в период их довоенного функционирования главным источником пополнения фондов являлись не результаты собственной научно-исследовательской (поисковой) работы, а пожертвования частных лиц, доля

которых постепенно сокращалась, отдельных организаций, учреждений и предприятий, а в некоторых случаях – взаимобмен коллекциями между музеями, включая музеи других регионов страны. «Экспедиции же, – характеризует ситуацию, применительно к Новосибирскому музею, Н. А. Томилов, – были относительно редкими» [26, с. 82], приводя в связи с этим лишь несколько локальных примеров подобного рода деятельности. Ту же тенденцию, на сей раз в системе музеев Кузбасса, выявила Н. Ф. Кустова, заметившая, что во многих музеях этой группы «научно-исследовательская и собирательная работа на протяжении многих лет практически не велась» [14, с. 78]. В этом плане, в силу отмечавшихся ранее благоприятных обстоятельств, заметно выделялись Томский и Омский музеи, объемы научно-исследовательской деятельности которых позволяли им выпускать собственные научные «труды», в то время как другие музеи результаты изысканий своих сотрудников публиковали либо в непрофильных изданиях, либо в периодической печати, чаще всего – в журнале «Сибирские огни». Целенаправленно занимались научно-исследовательской деятельностью и в Алтайском краеведческом музее, являвшемся притягательным центром не только для местных, но и иногородних специалистов [1].

На характер научно-исследовательской и поисковой работы музеев, как и на всю музейную культуру советской эпохи, решающим образом влияли изначальные требования властей о превращении этих учреждений в «базы массовой краеведческой работы, в аппарат, демонстрирующий, пропагандирующий народнохозяйственное и социально-культурное строительство, активно участвующий в строительстве социализма» [21, стб. 574]. Однако достаточно длительное время, практически вплоть до конца 1920-х гг., подобное направление музейной деятельности не было главенствующим. Экспозиции, призванные разрушать религиозное мировоззрение, демонстрировать успехи национальной политики советского государства в промышленном и сельскохозяйственном строительстве, материалы о революции и гражданской войне хотя и регулярно демонстрировались, однако без претензий на доминанту.

Принципиально новые задачи (а с ними и проблемы) перед музейными работниками встали после вышедшего в августе 1928 г. Постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР», в котором от них требовалось приблизить работу музеев к «задачам социалистического строительства», а также строить экспозиции «на базе марксистско-ленинской методологии» [4, с. 29]. Отныне, с позиций «коммунистической точки зрения» (так в документах. – З. С.), музеи должны были выступать не столько в качестве научно-исследовательских и культурно-просветительских, сколько «политпросветовских учреждений», обязанных, наряду с «просвещением масс в духе коммунистической идеологии», активно участвовать в ударных кампаниях по выборам в Советы, по поднятию урожайности, по

антирелигиозной пропаганде, по госзаймам, по пропаганде пятилетнего плана, по посевной кампании и в прочих общественно-политических и хозяйственных мероприятиях.

Новая концепция музейного строительства, пробивавшая себе дорогу с середины 1920-х гг. (попытки унифицировать структуру музеев и включить в нее отдел революции содержались еще в «Положении о губернском музее» 1925 г.) [18, с. 300], в законченном виде и в порядке директивы была озвучена в письме-приветствии первому съезду музейных работников в ноябре 1930 г. Наркомом просвещения РСФСР А. С. Бубновым, указывавшем, что «в условиях нынешнего периода кадрам музейных специалистов необходимо окончательно порвать с тем политическим нейтраллизмом, который в обстановке развернутого социалистического строительства по всему фронту совершенно нетерпим и является главной помехой для проведения реорганизации всего музейного дела [41]. На региональном уровне «новая музейная и краеведческая политика» была закреплена в решениях Первого западно-сибирского краевого музейного совещания, проходившем в Новосибирске в 1932 г., после которого местные музеи главной целью своей деятельности провозгласили «не только изучение Западно-Сибирского края, но и демонстрацию материалов в целях коммунистической пропаганды на основе марксистско-ленинской методологии» [42]. Однако в реальности работа по реорганизации музейной деятельности, в процессе которой было необходимо «преодолеть реакционное рутинерство», «поставить музеи на службу классовой борьбе пролетариата и победоносному продвижению вперед социализма», а также организовать музейную работу «на принципах материалистической диалектики» [41, л. 16 – 17], шла довольно медленно, что потребовало принятия в 1934 г. еще одного постановления ВЦИК: «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» [22].

В соответствии с новой концепцией музейного дела при сборе экспонатов и организации экспозиций преимущество отныне следовало отдавать (и отдавалось) не столько истории, археологии или этнографии, сколько промышленному и сельскохозяйственному развитию территорий. («Проведены сборы экспонатов по развитию овощеводства и животноводства, – отчитывалось руководство Барнаульского музея за 1935 г., – составлены коллекции ядов, применяемых в сельском хозяйстве для защиты растений, испытанных сортов пшеницы, ячменя, проса, коллекция сорняков ... Промышленный отдел: работа была сосредоточена на изучении тем: хлебозавод, мясокомбинат, меланжевый комбинат. ... Сотрудники музея приступили к изучению «теоретического материализма» [1]). При этом формировавшиеся по единому образцу экспозиции должны были демонстрировать образцы торжества социализма. А поскольку в большинстве музеев подтверждающие этот факт подлинные материальные образцы отсутствовали, то их сотрудники, вопреки советам местных органов культуры, «начать

изготавливать эти предметы самим» [19, с. 115], прибегали к повсеместному использованию вспомогательного иллюстративного материала в виде диаграмм, схем, в лучшем случае – фотографий, использовавшихся не только в передвижном, но и стационарном вариантах музейной работы. Впрочем, иной способ формирования экспозиций вряд ли мог быть использован при организации выставок на такие предлагаемые свыше темы, как «История народнического движения», «Борьба за создание в России социал-демократической партии», «Период реакции» или «Окончательная победа социализма в СССР и Сталинская Конституция».

В заключение отметим, что изменение парадигмы музейного дела, повлекшее за собой не только трансформацию музейных отделов и переход на новый принцип формирования экспозиций, содержание которых далеко не всегда было связано со спецификой региона, но и расширение, а во многом и изменение социального состава посетителей, инициировало преимущественное использование таких форм работы, как экскурсии, лекции, беседы, основной целью которых все более становилась пропаганда революционных идей и задач социалистического строительства. В силу чего краеведческие музеи, первоначально замышлявшиеся как «провинциальные академии наук», «живые энциклопедии края», «ученые центры для окружающей местности» [18, с. 299] и достаточно долго в той или иной мере выполнявшие эти функции, начиная с конца 1920-х – начала 1930-х гг., фактически стали уподобляться учреждениям клубного типа, хотя де юре они по-прежнему позиционировались в качестве не только «политико-просветительного, но и научно-исследовательского учреждения» [43].

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://www.agkm.ru>.
2. Григорьева, С. Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.) / С. Е. Григорьева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011.
3. Декреты и постановления Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. – Вып. 11. 1920. .
4. Ежегодник Наркомпроса. – 1929. – № 35.
5. Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 25. – Тобольск, 1915.
6. Еркинова, Р. М. История создания и современное значение Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина / Р. М. Еркинова // Хранители наследия. Альманах Ассоциации муниципальных музеев. – Барнаул, 2003.
7. Ионова, О. В. О создании сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти / О. В. Ионова // История музейного дела в СССР. – М., 1957.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 2009.
9. История музейного дела. – М., 1957.

10. Китова, Л. Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920 – 1930-е годы) / Л. Ю. Китова // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Вып. 5. – Кемерово, 1999.
11. Кравцов, М. А. Музей под угрозой // «Советская Сибирь». – 1925. 6 октября.
12. Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917 – 1941 гг. / Г. А. Кузина // Музей и власть. Из жизни музеев: сб. науч. трудов. Т. 2. – М., 1991. – Ч. 2.
13. Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. – М., 1985. – Ч. 1.
14. Кустова, Н. Ф. Формирование и развитие малых и средних городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы (конец 20-х – начало 50-х годов XX века) / Н. Ф. Кустова: дис. ...канд. ист. наук. – Кемерово, 2000.
15. Музейное дело в России. – М., 2003.
16. Музейное дело в СССР. – М., 1984.
17. Омский государственный историко-краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://ogik.sibmuseum.ru>; Томский государственный университет: [сайт]. – URL: <http://www.tsu.ru>; Зоологический музей Томского государственного университета: [сайт]. – URL: <http://zoomuseum.ru>; Томский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://museum.trecom.tomsk.ru>; Алтайский государственный краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://www.agkm.ru>.
18. Российская музейная энциклопедия. – М., 2005.
19. Рубан, Н. И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920 – 1930-е гг.) / Н. И. Рубан. – Хабаровск, 2002.
20. Рыженко, В. Г. Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. / В. Г. Рыженко // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
21. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. – Новосибирск, 1932.
22. «Советский музей». – 1934. – № 1.
23. «Советский музей». – 1937. – № 5.
24. Спирина, И. В. Художественная галерея Западно-Сибирского краевого музея и художественно-промышленный техникум им. М. А. Врубеля / И. В. Спирина // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
25. Сущенко, Е. М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея / Е. М. Сущенко // Новокузнецкий краеведческий музей. 70 лет. – Новокузнецк, 1998.
26. Томилов, Н. А. Новосибирский областной краеведческий музей в 1920 – 1987 гг. / Н. А. Томилов // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
27. Томилов, Н. А. О музееведении и некоторых его дефинициях / Н. А. Томилов // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
28. Формозов, А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920 – 1930-х гг. / А. А. Формозов // Российская археология. – 1958. – № 8.
29. Цивина, Н. С. История культуры Сибири: музеи на общественных началах / Н. С. Цивина // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск, 1985.
30. Шелегина, О. Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации / О. Н. Шелегина. – Новосибирск, 2010.
31. Шелегина, О. Н. Развитие музейного дела в Сибири во второй половине XIX в. (по материалам периодической печати) / О. Н. Шелегина // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
32. ГАНО. Ф. 217. Оп. 1. Л. 1.
33. ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 560. Л. 86-87.
34. ГАНО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
35. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 7, Л. 6, Д. 11. Л. 21.
36. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.
37. ГАКО. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 7. Л. 170.
38. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
39. ГА РФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 42. Л. 16.
40. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
41. ГА РФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 42. Л. 15.
42. ГАНО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-4.
43. ГА РФ. Ф. А 2306. Оп. 70. Д. 1141 а. Л. 174.

УДК 94(571.17):631.115.6

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА КУЗНЕЦКОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ МАССОВОГО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

М. В. Казьмина

KUZNETSK DISTRICT ON THE EVE OF MASS COLLECTIVE-FARM MOVEMENT

M. V. Kazmina

В статье дана характеристика коллективных хозяйств, существовавших в Кузнецком округе в 1927 – 1929 гг. Показано отношение крестьян к производственным кооперативам. Выявлено их значение в преддверии массовой коллективизации.

The paper presents the characteristics of the collective farms that existed in the Kuznetsk district in 1927-1929. It shows the peasant's attitude to industrial cooperatives. Their importance in anticipation of mass collectivization is revealed.

Ключевые слова: коллективизация, производственное кооперирование, Кузнецкий округ.

Keywords: collectivization, industrial cooperatives, Kuznetsk district.

В современных условиях как зарубежные, так и отечественные ученые уделяют большое внимание проблемам локальной истории [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.]. Автор статьи соглашается с теми из них (С. А. Гамаюнов, С. И. Маловичко и др.), которые под концептом «локальная история» понимают прежде всего историю «микросообщества», совокупности людей, осуществляющих определённую историческую деятельность [4]. Особый интерес вызывают изменения, происходящие в локальных сообществах в период исторических разломов. К таковым относится история коллективизации сельского хозяйства.

В 1927 г. XV съезд ВКП (б) провозгласил курс на создание колхозов. Эта установка была воспринята партийными органами на местах как руководство к действию, в том числе и в одном из Сибирских округов – Кузнецком, где в 1927 – 1928 гг. создается окружной отдел колхозов представительства Сибсельскосоюза [9, л. 4, 36]. В нем работало 16 человек (агрономы-коллективисты, инструкторы-коллективисты, практиканты-зоотехники). Однако их уровень квалификации в области сельского хозяйства был низок. Из семи инструкторов-коллективистов четверо (57 %) не имели специального образования и практического опыта. При этом они должны были выполнять план по организации колхозов, проводить агрокультурные мероприятия, руководить проведением посевной кампании, работать в сфере кредитования колхозов [9, л. 39]. Определенную пользу приносили работавшие в городе Щегловске одномесечные курсы по подготовке руководителей колхозов, но радикально повлиять на ситуацию в кадровом вопросе они не могли. Партийные и советские органы проводили культурно-просветительскую работу на селе, нацеленную на разъяснение преимуществ колхозов в сравнении с единоличными хозяйствами.

В июне – июле 1927 г. в регионе проводилось выборочное обследование, которое охватило 5149 хозяйств из 67086 (т. е. каждое 13-е хозяйство, или около 8 %). Было установлено, что удельный вес беспосевных хозяйств составил 10,64 %. С посевом до 1 десятины – 12,4 %. От 2 до 3 десятин – 14,74 %. Основную группу составляли хозяйства с посевом от 3 до 6 десятин – 33,43 %. Удельный вес хозяйств с посевом от 6 до 9 десятин был равен 10,44 %. Только 3,75 % хозяйств относились к категории с посевом выше 9 десятин. За период НЭПа доля последних сократилась в 5,8 раза (в 1920 г. их было 21,66 %) . Из приведенных данных видно, что основной группой крестьянских хозяйств были те, что имели посев от 3 до 6 десятин, за тот же период их удельный вес вырос на 3,38 % [10, л. 11, 12].

В 1928 г. господствующей формой землепользования в Кузнецком округе была общинно-чересполосная. Она составляла 74,05 % по общим трудовым землям [11, л. 16]. Этот факт имеет большое значение для понимания роли и значения общины в жизни крестьян округа.

Накануне коллективизации партийные органы предлагали критерии для определения категории хозяйства (беднейшее, середняцкое, кулацкое) в сибирских условиях [11, л. 16].

Таблица 1

Критерии оценки бедняцко-середняцких хозяйств в Кузнецком округе

<i>Критерии оценки</i>	<i>Бедняцкое хоз-во</i>	<i>Середняцкое хоз-во</i>
Число едоков (человек)	5 – 6	нет данных
Дом (шт.), стоимость дома (руб.)	1 200	1 500
Амбар (шт.), стоимость амбара (руб.)	1 50	1 100
Лошадей, стоимость (руб.)	2 200	3 400
Коров, стоимость (руб.)	2 100	3 150
Овец, стоимость (руб.)	10 50	15 75
Свиней, стоимость (руб.)	2 30	3 60
Плуг, стоимость (руб.)	1 30	1 30
Прочее имущество (руб.)	15	335
Общая стоимость хозяйства (руб.)	700	2000

Из данных таблицы следует, что при совпадении количественных показателей (1 дом, 1 амбар) в бедняцких и середняцких хозяйствах значительно отличалась их стоимость – в 2 – 2,5 раза. Обращает на себя внимание и тот факт, что хозяйства разнились количеством скота и его средней ценой. Логично предположить, что имело место отличие в его качественных характеристиках. По такому критерию как «прочее имущество» в денежном выражении середняцкое хозяйство превосходило бедняцкое в 22,3 раза. В целом стоимость имущества середняцкого хозяйства была почти в 3 раза выше, чем бедняцкого. Столь подробное описание бедняцко-середняцких хозяйств позволяет понять, почему их владельцы, не говоря уже о более зажиточных кате-

горях, не торопились расставаться со своей собственностью в период массового колхозного движения.

В преддверии форсированной коллективизации в Кузнецком округе уже имелись коллективные хозяйства [10, л. 13].

Таблица 2

Производственное кооперирование в Кузнецком округе

<i>Виды с/х объединений</i>	<i>1927 г.</i>		<i>1928 г.</i>		<i>План 1929 г.</i>	
	<i>число колхозов</i>	<i>число хозяйств</i>	<i>число колхозов</i>	<i>число хозяйств</i>	<i>число колхозов</i>	<i>число хозяйств</i>
С/х коммуны	9	105	25	295	32	704
С/х артели	13	151	33	284	58	1160
Товарищества СОЗ	5	59	49	461	88	1320
Итого по сложн. объединениям	27	315	107	980	178	3184
Простейшие с/х объединения	258	2381	378	5972	430	8170
Всего	285	3696	485	7012	608	11354

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что в 1927 г. на первом месте по абсолютным показателям и удельному весу среди коллективных хозяйств стояли сельхозартели – 13 (48 %). На втором месте – коммуны – 9 (33 %), на третьем – товарищества – 5 (19 %). В 1927 г. в период обследования в регионе было выявлено 67086 крестьянских хозяйств. Опираясь на это утверждение, можно подсчитать, что в 1927 г. только 0,5 %, а в 1928 г. 1,5 % крестьянских хозяйств вошли в колхозы. В 1929 г. этот показатель планировалось довести до 4,7 %. В 1927 – 1928 гг. производственные объединения не были крупными. Если взять средний показатель, характеризующий число хозяйств, входивший в один коллектив, то он не превышал 12 хозяйств. В планах партийных органов на 1929 г. предполагалось не только увеличить количество колхозов, но и сделать их более крупными объединениями (в среднем по 20 – 22 крестьянских двора). Таким образом, крестьянство очень сдержанно реагировало на призыв вступать в колхозы, продолжая следовать сложившимся традициям.

К 1928 г. общее число колхозов, в сравнении с 1927 г., выросло в 4 раза. Форсированно создавались товарищества. Их число увеличилось в 9,8 раза и составило 49, что привело к лидированию этой формы объединения (46 %). Сельхозартели переместились на второе место. Рост составил 2,5 раза при удельном весе в 31 %. Коммуны заняли третье место. Их численность выросла в 2,8 раза, а удельный вес составил 23 %. Накануне массового колхозного движения крестьяне Кузнецкого округа отдавали предпочтение товариществам, где в сравнении с другими формами коллективных объединений обобществление было значительно меньше [11, л. 53]. При этом всем окружкам известна была директива бюро Крайкома от 10 марта 1929 г., что приоритетной формой коллективных хозяйств, по мнению центра, считалась артель. Документ также предостерегал от форсирования в создании коммун. Последний тезис объясняют данные таблицы [11, л. 31].

Таблица 3

Обобществление в коммунах и товариществах

Виды колхозов	<i>Обобществлено</i>					<i>В индивидуальном пользовании</i>			
	жилые строения	зернохранилища	скотные дворы	мертвый инвентарь	живой инвентарь	лошадей	продовольственный скот	С/х инвентарь	Хоз. постройки
Коммуны	221,4	6,3	46,0	229,0	252,3	-	-	-	-
Товарищества	20,1	4,3	2,1	73,3	1,4	109,7	74,9	41,6	170,1

Из приведенных материалов видно, насколько высок был уровень обобществления в коммунах. В индивидуальном пользовании не было лошадей, продовольственного скота, сельскохозяйственного инвентаря и хозяйственных построек. В товариществах, наоборот, все это оставалось в распоряжении владельцев крестьянских дворов. Радикально отли-

чался и уровень обобществления (в пользу коммун) жилых строений, скотных дворов, зернохранилищ, живого и мертвого инвентаря.

О социальном составе колхозов говорят ниже следующие данные [11, л. 16].

Таблица 4

Социальный состав колхозов (начало 1929 г.)

<i>Соц. группа</i>	<i>С/х коммуны</i>	<i>С/х артели</i>	<i>Товарищества СОЗ</i>	<i>В среднем</i>	<i>Простейшие объединения</i>
Батраки	9,3	4,9	3,2	3,8	5,2
Бедняки	72,0	79,1	83,3	76,9	68,9
Середняки	17,6	16	12,7	15,4	23,6
Зажиточные	1,1	-	0,8	0,95	2,3
	100	100	100	100	100

На начало 1929 г. в составе как простейших объединений, так и производственных кооперативов преобладали бедняки (соответственно 68,9 % и 76,9 %). Вместе с батраками их доля возростала до 74,1 % и 80,7 %. Удельный вес бедняков выше всего был в товариществах (83,3 %), затем в артелях (79,1 %) и коммунах (72,0 %). Таким образом, преобладая во всех формах коллективных объединений, бедняки отдавали предпочтение хозяйствам с наименьшей степенью обобществления.

Почти на четверть простейшие объединения состояли из середняков. Однако в колхозах их удельный вес был значительно ниже – 15,4 %. Среди форм производственного кооперирования они отдавали предпочтение (по убыванию) – коммунаам, артелям и ТОЗам.

Зажиточная часть деревни была крайне слабо представлена как в простейших кооперативах (2,3 %), так и в производственных формах – (0,95 %). Но, как и середняки, зажиточные активнее входили в коммуны (1,1 %), т. е. объединения с наиболее высокой степенью обобществления, затем в товарищества (0,8 %). Как следует из данных таблицы, в сельскохозяйственных артелях они не были представлены. Это на первый взгляд парадоксальное обстоятельство имеет свое объяснение, о чем будет сказано ниже.

Во всех коллективных хозяйствах региона большое значение придавалось партийной прослойке. Представление об этом дает материал таблицы 5 [9, л. 2. Подсчеты в % автора статьи].

Таблица 5

Колхозы Кузнецкого округа по состоянию на 1 мая 1928 г.

<i>Коммуна</i>	<i>Всего населения (от 1 г. до 16 / от 16 и старше)</i>	<i>Членов ВКП (б)</i>		<i>Комсомольцев</i>	
		<i>всего</i>	<i>% от взросло- го населения</i>	<i>всего</i>	<i>% от взросло- го населения</i>
Марсель	127 (56/71)	10	14	23	32
Боевая	105 (50/55)	10	18	15	27
Труд	260 (133/127)	16	13	18	14
Красная поляна	103 (48/55)	11	20	9	16
Искра	137 (61/76)	18	24	9	12
Свобода	84 (34/50)	8	16	10	20

Самый высокий удельный вес членов партии был в коммунах «Искра» (24 %) и «Красная поляна» (20 %). Самый низкий в объединениях «Труд» (13 %) и «Марсель» (14 %). Но в коммуне «Марсель» была самая большая прослойка комсомольцев (32 %). Следует отметить, что в сумме удельный вес членов ВКП (б) вместе с комсомольцами был достаточно высок и колебался от 27 % до 46 %.

Государство стремилось не только пропагандистки, но и экономически поддерживать нарождавшиеся в Кузнецком округе колхозы. Их земли за период

с 1926 – 1927 гг. по 1928 – 1929 гг. выросли в 39 раз, о чем свидетельствуют данные таблицы [10, л. 1].

Таблица 6

Рост коллективного сектора по площади

<i>Годы</i>	<i>Выдел земли колхозам (га)</i>
1926 – 1927	1037
1927 – 1928	13481
1928 – 1929	40900

Таблица 7

Обеспеченность на едока посевом и нагрузка на одного работника в га (апрель 1929 г.) [11, л. 17]

	В 1928 г. посев на едока	В 1929 г. посев на едока	Нагрузка на одного работника
У населения	0,66	0,70	0,4
В с/х коммунах	1,25	1,45	2,9
В с/х. артелях	0,81	0,91	1,82
В товариществах СОЗ	0,81	1,12	2,24

Из приведенных данных вытекает, что во всех типах хозяйств за 1928 – 1929 гг. вырос посев в расчете на едока. У населения меньше всего – на 6,1 %. Что касается производственных форм кооперирования, то этот показатель был выше всего в товариществах – (рост на 38,3 %). На втором месте шли коммуны (рост на 16,0 %). На третьем – артели (рост на 12,3 %). Как в 1928, так и в 1929 гг. первенство по величине посева на едока принадлежало коммунам. В 1929 г. в этих хозяйствах обеспеченность посевом на едока была больше чем в ТОЗах в 1,3 раза, чем в артелях в 1,6 раза. В коммунах также была и самая

высокая нагрузка на одного работника – 2,9 га. Этот показатель был выше, чем у населения в 7,3 раза, чем в ТОЗах в 1,3 раза, чем в сельхозартелях в 1,6 раза.

Как свидетельствуют архивные документы, в конце 1929 г. по такому показателю, как посев на едока, лидировали по-прежнему коммуны, на втором месте, с небольшим отрывом, шли артели, на третьем – товарищества [12, л. 75].

Составить представление об обеспеченности скотом на одно крестьянское хозяйство в 1929 г. позволяют данные таблицы [12, л. 77].

Таблица 8

Обеспеченность скотом на одно хозяйство

	<i>Лошади</i>	<i>Крупный рогатый скот</i>	<i>Коровы</i>	<i>Овцы</i>	<i>Свиньи</i>
Индивидуальное хозяйство	1,90	1,90	1,09	3,10	0,24
Колхозы	1,62	1,65	0,35	2,44	0,11

По обеспеченности всеми видами скота преимущество было за индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Однако статистика свидетельствует о резком снижении некоторых видов скота в хозяйствах, в том числе коров, овец и свиней. Так, в преддверии коллективизации в бедняцких хозяйствах, как правило, имелось по 2 лошади и коровы, 10 овец, 2 свиньи. У середняков по 3 лошади и коровы, 15 овец, 3 свиньи. За короткий период времени эти показатели резко сократились. Так крестьянство ответило на политику центра.

Государство уделяло значительное внимание техническому оснащению колхозов, что, по мнению власти, должно было послужить дополнительным аргументом в пользу вхождения крестьян в коллективные хозяйства [9, л. 30].

Таблица 9

Динамика механизации в сложных колхозах Кузнецкого округа

<i>Наименование</i>	<i>1926 г.</i>	<i>1927 г.</i>	<i>1928 г.</i>
Тракторы	7	6	19
Триеры	6	10	48
Сеялки	13	25	102

Из таблицы следует, что количество тракторов с 1926 г. по 1928 г. выросло в 2,7, а триеров и сеялок в 8 раз, хотя следует подчеркнуть, что столь высокие цифры роста объясняются и низкими стартовыми показателями.

Большое значение имело кредитование коллективных хозяйств. С середины 1920-х гг. государство достаточно активно выделяло кредиты коммунам [9, л. 12]. Так, в Кузнецком округе по линии сельхозбанка и Сельхозсоюза с 1.10.1927 г. по 1.10.1928 г. крестьянские хозяйства получили кредитов на сумму 325934 руб. Из них 35000 руб. были выделены целенаправленно для колхозов и совхозов, т. е. 11 %.

В 1928 г. партийные органы Кузнецкого округа исследовали организацию труда в 20 коммунах.

Только в 4 из них была введена месячная оплата труда, остальные существовали, руководствуясь принципом – «по способности, по потребности».

Накануне коллективизации была проведена кампания по борьбе с «засорением» в простейших объединениях, а также коммунах и артелях чуждыми элементами. [11, л. 28, 31, 42, 43; 13, л. 3, 4, 5]. Показателен в этом отношении пример коммуны «Красный Клин». 13 марта 1929 г. бюро Усть-Сосновского РК ВКП (б) рассмотрело вопрос «Об идейном и хозяйственном состоянии коммуны «Красный Клин», которая была создана 5 мая 1928 г. из крестьян деревни Озерки. В коммуну входило 22 хозяйства (6 бедняцких, 14 середняцких, 2 зажиточных) со 107 едоками. В 1926 – 1927 гг. эти крестьяне приобрели определенный опыт совместной работы в семенном и машинном товариществах. В коммуне был 1 член партии, 6 кандидатов в члены ВКП (б) и 5 комсомольцев. В 1928 г. это коллективное хозяйство объединяется с коммуной «Имени Сталина» той же деревни в количестве 9 хозяйств (4 бедняцких, 4 середняцких и 1 зажиточное) с 48 едоками. Особенность данного коллектива была в том, что на 50 % он состоял из родственников. 7 человек были коммунистами и комсомольцами.

Партийные органы не устраивал тот факт, что объединившиеся коммуны, оказавшись по составу середняцко-зажиточными, приостановили прием из батрацко-бедняцкой части населения. После разъяснительной работы к марту 1929 г. количество хозяйств в коммуне увеличилось с 31 до 73, что привело к изменению социального состава. Наряду с 3 зажиточными и 28 середняцкими хозяйствами, в коллектив были приняты 1 рабочий, 10 батраков и 31 бедняк.

Совет коммуны состоял из 7 человек (2 члена партии, 2 кандидата в члены ВКП (б), 3 беспартийных). В ревизионную комиссию входило 3 человека (все кандидаты в члены ВКП (б)).

До вмешательства партийных инстанций председателем коммуны был кандидат в члены ВКП (б),

зажиточный крестьянин. Его семья состояла из 8 человек. Председатель коммуны внес больше всего имущества в общий фонд – на 2004 руб. Заместителем председателя совета коммуны был зажиточный (сын кулака-лишенца), беспартийный крестьянин. Он имел семью из 4 человек и внес имущества на сумму 884 руб. 50 коп. Брат заместителя председателя входил в совет коммуны и работал счетоводом. У него было середняцкое хозяйство, семья состояла из 6 человек. Сумма внесенного имущества составляла 673 руб. 50 коп. Еще один член совета коммуны, бывший секретарь партийной ячейки (коммунист с 1920 г.), середняк, имел семью из 6 человек и внес имущества на 1010 руб. 50 коп. В совет коммуны входил и бедняк, кандидат в члены ВКП (б). Его семья (7 человек) внесла имущества на 320 руб. 25 коп.

Столь подробное описание позволяет увидеть ряд существенных моментов:

- руководство коммуны состояло в своем большинстве из представителей зажиточно-средняцких хозяйств, часть из них была связана родственными узами;
- удельный вес партийной прослойки в совете коммуны был высоким;
- сумма имущества, вносимого в коммуну, зависела от типа хозяйства, количества едоков в нем и того поста, который занимал человек в совете коммуны. Не случайно председательский взнос был самым большим.

Все вышеперечисленные представители совета коммуны были сняты со своих должностей, а члены и кандидаты в члены ВКП (б) исключены из партии или не приняты в нее. Райком партии обвинил руководство коммуны в проведении неправильной политики при обобществлении имущества тех, кто вступал в коллективное хозяйство. Для личного пользования оставлялся живой и мертвый инвентарь, прочее имущество и скот (надворные постройки, лошади, свиньи, овцы, коровы). Застрельщиком этого дела был, по мнению бюро райкома, совет коммуны. Руководители оставили больше всех имущества в личном пользовании и их примеру следовали другие. До сентября 1929 г., по утверждению райкома, каждый владелец доил своих коров, сдавал излишки молока на маслозавод и полученную выручку записывал на свой счет, в то время как бедным не хватало молока [13, л. 6].

Однако, несмотря на столь жесткие классовые и идеологические приоритеты, которыми руководствовалось бюро райкома, оно признало существенные производственные достижения коллектива. Хозяйство было верно ориентировано на развитие полеводства и животноводства. Молочный и рабочий скот содержался в хороших условиях. К заслугам руководства относилось: рациональное использование рабочей силы, проведение планового ремонта сельхозмашин, сохранность семенного материала, а также увеличение посевной площади на 300 %. Таким образом, по производственной части не было сделано ни одного замечания.

Несмотря на это, бюро райкома вместо «чуждых» инициировало избрание в совет коммуны «классово-выдержанных» представителей. Оно предложило ввести должность освобожденного от физических работ платного (за счет коммуны) секретаря ячейки. Такого рода практика уже существовала в коммунах округа [13, л. 7, 8].

Подробное описание ситуации, сложившейся в коллективе «Красный Клин», позволяет сделать ряд выводов. Зажиточно-средняя часть, возглавляя это объединение, обеспечила хорошие результаты по производственным показателям. Среди руководства колхоза был достаточно высок удельный вес членов и кандидатов в члены ВКП (б). Хотя, судя по действиям руководителей колхоза, принадлежность к партии скорее рассматривалась этими людьми в качестве определенного преимущества в сложившейся ситуации. В пользу данного вывода говорит и организация производства в коммуне. Приняв форму обобществления, руководство не приняло его суть, о чем свидетельствовал низкий уровень обобществления средств производства, скота и пр., а также организация работы и распределение доходов. Крестьянский конформизм проявился в использовании формы коллективного хозяйства, но при этом ее внутреннее содержание не противоречило здравому смыслу, что и обеспечило высокие производственные показатели. Однако политические установки, давление со стороны партийных органов оказалось выше здравого смысла. Замена руководства колхоза, а также предложение о введении освобожденного платного секретаря партийной ячейки, должны были способствовать более последовательному проведению на местах политики центра. По большому счету, экономика была принесена, на примере этого частного случая, в жертву политике.

Компания по борьбе с «лжеколхозами» имела свое продолжение. 3 июля 1929 г. на заседании Кузнецкого бюро окружкома ВКП (б) предлагалось пересмотреть состав имеющихся руководителей колхозов, очистив его от случайных и чуждых элементов и провести силами Колхозсоюза и Райкома ВКП (б) проверку классового состава коммун и сельскохозяйственных артелей.

В ноябре 1929 г. в Прокопьевском районе распускается 4 колхоза. Коллективные хозяйства «Красная Звезда» и «Земледелец» были признаны «лжеколхозами», так как в них входили кулаки и зажиточные. В колхозах «Расцвет» и «Пролетарий» обнаружилось не только «засорение чуждыми элементами», но и «окулачивание», «разложение коммунистов и руководства». В частности отмечалось, что из 8000 пудов обмолоченного хлеба было сдано государству только 800 пудов. Инвентарь использовался для обслуживания индивидуальных и кулацких хозяйств [11, л. 48, 49]. «Чуждые элементы» были обнаружены в коммунах «Серп и молот» и «Красный пахарь».

В 1929 г. ряд коллективных хозяйств отказался выполнять хлебозаготовки, что привело к их чистке. По оценке партийных органов «кулацкое представительство» в колхозах превысило 6 % [11, л. 75]. Эти

данные отличаются в 6,3 раза в большую сторону от тех, что звучали до начала кампании по борьбе с «лжеколхозами». Таким образом, наблюдается расширительное толкование понятия «кулак». Крестьянам в очередной раз дали понять, что, в случае несогласия с политикой ВКП (б), легко можно оказаться в числе «классово-чуждых» со всеми вытекающими последствиями.

Накануне массовой коллективизации партийные органы проводили комплекс мер (выделение земель, кредитование, снабжение техникой, инвентарем и т.п.), призванных сформировать положительное отношение крестьян к колхозам. Несмотря на это, крестьянство не торопилось расставаться с привычным укладом жизни.

На протяжении 1927 – 1928 гг. процент коллективизации был низким. Преимущественно в колхозы входили бедняки. Однако в этот период обнаруживается стремление вступить в коллективные хозяйства со стороны отдельных представителей середняков и зажиточных крестьян. Войдя в объединение, они пользовались льготами, добивались хороших экономических показателей, но при этом практически продолжали оставаться единоличниками. В таких коллективах во главе стояли крепкие хозяева, руководившие прежде всего экономическими интересами и выгодой. Конформизм проявлялся и в том, что они вступали в ВКП (б). Однако, несмотря на хозяйственные успехи таких колхозов, партийное руководство посчитало их формальными объединениями и организовало кампанию по борьбе с «лжеколхозами». В начавшемся колхозном строительстве крестьянство попыталось совместить социально-политический проект партруководства с традиционными нормами хозяйствования. Однако возникшее при этом противоречие было разрешено в пользу политических установок.

Литература

1. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии: 1920 – 1930-е годы / Н. Б. Лебина. – СПб., 1999. – 317 с.
2. Лебина, Н. Б. Повседневность 1920 – 1930-х годов: борьба с пережитками прошлого / Н. Б. Лебина // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 1.
3. Лебина, Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20 – 30-х гг. / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1995. – № 2.
4. Маловичко, С. И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. – URL. Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>.
5. Осокина, Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928 – 1935 гг. / Е. А. Осокина. – М., 1993.
6. Осокина, Е. И. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927 – 1941 / Е. И. Осокина. – М., 1998.
7. Соколов, А. К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917 – 1930-е годы) / А. К. Соколов // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. Т. 1. – М., 2002.
8. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – М., 2001.
9. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.325.
10. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.419.
11. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.416.
12. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.461.
13. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.417.

УДК 008

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ВОЙНЫ

В. И. Марков

CULTURAL STUDIES OF WAR

V. I. Markov

В статье рассматривается проблема возможности и необходимости формирования нового интегративного направления исследований – культурологии войны, синтезирующего данные различных эмпирических источников и наук в категориях культурологической науки.

The article is devoted to the possibility and necessity of forming of the new integrative research orientation – cultural studies of war, which can unite information from different sources and sciences within the categories of cultural studies.

Ключевые слова: социальные науки, культурология, антропология, война, культурные системы.

Keywords: social sciences, cultural studies, anthropology, war, cultural systems.

Основная задача данной статьи – обосновать актуальность, теоретическую и практическую необходимость развития оригинального направления теоретических и прикладных исследований – культурологии войны.

Автор прекрасно понимает, что сам термин звучит достаточно непривычно, особенно для сознания рафинированных интеллигентов, для которых слова «культура» и «война» чуть ли не взаимоисключающие противоположности. На это можно возразить, что в культурологии деление на культуру и некультуру

туру стало уже давно анахронизмом. А война, хотим мы этого или нет, до наших дней является одним из основных атрибутов человеческого существования и весьма значимым проявлением человеческой активности. К тому же данный термин вполне согласуется с уже общепринятыми типа «социология труда», «социология семьи» и т. д. Другой, в принципе допустимый вариант – «военная культурология», звучал бы, на наш взгляд не совсем точно. Он, скорее, допускал бы толкования, связанные с использованием культурологического знания в интересах военной науки и военной практики, в подчинении им. Мы же имеем в виду совсем другое – исследование всех аспектов военной практики человечества в категориальных рамках именно культурологической науки.

Но тогда, прежде чем перейти к подробной аргументации основной проблемы, необходимо остановиться на кратком изложении понимания самой культурологии, ибо, как известно, таких толкований бесчисленное множество. Достаточно развернутая авторская концепция на этот счет изложена в ряде выступлений на различных конференциях. С ней можно ознакомиться также по статье, опубликованной недавно в «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств» [1]. Поэтому вкратце отметим лишь, что ее возникновение порождено практически выявленным разнообразием культурных систем, их резко отличной реакцией на схожие исторические условия. Существовавшие же тогда науки или рассуждали о некоей культуре «вообще», или же описывали детали культурной жизни разных народов и эпох. Нужны же были исследования, дававшие целостные картины каждого культурного мира в таких категориях, как национальный характер, стиль или способ деятельности, национальная миссия, идея, мировосприятие и т. д. То есть в категориях, являющихся, на наш взгляд, предельными по уровню абстрагирования для культурологии. С этих позиций структуру наук о культуре можно описать на трех уровнях, соответствующих в целом соотношению общего, особенного и единичного. Высший, и наиболее абстрактный, – философия культуры, средний по уровню абстрагирования – культурология, и уровень единичного – культурография как совокупность целого ряда научных дисциплин. Таким образом, культурология, с этой точки зрения, есть результат пересечения двух тенденций, двух идей – идеи множественности культур и идеи их целостности.

Попробуем с данных позиций рассмотреть постановку задачи о возможности и необходимости формирования такого направления, как культурология войны на методологическом базисе и в рамках категориальной структуры культурологического знания.

Прежде всего следует отметить, что это не освоенная культурологами предметная сфера. Ее нет в учебниках, не найти и изобилия публикаций на данную тему в Интернете. Хотя интегративная сущность культурологической науки позволяет и предполагает использование материала смежных исследований в интересах развития самой культуро-

логии. И при таком подходе мы увидим, что материала достаточно много, хотя он и не осмыслен в культурологическом ракурсе.

Еще историки древности, такие как Геродот, Полибий, Тацит и другие, любили рассуждать на тему, впоследствии развитую Ш. Монтескье – о духе народов. В данном контексте – о воинственном или же, наоборот, не воинственном духе различных народностей и племен. В современных категориях речь при этом, очевидно, идет о национальном характере и национальном темпераменте. В исторических документах и летописных источниках подобные вкрапления тоже не редкость. Они отражают, справедливо или нет, другой вопрос – сложившиеся на основе практики стереотипы восприятия других народов именно с точки зрения их боевых способностей в качестве вероятных противников или союзников. Как ни говори, но речь в данном случае, несомненно, идет об одной из целостных характеристик определенных культурных систем и, следовательно, о культурологическом характере подобных рассуждений.

Большой массив информации по данным вопросам несут в себе фольклорные источники – различные виды эпоса, песни, сказки, пословицы, в которых культуролога, естественно, интересует не фактография событий, а совокупность ценностных ориентаций, мотивация сражающихся, стереотипы боевой практики, принятые нормы военных действий. Например, присвоение одному из героев исландских саг прозвища «милосердный» за нетипичное, видимо, решение: при внезапном и коварном нападении на владения соседнего конунга он не стал убивать все мужское население, а оставил в живых мальчиков, которые были ниже ростом, чем поставленный вертикально его меч. Варианты подобного «милосердия» можно встретить и на другом конце земного шара – в феодальной Японии. Интересным для сравнительно-культурологического анализа представляется также выявление отличий и корреляций в поведении и ценностно-мотивационном фундаменте поведения богатырей Киевского эпического цикла и, допустим, «песни о Роланде», повествовании о деяниях Сиды-воителя.

Описания географического характера, материалы путешественников (Марко Поло и других) тоже небезынтересны с данной точки зрения. Собственно говоря, география и военно-разведывательная деятельность долгое время шли рука об руку, и экспедиции того же Н. М. Пржевальского носили одновременно и научно-познавательный, и военно-практический характер. Можно отметить, что авторы подобного типа, особенно древние, по сути, частично уже проделывали работу культуролога: они выделяли в деятельности неведомых ранее народов и племен именно отличные, непривычные черты, то есть проводили фактически на своем уровне нечто вроде сравнительного анализа.

К XIX – XX векам можно уже говорить о возможности опоры в предлагаемом направлении исследований на солидный научный фундамент таких наук, как история, этнография (позднее – этноло-

гия), психология (социальная психология), антропология в ее различных вариантах. Военная наука также касается подобной проблематики, описывая, например, так называемые морально-политические характеристики определенных армий, хотя не акцентирует подобные проблемы. Скорее, они прорисовываются в необозримом массиве военных мемуаров, которые еще нуждаются в подробном анализе с данной точки зрения. Интересно отметить, что военная психология, например, является к настоящему моменту самостоятельной образовательной дисциплиной, и специалисты этого профиля выпускаются рядом вузов. В том числе таким известным, как Российский государственный гуманитарный университет, где работает специализированная магистерская программа «военная психология» с присвоением квалификации (степени) магистр психологии. При этом предполагается, что они будут заниматься в основном психологической помощью, вопросами адаптации военнослужащих, обучения, профориентации, реабилитации и разрешением конфликтов. В целом такой подход, конечно, не отражает всех возможностей психологической науки в рассмотрении вопросов, связанных с проблематикой культурологии войны. Имеется обширная литература, как отечественная, так и зарубежная, посвященная, например, детальной теоретической и практической разработке вопросов ведения психологической войны с учетом особенностей различных воинских контингентов и населения разных стран. Опыт в этой области накоплен огромный – ведь еще пророк Мохаммед использовал предварительную обработку населения намеченных к покорению стран в целях облегчения завоеваний. На широкую ногу такая деятельность была поставлена Наполеоном, причем на научной для того времени основе. Правда, в подобных случаях речь идет скорее, именно о военной культурологии, а не о культурологии войны. Поскольку научная проблематика в этом ракурсе явно подчинена чисто военным задачам. Хотя разделение на этот счет не всегда можно провести достаточно четко. Стоит вспомнить, например, о том, что знаменитая работа Р. Бенедикт «Хризантема и меч» была создана отнюдь не только из чисто научных побуждений. И в этом смысле она представляет собой образец подлинно глубокого научного труда, созданного изначально в военных целях – для понимания реального противника [2].

Если рассматривать общий массив публикаций, посвященных специалистами различных областей социально-гуманитарного знания данной проблематике, то может выделить наиболее значимые и часто обсуждаемые темы. К ним относятся социально-философские постановки вопроса об образе жизни военных, военной культуре, гносеологических и ценностных аспектах воинской деятельности [3, 4, 5, 6, 7]. Исследования представлены также работами в смежных философских областях – в этике, эстетике и т. д. [8, 9]. Очень обширен массив сочинений военно-исторического характера с культурологическим содержанием [10, 10, 12, 13, 14].

Пожалуй, наибольшее внимание подобным проблемам можно констатировать в области психологических и социально-психологических разработок [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21].

Особо следует отметить осознанные попытки создания аналогичных дисциплинарных разделов в смежных с культурологией науках. К ним относятся, например, [22, 23, 24].

Все больше появляется и собственно культурологические работ по данной тематике [25, 26, 27, 28]. Ну, и естественно, что максимальный вклад в разработку этих вопросов, причем в аспектах, наиболее близких к культурологическим, вносит антропологическая наука в ее различных вариантах. Можно упомянуть в связи с этим о регулярно выходящем сборнике «Военно-историческая антропология» [29, 30, 31] и, прежде всего, о солидных монографических разработках и докторской диссертации В. И. Бажукова [32]. Последняя работа представляет собой не только качественное исследование в данной области, но и, в силу ряда своих особенностей, дает возможность уточнить границы антропологического и культурологического подходов. Сам автор в своих работах неоднократно рассматривает основной предмет своих исследований – военную культуру – как культурологическое понятие. При этом, однако, подчеркивает, что создает именно военную антропологию, которая в принципе объединяет в себе потенции философии культурологии, социологии, психологии, истории и т. д. С другой стороны, иногда автором формулируется идея об антропологическом подходе в культурологии, иногда – об интеграции культурологического и антропологического видения, а потом снова – о приоритете антропологической парадигмы. Не ставя задачу подробного анализа этих коллизий, постараемся использовать это высокопрофессиональное, на наш взгляд, исследование для определения соотношения ракурсов видения данной проблематики с антропологической и культурологической точек зрения. Представляется, что в данной работе превалирует все-таки именно антропология. Это видно в постановках вопроса о соотношении всех аспектов с человеком, в единстве сознательного и бессознательного его компонентов, макро- и микроуровней, о необходимости понять военную культуру изнутри, с точки зрения ее носителей, что речь идет о способах жизнедеятельности и поведении человека в военной сфере, о человеческом измерении изучаемых явлений. При этом сама военная культура понимается как система ценностно-нормативных, духовно-идеологических и знаково-символических элементов, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности различных субъектов. Таким образом, схематично основное направление исследований в данном случае можно обозначить как «человек на войне». Поэтому необходимо остановиться на различиях этого подхода с культурологическим видением проблематики, причем не ради формального разграничения наук, а ради возможно более полного выявления всех аспектов и их охвата с различных точек зрения.

Интегрирующая роль культурологии по отношению ко всему вышеизложенному многообразному по ракурсам видения и методологическим установкам компендиуму теоретических и эмпирических разработок может, очевидно, реализоваться при следующих условиях:

– культурологический ракурс опирается на аксиому многообразия культур и предполагает сравнительный анализ конкретно-исторических культурных миров. В этом грань с культурфилософским видением проблематики, исходным для которого является культура «вообще» как таковая. Что отнюдь не мешает толковать ее иногда более конкретно – как общечеловеческую и зачастую подменять последнюю культурой Запада как неким «образцом»;

– культурология предполагает целостное рассмотрение культурных систем и в этом смысле вбирает в себя достижения более частных наук: от этнографии и истории – до искусствоведения и социальной психологии. Реализуя такой подход, культурологическое исследование, в идеале, выходит (или, по крайней мере, ориентирует на это) на обобщающие параметры культур, выражаемые такими, например, характеристиками, как национальная идея, миссия, национальный (культурный) характер и темперамент, способ деятельности и т. д. Анализ отдельных элементов культуры при этом предполагает рассмотрение с точки зрения их «вписанности» в целое и во взаимосвязи с ним;

– культурология несет в себе два потенциальных угла видения культуры – с точки зрения личности и с точки зрения системы. Их достаточно противоречивое сочетание можно встретить даже у самого основоположника этой науки – Л. Уайта. Первый из них и составляет преимущественный предмет антропологического подхода. И культурологические исследования не исключают его, а вбирают в себя, пытаясь найти консенсус этих ракурсов. Поэтому, если для антрополога важнее всего проблема «человек на войне», то для культуролога также и «народ на войне», культурная система как некий совокупный субъект войны. Отличие в том, что при этом народ и его культура берутся не только в актуальном, синхронном срезе, но и в исторической динамике, с точки зрения развития военной традиции и ее предполагаемого преломления в современных военных практиках.

Таким образом, возможность некоего синтеза социальных и гуманитарных наук на базе культурологии может быть аргументирована с достаточной полнотой. И такой синтез явился бы, несомненно, далеко не лишним дополнением в общем фронте культурологических изысканий. Но есть ли в этом необходимость?

Теоретически она связана с возрастающей ролью культурных факторов в современных военных конфликтах. Можно не доверять предсказаниям С. Хантингтона, но факт есть факт: с уходом идеологического противостояния в старых формах на его место пришли культурно-религиозные различия и основания вражды. Можно даже говорить о возрас-

тающем конфликтогенном потенциале культуры (если рассматривать ее с системной точки зрения, а не как набор неких достижений человечества) [33].

Что касается практической стороны, то потенциально заинтересованность в подобных исследованиях существовала всегда. Недаром и сама основополагающая для культурологии идея множественности культур возникла в рамках так называемой «колониальной антропологии» в результате наглядного опыта – далеко не тождественного поведения различных народов и их армий в одинаковых вроде бы условиях боевых столкновений.

Для современной России представляется важнейшим изучение того, какой должна быть армия, способная защищать страну в условиях такой степени имущественного, социального и культурного расслоения. К сожалению, военная реформа, как представляется, происходит без учета этих принципиальных факторов.

Литература

1. Марков, В. И. Культурология: истоки, границы, задачи / В. И. Марков // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28).
2. Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: Наука, 2007. – 360 с.
3. Богатырев, Е. Д. Образ жизни военнослужащих Вооруженных Сил: сущность, противоречия, проблемы. – М.: ГАВС, 1992. – 188 с.
4. Климов, С. Н. Военная культура Франции XX века. (Социально-философский анализ) / С. Н. Климов: дис. ...докт. филос. наук. – М.: ВУ, 2002. – 484 с.
5. Культура военного мышления / под ред. Ф. Ф. Гайворонского, М. И. Галкина. – М.: Воениздат, 1991. – 287 с.
6. Протасов, А. А. Ценностные ориентации в профессиональной культуре офицера: соц. филос. анализ / А. А. Протасов: дис. ...канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1999. – 172 с.
7. Тимофеев, И. Г. Роль ценностных ориентаций личного состава в системе «человек – военная техника» / И. Г. Тимофеев: дис. ...канд. филос. наук. – М.: ВПА, 1980. – 188 с.
8. Волкогонов, Д. А. Воинская этика / Д. А. Волкогонов. – М.: Воениздат, 1976. – 320 с.
9. Сафронов, Б. В. Эстетическое сознание и духовный мир воина / Б. В. Сафронов: дис. ...докт. филос. наук. – М.: ВПА, 1975. – 339 с.
10. Александров, С. Е. Немецкий наемник конца XV – середины XVII вв.: грани ментальности / С. Е. Александров // Военно-историческая антропология. – М.: РОССПЭН, 2002.
11. Волков, С. В. Русское офицерство как историко-культурный феномен / С. В. Волков // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
12. Кожевин, В. Л. Неформальные традиции российской военной школы конца XIX начала XX вв. / В. Л. Кожевин // Военно-историческая антропология. – М., 2002.

13. Культура древних цивилизаций и воинская деятельность. Ч. I / под ред. проф. Л. Н. Дороговой. – М.: ВУ, 1995. – 196 с.
14. Новоселов, В. Р. Обычаи войны XVI в. и мотивация поведения наемных солдат / В. Р. Новоселов // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
15. Сениявская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е. С. Сениявская. – М.: Институт рос. истории РАН, 1997. – 231 с.
16. Сениявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сениявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
17. Коупленд, Н. Психология и солдат / Н. Коупленд: [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1991. – 96 с.
18. Помогайбин, В. Н. Военно-психологические исследования: методологические основы / В. Н. Помогайбин: монография. – М.: Совр. гуманитар. ун-т, 2001. – 539 с.
19. Асташов, А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну / А. Б. Асташов // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
20. Первая мировая война: история и психология: материалы Российской научной конф. / под ред. В. И. Старцева и др. – СПб.: Нестор, 1999. – 157 с.
21. Психология и война / под ред. А. Г. Караяни, Э. П. Утлика. – М.: ВУ, 2003. – 136 с.
22. Ведерников, В. Н. Военная социология: вопросы теории, методологии, истории и практики / В. Н. Ведерников. – М.: ГА ВС, 1994. – 232 с.
23. Клепиков, Д. В. Дедовщина как социальный институт / Д. В. Клепиков: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – СПб., 1997. – 20 с.
24. Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.
25. Дорогова, Л. Н. Западно-европейская культура Нового времени и воинская деятельность / Л. Н. Дорогова. – М.: ВУ, 2001. – 190 с.
26. Грачев, В. Д. Военные аспекты российской культуры (опыт ментального анализа) / В. Д. Грачев, В. Н. Гребеньков, В. В. Лысенко. – Ставрополь: Мир данных, 2006. – 132 с.
27. Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII – XX вв.: материалы Российской научной конф. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – 312 с.
28. Аванесова, Г. А. Военная деятельность: культурологический анализ / Г. А. Аванесова // Военная мысль. – 2006. – № 6.
29. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.
30. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления – М.: РОССПЭН, 2005. – 408 с.
31. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М.: РОССПЭН, 2006. – 416 с.
32. Бажуков, В. И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры / В. И. Бажуков: автореферат дис. ... д-ра культурологии. – М., 2009. – 35 с.
33. Марков, В. И. Конфликтогенный потенциал культуры / В. И. Марков // Конфликтология для XXI века: наука, образование, практика: мат. С.-Петерб. Междунар конгресса конфликтологов. Т. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

УДК 008

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

Г. Н. Миненко, Ж. А. Рябчевская

MUSICAL CULTURE OF THE SILVER AGE IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF RUSSIA

G. N. Minenko, Zh. A. Ryabchevskaya

В статье обсуждается соотношение специфики социокультурной макродинамики России с процессами развития отечественной художественной культуры Серебряного века. Утверждается полиморфизм как системный принцип отечественной социокультурной динамики. Аргументируется тезис об инверсионности как основной черте развития политико-экономической подсистемы российского общества и, в противоположность инверсии – поступательности, линейности динамики художественной его подсистемы. Показывается сложность «предвосхищающей» инверсионности в музыкальной культуре рубежа XIX – XX вв.

The article discusses the relationship of specificity of socio-cultural macrodynamics of Russia to the development of national artistic culture of the Silver Age. Polymorphism is proved to be a system principle of national socio-cultural dynamics. Reasons are provided that inversion was the main feature of the development of political and economic subsystems of Russian society and, in contrast to the inversion - progressivity, and linearity dominated in the dynamics of its artistic subsystem. The complexity of "anticipatory" inversion in the musical culture in the XIX – XX centuries is shown.

Ключевые слова: инверсия, линейность, музыкальная культура, полиморфизм, системность, социокультурная динамика.

Keywords: inversion, linearity, musical culture, polymorphism, system, socio-cultural dynamics.

Вопрос о сущностной природе социальной и культурной динамики России имеет историософский характер. Это означает, что она не может быть отражена в одномерной, однозначной формуле. Своеобразие развития русской культуры в разных вариациях отмечено отечественной общественной мыслью XIX века, но в наибольшей степени этот мотив приобрел актуальность, постоянно и настойчиво подчеркивался в трудах русских авторов начала XX столетия, пытавшихся осмыслить историческую судьбу России в условиях революционных преобразований.

Н. А. Бердяев, видимо, первым в России предпринял попытку объяснить прерывистость в развитии русской истории через ее культурные особенности [2]. Мы подробно рассматривали этот вопрос в более ранней работе [12]. Наследие Н. А. Бердяева актуализировалось и получило дальнейшее развитие на отечественной почве в поздний советский период. Заслуга реанимации идей антиномизма русской истории и культуры принадлежит ученым-гуманитариям – филологам и культурологам Ю. М. Лотману и Б. А. Успенскому. В 1977 г. в одном из тартусско-московских сборников ими опубликована работа, имевшая далеко идущие последствия – «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)». Авторы пишут: «Наблюдения над историей русской культуры в рассматриваемый отрезок времени убеждают в отчетливом ее членении на динамически сменяющие друг друга этапы, причем каждый новый период – будь то крещение Руси или реформы Петра I – ориентирован на решительный отрыв от предшествующего...» [18, с. 220].

Русская культура, как бинарная, осознает себя преимущественно в категориях взрыва, для нее характерна инверсионная структура исторической динамики. Даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего развития и апокалипсического рождения нового. Чаще всего этот лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки. Даже постепенное развитие мы психологически хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это не есть результат чьего-либо недомыслия, а суровый диктат бинарной исторической структуры [11, с. 147 – 148].

Взгляд на специфику культурно-исторического развития России, изложенный Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским, и восходящий к своему первоисточнику – трудам и позиции Н. А. Бердяева, оказался созвучным и привлекательным для большого числа современных отечественных исследователей. С различных позиций, но в указанном сходном клю-

че, проблема социально-культурной динамики России освещалась в философских (М. М. Бахтин, В. Б. Межуев, С. С. Неретина, Л. Я. Незамова), культурологических (Д. С. Лихачев, П. Гуревич, Г. Д. Гачев, И. В. Кондаков, А. П. Давыдов, С. В. Лурье, Н. А. Хренов, А. С. Панарин, Л. Б. Брусиловская, Е. Н. Яркова, В. М. Розин, С. Я. Матвеева), социологических (В. А. Ядов, И. Г. Михайлова, Е. Ю. Русяева, А. Г. Вишневский, А. А. Трошин, Г. А. Гольц, В. Г. Федотова), политологических (И. М. Клямкин, А. Мигранян) и исторических (Ю. С. Пивоваров, А. Л. Янов, В. Г. Хорос, Д. В. Кухарчук, И. Л. Солоневич, В. П. Булдаков) работах.

На этой основе А. П. Давыдов в сборнике, посвященном памяти А. С. Ахиезера, обобщая результаты и выводы исследователей относительно причин специфики культурно-исторического развития России, заключает, что с авторами можно спорить в отношении интерпретации исторических фактов, периодизации циклов, методов исследования, но они показывают главное – в России исторически сложился социально-культурный механизм, порождающий раскол в культуре, в котором инверсия подавляет тенденцию к формированию «срединной культуры». «Авторы расходятся в количестве и содержании циклов, хронометрируют их по-разному, но в одном едины: Россия на протяжении веков находится в некой “исторической ловушке”, в которой работает социокультурный маятник, динамика которого заменяет подлинное развитие» [6, с. 266].

Объяснительные модели инверсионной динамики России другой, скромной в количественном отношении, группы авторов (А. Мигранян, И. М. Клямкин, А. Л. Янов и другие) несколько иные. Переломные моменты в российской истории они трактуют не с позиции изначальной предопределенности развития российского общества, а обосновывают внешними по отношению к культуре факторами и не считают инверсионную динамику России историческим приговором. Особенно серьезный отпор универсализация принципа инверсионности получила в работе А. Л. Янова в указанном сборнике [20]. С его точки зрения, разрушительная инверсионность в исторической динамике России не является единственной и непреодолимой константой, наоборот, она имеет локальный и рукотворный характер. Развивая эту позицию, отметим, что, во-первых, инверсионность зримо стала проявляться довольно поздно, начиная с XVII века – в силу сепарации объективных обстоятельств развития российского социума с субъективным фактором, отвечающим за конкретные выборы верховной власти и привилегированных сословий российского общества при решении политических и экономических проблем. Во-вторых, на наш взгляд, инверсия характеризует в первую очередь политико-идеологическую сферу российского общества, которая непосред-

венно воздействует на векторность экономических процессов и не присуща с необходимостью остальным его сферам.

Обобщающий ответ сторонникам безбрежной инверсионности российской истории дал в недавнем переиздании «Красной смуты» известный историк В. П. Булдаков. Он пишет: «В 1990-е гг. только “социолог” или “политолог”, выращенный в советско-марксистском инкубаторе, мог додуматься до утверждений, что “российский маятник” совершает движение от тоталитаризма к демократии (с неизбежным заходом в авторитаризм). Только люди, из которых система вылепила анемичных вундеркиндов-перестарков, склонных уподоблять Россию “ваньке-встаньке”, но не способных ощущать дыхание настоящей истории, могли поверить, что демократия в стране, столетиями уклонявшаяся от нее, способна восторжествовать в одночасье» [4, с. 695].

Вернемся к логике начатых рассуждений. Исторически трансформирующийся социум представляет собой систему, а функционирование и развитие его подсистем можно рассматривать как взаимосвязанный с целым, но тем не менее относительно самостоятельный, автономный процесс. В частности, можно утверждать, что политико-идеологическая и экономическая подсистемы развиваются несколько иначе, чем надстроечная духовная сфера общества – наука, художественная культура, искусство. На примере России на это указывает факт разительного несоответствия исторических результатов того и другого. Попытки реформировать и оптимизировать политическую и экономическую подсистемы России, вековые попытки «догнать и перегнать» Запад успехом не увенчались. До сих пор эти области являются крайне проблемными и чреватými новыми социальными взрывами. В противовес этому, духовная культура России – ее иконопись, зодчество, литература, музыка и т. д. – в пиковых своих достижениях в XIX – XX столетиях явилась феноменом мирового масштаба.

Поэтому в качестве обоснованного предположения выскажем следующее. Очевидно, в одном теле страны сочетались векторы развития, которые были несбалансированными, имели разные «скорости». С опережением, и преимущественно по эволюционной (поступательной) траектории, развивалась «надстроечная» сфера. Для «базисных» же этажей общества в значительной мере свойственна динамика циклическая и одновременно инверсионно-взрывная. Таким образом, инверсия носила локальный характер – в том смысле, что актуализировалась в явной форме лишь в определенные моменты исторического процесса в России и охватывала, преимущественно, политико-идеологическую и экономическую сферы. В случае более-менее удачного реформирования инверсионная составляющая могла длительное время находиться в латентном, анабиозном состоянии. Мысль эта, в общем-то, не является абсолютно новой, и догадки общего плана в литературе встречаются. Б. С. Ерасов отмечает, например, так называемый «полиморфизм культурной динамики». Суть его в том, что культура многослойна, и в

ней могут происходить изменения, имеющие разнонаправленную векторность и скорость протекания. Наиболее устойчивой, консервативной является мифология и религия, а более подвижной – художественная культура общества, более гибко реагирующая на изменение духовного состояния общества [7, с. 291].

В этом смысле показательна культурная ситуация эпохи «Серебряного века». Главной предпосылкой возникновения художественно-эстетической ситуации «Серебряного века» явились исторические события второй половины XIX века. Политические, социально-экономические и культурные противоречия, вызванные к жизни грандиозными общественными преобразованиями, инициировали противоречия идейного характера, которые на рубеже веков обретают кризисные черты. Это обстоятельство и выступило фундаментом для возникновения такого специфического феномена, как русский Серебряный век. Инверсионные процессы, если и имели здесь место, то носили совершенно специфический, мы называем «предвосхищающий», характер. Обратимся к конкретному материалу.

Социально-политический, культурный и духовный кризис, о котором существует неисчислимое количество мемуарных свидетельств и научных исследований, приводит в этот период к идейному расколу в среде русской интеллигенции, к появлению в российском обществе множества разнонаправленных течений. Существенно радикализуются и поляризуются идеологические, социальные, художественные теории и концепции, оказывая глубокое воздействие на всю русскую культуру в целом. Анализ социальных процессов, происходивших в это время в России, обнаруживает не только наличие идейных контрастов и многообразия течений общественной мысли, но и воссоздает глубинно-психологическую атмосферу приближающейся катастрофы. Истоки подобных настроений кроются в специфике русской культуры, которая во многом, несмотря на значительные элементы секуляризации на своих высших (элитарных) этажах, функционировала под воздействием восточно-христианской православной эсхатологии. В процессе секуляризации российского общества эсхатологический фактор отнюдь не утрачивался, а оставался в ментальности народа как своеобразный «код» нации, постоянно провоцируя подсознательную тенденцию реализации проекта мгновенного и окончательного преобразования мира. Инверсионная специфика социально-экономической динамики подспудно оказывала заметное влияние на российское общество, подталкивая к сценарию катастрофического прерывистости и радикального изменения самого типа общества. Оборачивая введенную Г. В. Плехановым формулу, можно констатировать, что художественная культура Серебряного века фактически выступила «эстетическим эквивалентом» Русской революции, которая растянулась на семьдесят лет – начиная с отмены крепостного права и до вторичного закрепощения крестьянства в начале 1930-х гг.

Эпоха «Серебряного века» (конец XIX – начало XX вв.) действительно становится, по терминологии А. С. Ахизера [1], апогеем конструктивной напряженности в культуре страны. По своим качественным характеристикам именно и только это время, сформировавшееся на фоне предчувствия того, что человечество стоит на переходном, даже роковом рубеже, отвечало инверсионной логике, которая механически, вслед за Н. А. Бердяевым, без достаточных оснований стала переноситься на минувшие эпохи истории России. Отечественная музыка рубежа веков не осталась в стороне от общих тенденций. Так же, как живопись и литература, музыкальное искусство характеризуется столкновением представителей композиторских школ нескольких поколений, делится на группировки приверженцев различных стилей и применяемых средств в борьбе нового и старого.

В первом десятилетии XX в. завершают свой творческий путь Н. А. Римский-Корсаков и М. А. Балакирев, оставшиеся представители «Могучей кучки». В течение 1890-х гг. появляются выдающиеся произведения А. К. Глазунова, А. К. Лядова, С. Н. Танеева. В эти годы достигает полной зрелости творчество А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова. Постепенно выдвигается имя композитора и пианиста Н. К. Метнера, разворачивается яркое дарование И. Ф. Стравинского, начинают творческие поиски С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, Р. М. Глиэр.

В культуре рубежа веков господствующим становится символистское миропонимание, которое являлось не просто модой в искусстве, а состоянием умов, которое определялось острой неудовлетворенностью существующим положением и предчувствием социальных бурь [9, с. 21]. Практически все русские композиторы начала XX столетия оказались в той или иной мере захваченными этим течением. Они обращались к литературным сюжетам символистского толка, к сказочным и фантастическим образам, темам одиночества и обреченности, что сильно влияло на стилистику авторского творчества и требовало неординарных средств воплощения.

Апокалипсические настроения в обществе и катастрофизм сознания способствовали «предельности» в выражении эмоций. В музыкальной культуре эта психологическая атмосфера воплотилась в символистском спектре ощущений в виде тенденции фиксировать с помощью звуков малейшие нюансы динамики внутреннего мира человека. Такая фиксация требовала обновления музыкального языка, что отразилось в поляризации средств музыкальной выразительности, в применении противоположностей в одном произведении (статика – динамика, камерность – туттиность, микротематизм – концентрированность и тезисность) [9, с. 27].

Прогрессирующая идея тотального обновления языка искусства определила к концу первого десятилетия XX в. путь от «модерна» к «авангардизму», который пролегал через кубизм и футуризм. Кубофутуризм в музыке был представлен композиторами «второго ряда». Скрипач, автор «Руководства к изу-

чению четвертей тона для скрипки» – М. В. Матюшин создает музыку к футуристической опере «Победа над солнцем» (1913) на драму А. Е. Крученых, декорации к которой делал К. С. Малевич. Основная задача художников-новаторов состояла в приобщении людей к искусству будущего – «четвертитоновой музыке». Музыкальная жизнь России рубежа веков отличалась большим оживлением, разнообразием и высоким художественным вкусом. В творчестве композиторов эпохи «русского ренессанса» отразились все веяния переходной культуры, которые с большим основанием можно описать как конкуренцию стилей. По идейным разногласиям продолжало существовать деление музыкантов на представителей московской и петербургской школ. Композиторы московской школы (С. Н. Танеев, А. Н. Скрябин, С. В. Рахманинов, Н. К. Метнер), продолжая в творчестве линию П. И. Чайковского, были верны «классицизму», им был свойственен универсализм в подходе к музыкальному искусству. Композиторы Петербурга (Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Лядов, С. С. Прокофьев, И. Ф. Стравинский), ставшего родиной неоклассиков, отличались избирательностью и были более чутки к новым веяниям. С. Н. Танеев отрицал творчество зрелого А. Н. Скрябина. В свою очередь, И. Ф. Стравинский и С. С. Прокофьев не принимались «скрябинистами», а кубофутуристы противопоставляли себя всем остальным композиторам.

Наряду с множеством причинных социально-исторических векторов, несомненно, что и раскол в общественно-политической жизни России, и калейдоскопичность в социально-культурной сфере, граничащая с ситуаций хаоса, в конечном итоге привели страну к Октябрьской революции 1917 г. Идейные и социальные факторы отнюдь не являются «внешними» по отношению к процессу музицирования, а выступают как существенный элемент в музыкально-историческом развитии. Правильно отмечает Т. В. Чередниченко, что они «...детерминируют музыку опосредованно, в том смысле, что находят себе “отзвук” в процессах перестройки музицирования, совершающихся как бы в силу внутренней логики» [19, с. 119].

Заключительная фаза цикла, названная Н. А. Бердяевым Серебряным веком, особенно интересна для исследователя. Яркой иллюстрацией «точечного» времени стал 1910 год, когда творческая напряженность достигла высочайшей степени интенсивности. Не только социальная жизнь тех лет, но и вся русская культура и искусство переживали этап переходности, являя собой экстракт старого и нового. «Всё перепутывалось, становилось одновременно и параллельным, смыкалось и размыкалось. Русское искусство как бы спешило догнать и одновременно уйти вперед» [16, с. 7]. Осмысляя идею Апокалипсиса как средство духовного переворота, творческая интеллигенция рубежа веков посредством идей и образов отображала напряжённость атмосферы в обществе, которая чуть позднее вылилась в события, определившие реальный инверсионный взрыв российского общества. По

М. М. Бахтину, эсхатологические умонастроения есть не что иное, как форма исторической инверсии, где чаемое будущее мыслится как конец всего существующего, хаос, катастрофа: «Эсхатологизм всегда мыслит себе этот конец так, что тот отрезок будущего, который отделяет настоящее от этого конца, обесценивается, утрачивает значение и интерес: это ненужное продолжение настоящего неопределённой длительности» [2, с. 299].

С точки зрения апокалипсических настроений эпохи, интересно творчество В. И. Ребикова. Этот композитор создал собственную концепцию творчества, взяв за основу положение Э. Маха о том, что мир есть «комплекс ощущений», а в задачу науки входит лишь их описание. В. И. Ребиков попытался перенести теорию махизма на искусство. Отсюда композитор пришёл к заключению, что «его эстетические положения более всего применимы к тому узкому разделу музыкальной психологии, который включает в себе область душевных переживаний и настроений, фиксацию едва уловимых психологических состояний, вызванных созерцанием внешнего мира или сферой тонких любовных эмоций» [17, с. 20]. Помимо положений сенсуализма, В. И. Ребиков обращался к знаменитому трактату Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» Будучи сторонником общедоступности и социальной направленности искусства, композитор разделял мысли Л. Н. Толстого о социальной природе искусства и об антинародном характере искусства высших классов. Отсюда вытекало то, что всё творчество В. И. Ребикова, как и его эстетическая концепция, находилось в постоянном противоречии. Стремясь запечатлеть тончайшие движения души посредством поиска новых выразительных средств в музыке, он оказывался «то в русле массово-демократического искусства, то на стороне модернизма» [17, с. 18 – 19]. Считая, что музыка лишь средство для передачи чувства, композитор объявил своё направление «музыкально-психографическим». Находясь в «магнитном поле» символизма и импрессионизма, В. И. Ребиков смело экспериментирует, во многом опережая современников.

В. И. Ребиков первым в русской музыке использовал целотонный звукоряд вместо привычного мажора-минора, раньше А. Н. Скрябина применил «прометеевский» аккорд, раньше К. Дебюсси открыл терпкие квартово-квинтовые сочетания и внедрил параллельное движение. Он опередил Д. Мийо в использовании политональности, а Г. Коуэлла – в применении многосекундовых «аккордов-колонн». Впервые композитор обратился и «к технике живописного пуантилизма, то есть к замене тем, мотивов, аккордов пёстро-красочной россыпью “звуков-точек”» [17, с. 28]. Современники не понимали В. И. Ребикова, называли декадентом, «алчущим и жаждущим правды в музыке». Композитор обижался, переживал, но от выбранного стиля не отступал. Чуткий к социальным переменам и настроениям в обществе, он задумал написать серию камерных оперных произведений, которым даёт название «Драмы духа».

Первой «драмой духа», явилась написанная им в 1900 году моноопера «Ёлка» в одном действии и трёх картинах. Главная героиня – маленькая нищенка. Накануне новогоднего праздника Девочка пытается продать людям коробочки со спичками, её ариозо, выполняющее функцию экспозиции главного образа и завязки действия, пронизано жалобными интонациями плача и стога. На пороге неминуемой трагической развязки до Девочки доносится из окон богатого дома блестящий вальс. Представляя себя на новогоднем балу в сказочном дворце, Девочка танцует, радуется, но вдруг в разгар веселья всё обрывается, и в дверях залы появляется Мать-Смерть и манит её за собой. В финале показана заснеженная улица, на которой вьюга замечает умирающую от холода и голода Девочку. В предсмертном бреду, она видит Мать-Смерть, которая манит её за собой по сияющей лестнице ввысь, к звёздам. Тематика оперы выражала чувство безнадёжности, а образ замерзающей Девочки явился символом общечеловеческого горя и нищеты. Премьера оперы «Ёлка» состоялась в октябре 1903 года и вызвала многочисленные и противоречивые отклики музыкальной критики. Однако сам В. И. Ребиков очень гордился тем, что «Ёлка» оказалась созвучной времени и успешно ставилась на сценах многих театров.

В 1904 году композитор закончил вторую «драму духа» – «Тэа» («Богиня»). Это синтетическое произведение, где элементы оперы переплетаются с чертами вокально-симфонической поэмы и кантаты. Сюжет оперы – это сопоставление «картин», выражающих различные стадии «жизни духа», от любовного томления и ожидания встречи – до жажды смерти и последующего за ней душевного просветления. Финал «Тэи» – избавление от страданий с помощью смерти, что вполне соответствовало апокалипсическим предчувствиям, пронизывающим творческую атмосферу России того времени. Не остался В. И. Ребиков равнодушным и к событиям 1905 года. Композитор был на той стороне русской интеллигенции, которая приветствовала русскую революцию, он был потрясён расстрелом мирной демонстрации. Свои переживания Ребиков выразил в музыкально-психологической картине «Кошмар», а также в литературной поэме «Альфа и Омега». Впоследствии В. И. Ребиков напишет оперу на свою поэму. Замысел оперы «Альфа и Омега», написанной в 1911 году, воплотил эсхатологическую направленность всего русского искусства начала XX века. Две картины изображали начало и конец существования человека на Земле. Герои оперы символизировали такие начала: мужчина – познание и власть, женщина – робость и красоту. В опере присутствовали символические образы Жизни и Смерти, но главным двигателем фабулы явился Люцифер. Вначале он предлагает человеку власть над миром, а в конце произведения с дьявольским коварством открывает ему бренность, ничтожность земного бытия. В финале оперы был изображён последний день жизни на Земле, где Смерть побеждает Жизнь. Несмотря на то, что музыка оперы оказалась

весьма схематичной, смысл вполне отражал чаяния времени – преодоление трагически несовершенного земного мира. Пессимистическая идея тщетности и бесплодности человеческого бытия, его неотвратимого движения к гибели была вполне созвучна апокалипсическим настроениям в обществе.

Конечно, мотивы эсхатологического характера проявлялись в музыкальном творчестве Серебряного века по-разному, но они тем не менее влияли на музыкальное мышление, заставляя высказываться композиторов в новой, неожиданной для них самих манере. Примером может служить симфоническая картина А. К. Лядова «Из Апокалипсиса», которую Б. В. Асафьев назвал слишком «громкой» для «тишайшего» музыканта. Ученик Н. А. Римского-Корсакого, А. К. Лядов являлся продолжателем традиций объединения «Могучая кучка», но в то же время, чутко ощущая дух времени, композитор ассимилировал в своём творчестве и современные тенденции в музыке. Основа творчества А. К. Лядова – сочинения малых форм (фортепианные, оркестровые, вокальные). «Яркие и самобытные, они глубоко национальны по своим образам и музыкальному языку» [8, с. 3]. Три его симфонические картины «Баба-Яга» (1904), «Волшебное озеро» (1909) и «Кикимора» (1910) сочетают черты русского сказочного симфонизма с влиянием К. Дебюсси и являются ярким выражением творческого портрета композитора.

Революционные события 1905 года, всколыхнувшие Россию, затронули и преподавателей Петербургской консерватории. На митинге в консерватории развернулась бурная дискуссия о том, что «человек, занимающийся искусством, не может оставаться узким специалистом, а должен быть гражданином» [8, с. 82]. За поддержку студентов был уволен старейший профессор консерватории Н. А. Римский-Корсаков. В знак протеста и солидарности подали в отставку лучшие преподаватели консерватории А. К. Глазунов и А. К. Лядов. Дух времени нашёл отражение в поздних произведениях А. К. Лядова – «Из Апокалипсиса» (1913), и «Скорбная песня» (1914), в которых можно обнаружить эстетические противоречия творчества. Эти произведения не вписываются в обычную манеру композитора, их тематика далека от народных источников и говорит о том, что ноты душевного смятения проникли в его привычный идейно-художественный мир. В частности, симфоническая картина «Из Апокалипсиса» заняла исключительное место в наследии композитора, поскольку нетипична для его творчества и по сюжету, и по средствам его выражения. Композитор вводит в произведение подлинный напев духовного стиха, усиливает состав оркестра. «Чуждый мистики, он передаёт эсхатологические аллегории Апокалипсиса в иллюстративно-изобразительном плане, не порывая связи с реальными «земными» образами природы» [13, с. 150]. По словам критики, идея грандиозного перерождения не удалась композитору, но само обращение к этому библейскому сюжету говорит о довлеющих настроениях в обществе.

Идея расширения границ искусства в эпоху глобального кризиса, каким был кризис рубежа столетий, была достаточно популярна в творческой среде и приобрела основополагающий смысл в философии младосимволистов, что вылилось в мечту о синтетическом, соборном, теургическом действии, воплощенном в символическом театре Мистерий. Разумеется, подобная мысль о символической Мистерии могла «возникнуть лишь в предгрозовой атмосфере начала века, в эпоху апокалипсических пророчеств и ожидания некоего исторического катарсиса» [9, с. 61]. От подобной мировоззренческой концепции вселенского масштаба, подразумевавшей синтез звука, слова, движений, а также реалий природы, не мог остаться в стороне и А. Н. Скрябин. По воспоминаниям Л. Сабанеева, всё творчество композитора эволюционировало в направлении созревания идеи Мистерии. «Когда идея Мистерии предстала перед его духовным взором, творчество его испытало страшный подъем, какой-то необычайный прилив энергии и образов» [15, с. 359]. Именно в Мистерии А. Н. Скрябин предполагал мгновенное переживание всего исторического опыта человечества. Мысль об одномоментном переживании прошлого и будущего пронизывают как лейтмотив философские записи композитора начала 1900-х годов. «Формы времени таковы, – пишет он, – что я для каждого данного момента создаю бесконечное прошлое и бесконечное будущее». «Глубокая вечность и бесконечное пространство, – читаем в другом месте, – есть построения вокруг Божественного экстаза, есть его излучение – момент, излучающий вечность» [10, с. 26]. Философское видение А. Н. Скрябиным «конца мира» предполагало теоретическое отрицание времени вообще.

Экспериментируя со временем, А. Н. Скрябин явился феноменом творческого дуализма. В основе хронотипических экспериментов А. Н. Скрябина лежал его принцип композиции, называемый «гармониемелодией», в котором отразилась поляризованность общества: мелодия олицетворяла силы революции, гармония – мистически настроенную интеллигенцию с ее идеей Всеединства. А. Н. Скрябин, исходя из философской концепции, лежащей в основе его творчества, сторонился политической жизни и революционной борьбы, поэтому мировоззренчески он, конечно, принадлежал к той части творческой элиты, которая видела пути к новой жизни в трансформации искусства, философии и религии в некое новое единство – теургию, что квалифицируется как процесс медиационный. Однако, благодаря мощной энергии, которую несла его музыка, сторонники радикальных идей видели в А. Н. Скрябине предвестника революционных перемен. Например, Г. В. Плеханову его музыка представлялась отражением революционной эпохи в темпераменте и мирозерцании идеалиста-мистика [14, с. 7]. А будущий народный комиссар просвещения большевистского правительства А. В. Луначарский полагал, что пафос и порывы страсти, изображенные композитором, имели «высший дар музыкального романтизма революции» [5, с. 6]. Та-

ким образом, в музыкальном наследии А. Н. Скрябина на уровне идей и образов сфокусировались оба полюса оппозиции – инверсии и медиации.

Итак, художественно-эстетическая ситуация Серебряного века характеризовалась глубинно-психологической атмосферой приближающейся катастрофы. Апокалипсическими идеями в это время были проникнуты все сферы бытия российского общества, включая философию и искусство. Истоки подобных настроений кроются в специфике русской культуры, которая во многом функционировала под воздействием христианской эсхатологии. Заложенный в первохристианстве на Руси эсхатологический комплекс активизировался, в первую очередь, в сознании творческой – художественной и философской – элиты. Русская культура рубежа XIX – XX веков по своей доминанте, несмотря на линию эволюционного развития, выражаемую движением за теургию и синтез искусств, переживала в формах художественного творчества инверсионный всплеск в мышлении, чувствовании, реакции на происходящие события. Радикальное экспериментирование футуристов и кубофутуристов граничило с эстетическим хулиганством и вполне укладывалось в логику инверсионного мышления.

Однако нельзя утверждать в духе эстетического социологизма 1920-х годов (В. Ф. Переверзев, В. М. Фриче и др.), рассматривавшего явления искусства как прямое выражение классовых отношений в обществе, что весь Серебряный век – сплошная инверсия, на том основании, что в этот период случилось три революции. Основной наш вывод заключается в том, что связь здесь более тонкая, которую можно обозначить как *предвосхищение*, а не детерминирующий прогноз. Поэтому мы говорим лишь об *идейно-образной инверсии* в художественной культуре Серебряного века как предваряющем эстетическом аналоге реального инверсионного взрыва, покончившего с императорской Россией. Это был, пожалуй, единственный период в развитии художественной культуры России, когда нарастающая инверсионная волна (в базовой для нее политико-идеологической сфере) захватила ее своим влиянием и обусловила отмеченные выше инверсионные тенденции.

Литература

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России): в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. – 805 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.
4. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд., доп. / В. П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.
5. Бэлза, И. Александр Николаевич Скрябин / И. Бэлза. – М.: Музыка, 1982. – 175 с.
6. Давыдов, А. П. Поиск «середины» как методологическое основание социологического теоретизирования (угроза раскола между культурой и обществом и проблема ее предотвращения) / А. П. Давыдов // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А. С. Ахиезера. – М.: Новый хронограф, 2008.
7. Ерасов, Б. С. Социальная культурология: пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. / Б. С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 591 с.
8. Запорожец, Н. А. К. Лядов / Н. А. Запорожец. – М.: Музгиз, 1954. – 213 с.
9. Левая, Т. Русская музыка начала XX в. в художественном контексте эпохи / Т. Левая. – М.: Музыка, 1991. – 166 с.
10. Левая, Т. Н. Скрябин и художественные искания XX века / Т. Левая. – Санкт-Петербург, 2007. – 184 с.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968 – 1992) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
12. Миненко, Г. Н. Специфика социальной и культурной динамики России / Г. Н. Миненко, Ж. А. Рябцевская // Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте: сборник статей по материалам Российской научно-практической конференции с межд. участием «Русское слово в культурно-историческом контексте» (Кемерово, 21 – 23 октября, 2010 г.). – Кемерово: КемГУКИ, 2010.
13. Михайлов, М. К. А. К. Лядов / М. К. Михайлов. – М.: Музыка, 1985. – 208 с.
14. Рубцова, В. В. Александр Николаевич Скрябин / В. В. Рубцова. – М.: Музыка, 1989. – 447 с.
15. Сабанев, Л. Л. Воспоминания о Скрябине / Л. Л. Сабанев. – М.: Классика – XXI, 2000. – 400 с.
16. Сарабьянов, Д. Русская живопись конца 1900-х – начала 1910-х годов. Очерки / Д. Сарабьянов. – М.: Искусство, 1979. – 143 с.
17. Томпакова, О. М. Владимир Иванович Ребиков: очерк жизни и творчества / О. М. Томпакова. – М.: Музыка, 1989. – 79 с.
18. Успенский, Б. А. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1: семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994.
19. Чередниченко, Т. В. Современная марксистско-ленинская эстетика музыкального искусства. Проблемы и перспективы развития / Т. В. Чередниченко. – М.: Сов. композитор, 1987. – 320 с.
20. Янов, А. Л. Историческое распустье России. В защиту центрального тезиса А. С. Ахиезера / А. Л. Янов // В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера / сост. А. П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2009.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.6

АЛГОРИТМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ОРТОГОНАЛИЗАЦИИ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ВЕКТОРОВ

Я. Н. Вершинин, В. Н. Крутиков

ORTHOGONALIZATION OF THE SEQUENCE VECTORS LEARNING ALGORITHMS

Y. N. Vershinin, V. N. Krutikov

Эффективные релаксационные субградиентные методы оптимизации негладких функций основываются на алгоритмах решения систем неравенств, целью которых является поиск направления спуска на очередной итерации основного алгоритма. Для нахождения решения указанных систем неравенств могут быть использованы итеративные алгоритмы, называемые алгоритмами обучения. В этой работе предлагаются и изучаются многошаговые методы, в которых для ускорения сходимости используется идея ортогонализации последовательных направлений процесса обучения.

Effective relaxation subgradient optimization methods for nonsmooth functions are based on algorithms for solving systems of inequalities, which are focused on computing the descent direction for the next iteration of the main algorithm. Iterative algorithms, called learning algorithms, can be used to find the solution of such inequality systems. In this paper we propose and study multi-step methods which use orthogonalization of sequential directions to accelerate learning process convergence.

Ключевые слова: алгоритм Качмажа, алгоритм с попарной ортогонализацией векторов, многошаговый алгоритм, скорость сходимости.

Keywords: Kaczmarz algorithm, pairwise orthogonalization of sequential vectors algorithm, multistep algorithm, convergence rate.

1. Постановка задачи

Пусть требуется решить задачу оценивания неизвестных параметров линейной модели.

Задача 1. По данным наблюдения $g_k \in R^n$, $y_k \in R^1$, $k = 0, 1, 2, \dots$, процесса

$$y_k = (s^*, g_k) + \xi_k, \quad (1)$$

где ξ_k – ошибка наблюдения, необходимо найти вектор неизвестных параметров $s^* \in R^n$.

Здесь и далее n – размерность пространства, а $\cdot, \cdot$ – оператор скалярного произведения. Соотношение (1) будем называть обучающим соотношением. Можно сказать, что целью решения задачи 1 является нахождение $s^* \in R^n$, в определенной мере удовлетворяющего обучающим соотношениям.

Алгоритм Качмажа [1] (см., например, [2 – 3]) для оценки s^* в задаче 1 имеет вид [4-6]:

$$s_{k+1} = s_k + \frac{y_k - (s_k, g_k)}{\|g_k\|^2} g_k, \quad (2)$$

где $\|\cdot\|$ – Евклидова норма вектора.

Итерацию (2) при $\xi_k = 0$ можно интерпретировать как шаг минимизации функции

$$\phi(s) = (s - s^*, s - s^*)$$

из точки s_k в направлении g_k , т. е.:

$$s_{k+1} = s_k - t^* g_k, \quad t^* = \frac{(g_k, s_k) - (g_k, s^*)}{(g_k, g_k)},$$

где t^* – оптимальный шаг. Обозначим вектор невязки, как $\Delta_k = s_k - s^*$. Мера качества направления спуска g_k минимизации квадратичной функции $\phi(s)$ с равными собственными значениями матрицы вторых производных определяется выражением

$$q_k^2 = (\Delta_k, g_k)^2 / \|\Delta_k\|^2 \|g_k\|^2. \quad (3)$$

Вместо (g_k, s^*) мы имеем наблюдения y_k . Поэтому реальный шаг в (2)

$$t = [(g_k, s_k) - y_k] / (g_k, g_k).$$

В качестве меры ошибки наблюдений y_k примем относительную ошибку

$$\lambda_k = (t - t^*) / t^* = [(g_k, s_k) - y_k] / [(g_k, s_k) - (g_k, s^*)] - 1. \quad (4)$$

Сделаем следующее предположение о данных задачи 1.

Предположение 1. Пусть данные в задаче 1 удовлетворяют следующим условиям:

$$q_k^2 \geq q^2 > 0. \quad (5)$$

$$0 \leq -\lambda_k \leq \lambda < 1. \quad (6)$$

$$(g_k, \Delta_k) \geq 0. \quad (7)$$

Ограничение (6) на λ_k обеспечивает гарантированную точность одномерного спуска алгоритма (2) вдоль g_k и одновременно соответствует неполной релаксации одномерного спуска, т. е. отсутствию проскакивания точки одномерного минимума.

Свойство (7) говорит о согласованности векторов невязки Δ_k и обучения g_k . Вектор g_k в алгоритме обучения (2) играет роль, аналогичную градиенту в градиентном методе. При условии (7) справедлив более сильный аналог (5):

$$1 \geq q_k = \frac{(\Delta_k, g_k)}{\|\Delta_k\| \|g_k\|} \geq q > 0, q_k^2 \geq q^2 > 0. \quad (8)$$

Далее мы будем использовать равенство

$$(g_k, s_k) - y_k = (1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k), \quad (9)$$

которое следует из (4).

Исследуемые в данной работе алгоритмы строятся на принципе ортогонализации последовательных векторов процесса обучения. Выбор этого принципа обусловлен тем, что процесс минимизации квадратичной функции ϕs с одинаковыми собственными значениями матрицы вторых производных гарантированно сходится к стационарной точке не более чем за n итераций при условии взаимной ортогональности направлений движения.

2. Оценка скорости сходимости алгоритма

Качмажа

На каждом шаге алгоритма Качмажа оценка новых параметров производится так, что выполняются обучающие соотношения (1).

Лемма 1. Пусть последовательность $\{s_k\}$ – результат процесса (2) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда выполнены равенства

$$(s_{k+1}, g_k) = y_k. \quad (10)$$

Доказательство. Умножив (2) на g_k , получим:

$$(s_{k+1}, g_k) = (s_k, g_k) + \frac{y_k - (s_k, g_k)}{\|g_k\|^2} (g_k, g_k) = y_k.$$

Теорема 1. Пусть последовательность $\{s_k\}$ – результат процесса (2) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда, если выполнено предположение 1, имеет место оценка:

$$(\Delta_k, \Delta_k) \leq (\Delta_0, \Delta_0) [1 - q^2 (1 - \lambda^2)]^k. \quad (11)$$

Доказательство. Вычитая из обеих частей (2) вектор s^* , с учетом (9), получим:

$$\Delta_{k+1} = \Delta_k - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(g_k, g_k)} g_k. \quad (12)$$

Отсюда найдем:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) = (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(g_k, \Delta_k)^2}{(g_k, g_k)} (1 - \lambda_k^2). \quad (13)$$

Из (13), с учетом (3), получим:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) = (\Delta_k, \Delta_k) [1 - q_k^2 (1 - \lambda_k^2)]. \quad (14)$$

При условиях (5) и (6) из (14) следует оценка:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) \leq (\Delta_k, \Delta_k) [1 - q^2 (1 - \lambda^2)]. \quad (15)$$

Для обоснования (11) используем рекуррентно оценку (15).

3. Алгоритм обучения на основе попарной ортогонализации последовательных векторов

Если в (2) используется система из n взаимно ортогональных векторов g_k , и отсутствует ошибка,

т. е. $y_k = (s^*, g_k)$, g_k тогда решение $s^* \in R^n$ будет получено за цикл итераций (2) вдоль этих векторов. Мы, используя ортогонализацию, построим алгоритм, который решает задачу точно в пространстве двух последовательных векторов.

Введем итерационный процесс с ортогонализацией последовательных векторов:

$$s_{k+1} = s_k + \frac{y_k - (s_k, g_k)}{(g_k, g_k)} p_k, \quad (16)$$

где

$$p_k = \begin{cases} g_k, & \text{если } (g_k, g_{k-1}) \geq 0, \\ g_k - \frac{(g_k, g_{k-1})}{\|g_{k-1}\|^2} g_{k-1}, & \text{если } (g_k, g_{k-1}) < 0. \end{cases} \quad (17)$$

если $(g_k, g_{k-1}) \geq 0$,
если $(g_k, g_{k-1}) < 0$.

На каждом шаге алгоритма (16), (17) оценка новых параметров производится так, что выполняются обучающие соотношения (1).

Лемма 2. Пусть последовательность $\{s_k\}$ – результат процесса (16), (17) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда выполнены равенства

$$(s_{k+1}, g_k) = y_k, \quad (18)$$

$$(s_{k+1}, g_{k-1}) = y_{k-1}, \text{ если } (g_k, g_{k-1}) < 0. \quad (19)$$

Доказательство. Умножив (16) на g_k , получим:

$$(s_{k+1}, g_k) = (s_k, g_k) + \frac{y_k - (s_k, g_k)}{(g_k, g_k)} (g_k, g_k) = y_k.$$

И если $(g_k, g_{k-1}) < 0$, то с учетом $(p_k, g_{k-1}) = 0$, что следует из (17), получим:

$$(s_{k+1}, g_{k-1}) = (s_{k-1}, g_{k-1}) + \frac{y_{k-1} - (s_{k-1}, g_{k-1})}{(g_{k-1}, g_{k-1})} (p_{k-1}, g_{k-1}) = y_{k-1}.$$

Согласно (18), (19), в том случае, когда в (17) срабатывает ортогонализация, выполняются два последних обучающих соотношения.

Теорема 2. Пусть последовательность s_k – результат процесса (16), (17) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда, если выполнено предположение 1, имеет место оценка

$$(\Delta_k, \Delta_k) \leq (\Delta_0, \Delta_0)[1 - q^2(1 - \lambda^2)]^k. \quad (20)$$

При этом на отдельной итерации оценка скорости сходимости процесса (16), (17) не хуже, чем

у алгоритма Качмажа при условии шага каждого из алгоритмов из одной и той же точки s_k .

Доказательство. Исследование случая $(g_k, g_{k-1}) \geq 0$ в (17) нами проведено при оценке скорости сходимости алгоритма Качмажа. Поэтому мы исследуем случай ортогонализации в (17). Вычитая из обеих частей (16) вектор s^* , с учетом (9), получим:

$$\Delta_{k+1} = \Delta_k - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} p_k. \quad (21)$$

Отсюда найдем:

$$\begin{aligned} (\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) &= (\Delta_k, \Delta_k) - 2 \frac{(1 + \lambda_k)(p_k, \Delta_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} + \frac{(1 + \lambda_k)^2 (g_k, \Delta_k)^2 (p_k, p_k)}{(p_k, g_k)^2} = \\ &= (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} \left[2(p_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)(p_k, p_k)}{(p_k, g_k)} \right]. \end{aligned} \quad (22)$$

В силу $(p_k, g_{k-1}) = 0$, что следует из (17), выполняется равенство $(p_k, p_k) = (p_k, g_k)$. Поэтому (22) приводится к виду:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) = (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} [(p_k, \Delta_k) - (1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)]. \quad (23)$$

Умножив (21) на g_k , с учетом (7), получим:

$$(g_k, \Delta_{k+1}) = -\lambda_k(g_k, \Delta_k) \geq 0. \quad (24)$$

Умножив (17) на Δ_k , с учетом $(g_k, g_{k-1}) < 0$ и неравенства (24) для индекса $k \rightarrow k - 1$, получим оценку:

$$\begin{aligned} (p_k, \Delta_k) &= (g_k, \Delta_k) - \\ &- \frac{(g_k, g_{k-1})(g_{k-1}, \Delta_k)}{(g_{k-1}, g_{k-1})} \geq (g_k, \Delta_k). \end{aligned} \quad (25)$$

При условии, что $(p_k, g_k) > 0$ из (23), с учетом (25) и (7) получим:

$$\begin{aligned} (\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) &\leq (\Delta_k, \Delta_k) - \\ &- \frac{(1 - \lambda_k^2)(g_k, \Delta_k)^2}{(p_k, g_k)}. \end{aligned} \quad (26)$$

Умножив (17) на g_k , получим:

$$\begin{aligned} (p_k, g_k) &= (g_k, g_k) - \\ &- \frac{(g_k, g_{k-1})^2}{(g_{k-1}, g_{k-1})} \leq (g_k, g_k). \end{aligned} \quad (27)$$

Рассмотрим положение векторов g_k и $\hat{\Delta}_k$ – проекции вектора Δ_k в плоскости ортогональных векторов g_{k-1} , p_k . Согласно (17), вектор g_k имеет отрицательную компоненту вдоль g_{k-1} . Согласно неравенству (24) для индекса k равного $k - 1$, вектор $\hat{\Delta}_k$ имеет положительную компоненту вдоль

g_{k-1} . Поэтому угол между g_k , $\hat{\Delta}_k$ больше угла между векторами g_k , p_k . Следовательно, для косинусов этих углов можно записать цепочку неравенств:

$$\begin{aligned} \frac{(p_k, g_k)}{\|p_k\| \|g_k\|} &\geq \frac{(\hat{\Delta}_k, g_k)}{\|\hat{\Delta}_k\| \|g_k\|} \geq \\ &\geq \frac{(\Delta_k, g_k)}{\|\Delta_k\| \|g_k\|} \geq q_k. \end{aligned} \quad (28)$$

Отсюда и равенства

$$\|p_k\| = \sqrt{(p_k, p_k)} = \sqrt{(g_k, p_k)} \text{ следует } \min_l \quad (29)$$

Из (29), вместе с (24) имеем:

$$\begin{aligned} (g_k, g_k) &\geq (p_k, g_k) \geq \\ &\geq q_k^2 (g_k, g_k) > 0. \end{aligned} \quad (30)$$

Таким образом, в силу (30), оценка (26) получена корректно, а на основании (24) может быть преобразована к неравенству:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) \leq (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 - \lambda_k^2)(g_k, \Delta_k)^2}{(g_k, g_k)}. \quad (31)$$

При условиях (5) и (6) из (31) следует оценка:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) \leq (\Delta_k, \Delta_k)[1 - q^2(1 - \lambda^2)]. \quad (32)$$

Для обоснования (20) используем рекуррентно оценку (32).

Сравнивая оценки (26) и (13) приходим к выводу, что на отдельной итерации при условии, что оба алгоритма ((2) и (16), (17)) делают шаг из одной точки, в силу неравенства в (26) и равенства в (13),

следует последнее утверждение теоремы о том, что на отдельной итерации оценка скорости сходимости процесса (16), (17) не хуже, чем у алгоритма Качмажа.

4. Многошаговый алгоритм обучения

Развивая идею алгоритма с парной ортогонализацией последовательных векторов обучения, введем итерационный процесс с ортогонализацией, следующих друг за другом направлений смещения, т. е. $(p_k, p_{k-1}) = 0$.

$$s_{k+1} = s_k + \frac{y_k - s_k, g_k}{p_k, g_k} p_k, \quad (33)$$

где

$$p_k = \begin{cases} g_k, & \text{если } (g_k, p_{k-1}) \geq 0, \\ g_k - \frac{g_k, p_{k-1}}{\|p_{k-1}\|^2} p_{k-1}, & \text{если } (g_k, p_{k-1}) < 0. \end{cases} \quad (34)$$

На каждом шаге алгоритма оценка новых параметров производится так, что выполняются обучающие соотношения (1). Поведение исследуемого алгоритма представлено на рисунке 1.

Лемма 3. Пусть последовательность s_k - результат процесса (33), (34) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда выполнены равенства

$$(s_{k+1}, g_k) = y_k. \quad (35)$$

Доказательство. Используя (33) и (34), получим:

$$\begin{aligned} (s_{k+1}, g_k) &= (s_k, g_k) + \\ &+ \frac{y_k - s_k, g_k}{p_k, g_k} (p_k, g_k) = y_k. \end{aligned}$$

Для оценки скорости сходимости нам потребуется следующая лемма, которая исследует характеристики процесса (33), (34) в случае $(g_k, p_{k-1}) < 0$.

Лемма 4. Пусть последовательность s_k - результат процесса (33), (34) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда, если выполнено предположение 1, то имеют место оценки:

$$(p_k, \Delta_k) \geq (g_k, \Delta_k). \quad (36)$$

$$(p_k, \Delta_{k+1}) \geq 0. \quad (37)$$

Доказательство. Из (38) найдем:

$$\begin{aligned} (\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) &= (\Delta_k, \Delta_k) - 2 \frac{(1 + \lambda_k)(p_k, \Delta_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} + \frac{(1 + \lambda_k)^2 (g_k, \Delta_k)^2 (p_k, p_k)}{(p_k, g_k)^2} = \\ &= (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} \left[2(p_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)(p_k, p_k)}{(p_k, g_k)} \right]. \end{aligned} \quad (42)$$

Доказательство. Будем проводить доказательство по индукции. При $k = 0$ выполняются равенства $p_k = g_k$, $p_{k-1} = 0$. Поэтому неравенство (36) выполнено. Вычитая из обеих частей (33) вектор s^* , с учетом (9), получим:

$$k = 1, \dots, q \quad (38)$$

Умножив (38) на p_k и произведя преобразования, получим:

$$\begin{aligned} (p_k, \Delta_{k+1}) &= (p_k, \Delta_k) - \frac{(1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k)}{(p_k, g_k)} (p_k, p_k) = \\ &= (p_k, \Delta_k) - (1 + \lambda_k)(g_k, \Delta_k) \geq -\lambda_k (g_k, \Delta_k) \geq 0. \end{aligned} \quad (39)$$

Переходы в (39) сделаны на основе равенства $(p_k, p_k) = (p_k, g_k)$, следующего из (34) в случае $(g_k, p_{k-1}) < 0$, и неравенства (36), позволившего сделать замену $(p_k, \Delta_k) \rightarrow (g_k, \Delta_k)$.

В предположении, что неравенства выполнены на предыдущей итерации $k - 1$, докажем их справедливость на текущей итерации k следующим образом. Для случая, $(g_k, p_{k-1}) < 0$ умножив (34) на

Δ_k и учитывая, что $(p_{k-1}, \Delta_k) \geq 0$, которое справедливо в силу (37), получим:

$$\begin{aligned} (p_k, \Delta_k) &= (g_k, \Delta_k) - \\ &- \frac{(g_k, p_{k-1})}{\|p_{k-1}\|^2} (p_{k-1}, \Delta_k) \geq (g_k, \Delta_k). \end{aligned} \quad (40)$$

В результате мы доказали (36). Справедливость (37) следует из (39).

Относительно сходимости нового алгоритма обучения справедливо следующее.

Теорема 3. Пусть последовательность s_k - результат процесса (33), (34) решения задачи 1, $\|g_k\| \neq 0$ для $k = 0, 1, 2, \dots$, $s_0 \in R^n$. Тогда, если выполнено предположение 1, имеет место оценка:

$$(\Delta_k, \Delta_k) \leq (\Delta_0, \Delta_0) [1 - q^2 (1 - \lambda^2)]^k. \quad (41)$$

При этом на отдельной итерации оценка скорости сходимости процесса (33), (34) не хуже, чем у алгоритма Качмажа, при условии шага каждого из алгоритмов из одной и той же точки s_k .

В силу ортогональности $(p_k, g_{k-1}) = 0$, что следует из (37), выполняется равенство $(p_k, p_k) = (p_k, g_k)$. Поэтому (42) приводится к виду

$$\min_j \quad (43)$$

При условии, что $(p_k, g_k) > 0$ из (43), с учетом (7) и (36), получим:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) \leq (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 - \lambda_k^2)(g_k, \Delta_k)^2}{(p_k, g_k)}. \quad (44)$$

Для случая, $(g_k, p_{k-1}) < 0$, умножив (34) на $a_{i_j}^{k+1}$, получим:

$$(p_k, g_k) = (g_k, g_k) - \frac{(g_k, p_{k-1})^2}{\|p_{k-1}\|^2} \leq (g_k, g_k). \quad (45)$$

Рассмотрим положение вектора g_k и $\hat{\Delta}_k$ – проекции вектора Δ_k в плоскости ортогональных векторов p_{k-1} , p_k . Согласно (34), вектор g_k имеет от-

рицательную компоненту вдоль p_{k-1} . Согласно неравенству (37) для индекса k равного $k-1$, вектор $\hat{\Delta}_k$ имеет положительную компоненту вдоль p_{k-1} .

Поэтому угол между g_k , $\hat{\Delta}_k$ больше угла между векторами g_k , p_k . Следовательно, для косинусов этих углов можно записать цепочку неравенств:

$$\begin{aligned} \frac{(p_k, g_k)}{\|p_k\| \|g_k\|} &\geq \frac{(\hat{\Delta}_k, g_k)}{\|\hat{\Delta}_k\| \|g_k\|} \geq \\ &\geq \frac{(\Delta_k, g_k)}{\|\Delta_k\| \|g_k\|} \geq q_k. \end{aligned} \quad (46)$$

Отсюда и равенства:

$$\begin{aligned} \|p_k\| &= \sqrt{(p_k, p_k)} = \sqrt{(g_k, p_k)} \text{ следует} \\ (p_k, g_k) &\geq q_k \|p_k\| \|g_k\| = \\ &= q_k \|g_k\| \sqrt{(g_k, p_k)}. \end{aligned} \quad (47)$$

Из (44), вместе с (45) имеем:

$$\begin{aligned} (g_k, g_k) &\geq (p_k, g_k) \geq \\ &\geq q_k^2 (g_k, g_k) > 0. \end{aligned} \quad (48)$$

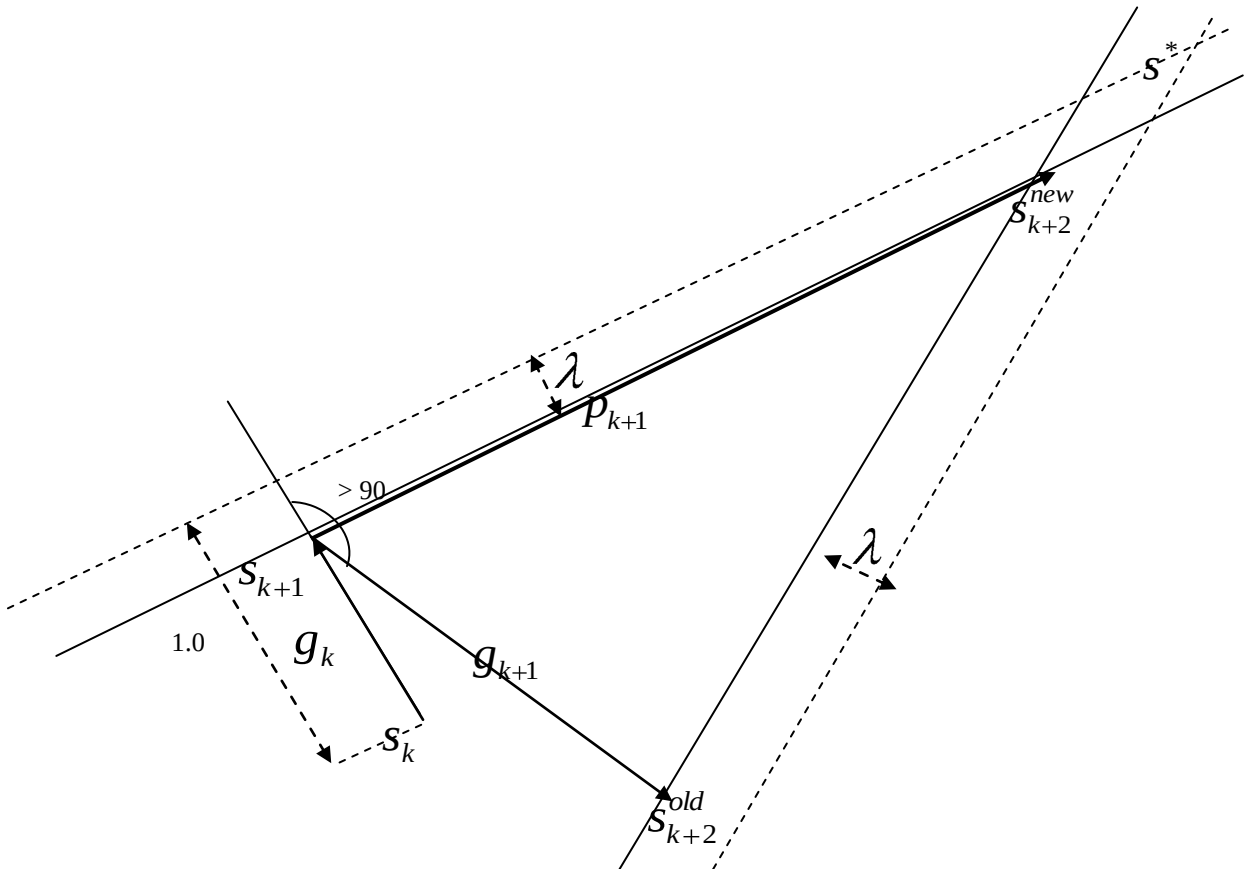

Рис. 1. Поведение многошагового алгоритма обучения на k -ой итерации, $t = 1, \dots, T$ – приближение по алгоритму Качмажа, $x^0, x^*(1), \dots, x^*(T)$ – приближение в случае многошагового алгоритма, S^* – искомый вектор спуска

Таким образом, в силу (48), оценка (44) получена корректно, а на основании (45) приводится к виду:

$$(\Delta_{k+1}, \Delta_{k+1}) \leq (\Delta_k, \Delta_k) - \frac{(1 - \lambda_k^2)(g_k, \Delta_k)^2}{(g_k, g_k)}. \quad (49)$$

При условиях (5) и (6) из (49) следует оценка:

$$x^*(t-1), \dots, x^*(1). \quad (50)$$

Для обоснования (41) используем рекуррентно оценку (50).

Сравнивая оценки (49) и (13), приходим к выводу, что на отдельной итерации, при условии, что оба алгоритма ((2) и (33), (34)) делают шаг из одной точки, в силу неравенства в (49) и равенства в (13), следует последнее утверждение теоремы о том, что на отдельной итерации оценка скорости сходимости процесса (33), (34) не хуже, чем у алгоритма Качмажа.

Заключение

В работе предложены и исследованы теоретически многошаговые алгоритмы обучения при условиях, аналогичных условиям работы алгоритмов обучения в субградиентных методах минимизации. Ускоряющие свойства предлагаемых методов определяются использованием идеи ортогонализации последовательных направлений процесса обучения. Теоретически показано, что свойства сходимости подобных алгоритмов не хуже, чем у алгоритма

Качмажа. Предложенные алгоритмы в первую очередь предназначены для ускорения сходимости обучающихся субградиентных методов минимизации негладких функций [6].

Литература

1. Kaczmarz, S. Approximate solution of systems of linear equations / S. Kaczmarz // Internat. J. Control. – 1993. – V. 54. – № 3.
2. Цыпкин, Я. З. Основы теории обучающихся систем / Я. З. Цыпкин. – М.: Наука, 1981. – 251 с.
3. Аведьян, Э. Д. Обобщенный алгоритм Качмажа / Э. Д. Аведьян, Я. З. Цыпкин // Автоматика и телемеханика. – 1949. – № 1.
4. Крутиков, В. Н. Релаксационный метод минимизации с растяжением пространства в направлении субградиента / В. Н. Крутиков, Т. В. Петрова // Экономика и мат. методы. – 2003. – Т. 39. – Вып. 1.
5. Крутиков, В. Н. Семейство релаксационных субградиентных методов с двухранговой коррекцией матриц метрики / В. Н. Крутиков, Т. А. Горская // Экономика и мат. методы. – 2009. – Т. 45. – № 4.
6. Крутиков, В. Н. Обучающие методы безусловной оптимизации и их применение / В. Н. Крутиков. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 234 с.

УДК: 518.9

ДИНАМИЧЕСКИЕ МАТРИЧНЫЕ ИГРЫ. ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА МИНИМАКСА В КЛАССЕ ЧИСТЫХ КОМБИНИРОВАННЫХ СТРАТЕГИЙ

Н. Н. Данилов

DYNAMIC MATRIX GAMES. SUBSTANTIATION OF APPLICATION OF MINIMAX PRINCIPLE IN THE CLASS OF PURE COMBINED STRATEGIES

N. N. Danilov

Матричные игры имеют достаточно обширное практическое применение. Поскольку процессы принятия решений в социально-экономических и других системах имеют динамический характер, возникает необходимость обобщения класса матричных игр так, чтобы учитывались временные факторы. Динамические матричные игры построены в форме многошаговой задачи конфликтного управления. Введен новый класс стратегий (к-стратегий). Определены понятия допустимых, оптимальных и чистых к-стратегий, понятие оптимальной траектории и цены игры. Обосновано применение принципа минимакса. Найдено достаточное условие существования единственной оптимальной стратегии. Установлена динамическая устойчивость оптимальной траектории.

Matrix games have rather extensive practical application. As decision-making processes in social and economic and other systems have dynamic nature, there is a necessity of generalization of matrix games class so that time factors were considered. Dynamic matrix games are built in the form of a multistage problem of conflict control. New class of strategies (k-strategies) are introduced. Concepts of optimal pure k-strategies, optimal trajectory and value of game are defined. The use of minimax principle in dynamical matrix games are substantiated. Sufficient condition of existence of unique optimal trajectory is found. Dynamical stability of optimal trajectory is ascertained.

Ключевые слова: матричные игры, принцип минимакса, седловая точка, цена игры, оптимальные стратегии и траектория, динамическая устойчивость.

Keywords: matrix games, minimax principle, saddle point, value of game, optimal strategy and trajectory, dynamical stability.

Пусть переменная t , которую будем называть «временем», принимает лишь дискретные значения: $t = 0, 1, \dots, T$. Рассмотрим некоторую управляемую систему, изменение состояния которой происходит в дискретные моменты времени t и описывается уравнением

$$x(t) = f^t(x(t-1), u_1(t), u_2(t)), \quad t = 1, \dots, T, \quad (1)$$

из заданного начального состояния

$$x^0 = x(0). \quad (2)$$

В (1) – (2) $x(t) \in R^k$ – вектор состояния; $u_1(t) \in R^{l_1}, u_2(t) \in R^{l_2}$ – векторы управления в момент t ; $f^1: R^k \times R^{l_1} \times R^{l_2} \rightarrow R^k$ – вектор-функция, характеризующая динамические возможности системы.

Предполагается, что управляющие параметры удовлетворяют условиям

$$u_1(t) \in U_1^t, u_2(t) \in U_2^t, \quad t = 1, \dots, T, \quad (3)$$

где $U_1^t \subset R^{l_1}, U_2^t \subset R^{l_2}$ – заданные непустые конечные множества.

Соотношения (1) – (3) определяют дискретную систему с двумя управлениями. Будем считать, что выбором управления $u_1(\cdot) = \{u_1(1), \dots, u_1(T)\}$ распоряжается игрок I, а выбором управления

$$u_2(\cdot) = \{u_2(1), \dots, u_2(T)\} \text{ – игрок II.}$$

Множества допустимых управлений игроков есть соответственно

$$U_1 = U_1^1 \times \dots \times U_1^T, \quad U_2 = U_2^1 \times \dots \times U_2^T.$$

Предполагается, что каждой паре управлений $u_1(\cdot), u_2(\cdot) \in U_1 \times U_2$ соответствует единственная последовательность

$$x(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_1(\cdot), u_2(\cdot)) = \{x^0, x(1), \dots, x(T)\}$$

решений системы (1) – (2), которую будем называть траекторией. Множество всех траекторий (1) – (2) обозначим символом $X(x^0, T)$.

Введем в рассмотрение множество:

$$G(x(t-1), t) = \{x(t) = x(t, x(t-1), u_1(t), u_2(t)) \mid$$

$$x(t-1) \in G(x(t-2), t-1), u_1(t) \in U_1^t, u_2(t) \in U_2^t,$$

которое будем называть множеством достижимости t -го уровня, $t = 1, \dots, T$ (будем считать, что $G(x(-1), 0) = x^0$). Множество

$$G(x^0, T) = \bigcup_{t=1}^T G(x(t-1), t)$$

будем называть множеством достижимости системы (1) – (3). Считается, что $x^0 \in G(x^0, T)$ по определению.

Пусть в каждой точке $x = x(t)$ ($t = 1, \dots, T$) множества достижимости $G(x^0, T)$ системы (1) – (3) определена матрица выигрышей игрока I:

$$h(x(t)) = \begin{pmatrix} a_{11}(x(t)) & a_{12}(x(t)) & \dots & a_{1n}(x(t)) \\ a_{21}(x(t)) & a_{22}(x(t)) & \dots & a_{2n}(x(t)) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{m1}(x(t)) & a_{m2}(x(t)) & \dots & a_{mn}(x(t)) \end{pmatrix}. \quad (4)$$

($h(x^0) = \|0\|_{m \times n}$ – $m \times n$ -матрица с нулевыми элементами, где m и n конечные числа). Целью игрока I является максимизация значения функции

$$H(x(\cdot), I, J) = \sum_{t=1}^T a_{i_t, j_t}(x(t)), \quad (5)$$

где $I = \{i_t, t = 1, \dots, T\}$, $J = \{j_t, t = 1, \dots, T\}$ – последовательность чистых стратегий игроков, выбираемых ими в матричных играх

$h(x(t))$, $t = 1, \dots, T$. Целью игрока II является минимизация значения функции (5).

Определение 1. Чистой комбинированной стратегией (чистой k -стратегией) игрока I (II) будем называть отображение $\varphi_1(\varphi_2)$, которое каждому шагу t и реализуемому на этом шаге состоянию $x(t)$ ставит в соответствие номер i_t (j_t) выбранной строки (столбца) матрицы $h(x(t))$ некоторое допустимое на этом шаге управление $u_1(t+1) \in U_1^{t+1}$ ($u_2(t+1) \in U_2^{t+1}$).

k -Стратегии игроков можно представить так:

$$\varphi_1(\cdot) = (\varphi_1(1), i_1), \dots, (u_1(T), i_T),$$

$$\varphi_2(\cdot) = (\varphi_2(1), j_1), \dots, (u_1(T), j_T), \quad (6)$$

где i_t и j_t – номера выбранных в момент t (в состоянии $x(t)$) строки и столбца матрицы $h(x(t))$ ($t = 1, \dots, T$). Множества стратегий игроков обозначим соответственно Φ_1 и Φ_2 .

Совокупность

$$\Gamma(x^0, T) = \langle \sum(x^0, T); \Phi_1, \Phi_2; H \rangle, \quad (7)$$

где $\sum(x^0, T)$ – символическое обозначение системы (1) – (2), назовем многошаговой конечной антагонистической игрой (или коротко – динамической матричной игрой).

Протекание игры $\Gamma(x^0, T)$ можно представить следующим образом. Игроки выбирают некоторые стратегии $\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1$, $\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2$. Далее вычисляется траектория

$$x(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_1(\cdot), u_2(\cdot)) = \{x^0, x(1), \dots, x(T)\}$$

как решение системы (1) – (2), соответствующее ситуации $(u_1(\cdot), u_2(\cdot))$. Затем по формуле (5) вычисляется выигрыш игрока I вдоль этой траектории $x(\cdot)$:

$$K(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) = H(x(\cdot), I, J) = \sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}(x(t)),$$

где i_t, j_t – номера строк и столбцов матрицы $h(x(t))$, предписанные к-стратегиями $\varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)$. Выигрыш игрока II вдоль той же траектории равен числу $-\sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}(x(t))$.

Классическая матричная игра (см. [1] – [3]) – это статическая математическая модель, с помощью которой можно определить оптимальное поведение двух конфликтующих сторон, имеющих противоположные интересы и конечное число стратегий (решений, альтернатив). Матричные игры имеют достаточно широкое применение (см., напр., [2], [3]). Поскольку процессы принятия решения в социально-экономических и других системах имеют динамический характер, то возникает необходимость обобщения класса матричных игр так, чтобы учитывались временные факторы. Игра вида (7) и представляет собой такое обобщение.

Пусть игроками выбраны управления $\bar{u}_1(\cdot), \bar{u}_2(\cdot)$ и вычислена соответствующая им траектория $\bar{x}(\cdot)$ системы (1) – (2). к-Стратегии соответствующие этим управлениям имеют вид:

$$\varphi_1(\cdot) = \{(\bar{u}_1(t), i_t), t = 1, \dots, T\},$$

$$\varphi_2(\cdot) = \{(\bar{u}_2(t), j_t), t = 1, \dots, T\}.$$

Введем следующие обозначения:

$$M = \{1, \dots, m\}, N = \{1, \dots, n\};$$

$$\hat{M} = \underbrace{M \times \dots \times M}_T, \quad \hat{N} = \underbrace{N \times \dots \times N}_T.$$

Определение 2. Последовательность

$\{(\bar{i}_t, \bar{j}_t), t = 1, \dots, T\}$ назовем седловой точкой вдоль траектории $\bar{x}(\cdot)$, если для любых $\{i_1, \dots, i_T\} \in \hat{M}, \{j_1, \dots, j_T\} \in \hat{N}$ выполняются условия:

$$a_{i_t \bar{j}_t}^t(\bar{x}(t)) \leq a_{i_t \bar{j}_t}^t(\bar{x}(t)) \leq a_{i_t j_t}^t(\bar{x}(t)),$$

$$t = 1, \dots, T. \quad (8)$$

Из этого определения следует, что если вдоль траектории $\bar{x}(\cdot) = \{x^0, \bar{x}(1), \dots, \bar{x}(T)\}$ в какой-то из моментов $t = 1, \dots, T$ неравенство (8) не выполняется, т. е. в статической матричной игре $h(x(t))$ нет седловой точки, то седловая точка вдоль траектории $\bar{x}(\cdot)$ не существует.

Множество всех траекторий, вдоль которых существует седловая точка, обозначим символом $\bar{X}(x^0, T)$ ($\bar{X}(x^0, T) \subset X(x_0, T)$).

Для фиксированного t неравенство (8) определяет седловую точку $(\bar{i}_t, \bar{j}_t)$ в статической матричной игре $h(\bar{x}(t))$. Из неравенства (8) получаем: для всех $\{i_1, \dots, i_T\} \in \hat{M}, \{j_1, \dots, j_T\} \in \hat{N}$

$$\sum_{t=1}^T a_{i_t \bar{j}_t}(\bar{x}(t)) \leq \sum_{t=1}^T a_{i_t \bar{j}_t}(\bar{x}(t)) \leq \sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}(\bar{x}(t)).$$

Для $\bar{x}(\cdot) \in \bar{X}(x_0, T)$, число

$$v(x^0, \bar{\varphi}_1(\cdot), \bar{\varphi}_2(\cdot)) = \sum_{t=1}^T a_{i_t \bar{j}_t}(\bar{x}(t))$$

назовем ценой вдоль траектории $\bar{x}(\cdot)$.

Предположим, что $\bar{X}(x^0, T) \neq \emptyset$. Каждой траектории $\bar{x}(\cdot) \in \bar{X}(x_0, T)$ соответствует своя седловая точка $\{(\bar{i}_t, \bar{j}_t), t = 1, \dots, T\}$. В отличие от статической игры вида $h(x(t))$, седловые точки, соответствующие разным траекториям из $\bar{X}(x_0, T)$, вообще говоря, не обладают свойствами взаимозаменяемости и эквивалентности. Действительно, пусть $\tilde{x}(\cdot), \hat{x}(\cdot) \in \bar{X}(x_0, T)$, а $(\tilde{\varphi}_1(\cdot), \tilde{\varphi}_2(\cdot)), (\hat{\varphi}_1(\cdot), \hat{\varphi}_2(\cdot))$ – соответствующие этим траекториям стратегии. Нельзя утверждать, что пары $\{(\tilde{i}_t, \tilde{j}_t)\}$ и $\{(\hat{i}_t, \hat{j}_t)\}$ образуют седловую точку (невозможность), так как необязательно траектории $x'(\cdot) = x(\cdot, x^0, \tilde{u}_1(\cdot), \tilde{u}_2(\cdot))$ и $x''(\cdot) = x(\cdot, x^0, \hat{u}_1(\cdot), \hat{u}_2(\cdot))$ принадлежат множеству $\bar{X}(x_0, T)$ и нельзя утверждать, что

$$\sum_{t=1}^T a_{i_t \tilde{j}_t}^t(x'(t)) = \sum_{t=1}^T a_{i_t \hat{j}_t}^t(x''(t))$$

(неэквивалентность).

В общем случае факт «непрямоугольности» множества

$\bar{\Phi}_1 \times \bar{\Phi}_2 = \{(\bar{\varphi}_1(\cdot), \bar{\varphi}_2(\cdot)) \mid x(\cdot, x^0, \bar{u}_1(\cdot), \bar{u}_2(\cdot)) \in \bar{X}(x^0, T)\}$ не исключает выгоды одностороннего отклонения (любого из двух игроков) от ситуации $(\bar{\varphi}_1(\cdot), \bar{\varphi}_2(\cdot)) \in \bar{\Phi}_1 \times \bar{\Phi}_2$ (причем отклонение понимается как от $(\bar{u}_1(\cdot), \bar{u}_2(\cdot))$, так и от $(\bar{I}, \bar{J})$) (см. (6)). Это делает бессмысленным применение правила максимина (минимакса) в игре (7) как принципа оптимальности.

Множество $\bar{\Phi}_1 \times \bar{\Phi}_2$ будет «прямоугольным», а применение принципа максимина содержательным в том случае, если множество $\bar{X}(x^0, T)$ будет состоять только из одного элемента, т. е. в игре $\Gamma(x^0, T)$ будет реализована лишь одна траектория, вдоль которой существует седловая точка (см. определение 2).

В данной работе построена специфическая процедура применения правила минимакса в игре $\Gamma(x^0, T)$, вытекающая из ее особенностей как

многошаговой матричной игры в классе к-стратегий.

Установлено, что предложенная процедура порождает единственную реализуемую траекторию из множества $\bar{X}(x^0, T)$, которая соответствует единственной седловой точке (в классе к-стратегий) в игре $\Gamma(x^0, T)$. Таким образом, в данной работе строго обоснована состоятельность (правомочность) применения правила минимакса (максимина) как принципа оптимального поведения в динамической матричной игре.

Цену игры вдоль траектории можно представить как функцию $v(x^0, \cdot): \bar{\Phi}_1 \times \bar{\Phi}_2 \rightarrow R^1$ (или $v(x^0, \cdot): \bar{X}(x^0, T) \rightarrow R^1$).

Введем в рассмотрение два числа:

$$\underline{v}(x^0) = \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) \quad (9)$$

– нижняя цена игры $\Gamma(x^0, T)$,

$$\bar{v}(x^0) = \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) \quad (10)$$

– верхняя цена игры $\Gamma(x^0, T)$.

Так как множества $\bar{\Phi}_1$ и $\bar{\Phi}_2$ конечные, то экстремумы в (9) и (10) существуют.

к-Стратегии, на которых достигаются внешние экстремумы в (9) и (10), назовем максиминной и минимаксной к-стратегиями первого и второго игроков соответственно.

Можно показать, что в игре $\Gamma(x^0, T)$

$$\begin{aligned} \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) &\leq \\ &\leq \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) \end{aligned} \quad (11)$$

и, в случае строгого неравенства в (11), максиминная и минимаксная пара к-стратегий не являются устойчивыми против индивидуальных отклонений игроков от нее. Напротив, равенство

$$\begin{aligned} \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) &= \\ = \min_{\varphi_2(\cdot) \in \Phi_2} \max_{\varphi_1(\cdot) \in \Phi_1} v(x^0, \varphi_1(\cdot), \varphi_2(\cdot)) \end{aligned} \quad (12)$$

порождает устойчивую пару к-стратегий.

Определение 3. Если выполнено равенство (12), то соответствующие ему максиминную и минимаксную к-стратегии назовем оптимальными к-стратегиями (будем обозначать их $\varphi_1^*(\cdot)$ и $\varphi_2^*(\cdot)$) первого и второго игроков, число

$$\begin{aligned} v(x^0) &= v(x^0, \varphi_1^*(\cdot), \varphi_2^*(\cdot)) \\ \varphi_2^*(\cdot) &= \underline{v}(x^0) = \bar{v}(x^0) \end{aligned} \quad (13)$$

– ценой игры $\Gamma(x^0, T)$, а пару $(\varphi_1^*(\cdot), \varphi_2^*(\cdot))$ будем называть седловой точкой игры $\Gamma(x^0, T)$.

Пусть $x^*(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_1^*(\cdot), u_2^*(\cdot))$ – траектория системы (1) – (2), соответствующая седловой точке $(\varphi_1^*(\cdot), \varphi_2^*(\cdot))$. Тогда цена (13) игры $\Gamma(x^0, T)$ вычисляется так:

$$v(x^0) = \sum_{t=1}^T a_{i_t^* j_t^*}^t(x^*(t)),$$

где (i_t^*, j_t^*) – седловая точка статической матричной игры $h(x^*(t))$, $t = 1, \dots, T$.

Для упрощения дальнейших выкладок примем следующие условия:

все матрицы $h(x)$, $x \in G(x^0, T)$, имеют одну и ту же размерность $m \times n$;

для любых $t = 1, \dots, T$ мощности множеств $U_1^t(U_2^t)$ одни и те же и равны соответственно $q(r)$ (т. е. эти множества содержат q и r допустимых значений управляющих параметров).

Любой точке $x(t) \in G(x(t-1), t)$ и паре множеств U_1^{t+1}, U_2^{t+1} соответствуют (в силу системы (1)) $q \cdot r$ точек $x(t+1) \in G(x(t), t+1)$. Поэтому мощность множества $G(x(t), t+1)$ равна $(q \cdot r)^{t+1}$.

Пусть игроками выбраны управления:

$$\begin{aligned} u_1(\cdot) &= \{u_1^{k_1}(1), u_1^{k_2}(2), \dots, u_1^{k_T}(T)\}, \\ u_2(\cdot) &= \{u_2^{l_1}(1), u_2^{l_2}(2), \dots, u_2^{l_T}(T)\}, \end{aligned}$$

где $u_1^{k_t}(t) \in U_1^t$, $u_2^{l_t}(t) \in U_2^t$.

Паре управлений

$$\begin{aligned} (u_1(\cdot), u_2(\cdot)) &= \\ &= \{(u_1^{k_1}(1), u_2^{l_1}(1)), \dots, (u_1^{k_T}(T), u_2^{l_T}(T))\} \end{aligned}$$

соответствует траектория

$$\begin{aligned} x(\cdot) &= x(\cdot, x^0, u_1(\cdot), u_2(\cdot)) = \\ &= \{x^0, x^{k_1 l_1}(1), \dots, x^{k_T l_T}(T)\}, \end{aligned} \quad (14)$$

где

$$x^{k_t l_t}(t) = x(t, x^{k_{t-1} l_{t-1}}(t-1), u_1^{k_t}(t), u_2^{l_t}(t)) \in G(x(t-1), t).$$

Для траектории (14) последовательность $\{x^{k_{t-1} l_{t-1}}(t-1), \dots, x^{k_1 l_1}(1)\}$ будем называть предысторией точки $x^{k_t l_t}(t)$ и будем писать:

$$x^{k_t l_t}(t) = x^{k_t l_t}(t) \mid x^{k_{t-1} l_{t-1}}(t-1), \dots, x^{k_1 l_1}(1).$$

В дальнейшем, для удобства, цену игры A будем обозначать символом $val A$.

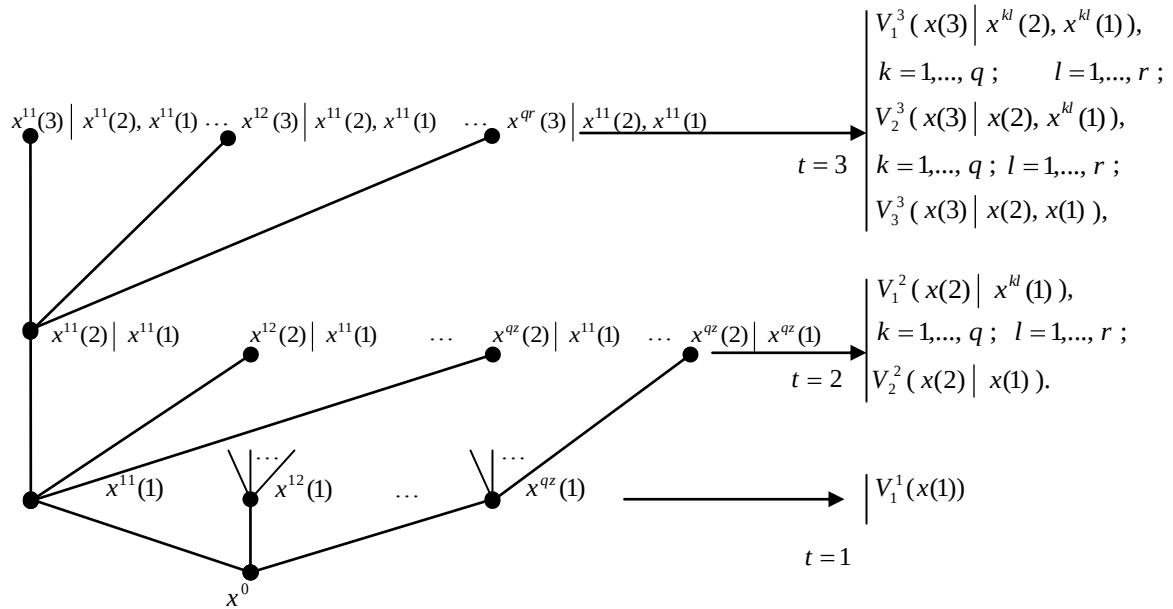

Рис. 1. Соответствие уровней матриц фазовому дереву игры (фрагмент)

Для доказательства существования оптимальных k -стратегий в игре $\Gamma(x^0, T)$ построим на каждом шаге t ($t = 1, \dots, T$) рекуррентное семейство (уровневых) матричных игр и определим их цены:

$$V_1^t(x(t) | x^{kl}(t-1), \dots, x^{kl}(1)) = \text{val} \left\| \text{val} h(x^{kl}(t) | x^{kl}(t-1), \dots, x^{kl}(1)) \right\|_{q \times r}, \quad (15)$$

$$V_2^t(x(t) | x(t-1), x^{kl}(t-2), \dots, x^{kl}(1)) = \text{val} \left\| V_1^t(x(t) | x^{kl}(t-1), \dots, x^{kl}(1)) \right\|_{q \times r}, \quad (16)$$

$$V_{t-1}^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(2), x^{kl}(1)) = \text{val} \left\| V_{t-2}^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(3), x^{kl}(2), x^{kl}(1)) \right\|_{q \times r}, \quad (17)$$

$$V_t^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(1)) = \text{val} \left\| V_{t-1}^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(2), x^{kl}(1)) \right\|_{q \times r}, \quad (18)$$

В соответствии с мощностью множества допустимости t -го уровня $G(x(t-1), t)$, существует $(q \cdot r)^t$ чисел вида (15), $(q \cdot r)^{t-1}$ чисел вида (16) и т. д., $q \cdot r$ чисел вида (17) и одно число вида (18).

Последовательность (15) – (18) для каждого фиксированного t ($t = 1, \dots, T$) представляет собой систему упорядоченных чисел (цен уровней матриц), предписанных к вершинам дерева, соответствующего развернутой в фазовом пространстве форме игры. Фрагмент такого дерева (при $t = 1, 2, 3$) приведен на рис. 1.

Лемма 1. Пусть $B^{kl} = \|b_{ij}^{kl}\|_{m \times n}$ – система из $q \cdot r$ $m \times n$ – матричных игр, имеющих седловые точки в чистых стратегиях, $k = 1, \dots, q$, $l = 1, \dots, r$. Тогда в $q \times r$ – матричной игре $\|val B^{kl}\|_{q \times r}$ существует седловая точка в чистых стратегиях.

Доказательство. Нижнюю и верхнюю цены игры $B = \|val B^{kl}\|_{q \times r}$ можно представить в виде:

$$\begin{aligned} \underline{v}(B) &= \max_{k=1, \dots, q} \min_{l=1, \dots, r} (val B^{kl}) = \max_{k=1, \dots, q} \min_{l=1, \dots, r} \\ & \left(\max_{i=1, \dots, m} \min_{j=1, \dots, n} b_{ij}^{kl} = \min_{j=1, \dots, n} \max_{i=1, \dots, m} b_{ij}^{kl} \right), \\ \bar{v}(B) &= \min_{l=1, \dots, r} \max_{k=1, \dots, q} (val B^{kl}) = \min_{l=1, \dots, r} \max_{k=1, \dots, q} \\ & \left(\max_{i=1, \dots, m} \min_{j=1, \dots, n} b_{ij}^{kl} = \min_{j=1, \dots, n} \max_{i=1, \dots, m} b_{ij}^{kl} \right) \end{aligned}$$

Предположим, что $\underline{v}(B) \neq \bar{v}(B)$. Так как $\underline{v}(B) \leq \bar{v}(B)$ всегда, то наше предположение сводится к неравенству $\underline{v}(B) < \bar{v}(B)$.

Из неравенства $\max_k \min_l (val B^{kl}) < \min_l \max_k (val B^{kl})$ следует:

$$\min_l (val B^{kl}) < \min_l \min_l (val B^{kl}),$$

$$k = 1, \dots, q,$$

и далее:

$$\min_l (val B^{kl}) < \max_k (val B^{kl}), \quad k = 1, \dots, q,$$

$$l = 1, \dots, r.$$

Следовательно, для любой фиксированной пары k и l выполняется неравенство:

$$\min_l (\max_i \min_j b_{ij}^{kl}) < \max_k (\max_i \min_j b_{ij}^{kl}). \quad (19)$$

Так как игра B^{kl} имеет седловую точку, то (19) можно переписать в виде:

$$\min_l (\min_j \max_i b_{ij}^{kl}) < \max_k (\max_i \min_j b_{ij}^{kl}). \quad (20)$$

Предположим, что внешние экстремумы в (20) достигаются при $l = \bar{l}$ и $k = k^*$. Тогда для всех $k = 1, \dots, q$ и $l = 1, \dots, r$

$$\min_j \max_i b_{ij}^{k\bar{l}} < \max_i \min_j a_{ij}^{k^*\bar{l}}$$

и, в частности,

$$\min_j \max_i b_{ij}^{k\bar{l}} < \max_i \min_j a_{ij}^{k^*\bar{l}}.$$

Последнее неравенство означает, что

$$\bar{v}(B^{k^*\bar{l}}) < \underline{v}(B^{k^*\bar{l}}).$$

Полученное противоречие говорит о несостоятельности нашего предположения и на самом деле справедливо равенство $\underline{v}(B) = \bar{v}(B)$. Лемма доказана.

Лемма 2. Если во всех играх $h(x)$, $x \in G(x^0, T)$ существуют седловые точки в чистых стратегиях, то существуют все цены (15) – (18) и соответствующие им седловые точки в чистых стратегиях.

Справедливость этого утверждения непосредственно вытекает из леммы 1.

Теорема 1. Если во всех играх $h(x)$, $x \in G(x^0, T)$ существуют седловые точки в чистых стратегиях, то в динамической матричной игре $\Gamma(x^0, T)$ существует единственная седловая точка $(\varphi_1^*(\cdot), \varphi_2^*(\cdot))$, единственная оптимальная (в смысле принципа минимакса) траектория $x^*(\cdot)$ и цена игры в чистых k -стратегиях, вычисляемая по формуле:

$$val \Gamma(x^0, T) = \sum_{t=1}^T a_{i_t^* j_t^*}(x^*(t)),$$

где $\{(i_t^*, j_t^*), t = 1, \dots, T\}$ – седловая точка вдоль траектории $x^*(\cdot)$.

Доказательство. На каждом шаге $t(t = 1, \dots, T)$, последовательно применяя в матричных играх

$$h(x), \quad x \in G(x(t-1), t),$$

$$\|V_1^t(x(t) | x^{kl}(t-1), \dots, x^{kl}(1))\|_{q \times r},$$

$$k = 1, \dots, q, \quad l = 1, \dots, r;$$

$$\|V_{t-1}^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(2), x^{kl}(1))\|_{q \times r}$$

$$k = 1, \dots, q, \quad l = 1, \dots, r,$$

принцип минимакса, получаем число $V_t^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(1))$ – итоговую цену семейства матричных игр t -уровня дерева игры (в фазовом пространстве (см. рис. 1)), которая, согласно лемме 2, существует.

Предысторию точки $x(t) = x^*(t)$, соответствующую числу $V_t^t(x(t) | x(t-1), \dots, x(1))$, обозначим $x^*(t-1), \dots, x^*(1), x_0$, т. е.

$$x^*(t) = x^*(t) | x^*(t-1), \dots, x^*(1).$$

Седловую точку $m \times n$ – матричной игры $h(x^*(t))$, обозначим (i_t^*, j_t^*) (по условию теоремы она существует).

По построению последовательности (15) – (18) и исходя из леммы 2, последовательность $\{(i_t^*, j_t^*), t = 1, \dots, T\}$ является седловой точкой вдоль траектории $x^*(\cdot) = \{x^0, x^*(1), \dots, x^*(T)\}$, а цена игры $\Gamma(x^0, T)$ равна:

$$val \Gamma(x^0, T) = \sum_{t=1}^T a_{i_t^* j_t^*}(x^*(t)).$$

Допустимые управления, соответствующие траектории $x^*(\cdot)$, обозначим $(u_1^*(\cdot), u_2^*(\cdot)) = \{(u_1^*(t), u_2^*(t)), t = 1, \dots, T\}$. Оптимальные стратегии игроков в игре $\Gamma(x^0, T)$ имеют вид:

$$\varphi_1^*(\cdot) = \{(u_1^*(t), i_t^*), t = 1, \dots, T\}, \quad \varphi_2^*(\cdot) = \{(u_2^*(t), i_t^*), t = 1, \dots, T\},$$

а траектория $x^*(\cdot) = x(\cdot, x^0, u_1^*(\cdot), \dots, u_2^*(\cdot))$ оптимальна в смысле принципа минимакса. Теорема доказана.

Теорема 1 является конструктивной, так как из ее доказательства следует алгоритм построения оптимальных стратегий, оптимальной траектории и цены игры $\Gamma(x^0, T)$.

В теории игр достаточно примеров, когда принципы оптимальности, определяющие наилучшие исходы (решения) статических игр, будучи примененными в динамических играх, оказываются несостоятельными во времени, т. е. динамически неустойчивыми (см., напр., [4] – [6]).

Для определения принципа динамической устойчивости в игре $\Gamma(x^0, T)$, как обобщения принципа оптимальности Р. Беллмана из теории оптимального управления, погрузим ее в семейство $\{\Gamma(x^*(t), T-t), t=0, 1, \dots, T\}$ аналогичных игр, определенных вдоль оптимальной траектории $x^*(\cdot)$. Текущая игра

$$\Gamma(x^*(t), T-t) = \langle \sum (x^*(t), T-t); \Phi_1[t, T], \Phi_2[t, T], H[t, T] \rangle$$

отличается от исходной игры $\Gamma(x^0, T)$ только начальным состоянием и продолжительностью ($\sum (x^*(t), T-t)$ – система (1), определенная на отрезке $[t, T]$, $\Phi_1[t, T]$ и $\Phi_2[t, T]$ – сужение множеств Φ_1 и Φ_2 на отрезке $[t, T]$,

$$H[t, T] = \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x(\tau)).$$

Определение 4. Будем говорить, что оптимальная (в смысле принципа минимакса) траектория $x^*(\cdot)$ игры $\Gamma(x^0, T)$ динамически устойчива, если выполнены следующие два условия:

1) во всех играх $\Gamma(x^*(t), T-t)$, $t=0, 1, \dots, T$ существуют цены в чистых к-стратегиях;

$$2) \quad \sum_{\tau=t}^{t-1} a_{i_\tau j_\tau}(x^*(\tau)) + \text{val} \Gamma(x^*(t), T-t) = \text{val} \Gamma(x^0, T). \quad (21)$$

Теорема 2. Пусть во всех играх $h(x)$, $x \in G(x^0, T)$ существуют седловые точки в чистых стратегиях. Тогда оптимальная (в смысле принципа минимакса) траектория игры $\Gamma(x^0, T)$ динамически устойчива.

Доказательство. Выполнение первого условия определения 4 следует из теоремы 1. Покажем выполнения равенства (21). Применяя соотношения (9) – (10) и утверждение теоремы 1, можно записать:

$$v(x^0, \varphi_1, \varphi_2) = \sum_{t=1}^T a_{i_t j_t}(x^*(t)). \quad (22)$$

Так как условие 1 определения 4 выполнено, то

$$\max_{\varphi_1 \in \Phi_1} \min_{\varphi_2 \in \Phi_2} v(x^0, \varphi_1, \varphi_2) = \min_{\varphi_2 \in \Phi_2} \max_{\varphi_1 \in \Phi_1} v(x^0, \varphi_1, \varphi_2).$$

Следовательно, равенство (22) можно переписать в виде:

$$\sum_{\tau=1}^{t-1} a_{i_\tau j_\tau}(x^*(\tau)) + \max_{(i_t, \dots, i_T) \in \hat{M}} \min_{(j_1, \dots, j_T) \in \hat{N}} \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x(\tau)) = \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x^*(\tau)),$$

где $\hat{M}[t, T] = \underbrace{M \times \dots \times M}_{T-t}$, $\hat{N}[t, T] = \underbrace{N \times \dots \times N}_{T-t}$.

Отсюда, с учетом справедливости условия 1 определения 4, получаем:

$$\left[\sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x(\tau)) = \min_{(j_1, \dots, j_T) \in \hat{N}} \max_{(i_t, \dots, i_T) \in \hat{M}} \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x(\tau)) \right] = \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x^*(\tau)).$$

Следовательно,

$$\text{val} \Gamma(x^*(t), T-t) = \sum_{\tau=t}^T a_{i_\tau j_\tau}(x(\tau)).$$

Подставляя выражения для $\text{val} \Gamma(x^*(t), T-t)$ и $\text{val} \Gamma(x^0, T)$ в (21), получаем тождество. Теорема доказана.

Теорема 2 показывает, что принцип минимакса относится к тем принципам оптимальности, динамическая устойчивость которых гарантируется фактом существования решения игры.

Литература

1. Данилов, Н. Н. Представление динамической матричной игры в форме задачи конфликтного управления / Н. Н. Данилов // Вестник КемГУ. – 2009. – Вып. 2 (38).
2. Оуэн, Г. Теория игр / Г. Оуэн. – М.: Мир, 1971.
3. Воробьев, Н. Н. Теория игр. Лекции для экономистов-кибернетиков / Н. Н. Воробьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
4. Петросян, Л. А. Устойчивость решений в дифференциальных играх со многими участниками / Л. А. Петросян // Вестник ЛГУ. – 1977. – № 19.
5. Петросян, Л. А. Кооперативные дифференциальные игры и их приложения / Л. А. Петросян, Н. Н. Данилов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985.
6. Данилов, Н. Н. Кооперативное поведение в динамических системах со многими управлениями / Н. Н. Данилов. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 232 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 518.9

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ

Е. Е. Адакин

THE SCIENTIFIC AND RESEARCH WORK AS A FACTOR OF DEVELOPING EXTERNAL STUDENTS' CREATIVE ACTIVITY AND RESEARCH COMPETENCE

E. E. Adakin

В статье представлена технология развития научно-исследовательской работы студентов-заочников в контексте компетентностного подхода. В рамках проведенного педагогического эксперимента исследованы основные направления и подходы к организации научно-исследовательской деятельности студентов-заочников. Выявлены проблемы, сдерживающие развитие НИРС и УИРС студентов-заочников и предложены основные пути их решения. Приведен краткий анализ результатов педагогического эксперимента, показывающих динамику творческой активности студентов в процессе формирования исследовательской компетенции.

The development technology of external students' scientific and research work is represented in this article from the point of view of the competence-based approach. Within the bounds of the pedagogical experiment general directions and approaches to external students' scientific and research work have been studied. The problems restraining external students' educational, scientific and research work have been uncovered, and general ways to solve them are offered. The brief analysis of the results of the pedagogical experiment is given, showing the dynamics of students' creative activity in the process of the research competence forming.

Ключевые слова: компетентностный подход, научно-исследовательская работа студентов, учебно-исследовательская работа студентов, учебная деятельность, научная деятельность, самостоятельная работа студентов.

Keywords: the competence-based approach, students' scientific and research work, students' educational and research work, educative activity, scientific activity, students' independent work.

Компетентностный подход, являющийся базой ФГОС в системе высшего профессионального образования, предполагает смещение акцента с обучения, ориентированного на усвоение программного материала, на обучение, в процессе которого происходит саморазвитие, самореализация личности студента. Основным критерием готовности выпускников вуза к профессиональной деятельности должны выступать не способность к воспроизведению полученных знаний в профессиональной деятельности, а наличие возможностей и готовности к самостоятельному их поиску для исследования и преобразования профессиональной действительности.

Следовательно, одной из главных целей высшего заочного образования должна выступать цель развития преобразовательных, исследовательских возможностей личности, инновационности, самостоятельной организации и осуществление профессиональной деятельности, способности к самообразованию на протяжении всей жизни.

В настоящее время является актуальным проблема обеспечения образовательного процесса в вузе соответствующими педагогическими технологиями, направленными на формирование и развитие качеств выпускника (компетенций). С позиций современного компетентностного подхода, нам необходимо было выявить и проанализировать комплекс основных факторов, обуславливающих «включение» студентов в исследовательскую деятельность.

Решение задачи подготовки выпускника высшего профессионального образования к профессиональному творчеству на высоком уровне связано с осуществлением студентами деятельности исследовательского, творческого характера во время обучения в вузе, создающей условия для проявления творческой активности студентов, сочетающей в себе элементы репродуктивного и продуктивного, изменяющей и развивающей личность будущего специалиста, позволяющей реализовать свои творческие силы. Само значение слова «студент» в переводе с латинского означает не только «каждущий знаний», но и «усердно работающий».

Средством для осуществления реализации и развития творческих сил мы полагаем выполнение студентами научно-исследовательской деятельности.

Так как становление и развитие личности происходит в процессе воспитания, то средство воспитания определяется как предмет среды или жизненной ситуации, преднамеренно включенной в воспитательный процесс.

Средство воспитания – это организация основных видов деятельности формирующейся личности, а видами деятельности являются основные средства подготовки будущих специалистов.

Научно-исследовательская деятельность студентов совмещает в себе:

- учение, поскольку направлена на освоение нового опыта в специально созданных условиях;
- познание, в результате которого появляется новое знание о мире;
- деловые игры, формирующие в себе опыт профессиональной деятельности;
- труд, так как связана с затратой мышечной и нервной энергии;
- общение – деловое, коллективное, личностное.

Кроме того, научно-исследовательская работа студентов удовлетворяет основным условиям соответствия средствам воспитания:

- с выполнением работ научно-исследовательского характера связана информация, необходимая для развития внутреннего мира личности;
- научно-исследовательская деятельность выделена как область освоения в знаково-символьной форме;
- научно-исследовательская работа студентов вместе со своей информацией включена в общение и совместную деятельность преподавателей и студентов.

На основании вышеизложенного, мы считали вправе называть научно-исследовательскую работу средством воспитания, которое создает условия для реализации и развития творческих сил студента.

Анализ публикаций ученых, исследовавших различные аспекты научно-исследовательской работы студентов, показывает, что в теории нет однозначного определения этого понятия.

Проблемы этого направления, как правило, имеют комплексный характер и могут рассматриваться со стороны организационной, управленческой, психологической, педагогической, методической.

Ученые выделяют признаки исследовательской работы и определяют ее как:

- самостоятельный поиск и создание какого-то нового продукта (Б. И. Коротяев);
- деятельность, ориентированная на решение учебных проблем (Т. В. Кудрявцев, М. И. Махмутов);
- деятельность, связанная с открытием нового знания (Л. С. Выготский);
- деятельность, направленная на решение творческих задач и заданий (В. И. Андреев, Ю. Н. Кулюткин, В. Г. Разумовский);
- деятельность, вызванная познавательными мотивами (А. М. Матюшкин) и т. д.

Кроме того, научно-исследовательскую работу характеризуют и как форму обучения, и как метод работы в вузе.

Учитывая вышеприведенные определения, и то, что научно-исследовательская работа является творческой деятельностью, средством реализации и развития преобразовательных возможностей студентов, мы понимаем научно-исследовательскую работу как

средство реализации и развития творческого потенциала личности студента, создающее условия для проявления ее творческой активности, выражающейся в стремлении познать субъективно или объективно новые факты, используя теорию научных исследований.

В условиях вуза исследовательская деятельность органично включена во все формы учебной деятельности. Однако она имеет некоторую специфику по сравнению с учебной деятельностью, хотя и та, и другая обеспечивают познавательный эффект.

Учебная деятельность направлена на передачу преподавателем студенту опыта, которым располагает общество, причем субъект усвоения выполняет только познавательные компоненты деятельности, а условия усвоения подготавливаются другими людьми. Таким образом, учебная деятельность включает в себя деятельность учения и деятельность обучения.

Учебная деятельность ориентирована на творческое преобразование объекта изучения и дает познание в качестве основного продукта, этим она отличается от других видов человеческой деятельности.

Исследовательская деятельность направлена не на воспроизведение, а на получение новой информации, обогащающей общественный опыт. Действия приобретения опыта путем собственного исследования направлены сначала на добывание опыта и только потом – на усвоение этого опыта. Пока не произошел процесс «отчуждения» информации в виде печатных текстов, докладов, научных бесед, она находится только «в голове исследователя», причем в неопределенном, неувоенном состоянии. Исследовательская деятельность строится в соответствии с сознательно формулируемыми правилами, определяющими алгоритм действий, ведущих к установлению истины.

Исследовательская деятельность студентов специфична в силу особенностей организации учебного процесса и отличается от деятельности профессиональных исследователей тем, что:

- объем знаний студентов (особенно 1-х и 2-х курсов) недостаточен для проведения основательных научных исследований;
- кроме научного исследования, студенты выполняют задания по другим учебным предметам;
- исследовательская деятельность для большинства студентов не является основным видом деятельности.

Эти факторы создают определенные трудности для выполнения исследовательских работ студентами, но изменения в самом субъекте деятельности невозможны, если он не «включен» в процесс, стоит вне его.

В высшей школе сложилось два основных направления научных исследований студентов, обеспечивающих накопление опыта творческой деятельности: учебно-исследовательская работа и научно-исследовательская работа.

Учебно-исследовательская работа (УИРС) – это деятельность студентов, осуществляемая в рамках учебного плана.

К особенностям УИРС относится то, что эта деятельность организуется преподавателем и направлена на поиск объяснения и доказательства закономерных связей и отношений, экспериментально наблюдаемых или теоретически анализируемых фактов, явлений, процессов, в которой идет активное овладение студентами методов научного исследования, доминирует самостоятельное применение приемов научных методов познания. В результате выполнения учебных исследований студенты овладевают личностно значимыми знаниями и умениями, развивают свои творческие возможности.

Преимуществами УИРС является то, что при ее организации и проведении она не требует выделения специального времени; кроме того, учебно-исследовательская работа позволяет включать в творческий процесс всех студентов.

К основным формам УИРС относятся лекции, семинарские, лабораторные и практические работы, подготовка рефератов, докладов, курсовых и дипломных работ, выполнение заданий по производственной практике.

Результаты исследовательской деятельности студентов находят выражение в письменных учебно-исследовательских работах, к которым относятся рефераты, курсовые и дипломные работы.

В процессе их выполнения студенты совершенствуют навыки самостоятельной работы, связанные с поиском, изучением и анализом научной литературы. Выполнение письменных работ оказывает существенное влияние на развитие исследовательских умений применять методы научного познания, оп-

ределять цели и задачи научного исследования, оформлять результаты исследования.

На протяжении нескольких лет на базе Беловского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (БИФ КемГУ) проводился педагогический эксперимент по эффективной организации научно-исследовательской и учебной работы студентов. По мнению 72 % студентов 3 – 4-х курсов, самостоятельно выбранная и сформулированная тема исследования способствует большей заинтересованности проблемой, поиску оригинального решения, проявлению творческой инициативы.

53 % студентов, занимающихся выполнением самостоятельных научных исследований, отмечают, что толчком к разработке интересующей проблемы было выполнение письменной исследовательской работы по предмету, в процессе которой ими была выявлена необычная информация, побудившая углубить и расширить знания по этому вопросу.

Сравнивая традиционное (преподаватель «выдает» тему, рекомендует литературу, содержание работы оценивается только преподавателем, тема не получает дальнейшего развития) и исследовательское (самостоятельный выбор темы, поиск информации, публичное выступление, перспектива дальнейшей разработки проблемы) выполнение письменных работ (см. табл. 1), студенты отметили высокую эффективность формирования исследовательских умений (100 %), и влияние на продуктивность (оригинальность, личное отношение к проблеме) исследовательского, самостоятельного выполнения письменных работ.

Таблица 1

Эффективность развития творческого потенциала в процессе выполнения письменных исследовательских работ

<i>Критерии</i>	<i>Исследовательские работы</i>	
	<i>традиционные, в %</i>	<i>исследовательские, в %</i>
Исследовательские знания	78	95
Исследовательские умения	84	100
Познавательный интерес	66	94
Самостоятельность	86	96
Продуктивность	52	96

Анализ результатов проведенных опросов позволил сделать вывод о том, что влияние на процесс формирования творческого потенциала у студентов могут оказать все формы организации учебной деятельности, если в организации учебной работы студентов применяется исследовательский подход:

– исследовательское обучение как высший уровень проблемного обучения обеспечивает научную творческую активность, возникновение механизма, побуждающего студентов к поиску истины, развитие интересов к процессу восприятия новых научных знаний, позволяет реализовать и развивать творческие возможности;

– учет личных научных интересов студентов оказывает существенное влияние на продуктивность (оригинальность, широту и глубину поиска) выполнения исследований и т. д.

Научно-исследовательская работа во внеучебное время (НИРС) представляет собой упорядоченную совокупность внеаудиторных занятий, непосредственно связанных с учебным процессом, однако имеющих качественную специфику, относительную самостоятельность и собственную логику.

НИРС обеспечивает взаимосвязь между учебными дисциплинами и научно-исследовательской работой, проводимой кафедрами и научными под-

разделениями вуза. Она придает творческий характер занятиям по учебному плану, дает возможность учитывать индивидуальные склонности, научные интересы студентов.

К особенностям НИРС относится то, что она не включена в учебное расписание, основана на принципах самостоятельности и добровольности студентов, поисковые группы объединяют студентов разных курсов и специальностей.

Безусловно, в силу специфики заочного обучения в вузе, возможны различные формы НИРС, но можно выделить и общие для всех: кружки, исследовательские лаборатории, научные общества, научные студенческие бюро, выставки, олимпиады, конференции, конкурсы, научные семинары.

Студенческий научный кружок представляет собой творческий студенческий коллектив, объединенный работой над одной или несколькими проблемами (по получаемой специальности или в рамках исследований кафедры), не включенными в общий учебный план. На ценность этой формы научной работы обращали внимание многие известные ученые. Так, академик Б. А. Келлер отмечал, что при групповых проработках учебного материала всякого рода споры, несогласия, индивидуально-своеобразный подход отдельных лиц приводит к углублению и уяснению знаний. Уже сама эта причина, не говоря о других, делает чрезвычайно ценными в образовательном отношении всякого рода студенческие кружки.

В практике современных вузов сложились два основных вида кружков: предметный научный кружок и научно-исследовательский кружок по специальности.

Предметный научный кружок имеет целью решение задач более высокой сложности, чем обычно решаемые в процессе обучения той или иной дисциплины по учебному плану. Они организовывались нами при кафедрах различного профиля. Членами кружка могли быть студенты 1 – 5-х курсов. Надо отметить, что более всего действуют именно эти кружки. Состав кружков ежегодно обновляется, это связано со значительными различиями в уровне подготовки студентов.

Научно-исследовательский кружок по специальности в зависимости от особенностей вуза, кафедры объединял только старшекурсников. В таких кружках студенты, обладающие соответствующими навыками исследовательского труда, разным уровнем способностей, приобщаются к исследованиям, ведут активную научную работу под руководством преподавателей, ассистентов или научных работников кафедры вуза по научной тематике этого подразделения. Научные кружки по специальности организовывались при выпускающих и профилирующих кафедрах. К научно-исследовательским кружкам по специальности мы относили и комплексные научно-исследовательские кружки, объединяющие студентов старших курсов, которые ведут исследования по комплексным темам кафедры. Для выполнения крупной комплексной научной темы, требующей привлечения студентов различных

специальностей, мы организовывали межкафедральные или межвузовские научные кружки.

Особенность деятельности научных кружков при системе заочного обучения состояла в том, что:

- в полном объеме научный кружок работал только в период сессии;
- в межсессионный период кружок собирал только студентов, проживающих в городе, где расположен вуз, и тех, кто живет вблизи этого города;
- студенты получали темы исследования, над которыми они работали самостоятельно, получая консультации или по телефону, или через Интернет, или через письма;
- на некоторые заседания кружка приглашались и студенты, проживающие вдали от вуза, для сообщений по теме своего исследования и т. д.

Как показал анализ работы научных кружков, работающих в нашем институте, не все кружки выполняли функцию средства развития и реализации творческого потенциала студентов. Зачастую основным содержанием работы кружков являлось не выполнение самостоятельных исследований студентами, а более широкое ознакомление студентов с состоянием разработки научных проблем.

Студенты отмечали, что кружковые занятия, основанные на репродуцировании лекционного материала, популярностью не пользуются, так как не дают возможности самореализоваться, и вскоре распадаются. Члены кружков, где исследуемые проблемы выходят за рамки учебного материала, посещали их даже по окончании вуза. Результаты опроса 100 студентов 3 – 5-х курсов об эффективности развития творческого потенциала в репродуктивных и исследовательских кружках отражены в таблице 2.

Таблица 2

Эффективность развития творческого потенциала в процессе участия в научно-исследовательских кружках

<i>Критерии</i>	<i>Репродуктивное, в %</i>	<i>Исследовательское, в %</i>
Исследовательские знания	54	78
Исследовательские умения	79	89
Познавательный интерес	88	93
Самостоятельность	77	87
Продуктивность	43	76

Существующие много лет кружки, собирающие участников разных возрастов, объединенных решением общих проблем, перерастают в научно-теоретические семинары, творческие лаборатории.

Студенческая проблемная группа – это временный научный коллектив студентов, организованный при кафедре вуза для совместной разработки единой реальной научной проблемы под руководством уче-

ного. Проблемные группы чаще создавались на профилирующих и выпускающих кафедрах.

Среди форм исследовательской работы, вызывающих наибольший интерес и проявление творческой активности, студентами называются: подготовка к студенческим научным конференциям (63 % студентов 1 – 5-х курсов), проведение выставок творческих работ по специальностям (82 %), участие в конкурсах на лучшую исследовательскую ра-

боту студентов (57 %), организация выставок и олимпиад.

Для студентов в вузе созданы реальные возможности для выполнения научно-исследовательских работ, как в учебное, так и во внеаудиторное время. Данные опроса, беседы и анкетирования 391 студента разных этапов обучения (1 этап – 1 и 2-курсы, 2 этап – 3 и 4 курсы, 3 этап – выпускной курс) позволили выделить три группы студентов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение студентов по группам занятости в УИРС и НИРС, (чел.)

<i>Этапы</i>	<i>I группа</i>		<i>II группа</i>		<i>III группа</i>	
	<i>УИРС</i>	<i>НИРС</i>	<i>УИРС</i>	<i>НИРС</i>	<i>УИРС</i>	<i>НИРС</i>
1 этап (1 – 2 курсы)	11	3	51	6	178	231
2 этап (3 – 4 курсы)	49	31	65	107	126	102
3 этап (выпускной курс)	158	94	75	95	7	51

К первой группе относятся студенты, которые регулярно выполняют учебные задания исследовательского характера, активны на занятиях, проявляют интерес к научным проблемам, творчески относятся к учебной деятельности, имеют высокую степень самостоятельности.

Ко второй группе относятся студенты, нерегулярно занимающиеся исследовательской деятельностью, ограничивающиеся выполнением учебных заданий, не активно участвующие в научной жизни вуза, не умеющие осуществлять самостоятельную деятельность без руководства преподавателя.

К третьей группе мы отнесли студентов, которые проявляют низкую активность при выполнении творческих заданий, не занимаются или занимаются эпизодически исследовательской деятельностью, не проявляют интереса к проблемам педагогической деятельности, испытывают значительные трудности при самостоятельном выполнении исследовательских заданий.

Анализ результатов показал, что на первом этапе обучения большинством студентов выполняются обязательные исследования, то есть включенные в учебный план. Основными мотивами выполнения исследовательских работ были названы: требование преподавателя, необходимость выполнять учебные задания, необходимость получения профессиональных знаний. Научно-исследовательские работы вне учебной программы осуществляют только 3 студента. Остальные отмечают: «Нет времени на выполнение дополнительных заданий», «Мне это ничего не даст», «Я даже не знаю о том, что такие работы существуют», «Мне не нравится руководитель», – типичные ответы на вопрос анкеты «Если Вы не занимаетесь в данное время научной работой, то почему?»

На втором этапе количество студентов, регулярно выполняющих научные исследования, резко возрастает, это связано с увеличением объема знаний, большей информированностью студентов о системе НИРС в институте, заинтересованностью самим процессом исследования. Число студентов, нерегулярно занимающихся учебно-исследовательской работой, увеличивается в силу того, что прошел период адаптации и, по мнению студентов, «достаточно выполнять те работы, которые оцениваются», «все равно на занятиях отвечают не все».

На третьем этапе группа студентов, регулярно занимающихся НИРС и УИРС, увеличивается. Возрастает ответственность за выполняемую деятельность, интерес к выполнению будущих профессиональных функций, активная педагогическая практика помогает реально увидеть проблемы образования и осуществлять поиск путей их разрешения. Однако увеличивается и группа студентов, не занимающихся внеаудиторной исследовательской деятельностью, для них характерны высказывания: «Мне не интересна тема, предложенная руководителем», «Это не идет в диплом», «Да уж поздно начинать», «Мне никто этого не предлагал». Можно сделать неутешительный вывод о том, что у половины студентов-заочников отсутствует интерес к самостоятельной исследовательской деятельности.

Исследование показало, что существует несколько причин, в связи с которыми студенты оказываются отстраненными от выполнения работ исследовательского характера:

– становление личности студента с развитым творческим потенциалом не является целью профессионального обучения, при этом сохраняется ориен-

тация на «среднего» студента, обладающего определенным объемом знаний, умений и навыков;

– содержание обучения направлено на репродуцирование обучаемым продемонстрированных способов деятельности;

– применяемые на занятиях методы зачастую направлены на простое воспроизведение знаний и умений и др.

Кроме того, исследование позволило выявить еще ряд причин:

1. Недостаточная информированность студентов об организации системы НИРС в вузе. Как показали результаты опроса, студенты часто узнают о существовании научных лабораторий, обществ, кружков случайно – от сокурсников, из объявлений. Это потребовало от нас проведения презентаций научных кружков вуза, на которых представители научных групп сообщали цели, проблемы и перспективы выполняемых исследований, кроме того, в содержание этих презентаций включалась информация о результатах научных работ.

2. Малый объем знаний о теории научных исследований. По результатам опроса 32,4 % студентов первого курса не имели даже представления о возможных формах научных работ и алгоритме их построения, отсюда – неупорядоченность специальных и общих знаний, неуверенность в своих силах. Стремление к творчеству наиболее характерно для студентов классических университетов, где в программу обучения входят предметы, рассматривающие проблемы и процедуру научных исследований. Поэтому мы ввели в учебный процесс курс «Основы теории научных исследований» как обязательный. Без знания принципов построения структуры, содержания научных теорий, невозможна ориентация в учебной и будущей профессиональной деятельности.

3. Низкий уровень исследовательских умений, эпизодичность выполнения студентами работ исследовательского характера приводили к формированию умений поиска и обработки информации, организации своей исследовательской деятельности на самом низком уровне. Проведенные нами беседы со студентами 4 курса показали, что около 50 % не могут определить последовательность самостоятельной работы над планом, рефератом, курсовой и дипломной работами. Мы ввели спецкурс «Поиск и обработка информации» на 1 этапе (1 – 2 курсы), а также разработали систему выполнения научных исследований, где четко определили (с учетом специфики специальности) требования к целям, структуре, содержанию и оформлению письменных научно-исследовательских работ.

4. Неразработанность способов поощрения: часто творческие работы оцениваются преподавателями с помощью выставления отметки, оригинально выполненные и рядовые работы уравнивались, после чего у студентов заметно снижался интерес к самостоятельным исследованиям. На вопрос анкеты «Какие из перечисленных форм поощрения могут стимулировать Вашу работу?» студенты ответили:

«Награждение грамотой, дипломом» (23 %), «Публикация работы в печати» (59 %), «Денежное вознаграждение» (18 %). Именно это заставило нас изыскать возможность для оценки лучших исследовательских работ студентов. Вот уже пять лет в институте выходит ежегодный сборник лучших студенческих работ. Студенты старших курсов выступали с анализом своих научных исследований перед младшими.

5. Эпизодичность и непреемственность выполнения научных исследований. Чаще всего за весь период обучения в вузе студенты выполняют исследовательские работы по разным предметам, не связанные общей проблемой, тогда как каждый предмет имеет свою специфику и логику исследования. Это происходит в силу того, что темы научных работ в основном определяются преподавателями. Предоставление самостоятельности в выборе и формулировке темы, использование раздела о выполненной научной работе в зачетной книжке привело к накоплению разнообразной информации о выбранной студентом проблеме, позволило проанализировать ее состояние с точек зрения различных наук, перерасти выполненным исследованием в действительно научную дипломную работу.

6. Несовершенство педагогического управления НИРС. На вопрос анкеты «Каковы причины выбора руководителя темы?» студенты выпускного курса ответили следующим образом: «Руководитель – известный ученый» (15 %), «Нас интересуют одинаковые проблемы» (57 %), «Руководитель – интересный в общении человек» (28 %). Ответы свидетельствовали о том, что выбор руководителя не является случайным для студентов, они предпочитают работать с Ученым, Профессионалом, Собеседником, т. е. руководствуются личностными качествами преподавателей. На выбор руководителя влияет и стиль педагогического общения. Представители гуманистически ориентированного образования называют диалог элементарной технологической единицей, направленной на развитие личности; при выполнении научно-исследовательских работ именно диалог включает в себе механизм становления и самореализации «Я» преподавателя и студента. Такая деятельность осуществляется студентами как личностно мотивированная, продуктивная, творческая; она имеет значение для самореализации данной личности, а не выступает как демонстрация знаний, действий и приемов. Именно в исследовательской деятельности студентов происходит своеобразное обучение «личному знанию» как источнику творческих дел.

На усиление факторов, позитивно влияющих на проявление активности студентов в научно-исследовательской деятельности, направлена разработанная нами в соответствии с основными аспектами целостности педагогического процесса система поэтапного развития и реализации творческого потенциала личности студента, которая предусматривает:

– в содержательном плане – отражение в цели и содержании системы опыта становления личности с

высоким творческим потенциалом во взаимосвязи его элементов (исследовательских знаний и умений, опыта и творческого, личностного отношения к миру, высокой степени самостоятельности и продуктивности);

– в организационном плане – обеспечение единства процесса делового, творческого взаимодействия преподавателя и студентов, в том числе и на уровне личных отношений, а также процесса освоения студентами содержания проблемы без непосредственного участия преподавателей.

В ходе проведенного педагогического эксперимента выявлена тенденция возрастания творческой активности студентов в процессе НИРС, УИРС и исследовательской компетенции студентов-заочников. Сформированные в процессе обучения компетенции позволяют нашим выпускникам отвечать современным требованиям и быть конкурентоспособными на рынке труда.

Литература

1. Адакин, Е. Е. Формирование творческого потенциала студентов вуза в условиях системы заоч-

ного обучения [Текст] / Е. Е. Адакин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 328 с.

2. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс [Текст] / В. И. Андреев. – Казань: КГУ, 1998. – Кн. 1. – 317 с.

3. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблема интеграции [Текст] / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. – М.: Логос, 2011. – 336 с.

4. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 423 с.

5. Выготский, Л. С. Проблема сознания [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Просвещение, 1975. – 175 с.

6. Ляудис, В. Я. Инновационное обучение и наука [Текст] / В. Я. Ляудис. – М.: РАО, 1992. – 52 с.

7. Сечкарев, Б. А. Менеджмент научного процесса в вузе на основе индивидуальных баз данных [Текст] / Б. А. Сечкарев, А. Н. Садовой, Ю. М. Басалаев // Проблема модернизации образования в условиях вхождения России в Болонский процесс. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005.

УДК 378.014

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

А. А. Беляков, Н. С. Клименко, О. А. Семина

THE PROBLEM OF STUDENTS' EDUCATIONAL ACTIVITY MANAGEMENT IN ORDER TO INCREASE THE QUALITY OF FUTURE SPECIALISTS' TRAINING

A. A. Beljakov, N. S. Klimenko, O. A. Semina

В статье рассматривается значение мотивирующей сферы в учебно-познавательной деятельности студентов учреждений высшего профессионального образования. Создание позитивной мотивации учения – одна из важнейших задач современной высшей школы. Согласно закону Йеркса-Донсона, чем выше сила мотивации, тем выше результат деятельности.

The article deals with the meaning of the motivation sphere of the students' educational and cognitive activity at the higher professional establishments. One of the main tasks of a modern professional school is creation of the positive motivation of studies. According to Yorks-Dodson's law the higher the strength of the motivation is the better the results of the educational activity are.

Ключевые слова: мотивация, результат, сила, учение, деятельность, позитивный, потребность, трудности, смысл, влияние.

Keywords: motivation, result, strength, studies, activity, positive, necessity, difficulties, sense, influence.

Высокий уровень и быстрый темп научно-технического прогресса ужесточили требования к подготовке будущих специалистов. Выпускник вуза должен обладать не только суммой определенных знаний и умений по предмету, но и иметь богатый внутренний потенциал личностных свойств и качеств, способствующих его самоактуализации, самообразованию в процессе дальнейшей профессиональной деятельности и своей сознательной жизни.

Переориентация целей общества на потребности личности, отход от авторитарности, установка на сотрудничество определили основные направления в реформировании всей системы образования.

Одной из центральных систем совершенствования высшего образования является проблема управ-

ления учебной деятельностью студентов с целью повышения качества подготовки будущих специалистов. Теперь недостаточно научить человека чему-либо, необходимо научить его учиться на протяжении всей жизни. Непрерывное обучение ставит перед педагогикой и психологией новые задачи, и наиболее важная из них – воспитать у обучающихся жажду познания и творчества.

Формирование учебно-познавательной деятельности студентов – это прежде всего проблема развития личности как субъекта этой деятельности. Даже самая хорошая система усвоения знаний без перестройки установок и мотивов личности не сможет обеспечить ни развития научно-теоретического мышления, ни способности к активному учению.

Л. С. Выготский считает, что мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы сознания, схватывающей наши стремления и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. Кроме того, любая мотивация: школьника студента, работающего человека – составляет часть его жизни и связана с определенными целями его жизнедеятельности [1].

В результате проведенного нами исследования мотивационной сферы студентов, установлено, что число потребностей, порождающих мотивацию, много меньше, чем число мотивов. В ходе исследования определены и потребности, и внутренние мотивы, которые лежат в основе мотивации учения и по-разному осознаются студентами. Это, прежде всего, интеллектуальная, познавательная потребность в достижении, в общении. К внутренним мотивам учения можно отнести собственное развитие в процессе обучения, познание нового, неизвестного, понимание необходимости учения для дальнейшей жизни.

Такие мотивы, как процесс учения, возможность общения, похвала от значимых лиц, обучение ради лидерства, престижа, материального вознаграждения или избегания неудач определяются в большей степени зависимостью от внешних факторов. Поэтому для преподавателей одной из основных задач является повышение значимости внутренней мотивации студента. При формировании результатов исследования выявлено, что нередко у обучающихся отсутствует желание учиться. И хотя в каждом конкретном случае имеется своя причина, есть и довольно типичные, на которые необходимо обратить внимание.

1. Неумение учиться и преодолевать трудности познавательной деятельности.

Усидчивость, умение читать и анализировать полученную информацию, навыки запоминания, наблюдательность, внимательность, терпение, настойчивость, целеустремленность – это лишь немногие качества, умения и навыки, необходимые для достижения успеха в учении. Можно с уверенностью сказать, что данные навыки отсутствуют у большинства студентов – вчерашних школьников.

2. Устаревшие методы организации учебного процесса.

В ходе работы преподаватели подбирают удобные формы работы, к которым они постепенно привыкают и уже не хотят от них отказываться. Рутинные методы организации учебного процесса, их однообразие настраивают обучающихся против изучения учебного материала, против преподавателя.

3. Однообразие жизни и учебного процесса.

В образовательном учреждении жизнь оказывается бледной по сравнению с окружающей действительностью. Монотонность и однообразие знаний, действий педагогов мало стимулирует желание учиться.

4. Авторитарная позиция преподавателей, которую студенты воспринимают как несправедливую, вызывает их протест и нежелание учиться.

5. Объем учебного материала, который необходимо запомнить и осмыслить.

Попытка втиснуть в сознание обучаемых весь образовательный стандарт приводит их к усталости, рассеянности и, как следствие, к сопротивлению.

6. Отвлекающие факторы студенческой среды.

Обучение требует от обучающихся интенсивной самостоятельной работы не только в образовательном учреждении, но и дома. Однако дома студенты отвлекаются на общение со сверстниками, компьютерные игры, телепередачи.

Таким образом, повышая роль эффективной мотивации в учении, можно обеспечить познавательную деятельность обучающихся. Обычно в душе обучающихся борются различные мотивы, задача преподавателя заключается именно в том, чтобы вызвать и сохранить мотив, работающий на успех обучения. Но мотив – это отражение некоторых потребностей. Поэтому, чтобы вызвать мотив, нужно актуализировать соответствующие потребности. Именно на этом основано стимулирование познавательной деятельности. Нужно изучить типичные потребности молодежи – общечеловеческие, возрастные, половые особенности, чтобы обратить их на пользу стимулирования учения и познания. Возраст 17 – 23 года наиболее плодотворен для формирования знаний, умений, навыков, научного и профессионального развития. Это период становления взрослости, адаптации к новым социальным и профессиональным функциям, овладения учением как специфической универсальной деятельностью человека, что составляет основу усвоения социального опыта и культуры человека. В связи с этим главная педагогическая задача в работе со студентами – создание условий для перехода студентов из позиции объекта в позицию субъекта образования, что предполагает актуализацию мотивации их учения. Мотивационная сфера учебной деятельности студентов выступает в качестве прогноза их учебной успешности, предполагает диагностику их сформированности. Выявление и развитие мотивов учения и всей учебной деятельности является регулятором личностного и профессионального становления, важным инструментом познавательной деятельности студентов вуза. Успешное изучение различных учебных дисциплин возможно при условии сформированности общей мотивации и учебной деятельности студентов.

Анализируя исследования, посвященные проблемам мотивации учения, можно сделать вывод, что она определяется рядом факторов, к которым относят образовательную систему, образовательные учреждения; организацию образовательного процесса; субъективные особенности обучающегося (возраст, пол, интеллектуальное развитие, способности, уровень познаний, самооценка, особенности взаимодействия с другими обучающимися и т. д.); субъективные особенности педагога и прежде всего особенности системы его отношений к студенту; специфику учебного предмета; особенности взаимоотношений в семье. Все эти факторы необходимо учитывать в процессе актуализации учения и разви-

тия соответствующих мотивов. Выделенные факторы определяют мотивацию учебной деятельности и поэтому именно они являются критериями необходимого и достаточного при разработке мотивов и приемов диагностики преподавателем. В результате подбора диагностических методик по этим критериям диагностика учебной мотивации может включать: методику изучения выраженности познавательных потребностей; методику изучения личностных особенностей, влияющих на принятие решения (мотивации успеха и боязни неудач); методику изучения мотивации поведения в группе (межличностные отношения, степень внутригрупповой внушаемости); методику изучения силы и устойчивости мотива (потребность в достижении целей); методику изучения мотивации учебной деятельности и поведения (отношение к учению, предметам, дисциплинам; направленность на приобретение знаний, на отметку; профессиональная ориентация, уровень притязаний, авторитет преподавателя); методику педагогического наблюдения.

Л. С. Выготский, А. Н. Леонов, С. Л. Рубинштейн в результате исследований доказали, что источником формирования личности, реальным фактором развития ее способностей является деятельность, которая служит основой для формирования познавательной самостоятельности. Чтобы деятельность носила развивающий характер, она должна отвечать потребностям, целям, интересам личности. Часто в учебной деятельности студентов нет творческого подхода, самостоятельной постановки учебных целей. Они пытаются в короткий срок механически заучить учебный материал и быстрее «сдать» его преподавателю. Такой подход еще раз подтверждает важность вопроса о формировании мотивов и целей учебной деятельности студентов вузов. Знание мотивов, побуждающих студентов к активной самостоятельной познавательной деятельности, позволит преподавателю эффективно воздействовать на процесс развития познавательной самостоятельности. Студенты всегда должны осознавать, почему и для чего им нужно изучать тот или иной материал, что именно им придется изучить и освоить, какова основная цель работы. Проблемами формирования положительных мотивов учения исследователи занимаются не один год. Они отмечают, что учение, как и любая другая деятельность, подкрепляются не одним, а несколькими мотивами внешнего и внутреннего свойства. Однако характер деятельности, ее эффективность будут существенно меняться в зависимости от того, какая группа мотивов станет доминирующей. Ряд исследователей выделили некоторые условия, способствующие формированию у студентов положительного мотива учения.

Например, К. Фриз определяет мотивацию как «внутренний порыв, направляющий поведение к определенному результату. Люди работают дольше, упорнее и с большей интенсивностью, когда они мотивированы. Главная задача в преподавании – использовать любопытство в качестве мотива. Задавайте студентам вопросы и создавайте проблемные

ситуации вместо констатации фактов. Это повышает заинтересованность и вызывает любопытство узнавать больше по теме. Основными компонентами мотивации учения являются любопытство, отношение, потребность, компетентность» [1].

Развитию познавательного интереса как мотива способствуют различные приемы проблемного обучения. Для того, чтобы этот прием способствовал мотивации учения, необходимо так поставить проблемную ситуацию, чтобы она вызывала удивление, острую заинтересованность и желание принять участие в ее решении. Диагностируя учебную мотивацию студентов, мы проанализировали содержание учебных предметов и установили, что наиболее интересны те занятия, на которых четко организован учебный процесс, где обучающихся вовлекают в активную познавательную деятельность. Кроме содержания учебного материала, на формирование интереса к познаниям и к процессу их приобретения влияют следующие факторы: организованность учебного процесса, умелое сочетание различных методов, приемов и средств обучения, эрудиция преподавателя, эмоциональность изложения учебного материала, использование различных приемов наглядности и технических средств обучения. Другим не менее важным приемом мотивации обучения является создание у студентов ситуации удовлетворения успехами обучения. Этот фактор, в первую очередь, важен для тех обучающихся, кто имеет проблемы в занятиях. Поэтому для преподавателя важно своевременно создавать у таких студентов ситуацию успеха, вселить веру в свои силы. Этот способ мотивации не сложно реализовать, но для этого нужно знать возможности каждого студента, определить тот уровень, на котором он споткнулся и к которому следует вернуться. Только в этих условиях можно предлагать индивидуальные занятия, задания для самостоятельной работы – сначала нетрудные, затем постепенно усложнять их, при этом следить, чтобы каждый решал их самостоятельно, прилагая необходимые волевые усилия.

Таким образом, одной из главных задач в вузах является организация такой учебной деятельности, которая максимально способствовала бы развитию внутреннего мотивационного потенциала личности студентов.

Для внутреннего мотивирования процесса учения в учреждении высшего профессионального образования нами эксплицированы следующие условия:

1. Задачи обучения должны исходить из запросов, интересов и устремлений студента, а результаты обучения – соответствовать потребностям студента и быть значимыми для него. При этом в процессе профессиональной подготовки студентов должна все больше развиваться потребность в структурировании будущего, должно складываться представление о том, что учеба в вузе и её итоги – это важнейший шаг на жизненном пути в процессе профессионального становления.

2. Занятия следует организовать так, чтобы студентам был интересен сам процесс учения, и они

радовались общению с преподавателем, одногруппниками. В аудитории должна быть атмосфера сотрудничества, доверия и взаимного уважения.

3. Преподаватель должен являть собой образец внутренне мотивированной деятельности. Это должна быть личность с доминированием к педагогической деятельности и науке, с высоким профессионализмом и уверенностью в своих силах. Наибольшей популярностью и уважением пользуются эрудированные преподаватели, которые не создают барьеры между собой и студентами, а привлекают обучающихся к активному сотрудничеству в научной и учебной деятельности. Для повышения учебной мотивации студентов, обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования, на основании вышеизложенного мы можем сформулировать следующие рекомендации:

- совершенствовать методику проведения учебных занятий: включать в учебную программу дополнительный материал, связанный с будущей профессиональной деятельностью; использовать современные средства обучения, новые информационные технологии;

- учить студентов рациональным приемам обучения, использования времени;

- использовать эффективные способы эмоциональной разрядки студентов;

- использовать на занятиях дополнительный материал, вызывающий интерес у студентов, привлекать их к сбору такого материала из научной литературы, периодических изданий, из Интернета;

- поощрять студентов при проявлении инициативы на занятиях;

- создавать ситуации успеха для студентов, особенно с низкой мотивацией достижений, способствовать формированию адекватной самооценки.

На наш взгляд, проблему формирования мотивации учения можно без преувеличения назвать одной из центральных проблем современной высшей школы. Её актуальность обусловлена самой учебной деятельностью, обновлением содержания обучения, формированием у студентов приемов самостоятельного приобретения знаний, развития креативности. Действительно, наиболее острые проблемы в области обучения и воспитания связаны с демотивированностью основной массы студентов и, значит, со снижением базовых показателей их обученности и воспитанности. Следовательно, выявить характер мотивации, смысл учения – значит определить меры педагогического влияния, способы работы со студентами. Однако и здесь ряд принципиальных вопросов вызывает широкую дискуссию специалистов, а по некоторым из них нет определенности, т. к. глубокие и серьёзные исследования еще ждут своего часа. Тем более, это относится к учению, которое является деятельностью с неограниченным мотивационным потенциалом.

Литература

1. Вавилова, Л. Н. Мотивация учения в профессиональном образовании: сущность, особенность, развитие [Текст]: монография / Л. Н. Вавилова; под ред. В. И. Сахаровой. – Москва; Кемерово: КРИПО, 2007. – 208 с.

2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования: учеб. пособие [Текст] / Э. Ф. Зеер. – 2-е., перераб. – М.: Изд. МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 480 с.

3. Панина, Т. С. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие для студ. высшего заведения [Текст] / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова; под ред. Т. С. Паниной. – М.: Академия, 2006. – 176 с.

УДК 37.018.4+378.662

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Н. Бобриков

LIFELONG PROFESSIONAL EDUCATION IN THE TECHNOLOGICAL SOCIETY

V. N. Bobrikov

В статье исследуется непрерывное профессиональное образование, влияние на него современных социальных и производственных технологий, определены направления его развития.

The lifelong professional education and the influence of modern social and production technologies on it are investigated in the article, the trends of its development are determined.

Ключевые слова: непрерывное образование, профессиональное образование, технология, социально-технологический, развитие.

Keywords: lifelong education, professional education, technology, socio-technological, development.

Профессиональное образование является важнейшей составной частью целостного процесса формирования человека, а профессия – одним из основных способов его самореализации. Следовательно, чем удачнее сделан профессиональный выбор,

тем больше вероятность успешной профессиональной карьеры.

Основные исследования профессиональной деятельности проводились, главным образом, с экономической (производительность труда), технической

(взаимодействие в системе отношений «человек – машина») или медицинской (влияние на здоровье) точек зрения. Такой сугубо технократический подход исходит из того, что от человека требуется выполнение определенной профессиональной деятельности в качестве функционального звена некоторой технической системы. При этом, чем меньше в работнике «человеческого», тем он эффективнее (дешевле, надежнее) с экономической и технической точек зрения [1].

Существующую общественную систему, по утверждению Э. Фромма, можно понять намного лучше, если включить в нее систему «Человек». «Человеческая природа не абстракция и не бесконечно податливая система, динамичным развитием которой можно пренебречь. Она имеет собственные специфические качества, законы и альтернативы. Изучение «системы Человек» позволяет увидеть, как определенные социоэкономические факторы влияют на человека, как нарушение в системе «Человек» вызывает дисбаланс в социальной сфере. Вводя человеческий фактор в анализ всей системы, мы лучше пониманием ошибки функционирования и определяем нормы соотношения здорового экономического функционирования социальной системы с оптимальным благополучием участвующего в этом народа. Все это верно, разумеется, только при условии, что максимальное развитие человека, его благополучие являются преобладающей целью» [2].

Развитие технологий, понимаемых в широком смысле (социальных, производственных, оказания услуг), всегда в существенной степени влияло на облик общества, на статус государства и его регионов, на взаимоотношение людей. Однако сейчас технологический фактор стал определяющим, так как высокий уровень этих технологий позволяет рассчитывать на продвижение к тем целям, которые актуальны и современны для жизни нашего общества.

К числу основных факторов, влияющих на социально-технологический уровень общества, наряду с политическим и экономическим, относится и профессионально-образовательный. Получение профессионального образования в технологическом обществе можно трактовать как реализацию человеком трех взаимодействующих процессов:

- приобретения функциональной грамотности, обеспечивающей базис для осуществления жизненных планов, профессионального образования и профессиональной карьеры;
- освоения желательного образовательного уровня по выбранному профессиональному направлению (процесс социально-технологического образования);
- достижения необходимой квалификации в рамках какой-либо профессии (процесс профессиональной подготовки).

Здесь термин «взаимодействующие» подчеркивает, что в принципе эти процессы могут осуществляться независимо друг от друга путем проведения основных учебных занятий и оказания дополнительных образовательных услуг. Совместно они

проявляют качественно новое воздействие на человека, результатом которого является повышение согласованности целей индивидуума и общества [1].

С гуманистической точки зрения, важным этапом в жизни человека является формирование профессиональных намерений, ведущих к выбору направления профессионального образования или специальности. Организующей и содержательной основой эффективного профориентационного процесса на этом начальном этапе профессионального образования могут стать профильные классы в средней школе, способствующие закреплению мотивации профессионального выбора, формированию качеств, которые необходимы при получении профессионального образования, а также повышающие успешность обучения на последующих ступенях образования.

Этап профессионального образования – освоение выбранного образовательного направления и уровня при получении социально-технологического образования, а также достижение достаточной мотивационной подготовки по выбранной профессии. Эти процессы могут осуществляться совместно (например, довузовская подготовка – высшее профессиональное образование).

Заключительный (перманентный) этап – продолженное профессиональное образование, которое осуществляется в течение всей профессиональной жизни. Оно не имеет определенных временных рамок и может быть связано как с повышением образовательного уровня и профессиональной квалификации, так и с изменением профессионального образовательного направления или профессии. Этот этап человек может реализовать путем самообразования, обучения на профессиональных курсах, получения второго высшего образования и т. п.

Сегодня в содержании различных видов профессиональной деятельности все большую значимость приобретают процессы взаимодействия между специальными и ее нравственно-психологическими, социально-гуманитарными характеристиками. Так, профессиональная деятельность наполняется качественно новым содержанием. Ее неотъемлемой частью становится социально-гуманитарная компетентность, представляющая собой интегральную характеристику гражданской, личностной и психологической зрелости человека.

На формирование обозначенных качеств современного профессионала направлено непрерывное профессиональное образование, целью которого является достижение уровней развития индивида и формирование его личности, мировоззрения, профессиональных качеств, знаний и навыков, обеспечивающих его активную социальную позицию и успешность интеллектуальной профессиональной деятельности.

В результате всего вышеизложенного можно согласиться с определением понятия «непрерывное профессиональное образование», предложенного В. Н. Скворцовым. Под ним он понимает «системно организованный процесс образования людей на протяжении всей их трудовой жизни, в основе которого

лежат нормативные предписания, обязывающие работодателя обеспечить работнику необходимые и достаточные условия для приращения профессиональных знаний и умений всякий раз, когда изменение условий его трудовой деятельности связано с предъявлением ему новых или дополнительных профессиональных требований. Это позволяет ему оставаться эффективным работником, быть конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках труда и сохранять социальные условия жизни, адекватные уровню его профессионального рейтинга на рынке труда» [3].

Проведенный анализ развития непрерывного профессионального образования позволяет констатировать, что образование, как явление государственной политики вплоть до 90-х годов XX столетия, отвечало социально-экономическому развитию общества и его экономике и практически исключало инициативу и творчество как обучающихся, так и педагогов в изменении содержания образования и форм обучения. Профессиональное образование в целом было направлено на производство, а не на удовлетворение потребностей и интересов отдельной личности. И только с появлением и развитием понятия «непрерывное образование» в его понимании как образования через всю жизнь, с формированием новой парадигмы образования, где в центр поставлена личность с ее возможностями и интересами, изменилась основная тенденция профессионального образования.

Рыночные отношения в России выдвинули перед системой непрерывного профессионального образования иные цели, что породило в ней глубокие перемены, связанные с развитием и становлением личности человека как профессионала в течение всей жизни, и иные задачи, а именно:

- создавать условия для свободного выбора личностью образовательных траекторий в соответствии со своими особенностями, запросами и возможностями;
- учитывать потребности заказчиков профессиональных кадров в подготовке специалистов, адекватных современному, рыночному условиям;
- содействовать развитию демократических и гуманистических подходов в деятельности образовательных учреждений.

Развитие системы непрерывного профессионального образования можно рассматривать в виде двух взаимосвязанных и взаимозависимых процессов: формирования современных концептуальных подходов с учетом аналитических и прогностических данных о направлениях развития экономики и социальной политики и одновременно с этим совершенствования существующей образовательной системы. В основу этого процесса положен принцип преемственности, предполагающий анализ предыдущего периода эволюции образования и учет положительных достижений отечественной и международной систем образования.

В настоящее время разработка проблематики непрерывного профессионального образования в российских условиях отличается остротой, связан-

ной с изменениями в жизни общества, обусловленными рыночными отношениями, социокультурной ситуацией, в которой профессиональная гибкость и мобильность сводятся не только к области производственной деятельности человека, но становятся как социальной, так и личностной проблемами и непосредственно отражаются на образовательной сфере.

Особо значимыми становятся социально-практические и научно-прикладные подходы к непрерывному профессиональному образованию, которые направлены на его гуманизацию, переориентацию с обезличенных потребностей государства или ведомств – на образовательные потребности человека и его личностный рост.

Разработка этих проблем идет в направлении отхода от жесткой централизации государственного регулирования образования к социальной потребности, переключения в режим широкой и гибкой системы образовательных услуг, к возникновению и развитию диверсификации непрерывного профессионального образования, к интеграции сложившейся образовательной системы и профессиональных учебных заведений инновационного типа.

Научный анализ событий в мировой и российской системах непрерывного профессионального образования и системно-структурный подход к исследованию позволили выявить предпосылки, обуславливающие функционирование и развитие непрерывного профессионального образования в современных социокультурных условиях. К ним можно отнести следующие:

- научные достижения, которые содействовали развитию академических дисциплин и усилению фундаментализации содержания образования, а также развитию междисциплинарности;
- быстрые темпы развития информационных и коммуникационных технологий;
- возросший социальный спрос на более высокий уровень профессионального образования и др.

Необходимо учитывать также влияние глобальных факторов, связанных с кризисом техногенной цивилизации. Технология – это социально-культурная сфера, поэтому ее особенности и эволюция обуславливаются, по меньшей мере, пятью факторами: культурными схематизмами; картинами мира; социальными институтами; ценностями и установками современной личности; структурой нашей техногенной цивилизации [4].

По мнению многих исследователей, у человечества нет другой альтернативы, оно вынуждено, с одной стороны, ограничить рост и, так сказать, гуманизировать ее, то есть ориентировать на решение экологических проблем, сделать технологическую эволюцию контролируемой и т. п., а с другой стороны, изменить свой образ жизни, возможно, кардинально.

К сожалению, все те, от кого зависит развитие современной технологии, включая власти, специалистов, экспертов, предпочитают не видеть реальной опасности технологической эволюции. В работах многих ученых в этом отношении представлены

материалы, свидетельствующие о катастрофичности современной ситуации, но, к сожалению, не предлагаются подходы и средства, способные переломить инерционный ход событий, в том числе недооценивается в этом отношении роль системы непрерывного профессионального образования. Ее главная задача относительно возникшей ситуации – сформировать думающую личность, имеющую гуманистическую направленность.

Для этого необходимы: осмысленная научно-техническая политика; реформы технического и гуманитарного образования; выработка нового законодательства, работающего на новое понимание техники и технологии; реформы в сферах науки, инженерии, проектирования и промышленности, способствующие формированию нового гуманистического, этического климата [4].

В связи с этим представляют интерес исследования, направленные на выявление условий, оказывающих влияние на отечественную систему непрерывного профессионального образования. Например, к таким условиям, характерным для нашей страны, Т. Ю. Ломакина относит:

- реструктуризацию экономики, которая спровоцировала ажиотажный спрос на группы профессий и специальностей «третьей сферы»;
- изменение места личности в сфере образовательных услуг, когда личность поставлена в центр образовательной системы, что привело к развитию конкуренции на рынке труда, усложнило трудоустройство выпускников профессиональных образовательных учреждений, изменило отношения между субъектами образовательных процессов;
- изменение роли профессиональных образовательных учреждений в образовательном пространстве в связи с новыми целями образования, процессами демократизации, что привело к расширению прав образовательных учреждений, усилению регионализации профессионального образования, послужило возникновению и усилению конкуренции между профессиональными образовательными учреждениями, развитию и расширению их профессионального поля деятельности [5].

Анализ педагогических исследований и практики работы высших учебных заведений в нашей стране и за рубежом позволили выделить следующие тенденции преодоления противоречий профессионального образования на современном этапе:

- обновление и качественное совершенствование процессов и содержания профессионального образования;
- выделение обязательных дисциплин и дисциплин по выбору в образовательном процессе вуза;
- глубокая дифференциация с целью выявления интересов, склонностей, возможностей обучающихся к разным видам деятельности, широкое профилирование обучения школьников в сфере непрерывного образования;

– более тесная связь образования с потребностями производства и общества;

– внедрение режима поиска в педагогической деятельности как объективного условия существования разных типов профессиональных учебных заведений;

– создание системы непрерывного профессионального образования для полноценного развития личности.

Программу реализации устойчивой развивающейся системы образования, в том числе и системы непрерывного профессионального образования, необходимо осуществлять с учетом следующих обстоятельств:

- требований общества, государства, экономики к образованию как социальному государственно-му институту;
- ориентации системы на удовлетворение образовательных потребностей личности, тесно связанной с требованиями социальных слоев, различных общностей людей, конфессий, национальных, региональных и других особенностей;
- влияния, оказываемого на образование общественно-экономическим трансформированием (в настоящее время это финансово-экономическая нестабильность, наличие иных, кроме государственной, форм собственности и др.);
- тенденций и процессов внутри самой образовательной сферы: с одной стороны, особенностей и традиций российского образования, а с другой – общемировых тенденций, их степени влияния и нашей ориентации на них, обусловленной вхождением в мировое образовательное пространство.

Литература

1. Созонова, Г. С. Педагогический мониторинг успешности обучения в системе непрерывного медицинского образования / Г. С. Созонова: дис... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1999.
2. Фромм, Э. Революция надежды. О гуманизации технологического общества / Э. Фромм; пер. с англ.: Н. Г. Кротовская, Е. Г. Руднева, М. А. Султанова, Е. Н. Федина; отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Айрис-пресс, 2005.
3. Скворцов, В. Н. Социально-экономические проблемы теории непрерывного образования / В. Н. Скворцов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999.
4. Традиционная и современная технология: философско-методологический анализ / отв. ред. В. М. Розин; Ин-т философии РАН. – М., 1999.
5. Ломакина, Т. Ю. Диверсификация как общепедагогический принцип развития системы непрерывного профессионального образования / Т. Ю. Ломакина // Теорет. исслед. в 1999 году: сб. статей / Ин-т теории образования и педагогики РАО. – М., 2000.

УДК 371.13: 378.013

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

И. В. Гравова, Ж. С. Максимова, Т. М. Чурекова

AXIOLOGICAL TRAINING OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL MAJORS

I. V. Gravova, Zh. S. Maksimova, T. M. Churekova

В статье обосновывается необходимость аксиологической подготовки студентов педагогических специальностей. Рассматриваются вопросы организации спецкурса «Педагогическая аксиология», его структура и содержание. Анализируются возможности социального проектирования в формировании общечеловеческих ценностей у будущих педагогов.

This article proves the necessity of axiological training of students of pedagogical majors. Issues of the introducing special course "Pedagogical axiology", its structure and content are discussed here. The article analyzes the potential of social project planning in the universal values formation of future pedagogues.

Ключевые слова: аксиология, педагогическая аксиология, аксиологическая подготовка, ценности общечеловеческие и педагогические, социальное проектирование.

Keywords: axiology, pedagogical axiology, axiological training, universal and pedagogical values, social project planning.

Требования к специалистам педагогического профиля предполагают, что выпускник обладает гражданской зрелостью, педагогической этикой, высоким нравственным сознанием, чувством профессионального достоинства и социальной ответственности за качество и результат педагогического труда, проявляет внимание и заботливое отношение к детям, осознает самоценность детского возраста как основы развития личности и формирования жизнеспособности человека.

Однако в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин и предметов гуманитарного цикла студенты получают профессионально необходимые знания, но при этом недостаточное внимание уделяется решению задач духовно-нравственного воспитания студентов, приобщению их к общечеловеческим ценностям и подготовке к соответствующей работе со школьниками. Еще А. Дистервег подчеркивал, что возможность качественного выполнения образовательных задач, поставленных перед педагогом, зависит во многом от системы профессиональных ценностей. Педагог определил спектр ценностей, без которых невозможно представить личность учителя: «Вся деятельность педагога должна служить примером организованности, точности, добросовестного выполнения своих обязанностей». А. Дистервег подчеркивает при этом необходимость интериоризации этой системы ценностей, их «присвоения», преобразования учительским сознанием в некий внутренний стандарт человеческого поведения и отношений. Для выполнения своих обязанностей учителю необходимо признавать их своими, внутренне быть с ними согласным [3, с. 317 – 318].

В те или иные моменты человеческой жизни на первый план выходят разные ценности. Как справедливо отметил С. Л. Рубинштейн, «ценности – это не то, за что платим, а то, ради чего живем» [5, с. 409 – 410]. А живем мы ради самого ценного в жизни – наших детей, принимающих в качестве ведущих личных ценностей, прежде всего те, которые со-

ставляют ядро ценностной системы их воспитателей. Система ценностей педагога – это его внутренний мир, возникающий в наибольшей степени как результат процесса профессионально-педагогической подготовки. Можно утверждать, что в центре того или иного воспитательного подхода всегда обнаруживается ценностное основание, предусматривающее приведение жизни человека в соответствие с определенной системой ценностей и отношений.

В структуре профессионально-педагогической подготовки ценности занимают особое место, являясь основой, на которую опираются все остальные компоненты системы. Они выступают как духовные феномены, имеющие личностный смысл и выступающие ориентирами человеческого поведения и формирования жизненных и профессиональных установок студентов, будущих учителей-воспитателей подрастающего поколения. Духовно - нравственное развитие личности будущего педагога осуществляется качественнее и основательнее в условиях, когда приоритетным в содержании профессионально-педагогической подготовки является аксиологический компонент, содержащий в своей основе:

- необходимость приобщения к методологическим, теоретическим и прикладным знаниям о ценностях, их природе;
- механизмы развития ценностей и способы их функционирования;
- профессионально-педагогических ценности, характеризующие профессиональное становление и самосовершенствование личности современного педагога.

Несмотря на то, что аксиологические основы знаний рассматриваются в процессе изучения таких дисциплин, как «Философия», «Педагогика», «Психология» и др., они не ориентированы в полной мере на знакомство студентов с категориальным аппаратом аксиологии как науки, ее течениями и направлениями. А главное – не готовят практически к работе со школьниками по приобщению их к веч-

ным аксиологическим приоритетам общечеловеческого и национального характера. Изучение спецкурса «Педагогическая аксиология», интегрирующего определенный круг знаний по философии, общей аксиологии, педагогике, философии и истории образования, даст возможность более углубленной и целенаправленной подготовки студентов по важнейшим аксиологическим проблемам. В этой связи изучение его целесообразно на выпускных курсах, когда студентами достаточно изучены важнейшие проблемы философских и педагогических наук, предусмотренные Государственными образовательными стандартами педагогического образования. Изучение предлагаемого спецкурса способствует осмыслению проблем образования с точки зрения педагогической аксиологии на качественно новом уровне, что существенно дополняет и обогащает общетеоретическую и, в частности, философскую подготовку будущего педагога.

Методологическую основу спецкурса «Педагогическая аксиология» составляют работы философов по проблемам духовных ценностей, классическое отечественное и зарубежное педагогическое наследие как компонент общечеловеческих и национальных аксиологических приоритетов. В основу построения спецкурса положены концептуальные идеи, согласно которым: система ценностей исторична, в каждую конкретную эпоху она обогащается аксиологическими ориентирами, соответствующими духу времени; общечеловеческие и национальные ценности находятся в неразрывном единстве, взаимодополняя и обогащая друг друга; в системе общечеловеческих аксиологических приоритетов выделяется особая группа ценностей образовательных или специфически педагогических. основополагающими принципами построения курса являются следующие: субъектности, ценностного отношения к Человеку, диалогизма, акцентуации нравственного начала, актуализации ситуации успеха.

Исходя из сказанного, целесообразно в содержание спецкурса «Педагогическая аксиология» включить следующие темы:

- становление отечественной аксиологии как науки – теории ценностей, разработанные О. Г. Дробницким, А. Г. Здравомысловым, М. С. Каганом, В. П. Тугариновым и др.;
- психологические теории ценностных ориентаций, представленные Б. И. Додоновым, Г. Е. Залесским, А. Н. Леонтьевым, В. А. Ядовым и др.;
- гуманистическая педагогика К. Роджерса и А. Маслоу;
- аксиологические приоритеты сферы образования советского периода;
- гуманистические системы воспитания в опыте отечественной школы как важнейший ее ценностный компонент;
- ценностные основания «педагогики сотрудничества» (Ш. А. Амонашвили, И. П. Волков, Т. И. Гончарова, И. П. Иванов, Е. Н. Ильин,

В. А. Караковский, С. Н. Лысенко, М. П., Щетинин, Е. Я. Ямбург и др.);

- педагогическое творчество и новаторство как ценности профессионально-педагогической деятельности;
- разрешение и профилактика конфликтных ситуаций как условие гуманизации педагогического взаимодействия;
- реализация принципов демократизации, гуманизации, сотрудничества – основные задачи образования XXI века и др.

Работа со студентами по приобщению их к духовным общечеловеческим ценностям и подготовке к соответствующей воспитательно-образовательной деятельности со школьниками осуществляется в несколько этапов:

- 1) изучение теоретической и методологической основы аксиологии как науки, аксиологических проблем в истории отечественного образования в их развитии;
- 2) на основании обобщения инновационного педагогического опыта обоснование особенностей методики приобщения детей к духовным общечеловеческим ценностям;
- 3) использование полученных знаний и умений в ходе педагогической практики, их анализ, коррекция и дальнейшее совершенствование.

Работа по ориентации студентов на духовные общечеловеческие ценности осуществляется в ходе лекций и самостоятельной работы студентов, обеспечивающих теоретическую подготовку; семинарских, практических, индивидуальных занятий, а также педагогической практики, в ходе которых студенты готовятся к изучению духовного мира ребенка на разных возрастных этапах и работе с ними по приобщению к общечеловеческим ценностям.

В процессе лекционных занятий акцентируется внимание студентов на сравнении различных аксиологических течений и направлений, сложившихся в зарубежной и отечественной аксиологии. Расширение и углубление приоритетных проблемных направлений теории ценностей осуществляется на семинарских и практических занятиях, предоставляющих более широкие возможности для работы с первоисточниками, направленной на сравнение взглядов педагогов по изучаемой аксиологической проблематике.

На вводном занятии целесообразно предложить студентам составить индивидуальную иерархию системы ценностных ориентаций педагога:

- 1) ценности, связанные с утверждением личностью своей роли в социальной и профессиональной среде (общественная значимость труда педагога, престижность педагогической деятельности, признание профессии ближайшим личным окружением и др.);
- 2) ценности, удовлетворяющие потребность в общении и расширяющие его круг (общение с детьми, коллегами, референтными людьми, переживание

детской любви и привязанности, обмен духовными ценностями и др.);

3) ценности, ориентирующие на саморазвитие творческой индивидуальности (возможности развития профессионально-творческих способностей, приобщение к мировой культуре, занятие любимым предметом, постоянное самосовершенствование и др.);

4) ценности, позволяющие осуществить самореализацию (творческий, вариативный характер труда педагога, романтичность и увлекательность педагогической профессии, возможность помощи социально неблагополучным детям и др.);

5) ценности, дающие возможность удовлетворять прагматические потребности (возможности получения гарантированной государственной службы, оплата труда и длительность отпуска, служебный рост и др.).

Показательно, что только треть из студентов, планирующих после окончания вуза заниматься педагогической деятельностью, на первые места ставят ценности под номерами 2, 3, 4.

Результаты данной работы показывают, что, несмотря на определенную подготовленность аудитории, ответы нередко формулируются на уровне житейских представлений о ценностях. Среди вечных аксиологических приоритетов выделяются такие, как Любовь, Красота, Добро, Мир, Дружба между народами, Свобода, Справедливость, указывается, что они «существуют во все времена». Некоторая часть студентов, которая обычно невелика (1 – 2 %), важными считают только успехи в личной жизни, материальную обеспеченность, пренебрегая духовными ценностями, во многом обуславливающими личное счастье и благополучие людей. Вызывает трудность у студентов и формулирование самого понятия «ценность».

В процессе занятий и педагогической практики студент овладевает педагогическими ценностями, субъективирует их. Уровень субъективации педагогических ценностей является показателем личностно-профессиональной развитости, как степени реализации идеально ценностного, трансформации потенциального (должного) в актуальное (сущее).

Н. А. Астахова, рассматривая процесс интериоризации ценностей, выделяет следующую последовательность действий: предъявление ценностей личности; вызов эмоционально положительной реакции; фиксация этой реакции; генерализация отношения; осознание ценности; коррекция ценностного отношения на основе имеющихся представлений об идеальном уровне ценности [2, с. 24].

Таким образом, факт установления ценности той или иной педагогической идеи, педагогического явления происходит в процессе оценки ее личностью. Критерием оценки и ее результатом является сложившийся, на основе психолого-педагогических знаний, результат собственной деятельности (что возможно только в процессе педагогической практики) и сопоставления ее с деятельностью других,

обобщенный образ в индивидуальном педагогическом сознании.

Важным средством формирования устойчивых ценностных ориентаций студентов служит создание на семинарских занятиях мировоззренческих ситуаций, т. е. выдвижение и обсуждение проблем с выходом на мировоззренческие идеи и необходимость для обучающихся формулировать, защищать и пропагандировать свои взгляды. Аналогично строится работа и по созданию социально значимых ситуаций, в том числе путем имитации ценностноориентационной деятельности [1, с. 180 – 185].

Семинарские занятия спецкурса «Педагогическая аксиология» зачастую посвящаются анализу материалов исследований, проведенных в процессе педагогической практики, которая, несомненно, должна выполнять аксиологическую функцию. Педагогическая практика, в процессе которой студенты, на основе изученных аксиологических проблем (философия, педагогика, психология), организуют работу с детьми по приобщению их к духовным общечеловеческим ценностям, является одним из важных критериев успешности освоения содержания спецкурса «Педагогическая аксиология» и одним из обязательных условий аксиологизации педагогического образования, развития аксиологического потенциала личности будущего учителя. Наряду с общеизвестными задачами педагогической практики, на которую направляют основные усилия ее руководители, следует учитывать и аксиологическую функцию, суть которой заключается в том, чтобы:

- студент ощутил уверенность в правильном выборе профессии, произошла актуализация приобретенных предметных специальных знаний, окрепла познавательная самостоятельность студента в поиске новых знаний, необходимых в подготовке к уроку;

- закрепилось ощущение успеха, самореализации в реальной, а не моделирующей в аудиториях вуза педагогической деятельности;

- студент встретил эталонный образ-образец учителя, приобрел собирательный или реальный профессиональный идеал;

- сформировалось ценностное отношение к школе, учащимся, к будущей деятельности на основе рефлексии прожитого периода жизнедеятельности.

Аксиологический диапазон педагогической практики не ограничивается подготовкой студентов к организации и осуществлению учебной и воспитательной работы с учащимися. Общение с будущими коллегами, освоение коммуникативного и управленческого поля жизнедеятельности школы дополняется проблемой выстраивания взаимодействия с родителями.

В аксиологической концепции педпрактики подчеркивается, что современная социальная ситуация ставит перед учителем такие новые сложные проблемы, как низкая мотивация учения и невысокий уровень знаний школьников, разрыв между обученностью и воспитанностью, бедность духов-

ных интересов, средовая дезадаптация детей и другие. Следовательно, в дальнейшей подготовке специалиста-педагога особо актуальным становится вопрос о формировании четких ценностных ориентаций как принципов его индивидуальной деятельности на основе выбора альтернатив в решении повседневных профессиональных и личностных задач. Анализ на занятиях аудио-, видео-, текстовых записей уроков и воспитательных мероприятий, проведенных учителями и студентами в процессе педагогической практики, помогают выработать представление о себе как субъекте педагогической деятельности, выявить особенности своего стиля педагогической деятельности, коммуникативного поведения, сильные стороны и ресурс развития, определить основные направления индивидуальной работы по профессиональному самовоспитанию.

Для плодотворного усвоения и принятия будущими педагогами в качестве ведущих идеалов, норм и установок будущей педагогической деятельности гуманистических педагогических ценностей образования, включающих общечеловеческие и национальные ценностные приоритеты, необходимо проживать и переживать, отстаивать и утверждать указанные ценности в социально полезной и продуктивной творческой деятельности в процессе профессионально-педагогической подготовки [4, с. 175 – 178]. В связи с этим особое значение в преподавании спецкурса приобретает внеаудиторная деятельность по социальному проектированию и реализации этих проектов. Социальное проектирование имеет непосредственное отношение не только к развитию социальной сферы, к преодолению разнообразных социальных проблем, но и позволяет поставить студента в позицию, позволяющую на практике реализовывать знания, выбирать ценности и линию поведения, совершать правовые и нравственные поступки. Эти технологии формируют у студентов понимание того, что от их действий зависит не только его собственная жизнь и благополучие, но и жизнь, и благополучие других людей.

Социальные проекты в зависимости от содержания и направленности оказывают деятельное влияние на становление жизненных ценностей. Проекты гражданско-патриотической направленности (Вахта памяти», «Памятник герою», «Музей славы», «Малая Родина» и др.) актуализируют проблему познания и осознания студентами своей Родины, активизируют работу волонтеров, ориентируют подрастающее поколение на ценности отечественной культуры, прививают им чувство гордости за свою страну. Проекты спортивно-оздоровительного направления («Стадион», «Умей сказать нет!», «В

здоровом теле – здоровый дух» и др.) развивают инфраструктуру здорового отдыха, содействуют здоровому образу жизни, формируют культуру здоровья, потребности в занятиях физической культуры и спорта. Проекты познавательного направления («Школа третьего тысячелетия», «Урок мечты», «Клуб интеллектуалов» и др.) модернизируют образовательный процесс, способствуют достижению качественных результатов в обучении, формируют ответственность перед обществом, государством, родителями, самим собой. Трудовое воспитание через проектную деятельность формирует адекватное представление об общественно-полезном труде как особой ценности, способствует осознанию общественной и личной значимости труда, перспектив своего участия в нем и т. д. В данном случае интерес представляют проекты «Трудовой десант», «Город мастеров», «Чтобы наступило завтра...» и др. Разработка и реализация этих и многих других проектов целенаправленно влияет на осознание и принятие студентами таких общечеловеческих ценностей, как Отечество, Здоровье, Знания, Культура, Труд и т. д.

Таким образом, сочетание теоретической аксиологической подготовки с практикой и деятельностью по социальному проектированию в процессе изучения спецкурса «Педагогическая аксиология» позволяет успешно решать задачи аксиологической подготовки будущих педагогов.

Литература

1. Адакин, Е. Е. Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи [Текст] / Е. Е. Адакин, Н. Э. Касаткина, Е. Л. Руднева // Ползуновский вестник. – 2004. – № 3.
2. Асташова, Н. А. Концептуальные основы педагогической аксиологии [Текст] / Н. А. Асташова // Педагогика. – 2002. – № 8.
3. Дистервег, А. Избр. пед. соч. [Текст] / А. Дистервег. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1967.
4. Мелекесов, Г. А. Развитие аксиологического потенциала личности будущего учителя [Текст] / Г. А. Мелекесов: дис... д-ра пед. наук. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2003.
5. Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е гг. XX вв.) [Текст] / под ред. З. И. Равкина. – М.: ИТОиП РАО, 1997.
6. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – 2-е издание. – М., 1976.

УДК: 378.016:811(1-87)

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ****В. В. Ерёмин, Б. П. Невзоров****THEORETICAL ARGUMENTATION OF THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PREPARING
STUDENTS FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE UNIVERSITY****V. V. Eremin, B. P. Nevzorov**

В статье рассматриваются подходы к определению сущности педагогических условий, на ее основе были определены педагогические условия подготовки студентов к межкультурной коммуникации в условиях университета.

The article covers approaches to the determination of the pedagogical conditions content; were determined on its basis pedagogical conditions for preparing students for intercultural communication in the university.

Ключевые слова: педагогические условия, межкультурная коммуникация, фасилитатор, модератор, тьютор, супервайзер, медиатор.

Keywords: pedagogical conditions, intercultural communication, facilitator, moderator, tutor, supervisor, mediator.

Улучшение качества образования, повышение конкурентоспособности специалистов могут быть обеспечены, по мнению многих исследователей, тем, что наряду со специальными профессиональными знаниями необходимо также формировать определенные качества личности, дополнительные знания, позволяющие адаптироваться в новых условиях работы, уметь взаимодействовать с окружающими людьми. В связи с этим в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования предусмотрено формирование общекультурных компетенций и, в частности, владение межкультурной коммуникацией.

Однако большая часть исследований, посвященных проблеме межкультурной коммуникации, сводятся либо к вопросу формирования специальных знаний, как правило, страноведческого и культурно-исторического характера, либо развитию отдельных личностных качеств. При этом разрабатываемые программы подготовки носят, как правило, универсальный характер, применяются обособленно от других программ обучения, без учета специфики специальности. Такой подход, на наш взгляд, не может полностью обеспечить качественную подготовку специалистов и развить их способности к межкультурной коммуникации. По нашему мнению, результативность действий преподавателей и студентов будет связана с выявлением конкретных условий, в которых осуществляется педагогический процесс. Поэтому в плане обучения межкультурной коммуникации нас интересует вопрос, какие педагогические условия обеспечат подготовку специалистов к межкультурной коммуникации в системе высшего и дополнительного профессионального образования в условиях университета?

Для начала мы обратились к понятию «условие». В Философском словаре оно определяется следующим образом: «Условие – философская категория, выражающая отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Сам предмет выступает как нечто

обусловленное, а У. – как относительно внешнее предмету многообразие объективного мира. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс. У. составляет ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются» [8]. Иначе говоря, условие рассматривается как среда, влияющая на изучаемый предмет.

Мы провели анализ научной литературы и выяснили, что целостное описание педагогических условий как среды в виде внешних по отношению к предмету факторов представлено Е. В. Яковлевым. В своем исследовании автор определяет, во-первых, педагогическое условие как «совокупность мер педагогического процесса, направленная на повышение его эффективности» [10, с. 158]. Во-вторых, отмечается, что «отдельные условия не могут существенно повлиять на эффективность того или иного педагогического явления. Необходим комплекс условий, учитывающий развертывание основных педагогических процессов» [10, с. 158]. В-третьих, предлагается способ определения условий [10, с. 159]:

1) выявление основных компонентов изучаемого феномена, причастных к достижению цели, их анализ и определение степени влияния;

2) выбор мероприятий, усиливающих эффективность каждого компонента;

3) упорядочение полученных условий (исключение лишних, объединение нескольких в одно и т. д.);

4) экспериментальная проверка каждого условия всего комплекса, неудовлетворенные результаты которой требуют продолжения поиска.

На основе данных положений нами определены педагогические условия подготовки специалистов в системе высшего и дополнительного профессионального образования

Во-первых, нами выявлены основные компоненты изучаемого феномена. Таковыми являются содержание трех компетентностей, выделенных нами в личностной структуре субъекта межкультурной

коммуникации (межкультурная, коммуникативная и личностно-поведенческая), а именно:

1) социокультурные знания, умение их усваивать, интерпретировать и оперировать ими;

2) знание основ коммуникации и межкультурной коммуникации, а также умение выражать и интерпретировать вербально и не вербально сигналы в соответствии с ситуацией общения;

3) эмпатия и толерантность.

Данные компоненты обеспечивают формирование межкультурной, коммуникативной и личностно-поведенческой компетентностей, выступающих в качестве цели подготовки к межкультурной коммуникации. В связи с этим возникает вопрос, какие научные подходы помогут сформировать выделенные компетентности? Для решения поставленного вопроса мы обратились к теории и практике обучения межкультурной коммуникации и выявили два основных подхода, имеющих отношение к формированию выделенных нами трех компетентностей: социально-психологический и диалоговый. Данные подходы мы выделили в качестве первого педагогического условия.

Во-вторых, мы учли то обстоятельство, что организация педагогического процесса при формировании компетентностей подразумевает применение компетентностного подхода. Это нами выделено в качестве второго педагогического условия.

В-третьих, неотъемлемой частью любой подготовки является её организационно-процессуальная часть. Поэтому важно отобрать соответствующие цели и задачам подготовки методы, технологии, формы и средства обучения, которые составляют третье педагогическое условие.

В-четвертых, важно учесть организацию самостоятельной работы обучающихся. При этом мы исходим из того, что специфика работы обучающихся будет определяться, с одной стороны, дидактическими положениями компетентностного подхода, с другой стороны, она будет определяться спецификой методов, форм, средств обучения и конкретными заданиями.

Рассмотрим подробнее суть этих условий. Первое из них составляет подходы, специфические для обучения межкультурной коммуникации, которые позволяют использовать имеющиеся теоретические знания и практический опыт при формировании межкультурной, коммуникативной и личностно-поведенческой компетентностей.

Анализ научной литературы позволил выделить два основных подхода в вопросе организации обучения межкультурной коммуникации. Так, в последнее время в ходе педагогических дискуссий по проблемам межкультурного обучения появляются концепции, которые ученые условно объединяют в рамках **социально-психологического подхода**. Наиболее важным признаком этого подхода является рассмотрение обучения межкультурной коммуникации как особого способа формирования определенных социальных и ценностно-ориентационных установок, коммуникативных и эмпатических умений, позволяющих выпускнику средней и высшей

школ осуществлять интенсивное межкультурное взаимодействие и проявлять понимание других культур, а также толерантность по отношению к их носителям.

Существует концепция так называемых «культурных различий». Сторонники этой концепции (M. Hohmann, S. Gaitanides, B. Hackl, A. Memmi) формулируют следующие педагогические цели межкультурного обучения:

– развитие терпимости по отношению к чужому образу жизни и стилю поведения [11];

– осознание того, что культурные различия и чужие культуры в целом влияют на эмоциональную сферу человека, становясь источником его переживаний и потребностных состояний [15];

– развитие способности дифференциации внутри чужой культуры, умение оценивать системы ценностей и норм по степени их исторически-конкретной важности для определенных видов деятельности [14];

– формирование способности интегрировать элементы другой культуры в собственную систему мышления и ценностей [13].

В связи с целями обучения межкультурной коммуникации определенное значение приобретает выдвинутое Г. Д. Дмитриевым теоретическое положение о многокультурности как важной составляющей профессионализма: «Уметь работать с различными в культурном отношении людьми, правильно понимать человеческое различие, быть толерантными к ним, уметь утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе» [4, с. 116].

Другой подход к межкультурному обучению получил название **диалоговый подход**, авторы которого, в том числе отечественные, придают большое значение способности вести диалог.

В рамках диалогового подхода А. В. Шаффрикова, раскрывая сущность обучения межкультурной коммуникации, подчеркивает, что оно направлено на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном обществе, и базируется на принципах диалога и взаимодействия различных культур [9].

Л. Г. Веденина, оперируя понятием «межкультурное обучение», напрямую связывает его с обучением иностранному языку и определяет как «полилог языков и культур, обучение, рассчитанное на интеграцию обучаемого в систему мировой культуры» [1, с. 31].

Ключевое значение в диалоговом подходе имеет понятие «диалог культур». Диалог культур предполагает, что взаимодействие различных картин мира, представляемых коммуникантами, включает их логику, мышление, ценностные смыслы и не блокируется, а стимулируется посредством взаимопонимания, толерантности, позитивного отношения. В работах исследователей в области межкультурного обучения часто можно встретить понятия «эмпатия» и «толерантность».

Теперь обратимся к идеям западных представителей диалогового подхода. Так, Г. Поммерин рассматривает межкультурное обучение как вклад в воспитание в духе мира путем разрешения межкультурных конфликтов [16, с. 106]. Данную точку зрения разделяют ряд зарубежных исследователей (М. Хоманн, Х.-Х. Райх и др.). М. Хоманн выделяет два основных направления межкультурного обучения: во-первых, совместное решение межкультурных конфликтов, существование которых должно быть признано и осознано, во-вторых, обогащение за счет диалога с чужими культурами [14, с. 38].

К диалоговому подходу можно отнести также концепцию мультиперспективного образования Х. Гёпферта и У. Шмидта, которые подчеркивают, что о поликультурности образовательной программы не достаточно судить по степени представленности в ней чужих культур. Более важным является то, как эти культуры представлены учащимися, а также насколько интенсивно в содержании образования в высшей и средней школе реализуется идея диалога культур. Х. Гёпферт формулирует некоторые критерии, которым должны соответствовать образовательные программы: «Другие народы и культуры должны рассматриваться не как объекты, а как исторические субъекты. Необходимо показать представителей других культур в их жизненной ситуации, вместе с их стилем жизни, традициями, особенностями и жизненными обстоятельствами» [12, с. 43].

Рассмотрев положения социально-психологического и диалогового подхода, мы выделили ряд отличий между ними.

Социально-психологический подход затрагивает психологические предпосылки межкультурного обучения. В основе обучения здесь лежит формирование личностных качеств как толерантность и эмпатия, на основе которых происходит интеграция в систему мышления и ценностей другой культуры, что, в свою очередь, обеспечивает эффективное взаимодействие с представителями данной культуры. Положения данного подхода важно использовать при формировании личностно-поведенческой и межкультурной компетентностей.

В диалоговом подходе на первое место выходит формирование определенных коммуникативных навыков, а именно – навыков ведения диалога. Именно диалог, согласно данному подходу, обеспечивает, с одной стороны, движение от монокультурной ориентации к культурному многообразию и обеспечивает, с другой стороны, по ходу данного движения культурное взаимообогащение коммуникантов. Положения диалогового подхода полезно использовать при формировании коммуникативной компетентности.

Второе педагогическое условие, выделенное нами, касается организации педагогического процесса, под которым мы понимаем, вслед за В. А. Сластениным, «специально организованное, целенаправленное взаимодействие педагогов и воспитанников, направленное на решение развивающих и образовательных задач» [5, с. 164]. Поскольку це-

лью подготовки является формирование межкультурной, коммуникативной и личностно-поведенческой компетентностей, то педагогический процесс, по нашему мнению, целесообразно строить на основе компетентностного подхода. Такая идея находит свое подтверждение в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлениям подготовки, которые мы включили в экспериментальную работу, предусматривающие, во-первых, применение компетентностного подхода, и, во-вторых, предписывающие использовать при реализации данного подхода в учебном процессе активные и интерактивные формы проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой.

Не останавливаясь подробно на сути данного подхода, рассмотрим роли преподавателя и обучающихся в духе компетентностного подхода, имеющих отношение к предмету нашего исследования.

Ряд исследователей отмечают, что современная профессиональная деятельность преподавателя университета заключается в том, что возвращается истинный смысл назначения деятельности педагога: ведение, поддержка, сопровождение обучающегося. Помочь студенту осознать его собственные возможности, войти в мир культуры выбранной профессии, найти свой жизненный путь [2, с. 24].

При этом можно выделить следующие роли преподавателя: фасилитатор, модератор, тьютор, супервайзер, медиатор.

Понятие «фасилитация» появилась в англоязычной литературе (К. Роджерс) и восходит к английскому глаголу *to facilitate* – облегчать, содействовать. В психологии существует понятие «феномен фасилитации» – изменение эффективности деятельности одного субъекта в контакте с другим [6, с. 19]. Действующее лицо в этом процессе – фасилитатор – рассматривается в психологии как «человек, способствующий процессу (личностного роста, учения, общения); его важнейшей установкой, свойством является эмпатия» [3, с. 62].

В педагогике преподаватель-фасилитатор характеризуется тем, что он оказывает педагогическую помощь и поддержку студентам, которая выражается в повышении продуктивности деятельности отдельного студента или группы студентов. Преподаватель-фасилитатор ставит студентов в позицию помощников, попутчиков на пути поиска совместных решений, дает студентам полную свободу в этом поиске и право выбора на свое решение [2, с. 24].

На основе изучения общетеоретических положений и существующей практики, на наш взгляд, существенными являются следующие детали фасилитации:

1. *Позиция фасилитатора* в группе характеризуется отсутствием навязывания аудитории каких-либо идей, проявление одинакового внимания к точке зрения всех участников, поддержка конструктивных предложений.

2. *Стиль фасилитации* представляет собой дискуссию по определенному регламенту и правилам.

3. *Форма обсуждения* предусматривает вопросы и ответы.

Технология модерации представляет собой систему мягких педагогических действий, базирующуюся на междисциплинарном синтезе методологий, что обуславливает понимание сущности, содержания, эмпирической логики организации педагогического процесса, в основе которого расположен антропокультуроцентрированный, совместностебельный подход, признающий в качестве высшей ценности уникальную сущность человека, создающий условия для его саморазвития вместе с другими, а также развития культурно-смысловых солидарностей уникальных субъектов [7, с. 62].

Преподаватель-модератор выступает посредником, который способствует установлению отношений между студентами. Основными методами работы преподавателя-модератора являются такие, которые побуждают студентов к деятельности и активизируют их, выявляют у них существующие проблемы и ожидания, организуют дискуссионный процесс, создают атмосферу товарищеского сотрудничества [2, с. 25].

В нашей работе модерация особенно важна при организации занятий по развитию эмпатии и толерантности обучающихся, поскольку главной целью таких занятий является создание непринужденной, доброжелательной атмосферы в группе, повышение внутригруппового доверия и сплоченности членов группы.

Преподаватель-тьютор выступает, в общем, как консультант. Тем не менее отличается от обычного консультанта тем, что создает образовательную среду, позволяющую студенту не только получать знания и навыки, но и решать реальные проблемы в своей деятельности. При этом тьютор помогает максимально эффективно использовать разнообразные учебные материалы, Интернет, практический опыт других обучающихся.

Тьюторскую поддержку мы планируем применить при выполнении обучающимися заданий, требующих предварительной самостоятельной подготовки: составление деловых писем, подготовка к ролевым играм, выполнение проектных работ.

Преподаватель-супервизор отвечает за сопровождение коллективных и индивидуальных проектов, выполняемых студентами. В нашей экспериментальной работе – это сопровождение индивидуальных проектных работ студентов. Позиция преподавателя-супервизора заключается в сочетании объективного наблюдателя и организатора, заинтересованного в выполнении проектов.

Подготовка к межкультурной коммуникации предусматривает в нашей экспериментальной работе среди прочих заданий моделирование межкультурных конфликтов и поиск путей их решения. По нашему мнению, такую работу можно организовать на основе процесса медиации. Понятие «медиация» восходит к английскому глаголу *to mediate* – высту-

пать в качестве посредника, содействовать соглашению между сторонами. Медиация представляет собой процесс, в ходе которого конфликтующие стороны выявляют проблемы с помощью нейтрального посредника (медиатора), ищут пути их решения и пытаются достичь соглашения, которое соответствовало бы их интересам.

Таким образом, выделенные нами педагогические условия позволяют определить все необходимые содержательные и процессуальные компоненты подготовки к межкультурной коммуникации студентов университета.

Литература

1. Веденина, Л. Г. Межкультурное обучение как полилог языков и культур [Текст] / Л. Г. Веденина // Межкультурная коммуникация / Тез. докл. – Иркутск, 1993.
2. Витвицкая, Л. А. Позиции преподавателя в процессе взаимодействия со студентами [Текст] / Л. А. Витвицкая // Вестник ОГУ. – 2009. – № 9.
3. Гиппенрейтер, Ю. Б. Феномен конгруэнтной эмпатии [Текст] / Ю. Б. Гиппенрейтер, Т. Д. Карягина, Е. Н. Козлова // Вопросы психологии. – 1993. – № 4.
4. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование [Текст] / Г. Д. Дмитриев. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
5. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений [Текст] / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 512 с.
6. Петровский, В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности [Текст] / В. А. Петровский // Вопросы психологии. – 1985. – № 4.
7. Степанов, Т. П. Технология модерации – инструмент мягкого педагогического управления развивающим досуговым общением [Текст] / Т. П. Степанов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. – 2011. – № 2.
8. Философский словарь [Текст] / под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
9. Шафрикова, А. В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников [Текст] / А. В. Шафрикова: автореф. дис... канд. пед. наук. – Казань, 1998.
10. Яковлев, Е. В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения [Текст] / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 239 с.
11. Gaitanides, S. Interkulturelles Lernen in einer multikulturellen Gesellschaft / Informationsdienst z. Ausländerarbeit. – 1994. – H. 2.
12. Göpfert, H. Ausländerfeindlichkeit durch Unterricht. Konzeptionen und Alternativen für Geschichte / H. Göpfert // Sozialkunde und Religion. – Düsseldorf, 1985.

13. Hackl, B. Miteinander lernen: Interkulturelle Unterrichtsprojekte in der Schulpraxis / B. Hackl. – Innsbruck, 1993.

14. Hohmann, M. Ein Europa für Mehrheiten und Minderheiten / M. Hohmann, H.-H. Reich // Diskussionen um interkulturelle Erziehung. – Münster; New York, 1989.

15. Memmi, A. Rassismus. Frankfurt a. / A. Memmi. – М., 1987.

16. Pommerin, G. Migrantenkultur und ihre Bedeutung für die interkulturelle Erziehung / G. Pommerin // Zielsprache Deutsch. – 1986. – H. 3.

УДК 378.662

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

И. А. Жигалова

CIVIL CULTURE FORMING IN STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES EDUCATION

I. A. Zhigalova

Статья посвящена характеристике теоретических подходов к проблеме формирования новой управленческой, гражданской, профессиональной культуры государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации.

The article is devoted to the characteristics of theoretical approaches to the new governing, civil and culture forming problem of state and municipal employees in the Russian Federation.

Ключевые слова: гражданская культура, государственная служба, муниципальная служба.

Keywords: civil culture, state service, municipal service.

Важность проблемы формирования гражданской культуры государственных и муниципальных служащих обусловлена рядом объективных и субъективных факторов современной России. С одной стороны, – процесс формирования гражданского общества в стране объективно тормозится правовым нигилизмом государственных чиновников, в основе которого главное место продолжает занимать коррупционная составляющая. С другой стороны, – существующая система подготовки кадров государственных и муниципальных служащих недостаточно ориентирована на воспитание их гражданской культуры.

Принимая во внимание, что характер и динамика социальных отношений и процессов в современной России определяются сегодня и будут определяться в обозримом будущем становлением, укреплением и развитием институтов гражданского общества, можно заключить, что гражданское воспитание и обучение лежит в основе формирования социальной компетентности студентов.

Очевидно, что, в первую очередь, социальная компетенция сегодня должна формироваться на основе максимально полного использования потенциала современного гуманитарного знания. В пользу такого выбора говорит опыт наиболее развитых зарубежных стран.

Важнейшим аспектом гуманизации образования и вместе с тем её необходимой предпосылкой и объективным результатом является прогрессирующая гуманитаризация образования. Гуманитаризация образования рассматривается сегодня большинством специалистов как одна из тенденций развития современного общего и профессионального образования, характеризующаяся всё более широким и полным использованием потенциала гуманитарного

знания в качестве основы для формирования культурного багажа и активной жизненной позиции обучающихся (воспитанников). Характеризуя практическое значение гуманитарного знания в современном обществе, З. С. Алябьева и С. П. Щавелев справедливо отмечают, что «гуманизация жизни, по крайней мере, в осознаваемом, наконец, идеале, предполагает большую или меньшую гуманитаризацию её основных сфер – семьи, школы, досуга, даже самой работы, профессии» [1, с. 57]. Подчёркивая важнейшее значение гуманитарного знания в современном сложном и противоречивом, динамично меняющемся обществе, авторы пишут: «Знание не делает автоматически человека счастливым. Но оно раскрывает перед человеком определённые перспективы, мобилизует его «сущностные силы».... Система образования должна ориентироваться не только на профессиональное знание, но прежде всего на знание, которое может быть использовано в качестве основания для жизненной позиции» [1, с. 93].

В условиях масштабных и динамичных социальных изменений перед каждым человеком – рано или поздно – с особой остротой встаёт вопрос о смысле жизни, о своём месте и назначении в этом сложном и противоречивом мире. Именно гуманитарное знание способно и призвано помочь каждому человеку сделать достойный выбор. Раскрывая философское содержание проблемы смысла жизни, В. Н. Садовников констатирует: «Так называемые «вечные» или «проклятые» вопросы составляют постоянное и необходимое содержание знания. Не имея окончательного и однозначного решения, они постоянно вставали, встают и будут вставать перед каждым человеком» [1, с. 19]. Так, замечает автор, уже в античности, в

связи с проблемой смысла жизни, сформировались и заявили о себе «четыре основные жизненные установки, характеризующие отношение человека к миру и своей собственной жизнедеятельности:

1. Знаю и соответствующим образом поступаю (Демокрит, Сократ, Платон).

2. Знаю и уклоняюсь (эпикуреизм).

3. Знаю и подчиняюсь (стоицизм).

4. Не знаю, а потому живу, как живётся: воздерживаюсь от суждений и следую обычаю или здравому смыслу, благоразумию или жизненному опыту (скептицизм)» [1, с. 19].

Пожалуй, едва ли кто-нибудь усомнится в том, что именно, и только первая из вышеуказанных установок в полной мере отвечает духу и букве современной гуманистической педагогики, целью которой является «наиболее полное культуроёмкое развитие человека, способного к духовному и физическому саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации» [3, с. 11]. Очевидно, что формирование у обучающихся (воспитанников) этой установки является необходимым условием «повышения уровня социальной и психологической компетентности учащихся, расширения границ их самовосприятия, формирования положительного отношения к самому себе, осознания своей индивидуальности, определения и утверждения приоритетов своей будущей жизни, формирование способностей к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда» [5, 6].

Необходимым условием формирования социальной компетентности учащихся (воспитанников) на основе современного гуманитарного знания является реализация формулы «воспитывающее обучение – обучающее воспитание», обеспечивающей целостность образовательного процесса. Согласно Б. Т. Лихачёву, *целостность педагогического процесса выражается в сознательной дисциплине и самодисциплине учащихся (воспитанников) как результате этого процесса*. Автор выделяет следующие элементы целостного педагогического процесса:

1) формирование научного мировоззрения (включая основы собственно научного мировоззрения, воспитательный потенциал религии, экономического и экологического воспитания);

2) гражданское воспитание;

3) трудовое воспитание;

4) нравственное воспитание;

5) эстетическое воспитание;

6) физическое воспитание [2, с. 217 – 319].

Нетрудно заметить, что под *элементами образовательного процесса* (кроме, пожалуй, первого из них) Б. Т. Лихачёв фактически подразумевает, ставшие уже традиционными, *направления воспитательной работы*. Такая схема, на наш взгляд, не выдерживает никакой критики. В какой мере «сознательная дисциплина (самодисциплина)» является результатом «формирования научного мировоззрения» (даже в том его виде, который придаёт ему автор), нравственного и (или) эстетического воспитания? Может ли быть *содержательно целостным*

педагогический (образовательный) процесс, если он сводится исключительно или преимущественно к *воспитательной работе*, к тому же ведущейся по пяти направлениям, из которых ни одно не является главным (базовым) и связано с другими только внешним, безразличным к их содержанию, произвольным образом – то есть лишь формально?

Достижение содержательной целостности образовательного (педагогического) процесса в соответствии с формулой «воспитывающее обучение – обучающее воспитание», предполагает прежде всего выделение из числа основных направлений *воспитания и обучения* – профессионально-трудового, гражданско-правового, военно-патриотического, экономического, экологического – главного (системообразующего), с последующим подчинением ему всех других. Принимая во внимание, что характер и динамика социальных отношений и процессов в современной России определяются сегодня (и будут определяться в обозримом будущем) становлением, укреплением и развитием институтов гражданского общества, можно заключить, что *социальная компетентность учащихся (воспитанников) сегодня должна формироваться посредством гражданского воспитания и обучения на основе максимально полного использования потенциала современного гуманитарного знания*.

В пользу такого выбора говорит и опыт наиболее развитых зарубежных стран. Например, в соответствии с выдвинутыми Президентом США Целями в области народного образования (2001 – 2005), «успеваемость учащихся» и «гражданское сознание» поставлены в один общий ряд: так, заканчивая 4-й, 8-й и 12-й классы, американские учащиеся должны продемонстрировать знание важнейших предметов, к которым отнесены английский язык, математика, естественные науки, иностранные языки, основы гражданственности и государственное управление, экономика, изобразительное искусство, история и география. Предполагается, что «школы в Америке будут обеспечивать всех учащихся умением хорошо мыслить с тем, чтобы они могли быть готовыми к ответственному исполнению гражданских обязанностей, дальнейшей учёбе и продуктивной работе в условиях современной экономики.... быть на уровне требований конкуренции в мировой экономике и пользоваться правами и обязанностями гражданина» [8, с. 54 – 55]. Как справедливо отмечает В. С. Селиванов, воспитание гражданина, рассматриваемое как процесс формирования чувства гражданской ответственности, уважения к закону, освоения воспитанниками принципов демократии, выработки понимания и реализации гражданских прав и обязанностей, занимает видное место в ряду главных целей воспитания в современных педагогических учениях и системах Запада [6, с. 69].

Характеризуя гражданское воспитание учащихся как условие их успешной социальной адаптации в современном российском обществе, В. К. Савельев отмечает: «В начале 90-х годов началось становление новой структуры и нового содержания обществоведческого образования. Перед общеобразова-

тельной школой встали новые задачи, среди них одна из важнейших – гражданское образование и воспитание. Гражданское воспитание есть целенаправленный процесс воздействия на учащихся, который должен активно способствовать формированию у них гражданской ответственности и гражданской культуры. Если обратиться к словарям разных лет, то можно обнаружить трактовки, сводящие гражданственность к правовому понятию гражданина (гражданственный – присущий, свойственный гражданину, т. е. лицу, принадлежащему к постоянному населению данного государства, пользующемуся его защитой и наделённому совокупностью прав и обязанностей)). В связи с приведённым суждением, представляется необходимым более полно и точно определить содержание и соотношение понятий «гражданин», «гражданственность», «гражданская культура», «гражданское общество», «гражданское воспитание».

Понятие «гражданин» характеризует индивида в качестве субъекта установленных законом и обеспеченных принудительной силой государства прав, свобод и обязанностей (прежде всего – политических). Определяющим признаком индивида в качестве гражданина является его гражданство – то есть его устойчивая публично-правовая связь с конкретным суверенным государством (двумя суверенными государствами, союзом суверенных государств), выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей, прежде всего политических. В этом смысле, гражданин есть физическое лицо, находящееся в устойчивой публично-правовой связи с конкретным суверенным государством (двумя суверенными государствами, союзом суверенных государств).

Под понятием «гражданственность», как правило, понимается комплекс общезначимых представлений и ценностных ориентаций (установок), социальных и личностных качеств гражданина, проявляющихся в его конструктивном взаимодействии с другими людьми (гражданами), обществом и государством в связи с реализацией своих прав (свобод) и обязанностей, осознанием и обеспечением своих законных интересов, а также в процессе осуществления им своих социально-ролевых функций.

Раскрывая содержание понятия «гражданственность», Н. А. Савотина пишет: «Ныне важно осознать и разработать пути и средства формирования человека, способного жить в гражданском обществе... Это предполагает воспитание таких качеств в человеке, как высокий уровень самосознания, чувство собственного достоинства, самоуважения, независимости суждений, способность к ориентировке в мире духовных ценностей и в ситуациях окружающей жизни, готовность принимать решения и нести ответственность за свои поступки. На наш взгляд, понятие «гражданственность» может стать ментальной основой подготовки будущего специалиста любой профессиональной направленности» [9, с. 39].

Понятие «гражданственность», в свою очередь, ближайшим и непосредственным образом связано с понятием гражданской культуры, под которой понимают совокупность социально значимых представлений и установок (ценностных ориентаций), принципов и форм (способов) социального взаимодействия, социальных норм и моделей поведения, необходимых и достаточных для реализации гражданином, индивидуально или совместно с другими людьми (гражданами), своих прав и обязанностей, осознания и обеспечения своих законных интересов в данном обществе и государстве.

Основными компонентами российской гражданской культуры, по мнению В. К. Савельева, являются:

1) научные представления об отношениях между гражданами, гражданином и обществом, гражданином и государством;

2) способы деятельности, практические умения, модели гражданского поведения, одобряемые обществом;

3) гражданские ценностные ориентации и прежде всего ценности, представленные в законах Российской Федерации, включая отношение к человеку, его правам и свободам как высшей ценности, приверженность исторически сложившемуся государственному суверенитету, единству и неделимости Российского государства;

4) уважение к государству, Отечеству и соотечественникам, вера в добро и справедливость, гражданский мир и согласие;

5) опыт самостоятельного решения многообразных проблем, возникающих в частной и публичной жизни гражданина как субъекта гражданского общества» [7, с. 45].

Если же попытаться описать «гражданскую составляющую» социальной компетентности в части её формы, то эта составляющая, думается, может быть определена двояко:

1) с точки зрения внутренней структуры личности – как совокупность основанных на ключевых (базовых) компетенциях социально значимых качеств гражданина, необходимых и достаточных для его конструктивного взаимодействия с другими людьми (гражданами), обществом и государством в связи с реализацией своих прав, свобод и обязанностей, осознанием и обеспечением своих законных интересов»;

2) с точки зрения структуры социальной среды – как общепризнанная способность и санкционированная (узаконенная) возможность гражданина авторитетно судить о социальных отношениях, институтах и процессах на основании соответствующих знаний, опыта и (или) общественных полномочий.

Основным способом и средством формирования «гражданской составляющей» социальной компетентности следует считать гражданское воспитание, толкуемое нами в расширительном смысле (в смысле единства воспитательной работы и обучения), как процесс и результат целенаправленного, планомерного педагогического воздействия на студентов в целях формирования и развития у них востребован-

ных обществом и государством гражданских качеств, активной гражданской позиции и высокой гражданской культуры.

Характеризуя место и роль знания в процессе формирования социальной компетентности («знаниевого компонента» гражданского воспитания), Н. А. Савотина обращается к зарубежному опыту гражданского образования: «Американская ассоциация политических наук (APSA) разработала национальные стандарты по гражданскому образованию, установив три компонента: знания, умения и гражданский характер. Знаниевый компонент представлен следующими вопросами: что такое гражданская жизнь, политика, правление? Каковы основы политической системы? Как правление, установленное Конституцией, воплощает цели, ценности и принципы демократии? Каковы взаимоотношения США и других государств? Какова роль граждан в американской демократии? Ответы на эти вопросы, по мысли разработчиков, должны содействовать пониманию ценностей гражданского общества, которое может предотвратить злоупотребления или излишнюю концентрацию власти. Это своеобразная общественная школа, в которой граждане учатся делать демократию.... К обязательным личностным качествам отнесём моральную ответственность, самодисциплину, уважение достоинства каждого человека. Понимаем, что общественные слагаемые будут сформулированы не слишком последовательно, но их значимость нельзя отрицать: это духовность, вежливость, уважение к закону, критическое мышление, способность и желание идти на переговоры и стремление компромиссно решать возникающие конфликты» [9, с. 43].

Приходится признать, что в современной отечественной педагогической науке вопросы, связанные с развитием теории и методики гражданского образования («знаниевого компонента» гражданского воспитания), а также «гражданской составляющей» социальной компетентности как таковой, разрабатываются, на наш взгляд, недостаточно активно.

Одной из причин упомянутого выше положения является «старая» болезнь отечественного образования, относительно которой С. П. Лернер замечает: «Одним из существенных противоречий на пути интенсификации воспитательно-образовательного процесса в ...вузах является противоречие между попытками увеличения вклада отдельных дисциплин в формирование мировоззрения и многопредметностью учебных планов, чрезмерной дифференциацией знаний при неизменности стремления учить всех всему, при огромной перегруженности учебных программ второстепенным материалом» [4, с. 10].

Намечая путь выхода из сложившейся ситуации, автор пишет: «Создание интегративных курсов, видимо, является эффективным на этапе проектирования базового компонента..... создание таких образовательных областей является симптомом изменения парадигмы образования – отказ от преподавания основ наук в пользу формирования целостной картины

мира, интегративного знания, «моего мировоззрения» [4, с. 13].

Очевидно, что гражданское воспитание целесообразно осуществлять в системе интегральных курсов, важнейшей задачей которых, собственно, и является воспитание гражданина. Именно здесь создаётся необходимая база для формирования системы ценностей, охватывающей все стороны социальной жизни гражданина (отношения собственности, политические, социальные, национальные, семейные, идеологические и иные сферы деятельности).

В связи с этим необходимо заметить, что подвергающийся все более активной критике Государственный образовательный стандарт специальности «Государственное и муниципальное управление», не предполагает реальную интеграцию знаний и учебных курсов, значительно ограничивая возможности высших учебных заведений в планировании и осуществлении данного вида деятельности.

Практически полное отсутствие реального участия органов государственной и муниципальной власти в реализации компетентностного подхода в подготовке специалистов социального управления неизбежно приводит к ее хаотичности. В итоге каждое высшее учебное заведение вынуждено самостоятельно определять парадигму формирования ключевых социальных компетенций, что неизбежно приводит к нежелательным трансформациям в процессе воспитания гражданской культуры будущих государственных и муниципальных служащих.

Современное социально-экономическое развитие России все более настойчиво требует кардинального изменения и формирования нового управленческого менталитета (управленческой, гражданской, профессиональной культуры государственных и муниципальных служащих).

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что реализация «компетентностного» подхода в формировании гражданской культуры студентов в отечественной системе профессионального образования требует серьёзных совместных усилий со стороны всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Гуманитарное знание: сущность и функции: Межвузовский сборник / под ред. Г. А. Подкорытова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1991. – 149 с.
2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. / Э. Ф. Зеер. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 480 с. (Серия «Библиотека психолога»).
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (одобрена Правительством Российской Федерации 29 декабря 2001 года) // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2002. – № 1 (22).
4. Лернер, С. П. Среда бытия растущего человека в изменяющемся российском мире / С. П. Лернер // Образование и общество. – 2004. – № 4(27).

5. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции: «Проблемы воспитания и социальной адаптации подростков». 28 – 29 ноября 2002 г., Кемерово. – Ч. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 212 с.

6. Панфилова, А. П. Определение образовательной результативности игровых технологий профессионального обучения / А. П. Панфилова, Т. П. Андреева // Качество. Инновации. Образование. Материалы первой научной конференции / под ред. Ю. В. Шлёнова, В. Н. Азарова. – М.: Европейский центр по качеству, 2003.

7. Проблемы воспитания и социальной адаптации подростков: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (28 – 29 ноября 2002 г., Кемерово). – Ч. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.

8. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. – Т. 2 (М – Я). – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 672 с.

9. Савотина, Н. А. Гражданское воспитание: традиции и современные требования / Н. А. Савотина // Педагогика. – 2002. – № 4.

УДК 069

О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПОДГОТОВКИ МУЗЕЕВЕДОВ

А. М. Кулемзин, Д. Д. Родионова

ON THE FORMATION OF A NEW EDUCATION PARADIGM FOR SPECIALISTS IN MUSEUM MANAGEMENT

A. M. Kulemzin, D. D. Rodionova

Основываясь на истории подготовки музейных специалистов в России, в статье анализируется совокупность предпосылок, определяющих современную подготовку кадров по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

Being based on education history periods of museum experts in Russia, the article analyses a combination of preconditions defining modern professional education in «Museum activity and preservation of cultural objects and natural heritage».

Ключевые слова: музеология, музейное дело, специалист, бакалавр, магистр, образовательный стандарт.

Keywords: museum activity, museum management, an expert, a specialist, the bachelor, the master, an educational standard.

Отказ в 90-х годах XX века нашего государства от прежней политики революционного радикализма как метода идеологического воспитания, безусловно, явился необходимой мерой для создания демократического гражданского общества. К сожалению, надо сказать, что единой государственной программы идейно-нравственного воспитания у нас пока нет. Однако это вовсе не должно означать, что формирование мировоззрения молодежи должно проходить стихийно. В связи с этим надо признать, что мировоззрение будущих молодых специалистов должно быть моделируемо, а процесс их социализации – регулируемым. В этой ситуации, на наш взгляд, главным воспитывающим фактором для музееведов должна быть историческая истина, а целью формирования неискаженного представления о Прошлом и Настоящем, ибо, как сказал декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета И. Фроянов: «...знание истории делает человека гражданином» [2]. Для воссоздания достоверной истории прошлого необходима опора на исторический подлинник, так как именно он обладает качеством достоверности в отражении прошлого.

Именно на использование подлинника и должны быть направлены все гносеологические и воспитательные возможности историко-культурного наследия. «Для этого важно связывать наследие с современностью. Понимать, что памятники – живой

элемент творческой жизни, фундамент для воспроизводства жизнеспособности нации, того, что экономисты называют сегодня «человеческий капитал» [14, с. 12].

Еще в начале кардинальных перемен в нашем обществе было предсказано усиление влияния историко-культурного наследия на общественное сознание [4]. Так оно и оказалось. В течение последних двух десятилетий мы наблюдаем резкое расширение музейной сети в нашей стране. Если в 1990 году у нас было 1257 государственных музеев системы Министерства культуры [5, с. 118], то в настоящее время их насчитывается уже около трех тысяч, в том числе в Сибири около четырех сотен. Такого темпа развития музейная сеть нашей страны никогда не знала, несмотря на то, что это были не самые благоприятные в экономическом отношении годы, когда финансирование культуры сократилось в несколько раз. Об этом же говорит и резкое увеличение количества учебных структур по подготовке музейных специалистов.

Современная концепция образовательной программы обучения специалиста в сфере музееведения прошла путь длительного формирования. Впервые в нашей стране подготовку музейщиков начали в 20 – 30 гг. XX в. Институт внешкольного образования (ныне Санкт-Петербургский университет культуры и искусств) начал обучение по музейной специальности, прекращенное в 1924 году. В 1936 – 1941 гг.

подготовка музейных специалистов была возобновлена историко-краеведческим факультетом вышеназванного института, переименованного к тому времени в Ленинградский политико-просветительный институт. Однако на протяжении 1940 – 1980 гг. в нашей стране не существовало вузовской подготовки кадров по музейной специальности. С конца 80-х годов XX века образовательная программа по музееведению стала реализовываться в Санкт-Петербургской академии культуры, унаследовавшей традицию прежней практики этого вуза. С 1989 г. набор по данной специальности осуществляет Московский государственный историко-архивный институт (ныне РГГУ), а с 1990 года – Московский государственный университет культуры [10, с. 8]. В 1997 г. был утвержден первый государственный образовательный стандарт (ГОС ВПО), в 2002 стандарт второго поколения по специальности «Музейное дело и охрана памятников». Еще один интересный факт – стандарт первого поколения предусматривал присвоение квалификации историк-музеевед, второго – музеевед. Однако хочется отметить, что образовательная программа, предусмотренная новым стандартом, не претерпела существенных изменений, сохранив ярко выраженную связь с программой подготовки историков (остался большой объем отечественной истории, источниковедения, историографии и др. дисциплин).

Если до 1993 года у нас в стране не было специальных кафедр или факультетов, то в настоящее время их более трех десятков, в том числе десять в Сибири. В настоящее время по данной образовательной программе обучение ведется в институтах, академиях культуры, университетах – в Барнауле, Воронеже, Орле, Тамбове, Челябинске, Улан-Удэ, Кемерове, Новосибирске, Омске и др. [10, с. 8].

И тут хочется обратить внимание на то, что музейное и памятникоохранительное образование в КемГУКИ началось внедряться в то время, когда еще в стране и не думали об этом. В 1974 году в Кемеровском государственном институте культуры на клубном факультете читались такие дисциплины, как «музееведение», «охрана памятников» и «краеведение». К сожалению, расширение цикла музееведческих дисциплин было в то время в нашем вузе затруднительно из-за недостатка специалистов.

В настоящее время широко обсуждаются вопросы профессиональной компетентности музейного специалиста, а вместе с тем и характер образовательных программ подготовки кадров.

В связи с этим встает большая общественная задача – вооружить молодых музейных специалистов новым мировоззрением, основанным на современных естественнонаучных концепциях, неискаженных исторических знаниях, общечеловеческих гуманистических ценностях, то есть фактически создать новую формацию специалистов, так как многие музейные работники старшего поколения не соответствуют в этом отношении современным требованиям. Еще и в настоящее время приходится встречаться с музейными практиками, «застывшими» в своем мировоззрении на уровне 70 – 80-х го-

дов и уверяющих, что музей – это учреждение идеологическое. В музее как социокультурном учреждении сложилась настоятельная необходимость скорейшей ротации специалистов устаревшей формации и замены её молодыми специалистами, владеющими не только современными музейными технологиями, но и адекватно воспринявшими произошедшие в обществе перемены.

С этой точки зрения, Государственный образовательный стандарт второго поколения специальности «Музейное дело и охрана памятников» (2002 г.), на наш взгляд, сыграл свою переходную роль и полностью выполнил свою миссию. Главной его задачей было формирование специалиста в области музейного дела, где музей был обращен лишь к исторической ретроспективе. В нем содержалась необходимая пропорция соотношения мировоззренческих и специальных дисциплин. Однако в наборе специальных учебных дисциплин имелась возможность для его совершенствования в аспекте поставленной нами проблемы. И прежде всего для корректировки модели специалиста в сторону широкого культурно-экологического образования, о чем еще в свое время писал Д. С. Лихачев. Он считал, что «страна – это единство народа, природы и культуры. Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе – воспитывает человека его страна в её целом. Сейчас люди живут не только в своем «пункте», но во всей стране и не своим веком только, но всеми столетиями своей истории» [6, с. 28].

Культурно-экологическое мировоззрение предполагает не только рачительное отношение к естественной среде обитания, но также и к искусственно созданной среде – «второй природе». В этой, второй, природе как внешние факторы, влияющие на формирование наших знаний и общественного сознания, большое место занимают объекты культуры. Осознание этого как культуuroобразующего фактора в мировой музейной практике привело к появлению нового вида музея – экомuzeя и новой музейной теории – неомuzeологии, отводящих музею новую роль в обществе. Новый музей – это не пассивный культурный объект, ожидающий своих посетителей, и не учитель известным школьным истинам, а активный фактор общественной жизни, влияющий, в том числе и на решение социальных задач.

Неомuzeология – это не только новое направление в музейной деятельности, но и новое мировоззрение, основанное на ценностях цивилизованного мира, открытого демократического, гражданского общества, исповедующего как главную ценность историческую истину и уважение ко всем культурам.

Как считают современные специалисты муzeологии, современный музей должен изменить свою социальную миссию статичного во времени и пространстве учреждения культуры. «В отличие от классического музея, тесно связанного с политикой государства, неомuzeология обладает самостоятельностью, призвана объективно представлять свое наследие» [7, с. 365].

Новый Государственный образовательный стандарт третьего поколения по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (бакалавр) 2009 года [11] в значительной степени преодолевает недостаток отчужденности музея от практики активного влияния на социокультурные и даже экономические процессы.

На наш взгляд, новый образовательный стандарт во многом рассчитан именно на воплощение в жизнь идей, заложенных в концепции новой музеологии. Если посмотреть на компетенции, заложенные в стандарте, то мы увидим, что некоторые из них ориентированы именно на организацию работы музея нового типа в современных условиях:

- «быть способным применять теоретические основы и инструментарий (методы) историко-культурного и музеологического знания в исследованиях современного музея и объектов культурного и природного наследия»;

- «быть готовым применять современные методы исследований в ведущих направлениях музейной деятельности и сохранения культурного наследия»;

- «быть готовым к использованию современного знания о культуре в музейной деятельности и организационно-управленческой работе» [13, с. 7 – 8].

Основу профессиональной компетенции музееведа составляет история культур в ее различных феноменах и формах бытования в широких хронологических рамках, национальных, региональных, конфессиональных и других особенностях. В структуре образовательной программы это обеспечивается системой фундаментальных дисциплин базовой части профессионального цикла (история культуры, этнология, история материальной культуры, история искусств, история мировых религий). В своей совокупности они позволяют будущему музейщику свободно ориентироваться в обстоятельствах возникновения и бытования памятников различных эпох, особенностях их создания, интерпретации, обеспечения сохранности и освоения. В профессиональную компетенцию музееведа входят также знания по истории, теории и практике, связанные с будущей работой в системе музейных учреждений. Они представлены в программе профессионального цикла дисциплин «музей», позволяющих ориентироваться в современной музейной типологии, особенностях деятельности музеев в прошедшее и настоящее время (основы музеологии; история музеев мира; история музейного дела России; основные направления музейной деятельности и др.). Кроме того, программа включает систему курсов (вариативная часть), направленных на приобретение практических навыков, необходимых для профессиональной деятельности в рамках профиля подготовки (маршруты культурного туризма Сибири; технология и методика экскурсионной деятельности; речевая культура экскурсовода; краеведение; уникальные исторические и культурные памятники Сибири и др.).

Однако, на наш взгляд, в структуру учебных дисциплин профессионального цикла, помимо знаний истории музейного дела и музейных техноло-

гий, необходимо было заложить и знание теории музейного дела как мировоззренческой части музеологии. Целесообразно было бы ввести и такую мировоззренческую учебную дисциплину, которую бы можно было назвать «Экология культуры», где бы изучались сложные проблемы взаимодействия человека с природной и культурной средой. Наличие вариативной части стандарта дает возможность делать определенные маневры в пределах, определенных компетенциями направления, а творческим преподавателям реализовать свои прогрессивные идеи.

К стандарту третьего поколения, на наш взгляд, можно отнести существенное сужение специализаций (теперь это называется «профилем»). Если в стандарте первого поколения их было 14, то в настоящем всего 8. Список профилей по данному направлению подготовки в бакалавриате одобрен вузовским сообществом и согласован с работодателем: хранение музейных собраний и частных коллекций; выставочная деятельность; культурный туризм и экскурсионная деятельность; охрана объектов культурного и природного наследия; атрибуция музейных предметов; информационные технологии в музее; музейный дизайн; музейная педагогика. Проанализировав основные образовательные программы ведущих вузов в области подготовки музейщиков, стало ясно, что в основном подготовка осуществляется по двум профилям: «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» и «Выставочная деятельность» [8]. И наш вуз не исключение.

На наш взгляд, совершенно несправедливо из термина «историко-культурное наследие» изъять слово «история». Теперь это называется «культурным и природным наследием». Нам кажется, что если в целях сокращения термина и надо было чем-то пожертвовать, то, во всяком случае, не главным содержательным словом «история», ибо история включает в себя и культуру. Тем не менее можно считать стандарт третьего поколения существенным продвижением вперед в деле формирования модели профессионала музейного дела, соответствующего современному пониманию социальных функций музея.

Магистратура считается верхней ступенью высшего профессионального образования в области подготовки по направлению «Музеология и охраны объектов культурного и природного наследия» [12]. Учитывая относительную молодость программы бакалавриата, среди абитуриентов магистратуры по-прежнему преобладают выпускники-специалисты. Магистерская программа построена таким образом, чтобы давать углубленные знания о целом комплексе дисциплин (история и философия науки; методика и методология науки; управление знанием, деловой иностранный язык; менеджмент персонала, педагогика высшей школы и др.). Студенты получают навыки исследовательской и преподавательской работы, умеют систематизировать и обобщать информацию. Специфика подготовки магистров заключается в развитии интегрированных компетенций, то есть способности принимать решения, брать на себя ответственность, проводить анализ, осуще-

ствлять коммуникативные функции. Выпускники не только будут уметь пользоваться готовыми знаниями, но и транслировать их другим лицам.

Целью магистерской программы является подготовка высококвалифицированных магистров в области музеологии, способных развивать музейную теорию и музейную практику в XXI веке. Большая часть профильных дисциплин будет читаться в музеях, являющихся базами практик по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»: музей-заповедник «Томская Писаница», музей-заповедник «Красная горка», музей археологии, этнологии и экологии Сибири. Программа отвечает потребности отрасли культуры в квалифицированных музейных кадрах, имеющих базовую естественнонаучную подготовку, а также устойчивой тенденции включения современных музеев в решение широкого спектра социальных проблем.

В сложившихся современных условиях Российским вузам необходимо дальше развивать многоуровневую систему высшего образования. Во многих вузах Российской Федерации эксперимент по внедрению многоуровневой системы образования находится на стадии становления, и наш вуз не исключение. Среди работодателей до сих пор проявляется недоверие к дипломам со степенью бакалавра. Многие студенты стремятся получить степень магистра, т. к. она ассоциируется с «нормальным» по российским меркам, сроком обучения в высшем учебном заведении: 5 или 6 лет.

Несмотря на проблемы, появившиеся с введением многоуровневой системой образования, у этой системы есть и ряд преимуществ. Во-первых, Болонский процесс дает большую свободу вузам при принятии решений. Кроме того, студенты имеют возможность получать дипломы общеевропейского образца, которые не ущемляют их интересы при устройстве на работу на территории других стран. Различные сроки обучения способствуют более быстрому вхождению студента в профессиональную деятельность.

Литература

1. Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. – URL: <http://www.fgosvpo.ru/images/title.png>.
2. Кротов, В. Принудительная история / В. Кротов // Литературная газета. – 2011. 11 – 15 февраля.
3. Кулемзин, А. М. О музейном специалисте / А. М. Кулемзин // Красная горка. Центр мироздания. – Кемерово, 2003.
4. Кулемзин, А. М. Подготовка специалистов по охране памятников и музейному делу / А. М. Кулемзин // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тез. докл. научно-практич. конфер./ под ред. В. И. Парамоновой. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.
5. Культурная политика России. История и современность / отв. ред. К. Э. Разлогов, И. А. Бутенко – М.: ГИВЦ Минкультуры РФ. – 1996.
6. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – М., 1984.
7. Мастеница, Е. Н. «Новая музеология» в контексте идей экологии культуры / Е. Н. Мастеница // Фундаментальные проблемы культурологи. Т. VI. «Культурное наследие: от прошлого к будущему». – М.; СПб, 2009.
8. Профили (основные и инициативные) направления подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного наследия». Укрупненная группа 070000 «Культура и искусство». Совет УМУ РГГУ. – Режим доступа: <http://www.rsuh.ru/section.html?id=112>.
9. Сальников, Н. Реформирование высшей школы: актуальное состояние и проблемы / Н. Сальников, С. Бурухин // Высшее образование в России. – 2008. – № 8.
10. Сотникова, С. И. Чему учат будущих музейщиков / С. И. Сотникова // Мир музея. – 2007. – № 9.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» квалификация «бакалавр». Утвержден приказом Министерства образования РФ от 22.12.2009 г. № 810.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» квалификация «магистр». Утвержден приказом Министерства образования РФ от 14.01.2010 г. № 38.
13. Шулепова, Э. А. Наследование как реальный процесс сохранения прошлого в культуре / Э. А. Шулепова // Фундаментальные проблемы культурологи. Т. VI. – Культурное наследие: от прошлого к будущему. – СПб, 2009.

УДК 37.033:502 (571.17)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**Н. В. Скалон, П. В. Колесников, Е. М. Лучникова, С. Н. Ненилин, Т. Н. Скалон, Н. С. Теплова****ECOLOGICAL EDUCATION IN KEMEROVO REGION: DEVELOPMENT PROSPECTS****N. V. Skalon, P. V. Kolesnikov, E. M. Luchnikova, S. N. Nenilin, T. N. Skalon, N. V. Teplova**

В статье обсуждаются проблемы и перспективы развития регионального экологического образования. Дан исторический обзор становления и развития экологического образования в России. Рассматриваются причины кризиса экологического образования в конце XX века и пути выхода из этого кризиса. Обсуждается необходимость развития регионального содержания экологического образования. В урбанизированных регионах оно должно быть ориентировано на изучение экологии города.

In this article problems and prospects of development of regional ecological education are discussed. The historical review of formation and development of ecological education in Russia is given. The reasons of crisis of ecological education in the end of the XX century and the ways of escaping this crisis are considered. Necessity of development of the regional maintenance of ecological education is discussed. In the urbanized regions it should be focused on studying the ecology of a city.

Ключевые слова: региональное экологическое образование, кризис экологического образования, перспективы развития экологического образования.

Keywords: regional ecological education, crisis of ecological education, development prospects of ecological education.

Школьное экологическое образование переживает в России затяжной кризис, который начался, когда экологическое образование не вошло в федеральный компонент содержания образования. Его реализация осталась в региональном содержании, но после его отмены во многом подвисло, несмотря на большой интерес к нему как со стороны педагогов, так и учащихся и их родителей. В настоящее время экологическое образование в школе реализуется в виде факультативов, элементов краеведения и в системе дополнительного образования. Что бы осмыслить и преодолеть этот кризис, увидеть перспективы дальнейшего развития системы экологического образования, необходимо проанализировать историю его развития.

До середины 1960-х гг. в нашем обществе господствовала парадигма покорения природы, ее переделки, «совершенствования» и борьбы с ней, выражавшаяся в мичуринском лозунге: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача». Эти слова В. И. Мичурина, сказанные применительно к селекции сельскохозяйственных растений, стали применяться ко всей природной среде. В условиях господства «лысенковской» биологии они отражали идеологизированный подход государственных структур к дикой живой природе.

В 1950-е годы наши известные ученые-зоологи профессора Н. А. Гладков в Москве, Б. Г. Иоганзен и И. П. Лаптев в Томске, Ю. К. Куражковский в Ростове-на-Дону, В. Н. Скалон в Иркутске и некоторые другие начали целенаправленную природоохранную пропаганду [7, с. 7 – 8]. Лозунг, выдвинутый и обоснованный В. Н. Скалоном «Охрана природы есть проблема прежде всего педагогическая» [15, с. 234 – 236; 16, с. 96 – 98] определил одно из важнейших направлений природоохранной деятельности – образовательное.

В 1965 г. произошла смена государственного курса. Изменилась и парадигма отношений к окру-

жающей природной среде. Она стала природоохранительной. Очень скоро в недрах природоохранного образования начало развиваться образование экологическое. Его отличие заключалось в том, что оно было значительно шире собственно охраны природы.

В 1970 г. по инициативе А. Н. Захлебного и при деятельной и конструктивной поддержке академика АПН СССР И. Д. Зверева, вице-президента ЦС Всесоюзного общества охраны природы профессора А. Н. Гладкова, председателя комиссии по просвещению Европейского Совета охраны природы Л. К. Шапошникова и других ученых и специалистов был создан Научный совет по проблемам образования в области окружающей среды при Президиуме Академии педагогических наук. В Совет вошли известные ученые, деятели охраны природы, писатели, журналисты, преподаватели вузов и школьные учителя.

В 1972 г. в НИИ содержания и методов обучения АПН СССР (теперь это Институт общего среднего образования РАО) была создана первая в мире лаборатория по природоохранному просвещению. Позднее она была переименована в лабораторию экологического образования.

В конце 1980-х гг. была детально разработана теория общего экологического образования [5, 22], в 1990-х гг. она уточнялась и дорабатывалась [6, 23], а после 2000 г. началась её модернизация в соответствии с Концепцией устойчивого развития [9, 10, 12]. Экологическое образование стало рассматриваться как надпредметная область образования [3, с. 9 – 17].

С конца XX в. экологические проблемы заняли прочное место среди ведущих мировых проблем. Общеизвестно, что в третьем тысячелетии их роль будет только возрастать. С целью предотвращения глобальных экологических потрясений, в 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро мировым сообществом была

принята Концепция устойчивого развития, в которой образование в области окружающей среды (экологическое образование) признано одним из главных инструментов решения экологических проблем.

Можно констатировать, что на начало 1990-х гг. развитие теории экологического образования в России опережало мировой уровень. В то же время отмечалось отставание практики от теории. Особенно это бросалось в глаза при сравнении с внедрением экологии в образовательные системы западных стран. Там, благодаря высокой финансовой обеспеченности и мобильности, даже незначительные теоретические и практические разработки быстро внедрялись в практику. Это проявлялось в моментальном издании разнообразных красочных пособий, техническому обеспечению детских экологических исследований и т. д.

К середине 1990-х гг. в России де-факто «Экология» вошла в число наиболее востребуемых учебных предметов по выбору (за счет регионального и школьного компонентов учебного времени) средних учебных заведений во всех крупных регионах Российской Федерации, а количество альтернативных учебно-методических комплексов по экологии превысило число таковых во многих традиционных учебных дисциплинах. Однако как учебный предмет «Экология» не была включена в федеральный компонент содержания и не стала обязательным учебным предметом. Одновременно, на фоне политических и экономических неурядиц, в обществе заметно упал интерес к экологической проблематике, чрезвычайно высокий в 1980-х гг.

Всё это послужило толчком к началу кризиса экологического образования, который явно обозначился в конце 1990-х гг. Сократилось количество школ и классов с преподаванием экологии, востребованность учебно-методической литературы и т. д. Этот кризис, затянувшийся на десятилетие, не преодолен до настоящего времени. Тренд этого кризиса противоречив. С одной стороны, в условиях наступившей после 2000 г. политической стабилизации и по мере решения социально-экономических проблем в нашем обществе вновь начинает расти значимость проблем экологических. Соответственно возрастает интерес к экологическому образованию. С другой стороны, экологообразовательная деятельность в основном переместилась в учреждения дополнительного образования, а школа по-прежнему осталась не готовой к реализации целей экологического образования. Причины этого кроются как в общих социально-экономических проблемах, так и в педагогических – организационно-управленческих и научно-методических.

Во-первых, хотя основы экологии являются биологическими, общая или глобальная экология включает большое количество экологических направлений [14], основное содержание школьных учебников и методических пособий до настоящего времени остается в основном биоэкологическим, по сути, углубляющим один из разделов общей биологии.

Во-вторых, учебный предмет «Экология», обеспеченный в 1990-х гг. учебно-методическими комплектами: «Основы экологии», «Экология России», «Экология», «Социальная экология», «Глобальная экология» и др., решает свои задачи в традиционной предметно - знаниевой парадигме. Однако, согласно Концепции экологического образования [4, 6, 23], формирование экологических знаний является не самоцелью, а только средством для достижения деятельностного результата и формирования ответственного отношения к окружающей природной и социальной среде, нового экологического мировоззрения, экологической культуры. Остается нереализованной не только главная цель экологического образования, но и его основополагающий принцип непрерывности [5] и комплексная (смешанная) модель экологического образования [20], концептуально признанная ведущей.

Ориентация на деятельностный результат предполагает реализацию экологического образования в двух уровнях:

1) теоретико-практический, инвариантный, базовый, реализуемый на федеральном (общенациональном) уровне в традиционной предметно-знаниевой парадигме. Содержательно в нем представлены: знания классической экологии (фундаментальные экологические теории, законы, понятия), социальной экологии и экологии человека, экологические проблемы глобального и российского (общенационального) уровней. Можно констатировать, что первый уровень на сегодня научно обоснован, сконструирован содержательно и может достаточно успешно реализоваться в рамках учебного предмета «Экология». Это фундамент, первая ступень реализации общего экологического образования в нашей стране;

2) практико-теоретический, вариативный, реализуемый на региональном и локальном (школьном) уровнях при подчинении предметно-знаниевой парадигмы практико-деятельностной. Содержательно в нем представлены: региональные и локальные экологические проблемы, варианты экологии города, социальной экологии и экологии человека. Но самое главное заключается в том, что хотя бы этот уровень должен предусматривать практическую деятельность по изучению, охране и улучшению окружающей природной и социальной сред. Второй уровень до настоящего времени недостаточно обоснован с научной позиции, слабо разработан и обеспечен содержательно и методически [18].

Таким образом, проблема дальнейшего развития экологического образования в школе связана с обоснованием и разработкой регионального экологического образования. Решение научно-методических вопросов регионального уровня создаст важную предпосылку для решения многих организационно-управленческих проблем экологического образования еще до их нормативно-правового решения на федеральном уровне, которое, в свою очередь, завязано на общегосударственную макроэкономическую и социальную ситуацию в Российской Федерации.

Анализ региональных и локальных экологических проблем, которые ложатся в основу регионального содержания экологического образования показывает, что в большинстве субъектов Российской Федерации они связаны с проблемой урбанизации, с экологией города. Более того, считается, что в странах, где урбанизация достигла 75 – 80 %, все население оказывается в сфере влияния городского образа жизни, городской культуры, а перспектива человечества в третьем тысячелетии – жить в мегаполисах [13]. Соответственно изучение экологии города надо рассматривать как задачу глобального и федерального уровней с преимущественно региональным содержанием. При этом изучение экологии города должно стать первоочередной задачей в наиболее урбанизированных регионах, к которым относятся большинство субъектов РФ в Нечерноземье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, при общей численности городского населения в России около 76 %.

Разрабатывая содержание, формы и методы экологического образования третьего тысячелетия, необходимо исходить из предпосылки, что подрастающие поколения ожидают жизнь в условиях высокой скученности населения, загрязненности, стресса, еще большей оторванности от природы и т. п., в условиях городской среды. Что знают об этом взрослые горожане? Как готовят к этому образу жизни молодое поколение в образовательных учреждениях? Что можно предпринять на личном, общественном и государственном уровнях для разрешения противоречий и проблем, связанных с процессом урбанизации? Как минимизировать негативные последствия этого процесса?

Таким образом, сегодня всем городским жителям необходимы знания: об экологии жилища и экологической архитектуре, о факторах городской среды и их влиянии на здоровье свое и окружающих, умения противодействовать негативным факторам, активно выбирать здоровую среду и образ жизни, практические умения по изучению и улучшению окружающей урбанизированной среды на основе соответствующих знаний и ценностных ориентаций. Это требования общества, его социальный заказ на формирование личности – члена общества, обладающего урбоэкологической культурой, вооруженного урбоэкологическими знаниями, умениями и ценностными ориентациями.

Комплекс проблем, связанных с изучением экологии города в средней школе, привлекает пристальное внимание и зарубежных, и отечественных экологов, социологов, психологов. Исследуются факторы здоровья и адаптация человека к условиям городской среды, экология городских растений и синантропных животных, городские экосистемы. Активно изучается и уже используется в психологии и педагогике цветное и архитектурное воздействие на личность. Видеоэкология, как одно из направлений экологии города, изучает проблемы «агрессивности» и «гомогенности» городской среды, неблагоприятно воздействующих на человека [26]. Выявлено, что у жителей больших, недостаточно

благоустроенных городов с крупноблочной безликой застройкой, обилием железобетонных конструкций, строек, трущоб, замусоренных пустырей и т. п. наблюдается снижение эстетических критериев, повышение агрессивности, привыкание к разрушенной окружающей среде. Особенно зависимы от городской среды дети, которые больше других групп населения беззащитны перед ее негативным воздействием. Взрослые люди, выросшие в таких условиях, на подсознательном уровне стремятся к воспроизведению подобной среды в течение всей своей жизни [1, с. 11].

Одним из главных направлений в разрешении этих проблем должно стать формирование у подрастающего поколения городской экологической культуры на основе знаний по экологии города, умений и ценностных ориентаций. Между тем, в общеобразовательной школе учащиеся до сих пор изучают в рамках биологии эталонные природные системы и агроценоз. С середины 1990-х гг., после введения в ряде школ нового курса «Экология», ситуация стала меняться в лучшую сторону, но в программах, учебниках, хрестоматиях и других учебно-методических пособиях по экологии собственно экология города дается фрагментарно – упор сделан на глобальные аспекты урбанизации и на загрязнение городской среды. В географической учебно-методической литературе по урбоэкологии упор делается на географию городов. Отдельные элементы урбанистики можно найти в истории, знания о загрязнении городской среды – в химии и физике.

Таким образом, можно констатировать, что современное общее среднее образование не дает учащимся полного представления об экологии города, не готовит подрастающее поколение к жизни в урбанизированной среде как основной среде обитания современного человека.

К настоящему времени разработана теория изучения экологии города в школе как содержательного компонента и важного направления развития и углубления одной из ведущих философско-мировоззренческих и содержательных линий общего экологического образования и разработка учебно-методического обеспечения школьной экологии города. Проведены теоретические и экспериментальные исследования в этой области [9, 18, 19 и др.].

Изучение экологии города требует использования разных форм организации деятельности учащихся и сочетания нескольких методов, так как является сложным интегративным курсом не только по содержанию. Он включает в себя теоретические и лабораторный занятия в классе, внеклассную учебно-исследовательскую, а в профильных старших классах научно-исследовательскую деятельность в форме полевого экологического практикума, проводимого в городской среде, итоговой учебной или научно-практической конференции и ролевой игры. Такая деятельность наиболее эффективна, когда имеются региональные учебно-методические пособия по изучению экологии города. В Кемеровской области они появились одними из первых в России [17, 21 и др.].

Как показали наши опытные исследования [19, 20], одними из наиболее перспективных для современной школы форм и методов изучения экологии города (экологии городской среды, городских экосистем) являются: модульная форма построения учебного материала в сочетании с методом исследовательских проектов, при котором учащиеся работают в малых группах сотрудничества.

Модульный принцип построения содержания является наиболее реальной и перспективной формой реализации многопредметной и комплексной (смешанной) моделей экологического образования в школе.

Экологический практикум является важной составной частью курса. По его результатам проводится итоговая конференция, часть результатов практикума включается в содержание ролевой игры. Полевые практикумы не являются традиционными для современной средней общеобразовательной школы. Его включение в программы требует отбора и адаптации соответствующих методов.

На основе проведенного теоретического исследования и в ходе опытного обучения, нами был апробирован метод проектов. Он был адаптирован к условиям современной школы в виде метода исследовательских проектов. При этом деятельность учащихся организуется также нетрадиционно для нашей школы. Опытное обучение показало, что оптимальным является малая группа сотрудничества в составе 2 – 4 (до пяти) учащихся. Теорию и практику работы в малых группах успешно разрабатывал Дж. Хассард в США. По его мнению, малая учебная группа – «это группа взаимной поддержки и помощи численностью до 5 человек. Деятельность групп направлена на достижение определенных учебных целей. Группы ответственны за решение учебных задач, выполнение различных проектов и заданий, демонстрацию своих успехов» [27]:

1) метод проектов позволяет учащимся на самом начальном этапе работы, на стадии планирования, видеть весь проект, весь план цельной работы, поэтапно ее выполнить и завершить. Умения завершения работы, проведение анализа, подведение итогов (выводов) являются важными умениями, необходимыми каждому деятельному, инициативному гражданину;

2) наша традиционная школа на высоком уровне дает выпускникам навыки индивидуальной учебной и трудовой деятельности, а также умения и навыки работы в составе большого коллектива, где личная ответственность индивидуума относительна и ограничена. Работа в малой группе занимает промежуточное положение, между индивидуальной и коллективной в большой группе. Навыки такой работы очень важны в будущей жизни, так как работа в малых группах встречается не менее часто, чем в большом коллективе, а в современных социально-экономических условиях роль малых групп сотрудничества будет только возрастать.

Групповая форма организации обучения имеет определенные преимущества с организационно-

деловой точки зрения перед индивидуальными и общеклассными методами учебной работы.

В условиях эксперимента модульный принцип реализуется как в 9-летней общеобразовательной школе, так и в профильной 11-летней. Проведение практикума в полном объеме и работа учащихся в малых группах сотрудничества оптимально реализуются только в профильных классах.

Делая упор на систему школьного экологического образования, нельзя забывать о той системе экологического образования, которая сложилась в учреждениях дополнительного образования. Именно в юннатских кружках, начиная с 1904 г., когда в Лесном коммерческом училище под руководством Л. Н. Никонова было создано первое в России «Общество молодых натуралистов» [2, с. 27]. Деятельность этого общества вполне соответствовала современному НОУ (научным обществам учащихся), в массе появившихся в 1980-х гг. Члены общества молодых натуралистов выезжали на экскурсии и даже в экспедиции, где проводили наблюдения и полевые исследования, результаты которых докладывались на своих научных конференциях.

После 1918 г., когда юннатская работа стала массовой, были разработаны и затем усовершенствованы формы и методы учебной и научно - исследовательской деятельности детей и подростков. Сегодня именно система дополнительного образования располагает всеми возможностями для достижения целей экологического образования, однако в настоящее время она испытывает трудности с привлечением детей, на которых в конце XX века обрушилась масса информации и новые увлечения, связанные прежде всего с поголовной компьютеризацией. Компьютер стал поглощать массу детского времени, затягивая, в первую очередь, детей и подростков в малоинформативные, малополезные, но разнообразные, увлекательные и даже азартные компьютерные игры.

Очевидно, что пути выхода из кризиса, в котором оказалась система экологического образования в России, лежат в области взаимного использования опыта и тесного сотрудничества школьной и дополнительной систем образования, на пути их взаимного дополнения, в тесном контакте и сотрудничестве педагогов и родителей в деле приобщения подрастающего поколения к принципам экологического образования, к овладению основами экологической культуры.

Литература

1. Бернальдес, Ф. Восприятие ландшафта и городское планирование [Текст] / Ф. Бернальдес // Город и экология. – М., 1987. – Т. 2.
2. Верзилин, Н. М. Общая методика преподавания биологии [Текст] / Н. М. Верзилин, В. М. Корсунская – М.: Просвещение, 1972.
3. Захлебный, А. Н. Надпредметность школьного экологического образования [Текст] / А. Н. Захлебный, Е. Н. Дзятковская // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. – 2007. – № 4.

4. Захлебный, А. Н. Содержание экологического образования в средней общеобразовательной школе [Текст] / А. Н. Захлебный: автореф. дис... д-ра пед. наук. – М., 1986. – 32 с.
5. Захлебный, А. Н. Что тормозит создание системы непрерывного экологического образования в школе? [Текст] / А. Н. Захлебный // Тез. научно-практ. конф. «Экологическое образование: опыт, стратегия, и перспективы развития на территории северных регионов», 16 – 19 мая 2001 г. – Ханты-Мансийск, 2001.
6. Зверев, И. Д. Концепция общего школьного экологического образования [Текст] / И. Д. Зверев, И. Т. Суравегина, А. Н. Захлебный, Л. П. Симонова-Салеева, Т. В. Кучер // Экологическое образование в России: проблемы и практика: сб. научных статей к 25-летию Научного совета по экологическому образованию Президиума РАО / под ред. А. Н. Захлебного и Л. П. Симоновой – Салеевой. – М.: Экология и образование, 1995.
7. Зверев, И. Д. Об опыте работы Совета по проблемам экологического образования [Текст] / И. Д. Зверев // Экологическое образование в России: теоретические аспекты / под ред. А. Н. Захлебного и Л. П. Симоновой-Салеевой. – М.: Экология и образование, 1997.
8. Кавтарадзе, Д. Н. Образование для устойчивого развития должно учить действиям [Текст] / Д. Н. Кавтарадзе // На пути к устойчивому развитию России. – 2007. – № 38.
9. Камерилова, Г. С. Экология города: урбо-экология: уч. для 10 – 11 кл. шк. естеств.-науч. профиля [Текст] / Г. С. Камерилова. – М.: Просвещение, 1997. – 192 с.
10. Концепция общего экологического образования в интересах устойчивого развития [Текст] / под ред. А. Н. Захлебного, Е. Н. Дзятковской, А. Ю. Либерова, И. В. Вагнер. – М.: РАО, 2010. – 15 с.
11. Майкельсон, В. Консультации с детьми по вопросам городского планирования и управления [Текст] / В. Майкельсон // Город и экология. – М.: 1987. – Т. 2.
12. Мамедов, Н. М. Устойчивое развитие как парадигма современного образования [Текст] / Н. М. Мамедов // Методические рекомендации по организации экологического образования в интересах устойчивого развития / под общ. ред. Г. А. Ягодина. – М.: Школьная книга, 2009.
13. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума [Текст] / Н. Н. Моисеев. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 228 с.
14. Реймерс, Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник [Текст] / Н. Ф. Реймерс. – М.: Мысль, 1990. – 640 с.
15. Скалон, В. Н. Сохранение и воспроизводство ресурсов живой природы и задачи школы [Текст] / В. Н. Скалон // Сб. рефератов научных работ. КазПИ им. Абая, вып. 12. – Алма-Ата: КазПИ, 1964.
16. Скалон, В. Н. Охрана природы и вопросы народного образования [Текст] / В. Н. Скалон, Т. Н. Гагина // Состояние и задачи охраны природы Центрального Казахстана. Мат. I научно-практической конф. Карагандинского отд. КазООП. – Караганда, 1966.
17. Скалон, Н. В. Практикум по изучению экологии городов Кузбасса: учебно-методическое пособие [Текст] / Н. В. Скалон, Л. А. Горшкова, Н. В. Демиденко, Е. П. Аверина. – Кемерово: Ирбис, 2006. – 118 с.
18. Скалон, Н. В. Теория и методика изучения экологии города в школе [Текст] / Н. В. Скалон: дис... д-ра пед. наук. – М., 2001. – 389 с.
19. Скалон, Н. В. Урбоэкология в общеобразовательной школе: концепция школьного урбоэкологического образования и методические рекомендации для учителя по организации учебной деятельности учащихся [Текст] / Н. В. Скалон. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – 56 с.
20. Скалон, Н. В. Школьное экологическое образование в Кузбассе: модели реализации и их выбор школами в эксперименте [Текст] / Н. В. Скалон // Региональные проблемы экологического образования на рубеже XXI века: сб. докладов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000.
21. Скалон, Н. В. Экология сибирского города: программа и практикум для учащихся старших классов [Текст] / Н. В. Скалон. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 76 с.
22. Суравегина, И. Т. Базовый уровень экологического образования [Текст] / И. Т. Суравегина. – М.: Ротапринт НИИ СиМО АПН СССР, 1989.
23. Суравегина, И. Т. Концепция экологического образования и модели ее реализации в общеобразовательной школе СССР [Текст] / И. Т. Суравегина // Экологическое образование в средней общеобразовательной школе. – М.: НИИ СиМО АПН СССР, 1990.
24. Суравегина, И. Т. Экология [Текст] / И. Т. Суравегина, А. Н. Воробьев, И. Д. Зверев и др. // Учебные стандарты школ России. Государственные стандарты начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования. Кн. 2. Математика. Естественно-научные дисциплины / под ред. В. С. Леднева, Н. Д. Никандрова, М. Н. Лазутовой. – М.: Сфера: Прометей, 1998.
25. Суравегина, И. Т. Концепции экологического образования в средней общеобразовательной школе [Текст] / И. Т. Суравегина, В. М. Сенкевич, Т. В. Кучер. – М.: НИИ СиМО АПН СССР, 1989. – 15 с.
26. Филин, В. А. Видеоэкология [Текст] / В. А. Филин. – М.: ТАСС-Реклама, 1997. – 320 с.
27. Хассард, Дж. Уроки естествознания (из опыта работы педагогов США) [Текст] / Дж. Хассард / под ред. А. Н. Захлебного; пер. с англ. – М.: Экология и образование, 1993. – 290 с.

УДК 378.146

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ОЦЕНКЕ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В. А. Шабашев

ON THE SYSTEM APPROACH TO THE GAIN SCORE OF HIGH SCHOOL STUDENTS

V. A. Shabashev

Рассматриваются основные факторы, влияющие на оценку успеваемости студента вуза. Предлагается системный подход к проведению четырехлетнего эксперимента (период подготовки бакалавров) для определения влияния различных факторов на успеваемость студентов, приобретения ими компетенции; разработки соответствующих моделей.

The major factors influencing the gain score of the high school student are considered. The system approach to carrying out a four-year experiment (the period of training bachelors) is offered for: defining the influence of various factors on student's progress, and their acquiring competences; working out of corresponding models.

Ключевые слова: студент, оценка успеваемости, факторы, эксперимент, системный подход.

Keywords: the student, a gain score, factors, experiment, the system approach.

В какой мере и когда востребована оценка текущей успеваемости студента, итоговая оценка усвоения дисциплины?

Оценка текущей успеваемости студента вуза используется для анализа учебной деятельности кафедры, факультета, его преподавателей по итогам очередной сессии, учебного года. При этом, как правило, сравнивается рост, уменьшение качественной и абсолютной успеваемости студентов по сравнению с предыдущими периодами. Ежегодно делаются тривиальные выводы. Имеется рост успеваемости – похвалить, есть снижение – идет критика, разработка мероприятий по ее повышению. При этом называются следующие традиционные причины ухудшения успеваемости студентов: низкая активность на занятиях, частые пропуски занятий; низкое качество знаний студентов первокурсников; недостаточная учебно-методическая база; неудовлетворительная организация учебного процесса, болезнь, лень и др. Причем самое важное, что чаще всего не выявляется мера влияния названных причин на рост или падение успеваемости студентов.

Звучат в основном экспертные, субъективные, порой поверхностные оценки. Коль скоро не выявлены закономерности влияния тех или иных факторов на успеваемость студентов, то и принимаемые меры по улучшению успеваемости являются некомплексными, недостаточно эффективными.

Что стоит за оценкой успеваемости студента? Упорный труд студента и мастерство преподавателя? Если это так, то в итоге студент овладевает знаниями, соответствующими компетенциями.

Или она характеризует действие других факторов: субъективного поведения преподавателя, халтурного отношения студента к учебе?

Оценка успеваемости студента как средство измерения знаний и компетенций имеет существенные недостатки.

1. Существующая система оценки не отражает совокупность компетенций. Новые государственные стандарты ориентируют не только на приобретение студентами знаний, умений, навыков (ЗУН), но и компетенций, т. е. способностей действовать на базе приобретенных ЗУНов. Прделана огромная работа

преподавателями университета по формированию компетенций в рамках УМК третьего поколения. Теперь стоит задача мониторинга приобретения образовательных компетенций. Значит, нужна система оценок, измерений всех компетенций. Это работа очень сложная и трудно реализуемая. Например, как измерить такие компетенции: умение работать в коллективе, умение самостоятельно учиться и др.

По некоторым дисциплинам насчитывается до десятка компетенций, и по большинству из них нет четкого инструмента (средства) измерения и, тем более, – обобщения в одной единственной оценке в усредненном виде.

2. Иногда студент получает высокую оценку, не соответствующую знаниям и компетенциям, за счет обмана, списывания, подкупа, везения.

3. На оценку, выставленную студенту, влияют разные личные качества преподавателя: уровень требовательности, дисциплинированность и мастерство преподавания (если преподаватель четко соблюдает все правила организации учебного процесса, использует современные технологии обучения, то, как правило, выставляется объективная оценка).

Надо иметь в виду, что преподаватель в определенной мере выставляет оценку своей работе. Недостаточно ответственный, слабо подготовленный преподаватель склонен нередко завышать оценки.

Есть и другие ситуации, когда преподаватель предвзято относится к некоторым студентам, завышает требования, не дает возможности получить хорошую оценку.

Показатель успеваемости студентов как один из критериев результативности деятельности вуза используется на разных уровнях:

– студент – как форма самореализации личности, демонстрации окружению (родителям, знакомым, друзьям) своих способностей, как основа получения стипендии*;

* Некоторые студенты умеют «выпросить» у преподавателя повышенную оценку. Это, к сожалению, бывает нередко.

— руководством вуза, деканатом, кафедрой, как форма измерения меры усвоения знаний студентом и получения соответствующих компетенций, т. е. для аттестации на всех стадиях обучения и при выпуске из вуза;

— работодателем — как мера овладения знаниями выпускником вуза;

— министерством — как форма контроля работы вуза и средство оценки эффективности деятельности вуза в учебной сфере.

Существует парадокс: в вузах страны сосредоточен огромный интеллектуальный, научно-педагогический потенциал, а научно обоснованной системы оценки, измерения усвоения знаний, умений, компетенций студентов и выпускников вузов не имеется.

Для решения этой проблемы предлагаем провести системное исследование. Оно предполагает наблюдение за 4 – 5 учебными группами бакалавров в течение 4 лет обучения на разных факультетах, фиксируя влияние разных факторов на успеваемость. Итогом может быть многофакторная модель, которую затем можно использовать для всесторонней оценки подготовки выпускников вуза.

Для проведения эксперимента можно использовать ряд факторов, которые влияют на успеваемость студентов и их можно измерить.

1. Оценка уровня знаний студентов первокурсников (по ЕГЭ, по срезу знаний в первый месяц учебы).

2. Учет посещаемости аудиторных занятий.

3. Учет текущей успеваемости, как по плановым аттестационным неделям, так и по итогам семестра, учебного года.

4. Наличие интерактивных форм обучения.

5. Обеспеченность учебно-методической литературой.

6. Использование консультаций (как плановых, так и для слабых студентов).

7. Социологический регулярный опрос, выявляющий:

— степень совпадения официальных целей образования и целей студента;

— умение студента учиться;

— морально-психологический климат в группе;

— факторы, стимулирующие усвоение знаний;

— причины, мешающие хорошей учебе;

— мотивацию студента в учебной, научной работе.

8. Требовательность преподавателя, его лекторское мастерство.

9. Перевод научных исследований в формат учебных дисциплин.

10. Материальная база учебного процесса, в том числе его компьютеризация, информационные технологии.

11. Другие факторы.

Подготовка и проведение эксперимента предполагает: разработку методики измерения названных

факторов; выбор математических методов для выявления взаимосвязи этих факторов; построение соответствующих моделей.

Опираясь на тщательное первичное обследование уровня знаний и социально-психологического состояния каждой экспериментальной группы, можно планировать траекторию ее развития в течение 4 лет обучения.

При этом надо учитывать, что существуют основные проблемы вузовской системы России:

1) нехватка ресурсов (низкая зарплата, слабая материальная и учебно-методическая база по сравнению с западными вузами);

2) старение преподавательских кадров (особенно докторов наук);

3) слабые знания абитуриентов;

4) демографический спад и др.

Полагаю, что проблемы для провинциальных вузов вряд ли будут преодолены в ближайшие 3 – 4 года. Основой для такого суждения является:

1) планируемое уменьшение финансирования образования в 2013 – 2014 году по сравнению с 2012 годом¹;

2) политика Минобрнауки по углублению разрыва по всем позициям между провинциальными вузами и элитными вузами (МГУ, ЛГУ, 8 федеральных вузов, 29 национальных исследовательских вузов). Это означает, что на доминирующей территории страны предприятия и организации могут и не ждать повышения качества подготовки специалистов. Использование Минобрнауки олимпийского принципа (дополнительные финансы – лучшим) распределения ресурсов в вузовской системе не только ошибочно, но и пагубно.

Этот принцип можно было бы использовать тогда, когда все вузы страны имели бы достаточные ресурсы по определенному критерию, позволяющему готовить специалистов приемлемого качества. Похоже, что таких расчетов у Минобрнауки нет и преодолением резкой дифференциации вузов он не желает заниматься. Проще всего объявить конкурс, в итоге которого сильнейшие вузы его выиграют и станут еще сильнее.

В связи с проблемой оценки успеваемости студентов рассмотрим новый подход Минобрнауки. Ранее оно корректировало штаты вуза по итогам учебного года. Если уменьшалось число обучающихся студентов на бюджетной основе, то уменьшалось количество преподавательских ставок (при стабильном плане набора студентов). Теперь предполагается это сделать в середине учебного года. Значит, вузу невыгодно отчислять за неуспеваемость студента, преподаватель под давлением ректора вынужден ставить «тройку» вместо «двойки».

Как видно, успеваемость играет огромную роль в формировании штатов, причем не самую лучшую.

¹ Возможен пересмотр этих расходов после выбора Президента РФ 4 марта 2012 года, исходя из планов, обозначенных В. В. Путиным в своей статье в «Комсомольской правде» 13 февраля 2012 г.

Вуз вынуждают выпускать всех студентов, выдавая порою дипломы недостойным.

В свою очередь, если идет сокращение штатов в середине учебного года, не ясно, кем и как выполнять учебную нагрузку.

К тому же давно существует следующее противоречие. Формирование штатов преподавателей идет по критерию: на 10 студентов дневного отделения выделяется одна штатная единица. Учебная нагрузка формируется одинаково для любой кафедры, как для имеющей только доцентов и профессоров, так и для той, где имеется половина ассистентов. Это противоречие ректорат вынужден разрешать, опираясь на субъективные оценки.

Следует особо остановиться на позиции Министерства образования и науки в процессе реализации двухуровневой системы подготовки кадров с высшим образованием. До сих пор законодательно не определен статус бакалавра. Большинство работодателей, кадровые службы воспринимают бакалавра как выпускника техникума или студента недоучку. Расширяется подготовка магистров, где предполагается выделение значительного числа учебных часов на самостоятельную подготовку, не обеспеченную ресурсами: мало часов на индивидуальную работу преподавателя с магистрантом, используется прежнее соотношение в формировании штатов (1:10). Тем самым дискредитируется магистратура как более высокая форма подготовки специалистов.

Еще одна важная проблема, которая должна решаться комплексно: координация усилий бизнеса,

федеральных, региональных органов власти, вузов, центров занятости в выявлении потребностей народного хозяйства в специалистах. Пока этим занимаются в основном вузы. Бизнес жалуется на низкое качество подготовки кадров вузами и редко финансирует обучение нужных им специалистов. Работодателям дано право участвовать в подготовке рабочих программ соответствующих дисциплин. Их предложения чаще всего сводятся к призыву сокращать фундаментальные дисциплины и больше уделять внимание выработке практических навыков. Но эту задачу могут решать и колледжи, техникумы.

Региональные власти участвуют в планировании подготовки только тех специалистов, которые нужны в бюджетных организациях (образование, здравоохранение, культура и др.).

Федеральные органы власти (в т. ч. Минобрнауки), не располагая потребностью в специалистах на 5 – 10 лет, планирует бюджетные места на один год не на базе точных расчетов, а на приблизительной оценке: «Много экономистов и юристов подготовлено, давайте сократим их бюджетную подготовку». Нужна комплексная Федеральная программа подготовки кадров с высшим и средне-специальным образованием.

В заключение отметим, что решение проблемы достоверной оценки успеваемости студентов, получение ими необходимых компетенций связано с системным и активным участием всех заинтересованных сторон.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.21-053.81

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Зеленин

LOCAL YOUTH PARLIAMENT AS MEANS OF SOCIAL MOBILITY IN MODERN RUSSIAN POLITICS

А. А. Zelenin

В статье анализируются особенности современной молодежной политики, рассматриваются проблемы участия молодежи в политике, роль и функции молодежного парламента как особого механизма социального лифта.

This article deals with peculiarities of modern youth policy, problems of youth participation in politics, role and functions of youth parliament as special means of social mobility.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные политические движения, молодежный парламент, социальный лифт.

Keywords: youth, youth policy, youth political movement, youth parliament, social mobility.

В современной социально-политической ситуации одним из вызовов, с которыми столкнутся новый президент и правительство России, будет молодежная политика. Задачи в этой сфере определены предельно ясно: «Снять все барьеры для роста,

карьерного продвижения молодежи в бизнесе, системе госуправления, в науке, предоставить ей широкие возможности для личностной и профессиональной самореализации» [14]. Для достижения поставленных целей государственная молодежная

политика России нуждается в обновлении. Каково главное направление деятельности? На наш взгляд, и эта задача не нова – следует отказаться от политики патернализма в отношении молодежи, намерений решить все ее проблемы силами государства. О глобальном характере проблемы свидетельствует многократно повторяемое в международных документах ЮНЕСКО фразы 19-летнего студента из Аргентины: «Мы часто слышим: «Вы – будущее», – но мы не можем быть даже полноценным настоящим» [1]. «Взрослые» на словах за полное равенство в политике, однако на деле (по данным исследования ВВС) 80 % респондентов в развитых странах негативно отзывались о современном молодом поколении. Показательно выступление М. Макларена (Макларен Мальком (1946 – 2010) – композитор, продюсер, в середине 1970-х годов – менеджер культовой британской панк-группы Sex Pistols) на конференции по вопросам образования в Лондоне в 2009 г. Продюсер с сожалением констатировал, что «мы живем в эпоху «культуры караоке», где на месте библиотек вырастают пабы, а люди надеются, стать успешными за минуту... Мы живем в эпоху желаний стать знаменитым ничего для этого не делая. Люди не хотят терять время на такие вещи, как обучение, получение опыта и навыков, ими движет простое желание мгновенного успеха». Такое поведение транслируется и даже навязывается и российской массовой культурой. Нацеленность значительной части молодежи исключительно на быстрый карьерный успех без образования или получение его в «облегченном» виде способна перечеркнуть всякие перспективы модернизаций и инноваций.

Во многом в этом причина, что старшее поколение в России, равно как и в Европе и Америке, считает поколение NEXT аполитичным, пренебрегающим гражданской позицией, не желающим по-настоящему учиться, жадное до денег, не желающее работать/зарабатывать [1]. Такой настрой взрослой, состоявшейся части общества неизбежно корреспондирует в идеологию молодежной политики воспитательный уклон, менторство и контроль, что особенно проявляется в сфере образования, где закладываются основы стартовой позиции молодого человека в жизни. В 2008 г. Президент России вынужден был признать, что «... положение дел в образовании оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать: с передовых позиций мы уже «откатились» [12]. Лишь в 2011 г. Президент РФ поручил правительству РФ к 1 февраля 2012 г. «сформировать механизмы, в том числе организационно-управленческие и финансовые, обеспечивающие одинаково высокое качество образовательных программ общего образования независимо от вида общеобразовательного учреждения» [11]. Положительно оценивая шаги в этом направлении, не торопимся тем не менее с выводом о том, что качество образования наконец-то стало приоритетом.

Конституция РФ (ст. 43) гарантирует право каждого на образование. При этом конституционная норма охватывает исключительно вопросы доступности и обязательности образования (пп. 1 – 4,

ст. 43), а также пределов государственного регулирования (п. 5, ст. 43), о качестве речи нет. Принципы государственной политики в области образования определены в Законе «Об образовании» (ст. 2) [5] и ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» (ст. 2) [16]. Обращает на себя внимание отсутствие среди них такого ключевого понятия как качество образования, которое не является ни приоритетом, ни общим принципом государственной политики, как в этой сфере, так и в сфере молодежной политики. Отсюда и слабость стартовой позиции молодого человека как в современной конкурентной экономике, так и в политике.

В то же время, в некотором, как мы полагаем, отрыве от реальности, в новейших исследованиях концепции российской молодежной политики прослежены «политические процессы постепенного перехода от приоритета государственных интересов к приоритету интересов молодежи для ее самореализации на основе международных стандартов» [10, с. 6].

Концептуально современная отечественная модель молодежной политики основана на следующих базовых постулатах:

- отождествлении прав молодежи с правами человека и гражданина, со всеми вытекающими отсюда следствиями применительно к участию в политической жизни;
- двухуровневом (федеральном и региональном) регулировании;
- трехуровневой (федеральной, региональной и муниципальной) реализации ГМП.

При этом задача молодежной политики не в том, чтобы молодой человек, окультурившись, вместо простого «дай» стал требовать «дайте, пожалуйста», а в том, чтобы создать условия для самореализации, в том числе и в политике, где, в отличие от иных сфер приложения сил и интеллекта, входные барьеры значительно выше.

Проблема участия или, скорее, допуска молодежи в политику последние два десятилетия находится в фокусе научного внимания. В некоторых новейших исследованиях при анализе «концепций как до-революционной, так и советской молодежной политики» делается вывод об «исключении (в тот период) возможности самореализации молодежи» [10, с. 6], с чем трудно согласиться. ВЛКСМ был реальным и действующим социальным лифтом в большую политику и не только в неё (Туроу Л. К. – американский экономист, в 1960 – 1990-е годы – профессор Гарвардского университета и Массачусетского технологического института). У молодого поколения были хорошие возможности для старта. По справедливой оценке Л. К. Туроу, «коммунизм имел плохую экономику, но хорошую школьную систему... В любой коммунистической стране можно было найти лучшее образование, чем у ее соседей». (Речь не идет о ностальгических воспоминаниях. Репрезентативный опрос экспертов, проведенный в октябре – ноябре 2011 г. газетой «Взгляд», показал, что ни один из них не согласился с идеей возвращения комсомола в каком бы то ни

было виде [1]) [20]. Лозунг «Молодым везде у нас дорога» не был пустой фразой.

С распадом СССР и самороспуском ВЛКСМ такие лифты для молодежи исчезли, приоритетом стала самостоятельная карьера в бизнесе, на эстраде, в спорте или, что было характерно для 1990-х – криминальной сфере. Исследователи констатировали тогда аполитичность молодежи [9].

В начале 2000-х появление молодежных политических движений («Молодая Гвардия» «Единая Россия», «Наши», «Россия молодая», «Евразийский союз молодежи», «Новые люди», «Местные») и акции («Селигер» и др.) вернуло молодежь в политику, но не во «взрослые» партии. Молодежь, по оценке П. Данилина, оказалась из политики исключена просто технически: партии, увидев, что «молодежки» бродят по улицам и что-то там делают, в целом довольно спокойно это восприняли» [3]. Тогда власть попыталась институционализировать молодежные движения, которые, не желая втискиваться в предложенное им узкое русло, начали или сворачивать свою работу, или уходить в волонтерские, научные, экологические проекты. В то же время в политике уже работали формализованные кадровые лифты.

В целом период 1992 – 2007 гг. можно назвать периодом становления молодежной политики: положено начало формированию нормативно-правовой, финансовой баз для осуществления государственной молодежной политики, создана система государственной поддержки деятельности детских, молодежных организаций и объединений. В это время оформляется государственная служба по делам молодежи, появляется опыт решения молодежных проблем как на федеральном уровне, так и в регионах.

С созданием Росмолодежи молодежная политика приобрела системный характер. Молодые люди «по партийной линии» стали чаще попадать в законодательные и исполнительные органы власти. В 2008 – 2011 годах, в связи с курсом на модернизацию и инновационное развитие, получило поддержку молодежное предпринимательство, наука, инновации. Тогда же прошел «призыв» молодежи во власть. Молодые люди массово пошли в административную сферу, активисты «молодежек» становились депутатами разных уровней власти (в том числе – Государственной думы), а оппозиционные политики иногда оказывались интегрированы в систему исполнительной власти (Н. Белых и др.).

Как обоснованно показано в новейших исследованиях, ключевым уровнем консолидированного субъекта государственной молодежной политики РФ является субфедеральный (региональный) – как наиболее релевантный в условном и ресурсном, субъектном и объектном, процессном и проектном, пространственном и временном аспектах достижения ее целей и эффективности результатов. На региональном уровне комплекс реализуемых направлений и инвестиций в рамках государственной молодежной политики представлен в наиболее полном, адекватно специфицированном и конкретизи-

рованном виде, соединяет стратегические и тактические компоненты [7, с. 8 – 9]. На уровне региона кадровые лифты для молодежи работают, но, как мы полагаем, их пока недостаточно. В большинстве регионов для молодежи как объекта действуют программы, проекты, комитеты, бюджеты. Там, где молодежь – субъект, все значительно сложнее.

В ряде российских регионов молодежные парламенты имеют реальное право выступать от лица всей молодежи, активно взаимодействовать с властью, превращают молодежь из объекта в субъект государственной молодежной политики [17].

В то же время в новейших исследованиях отличительной чертой современного состояния инфраструктуры молодежной политики справедливо отмечается экстенсивность развития, обусловленная практикой управления ею на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Экстенсивность проявляется в росте числа клубов, центров, домов молодежи, расширении направлений работы с молодежью, нарастании числа услуг, программ, проектов, мероприятий, а также привлеченной к ним молодежи. В то же время данные количественные показатели не всегда сочетаются с потребностями молодых людей в конкретных мерах, формах, средствах помощи и поддержки и, следовательно, не учитывают реальных трудностей социализации различных групп и категорий молодежи [2, с. 6].

Так, например, в Республике Башкортостан создана одна из лучших в России инфраструктур молодежной политики, институциональная среда исключительно благоприятна для государственной поддержки молодых семей, содействия молодежному предпринимательству, деятельности молодых ученых, занятости молодежи и т. п. Обсуждается проект Республиканской долгосрочной целевой программы «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан на 2012 – 2017 годы» [6]. В то же время новейшие исследования, проведенные в республике, показывают, что ряд показателей, характеризующих условия жизни молодежи, продолжают ухудшаться. Происходит снижение психической и физической дееспособности молодежи, ее образовательного, профессионального и квалификационного уровней, продолжает процесс маргинализации и криминализации в молодежной среде. Деградирующее социальное положение некоторой части молодежи, результатом чего является асоциальность поведения, низкие стартовые возможности молодежи вызывают множество внутрисемейных, внутрисемейных противоречий и конфликтов [10, с. 4]. Аналогичная ситуация во многих регионах.

И дело даже не в том, что «у нас размазано всё по разным направлениям, и подчас складывается впечатление, что у нас либо вообще нет никакой молодежной политики, либо слишком много этой молодежной политики, но она малоэффективная, затратная, но не эффективная» [13], а в том, что чрезвычайно распространены симуляры (молодежные палаты, парламенты, правительства-дублиеры и т. п.), имитирующие молодежную политику, занимающие место реальных механизмов, допуск к которым

строго ограничен «взрослыми» политиками по соображениям «как бы чего не вышло». Сюда же относится массовое и активное (а нередко и гиперактивное) участие в политической жизни «от молодежи» бывших и действующих спортсменов, «звезд» эстрады, не имеющих не то что политического, а элементарного житейского опыта, не говоря уже об опыте управления или вообще какой бы то ни было практической деятельности.

Такое псевдоучастие молодежи в реальной политике создает мощный, но не несущий никакой позитивной практической нагрузки информационный фон, состоящий из материалов указанных выше молодежных структур, программ и их pr-акций, «научных» исследований и т. п. В результате, внешне создается ощущение «кипящего котла», КПД которого на выходе процесса крайне незначительно. Отсюда и неясность: «У нас есть молодежная политика или нет? И многие задаются этим вопросом...» [14]. Предельно ясно отвечают на этот вопрос результаты исследования эффективности реализации государственной молодежной политики (2011). Около 15 % молодых людей считают, что Правительство России «проводит целенаправленную молодежную политику в ряде особо значимых для молодежи сфер жизнедеятельности», а почти 70% считают, что этого не делается [10, с. 6]. Современные исследования также показывают, что молодежная политика является в России периферийным направлением [8, с. 19].

Низкая эффективность, а нередко и просто профанация молодежной политики не только дискредитируют её основные принципы и идеи правового, демократического государства в целом, но и причиняют прямой ущерб федеральному и региональному бюджетам. В новейших экономических исследованиях показано, что режим бюджетных инвестиций в молодежную политику в период ее активной реализации (2007 – 2010 гг.) на уровне субъектов Федерации был стабильным и лишь «в слабой степени» зависел от текущей экономической ситуации (период кризиса) и повышения дефицитности региональных бюджетов [7, с. 9].

Одной из причин сложившейся ситуации, как показывают новейшие исследования, является «фрагментарность и бессистемность, неустойчивость и нестабильность состояния субъектов управления молодёжной политикой и сферы организации работы с молодёжью» [2, с. 12]. Системе неоткуда взяться, так как «если говорить о каком-то унифицированном своде правил, приоритетов, направлений деятельности, то такого кодекса у нас, наверное, до сих пор нет» [14].

Таким образом, существующая институциональная среда не определяет четких легальных механизмов социального лифта для молодежи в политике. Отсюда «ветераны молодежной политики» имеют синектуры в декоративных молодежных парламентах, тогда как в условиях работающей демократии они давно бы прошли проверку партийными праймериз и, по крайней мере, муниципальными выборами. В 2011 г. на федеральном уровне молодые политики (скорее, – кандидаты в политики) уча-

ствовали в праймериз, которые позволили, по крайней мере, заявить о себе, а многим и войти в предвыборные списки партии.

Вхождение в российскую «большую» политику неизбежно втягивает молодого человека в среду формальных и, в значительно большей степени, – неформальных отношений и правил, весьма далеких от идеальной веберовской модели бюрократии, какой в действительности, по крайней мере, в России, не существует. Отечественные условия будущей политической профессиональной деятельности молодого человека далеки от идеальных и не по причине жесткой политической конкуренции. Необходимо учитывать национально-региональный аспект, имманентно присущие российской государственной службе факторы патронажа-клиентизма, коррупции. Эти явления представляют собой реакцию на неэффективность государственных институтов. Значительный объём политических, информационных, ресурсных связей, согласований и решений основываются на неформальных, межличностных договорённостях внутри традиционного для России феномена «партии власти» (на всех её уровнях) [19].

Молодой политик, даже с вузовской скамьи, не готов к этому, но может быть подготовлен, пройдя школу молодежного парламентаризма, идея развития которого сформировалась в России в середине 1990-х гг. под влиянием европейского опыта. «Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне» содержит в себе специальный раздел «Организационно-правовые формы участия молодежи в местных и региональных делах». Одной из таких форм и являются молодежные советы, парламенты и форумы. Хартия декларирует следующие условия эффективного участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровнях:

- понимание молодыми людьми происходящих вокруг них социально-культурных изменений;
- наличие постоянного представителя или структуры (молодежный совет, молодежный парламент или молодежный форум, формируемы с помощью выборов, посредством назначения представителей молодежи, входящих в организацию, и/или на добровольной основе. Членский состав таких структур должен отражать социальную структуру населения в данной местности;
- молодые люди должны непосредственно отвечать за осуществление различных проектов и играть активную роль в реализации соответствующих стратегий;
- местные и региональные власти должны создать или поддержать структуры, обеспечивающие активное участие молодежи;
- молодежные структуры имеют право и возможность свободно высказать свою озабоченность и, в частности, довести эту озабоченность до властей, а также дают возможность направить властям свои предложения [4].

Строгого возрастного ценза Хартия не устанавливает. Так, в «колыбели демократии» Великобритании с 2000 г. действует Молодежный парламент,

куда могут избираться и быть избранными молодые люди 11 – 18 лет. При этом они ведут дебаты в Вестминстере по вопросам платы за обучение, преступности, транспорта, экономики и возрастного ценза, что традиционно вызывает попытки консерваторов «заблокировать движение» [18]. Аналогичный орган действует и в России, однако до участия в парламентских дебатах дело пока не дошло (28 октября 2002 г. в Государственной думе состоялось первое заседание Общественной молодежной палаты при Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации).

В России нормативное регулирование создания молодежных парламентов осуществляется на основе Федерального закона от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «Об общественных объединениях», Федерального закона РФ от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (в ред. от 01.07.2011 г., ст. 54) и «Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации», разработанных Министерством образования РФ в 2003 г. (далее – Рекомендации). Молодежный парламентаризм в документе определен как система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанный на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – Молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства. В качестве основных принципов развития молодежного парламентаризма «Рекомендации» выделяют:

- приоритет защиты прав молодежи и ее объединений;
- доступность и открытость системы молодежного парламентаризма для участия в ней любого молодого человека;
- легитимность создания, функционирования и развития различных форм молодежного парламентаризма;
- демократизм формирования состава различных форм молодежного парламентаризма на основе выборов и/или конкурсов;
- использование научного подхода к развитию молодежного парламентаризма;
- формирование персонального состава молодежных парламентских структур из числа молодых людей (от 14 до 30 лет), если иное не предусмотрено действующим законодательством Российской Федерации или нормативными правовыми актами соответствующего субъекта Российской Федерации;
- социальная эффективность и ответственность [15, с. 38 – 51].

Предполагается, что сочетание данных принципов позволяет создать условия, при которых молодежные парламентские структуры будут способны представлять интересы не отдельных молодых людей, молодежных общественных объединений и иных заинтересованных организаций, а интересы

молодежи региона в целом. Данная задача представляется чрезвычайно сложной. Понятие «молодежь», как справедливо отмечает С. И. Никулина, – это абстракция [8, с. 6]. Молодежь неоднородна. Это школьники и рабочие, жители села и рабочие, лидеры и активисты «молодежек» и воспитанники спецучреждений, бизнесмены и маргиналы. Все они с разной степенью успешности адаптируются к рыночной экономике, часто ориентируются на взаимоисключающие политические и духовно-нравственные ценности.

Для «упрощения» задачи выражения интересов молодежи при создании представительных молодежных структур в регионах, в них нередко включаются лишь «проверенные» и близкие к региональной власти активисты институционализированных молодежных движений и структур, что выхолащивает дух и принципы молодежного парламентаризма. Указанные проблемы и сложности в развитии молодежного парламентаризма неизбежно сказываются на его развитии во всех регионах. Сбалансированной и относительно успешной попыткой их преодоления, или, по крайней мере, максимальной минимизации может служить история развития молодежного парламентаризма в Кемеровской области.

Постановлением Совета народных депутатов Кемеровской области от 12 апреля 2000 г. был создан Молодежный парламент Кузбасса (МПК). В состав МПК на основе представительства от муниципальных образований входят 35 депутатов от 14 до 30 лет. За время своего существования МПК реализовано множество социально значимых инициатив, в числе которых:

- подготовка ряда обращений к законодательному органу: по вопросам игровых автоматов, повышения возрастной планки для помощи молодым семьям (до 35 лет), о постинтернатном патронаже и др.;
- работа над проектом федеральных законов о молодежной политике и поправками в соответствующий региональный закон;
- проведение областных конкурсов, благотворительных акций;
- изучение мнения молодежи по актуальным вопросам.

Региональный молодежный парламентаризм стал хорошей школой реальной публичной политики, лидерства, опыта участия в процессе разработки, принятия, реализации нормативных актов, управленческих решений, отстаивания позиции, поиска компромиссов. Однако нельзя не признать, что на сегодняшний день говорить о правомочности, полноценной субъектности молодежных парламентов, советов, форумов и т. д. не приходится. Созданные по инициативе «сверху», часто сформированные из вчерашних школьников, эти организационно-правовые формы выполняют задачи молодежной «массовки», послушно выполняющей указания вышестоящих государственных или партийных органов, одобряющей принятые другими решения, обеспечивающей «правильный» ход и результаты избирательных и иных политических кампаний и т. п.

Причины существующего положения мы видим в следующем:

- существует многовековая историческая (преимущественно, авторитарная и тоталитарная) политическая традиция;

- реальная политическая конкуренция (программ, партий, лидеров, реально претендующих на то, чтобы прийти к власти) в российской политике отсутствует;

- доминирование и последовательное укрепление позиций государственной собственности в ключевых отраслях экономики и связанное с этим политическое доминирование неизбежно порождают феномен «партии власти», для которой молодежное движение является «боевым резервом и помощником», а никак не демократическим институтом.

В такой ситуации «казенные» молодежные органы способны воспитывать и воспроизводить лишь конформизм и умение «претворять в жизнь». В то же время в любой форме молодежные парламенты и аналогичные им органы полезны и необходимы. Ведь именно комсомол «готовил» реформаторов внутри КПСС в условиях, казалось бы, жесткого политического контроля. Кроме того, мы имеем именно те молодежные политические структуры, которые соответствуют институтам современной российской политики, и молодежь, попадая в них, свежим взглядом видит, что такое эта политика изнутри и что в ней необходимо изменить. Характерно, что в предвыборных дебатах 2011 – 2012 гг. все кандидаты, их доверенные лица, комментаторы и аналитики обязательно обращали внимание на фактор наличия политического и управленческого опыта, приобретать который необходимо начинать смолоду. И лучшего места, чем активный, реально работающий молодежный парламент, учитывающий и интересы «кулуаров власти», и «улицы», – на сегодня нет. Именно он становится социальным лифтом для молодежи в «малую», а затем и «большую» политику.

Литература

- Бударагин, М. Будущее в сомнениях в настоящем. Россия может столкнуться с агрессией поколения, не знавшего СССР [Текст] / М. Бударагин // Взгляд. – 2011 (2 ноября).
- Глухова, М. Ф. Инфраструктура молодежной политики: управление организационно-функциональным обеспечением [Текст] / М. Ф. Глухова: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 37 с.
- Данилин, П. Новая молодежная политика (2003 – 2005) [Текст] / П. Данилин. – М.: Европа, 2005. – 292 с.
- Европейская хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований [Текст]. – Обнинск, 2004.
- Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 (в ред. от 18.07.2011 N 242-ФЗ) [Текст].
- Министерство молодежной политики и спорта Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mmpsrb.ru/youth_policies_rb/.
- Мордвинцев, И. А. Специфика и механизм реализации государственной молодежной политики в регионах России [Текст] / И. А. Мордвинцев: автореф. дис... канд. экон. наук. – Волгоград, 2011. – 32 с.
- Никулина, С. И. Политическая культура молодежи Российской Федерации и ее развитие в условиях реформ [Текст] / С. И. Никулина: дис... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2009.
- Павловский, В. В. Социология молодежи и ювенологии [Текст] / В. В. Павловский // СОЦИС (Социологические исследования). – 1999. – № 5.
- Паньшин, В. Е. Политико-правовые аспекты реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации [Текст] / В. Е. Паньшин: автореф. дис... канд. полит. наук. – Уфа, 2011.
- Перечень поручений Президента РФ Правительству РФ по итогам заседания Комиссии при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 31 августа 2011 г., 19 сентября 2011 г. / Заседание комиссии по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике 31 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/news/12515>.
- Послание Президента России Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 г.
- Путин, В. В. Выступление на встрече со студентами высших образовательных учреждений Томска 25 января 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://premier.gov.ru/visits/ru/17867/events/17866/>.
- Путин, В. В. Выступление на заседании организационного комитета по проведению в России Года молодежи 19 февраля, 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://premier.gov.ru/events/news/3431/>.
- Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации [Текст] // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. – 2003. – № 6.
- Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ (ред. от 06.10.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [Текст].
- Фурсов, О. Б. Молодежный парламентаризм в современной России (социологический анализ) [Текст] / О. Б. Фурсов: дис. ... канд. социол. наук. – Самара, 2006.
- Savage, M. Bercow breaks convention to attack BNP [Text] / M. Savage // Independent. – 2009, (31 October).
- Segbers Klaus Institutional Change in Russia [Text] // Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 2: Pathways from the past to the global / Edited by Klaus Segbers. – Ashgate: Aldershot; Burlington, Singapore and Sydney, 2001.
- Thurrow Lester, C. The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World [Text] / C. Lester Thurrow. – USA Inc: Penguin Books, 1997.

УДК 2-67(61)

РЕЛИГИЯ И АРАБСКАЯ ВЕСНА

В. В. Желтов, М. В. Желтов

RELIGION AND ARAB SPRING

V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

В статье на примере Египта освещается роль ислама в жизни арабских стран. Показаны последствия революционного взрыва в начале 2011 г. в Египте для судеб египтян и, в частности, коптов, исповедующих христианство.

This article focuses on the role of Islam in the life of arabic countries. The consequences of revolutionary explosion of early 2011 for the fates of Egyptians, and specially for Copts who which confess Christianity in Egypt are shown.

Ключевые слова: ислам, исламизм, протестное движение, революция, демократия, арабская весна права человека, шариат.

Keywords: Islam, Islamism, protest movement, revolution, democracy, Arab spring, human rights, Sheriyat.

Термин «исламизм» появился, к примеру, во французском языке в XVIII в. Этот термин Вольтер [1] использовал для обозначения территориального распространения магометанства [2]. И вплоть до конца Первой мировой войны этот термин не получал широкого использования. Однако в 1920-х – 1930-х гг. в научный и политический оборот вошел термин «ислам» [3], что, к слову сказать, сопровождалось увеличением масштабов научных исследований по вопросам исламизма в Европе.

В 1970-е гг. этот термин вновь привлек к себе внимание научной общественности. С его помощью определялись теперь новые течения в арабском мире, которые, как известно, были теснейшим образом связаны с исламом как вероучением. Теперь данным термином определялось политическое течение внутри исламского мира, нацеленное на создание исламских государств, приведение официального права в соответствие с шариатом и соблюдение мусульманским и немусульманским населением ценностей и законов пророка Мухаммада и первых четырех халифов. Исламизм, таким образом, превратился в идеологию, основанную на религии (ислама – исламский фундаментализм) и претендующую на ее единственно правильное толкование.

В наши дни исламизм определяется как идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате [4].

Выход исламизма на авансцену мировой политики поставил перед научной общественностью и практиками политики ряд трудноразрешимых вопросов.

Первый из них связан с тем, что ислам в контексте, о котором идет речь, не имеет своих языковых эквивалентов в восточных языках. То, что в европейских языках обозначается как «изм» [5] не существует на Ближнем и Среднем Востоке. Исключением является Израиль. Здесь такой проблемы с

позиции языка нет. Иврит впитал в себя европейскую версию, связанную с тем, что мы назвали «изм».

Если говорить об арабских странах, то здесь исламизм необходимо рассматривать как некое тождество исламу. Это, казалось бы, небольшое различие, о котором мы ведем речь, нередко становится источником непонимания между мусульманским миром и Западом. И получается так, что если, например, французский политик призывает к *борьбе против проявлений исламизма* в парижских пригородах, то это не является отождествлением исламизма с экстремизмом. Это будет призыв к противодействию наступлению религиозного интегризма [6] внутри мусульманского сообщества во Франции. Однако в арабских средствах массовой информации термин «исламизм», используемый в контексте борьбы с ним, будет восприниматься как ислам, и речь пойдет, значит, о борьбе с исламом.

Вторая трудность заключена в ориентальном, т. е. восточном, характере концепта «исламизм». Действительно, использование термина «исламизм» для обозначения политического, воинственного движения, превращающего шариат в источник права, предполагает то, что мусульманская религия – ислам – рассматривается как явление неполитическое, невоинственное и не требующее введения шариата. В реальности же, как отмечают специалисты из числа арабистов, исламизм является ничем иным как возвратом к истокам. Более того, речь в данном случае может идти о дальнейшем совершенствовании ислама и возврате к сути изначальных текстов. Исламизм, строго говоря, это ислам. А исламизм является мусульманином, который строго соблюдает требования веры.

И говоря об европейском толковании исламизма, правильнее будет говорить о «радикальном исламе», «интегристском исламе», «фанатичном исламе», «фундаменталистском исламе». Иногда говорят о «максималистском исламе» или «интегральном исламе», в отличие от ислама «минималистского» или «частичного» [7, 77 – 78].

Исламский фундаментализм не совместим с демократией

Опасность, которую представляет собой исламский фундаментализм [8], заключена в его несовместимости с политическим модерном. Или, говоря иначе, – с демократической системой.

Исламский фундаментализм представляет собой эксклюзивную идеологию. Отказываясь от концепции модерна в лице гражданственности, исламский фундаментализм отказывается и от гипотезы гражданского участия мусульман в жизни общества. Его конституция – *шариат* [9] – является неизменной, т. к. в представлениях мусульман являет собой Божественное право. Программа исламизма не может подвергаться критике, т. к. она связана с Создателем мира. Будучи абсолютистским по своей природе, шариат не признает, как нами уже отмечалось, неверующих и немусульман.

В современном демократическом государстве политика является уделом избранных, а не представителей клира. Скажем больше – в демократическом обществе любая идея, программа или цель могут быть поставлены под вопрос решением электората. При демократии, как известно, все граждане свободны и равны между собой вне зависимости от их вероисповедания, пола, сексуальной ориентации или изначальных социальных условий. Индивид, совершивший преступление, каким бы тяжелым оно не являлось, имеет право на судебное разбирательство.

Наказания, предусмотренные законами шариата и основанные на тексте Корана, включают в себя:

- 80 ударов плетью за недоказанное обвинение другого в прелюбодеянии;
- 100 ударов плетью за прелюбодеяние для женщины или мужчины (при обязательном присутствии верующих свидетелей);
- возмездие за преднамеренное причинение инвалидности или увечий в равной мере (по принципу «око за око») (но жертва или семья инвалида имеют право отказаться от своего права);
- вира – денежное возмещение за непредумышленное убийство.

Кроме этого, на Хадисах [10] основываются следующие наказания:

- Отсечение руки за воровство.
- Побивание камнями за прелюбодеяние для замужней женщины или женатого мужчины.
- 80 ударов плетью за употребление опьяняющих и одурманивающих веществ.
- Смертная казнь за вероотступничество [11].

Обращает на себя внимание тот факт, что исламский фундаментализм имеет транснациональный характер, что, по мнению некоторых специалистов, ставит под сомнение лояльность исламистов по отношению к своей собственной стране. Речь в данном случае идет о том, что *верность мусульманина религиозному сообществу имеет большее значение, чем верность национальному сообществу*.

Так, в Хартии ливанского движения Хезболла [12], принятой 16 февраля 1988 г., утверждается следующее: «Мы являемся детьми нации Хезболла, которой Аллах позволил победить в Иране, где она заложила эмбрион центрального исламского государства в мире. Мы верны приказам мудрого, справедливого и единственного авторитета высшего лидера исламской революции в Иране (*veloyat-efaqih*), который воплощает подлинный имам и высший аятолла Рухолла Хомейни... Наша борьба является также первичной религиозной обязанностью, которая должна быть осуществлена в рамках общего политического видения под руководством *veloyat-efaqih*» [7, с. 129].

То же самое можно сказать о движении Братья-мусульмане [13] в Египте, нынешний лидер которых Мохаммед Махди Акеф объединил вокруг себя немало светски ориентированных египтян. Именно ему принадлежит высказывание, согласно которому мусульманин из Бангладеш ему ближе, чем христианин Египта.

В своей сути данное движение опирается на основные идеи исламского фундаментализма: первенство мусульманской солидарности перед лицом всех иных ее видов (национальная, лингвистическая, профессиональная).

Совсем иначе обстоит дело в странах, где утвердилась демократия. Как известно, в современном демократическом государстве первенствуют интересы гражданина как избирателя: политик избирается гражданами; он отчитывается перед своим избирателем и работает на пользу национального сообщества, к которому он принадлежит.

Несмотря на дипломатический шантаж, который осуществляли авторитарные арабские режимы, бравируя исламской угрозой, такая линия поведения не имеет будущего, т. к. не имеет реалистичного и логичного, а также внутренне объединенного проекта. Исламисты делают немало эмоциональных заявлений, но выдвигают немного общественно значимых идей. Но и они рождены во «тьме» диктатуры мусульманами, объединенными вокруг мечетей, которые, в своем большинстве, подчинены аппарату безопасности страны.

Нужно сказать, что, отрицая право на жизнь демократической оппозиции, арабские авторитарные режимы сами содействовали возникновению радикального ислама. Показательно, что эта ветвь ислама, по сути дела, не участвовала в революционных событиях, потрясающих арабские режимы в последнее время. И сторонники радикального ислама не могут претендовать на роль победителей революции [7, с. 80 – 81].

Исламисты представляют собой меньшинство в арабском протестном движении

Если арабские авторитарные режимы спекулировали на «сионистской угрозе» для того, чтобы заставить замолчать оппозицию, то одновременно они использовали все то, что связано с угрозой ислам-

ского фундаментализма в качестве своеобразного оружия для определенного (выгодного для себя!) воздействия на страны Запада. Как утверждают специалисты из числа арабистов, опасение прихода к власти исламистов в арабских странах, если даже оно давало о себе знать, осознанно преувеличивалось.

Обратимся к событиям в Египте, в которых исламистский сценарий активно использовался в первые недели восстания, сыгравшего в конечном счете решающую роль в отстранении Х. Мубарака от власти.

Египетский исламизм, лежавший в основе политики этой страны в последние десятилетия, был во многом созданием властей. С помощью спекуляций на опасностях, якобы исходивших от исламизма, оправдывались как получение помощи со стороны западных фондов, так и полицейская сущность египетского режима, для которого было характерно систематическое нарушение прав человека.

Действительно, если Братья-мусульмане на парламентских выборах 2005 г. получили 18 % мест, то аналитики задаются вопросом: как получилось так, что остальные 82 % мест были получены другими формированиями? Не лишне будет заметить то, что в выборах приняли участие менее 20 % граждан. Учтем, что ряд оппозиционных партий не были признаны властями, а некоторые партии бойкотировали выборы.

Братья-мусульмане составляли меньшинство оппозиции, восставшей против режима Х. Мубарака, и они были в стороне от революции, особенно в ее первые дни. Напротив, некоторые из их представителей выступили с осуждением бунта и утверждали, что неподчинение власти не отвечает требованиям шариата. Такой была официальная позиция Аль-Азхара [14], главной мечети Каира и главного религиозного авторитета суннитского ислама в мире. Такая позиция указанного религиозного авторитета определялась тем, что для него был неприемлем лозунг египетского восстания: «Тунис – это решение», тогда как Братья-мусульмане провозглашали лозунг «Ислам является решением».

Сообщество коптов, исповедующее христианство, было склонно к поддержке протеста: публичная месса была организована в ходе самой манифестации, в то время как мусульмане молились в пятницу и никакого антихристианского акта не было.

Широко были представлены в акциях протеста женщины. Многие из них принимали участие в революции, и их лица не были закрыты сеткой [15]. Множество женщин ночами находились на площади Тахрир, несмотря на угрозы, исходившие от их семей. Обращает на себя внимание тот факт, что во время протеста не было случаев сексуального насилия по отношению к женщинам, хотя прежде в подобных ситуациях это случалось нередко.

Оппозиционные партии постепенно интегрировались в бунтующие массы. Речь идет о националистической либеральной партии Вафд (Wafd) [16],

созданной в 1918 г. и являвшей собой большинство в 1952 г.; партиях Аль Нур [17], Египетский блок [18], Арабский социалистический союз [19], Демократическая народная партия, выступающая с позиций либеральной демократии, и движение Братья-мусульмане.

18 мая 2011 г. в Египте была организована партия «Свобода и справедливость» [20] по примеру Партии справедливости и развития [21] в Турции. Это новое египетское формирование назначило христиан и женщин на важные посты и предстала в глазах значительной части населения как умеренная партия, что ее выгодно отличает от иных партий, погрязших во внутренних разборках.

Будущее религиозных меньшинств

Египет является той «взбунтовавшейся страной», в которой существует самое крупное религиозное меньшинство на Ближнем Востоке – копты. Не существует никакой официальной статистики о распределении сторонников этой конфессии по стране. Оценки неправительственных организаций (НПО), бывших близкими к прежнему правящему режиму, минимизировали численность этого религиозного меньшинства. Так, неофициальные данные от 1986 г. свидетельствовали о численности коптов в размере 3300000 христиан, в то время как религиозные деятели данной конфессии оценивали численность своей паствы в 8 млн человек. А в наши дни, по некоторым оценкам, копты насчитывают 12 млн, что составляет 15 % от общей численности населения Египта [22].

Данные цифры свидетельствуют о том, что копты являют собой самое многочисленное христианское сообщество на Среднем Востоке. Наибольшее число коптов проживает в Верхнем Египте в провинциях Эль-Минья, Асьют, Сохаг и Кена, где они составляют до 35 % численности населения.

Двуличие режима Мубарака

Кроме проявлений авторитаризма политического режима, установившегося в 1952 г., копты на протяжении более полувека имели проблемы в своих отношениях с исламистами. Приведем лишь некоторые факты. В сентябре 1978 г. убит коптский священник; в апреле 1979 г. подожжена церковь деви Марии; в апреле 1980 г. имели место стычки на религиозной основе в Асьюте и Александрии; год спустя, в июне 1981 г., в столичном районе Завия эль-Замра был осуществлен погром (35 убитых, 50 раненных), направленный против коптов; взрыв в каирской церкви Шубра в августе 1981 г. унес жизни 3 человек, 56 человек были ранены. Таков далеко не полный список антикоптских выступлений исламистов [23].

Нужно сказать, что подъем антикоптских настроений в обществе и наступательная политика интеграторов из числа исламистов в 1970-е гг., приведшие к погрому в пригороде Каира Завия эль-Замра, вызвали гнев патриарха Шенуда III [24], который

разоблачал излишнюю терпимость власти в отношении действий исламистов. Президент А. Садат принял тогда решение о помещении Шенуда III под домашний арест.

В середине 1980-х гг. Шенуд III занял более примиренческую позицию в отношении исламистов. По мнению Б. Мэй, ответственного лица в Комиссии по правам человека организации Эмнести интернейшнл, «копты остаются привилегированной мишенью для исламистского насилия и объектом дискриминации» [7, с. 85].

Под давлением преследований и ежедневного запугивания некоторые копты вынуждены принимать ислам, для того, чтобы спокойно жить или жениться на представительницах ислама, а также для того, чтобы сделать карьеру, получить жилище или учиться в университете.

Несмотря на то, что копты составляют, как мы уже отмечали, до 15 % населения страны, они очень незаметно представлены в публичной сфере. Их почти нет в высших эшелонах армии и судов. Нужно сказать, что в долине Нила немусульманин не может быть губернатором провинции или, например, деканом факультета в университете. В последнем парламенте, избранном еще при правлении Мубарака, из 500 депутатов было только 5 депутатов из числа коптов.

С проявлениями дискриминации копты сталкиваются с самого детства. Так, школьники из семей христиан обязаны изучать Коран и исламскую литературу в рамках изучения арабского языка даже в частных христианских школах, в то время как дети мусульман ничего не изучают из того, что связано с христианством. Министерство национального образования наложило запрет для школьных библиотек иметь в своих фондах неисламские религиозные книги. В то же время во всех христианских школах, даже в частных, должны быть молельные комнаты для учащихся из числа мусульман.

Опубликование или продажа христианских произведений строго регулируется местными властями, тогда как мусульманский прозелитизм [25] поддерживается и одобряется государством.

Дискриминация христиан получает выражение и в том, что в официальных средствах массовой информации они просто не представлены. Тогда как курсы исламской религии в СМИ широко представлены. Строительство и ремонт христианской церкви возможны были только по указу президента, тогда как подобных ограничений нет в отношении мечетей. В настоящее время одна церковь приходится на 10000 христиан.

Дискриминация как бы вступала в противоречие с риторикой режима, стремившегося всегда представлять в глазах общества как покровитель коптов. Дискриминация – результат пассивности государства в отношении перегибов со стороны исламистов. И действительно, если режим Мубарака решительно боролся с вооруженными группами исламистов, которые ему угрожали, то в отношении исламистов по

другим вопросам, в том числе и в отношении их действий по отношению к коптам, занимал явно смягченную позицию.

Так, в 1984 г. Братья мусульмане объединились с либералами из нео Вафд и получили 8 мест в парламенте. В 1987 г. они получили уже 24 места. Начиная с 1992 г., их представители были широко представлены в профсоюзах. Нуждаясь в поддержке исламистов в борьбе со светской, по сути, умеренной оппозицией, они выдвигали символические инициативы:

- в 1985 г. был запрещен алкоголь на рейсах национальных авиакомпаний;
- в том же, 1985 г., представители сообщества бахаи [26] были арестованы и осуждены на основе закона 1960 г., который запретил секты в Египте. Право на существование по этому закону имели только «легальные конфессии», о которых говорится в Коране – ислам, христианство и иудаизм;
- телевизионные программы прерывались пять раз в день для молитвы;
- закон обязывал школы (в том числе частные христианские школы) создавать места для отправления мусульманского культа;
- народное собрание аннулировало закон, принятый в конце 1970-х гг. по инициативе супруги А. Садата, разрешавший право развода для женщин, если супруг решил жениться вторично.

В провинции Асьют (Верхний Египет), где христиане составляют около 35 %, губернатор аннулировал лицензию на распространение алкоголя, а в университете разделил по половому признаку аудитории.

Нужно сказать, что долгие годы египетское правительство позволяло себе утверждать, что свобода вероисповедания и общественного мнения уважались в стране. И вопреки официальным утверждениям, военный трибунал, который подчинялся непосредственно главе государства, предпринял инициативу преследования писателя Алаа Халеда и осудил его на 8 лет тюрьмы за богохульство. И это противоречило положению о свободе вероисповедания и выражения мнения, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г., которая была подписана Египтом. Христиане были первыми жертвами исламизации египетского государства.

Религиозные деятели из мечети Аль-Азар открыто призывали к войне с теми, кто критикует шариат. Не позволительны никакие публикации, никакие фильмы или спектакли, в которых подвергался критике ислам. Исламисты подвергали анафеме свою оппозицию, особенно светскую, и это потом вызывало к жизни прямое нарушение гражданских прав. Например, атеист или отступник не имел права жениться, обладать благами или правом наследования.

Показателен пример профессора Наср Абу-Зеида, который написал сугубо научный трактат «Критика религиозного дискурса». Вряд ли могли проявить интерес к такой книге широкие круги ве-

рующих сограждан Абу-Зеида. Однако эту книгу заметили местные фанатики. После чего профессор попал под суд. Суд вынес невероятное для нашего времени решение: приговорил писателя к принудительному разводу с женой, поскольку мусульманской женщине не пристало состоять в браке с вероотступником.

Это дело завершилось в кассационном суде, который дал основания исламистам своим решением от 5 августа 1996 г., полагая, что вышеупомянутая пара должна выехать в Голландию, чтобы не быть убитой. А по шариату, отступник заслуживает только смерти. Пришлось бедному автору упомянутой книги бежать за границу (вместе с женой, которая, к счастью для него, не отреклась от мужа) [27].

В соответствии с этой нормой, которой нет в египетском уголовном кодексе, светский египетский писатель и общественный деятель Фараг Фода, активно выступавший против исламизации страны, был убит 7 июня 1992 г. одним из мусульманских интегралов. Братья мусульмане возложили ответственность за убийство на правительство и СМИ, обвиняя их в том, что они «предоставляют «свободу деятельности светским писателям». Убийца Фарага Фоды прямо заявил, что «прольется кровь всех, кто противодействует исламскому закону» [7, с. 89]. О ситуации в религиозных вопросах ярко свидетельствует тот факт, что 22 июня 1993 г. перед высшим судом Египта дали показания по данному делу религиозный авторитет Мохаммед аль Шазали и профессор университета Аль Азхар Ахмеда Мазруа. Оба они в своих показаниях оправдали убийцу.

Вопрос религиозных меньшинств в Египте носит политический характер. Он проявляется не прямо через авторитарную практику властей, содействующих возникновению экстремизма, или прямо – через посредство введения дискриминационных мер. А эти меры сами по себе являются результатом компромисса между государством и исламистами, через которых государство стремится укреплять свою легитимность в глазах населения. Специалисты говорят и о том, что власти стремятся как бы вернуться к тем временам, когда религиозность на древней египетской земле только появлялась. В этом направлении действовал, к примеру, Г. А. Насер, принявший в 1961 г. решение об усилении роли улемов (суннитских теологов), а также и Мубарак, принявший решение о «национализации мечетей».

Религиозные меньшинства и арабская весна

Первые призывы, прозвучавшие в социальных сетях с обращением об открытом выступлении против власти, вызвали однозначную реакцию египетской церкви. Церковь выступила в поддержку Мубарака и предупреждали верующих, требуя участия в манифестациях.

Такая позиция основывалась на опасении состояния нестабильности общества, в которой могли выиграть исламисты. Церковь тем самым продолжала проводить традиционную политику, основанную

на союзе с сильным (в лице государства) и поддержке режима, чего бы это ни стоило. Напомним, что в 1952 г. церковь также была на стороне короля Фарука [28], что потом получило выражение в соответствующей (негативной) позиции по отношению к церкви, которую заняли победившие путчисты.

Египетская христианская церковь обычно подчинялась большинству из числа коптов. Этого не было в этот раз. Молодые христиане с первых дней революционных событий были также многочисленны и активны, как и их мусульманские соотечественники. И многие из них потом были на площади Тахрир.

Многочисленные представители коптов принимали участие в акциях протеста. Это в полной мере относится к № 2 в списке неоллиберальной Вафд Мунир Фахри Абдель Нур, который стал министром туризма в переходном правительстве, созданном после отставки Мубарака. То же самое можно сказать о Жорже Исааке, бывшем главе движения Кифайа [29]. И только после отставки Мубарака церковь заявила по государственному телевидению: «Мы ошиблись, мы просим прощения у молодежи Революции» [7, с. 91].

В течение двух месяцев, прошедших после начала революции, условия жизни коптов изменились больше, чем за предшествующие 20 лет. Их представительство в правительстве и администрации возросло. Впервые копт был назначен губернатором одной из провинций. Не стало даже ограничений для избрания копта президентом Египта.

Ожидается, что закон, ограничивающий места для отправления немусульманского культа, в том числе и трудности в строительстве новых церквей, должен быть отменен. Готовится решение об уравнивании в правах церквей и мечетей.

Выборы Союза студентов Каирского университета привели к тому, что во главе его в апреле 2011 г. оказался светский человек из числа мусульман Мохаммед Абдалла, а его заместителем был выбран копт Дауд Фадель Дауд. Обращает на себя внимание тот факт, что кандидат из числа братьев-мусульман получил только 20 % голосов.

В ходе революции началось обсуждение будущего ст. 2 Конституции, в соответствии с которой ислам является государственной религией, а шариат – источником законодательства. Есть несколько подходов, которые лежат в основе обсуждения, по своей сути, необходимых изменений. Первый и самый простой подход заключается в отказе от шариата. Второй – вернуться к формуле 1971 г., провозглашавшей шариат одним из источников права. Третья – сохранить действие шариата, включив также положение о христианстве:

- шариат является основным источником законности для мусульман, а христианское право действует для коптов;
- право Египта руководствуется ценностями ислама и христианства, или что египетское право руководствуется ценностями монотеизма.

Не важно какое будет принято решение, любое из предполагаемых, по определению, лучше того, что существовало в Египте в последние десятилетия.

Даже если не будет сделано никаких изменений в праве, в любом случае важен факт того, что преодолено табу на обсуждение вопроса о роли шариата в Конституции. И это само по себе – является существенным прогрессом.

Наконец, нужно сказать и о том, что на первой фазе революции не было фактов антихристианского насилия в Египте. Правда, охрана мест отправления христианского культа была отменена, что, надо полагать, содействовало тому, что массово выраженное насилие в отношении коптов в последующем имело место.

О чем идет речь? После правления Х. Мубарака в Египте толпы мусульман ворвались в зоны проживания коптских христиан. Они убили сотни людей. Христианских женщин насильно отдали замуж за мусульман; монахи были подвергнуты пыткам, церкви и монастыри были разрушены и сожжены, копты подвергались травле на улицах и в школах. В 2011 г., начиная с марта, 100000 коптов бежали из страны [30].

Гонения на христиан и их последующая эмиграция продолжают также и в других регионах, таких, как Ирак, Ливан и Палестинская Автономия. Многие в отчаянии бежали, но многие не могут этого сделать в силу экономических и ряда других причин.

В противовес многократным оптимистическим оценкам президента США Б. Обамы о демократическом Ближнем Востоке, сила исламистов возрастает. Ислам же, как отмечают многие эксперты, во многом несовместим с демократическими ценностями, он антизападен и антиизраильский.

Нужно сказать и о том, что в органах государственной безопасности Египта было захвачено немало секретных документов, из которых следует, что сама служба безопасности была замешана во многих антихристианских инцидентах, что использовалось как основание для поддержания режима чрезвычайного положения в стране.

Следует подчеркнуть, что копты, как и другие религиозные меньшинства данного региона, продолжают испытывать дискриминацию по отношению своего положения, что и до революции. Но у них появились новые надежды, которые они, конечно же, будут стремиться реализовать в политической практике. А это означает, что арабская весна, в вопросах места и роли религии в обществе, будет продолжена.

Литература

1. Вольтер Франсуа-Мари Аруэ (1694 – 1778) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII в., поэт, историк, публицист, правозащитник.

2. Магометанство – устаревшее название мусульманства.

3. Слово «ислам» переводится как покорность», «подчинение» (законам Аллаха). В шариате термин «ислам» – это полное, абсолютное единобожие, подчинение Аллаху, его приказам и законам, отстранение от многобожия.

4. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/475941>.

5. Изм – словообразовательная единица (суффикс). При добавлении к существительному образует существительное мужского рода со значением идейного течения, направления мысли, характера действия и т. п.

6. Интегризм – течение, которое стремится поддерживать целостность (интегральность) веры, догмы и религиозных традиций и защитить их от модернистов, либералов, демократов. Сторонники интегризма выступают также против приспосабливания религии к современному, быстро меняющемуся миру. (<http://www.slovarnik.ru/html/i/integrizm.html>).

7. Cf. FeidMasri. Les révoltes arabes. Geopolitique et en jeux. – Levallois-Perret, 2011.

8. Исламский фундаментализм – течение, декларирующее необходимость возвращения мусульман к строгому соблюдению требований Корана и других священных для данной религии книг. Теория и практика исламского фундаментализма отличается разнообразием. Данное движение характерно как для суннитского, так и для шиитского направлений ислама. В отдельных государствах фундаменталистам удалось добиться принятия своей идеологии в качестве господствующей, в частности в Исламской Республике Иран. В ряде других фундаменталистские движения действуют в качестве оппозиции светским или традиционным государственным институтам. В качестве метода борьбы с которыми отдельными группировками фундаменталистов используются методы террора.

9. Шариат – (правильный) путь, образ действия. Представляет собой совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая значительную часть жизни мусульманина и провозглашающая в исламе как «вечное и неизменное» Божественное установление; одна из конфессиональных форм религиозного права. Шариат включает элементы конституционного, гражданского, уголовного, административного и процессуального права, а также моральные, этические и поведенческие (нормы вежливости) нормы без сколь-либо подробного разделения.

10. Хадис – предание о поступках и изречениях пророка Мухаммеда.

11. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%F0%E8%E0%F2>.

12. Хезболла («партия Аллаха») – военизированная ливанская шиитская организация и шиитская партия, выступающая за создание исламского государства в Ливане по образцу Ирана. Считается террористической организацией в Канаде, Нидерланд

дах, Израиле, США и Египте, а также частично в Австралии и Великобритании.

13. Братья-мусульмане – Международная религиозно-политическая ассоциация, основанная в марте 1928 г. учителем Хасаном аль-Банна. Эта ассоциация изначально создавалась как ненасильственная ассоциация. Ее идеология строилась на двух позициях: 1) возрождение ислама и 2) борьба против колониализма и западного влияния. Однако, спустя немногим более двух десятилетий, Братья-мусульмане стали центром политической оппозиции народному социализму, сторонником и проводником в жизнь которого стал президент Египта Насер. И не удивительно, что в 1957 г. данное движение было запрещено законом в Египте (Cf. Jelloun T. B. L'Éticelle. Révoltes dans les pays arabes. P., 2011.)

14. Аль-Азхар – историческая мечеть и университет в Каире, один из старейших в мире. Университет основан в 988 г. Фатимидами. Название получил в честь дочери пророка Фатимы Зухры. В 1961 г. университет реорганизован Насером, добавившем к нему ряд светских факультетов (медицины, сельского хозяйства и др.).

15. Волосная сетка – чачван, закрывающая лицо, является частью паранджи, которая представляет собой халат с длинными ложными рукавами.

16. Партия Вафд (дословно – партия представителей) – одна из партий Египта, придерживающаяся либерально-националистического направления. Воссоздана в 1983 г. после роспуска партии во время революции 1952 г. исторической партии Вафд. На выборах 2011 г. выступала с центристских позиций, предусматривающих либерализацию политического и финансового законодательства, реформирование сельского хозяйства, развитие государственного сектора в экономике, отстаивание арабского единства во внешней политике.

17. Аль Нур – одна из крупных политических партий Египта, придерживающаяся радикального исламистского направления. Возникла в 2011 г. как политическое крыло салафитских группировок. На выборах 2011 г. выступала с позиций, предусматривающих радикальную перестройку светского государства на основе внедрения принципов шариата в управлении, экономике и судопроизводстве.

18. Египетский блок – коалиция политических партий (Национальной прогрессивной, Египетской социал-демократической партии и партии Свободные египтяне), придерживающаяся левых и социал-демократических взглядов. Возник в 2011 г. с целью отстаивать светский характер государства в противовес позициям исламистов и салафитов.

19. Арабский социалистический союз – название массовых политических организаций (партий) в Египте (1963 – 1976), Сирии и Ливии. В соответствии с концепцией президента Насера в АСС входило все население страны. С введением многопартийно-

сти АСС был распущен в 1977 г. На его базе образовались Арабская социалистическая партия президента Садата (с 1978 г. – Национально-демократическая партия), Либерально-социалистическая партия (правая оппозиция) и Национально-прогрессивная (левая) партия (насеристы и марксисты)

20. Партия «Свобода и справедливость» была создана в 2011 г. как политическое крыло Братьев-мусульман. На выборах 2011 г. выступала с исламистской программой, предусматривающей демократизацию политического законодательства и консерватизм в социальной политике.

21. Партия справедливости и развития – правящая политическая партия в Турции. Позиционирует себя как умеренно консервативная партия, ориентированная на западные ценности, такие, как рыночная экономика и вступление в Евросоюз.

22. По другим данным, доля коптов в населении Египта составляет 8 – 10 % (Filiu J.-P. La Révolution arabe. Dix leçons sur le soulèvement démocratique. P., 2011. P. 38.).

23. <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-3357.html>

24. Шенуд III (наст. имя Назир Гайед Рафаэль) – глава коптской Православной церкви. В 1981 г. по указу президента Египта А. Садата был посажен под домашний арест. Освобожден в 1985 г.

25. Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру.

26. Вера Бахаи – одна из особых религий откровения (т. е. религий, у которых есть собственные Священные писания). Ее основатель – Бахауллы (1817 – 1892) почитается бахаи как последний из ряда «Богоявлений», который включает, помимо Бахауллы, Авраама, Моисея, Будду, Заратустру, Кришну, Иисуса Христа, Мухаммада, Баба и др. Вера Бахаи (араб. «Баха» – «Слава») зародилась в середине XIX в. и в настоящее время объединяет более 5 млн человек в 188 странах. Главные темы бахаи – единство Бога, единство религии и единство человечества.

27. http://4_friends.od.ua/-porto-fr/1998/45/17-130.htm

28. Фарук Первый (1920 – 1965) – король Египта в 1936 – 1952 гг. Свергнут в результате июльской революции 1952 г.

29. Кифайа (kifaya) на арабском языке означает: «Достаточно», «Стоп», «Хватит», «Так больше продолжаться не может», «Довольно», «Надоело». Лозунгами данного движения являются: «Хватит армии!», «Довольно авторитаризма!», «Хватит эксплуатации!», «Довольно nepoтизма!», «Хватит цензуры!», «Покончить с коррупцией!», «Прекратить пытки!». (Cf. Jelloun T. B. Op. cit. P. 67.)

30. Последствия арабской весны. Газета «Оазис». 30 ноября 2011 г. // http://oasis-magazine.com/2011/11/30/arabscaya_vesna.

УДК 353.2 (066)

**К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА****М. М. Кисляков****TO THE ISSUE OF OPTIMIZATION OF INTERREGIONAL
POLITICAL MARKETING TECHNOLOGIES****М. М. Kislyakov**

В статье автором рассматриваются пределы и возможности оптимизации межрегиональных технологий политического маркетинга. Дается определение понятия «межрегиональные технологии политического маркетинга». Автором выделяются две группы межрегиональных технологий политического маркетинга – это технологии, используемые в избирательном процессе и при проведении политико-административной реформы. По мнению автора, межрегиональные политические институты и структуры могут быть созданы как по горизонтали, так и по вертикали.

In the article the author considers limits and possibilities of optimization of interregional political marketing technologies. The definition of the concept «interregional political marketing technologies» is given. The author identifies two groups of interregional political marketing technologies – those used in electoral process and during political administrative reform. In author's opinion both horizontal and vertical interregional political institutions and structures can be created.

Ключевые слова: межрегиональные технологии политического маркетинга, группы этих технологий, межрегиональные политические институты и структуры.

Keywords: interregional political marketing technologies, groups of these technologies, interregional political institutions and structures.

В современной научной литературе нашли отражение вопросы использования политических технологий на федеральном уровне, в том числе и технологий политического маркетинга. К числу работ подобного рода можно отнести исследования М. Г. Анохина, В. С. Комаровского, Е. Г. Морозовой, Д. В. Нежданова, И. Л. Недяк. Использование политических технологий на региональном уровне рассматривается в работе А. А. Джабасова [2].

В исследовании М. Г. Анохина, В. С. Комаровского «Политика: возможности современных технологий» дается определение понятия «политические технологии» [1, с. 103 – 105]. Авторы различают понятия «политические технологии» и «технологии в политике». Понятие «технологии в политике» гораздо шире понятия «политические технологии», так как включают, кроме чисто политических, и другие технологии, напрямую не связанные с политикой.

В работе Е. Г. Морозовой «Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии» дается анализ политических технологий, используемых в избирательных кампаниях, а также при проведении политико-административной реформы в России [5].

В исследовании Д. В. Нежданова «Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра» выделяются несколько групп политических технологий, применяемых на выборах. По мнению автора, можно говорить об использовании имиджевых и телефонных технологий. Кроме того, на практике используются такие технологии, как подкуп избирателей, прямая корреляция электоральной базы. Особенностью работы Д. В. Нежданова является то, что автор анали-

зирует опыт использования как стандартных, так и нестандартных технологий. К ним он относит тоталитарные и «думающие» технологии, «похвала адресату», а также технологии «мягкого смысла» как элемент политической рекламы и антирекламы [6, с. 57].

Особенности использования технологий политического маркетинга в Кемеровской области затрагиваются в работах П. А. Колосова. Специфика применения технологий политического маркетинга в Башкортостане отражена в исследованиях М. А. Холодилина. Опыт Уральского округа по применению политических технологий освещается в трудах А. А. Джабасова.

Отдавая должное работе, проделанной российскими политологами, мы должны признать, что в научной литературе пока не появилось специального научного исследования, в котором бы анализировались вопросы использования межрегиональных технологий политического маркетинга.

Вместе с тем исследование проблем, связанных с использованием межрегиональных технологий политического маркетинга, позволяет расширить наши представления о политическом маркетинге и обобщить положительный опыт применения межрегиональных технологий в практике разнотипных регионов.

Регион – это крупная территория страны с более или менее однородными природными, экономическими, социально-политическими и культурными условиями. В качестве региона может выступать край, область. Регион характеризуют как количественные, так и качественные показатели. К количественным показателям можно отнести состав населе-

ния, уровень его образования, культуры. Содержание используемых политических технологий, в том числе и технологий политического маркетинга, можно отнести к качественным показателям развития регионов. Население региона может быть объектом воздействия технологий как социального, так и политического маркетинга. Следует заметить, если технологии политического маркетинга направлены на решение социальных проблем, то технологии политического маркетинга направлены на решение проблем в политической сфере.

В данной статье автор ставит перед собой цель: остановиться на анализе межрегиональных технологий политического маркетинга. Какими же могут быть межрегиональные связи и как могут воздействовать технологии политического маркетинга на развитие политического процесса на уровне отношений между регионами? На это и постараемся обратить внимание.

Межрегиональные связи могут получить развитие между краями и областями, между городами и сельскими поселениями, т. е. это горизонтальные связи.

Но прежде чем непосредственно обратиться к анализу вопросов использования межрегиональных технологий политического маркетинга, необходимо дать определение этого понятия. Под межрегиональными технологиями политического маркетинга мы понимаем совокупность приемов, методов, процедур, используемых органами власти ряда регионов в конкурентной среде при подготовке и проведении избирательных кампаний, а также при проведении политико-административной реформы.

На сегодня использование межрегиональных технологий политического маркетинга возможно в двух сферах: в избирательном процессе и при проведении политико-административной реформы, что и позволяет выделить две основные группы межрегиональных технологий политического маркетинга.

В рамках избирательного процесса на межрегиональном уровне можно выделить следующие основные виды технологий:

- в области формирования имиджа политиков, политических партий;
- в области изменения электорального поведения избирателей;
- в области формирования политической и правовой культуры;
- применяемые органами местного управления, в частности, через Интернет.

Последние выборы Президента Российской Федерации, проведенные 2 марта 2008 года, выборы в муниципальные органы власти в Сибирском федеральном округе, показывают, как и каким образом была проведена подготовительная работа и каковы результаты избирательных кампаний. Важный показатель работы организаторов избирательных кампаний – явка избирателей на избирательные участки. Данные статистики свидетельствуют, что наиболее высокой явка на выборах Президента страны в

2008 году оказалась в Кемеровской (82,17 %) и Омской областях (70,69 %). В целом по России явка избирателей составила 69,7 %. В других же областях Сибирского федерального округа явка избирателей оказалась ниже общероссийской: в Новосибирской она составила 58,5 %, в Иркутской – 58,11 %, в Алтайском крае – 58,08 %, в Томской области – 56,56 % [4, с. 1]. Аналогичная картина наблюдалась и на выборах депутатов Государственной думы 4 декабря 2011 года. Как известно явка избирателей в целом по стране составила более 60 %. Более высокой, чем в целом по стране, явка избирателей была в Кемеровской области, она составила 69,4 %. В Новосибирской области – 56,8 %, в Омской – 55,7 %, в Алтайском крае – 52,5 %, в Томской области – 50,5 % соответственно, т. е. ниже, чем в целом по стране.

О чем свидетельствуют приводимые цифры?

В тех регионах Сибирского федерального округа, где была проведена комплексная работа по подготовке выборов, с участием всех заинтересованных и ответственных за выборы органов, с привлечением общественности и ученых, результаты оказались положительными. В тех же регионах, где к организации выборов отнеслись менее ответственно, и результаты оказались менее оптимистическими.

На сегодня эффективной структурой можно считать межрегиональное Сибирское соглашение. В рамках этого Соглашения существуют структуры, которые достаточно эффективно решают проблемы развития экономики Сибирского федерального округа. На базе этих структур могут быть созданы и действовать межрегиональные политические институты, которые могли бы решать проблемы регионального политического управления, проблемы организации и проведения избирательных кампаний в рамках ряда областей.

Межрегиональные политические институты могут быть созданы как по горизонтали, так и по вертикали. По горизонтали это законодательные, исполнительные и судебные *межрегиональные* структуры. По вертикали это также *имеющиеся в регионах* представительные, исполнительные и судебные органы. Три ветви могут и должны взаимодействовать таким образом, чтобы каждый регион мог решать свои специфические проблемы, а в конечном итоге все власти работали бы на улучшение качества жизни населения регионов.

Примерные межрегиональные политические институты (начальная стадия) показаны на рисунке 1.

Разберем предлагаемые межрегиональные политические институты более подробно.

Как известно, в России на январь 2010 года было создано восемь федеральных округов. Одним из последних был создан Северокавказский федеральный округ. Полномочным представителем Президента Российской Федерации в этом округе был назначен Александр Хлопонин. В этих округах формируется межрегиональное «политическое поле». На этом поле сталкиваются интересы региональных элит, региональных отделений политиче-

ских партий. Задача представителей Президента РФ в федеральных округах состоит в том, чтобы выявить, сформулировать и обосновать интересы основных субъектов политической жизни региона, согласовать эти интересы и не допускать перерастания

противоречий в политические конфликты. С этой целью могут быть организованы и проведены встречи, рабочие совещания с представителями региональных элит, региональных отделений политических партий.

Рис. 7. Межрегиональные организационные структуры

Межрегиональные технологии политического маркетинга могут быть использованы, прежде всего, ответственными за подготовку и проведение избирательных кампаний. В связи с этим есть смысл создания межрегиональных организационных структур. Координатором подготовки и проведения выборов, а также политико-административной реформы на межрегиональном уровне может быть **Межрегиональный координационный совет**, созданный при полномочном представителе Президента РФ в Федеральном округе. Цель создания такого координационного совета – помощь органам власти в подготовке и успешном проведении избирательных кампаний.

Межрегиональный координационный совет, который может быть создан в составе аппарата полно-

мочного представителя Президента РФ по Сибирскому федеральному округу, мог бы корректировать и соотносить проведение политико-административной реформы в соседних территориях, обобщать опыт проведения политико-административной реформы.

В компетенцию такого Межрегионального совета входило бы:

- изучение опыта проведения политико-административной реформы в Сибирском регионе;
- разработка конкретных практических рекомендаций по совершенствованию работы органов местного управления.

В качестве технологий Межрегиональный совет мог бы использовать информационные, диагностические, аналитические технологии.

Межрегиональные независимые информационные агентства могут быть созданы для того, чтобы давать объективную информацию о подготовке и проведении избирательных кампаний.

Важным направлением в деятельности региональных органов власти, политических партий является организация и проведение политической рекламы. Политическая реклама, в отличие от коммерческой, имеет свои особенности. Она должна строиться на принципе полной достоверности, т. е. учитывать как сильные, так и слабые стороны предлагаемого политического товара.

В целях организации политической рекламы в сибирском регионе возможно создание *межрегионального телевизионного канала*, который мог бы использовать следующие технологии:

- привлечение внимания властей к проблемам региона;
- привлечение общественности к политическому участию и деятельности.

В ходе подготовки и проведения избирательных кампаний важная роль принадлежит региональным СМИ: телевидению, радио, газетам и журналам. Политикам и политическим партиям необходимо привлечь внимание СМИ через:

- выступления перед избирателями;
- участие в благотворительных акциях;
- проведение пресс-конференций;
- церемонии открытия;
- спортивные мероприятия;
- тематические мероприятия;
- встречи с редакторами телевизионных программ и газет.

При этом возможно использование таких технологий, как:

- проведение телемостов;
- проведение теле- и радиодискуссий.

Для того чтобы успешно проводить политическую рекламу в регионе, видимо, есть смысл создания *межрегионального банка данных о СМИ*, который учитывал бы следующие аспекты:

- перечень газет, распространяемых в регионах;
- перечень еженедельных изданий;
- радиостанции в регионах;
- телевизионные каналы;
- кабельное телевидение;
- издаваемые общественно-политические журналы;
- список редакторов газет, телепрограмм, их адреса, телефоны.

Новым направлением в политической рекламе стал Интернет, с помощью которого возможны подготовка, проведение и выпуск:

- сетевых газет;
- электронных фильмов;
- Интернет-пресс-конференций;
- интерактивных опросов;

– объявлений о проведении различных общественно-политических мероприятий; предвыборных программ.

При этом, как замечает в одной из своих статей В. В. Малюк, «...глобальная компьютерная сеть пришла в Россию в начале 90-х годов. Первые Интернет-серверы были созданы в Башкортостане, Челябинской, Оренбургской и Тюменской областях». По мнению исследователя, лучший сервер в России функционирует сегодня в правительстве Свердловской области. В нем содержится большое количество материалов, посвященных проблемам Свердловской области и способам их решения. Но особо в сервере выделяется раздел «Экспортная карта Свердловской области». В нем представлена информация для потенциальных инвесторов и людей, ищущих новые деловые контакты, а ведь Свердловская область – одна из развитых областей России. Как отмечает В. В. Малюк, в России сегодня уделяется должное внимание сети Интернет и ее использованию в политической практике [3, с. 105].

Политическая реклама может проводиться с помощью мобильной связи:

- рассылка SMS-сообщений;
- работа с голосовой связью;
- составление базы данных по региону о составе активного электората.

Межрегиональные общественные наблюдательные советы за ходом выборов в федеральные органы власти, в частности, в Государственную думу РФ, выборов Президента РФ обеспечат соблюдение российского законодательства о выборах в государственные исполнительные органы и законотворческие. Общественные наблюдательные советы могут быть созданы на базе, например, Ассоциации избирателей Кузбасса, образованной представителями Совета общественности Кузбасса, 18 января 2010 года, с целью осуществления общественного контроля за ходом избирательных кампаний как в период предвыборных приготовлений, так и дни проведения выборов, а также при подведении их итогов.

В целях повышения эффективности избирательных кампаний в регионах может быть создан **Межрегиональный центр диагностических и аналитических исследований**, который мог бы:

- выявлять структуру избирательных округов;
- давать оценку социально-политического и экономического положения в регионе;
- давать оценку социально-психологической атмосферы;
- выявлять и давать оценку наиболее важных проблем, потребностей, интересов избирателей;
- выделять характерные особенности региона и менталитета избирателей;
- определять рейтинг кандидатов и политических партий.

Диагностические и аналитические исследования могут проводиться с использованием компьютерных технологий.

Более сложные задачи перед властными структурами Сибирского региона стоят в сфере проведения реформы органов местного управления. Здесь положительный опыт накоплен в Кемеровской области, где были созданы и функционируют такие организационные структуры: **Совет муниципальных образований** (образован 5 апреля 2006 года) и **региональное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийский совет местного управления»** (образован 23 июня 2006 года). Каждая из этих организаций решает свои задачи, но главный итог их деятельности – оказание действенной помощи органам власти в проведении политико-административной реформы.

В других областях Сибирского региона тоже действуют подобного рода организации.

Политическая практика показывает, что необходим постоянный обмен опытом в деятельности консалтинговых фирм, действующих в отдельных регионах Сибири. В связи с этим возможно создание **межрегиональных центров по оказанию политических услуг** на базе, например, факультета политических наук и социологии при Кемеровском государственном университете.

Могут быть созданы и **межрегиональные комиссии из представителей региональных элит, региональных отделений политических партий** по выявлению возникающих проблем в ходе избирательных кампаний, совершенствованию форм и методов регионального политического управления. Главное в работе межрегиональных комиссий – выявление причин общих проблем регионов и определение путей их устранения.

Для успешного проведения муниципальной реформы в регионах должны быть созданы **межмуниципальные комиссии**. Такие комиссии должны установить взаимосвязь и взаимодействие всех тех, кто причастен к проведению муниципальной реформы в пределах, например, одного города.

Таким образом, можно констатировать, что деятельность региональных властей по использованию межрегиональных технологий политического

маркетинга будет успешной только в том случае, если им удастся объединить свои усилия:

– во-первых, в деле создания новых организационных структур, которые позволяли бы использовать межрегиональные технологии;

– во-вторых, в определении, какие именно технологии получают применение на практике и будут эффективно работать.

Литература

1. Анохин, М. Г. Политика: возможности современных технологий / М. Г. Анохин, В. С. Комаровский. – М., 1994. – 115 с.
2. Джабасов, А. А. Политические технологии в региональных избирательных кампаниях / А. А. Джабасов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2000. – 158 с.
3. Колосов, П. А. Политический маркетинг: региональный аспект / П. А. Колосов // Социально-политическое взаимодействие на территории: механизмы, трансформации, регулирование: материалы Республиканской научной конференции 9 – 11 декабря 1998 г. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999.
4. Холодилин, М. С. Проблемы становления политико-избирательного маркетинга в России: региональный аспект / М. С. Холодилин: автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Уфа, 2007. – 23 с.
5. Малюк, В. В. Использование возможностей сети Интернет в региональных органах власти / В. В. Малюк // Региональная экономика и региональная политика. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 5.
6. Медведев – наш президент [Текст] // Кузбасс. – 2008, 4 марта.
7. Морозова, Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии [Текст] / Е. Г. Морозова. – М.: РОСПЭН, 1999. – 252 с.
8. Нежданов, Д. В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра [Текст] / Д. В. Нежданов. – СПб.: Питер, 2004.

УДК 330.004.69(510)+323.113(=581)

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА КАК СУБЪЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В КНР

М. А. Сущенко

THE CHINESE DIASPORA AS THE SUBJECT OF MODERNIZATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

M. A. Sushchenko

В статье анализируется роль китайской диаспоры в модернизации КНР. Дается характеристика типологии китайских граждан, проживающих за пределами материкового Китая. Автор исследует роль прямых иностранных инвестиций (хуацяо) в экономику КНР и в формировании политической культуры современного Китая.

The role of the Chinese diaspora in modernization of the Peoples Republic of China is analyzed in the article. The typology of the Chinese citizens living outside continental China is characterized. The author investigates a the role of direct foreign investments (huaqiao) in the economy of the People's Republic of China and in the formation of political culture of modern China.

Ключевые слова: модернизация в КНР, китайская диаспора, инвестиции, политическая культура, гражданское общество, хуацяо.

Keywords: modernization in the Peoples Republic of China, the Chinese diaspora, investments, political culture, a civil society, huaqiao.

Китайская диаспора имеет давнюю историю и традиции, связывающие её с материковым Китаем. Традиционно причинами развития эмиграции в Китае являлось сочетание экономических, социальных и политических факторов. В Китае с начала новой эры до очередной смены династии в III в., возникла этническая общность с самоназванием чжунгожень – «человек Срединного царства». В X – XIII вв., после заселения Центральной равнины между долинами Хуанхэ и Янцзы, возникает различие «северян» (хань-ень, или «люди Хань») и «южан» («нань-жень»). Во времена правления маньчжурской династии Цин (1644 – 1911) термин «ханьжень» стал использоваться для обозначения этнических китайцев хань, отличающихся от господствующих северян. При этом в равной степени употребим термин чжунхуа (образованный из этнонимов чжунго и хуа-ся), впервые встречающийся в летописи «Цзиньшу» VII в. н. э. Данный этноним обозначал население центральных провинций китайского государства и отличал его от периферии. Начиная с V в. до н. э. распространение китайской цивилизации в пространственном измерении проходило как экспансия с севера на юг, из зоны умеренного климата бассейна Хуанхэ («пшеничный пояс») – в субтропическую зону бассейна Янцзы («рисовый пояс») и южнее, в «рисовые долины» ее притоков. В III в. н. э. первые китайские иммигранты появились во Вьетнаме, а в V в. торговые суда добрались до о. Явы. Отток ханьского населения из Поднебесной всегда связывался с внутривосточными кризисами. Во время династии Тан (618 – 906 гг.) были заселены прибрежные юго-восточные провинции Фуцзянь и Гуандун. В период правления династии Сун (960 – 1278 гг.) население этих провинций стало формировать миграционные потоки на Тайвань и в страны ЮВА. В 1074 г. китайские купцы начинают создавать компании для международной торговли. В X в. они обосновались на северном побережье Явы, а в XIII в. – на Суматре. В XIV в. стали основывать торговые фактории на Калимантане, Малакке, Молукках и Лусоне. В целом в среде китайской эмиграции можно выделить аграрную и коммерческую. Причём традиционно китайским общинам было свойственно особенное чувство землячества. Иммигранты из восточного Гуандуна, говорящие на диалекте юэ, самоопределялись как кэцзя (в местном произношении «хакка» или «семья гостей»). Переселенцы из южного Гуандуна и Гуанси назывались гуанфу, а из южной Фуцзяни, Фучжоу и с о. Хайнань – как фуцзяньцы. Следует отметить, что центральное правительство на материке всегда стремилось контролировать общины хуацяо. Династия Мин (1368 – 1644) ввела «морской запрет» на частные внешнеторговые

операции, что спровоцировало развитие криминальных форм деятельности, контрабандную торговлю и пиратство [3, с. 145 – 148].

Конфуцианство традиционно относилось негативно к иммиграции, если она приводила к уходу с земли, где остались могилы предков. Это обстоятельство обеспечило традиционно высокую связь хуацяо со своей родиной. А маньчжурская бюрократия открыто конфликтовала с диаспорой, так как она стала базой для формирования криминальных триад, которые находились в оппозиции к центральному правительству. Поэтому маньчжурская династия никогда не поддерживала хуацяо и не следовала их интересам. Это привело к сплочённости китайской диаспоры вне материкового Китая. Поэтому к моменту появления европейцев в ЮВА китайская диаспора была сплочена и готова к посредническим компрадорским функциям. С середины XIX в. Поднебесная империя входит в состояние тяжелого системного кризиса и быстро теряет способность к ведению самостоятельной политики. Маньчжурская администрация в Пекине фактически утрачивает контроль над положением дел в центральных и южных провинциях. Острейший экономический и политический кризис вызывает скачкообразный рост эмиграции. Впервые в своей истории китайская диаспора стала развиваться при доминировании не политических, а экономических факторов. Если ранее преобладала эмиграция разрозненных групп, опасавшихся репрессий при смене династии, то во второй половине XIX в. отмечается массовая эмиграция крестьян, ведомых кризисом безземелья. Наиболее привлекательной для европейских колонизаторов являлась задача эксплуатации ресурсов Китая. Особенно его колоссальных трудовых резервов. Естественно, для китайских крестьян были чрезвычайно привлекательны предложения работы за границей, которые им делали европейские агенты. Со второй половины XIX в. государство Цин вступает в системный масштабный кризис, что провоцирует рост эмиграции. Поражение в опиумных войнах 1840 – 1842 и 1856 – 1860 гг. усугубило развитие кризисных процессов ещё в большей степени. Китайская диаспора расселяется по всей территории Британской колониальной империи.

Многие эксперты говорят, что экономический взлет Китая и принятие страны в ВТО были в немалой степени обеспечены хуацяо, которые вкладывали огромные инвестиции в китайскую экономику и лоббировали интересы Китая в международном сообществе. Общая численность хуацяо на сегодняшний день составляет порядка 60 миллионов человек. Особенно многочисленны ареалы расселения наблюдаются в Юго-Восточной Азии, где гражданам

китайского происхождения принадлежит больше половины официально зарегистрированных компаний, и на западном побережье США.

Концепция «гармоничного общества», формулирование которого связывают с китайскими политиками четвертого поколения, и Ху Цзиньтао в частности, тесно связана с китайским миропониманием и национальной конфуцианской культурой. Китайская диаспора является одной из движущих сил модернизации и построения «гармоничного общества», являющимся составной частью понятия «гармоничный мир», связующим звеном между зарубежными странами и КНР.

По данным китайской статистики, около 600 тыс. научно-технических специалистов китайского происхождения работают вне КНР. В США их насчитывается 450 тыс. С 1978 г. за границу выехали 1,5 млн китайских студентов, из их числа к концу 2008 г. вернулись 300 тыс. чел. Количество возвращающихся студентов растёт, в 2004 г. было зарегистрировано 25 тыс. вернувшихся студентов, в 2006 г. – 42 тыс. (на 21,3 % больше, чем в 2005 г.), в 2007 г. – 44,5 тыс. чел., в 2008 г. их количество уже превышает 50 тыс. чел. [1, с. 86].

На наш взгляд, рост данной тенденции связан с мировым финансовым кризисом и является следствием политики руководства КНР, направленной на привлечение в страну квалифицированных специалистов.

Руководство КНР всегда стремилось расширить с помощью хуацяо связи с другими государствами для того, чтобы выполнить основную задачу нового периода и добиться главной цели – реализовать программу модернизаций.

Наиболее интенсивными направлениями эмиграционных потоков оказались в США, Японию, Канаду, Австралию, а в последние годы и в страны ЕС. В 2004 г. в 20 странах ОЭСР появилось 256,2 тыс. новых иммигрантов из Китая, в том числе в Японии – 90,3 тыс., в США – 51,2 тыс., в Канаде – 36,4 тыс., в Великобритании – 18,5 тыс., в Австралии – 13,6 тыс. Китайские специалисты, бизнесмены и рабочие отмечаются в Афганистане, Южной Африке, на Маврикии, в Израиле, Дубае и других странах, где ранее они замечены не были. Китайская диаспора расселилась в 150 странах [4, с. 9].

Важно разграничить понятия, обозначающие «зарубежных китайцев» и диаспору. Жителей Сян-гана, Аомэня и Тайваня называют официально «соотечественниками» (тунбао). «Хуацяо» – гражданин КНР, постоянно проживающий за границей. «Вай-цзи хуажэнь» – бывшие китайские граждане, проживающие за границей КНР и имеющие иностранное подданство. «Гуацяо» – реэмигранты или репатрианты, китайцы, вернувшиеся на родину для постоянного места жительства. «Цяоцзюань» – родственники «гуацяо» и «хуацяо» в КНР [5, с. 44].

За время модернизации процесс инвестирования хуацяо в Китай прошёл несколько этапов развития. Первый этап: 1978 – 1991 гг. В самом начале прове-

дения политики реформ инвестиции зарубежных китайцев в КНР поступали в средние и малые предприятия в небольшом объёме, так как экономика тогдашнего Китая находилась на невысоком уровне развития и характеризовалась несовершенством инвестиционного законодательства. В 1988 – 1991 гг. были приняты законы, значительно улучшавшие инвестиционную среду и обеспечивающие льготные условия для иностранных инвестиций. Улучшение инвестиционного климата привело с середины 1980-х гг. к появлению первой волны инвестиций хуацяо в КНР. В рамках второго этапа, 1992 – 1998 гг., были устранены разногласия в руководстве и взят курс на продолжение реформ, что привело к настоящему инвестиционному буму в 1991 – 1997 гг. На третьем этапе, 1999 – 2000 гг., прямые инвестиции зарубежных китайских бизнесменов из всех основных стран и регионов к 2000 г. возросли, благодаря масштабному росту инвестирования из свободных портов. Доля зарубежных китайских предпринимателей в общем объёме ПИИ в 1999 – 2000 гг. балансировала на уровне 53 – 54 %. В рамках четвертого этапа, 2001 – 2007 гг., несмотря на сложную международную обстановку после терактов 11 сентября 2001 г., Китай, благодаря эффективной политике привлечения иностранных инвестиций, сумел заинтересовать потенциальных инвесторов. Прямые инвестиции зарубежных китайцев на данном этапе – за 7 лет выросли на 98 % – с \$24,6 млрд в 2001 г. до \$48,8 млрд в 2007 г.; среднегодовой прирост составил 14 %. ПИИ выросли за тот же период на 60 % – с \$46,9 млрд в 2001 г. до \$74,8 млрд в 2007 г., а среднегодовой прирост составил 8,6 %. С 2008 г. начался пятый этап в развитии сотрудничества национальной экономики с капиталом зарубежных китайцев. После кризиса 2008 года низкотехнологичные компании с трудоемким характером производства постепенно вытесняются с рынка. Общей тенденцией для всех зарубежных китайских компаний в КНР становится ориентация на внутренний рынок и освоение сферы услуг [2, с. 30 – 36].

Стоит отметить, что с самого начала периода реформ КНР использовала тайваньский опыт по интеграции зарубежных китайцев в свое общество и процесс политических решений. Показателен также пример США, где среди этнических китайцев есть представители политического истеблишмента – мэры городов, конгрессмены, министры.

Часть из них являются сотрудниками администрации Барака Обамы, всего в США из числа высокопоставленных чиновников китайского происхождения можно выделить – министра энергетики Стивен Чу, министра торговли Гэри Лок, бывшего губернатора штата Вашингтон (1997 – 2005), секретаря администрации Белого дома Лу Пэйнин, главу отдела по связям с общественностью администрации президента США Чэн Юаньмэй, юридического советника министерства национальной безопасности Фан Фуюй [6, с. 29].

Уехавших за пределы КНР китайцев профессор Чжуан Готу, ведущий исследователь китайской диаспоры в мире, называет «квинтэссенцией китайской нации» [5, с. 49]. Целью нынешнего руководства КНР является способствовать как можно большему числу квалифицированных кадров. Подобные устремления китайского руководства развиваются на фоне институализации китайской диаспоры и возрастающего стремления китайских студентов получить образование в наиболее престижных вузах западного мира. Более того, всё больше студентов из числа квалифицированных специалистов стремятся занять управленческие и перспективные должности. Главным направлением экспансии китайской диаспоры выступают стратегически важные для КНР государства и регионы. В первую очередь, это Центральная и Юго-Восточная Азия, страны ЕС, Африка, Австралия, Северная и Южная Америка.

На наш взгляд, данный феномен можно связывать с усилением мощи КНР в мире, когда стратегически выгодным становится привлекать к управлению чиновников, имеющих контакты с Китаем. В свою очередь, обратная связь в этом явлении может проявляться в проникновении элементов западной политической культуры в КНР. Китайская диаспора – посредник между КНР и развитыми странами, её финансовый и политический потенциал, который способствует формированию нового политического облика КНР.

Модернизацию в Китае можно определить как инновационную политику с комплексом мер, проводимых государством, направленных на регулирование экономических отношений и использования новых технологий. Идеологической базой инновационной политике в Китае являются тезисы Дэн Сяопина. Акцент на развитие науки и технологии как важнейшей производительной силы. Достойное вознаграждение и поощрение работников интеллектуального труда, включая научно-технологических специалистов. Реформа системы управления наукой и технологиями, подобно реформе экономической структуры, которая направлена на либерализацию производительных сил. Последовательная реализация данных тезисов, подтверждаемая данными статистики, рассматривают инновационную политику как курс на либерализацию экономики в КНР и утверждает рыночные отношения.

Согласно списку, опубликованному компанией Hurun, в 2011 году, в Китае насчитывается 271 миллиардер. А в прошлом году – 189. Число людей, чье состояние превышает 1,57 млн долл., достигло 960 тыс. Оно увеличилось с прошлого года на 9,7 %. По данным экспертов «Независимой газеты», более половины самых богатых китайцев планируют уехать из страны. По их социологическим данным, большинство из 980 респондентов в 18 городах утверждают, что не уверены, сумеют ли сохранить собственность в Китае сегодня. Более трети из них перевели часть капиталов за границу. По мнению

эксперта «НГ», который опирается на китайские социологические исследования, состоятельные люди опасаются, что в КНР возможен масштабный экономический кризис. Примерно 46 % китайцев, чьи ликвидные активы превысили 10 млн юаней (1,57 млн долл.), намереваются уехать за границу и 14 % из них предприняли шаги в этом направлении. Около трети заявили, что инвестировали средства за рубежом. Это во многих случаях способствует новым волнам китайской иммиграции. Устранение проблемы «двойного гражданства» значительно уменьшало воздействие факторов, вызывающих напряженность в межгосударственных отношениях стран ЮВА с КНР, а также между зарубежными китайцами и коренным населением и способствовало упрочнению связей между хуацяо и КНР. Эта тенденция способствовала активному привлечению финансовых средств зарубежных китайцев и их родственников в КНР и за границей, выработке законов, которые охраняли бы их права и интересы, поиску более живого и многообразного общения с ними [7, с. 8].

Социальная база для потенциальных «хуацяо» тем временем расширяется. Недовольство и тревога охватывают не только деловую, но и политическую элиту. Немало предпринимателей в Китае озабочены судьбой своего бизнеса и своей личной безопасностью. Некоторые уезжают из страны за рубеж. Чаще всего это те, чье состояние заработано не вполне законным путем, а также усилился отток за границу просто зажиточных людей, студентов.

Тем не менее дальнейшее усиление влияния «хуацяо» в экономике КНР будет расширять их возможности участия в политическом руководстве страны. Если КНР опирается на представителей бизнес-элиты китайских эмигрантов с целью лоббирования своих интересов в ряде стран, то можно предположить, что в будущем «хуацяо», проживающие в странах с рыночной экономикой и демократической политической культурой, могут оказывать содействие и стимулировать демократические процессы внутри КНР.

На законодательном уровне была закреплена возможность участия хуацяо в органах государственной власти. Хотя конституция КНР 1982 г. изначально не предусматривала права зарубежных китайцев иметь своих депутатов во ВСНП, что вызывало напряженность в отношениях с рядом государств. Данный вопрос решался с каждой страной в отдельности путем переговоров и с оформлением соответствующих документов. Впервые эта политика была официально сформулирована в Законе «О гражданстве», принятом на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва 10 сентября 1980 г. В определении гражданства он исходил из сочетания «принципа крови» и «принципа почвы» и не признавал «двойного гражданства». Китайского гражданства лишались все, кто получил иностранное гражданство по рождению или по собственному желанию.

В настоящее время изменился характер китайской эмиграции. Если с середины XX в. он был спровоцирован преимущественно политическими причинами, то сегодня основной целью прибытия китайских мигрантов становится экономическая мотивация и образование. Это обстоятельство изменило облик китайского мигранта и способствует формированию благожелательного отношения к ним со стороны правительств ряда стран Запада. Занятие высоких квалифицированных должностей в правительствах ведущих стран Запада говорит о том, что ни о какой политической дискриминации в отношении хуацяо не может быть и речи. Не приходится говорить и об экономическом ущемлении китайцев, значительная часть из которых заняты в финансовых и административных органах.

На наш взгляд, особенная роль хуацяо в китайской модели модернизации отражена в её специфичных чертах, которые связаны с феноменом национальной культуры КНР.

Во-первых, большая плотность населения сформировала предпосылки для иммиграции значительных социальных слоёв. Ограниченность ресурсов, а также высокая конкуренция в различных секторах экономики в сочетании со свойственной китайской нации мобильностью, послужила фактором иммиграции. Более того, китайская иммиграция имеет большой исторический опыт, богатый на внутренние катаклизмы в Китае XX в., обусловил большой отток населения с материкового Китая в разные промежутки времени.

Во-вторых, высокая роль государства в структуре органичной авторитарной модели обусловила утилитарный контроль над иммиграционным оттоком населения. Посредством иммиграции государство и партия решают проблемы перенаселения, очагов социальной и национальной напряжённости в ряде регионов КНР.

В-третьих, особенная роль крестьянского населения, которое составляет до 800 млн чел., лишённого прав собственности на землю, многих гражданских прав. Такое положение крестьянского населения создаёт предпосылки для иммиграции.

В-четвертых, высокая роль в экономике КНР капитала государств ЮВА с преимущественно китайским населением (Тайвань, Сингапур) и большим китайским населением (Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Южная Корея).

Во многом эта роль сводится к прямым иностранным инвестициям в КНР со стороны хуацяо и хуажэнь, проживающих в этих государствах. Высокое значение имеет фактор присоединения Гонконга и Макао в китайской модернизации и экономическом росте. Китайская эмиграция обладает почти двухтысячелетним опытом.

Таким образом, усиление роли «заморских китайцев» в экономической структуре КНР будет раз-

виваться пропорционально экономической модернизации. Контакты хуацяо и хуажэнь с КНР традиционно очень тесные в силу национального тета, в перспективе будут развиваться по принципу обратной связи. Многие китайские студенты, получившие образование за рубежом, потом работают в национальных кампаниях и органах государственной власти, привносят черты западного менталитета в свою деятельность. Репатрианты из числа «хуацяо» и «хуажэнь» вносят свой вклад в развитие гражданского общества и в будущем смогут влиять на формирование политической культуры КНР. Доля прямых иностранных инвестиций хуацяо в национальную экономику КНР в последние годы имеет тенденцию устойчивого роста. Представители китайского этноса становятся частью политического истеблишмента ведущих развитых государств, тем самым улучшают коммуникацию между элитами Китая и стран Запада, являясь при этом важным субъектом модернизации КНР.

Литература

1. Афонасьева, А. В. Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР / А. В. Афонасьева // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5.
2. Афонасьева, А. В. Как зарубежные китайцы помогают КНР / Афонасьева // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8.
3. Богомолов, С. А. Китайская диаспора в Британской империи / С. А. Богомолов // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3.
4. Ларин, А. Китай: регулирование эмиграционного процесса / А. Ларин // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 7.
5. Сергеева, А. А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР (с начала периода «реформ и открытости» / А. А. Сергеева // Вестник Московского университета. – 2011. – Сер. 13. – № 1.
6. Сергеева, А. А. Поиски эффективного использования диаспоры / А. А. Сергеева // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8.
7. Скосырев, В. Китайские миллионеры хотят эмигрировать / В. Скосырев // Независимая газета. – 09.11.2011.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 151.8:612

ПРЕОДОЛЕНИЕ СИМПТОМОВ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО
СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С ПРИМЕНЕНИЕМ СРЕДСТВ АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ СТИМУЛЯЦИИ

Г. Г. Буторин, И. И. Щеглова

OVERCOMING OF POSTTRAUMATIC STRESS DISORDER SYMPTOMS IN THE POLICE STAFF
USING THE METHOD OF AUDIOVISUAL STIMULATION

G. G. Butorin, Ir. Iv. Scheglova

В процессе преодоления симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) большое внимание уделяется вопросам психорегуляции и оптимизации эмоциональных состояний. Эти задачи предполагается решать через использование аутогенной тренировки, методов прогрессивной релаксации и их модификаций, когнитивной перестройки, идеомоторной тренировки, визуализации. Светозвуковая стимуляция головного мозга при использовании прибора для аудиовизуальной коррекции «Вояджер» позволяет проводить комплексную медико-психологическую реабилитацию сотрудников, выполнявших служебные обязанности в условиях повышенных психоэмоциональных нагрузок.

In the process of overcoming the symptoms of PTSD great attention is given to issues of psychoregulation and optimization of emotional states. These tasks are expected to be resolved through the use of autogenous training, progressive relaxation techniques and their modifications, cognitive restructuring, ideomotor training, and visualization. Light and sound stimulation of the brain using audio-visual correction device "Voyager" allows to conduct a comprehensive medical and psychological rehabilitation of employees who performed duties in the conditions of increased psycho-emotional stress.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, аудиовизуальная стимуляция, прибор для аудиовизуальной коррекции «Вояджер», специальные вспышки и бинауральный звук.

Keywords: post traumatic stress disorder, audio-visual stimulation unit for audio-visual correction "Voyager", special flare and binaural sound.

Актуальность исследования. Проблема изучения, диагностики, а главное, коррекции негативных психологических последствий, возникающих в результате воздействия стрессогенных факторов, источниками которых являются военные действия, относится к числу наиболее актуальных. Участники вооруженных конфликтов нуждаются в особом внимании, т. к. наряду с физическими потерями не менее серьезными бывают и психологические, что приводит к различным расстройствам психической деятельности, полной или частичной потере боеспособности. Мировая статистика наглядно свидетельствует о растущей актуальности проблемы психологических потерь в процессе боевых операций. Так, 62 % опрошенных участников боевых действий в Чеченской Республике испытывали предельные психические нагрузки, 92 % – перед началом боевых действий испытывали напряженность различной тяжести, 80 % солдат, сержантов и 60 % офицеров перенесли стрессовые ситуации, которые затрудняли эффективность их действий. Данные современной психологической науки, психиатрии и психотерапевтической практики позволяют утверждать, что в психологической реабилитации нуждается более 13 тысяч военнослужащих, проходящих службу в МВД РФ, и около 26 тысяч бывших военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, 25 % из

них необходимы длительные реабилитационные мероприятия.

Многолетние исследования, руководимые Н. В. Тарабриной, показали, что «после воздействия боевого травматического психологического стресса участникам боевых действий приходится фактически заново воссоздавать в условиях мирной жизни структуру своего субъективного жизненного пространства, в том числе и структуру самоотношения, самооценки и смысложизненных ориентаций» [3].

Посттравматическое стрессовое расстройство – состояние, которое возникает в результате психотравмирующих ситуаций, выходящих за пределы обычного человеческого опыта и угрожающих физической целостности субъекта. В настоящее время в номенклатуру болезней введен диагноз: «посттравматическое стрессовое расстройство». В нашей стране этот диагноз ставится в соответствии с Международной классификацией болезней 10-го пересмотра (МКБ – 10), где ПТСР описано в рубрике F 44.88 [2].

Представленная работа является результатом многолетних исследований ПТСР-синдрома, который наблюдается у участников боевых действий в «горячих точках» и одного из возможных путей купирования неблагоприятных симптомов с помощью средств аудиовизуальной стимуляции.

Цель исследования: изучить эффективность воздействия аудиовизуальной стимуляции для коррекции негативных эмоциональных состояний.

Задачи исследования:

– проанализировать входное тестирование сотрудников, выполнявших служебные обязанности на территории Северо-Кавказского региона на наличие симптомов ПТСР;

– разработать программу и провести коррекцию эмоциональных состояний сотрудников, имеющих симптомы ПТСР с применением аудиовизуальной стимуляции;

– проанализировать итоговое тестирование сотрудников после проведения психокоррекционной работы с применением метода аудиовизуальной стимуляции.

Объект исследования: эмоциональные состояния, обусловленные симптомами ПТСР.

Предмет исследования: метод аудиовизуальной стимуляции посредством подачи бинаурального звучания и световых вспышек, позволяющих изменять частоту колебаний головного мозга в пределах работы здорового организма.

Методы исследования: тестирование по опроснику И. О. Котенева «Опросник травматического стресса» [5], тест цветовых выборов Люшера [4], проведение сеансов аудиовизуальной стимуляции с суггестиями с применением аппарата «Вояджер».

В исследовании принимали участие сотрудники органов внутренних дел, мужчины, находящиеся в служебных командировках на территории Северо-Кавказского региона (СКР), не страдающие органическим поражением головного мозга, какими-либо психическими расстройствами и не имеющие в анамнезе тяжелых ранений, физических травм или контузий. Средний возраст обследованных – $30,60 \pm 1,27$ лет, стаж службы в органах внутренних дел – преимущественно от 5 до 10 лет.

Всего в исследовании приняли участие 459 действующих сотрудников органов внутренних дел, выполнявших в период службы обязанности на территории СКР.

По результатам «Опросника травматического стресса» И. О. Котенева у 152 сотрудников были выявлены симптомы ПТСР, что составило 33,1 % от числа сотрудников, проходивших службу в зоне повышенных психоэмоциональных нагрузок. Превышения нормальных показателей по шкалам лжи (L), агровации (Ag) и диссимуляции (Di) не выявлено, что позволяет считать результаты диагностики достоверными. У 7 сотрудников (4,6 %) наблюдалось превышение по шкале «А». Данная шкала показывает, насколько у испытуемого выражено событие, которое явилось травмирующим, а также степень его отчётливости и присутствия в повседневной жизни. Также высокие показатели отмечались по шкале «С» (56 случаев, или 36,8 %). Повышение среднего показателя по рассматриваемой шкале свидетельствовало о нерезко выраженных признаках симптомов «избегания», снижение активности, настроения, вялости, недооценки собственных возможностей. Повышенная раздражительность, трудности с засыпа-

нием, немотивированная бдительность наблюдалась у 52 сотрудников (34,2 %), что подтверждалось высокими показателями по шкале «D». У 75 сотрудников (49,3 %) были диагностированы признаки дистресса и повышение по шкале «F». Данное состояние проявлялось отдельными затруднениями в социальной и профессиональной деятельности.

По результатам теста Люшера, предпочитаемые цвета у большинства сотрудников (84, или 55,2 %) с симптомами ПТСР являлись синий, желтый, коричневый; пренебрегаемыми оказались черный, фиолетовый, красный. Известно, что синий цвет означает потребность в гармонии с окружающими, желтый — ожидание перемен, коричневый — силы истощены [4]. По результатам цветовых выборов в проведенном исследовании вегетативный баланс на момент диагностики оказался распределен следующим образом: у 20,1 % вегетативный баланс равен 0,7; у 26,2 % вегетативный баланс равен 0,8; у 30 % вегетативный баланс равен 0,9; у 12,9 % вегетативный баланс равен 1,2 и у 11,1 % вегетативный баланс равен 1,0. Таким образом, трофотропный тип (меньше единицы) наблюдался у 116 сотрудников (76,3 %), что говорит об усталости и сниженной работоспособности.

Интересно отметить, что 64 % сотрудников, имеющих симптомы ПТСР, находились в командировке однократно; 30,8 % сотрудников были в командировке дважды; 2,6 % — три раза, и такое же количество сотрудников имеют пять и более командировок.

После проведения входного первичного тестирования сотрудников ОВД по методике И. О. Котенёва «Опросник травматического стресса» было выявлено две категории сотрудников: сотрудники с отдельными признаками ПТСР и сотрудники со сформировавшимся устойчивыми проявлениями ПТСР. Обе категории сотрудников принимали участие в специализированной программе психологической реабилитации.

Следующим этапом исследовательской работы было проведение коррекции эмоционального состояния. Коррекционная программа опиралась на использование метода аудиовизуальной стимуляции с применением аппарата «Вояджер» с позитивными суггестиями. Сотрудники, имеющие симптомы ПТСР (152 человека), были разделены на две группы. Количество сотрудников, проходивших сеансы психокоррекции, составило 82 человека, данные сотрудники вошли в экспериментальную группу. Остальные сотрудники – 50 человек, составили контрольную группу и не проходили сеансы аудиовизуальной стимуляции.

Пульсирующий звук и световые сигналы использовались на протяжении тысячелетий для получения того или иного эмоционального состояния почти во всех культурах.

В настоящее время наукой признано существование четырех основных видов колебаний в человеческом мозге, каждому из которых соответствует свой диапазон частот и состояние сознания, при котором он доминирует [1].

Бета-волны – самые быстрые. Их частота варьирует от 14 до более чем 100 колебаний в секунду (или герц). Это состояние, когда человек открытыми глазами наблюдает мир вокруг себя. Альфа-волны возникают при закрытых глазах, и человек может пассивно расслабляться, не думая ни о чем. Колебания в мозге при этом замедляются, и появляются "всплески" альфа-волн, т. е. колебаний в диапазоне от 8 до 13 герц. Тета-волны появляются, когда спокойное, умиротворенное бодрствование переходит в сонливость. Колебания в мозге становятся более медленными и ритмичными, в диапазоне от 4 до 8 герц. Это состояние называют еще "сумеречным", поскольку в нем человек находится между сном и бодрствованием. Считается, что тета-состояние открывает доступ к содержимому бессознательной части психики, свободным ассоциациям, неожиданным озарениям, творческим идеям. Это таинственное, неуловимое состояние, которое долгое время оставалось малоисследованным, поскольку трудно было зафиксировать его на продолжительный промежуток времени. Дельта-волны начинают доминировать, когда мы погружаемся в сон. Они еще медленнее, чем тета-волны, поскольку имеют частоту менее 4 колебаний в секунду. Стимуляция мозга в дельта-диапазоне позволяет избавиться от бессонницы, восстановить силы [1].

Одним из самых эффективных (наряду со световыми вспышками) способов организации электрических колебаний мозга (и связанных с ними психофизиологические состояний), одновременно обеспечивающих высокую синхронизацию обоих полушарий, является бинауральное звучание. При прослушивании звуков близкой частоты по разным каналам (правому и левому) человек ощущает бинауральные ритмы. Например, когда одно ухо слышит чистый тон с частотой 200 колебаний в секунду, а другое — чистый тон с частотой 204 колебания в секунду, полушария человеческого мозга начинают работать вместе, и в результате он "слышит" биения с частотой $204 - 200 = 4$ колебания в секунду, но это не реальный внешний звук, а так называемый "фантом". Он рождается в мозгу человека только при сложении электромагнитных волн, идущих от двух синхронно работающих полушарий мозга. Нейрофизиологи установили, что, накладывая бинауральные ритмы друг на друга в несколько "слоев", можно формировать ритмическую активность мозга в необходимом направлении, и таким образом вызывать у человека соответствующую картину ЭЭГ (т. е. картину биоэлектрических колебаний мозга), а вместе с ней и состояние сознания, которому свойственна эта картина.

По поводу изменений в сознании, производимых бинауральными ритмами, существует большое количество свидетельств и все возрастающее число научных экспериментов. Бинауральные ритмы в дельта-диапазонах (менее 4 гц) и тета-диапазонах (4 – 8 гц) свидетельствуют о состоянии расслабления, медитации и творчества и используются в качестве средства, помогающего уснуть. Бинауральные ритмы с частотой альфа-волн (8 – 13 гц) возбуждают

соответствующие волны в мозге, что соответствует состоянию спокойного бодрствования, а ритмы бета-диапазона (обычно 14 – 24 гц) свидетельствуют о повышенной сосредоточенности и бодрствовании, а также с улучшением памяти. То есть при совпадении по частоте с ритмами мозга, соответствующими определенному состоянию сознания, бинауральный ритм способен вызывать это состояние! [6]

Принцип работы аппарата «Вояджер» основан на установлении ритма электроэнцефальной активности головному мозгу по заданной программе. Сигналы поступают через очки и наушники, простейшая программа состоит из стартовой частоты, периода снижения частоты, основной частоты, в результате которых достигается состояние легкой и глубокой релаксации.

Светозвуковая стимуляция мозга как метод одобрена Минздравом РФ (Пр. № 4 от 26.11.97 УС МЗ РФ). Светозвуковая стимуляция безопасна для большинства людей (на сегодняшний день не обнаружено никаких побочных эффектов), но у некоторых может вызвать проблемы, поэтому необходимо учитывать противопоказания при его использовании.

С сотрудниками экспериментальной группы, в ходе практической части исследования, проводились сеансы аудиовизуальной стимуляции ежедневно в течение 7 дней. Всего было проведено 574 сеанса. Все сеансы сопровождались суггестиями. По запросу сотрудников, дополнительно проводилась работа с символом «Маяк» (повышение ресурсов внутренней энергии человека) с наложением внушения на тета-состояния. По окончании проведения коррекционной работы было проведено повторное тестирование по тем же самым методикам.

По результатам диагностики с помощью «Опросника травматического стресса» И. О. Котенева у сотрудников, проходивших сеансы психокоррекции методом аудиовизуальной стимуляции, было отмечено снижение остроты переживания травматического события и снижение показателя по шкале «А» до 47,4 Т балла. Кроме того, произошло снижение среднего показателя по шкале «С», он составил 54,7 Т балла.

Наиболее эффективным оказался метод аудиовизуальной стимуляции для коррекции повышенной раздражительности, бессонницы, немотивированной бдительности. Средний показатель по шкале «D» составил 48,3 Т балла. Снизилась повышенная возбудимость центральной нервной системы, а также мышечное напряжение, сотрудники получили возможность расслабиться и восстановить утраченные ресурсы организма. Также было отмечено снижение состояния тревожности, повышена уверенность в собственных силах.

Метод аудиовизуальной стимуляции оказал положительное влияние на уменьшение дистресса. У сотрудников появилась намеченная тенденция к снижению агрессивности и конструктивному взаимодействию.

По результатам теста цветовых выборов Люшера, предпочитаемые цвета в большинстве случаев

(84 %) – желтый, синий, зеленый а вегетативный баланс изменился следующим образом: в 25,1 % – 1,1; в 26,4 % – 1,2; в 15,5 % – 1,3; в 11,0 % – 1,4 и в 22,0 % вегетативный баланс оказался равен 0,9.

Таким образом, по эрготропному типу (больше единицы) вегетативный баланс наблюдался у 64 из 82 сотрудников экспериментальной группы, что составило 78 %. Полученные данные свидетельствуют об улучшении работоспособности.

У сотрудников контрольной группы изменений по основным шкалам «Опросника травматического стресса» И. О. Котенева не произошло. Пережитое сотрудниками травматическое событие не стало менее выраженным. Превышение по данной шкале наблюдалось у 3-х сотрудников (6 %). По шкале «В» превышения не выявлено. По шкале «С» средний показатель составил 69,8 Т балла. По шкале «Д» средний показатель составил 64,9 Т балла. Сохранились повышенная раздражительность, немотивированная бдительность. По шкале «F» средний показатель составил 67,4 Т балла.

Преобладающий вегетативный баланс по тесту Люшера по трофотропному типу наблюдался по результатам ретестирования у 35 сотрудников, что составило 70 %. «Рабочая группа» по распределению цветовых выборов осталась прежней – синий, коричневый, желтый.

Следует отметить, что на момент начала исследования никто из сотрудников контрольной группы не испытывал проблем со сном, в то время как по результатам ретестирования они появились у 3% сотрудников. Возможно, это связано с активацией следов травматического стресса в сознании сотрудников и стремлением психики переработать вновь появившееся напоминание о пережитом стрессе, а также отсутствием коррекционных мероприятий.

Заключение. По завершении исследования можно констатировать, что методика аудиовизуальной стимуляции оказала существенное положитель-

ное влияние на сотрудников ОВД с посттравматическим стрессовым расстройством. Благодаря психокоррекционной работе с применением аудиовизуальной стимуляции, удалось снизить показатели по ведущим следующим параметрам, указывающим на неблагоприятные признаки изменения психоэмоционального состояния. Таким образом, можно сказать, что метод аудиовизуальной стимуляции проявил себя как эффективное средство снижения уровня проявления посттравматического стрессового расстройства у сотрудников ОВД.

Литература

1. Бехтерева, Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека / Н. П. Бехтерева. – Л.: Медицина, 1974.
2. Международная классификация болезней (10 пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств / ВОЗ. Россия. – СПб., 1994.
3. Тарабрина, Н. В. Теоретико-эмпирические исследования посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 4.
4. Чуднова, А. Карточки Люшера – ключ к тайным пластам подсознания человека / А. Чуднова. – М.: АСТ, 2010.
5. Котенев И. О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие для практических психологов. МЦ при ГУК МВД России / И. О. Котенев. – М., 1997. – 40 с.
6. Патрушев, А. В. Методические рекомендации «Формы и методы оказания психологической помощи сотрудникам ОВД, получившим ранение при выполнении служебно-боевых задач» / А. В. Патрушев. – УрЮИ МВД России, 2009.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-114.2

ЭЛЕКТРОННЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ЖАНРЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

(на примере граффити и записей на электронной стене)

Т. В. Алтухова

ELECTRONIC AND HANDWRITTEN GENRES OF NATURAL WRITING: A COMPARATIVE ASPECT (an analysis of graffiti and electronic wall posts)

T. V. Altukhova

В статье анализируется соотношение реальных и электронных речевых жанров на примере сопоставления жанра граффити и жанра записи на электронной стене в социальной сети. Сравнение жанров идет по параметрам: «автор», «цель», «адресат», «знак», «социальная оценка». Исследование направлено на поиск глубинных причин отличия Интернет-жанров от реально письменных.

The article examines the relationship of "written" and electronic speech genres using the collation of the graffiti genre and the writing on the electronic wall genre of social network. The genres are compared by the parameters:

"author", "goal", "target", "symbol", "social evaluation". The study aims at finding the underlying causes of differences between Internet-genres and "written" genres.

Ключевые слова: естественная письменная речь, Интернет-жанр, компьютерная коммуникация.

Keywords: natural written speech, Internet genre, computer mediated communication

Цель нашей статьи – сравнение жанров граффити и записей на электронной стене (далее ЭС) в социальной сети «В Контакте». Под граффити мы подразумеваем текст, нанесенный на материальные предметы, не предназначенные для записи. Сопоставление бумажных (реальных) и виртуальных (электронных, цифровых) жанров, позволяющее выявить степень влияния технически опосредованной среды на возникновение новых жанров и на видоизменение традиционных «бумажных», определяется исследователями как одна из основных при изучении виртуальной коммуникации [7].

Сопоставление бумажного жанра и его виртуального аналога уже имеет место в современной лингвистике. Сравнивая блог и дневник, М. Кронгауз говорит о том, что блог представляет собой совершенно особенное явление, «не имеющее точного аналога в прошлом» [9]. Связано это с новым субстратом (носителем информации) и типом общения, которое дает Интернет-среда. Наше исследование, направленное на сравнение электронной стены и граффити продолжает эту мысль и позволяет сделать нам некоторые выводы относительно соотношения традиционных жанров естественной письменной речи на Интернет-жанры и о влиянии виртуальной среды на жанровое мышление.

Интернет-среда дает новые возможности реализации коммуникативных целей, конструирования и размещения текстов. Электронный канал общения, выделяемый многими исследователями как основной признак сети Интернет [5, 6, 17], позволяет насыщать текст гиперссылками, связывать один фрагмент сети с другими. Невозможность включения в процесс коммуникации паралингвистических средств приводит к креолизованности компьютерных текстов. Анонимность общения и возможность создания виртуальной личности, не соответствующей реальному коммуниканту, снижают ответственность за текст, приводя к неформальному (или, как считают некоторые исследователи, ненормативному общению [16]).

Оговорим основания квалификации записи на ЭС как разновидности естественного письменного жанра Интернет-общения, основываясь на исследованиях М. М. Бахтина, Н. Б. Лебедевой, К. Ф. Седова. Мы рассматриваем запись на ЭС как вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей внутри социальных сетей, характеризующееся комплексом жанрово-релевантных (жанрообразующих и частотных нежанрообразующих) признаков, в числе которых значимым оказывается параметр (фациент) «субстрат», соотносимый с таким, выделяемым в семиотике параметром, как канал связи.

На наш взгляд, существует определенная общность между рассматриваемыми жанрами, связанная

с тем, что жанр записи на ЭС, на наш взгляд, является электронной имитацией жанра граффити, воплощающей в себе ту же коммуникативную цель, что и последний.

Однако эти признаки оказываются наделенными разным качеством, что обусловлено различным субстратом, создающим свои законы существования записи на нем. Мы начнем с рассмотрения субстанциональных и общих жанворелевантных признаков ЭС и граффити, так как это позволит нам проследить глубинные различия, лежащие в основе специфики таких субстанциональных фациентов ЭС и граффити, как адресат, автор, целевой компонент, знак и субстрат.

Первый фациент, реализацию которого мы рассмотрим в жанре записи на ЭС – «автор». Автор в ЭС эксплицирован всегда, это связано с технической стороной общения: программное обеспечение сайта «В Контакте», отвечающее за работу ЭС как опции, автоматически подписывает автора «реплики» и размещает ссылку на его страницу. Соответственно автор оказывается не только «раскрыт», выявлен, но и находит, существует возможность обратной связи. Этим жанр ЭС резко отличается от граффити, где автор, как правило, аноним и оказывается не находит после оставления записи. Необходимо оговориться, что под эксплицированностью автора ЭС мы не имеем в виду соответствие фигуры автора (сетевой личности, оставившей запись) реальному человеку-пользователю социальной сети. Достаточно часто информация в профайле (странице с личными данными пользователя) не соответствует реальному человеку, его создавшему, что, на наш взгляд, не говорит об анонимности текстов, опубликованных в социальной сети. А. А. Селютин пишет, что в социальных сетях реализуется «естественная речевая маска», подразумевающая открытость пользователя и состоящая из достоверных данных коммуниканта (имя, фамилия, общеизвестный ник, реальная фотография) [12, с. 140]. Однако, по нашим наблюдениям, несмотря на то что администрация сайта «В Контакте» требует размещения на страницах пользователей достоверной информации, в данной социальной сети проявлены несколько типов сетевой личности: реальная «полноценная» личность с достаточно детальной информацией о пользователе (= «естественная речевая маска», по А. А. Селютину), реальная личность без детализации (автор указывает минимум информации о себе, например только имя и фамилию, без подробностей об образовании, работе, без фотографии и др.) и выдуманная личность (= образная речевая маска, по А. А. Селютину). Данные типы мы заимствуем из статьи К. В. Шапиро [15] и считаем необходимым добавить еще один тип – смешанная сетевая личность, сочетающая в себе действительную и ложную

информацию о пользователе (например, настоящая фотография, но вместо имени – ник). Возвращаясь к проблеме анонимности и эксплицированности автора, отметим, что запись, оставленную выдуманной личностью, мы не считаем анонимной, так как электронный субстрат делает возможным найти в пространстве социальной сети того, кто написал на ЭС и наличие каких-либо сведений создают определенный образ пишущего, создают личность автора. В данном случае мы разграничиваем анонимность как неопределенность и ненаходимость автора (признаки, ярко проявляющиеся в граффити) и непривязанность к реальному человеку, его паспортным или официальным данным. Однако последнее не предопределяет ненаходимость и неопределенность образа личности.

В связи с созданием виртуальной личности при общении в формате ЭС, коснемся различного проявления феномена виртуальности в жанре ЭС и граффити. Как отметил А. Г. Антипов, диалог между автором и адресатом граффити виртуален, так как образ собеседника формируется в соответствии с содержанием текста (так как иные данные, например сведения о поле, возрасте и положении человека отсутствуют), таким образом, виртуальная личность собеседника во многом интерпретативна (большой процент в ее понимании формируется интерпретацией текста и коммуникативной установкой собеседника) [1, с. 148]. Образ собеседника граффити, как правило, строится в контексте акта единичного общения, что кардинально отличает общение в жанрах граффити и ЭС. В социальной сети виртуальный и сетевой образ собеседника строится не только на основе написанного им в данной записи на ЭС, но и предоставляемых о себе данных, а также другого общения внутри социальной сети.

Кроме эксплицированности, проявление фациента «автор» в ЭС и в граффити различается еще по одному важному параметру. Физически автором граффити может стать любой (в данном случае не учитывается личное отношение человека к написанию на предмете как некультурному, недостойному и под.). В социальной сети же автором записи на ЭС может стать не каждый: нужно быть зарегистрированным пользователем данной сети, а иногда и состоять в списке друзей того, кому пользователь хочет написать. Таким образом, в социальной сети, по сравнению с граффити, параметр автора связан с категорией избранности, подразумевающей право доступа.

Обратимся теперь к типологии авторов, проявляющих себя в записях ЭС. Н. И. Тюкаева выделяет три образа автора по степени креолизованности: «скриптор», «креолист», «художник», исходя из творческой интенции автора [14, с. 85]. В отношении образа автора ЭС нам представляется возможным расширить классификацию, несколько изменив ее основание. В качестве признака, который ляжет в основу нашей классификации, мы выбрали функционально-семиотический способ выражения информации в сообщении. С одной стороны, это основание отражает особенности знаковой системы,

используемой автором, а с другой – целевой аспект текста, который и обуславливает особенности внешней формы.

Итак, в записях ЭС всех авторов мы разделяем на следующие типы.

– «Скрипторы» – авторы, использующие стену для написания на ней вербальных (текстовых) и неграфических сообщений. К речевым произведениям, составленным такими авторами относятся и тесты информативного плана (*Собираемся завтра в девять* = ^, ^ =), фатические (*как твое ничего? ;)))*) *ава супер!*) и др. Объединяет их использование только символов клавиатуры русской и английской языковых раскладок.

– «Художники». Авторы этого типа используют программу граффити или другого приложения для создания изображения, иногда изображения-надписи или создают рисунки из текстовых символов. Смысловый акцент записей такого автора смещен с содержания высказывания на его внешнюю, эстетическую форму. Данный тип авторов стремится к самореализации.

– «Посредники» – пользователи социальной сети, которые «бросают» на ЭС различные видео-, аудио- и графические файлы, то есть передают их, распространяют по сети, не извлекая из этого никакой выгоды и часто не комментируя оставленные записи.

– «Рекламисты» (спаммеры). На наш взгляд, эту группу авторов нельзя просто отнести к типу «пишущих», так как, во-первых, текст спама выстраивается по особым критериям, что позволяет ему «просачиваться» через фильтры и публиковаться на ЭС, и, во-вторых, спам является текстом массово распространяемым, в отличие от не-спама, который не рассчитан на многократное копирование для массовой рассылки. Кроме того, рекламный текст содержит различные символы, не несущие смысловой нагрузки (в отличие от смайлов в сообщениях авторов-скрипторов) и ссылки на страницы внутри социальной сети или Интернете вообще.

– «Флудеры» («флуд» – сообщения пользователей в Интернет-форумах и чатах, занимающие (во многих случаях) большие объёмы и не несущие какой-либо информации или очень малое количество полезной информации). Этот тип авторов, как правило, отправляет сообщения, не связанные с пользователем или темой группы, на ЭС которой оставлено сообщение. Иногда текст может носить принципиально бессмысленный характер. Например, набор цифр: 46 46 46 46 46,

Также флудом могут выступать смайлики, не являющиеся ответной реакцией на предыдущие реплики. Иногда это могут быть спонтанные надписи, не связанные с темой уже ведущей коммуникации, часто бранного характера, оставленные пользователями, не состоящими в группе или находящимися в списке друзей тех, на чьей ЭС они пишут. Целью таких надписей обычно выступает желание «просто написать», «отметиться», оставить свой след на «чужой территории» или хулиганство, когда флуд

или спам ведут с чужих, взломанных страниц, «чужими руками».

Разумеется, денотативно один и тот же пользователь может его функционально расщеплять на разные ролевые ипостаси, выступая в различных качествах, создавая различные записи: оставлять письменные сообщения и делиться файлами, ради развлечения – «бросить» забавные смайлики на чью-нибудь ЭС. Тип автора мы определяем, исходя из функциональной роли созданного им текста.

Электронный субстрат привел к расширению возможностей авторов в размещении информации (использование программ, публикация гиперссылок и медиа), что привело к возникновению типов авторов, которых не могло быть в граффити, таких, как рекламист и посредник.

Возвращаясь к классификации авторов граффити, составленной Н. И. Тюкаевой (а именно – разведению типов «креолист» и «пишущий»), считаем необходимым отметить, что специфика Интернет-общения (сложность в выражении эмоций и паралингвистических элементов см. в [5, 9, 16]) влияет на увеличение числа смайликов (эмотиконов). Это делает целесообразным объединение креолиста и пишущего в одну группу. Использование различных систем смайлов в Интернет-общении в меньшей степени, чем в граффити, актуализирует внешнюю, эстетическую сторону знака, смайлики служат для уточнения отношения автора к написанному и для завязывания беседы (тогда смайлик, появившийся до разговора, может быть приравнен к реальному жесту – улыбке, высовыванию языка, поклону, которые провоцируют дальнейшую коммуникацию).

Обратимся к рассмотрению фациента «цель» в ЭС. Основные коммуникативные цели, реализующиеся в текстах, по Т. Г. Винокур, – фатическая и информативная [4]. Для Интернет-коммуникации исследователи выделяют следующие основные коммуникативные цели: фатическую (контактоустанавливающую), являющуюся доминирующей, а также: волюнтаривно-персуазивную (убеждающую), когнитивную (приобретение знаний), тезаурусную (накопления и хранения знаний), культуuroбразующую (средство формирования новой глобальной информационной культуры и ее отдельных субкультур) и эстетическую [2, с. 30]; информационная, контактоустанавливающая, фатическая (развлекательная), цель повышения личного рейтинга (самореализации) [12, с. 138].

Граффити носит, как правило, фатическую, релаксирующую направленность [14, с. 115], информативных записей очень мало. Внутри фатической прослеживается установка на самовыражение, проявление себя в этом мире, доходящее до эгоцентризма [1, с. 148]. В записях на ЭС фатическая (релаксирующая и развлекательная) цель реализуется достаточно часто, но не так интенсивно, как в граффити, увеличивается информативная составляющая текстов ЭС. Такое изменение в соотношении фатики и информатики связано, на наш взгляд, с возможностями электронного субстрата. Нам представляется интересным рассмотреть особенности реализации

фатической и информативной целей в записях ЭС, учитывая виды целей, выделенные исследователями виртуального пространства.

Исходя из проанализированного материала и ответов, полученных в ходе опроса, мы выделили следующие типы целей записи на ЭС:

1. Информативная цель, которую можно подразделить на следующие виды.

1) Чисто информативную: использование возможности поделиться текстовой информацией: видео- и аудиофайлами, картинками, ссылками на различные страницы, часто это записи без комментариев к тем материалам, которыми делится коммуникант. Тестовые информативные записи ЭС встречаются чаще всего в микроблогах (модификация опции «Стена») групп и встреч. Пример: *репетиция сегодня в 6, у гаражей на старом месте*. Информативные записи ЭС, расположенных на персональных страницах пользователей и представлены, как правило, нетекстовые (аудио-, видеофайлы, картинки).

2) Рекламную: сообщения рекламного характера, спам, представляющий собой записи, информирующие о каких-либо товарах или услугах, но являющихся не чисто информативными, а скрыто-побудительными, манипулятивными (скрыто-императивная). Как правило, спам запрещен системой и старается мимикрировать под нерекламный текст путем вставления лишнего символов, таким образом сочетая в себе информативный, суггестивный и «защитный» слои. Например: *Хочешь стать Властелином Колец? Купи себе "Ауди"! – Хочешь стать Властелином в Контакте?? Закажи у нас Ра ск ру ТКу гр УПП ыыссВяжитесь I C Q 5бчетыречетыре2537четыре*.

2. Фатическая цель, реализуемая в нескольких направлениях:

1) контактоподдерживающая, обращенная к реальной личности. Проявляется в текстах, обращенных к неvirtуальной действительности: коммуникация завязывается при помощи вопросов и комментариев к ситуациям из реальной жизни (реала), поздравлений или пожеланий;

2) контактоподдерживающая, обращенная к сетевой личности (сетевая личность, «о существовании которой сообщество узнает по ее проявлениям на пространстве сети» [15]). Проявляется в текстах, обращенных к действительности социальной сети, где адресат текста и объект возможного обсуждения – виртуальная личность, созданная пользователем сети. К коммуникативным ситуациям, завязываемым с такой целью, относятся комментарии аватары (картинки – портрета, сопровождающего виртуальные высказывания) и статуса (записи, располагающейся под именем пользователя «В Контакте» в его анкете), записей в рубриках *интересы*, *любимые цитаты* или *о себе*. Сюда же относятся размещения приложений типа: «Узнай, кто твой герой», «Приюти питомца»;

3) цель самореализации. Проявляется в текстах, направленных на выражение собственной самобытности, индивидуальности. Это могут быть надписи-

картинки (созданные при помощи различных приложений и программы граффити), а также лирические миниатюры, стихи, «умные мысли», не имеющие конкретного отношения к реальной или виртуальной жизни адресата и публикуемые для того, чтобы получить оценку со стороны и / или завязать релаксирующую беседу (носящую отвлеченный характер). Пример (взято со стены пользователя «В Контакте»): *«Кот-бабочка.=) Представляешь, как мило смотрятся такие коты, когда сворачиваются клубочком на какой-нибудь огромной тигровой лилии..»* Сюда же можно отнести сообщения-флуд, не несущие какой-либо полезной (соответствующей теме – ситуации общения) информации, пишущиеся ради того, чтобы обратить на себя внимание, отметить.

Таким образом, мы отмечаем, что электронный субстрат рождает новые возможности реализации коммуникативных целей, которые модифицируются и трансформируются. Информативная и фатическая цели реализуются новыми способами, которых не было и не могло быть в жанрах, использующих материальный субстрат, например передача аудио- или видеофайлов, размещение приложений. Кроме того, электронный субстрат позволяет создавать виртуальную личность, отличную от реальной личности пользователя, и переписка на ЭС создает новые грани, уточняя и обогащая виртуальный образ, делая его особенности известными тем, кто имеет доступ к ЭС пользователя.

Обратимся к описанию фациента «адресат» текста ЭС и сравним с проявлением этого же параметра в граффити. Н. И. Тюкаева отмечает, что для граффити типичен неэксплицированный адресат [14, с. 104]. Граффити могут быть полиадресатны, то есть не иметь определенного адресата, относиться ко всем, кто видит запись, могут быть безадресатны (например, *хочу спать*). Сравнивая с ЭС, мы наблюдаем серьезное отличие от граффити: записи ЭС не могут быть безадресатны, так как расположены в пространстве, предназначенном для письма и чтения, более того, пространстве, характеризующемся принадлежностью кому-либо (пользователю, группе, встрече). Записи ЭС, как и большинство надписей граффити, полиадресатны (общение в формате «one to many» по терминологии Н. Г. Асмус), они рассчитаны на то, что прочитать их могут многие, а не только тот, на чьей «территории» расположена ЭС. В ходе опроса все респонденты отметили, что записи ЭС доступны многим, кроме того, были получены ответы, иллюстрирующие осознанное использование открытости стены для публичного просмотра

Вследствие особенностей электронного субстрата и интерфейса сайта «В Контакте» (весь сайт состоит из отдельных страниц, каждая из которых имеет собственного «владельца» – группу, встречу, пользователя), адресатов записи ЭС можно разделить на три основные группы. Существует основной адресат – владелец страницы или участники группы /встречи. Вторая и третья категории пользователей, по сути, не являются адресатами, так как сообщение

пишется не им, однако они могут выступать как читатели и комментаторы этих записей. Вторая категория – ближние (потенциальные) адресаты – пользователи из категории «Друзья» или «Друзья друзей» (в зависимости от закрытости страницы), то есть, те, кто просматривает страницу пользователя. И третья группа адресатов – дальняя, в которую входят те, кто является пользователем «В Контакте». Пользователь третьей группы является случайным адресатом (читателем), чье присутствие сложно предсказать и установить. Адресаты этой группы редки, так как сейчас большинство страниц имеют ограничения доступа.

Граффити также может иметь «первичного» адресата (например надпись на асфальте: *Маша, я тебя люблю!!* или ограниченную группу потенциальных читателей, например школьники как потенциальные читатели записей на партах). Однако создать четкую иерархию адресатов по признаку избранности для граффити представляется затруднительным, так как основная масса подобных записей не имеет ни первичного адресата, ни ограниченного круга вторичных читателей, о которых знает автор.

Таким образом, важный признак, объединяющий ЭС и граффити, это **открытость записи** большому количеству читателей (больше, чем один), причем количеству неопределенному. Прочитать запись на ЭС может каждый, кто просматривает страницу пользователя (то есть, кто имеет к ней доступ), граффити доступно всем, кто оказывается вблизи предмета, на который нанесен текст. Всегда существует вероятность прочтения записи незапланированным читателем, тем, кто не является адресатом. Однако, как мы отметили, признак открытости обладает различной спецификой в граффити и в ЭС, в особенности по характеру ограничения, накладываемого на возможность прочтения записи. Если граффити имеет пространственное ограничение круга читателей (например, студенческое граффити доступно тем, кто вхож в учебное заведение), то ограничение на прочтение записи на ЭС накладывается самим хозяином страницы. Таким образом, ограничение открытости текста граффити механическое и объективное: оно не зависит от воли автора текста, так как сам он не может преодолеть ограничение и сделать свою запись открытой большому количеству потенциальных адресатов (например вынести стол из учебной аудитории). Ограничение прочтения записи на ЭС «В Контакте» связано с сознательным сокрытием записи от тех, кому она не может быть предназначена, например от тех, кто не входит в круг друзей. Так как пользователь имеет контроль над ограничением доступа к записям на стене, то степень открытости может варьироваться не только от профиля / группы к профилю / группе, но и во времени на странице одного и того же пользователя. Следовательно, главное, что определяет специфику проявления открытости записи в ЭС и граффити – субстрат, в одном случае позволяющий автору управлять открытостью своего текста, а в другом – препятствующий такому управлению.

Рассмотрим влияние субстрата на проявление формальной стороны фациента «знак» записи на ЭС в сравнении со знаком граффити. Основное различие в реализации этих фациентов обусловлено влиянием машинного фильтра, характерного для всего электронного общения. Мы уже отмечали, что для записей ЭС характерно усиление доли креолизованности, которая выполняет компенсаторную функцию. Также, в отличие от граффити, виртуальная запись теряет индивидуальные характеристики автора, в частности, особенности почерка, манеру письма. Запись ЭС выполняется стандартным шрифтом (одним для всех пользователей), имеет в запасе ограниченное, но в то же время общее для всех количество знаков различных семиотических систем (латиница, кириллица, иероглифы, арабские буквы и др.). Таким образом, обычная запись на ЭС (кроме созданной при помощи приложения «граффити», где написание выполняется «вручную») выступает как более стандартизированная и соответственно более искусственная, чем рукописное граффити. Ядерное выражение категория естественности перемещается в смысловое, внутреннее содержание знака ЭС, что характерно, на наш взгляд, для любого вида виртуального значения, где стандартными (неиндивидуальными) средствами передается спонтанное, «живое» слово. Происходит преодоление машинного фильтра как элемента искусственной речи.

Рассмотрим жанрово-релевантный для граффити и записи ЭС признак «**маргинальность**». Для граффити маргинальность выражается в нанесении надписи на поверхности, которые для этого не предназначены [14, с. 69]. Этот признак для граффити является жанрообразующим признаком, именно он обуславливает особенности автора, адресата и самого стиля граффити: неэксплицированность автора, выступающего нарушителем норм поведения, специфику полиадресатности, игровое начало, противопоставленность официальной культуре и др. Запись ЭС, на первый взгляд, также предполагает некоторую маргинальность, «незаконность» нанесения надписи, которую декларирует само название этой рубрики для записей – «Стена», данное по аналогии с распространенным материальным субстратом граффити. Однако в ЭС маргинальность иллюзорна: несмотря на название, ЭС изначально является рубрикой для записей, соответственно, размещение текста – ее основная функция. Номинация электронного жанра «стена» связана с созданием игровой, карнавальной интенции (отметим, что в другой языковой раскладке «В Контакте», названной разработчиками сайта «дореволюционной», стена названа «салонь», что ставит иной смысловой акцент на «предназначенности» данного жанра, главным для разработчиков оказывается сохранить игровой момент, присущий данному жанру). Разумеется, карнавальное начало есть и в граффити. Но в ЭС качество этого признака становится несколько иным: карнавальность возводится в игру: пользователи играют создание в реальное граффити, которое исконно является игрой. Таким образом, написание на виртуальной стене оказывается игрой в игру.

В результате опроса среди пользователей социальной сети «В Контакте», на вопрос «С какой целью вы пишете на стене?» симптоматичными оказались ответы: – *Серьезного здесь не надо писать. Для меня это смеховой аспект жизни. Тут я прикалываюсь.* – *Для красоты* Хд

Соответственно маргинальное отношение к записи на стене провоцируется названием самого жанра: в сознании пишущего существует ассоциация с предметом из реальности, носящим такое же название, и, таким образом, сохраняется память о культурном запрете написания или рисования на подобных поверхностях. Возникает ситуация виртуального хулиганства, которое заключается в нарушении неких реальных предписаний и запретов, которые внутри Интернет-пространства становятся бессмысленными (писать на стенах нельзя, но ЭС пишут, потому что она создана для письма) и поэтому нарушаются. Таким образом, можно говорить о виртуальной, а не актуальной маргинальности. Однако с вхождением жанра в широкое, массовое пользование степень карнавализованности снижается: постепенно название «стена» ассоциативно связывается с жанром записей в сети так же прочно, как и с предметом реальной обстановки, а значит, и теряется ощущение маргинальности записи на ЭС.

Итак, мы проследили общие и специфические черты обоих жанров. При внешнем сходстве – маргинальности, на которую намекает название «Стена», игровая интенция, открытость (общедоступность) написанного текста, общие цели (заявить о себе), самореализация – граффити и ЭС имеют глубинные различия, которые свидетельствуют о произошедшей сущностной мутации жанра, связанной с новым субстратом.

С одной стороны, электронный субстрат ведет к стандартизации и обыскуствлению текстов: набор стандартных шрифтов и функций скрывает индивидуальные характеристики автора, возможность копирования записи без изменения приводит к тому, что текст безлико «клонировается», не изменяясь в зависимости от новой ситуации обращения (перемещения на другой сайт, в другое обсуждение). При переписывании от руки мелкие неточности и описки придают каждому «изводу» неповторимый облик, часто адаптируясь под ситуацию, автор-переписчик ставит новые акценты (яркий пример – переписывание древнерусских книг). Кроме того, общение в Интернете более структурировано: каждый жанр имеет свою рубрику, локализацию своего воплощения (закрепленное положение для записей в статусе, ЭС, комментариях и т. д.) или стремится к ее обретению, что также придает одной записи сходство со всеми другими текстами этого жанра различных авторов и соответственно указывает на некоторую стандартизованность размещения электронных текстов.

Но, с другой стороны, электронный субстрат развивает другое качество, присущее естественным явлениям, – постоянное изменение, незавершенность. Любой текст внутри Интернет-общения существует как определенный этап коммуникации, но

потенциально не завершает ее. Интернет-среда стремится к максимальной интерактивности, к тому, чтобы дать возможность комментирования каждого поста, опубликованного в виртуальном пространстве, чтобы, в конце концов, создать возможность бесконечного диалога и всеобщего обсуждения. Примером может служить введение новых сервисов «В Контакте», позволяющих комментировать и оценивать статусы, записи на стене и даже сами комментарии. Материальный субстрат «равнодушен» к идее интерактивности и общения: лист бумаги ограничен, и если кому-то, к примеру, захочется подписать комментарий к объявлению, то этот человек будет очень ограничен в пространстве расположения текста. Материальный субстрат может быть более адаптированным для коммуникативных целей (бумага для записей, ежедневник, листы девичьих альбомов и т. д.) или менее адаптированными (стена, стол, асфальт и др.). В отличие от материального субстрата, электронный субстрат управляем, он создается изначально для двустороннего общения и может перестраиваться согласно запросам коммуникантов, представляя собой неограниченное «поле общения».

На наш взгляд, ЭС была создана как функциональный аналог граффити, для удовлетворения потребностей в игровом, карнавальном (вызванным псевдо-маргинальностью жанра) общении, рассчитанным на массового адресата. Однако то, что Стена является именно как конвенциональный жанр, имеющий номинацию и закрепленное место расположения, и стало причиной сущностных различий между стеной и граффити. Отношения между пространствами нанесения надписей ЭС и граффити во многом схожи между приводимыми в статье «легальной» и «нелегальной» стенами, упомянутыми в статье Т. И. Доценко и С. С. Шляховой [8, с. 51]: к первым относятся те, на которых писать разрешено городскими властями, а ко вторым – те, на которых писать запрещено.

Существенным моментом, который отличает ЭС от граффити – фациент «Социальная оценка». Если граффити имеет негативную социальную оценку (что напрямую связано с маргинальностью жанра), ЭС, напротив, имеет ярко выраженную положительную оценку, которая особенно отчетливо проявилась в ситуации смены формата ЭС с добавлением функций микроблога.

Жанрообразующим признаком граффити является их маргинальность, надпись обязательно должна размещаться на поверхности, не предназначенной для написания. Этот признак обуславливает лингвистические, психологические и социокультурные особенности такого текста (подробнее об этом см. в кандидатской диссертации Н. И. Тюкаевой, посвященной студенческому граффити). Электронная стена изначально создана для размещения текстов или невербальных посланий (картинок, аудио- и видеозаписей), ее первая и основная функция как поверхности, носителя знака – коммуникативная. Маргинальность, проявляющаяся в названии (стена как поверхность, надпись на которой является хулиган-

ством, находящимся вне границ принятого поведения) поверхностна, существует как элемент игры и не является жанрообразующим.

Отличие граффити и ЭС лежит в глубинных различиях между реальной (материальной, не виртуальной) перепиской и письменным Интернет-общением, в основе которой – различие субстратов, носителей знаков. Первая вынуждена ограничиваться своим субстратом и иногда даже бороться с ним, осваивая поверхности, не предназначенные или мало предназначенные для письма (граффити, записки поверх напечатанного текста и т. д.). Виртуальный субстрат, напротив, изначально создан для размещения текста, по словам М. Ю. Сидоровой, «виртуальное пространство создано человеком для себя, по человеческим меркам» [13]. Таким образом, электронная запись всегда располагается там, где созданы условия для максимального соответствия текста замыслу (возможность смены фона, цвета и вида шрифта и т. п.), там, где ему «разрешено» располагаться. Кроме того, электронный субстрат элитарно моделируем и контролируем, он изменяется разработчиками так, чтобы быть наиболее удобным, адекватным для тех или иных коммуникативных нужд. Этим объясняется возрастающая степень интерактивности, предполагающая возможность комментирования любой реплики, превращения любого текста в исходную точку диалога. В случае ЭС это иллюстрируется переходом данной опции в режим микроблога, позволяющего комментировать и оценивать любое высказывание, оставленное на ЭС.

Между тем виртуальное пространство, в отличие от материального субстрата, накладывает определенные ограничения, связанные со степенью овладения навыками пользования компьютерных средств, знанием функций и сервисов, позволяющих изменять вид записи (например увеличить количество символов для одной записи на стене или в статусе, введение иероглифов и символов). Соответственно такая особенность виртуального общения, как машинный фильтр, создает новый набор социокультурных и лингвистических особенностей коммуникантов, отличный от тех, что создавали жанры реального письменного общения.

Литература

1. Антипов, А. Г. «Естественные» дискурсы: креативность VS. культурогенность [Текст] / А. Г. Антипов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Барнаул, 2003.
2. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства / Н. Г. Асмус: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
4. Винокур, Т. Г. Стилистика как она есть: избранные работы / Т. Г. Винокур – М.: USSR, 2010. – 168 с.

5. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) / Е. Н. Галичкина: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 212 с.
6. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>.
7. Горошко, Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=206>.
8. Доценко, Т. И. Граффити или граффито? / Т. И. Доценко, С. С. Шляхова // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Барнаул, 2003.
9. Кронгауз, М. А. Блог как благо / М. А. Кронгауз. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/publications/articles/article0534.html>.
10. Лебедева, Н. Б. Теоретические основы исследования естественной письменной речи [Текст] / Н. Б. Лебедева // Жанры естественной письменной речи. – М.: USSR, 2011.
11. Седов, К. Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) / К. Ф. Седов. [Электронный ресурс]. – URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070236.pdf.
12. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности [Текст] / А. А. Селютин // Вестник ЧГУ. – 2009. – № 35 (173). Филология. Искусствоведение. – Вып. 37.
13. Сидорова, М. Ю. Лингвистическая уникальность и лингвистическая банальность русского Интернета / М. Ю. Сидорова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~sidorova/articles/index.html>.
14. Тюкаева, Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной речи [Текст] / Н. И. Тюкаева // Жанры естественной письменной речи. – М.: USSR, 2011.
15. Шапиро, К. В. Стратегии существования сетевой личности / К. В. Шапиро. [Электронный ресурс]. – URL: http://rcio.pnzgu.ru/vio/08/cd_site/Articles/art_1_18.htm.
16. Шевченко, И. С. Психологические особенности Интернет-общения / И. С. Шевченко. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/hl.htm>.
17. Crystal, D. Language and the Internet. [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 284 p.

УДК 81.41

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЭКСТРЕМИЗМА / ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА»

К. И. Бринев

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LINGUISTIC EXPERTISE: DEFINING THE ESSENCE OF EXTREMISM/ DEFINING THE CONCEPT OF "SOCIAL GROUP"

K. I. Brinev

В статье, на примере лингвистических экспертиз по экстремизму, описаны основные методологические концепции судебной лингвистической экспертизы. Автор пытается обосновать тезис о неэффективности методологии «определения терминов», которая доминирует в настоящее время в лингвистической экспертологии.

The article presents principal methodological approaches in forensic linguistic expertise, based on examples of expertise in extremism. The author attempts to prove the claim about inefficiency of the "defining the terms" methodology, which nowadays prevails in linguistic expertise.

Ключевые слова: юрислингвистика, экстремизм, судебная лингвистическая экспертиза.

Keywords: forensic linguistics, extremism, forensic linguistic expertise.

Судебная лингвистическая экспертиза – относительно молодая отрасль экспертных исследований, однако в настоящее время в рамках конкретных экспертных исследований накоплен достаточно обширный фактический материал (достаточно, например, сравнить между собой в качественном отношении раздел «Экспертизы» в первых и последнем изданиях ежегодника «Юрислингвистика» [1, 2], чтобы убедиться в том, что развитие экспертных исследований претерпевает и экстенсивные, и интенсивные изменения), который позволяет оценить основные тенденции развития этого вида судебных экспертиз.

Несмотря на множество положительных тенденций в развитии судебной лингвистической экспертизы (разработка отдельных методических рекомендаций в рамках конкретных категорий дел, расширение границ использования лингвистических знаний в следствии, дознании, суде и т. п.), в настоящее время остается слабо развитым описательный (=дескриптивный) уровень лингвистических экспертиз. Известно, что привлечение лиц, обладающих специальными познаниями в области науки, искусства или ремесла, осуществляется с целью установления обстоятельств, имеющих значение для разре-

шения дела или, другими словами, фактов, которые необходимо установить с целью квалификации наличия / отсутствия состава правонарушения или необходимых для разрешения гражданско-правового спора. В практике судебных лингвистических экспертиз в настоящее время, на наш взгляд, заметно ослаблен уровень установления фактов – того, что имело место в конкретное время и при конкретных обстоятельствах. Это обусловлено двумя факторами: доминированием эссенциалистского теоретического подхода к лингвистической экспертизе и смешением при производстве лингвистической экспертизы фактов и решений, последнее в свою очередь влечет выход лингвиста за пределы своей компетенции в сферу права, в которой он не является специалистом. В статье обсуждаются две обозначенные теоретические презумпции на примере экспертных задач по делам об экстремизме, а также предложены альтернативные теоретические основания для производства судебных лингвистических экспертиз.

Эссенциализм / номинализм. В настоящее время в практике производства лингвистических экспертиз доминирует так называемый эссенциалистский подход (применительно к оскорблению, эссенциалистский подход описан в [1]). Рассмотрим их различия. Первая черта номиналистского подхода к лингвистической экспертизе, которая отличает этот подход от эссенциалистского подхода, заключается в том, что в рамках данного подхода отрицается значимость проблемы определения терминов. Согласно концепции номинализма [2], вопросы вида «Что такое?» («Что такое оскорбление?», «Что такое неприличная форма?», «Что такое призыв?») не имеют серьезного научного и экспертного значения. При традиционном экспертном подходе, основывающемся на концепции лингвистического эссенциализма, предполагается, что для того, чтобы решить конкретную экспертную задачу, необходимо ясно и точно определить понятия, при помощи которых решается данная задача. Так, только зная, что такое оскорбление или экстремизм, лингвист, проводя экспертизу, способен квалифицировать речевое поведение говорящего как оскорбление или как экстремистский текст. При номиналистском подходе, напротив, утверждается, что стремление определить все термины теории не способно решить описательные проблемы, которые возникают в лингвистической экспертизе, и, более того, ведет к так называемому регрессу в бесконечность. Так, например, определяя слово «неприличный» в определяющем суждении при имени «оскорбление», мы способны получить следующий текст: «Оскорбление – это умаление чести и достоинства лица, выраженное в противоречащей нормам морали форме». Видно, что вместо одного слова «неприличный» в результате определения мы имеем три новых слова («противоречащий», «норма», «мораль»), которые могут также потребовать своего определения, но и те слова, которые могут быть введены для объяснения данных трех слов, также могут нуждаться в определении, и так до бесконечности. Отсюда номиналист-

ский подход развивает положение о том, что необходимые теоретические термины всегда неопределимы, они являются исходными для теории, и основное требование, которое может быть к ним применено, это требование ясности (каким неопределенным бы оно ни казалось). Эссенциалистский характер теории определений наиболее ярко проявляет себя в концепции правильных (=истинных) определений. Согласно этой концепции все определения, которые могут быть даны тому или иному термину, можно разделить на правильные или неправильные. Вероятно, что в основе этой концепции лежит эссенциалистская теория сущности явления (поэтому есть определения, которые более близки к тому, чтобы отразить сущность явления и которые плохо отражают эту сущность), на описании которой мы остановимся ниже. С номиналистской точки зрения, определения не могут быть правильными или неправильными, само действие «определять» сводится (или должно сводиться?) к установлению конвенции об употреблении слов, а точнее, к установлению эквивалентности левой и правой частей определения, и в этом смысле определение не может быть неправильным по определению. Так, если мы определили пропозицию как предикат с незаполненными позициями собственных имен, мы просто установили, что левая часть определения, которая выражается словом «пропозиция», будет эквивалентной правой его части, которая заключена в выражении «предикат с незаполненными позициями собственных имен». Этим определением мы принимаем на себя обязательство употреблять в нашем тексте эти выражения как эквивалентные и не более того, добавим только, что даем мы определение в коммуникативных целях: для того, чтобы тот, кто будет читать наш текст, понимал, о чем говорится в этом тексте. Естественно, что есть уже сложившиеся конвенции, и нетрадиционное употребление того или иного термина может затруднять понимание, но эта ситуация техническая и не имеет никакой гносеологической ценности, которую (ценность), по видимому, все-таки склонны видеть в определениях представители лингвистического эссенциализма.

Вторая черта номиналистской методологии связана с отрицанием того, что в эссенциалистской методологии называется сущностью вещи. Согласно номиналистской интерпретации, категория сущности вещи либо ничего не добавляет к эмпирическим закономерностям, которые выявлены в науке, либо носит авторитарный характер. Так, распространено мнение, что сущность вещи – это то, без чего она не существует, тогда, согласно концепции методологического номинализма, имеет место эмпирический закон, имеющий форму «Для всех X верно У». Например, предположим, что сущностью оскорбления является определенная интонация, когда нет соответствующей интонации, говорящий, употребляя те же самые слова, не оскорбляет, но хвалит собеседника. Тогда имеется эмпирическая закономерность «Для всех высказываний вида X, если имеется интонация У, то говорящий пытается оскорбить собеседника, и если отсутствует интонация У, то говорящий

хвалит собеседника». Категория сущности синонимична в данном случае выражению «Для всех X» и ничего не добавляет к выявленной эмпирической закономерности.

Другой подход к сущности восходит к философии сущности Платона и Аристотеля и связан с поиском главного свойства или признака вещи или явления. Понимаемая таким образом сущность не может быть обоснована эмпирически, но обосновывается авторитарно либо конвенционально. Из ситуаций а) говорящий не хотел оскорбить, а слушающий оскорбился, б) говорящий хотел оскорбить, а слушающий не оскорбился и в) говорящий хотел оскорбить и слушающий оскорбился невозможно эмпирически вывести, какова сущность оскорбления, любое решение данной проблемы будет носить авторитарный либо конвенциональный характер, в итоге оно носит словесный характер: решается, какую совокупность фактов можно называть словом «оскорбление».

Дуализм фактов и решений. Необходимость рассмотрения названной методологической оппозиции обусловлена концепцией «юридического факта» (в правоведении словосочетанием «юридический факт» обозначают «факты, с которыми закон прямо связывает возникновение, изменение, прекращение правоотношений» [3, с. 407]. Выделяют такие юридические факты, как события и действия, последние могут быть правомерными или неправомерными. То, что описывается в настоящем разделе, не имеет отношения к значению словосочетания «юридический факт» в теории права), которая существует в настоящее время в лингвистической экспертологии. Эту концепцию кратко можно охарактеризовать следующим образом: существуют лингвистические и юридические факты, и может быть так, что юридические и лингвистические факты находятся в противоречии друг с другом.

Развитие эта концепция получает в теории противопоставления точек зрения на языко-речевое явление: признается, что имеются юридическая и лингвистическая точки зрения на спорное речевое произведение, и они порой могут быть взаимоисключающими (наиболее отчетливо и ясно противопоставление юридической и лингвистической точек зрения получило в разработках оскорбления). Так, например, нам известен взгляд, что, с лингвистической точки зрения, мнение может так же порочить, как и утверждение о факте (известно, что порочащими, согласно юридическим нормам, могут быть утверждения о фактах). Подчеркивание того, что дела могут обстоять иным образом, нежели описано в юридических нормах, имеет целью, по нашему мнению, и указание на то, что юристы в каком-то смысле не правы, а также на то, что лингвистическая точка зрения на порочащие сведения не совпадает с юридической. Думаем, вполне вероятно, что предполагается, что этот вопрос может быть решен в аспекте истинно / ложно (или юристы высказывают ложь или ее высказывают лингвисты), а может быть и в аспекте все правы со своих точек зрения (так называемый субъективистский плюрализм). В

такой постановке вопроса, по нашему мнению, слились и теория определений с акцентом на сущность вещи, и монистская теория фактов и решений (теория, которая не различает факты и решения, точнее, считает решения фактами). Рассмотрим более подробно данную ситуацию с этой стороны. Когда лингвисты начинают подобным образом критиковать юридическую «концепцию» порочащих сведений, то неявно они имеют в виду дескриптивную теорию, согласно которой возможна следующая ситуация: «Некто высказал свое негативное мнение или отношение к X-у, и это имело социальный резонанс: личность X-а в социуме начала оцениваться негативно». Безусловно, это фактитивная ситуация, она, конечно, выражена неудовлетворительно, но для рассмотрения настоящей проблемы это не совсем важно. Более важно то, что когда с этих позиций лингвист пытается критиковать юридическую «концепцию» порочащих сведений, то он относится к следующему выражению: «не соответствующие действительности сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота» как к дескриптивной теории, а не к конвенциональному определению, как к описанию, а не как к решению. Вероятно, в данном случае исследователи склонны полагать, что в данной норме сформулирован дескриптивный закон, который может быть сформулирован следующим образом: «Невозможна такая ситуация, когда некто высказал мнение, и это имело социальный резонанс: личность X-а в социуме начала оцениваться негативно». Мы опускаем в данном случае описание ситуации, когда затем возникает вопрос о том, что же такое на самом деле «порочащие сведения» или каковы на самом деле объем и содержание понятия «порочащие сведения», почему эти вопросы несущественны и носят исключительно словесный характер, думаем, можно вполне уяснить из предыдущего изложения. Сейчас же отметим, что отношение к конвенциям-решениям как к фактам ведет в лучшем случае к появлению непродуктивных проблем словесного характера. Целью правовой нормы не является дескриптивное описание какого-то явления (экстремизм, оскорбление и т. п.), но конвенция (=решение) о линиях поведения относительно каких-либо фактов. Таким образом, слово «угроза» в праве замещает следующую совокупность фактов: X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того, собирался ли X привести угрозу в исполнение, и содержит решение: «Эта совокупность фактов является недопустимой». Таким образом, X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того, собирался ли X привести угрозу в исполнение не является истинным или неистинным определением угрозы,

не является сущностью угрозы с юридической точки зрения, а является решением о том, какая совокупность фактов будет запрещена правовой нормой, а какая допустимой. Так как это решение, и оно не может быть истинным или ложным, то у нас появляется возможность произвольного выбора фактов, которые могут быть запрещены или разрешены. Так, возможна переформулировка этой нормы, когда недопустимой будет ситуация, когда X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и X собирался привести угрозу в исполнение; вполне возможна и ситуация, которая покажется абсурдной (нормы могут быть противоречивыми, см. об этом [4]): мы можем считать недопустимой следующую комбинацию фактов: X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и только тогда, когда X не собирался привести угрозу в исполнение (вернемся еще раз к эссенциалистской теории определений. Может встать вопрос: какое из определений угрозы более правильно, или более истинно, или более сущностно: А) X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, независимо от того, собирался ли X привести угрозу в исполнение; Б) X угрожает У-ку и у У-ка имеются основания опасаться осуществления угрозы, и X собирался привести угрозу в исполнение? Что, кроме прикрепления ярлыка «угроза» к описаниям по буквам А и Б мы получаем на выходе при решении данной проблемы? Думаем, однако, вопрос о том, будет ли угрозой то, что описано под буквой А или под буквой Б, многие признали бы ценным. Ничего, кроме решения в описанной ситуации нет, еще раз подчеркнем, что это не поиск истинного определения слова «угроза», к истинности эта ситуация не имеет практически никакого отношения.

Из сказанного, по нашему мнению, вытекает одно важное следствие: правовая норма – это решение о линиях поведения, но не указание на истинные или неистинные явления, а формулировка того, какие совокупности фактов будут считаться запрещенными, а какие разрешенными. Таким образом, противопоставление юридического или лингвистического проходит не в аспекте истина / ложь, но в аспекте решение и факт. Когда судья илиследователь назначает экспертизу, то целью данного процессуального действия является установление фактов, которые, согласно правовой норме, необходимо выявить, чтобы принять легитимное решение.

Вопрос о сущности экстремизма. Проблема сущности экстремизма, насколько нам известно, занимает центральное место в юридических и лингвистических работах, посвященных данной тематике. Предполагается, что разнообразие действий, которые способны обозначаться словом «экстремизм», объединены некоей скрытой сущностью, то есть разделяют эту скрытую сущность, а потому являются экстремистскими. Отсюда встает проблема открытия этой сущности, так как без открытия таковой невозможно будет определить в каждом конкретном случае, являются ли конкретные действия экстремистскими или нет (что, естественно, может

привести к ошибкам в правоприменении, например к осуждению невиновного). Отсюда в анализируемых работах централен вопрос о том, что такое экстремизм. Эссенциалистский вопрос «Что такое?», как мы уже отмечали, сдвигает внимание исследователя к левой стороне определения, что предполагает, что слово «экстремизм» – это имя сущности, которую необходимо выяснить (и здесь может актуализироваться вопрос: «В чем сущность экстремизма?»), при этом полагается, что можно дать более истинное определение экстремизма, большая или меньшая истинность которого будет зависеть от качества постижения скрытой сущности экстремизма.

С точки зрения номиналистской методологии и теории, признающей дуализм фактов и решений, теоретические принципы, описанные выше, не могут быть признанными удовлетворительными. Во-первых, с номиналистской точки зрения, вопрос о том, что такое экстремизм, является чисто словесным вопросом, вопросом о прикреплении ярлыков к описательным утверждениям (то есть утверждениям о фактах). Например, предположим, установлено, что совершено убийство, и оно совершено по мотивам расовой или религиозной нетерпимости. Вопрос о том, является ли это действие экстремистским или нет, не является дескриптивным вопросом, но является словесным. Его можно переформулировать следующим образом: «Будем ли мы называть все противоправные деяния, совершенные по мотивам расовой или религиозной нетерпимости, словом «экстремизм»? С дескриптивной точки зрения слово «экстремизм» пусто, так как вводится для сокращенного представления конъюнкции (логического объединения) следующих дескриптивных пропозициональных функций: «х – противоправное деяние» и «х – включало в себя мотив расовой, религиозной и т. п. нетерпимости». Левая и правая части этой конструкции полностью эквивалентны и способны заменять друг друга в любых контекстах, при таком подходе слово «экстремизм» всегда может быть опущено, и мы можем оперировать только правой стороной определения.

Однако проблема определения терминов «экстремизм» и «экстремистская деятельность» все же имеет определенное значение, так как, помимо описательного компонента, имеется и директивный, или деонтический аспект. Данные предикаты содержат оператор «запрещено», а потому, действительно, в целях правоприменения необходимо знать, какие действия запрещены. Сразу, однако, отметим, что эта проблема не имеет дескриптивного значения (как это признается при эссенциалистском подходе), но представляет собой проблему решения. Кратко ее можно представить следующим образом: даны события X, Y, Z, встает вопрос, какие из имеющихся событий мы будем запрещать под угрозой наказания, а какие будем считать допустимыми. Именно отсюда встает проблема разграничения правомерных и неправомерных способов поведения, проблема баланса свободы слова, взглядов, убеждений и

злоупотребления этой свободой, при котором (злоупотреблении) ущемляются свободы других лиц.

Еще раз подчеркнем, что данная проблема не имеет дескриптивного значения, она не связана с установлением или определением истинного экстремизма, потому как истинного экстремизма не существует, экстремизм – это решение о том, какие действия мы будем считать недопустимыми. Таким образом, определение понятия «экстремизм» или «экстремистская деятельность» является проблемой решения, но не проблемой факта. Мы можем произвольно решать эту проблему: так, например, мы можем причислить к экстремизму только формы поведения, которые включают в себя насилие и исключить из УК статью 280. Например, в работе А. В. Павлинова, со ссылкой на данные Е. Добрыниной, приводится интересный факт: «Парадоксально, но факт: россияне не хотят зачислять в ранг экстремизма деятельность оппозиционных партий и движений, даже если те призывают к свержению существующего в России строя» [6, с. 6]. Можно, учитывая этот факт, ставить вопрос в эссенциалистском ключе и решать проблему, является ли деятельность оппозиционных партий и движений, если те призывают к свержению существующего в России строя, экстремистской деятельностью, но при этом, по нашему мнению, необходимо понимать, что эта проблема не имеет описательного характера, она никак не связана с ответом на вопрос о сущности экстремизма и предложение «деятельность оппозиционных партий и движений, если те призывают к свержению существующего в России строя, является экстремистской деятельностью» не является ни истинным, ни ложным, так как представляет собой решение об оценке фактов с точки зрения допустимости / недопустимости; с точки зрения обычного сознания, данные действия вполне допустимы, тогда как, с точки зрения российского законодательства, они запрещены (ст. 280 УК РФ, Федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности). Вопрос, который достаточно часто ставится в эссенциалистской методологии, «Являются ли действия на самом деле экстремистскими?» при таком подходе трансформируется в неосмысленный, по нашему мнению, вопрос: «Являются ли данные действия на самом деле допустимыми?» Допускать или не допускать действия – это решение, и если принято решение не допускать эти действия, то они являются «на самом деле» недопустимыми, если же относительно этих действий еще не принято решение, то его еще предстоит принять, и в этом аспекте, очевидно, что эти действия не имеют отношения к истине, тем более, к истинному пониманию или определению экстремизма (слово «экстремизм» можно понимать по-разному, и не существует его истинного или правильного понимания).

Социальная группа. Норма 282 УК предусматривает ответственность и за разжигание социальной ненависти и вражды. Пожалуй, эта часть нормы относится к наиболее обсуждаемой и критикуемой как в экспертном сообществе, так и за его пределами.

Обсуждается, как правило, нечеткость и неопределенность понятия «социальная группа», при этом предполагается, что уточнение этого термина способно разрешить как проблемные вопросы, связанные с производством лингвистической экспертизы, так и проблемы, связанные с правоприменением. Тогда как относительно правоприменения в каком-то смысле эти предположения справедливы, хотя и ложны, к проблемам производства лингвистической экспертизы они не имеют никакого отношения.

Пожалуй, на примере проблемы «социальная группа» можно ясно проиллюстрировать неэффективность эссенциалистских построений как при производстве любого рода экспертиз (мы предполагаем, что все гуманитарные экспертизы так или иначе проводят принцип эссенциализма), так и в правоприменительной практике.

Для ясности разделим эту проблему на две. Первая проблема – условно-дескриптивная – связана с тем, что в экспертных заключениях предполагается, что вопрос типа: «Являются ли милиционеры социальной группой?» разрешим эмпирически, и эксперт, когда выполняет заключение при ответе на этот вопрос, устанавливает именно факт, что такое-то (произвольное) объединение лиц представляет / не представляет собой социальную группу.

Насколько нам известно, для решения данной проблемы, как правило, привлекают специалиста-социолога. Например: «Ну а в Тюмени судят преподавателя Тюменского государственного университета кандидата филологических наук Андрея Кутузова, обвиняя его в авторстве листовки «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!», якобы распространенной на митинге в октябре 2009 года против нарушения прав граждан сотрудниками центров «Э» (центры по противодействию экстремизму. – Б. В.). Эксперт-криминалист УФСБ по Свердловской области Светлана Мочалова признала в своем заключении, что милиционеры являются «социальной группой», ненависть к которой разжигается данной листовкой.

По ходатайству защиты к делу было приобщено социологическое исследование специалистов из Нижегородского государственного университета, которое полностью опрокидывает утверждения государственного эксперта. Доктор социологических наук профессор Владимир Козырьков, кандидат политических наук доцент Дмитрий Зернов и ассистент Роман Сундуков пришли к однозначному выводу: ни сотрудники милиции, ни «менты», ни сотрудники департамента по противодействию экстремизму МВД РФ, ни сотрудники Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Тюменской области, ни бывшие сотрудники УБОПа «не являются социальной группой ни в целом, ни в отдельности». И следовательно, в отношении них не может разжигаться «социальная рознь» [7].

Однако выражение «Социальная группа – это объединение лиц любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями» не является утверждением о факте, но представляет

собой определение, левая часть которого не имеет никакого значения. Особенно это понятно на фоне возможных иных или непохожих определений словосочетания «социальная группа». Возьмем, например, другое определение и сравним его с первым:

1. Социальная группа – это объединение лиц, любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями.

2. Социальная группа — это объединение людей, основанное на их общем участии в некоторой деятельности, связанное системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.

Эти два утверждения, при их небольшом (может быть, кому-то оно может показаться значительным) отличии относительно утверждений о фактах, являются высказываниями о существовании. Таким образом, эти определения могут быть трансформированы в следующие высказывания, которые, несмотря на их неопределенность, вероятно, истинны.

В первом случае мы имеем: существуют объединения лиц, относительно устойчивые совокупности людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями».

Во втором: существуют объединения людей, основанные на их общем участии в некоторой деятельности, связанные системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.

Из этих двух высказываний нельзя в логическом и эмпирическом отношении вывести ни одного значимого высказывания, кроме тавтологических, тех, которые будут основаны на синонимических преобразованиях каких-либо компонентов этих высказываний. То есть мы можем, конечно, заменять слово «человек» описательным обозначением «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда», но вряд ли это увеличит информацию, которая заключена в данных высказываниях. Однако именно этот тип высказываний фигурирует в экспертных заключениях. Добавим, что проблемами, которые обладают эмпирическим содержанием, будут, очевидно, являться следующие: «Что происходит с социальными группами в значении 1 и в значении 2»? И когда мы выясним, например, что любая группа, объединенная исключительно общими интересами, но не имеющая никаких других регуляторов, обязательно распадается через три недели, то мы получили описание того, что имеет место в реальности, независимо от того, как эта реальность называется.

Левая часть определений, которая представлена словосочетанием «социальная группа», не имеет для фактической стороны дела никакого значения, левая часть, с точки зрения номинализма, – это ответ на вопрос: как мы будем называть любую относительно устойчивую совокупность людей?, тогда как предполагается, скорее, что правая часть – это ответ на вопрос: что такое социальная группа? Еще раз

отметим, что это типичный эссенциалистский вопрос, который не имеет эмпирического содержания.

Если мы начнем сравнивать два определения в аспекте правильности (Какое из определений более правильно?), то мы будем, очевидно, решать вопрос о том, какая из ситуаций заслуживает названия «социальная группа». Мы сомневаемся в продуктивности этого вопроса относительно установления фактов, значимых для разрешения дела по существу. На наш взгляд, словесные вопросы наподобие «Что назвать столом?» не могут привести ни к какому результату, так как все в каком-то смысле можно назвать столом.

Удовлетворительный экспертный результат может быть достигнут и без разрешения вопроса, что есть социальная группа? (в каком-то смысле желательно опускать такие словосочетания из заключения, и мы бы даже рекомендовали это делать в качестве методического приема, который способен указать на эмпиричность / неэмпиричность нашего описания), но только при указании на то, что в тексте содержится такая-то информация относительно группы лиц, объединенных по такому-то признаку.

При разрешении же вопроса о том, что такое социальная группа, мы «сдвигаем» проблему не в сторону установления фактов, а в сторону содержания словосочетания «социальная группа», другими словами, в сторону толкования конкретной нормы. При таком подходе эксперт неизбежно осуществляет юридическую квалификацию фактов в том смысле, что предикат «быть социальной группой» становится основой принятия юридического решения. Если милиционеры – социальная группа, и относительно них сказано «Убивай!», то совершено преступление по статье 282, если милиционеры – не социальная группа, и относительно них сказано «Убивай!», то преступления по статье 282 нет. Таким образом, эксперт начинает решать проблемы толкования права, которые имеют правоприменительные последствия.

В начале статьи мы отметили, что, несмотря на то, что проблема определения может в каком-то смысле играть значение для этой деятельности (нам необходимо знать, какие ситуации запрещены, а какие разрешены правовой нормой), но эту проблему принципиально не решить, особенно определением терминов (на наш взгляд, теория, согласно которой толкование права – это толкование терминов, должна быть отброшена как в эмпирическом смысле (хотя, бесспорно, что в этом аспекте нужны еще исследования), так – особенно! – и в деонтическом (ценностном) ее смысле).

Начнем со следующего вопроса: «Почему социологи решили, что словосочетание «социальная группа» надо толковать, как это принято в социологии?» Слово «надо» в данном случае ключевое, так как встает вопрос: «Кому надо и зачем надо?» Постановка этого вопроса имеет целью показать, что его решение не зависит от фактов, оно зависит исключительно от ценностей. Так, если мы примем норму или издадим закон, в котором будет сформулировано предписание, что ярлык «социальный» во

всех нормативно-правовых актах Российской Федерации должно толковать в социологическом смысле, причем именно так, как он прикрепляется в социологической теории условного академика X, то тогда слово «надо» приобретает какие-то основания, до такого предписания данные толкования будут оставаться достаточно произвольными. Единственный аргумент, согласно которому именно это толкование повысит объективность и легитимность юридических решений, может быть отброшено в силу того, что было сказано выше относительно разграничения словесных вопросов (вопросов об этикетах) и вопросов о фактах.

Однако в случае правоприменения и толкования возникает одна действительно важная проблема, которая связана с юридической квалификацией, но подчеркнем, эта проблема не эмпирическая, она не связана с описанием фактов, это проблема решений. Возникает она в силу того, что естественный язык обладает своим уровнем точности и в каком-то смысле принципиально не может описать все возможные ситуации. В силу этой неточности и неопределенности в праве, мы предполагаем, всегда будут возникать ситуации, которые можно сформулировать в вопросе: «А урегулирована ли эта ситуация существующими нормами?»

Приведем воображаемый пример. Кто-то распространяет листовки с призывом убивать всех, кто имеет светлые волосы. Очевидно, что к данному признаку нельзя прикрепить ярлык «социальный признак», не подпадает этот признак и под расовые, национальные, религиозные и др. ярлыки. Естественно, встает вопрос, какое решение принять в данном случае? Отметим еще раз, этот вопрос правовой, это вопрос решений, а не фактов, так как фактически просто имеет место ситуация – «некто призывает убивать всех, у кого светлые волосы». Однако добавим, что этот признак хорошо выделим (равно как и признак «быть милиционером») и можно, как это делали в Варфоломеевскую ночь, как-то пометить, например крестами, все квартиры светловолосых.

Возможны различные варианты решения этой ситуации, можно, например, сказать, что так как ситуация «дискриминации по цвету волос» не урегулирована нашим правом, то в данном случае не имело места преступление, так как преступление – это

виновное противоправное деяние, предусмотренное настоящим (тем, который в настоящее время действует) кодексом, можно также просто сомневаться в урегулированности и трактовать эти сомнения как неразрешимые сомнения в пользу обвиняемого. После этого также можно изменить саму норму, так как очевидно, что дискриминация в данном случае присутствует. Можно ждать пока светловолосые учредят общество светловолосых со своими целями и интересами и станут социальной группой в социологическом или еще каком-то смысле этого слова. Однако это не имеет никакого отношения к производству экспертизы.

Литература

1. Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 263 с.
2. Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 452 с.
3. Бринев, К. И. Теоретический принцип эссенциализма при описании оскорбления в юридической лингвистике [Электронный ресурс] / К. И. Бринев // Библиотека сайта «Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов». – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-44>.
4. Поппер, К. Нищета историцизма [Текст] / К. Р. Поппер. – М., 1993.
5. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов [Текст] / А. Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
6. Вригт, Г. Х. фон. Нормы, истина и логика [Текст] / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования. Избранные труды. – М., 1986.
7. Павлинов, А. В. Какие нужны экспертизы для противодействия современному экстремизму в России [Текст] // Российский следователь. – М.: Юрист, 2008. – № 2.
8. Разжиганию не подлежат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forensicsciences.ru/news.aspx?nId=7641313>.

УДК: 81'373.61

СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В МОРФОДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА. СТАТЬЯ 1: РОЛЬ ФАКТОРА РЕГУЛЯРНОСТИ

Н. Д. Голев

NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK IN MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE. PAPER 1: ROLE OF REGULARITY FACTOR

N. D. Golev

В статье рассматривается проблема функционально-семантического статуса и места в словообразовательной структуре слова тех элементов, которые остаются после выделения в ней базовых компонентов – форманта и производящей основы. Для решения этой проблемы предлагается использовать критерий регулярности словообразовательной модели, с которой этот элемент соотносится на синхронном

уровне. Этот критерий предложен В. В. Лопатиным; в данной статье он получает более конкретизированную и углубленную разработку. На очерченном принципе в статье создается типология «остаточных» отрезков по их тяготению к основе (единичные отрезки) или к аффиксу (регулярно воспроизводимые отрезки).

The paper focuses on the problem of functional semantic status and derivational word structure rank of the elements remaining after the word's basic components, namely formant and primary stem, have been singled out. The criterion of derivational pattern regularity is suggested as solution; the element, thereafter, being synchronically correlated with the pattern. Suggested by V. V. Lopatin, this criterion gets a more detailed and profound investigation in the paper. A typology of 'residual' segments as bent to the stem (singular segments) or affix (regularly reproduced segments) based on the outlined principle is set forth.

Ключевые слова: словообразовательная структура слова, асемантические элементы, субморфы, интерфиксы, регулярность словообразовательной модели.

Keywords: derivational word structure, non-semantic elements, submorphs, interfixes, derivational pattern regularity.

«...Последовательное выделение субморфов делает возможным выявление древних синтаксических сочетаний путем анализа морфем, в которые они превратились по мере движения от сочетаний слов внутри предложения к сочетаниям морфов внутри слова и субморфов внутри морфа» [7].

Проявления языка как антиномической сущности так или иначе присутствуют в каждом феномене языка-речи и соответственно – на его морфодеривационном уровне. В гносеологическом плане это предполагает необходимость разграничения различных подходов к таким противоречивым феноменам, что должно способствовать пониманию того, как сопрягаются и взаимодействуют стороны такого рода феноменов, составляющие в онтологии языка их антиномические полюса. В сложных случаях – это единственный способ избежать противоречий в их интерпретации (впервые мысль о возможности разноаспектного подхода к асемантическим элементам – унификсам – высказана Е. А. Земской [5, с. 82]. Подтверждает сказанное концепция унификсов М. Н. Янценецкой [19, с. 44 – 71]. Рассмотрению унификсов в функционально-семантическом аспекте будет посвящена третья часть настоящей статьи). Далее рассмотрим с указанных позиций роль и место в структуре слова «остаточных» элементов, обнаруживаемых после выделения в структуре слов элементов с определенным функционально-семантическим содержанием. Такие асемантические элементы в структурной парадигме нередко называют субморфами [7; 10], интерфиксами [4; 13], незначимыми компонентами [9], внеморфемными знаками [11; 12], остаточными или спорными отрезками [1] и другими терминами.

С точки зрения авторов «Грамматики – 70, 80», подобные элементы во всём их объёме, даже те из них, которые вызваны к «жизни» специфической формой основы, являются компонентами аффиксов, в силу чего последние многообразно варьируются (*шоссе+йн/ый, шоссе+йк/а*) [3]; уточняя это «правило», В. В. Лопатин предлагает относить к суффиксу только регулярные отрезки, а нерегулярные считать принадлежностью основы: *геран(ий)+ев/ый, буржуа(з)+ий/а, алгебр (а)+ическ/ий, ин(дев)+е(ть)* (подробнее об этой концепции будет сказано ниже); высказывается мнение [17, с. 114 – 115] о принадлежности консонантизирующих согласных к основе:

шоссе(й)+к/а; наконец, ряд ученых, например Е. А. Земская [4], развивают положение об интерфиксной природе субморфов: *шоссе+(й)+к/а, non+(ов)+ск/ий/*. На наш взгляд, у этих точек зрения обнаруживается разная направленность: в одних случаях явственно стремление сохранить в максимальной «чистоте» исходную форму основы мотивирующего слова (мотивирующей базы), и всё, что нарушает (удлиняет в данном случае) форму такой основы, «сдвигается» вправо, как нерелевантное в данном отношении; в других случаях внимание акцентируется на формально-семантической идентификации аффикса, осуществляемой через выявление его инвариантной формы, к которой, как правило, ближе вариант без наращений; а всё «вариантное» «сдвигается» влево. Таким образом, меняется представление о постоянных и переменных компонентах структуры: один подход – «основоцентристский» – избирает в качестве постоянного компонента основу, другой – «формантоцентристский» – аффиксы. Концепция интерфиксов находит своеобразный компромисс между этими разнонаправленными точками зрения.

Первая тенденция отражает ономаσιологическое направление (соответствующее направлению речемыслительной деятельности говорящего) и соотносится с направлением перспективного словообразования и функциональной морфодериватологии, вторая – семасиологическое (соответствующее направлению языкотворческой деятельности слушающего) и связанные с ним направления ретроспективного словообразования и формально-семантической морфодериватологии. Ср.: «Цель ономаσιологического познания состоит в том, что интересующее носителя языка (лингвиста) языковое содержание соотносится с формой его выражения. Первичным и обязательным в этом случае является нахождение формы для мотивировочного признака» [19, с. 58]. Форма выражения классификационного признака в данном отношении вторична и до известных пределов безразлична или менее актуальна. Сравним окказиональные названия палки для выбивания (*выбива, выбивки*) пыли: *выбивалка, выбивушка, выбивало, выбиватель, пылебойка* и т. п. «В процессе семантизации, начинающейся с общих формальных показателей, прежде всего выявляется форма и значение аффикса, а затем вычленяется

форма корня (основы) и устанавливается в тех или иных пределах – его значение» [18, с. 57]. Так, например, воспринимая слова типа: *старьевщик, чаевничать, ямщик, плотник*, слушающий прежде всего воспринимает в них суффиксы

-щик, -ник, -нича-, но не -овщик, -овнича- и не отсутствие лексической мотивации (в *плотник* и *ямщик*). Особенно наглядно различие описываемых подходов по отношению к фактам наложения. В словах типа *плотничать, полднича́ть* слушающий должен воспринимать наличие полного суффикса – *нича-* в определенном, «деятельностном» значении (ср. *скоморошничать, чай-овнича́ть*), невзирая на получающийся при этом усеченный характер основы, аналогично – в искусственных образованиях типа *кутырничать*.

Каково место интерфиксов (субморфов) в представленных таким образом процессах семантизации (мотивации) и формализации? Если после суффикса процесс мотивации переходит к основе, где успешно завершается, то обращение к остаточным элементам становится, строго говоря, избыточным. В лучшем случае они могут рассматриваться как некое левое наращение основы, придающее ей призначный характер (ср.: *старый-ев/ой/*, *чай-ев/ой/*), чем они по своей природе нередко и являются, поскольку призначность – функционально и семантически – важный компонент при образовании окказионализмов от слов с непрозрачным значением, которое должно фиксировать мотивировочный признак в мотивированном слове и, следовательно, должно определенным образом «атрибутироваться». Атрибуция иногда находит формальное выражение при сохранении некоторой семантической актуальности: *сад+ов* (значение атрибута) +НИК, *колхоз+н+ик*, *звер+ин+ец*, *вар+ен+ик*, *ин(д)+ев/е/ть/*, (ср. *плесн+ев+е/ть/*). Но чаще всего такого рода призначность не является обязательной и актуальной. Это подтверждается как формально – через наличие аналогичных образований с отсутствующим «призначным» суффиксом: *звереть, холодец, сатирик*, а при присутствии последнего – его несоотносительностью с атрибутивным словом: *первоклассник, сотрудник, младенец, стержень*; так и семантически – через большую естественность мотивации с опорой на существительное (*чайвничать* – пить **чай**, а не заниматься «**чаевым** делом»). Кроме того, очень многие субморфы такого типа вообще никогда не соотносились и не соотносятся с призначным значением (*медвежатина*, ср. *телятина* и *конина*), *американский* (ср. *славянский*), так как образовались по аналогии. Интересен пример возникновения остаточного отрезка -к- в окказионализме В. В. Маяковского *молоткастый*, который семантически мотивируется словом *молот*, но не *молоток*, как предполагает формальная структура производного. В силу этого, по нашим наблюдениям, носители языка при восприятии слова *молоткастый* фактически не замечают отрезка -к-, который оказывается «лишним» как для основы, так и для суффикса (окказиональные истоки такого решения иллюстрируют метаязыковые фантазии рядовых носителей рус-

ского языка [1]). Поэтому в формально-семантическом плане многие остаточные элементы, вероятно, можно рассматривать как «ничейные», то есть как интерфиксы: *чай – (ов) – нича/ть/*, *модель – (й) – ер* (ср. *интервью-эр*), *геран – (ий) – ев/ый/*, *гену – (эз) – ск/ий/*, *дун – (ов) – ений/е/* и т. п., но в функциональном плане они (по крайней мере, в перспективе) тяготеют к формантной части.

С этих позиций другое отношение должно быть к таким отрезкам, которые по тем или иным причинам стали неотъемлемой частью основы: *мат (ер) – (ин) – ск/ий/*, *доч (ер) – (н) – ин, зазна (й) – к/а/*, *слав (ян) – ск/ий/*, (ср. *славистика*) – или аффикса: -чив-, -лив-, (ср. *игривый*), -ник-, -нича- (ср. *подличать*), *меж/ду/*, -ся (ср. *моясь*). В последних «наращённый» вариант является основным, как бы олицетворяющим инвариант, по отношению к которому остальные (-ича-, -ив-) уже воспринимаются, с функциональной точки зрения, скорее, как усечённые.

При формализации содержания (функциональный план) субморфы, не связанные непосредственно со значением, выступают как элементы формы второго порядка (форма формы). В синхронно-системном аспекте на собственно морфодеривационном уровне их роль снижается до образования вариантов морфем. В порождающем плане их функция сводится к приспособлению основ к аффиксам и аффиксов к основе (синтагматический аспект). О характере реализации этой функции говорит следующее положение: «Пока не произошло выбора морфем, не может действовать их взаимоприспособление. Пока не произошло морфонологическое «сцепление морфов» мы не получим готовой производной основы» [5, с. 23]. Таким образом, процесс формализации начинается с мотивировочного признака и морфемы, его выражающей (мотивирующей основы), далее он переходит к классификационному признаку и его выражению в аффиксальной форме. Лишь в процессе соединения данных морфем осуществляется переход от уровня морфем к уровню морфов. Способ перехода от морфемного к морфному изучен недостаточно. Можно лишь предположить, во-первых, что разные морфы по-разному относятся к плану создания и употребления, и это не может не влиять на способ их перехода из плана морфем в план морфов и, во-вторых, что в процессе формализации имеется две противоборствующие тенденции, о которых скажем подробнее.

С одной стороны, это тенденция к инвариантности, «чистоте» аффикса и модели и, следовательно, к пониманию аффикса в отвлечении от наращений. Данная тенденция исходит из представлений говорящего, сформировавшихся в тот момент, когда он сам воспринимал речь в тексте. В конечном итоге это тенденция к языковой статике, в которой во многом заключена суть языкотворческой деятельности.

С другой стороны, «идеальной» чистоте модели препятствует как избранный для «строительства» слова конкретный языковой материал, могущий быть нестандартным, так и конкретные условия реа-

лизации модели, осуществляемой через механизм аналогии, которая, на наш взгляд, чаще всего отталкивается от вполне или относительно реальных единиц на уровне речевого материала (точно так же, как абстрактно сформированный идеал, или «модель» личности, мы стремимся найти, реализовать в конкретных образцах для подражания). «Подражание» в собственноречевых условиях не равняется точному снятию слепка со структуры образца. Причиной отсутствия точности может явиться сопротивление «строительного» материала или ограниченная «функциональность» морфодеривационных структур и в связи с этим трудность спонтанного вычленения компонентов этих структур. Чаще всего говорящий ориентируется на общее звучание конца слова-образца, например: «Не мог Сапожников решить теорему Ферма, потому что в психбольницах перебивала куча математиков не ему чета, которые пытались эту теорему решить. Их так и называют «ферматиками», и каждое их доказательство занимало пуды бумаги» [2, с. 59]. Ясно, что в данном случае при образовании слова *ферматик* образцом для него было слово *математик*, от которого в слово *ферматик* «отшел» отрезок *-тик* (или *-атик*, если учесть возможность наложения), но так как «чистым» суффиксом здесь является *-ик* (ср. *сатирик*), то *-т-* мы должны рассматривать как наращение именно к суффиксу, ибо, по существу, оно воспринималось говорящим, создающим данный окказионализм, как неотъемлемый компонент модели с данным суффиксом. Точно таким же образом для окказиональных новообразований *гоцотянин* – «житель Гоцо» [16, с. 90] или *подберёнок* (от *подобрать*) [6], или *свинарничать* – «болеть свинкой» (пример из [8, с. 135]) и для узуальных образований *кубатура* (*верхотура*), *заводчанин*, *дороговизна*, *поварчонок*, *рулежный* и подобные легко предположить возможность воздействия на их форму при ее производстве таких слов, как *египтянин*, *поварёнок*, *поварничать*, *квадратура*, *однополчанин*, *дешевизна*, *татарчонок*, *долбежный* или им подобных. Такая роль образцов в речи сближает их в определенном отношении с обычными мотивирующими словами и оправдывает понятие «структурная мотивированность», используемое рядом лингвистов. «Мы, «атакёры», такие ходы не пропускаем», – улыбаясь говорил Нежметдинов, причем непривычное «атакёры» в его устах звучало так же гордо, как мушкетёры» [14]. Влияние слова «мушкетёры» объясняет, почему не выбраны возможные образования типа *атакисты*, *атаковальщики* и др., а именно *атакёры*. Нельзя исключать воздействия на выбор образцов случайных факторов, прежде всего спонтанной актуализации того или иного слова. Так, на вопрос о наименования детёныша антилопы *гну* нами получены разные ответы: *гнурёнок*, *гнучёнок*, *гнунёнок* и другие – думается, вследствие влияния разных слов-образцов: *тигрёнок*, *зайчонок*, *ягнёнок* и под. Возможно, что в ряде случаев имеет место влияние языковой моды, например при употреблении вариантов суффиксов *-уальн-*, *-альн-* или *-*

ианск- вместо *-н-* и *-ск-* у прилагательных (ср. *контекстуальный* и *марсианский*).

Неограниченность подражания по глубине финали слова в сочетании с необходимостью морфологического приспособления способствует «обрастанию» исходного суффикса наращением, некоторые из которых достигают нескольких «ярусов»: *муссолини* – *(й) - (ев) ск / ий /* (ср.

Сомали – *(й) ск / ий, мефистофел-(ев) ск / ий /, свекл* – *(ов) - (ич) н / ый /*,

троп – *(е) - (ист) - (ич) - (е) ск / ий /* (от *троп*),

(ср. *юмор* – *(ист) - (ич) - (е) ск / ий /*); субстанции *(он) - (аль) - н / ый /* (ср. субстанции *(аль) - н / ый /, дистанци* – *(он) - н / ый /*;

интервенци – *(он) - (ист) - ск / ий /*, *драм* – *(ат) - (ич) - (е) - ск / ий /* (ср. *человеч* – *(е) - ск / ий /*), *океан* – *(ич) - (е) - ск / ий /*, *дун* – *(ов) - (е) - ний / е /* (ср. *печата-ний* / е /, *рыхл* – *(е) - ний / е /, распил* – *(ов) - к / а /* и т. д.

Все это, несомненно, есть отражение тенденций к изменчивости, к языковой динамике. Ее носителем выступает говорящий субъект. Таким образом, синтагматическая направленность постепенно преобразуется в парадигматическую; в соответствии с этим меняется и функция субморфа. В парадигматическом аспекте она становится «вариантообразующей» (ср. с формо- и словообразующей функцией знаменательных морфов).

В противоборстве отмеченных тенденций осуществляется развитие словообразовательных моделей в языковой системе: чем выше регулярность данного варианта, тем сильнее спаянность «чистого» суффикса с тем или иным наращением, тем в большей мере он воспринимается слушающим и используется им в позиции говорящего как готовый, а не даваемый в речи вариант. Выше было отмечено, что некоторые варианты изменяются качественно еще больше, если становятся основными (*-ний-*, ср. *рукоделие*; *-лив-*, ср. *игривый*; *-ник-*, ср. *передовик*) или приобретают индивидуальные функционально-семантические черты (*-ин-* суффикс отнаренных прилагательных типа *доминошнний*; *-ану-* – суффикс со значением однократности с дополнительным признаком интенсивности, ср. *толкну́ть* и *толка́нуть*; *-ианск-* – суффикс прилагательного, указывающего на принадлежность к идейным течениям, *-лк-* – суффикс с более узким значением функции предмета, вещи, изделия, ср. *тяпалка* и *тяпка*, *сушилка* и *сушка*). Критерий регулярности для определения места субморфа в структуре слова выдвинул В. В. Лопатин, отметивший: «...При нерегулярных формальных соотношениях сопоставляемых основ (например: герань – *герани́й-евый*, *иней* – *индев-еть*, *алгебра* – *алгебра-ический*, *буржуа* – *буржуаз-ный* и *буржуаз-ия*) целесообразно относить «спорный отрезок к корню» [10, с. 47]. Аналогичную трактовку В. В. Лопатин предложил для случаев типа *схематический*, *астматический*, где *-ат-*, по мнению автора, следует отнести к корню, так как он в производных регулярно воспроизводится вместе с ним (решение к привязке к корню конечного *-а-* в *алгебра-ический*, так же, как отнесение гласных

к корням в *тряси-лыцик*, *плете-лыцик*, *стрига-лыцик* [10, с. 48] нам представляется неубедительным, противоречащим многим принципам и морфемного, и словообразовательного анализа. Что касается *-ат-* в *схем(ат)-ический* и подобных, то они имеют аналогию с производными типа *неб(ес)-ный*, *доче(ер)-ный*, но в то же время нельзя не отметить, что они существенно отличаются от них, поскольку варианты субстантивной основы с наращением и без такового реально представлены в системе морфем русского языка, а именно – в парадигмах склонения. Точно так же разнообразные и весьма регулярные наращенные глагольной основы, обслуживающие словоизменение глагола, являются несомненной принадлежностью именно основы. Привязка *-ат-* к основе строится в концепции В. В. Лопатина на основе частично регулярности (хотя и не достигающей уровня обязательности, как в словоизменении, ср. *схема*, *схемный*, *схемотехника*) их появления в словообразовательных парадигмах, и по этой причине, на наш взгляд, есть основания для признания корней типа *драм-* и *драмат-* вариантными. Их, скорее, можно назвать «вариантоидами» – по аналогии с терминами «суффиксоид», «унирадиосоид» и подобными), а также случаев типа *старожи(л)*, *стеклоду(в)*. К случаям, в которых регулярность дает основания для причисления наращенного к левой части суффикса, В. В. Лопатин отнес случаи типа *-ианск-* (*Кант* – *кант-ианск-ий*), *-лец* (*страда-лец*), *-лыщик* (*носи-лыщик*), *-лк-* (*сея-лк-а*).

Зависимость спаянности суффикса с наращением от регулярности можно показать на таком примере. Если носители литературного языка в словах *кустарник*, *шиповник*, *земляника* отрезки *-ар-*, *-ов-*, *-ан-* могут рассматривать как «остаточные» реликтовые элементы неясного происхождения и функции и, следовательно, их место в структуре будет восприниматься как нефиксированное (*ар*, *ов*, *ан* – интерфиксы), то носителям диалектов, где наряду с приведёнными словами функционируют аналогичные: *пихтарник*, *осокарник*, *кочкарник* (локальные объекты); *коневник*, *чащовник*, *дедовник*, *борцовник* (растения); *костяника*, *княженика*, *голубеника* (ср. *голубика*) и другие (ягоды), – гораздо целесообразнее видеть более или менее целостные аффиксные образования *-арник*, *-овник*, *-арник*, выполняющие, таким образом, в их языковом сознании и определённую классифицирующую роль.

Этот пример достаточно наглядно показывает функциональную роль наращений, возникающих по аналогии, но не являющихся фонетически обоснованными (ср. *контекстный* и *контекстуальный*, *геройский* и *героический*, *молдавский* и *молдаванский*, *карагандинский* и *угандийский*, *судный* и *судебный*, *зубной* и *зубовный*, *поливной* и *поливальный*, *сатанеть* и *чертенеть*, *свежина*, *свеженина* и *свежатина*, *урожайский* и *урожавеский* (о спортобществе), *космополитский* и *космополитический*, *аристотельский* и *аристотелевский*, *национализировать* и *национализовать*, *чертёнок* и *чертенёнок* и др. С обретением свойства воспроизводимости меняется функциональная направленность усложнённых

суффиксов и собственно усложняющих элементов: от синтагматической организации морфем (приспособление формантов и мотивирующих баз) к парадигматической организации мотивированных образований. Нарращениям в какой-то мере присуща интегрирующая функция, свойственная полнозначным морфемам. Например, интегрирующая функция префиксов, заключается в их способности формировать синонимические ряды. Объединение факторов синтаксического контекста и ассоциации синонимов (или слов близких по значению) внутри одного словообразовательного типа и приводит к лексической фиксации определённого значения» [15]. Осложнённые суффиксы действительно некоторым образом фиксируют лексическую семантику, и в этом смысле они более выразительны, чем обычные суффиксы. Так, скажем, суффикс *-уальн-* (в отличие от *-н-*) более определённо говорит об общепотребительном (недискретном) словообразовательном значении, которое в прилагательных с обычным суффиксом *-н-* часто семантически дифференцируется определённым образом: *лес* – *лесной*, *конь* – *конный*, *шум* – *шумный*; он более связан с абстрактными мотивирующими словами, как правило, терминами иноязычного происхождения: *контекстуальный*, *интеллектуальный*, *узуальный*, *процессуальный* и др. Намечаются и более глубокие тенденции функционально-семантической дифференциации, например, варианты *-инск-*, *-анск-* тяготеют к топонимическим основам (ср. *тайга* – *тайжский*, *зима* – *зимний*, но г. *Тайга* – *тайгинский*, и пос. *Зима* – *зиминский*); имеются и более частные проявления интеграции: субморф *-ий-*, например, нередко оформляет прилагательные от названий стран: *угандийский* (ср. *Караганда* – *карагандинский*), *сомалийский* (от *Сомали*), *ириланкийский* (от *Шри-Ланка*), что выглядит естественным, учитывая типичность финали *-ий* у основ этих названий: варианты *-овск-*, *-евск-* – к наименованиям лиц (*мефистофелевский*, *толстовский*, *вердиевский*); *-ическ-* – к абстрактным явлениям (*демократический*, *платонический*, *биологический*, *циклический*). Разумеется, говорить здесь приходится лишь о некотором тяготении, но не о законах сочетаемости. Тем не менее это каким-то образом откладывается в языковом сознании носителей языка, и не случайно слово *океанический*, появившееся одно время в торговом обиходе, вызывало известное чувство неприятия, на наш взгляд, именно потому, что суффикс *-ическ-* «придавал» этому обыденному слову абстрактный характер.

С интегрирующей функцией субморфов неразрывно связана дифференцирующая (или дивергентная): *многозначный* или *многозначительный*, *зубной* и *зубовный*, *осудить* и *обсудить*, *небо* – *небный* и *небо* – *небесный* (в данном случае дифференцирующая функция осуществляется через выбор варианта основы, к которой и должен быть отнесен отрезок *-ес*), *философский* – *философический*, *судный* и *судебный*, *конский* и *коневский* (от фамилии Кони), *князь* – *княжеский*, с. *Князи* – *князевский*, *дуб* – *дубеть* и *дуб* – *дубенеть*, *дом* – *домина* и *дом* – *домо-*

вина, поливной и поливальный (разные релятивные семьи) и др.

Закономерности употребления субморфов по аналогии» связаны не только с функционально-семантическими факторами – и в этом их противоречивость, но и с чисто фонетическими: односложностью мотивирующего слова: *шутовской, нищенский*, наличием неудобопроизносимых сочетаний звуков (*нищенский, марковский*, но *ангельский*), а также со структурными факторами, в частности с аббревиатурным составом мотивирующего слова типа *роддомовский, детсадовский*).

Литература

1. Антипов, А. Г. Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) / А. Г. Антипов // Вестник КемГУ. – 2010. – № 2.
2. Анчаров, М. Самшитовый лес / М. Анчаров. – Новый мир, 1979. – №10.
3. Грамматика современного русского литературного языка. Т. 1. Репринтное издание. – М., 2005.
4. Земская, Е. А. Интерфиксация в русском словообразовании / Е. А. Земская // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964.
5. Земская, Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании / Е. А. Земская // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975.
6. Золотухин, В. На Исток-речушку к детству моему / В. Золотухин. – М., 1979.
7. Иванов, Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. – М., 2004 (раздел 2. «Субморфы и их диахроническая значимость»).
8. Капанадзе, Л. А. Об актуализации морфемной членимости слова в речи (употребление префиксальных глаголов в русской речи) / Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975.
9. Кукушкина, О. В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфологии / О. В. Кукушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2008. – № 5.
10. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
11. Поздняков, К. И. О природе и функциях внеморфемных знаков / К. И. Поздняков // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6.
12. Поздняков, К. И. Микроморфология или морфология парадигмы? / К. И. Поздняков // Язык и речевая деятельность. 2002. – Т. 5. Филологический факультет СПбГУ. – 2003.
13. Попова, М. Т. Некоторые закономерности фонемного состава интерфиксов / М. Т. Попова // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3 – 2.
14. Советский спорт. – 1973. 26 сентября.
15. Соколов, О. М. О дифференцирующей и интегрирующей функциях глагольных префиксов / О. М. Соколов // Труды ТГУ. – Томск, 1968. – Т. 197.
16. Стурра, М. Путешествие на Гоцо / М. Стурра // Новый мир. – 1978. – № 2.
17. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968.
18. Яценецкая, М. Н. О двух методах и аспектах анализа производных слов / М. Н. Яценецкая // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1977. – Вып. 2.
19. Яценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Яценецкая. – Томск, 1979.

УДК 808.5

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Р. Дегтярёва, М. А. Осадчий

THE EUPHEMISM AS A TACTIC OF LEGAL AND ETHICAL RISK AVOIDANCE IN PUBLIC COMMUNICATIONS

A. R. Degtyareva, M. A. Osadchiy

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-34-00324а2).

В ходе исследования построена классификационная модель эвфемизмов, системной осью в этой классификации является модель коммуникативного акта, предписывающая каждому из типов эвфемизмов место в реализации стратегий и тактик участников коммуникации, стремящихся уйти от правовых и этических рисков в публичной коммуникации. Принцип функциональной классификации заключается в том, что эвфемизмы подразделяются на группы, соответствующие различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям говорящего и слушающего. Соответственно в классификации мы выделяем зону говорящего и зону слушающего. Исследование проведено в сопоставительном аспекте: в качестве материала избраны стилистически различные газеты – «Московский комсомолец в Кузбассе» и «Известия». В ходе исследования зарегистрирована неравномерность распределения частотности использования различных типов эвфемизмов. Это позволяет заключить, что на реализацию речевых тактик говорящего и слу-

шающего в аспекте использования эвфемизмов влияют не только форма речи, коммуникативные интенции, компетенции говорящего и слушающего, но и статус печатного издания, читательская аудитория.

The study built a classification model of euphemisms system whose axis is a communicative act, prescribing each type of euphemisms a certain place in communication strategies and tactics of participants seeking to escape legal and ethical risks in public communication. The principle of functional classification is that euphemisms are divided into groups corresponding to different communicative settings and communicative reactions of the speaker and the listener. Accordingly in the classification we select the zone of the speaker and that of the listener. The study was conducted in a comparative perspective: stylistically different newspapers - "Moskovsky Komsomolets in Kuzbass," and "Izvestiya" – were chosen as the material. Uneven distribution of frequency of using different types of euphemisms is registered. This allows us to conclude that not only form of speech, communicative intentions, competence of the speaker and the listener, but also the status of publication, and the readership implement to speech tactics of the speaker and the listener in the aspect of using euphemisms.

Ключевые слова: эвфемизм, риски, публичная коммуникация.

Keywords: euphemism, risks, public communication.

Большая часть исследователей считают, что в основе эвфемизма лежит субститут (замена грубого слова нейтральным), но это характерно для узкого понимания изучаемой единицы. Так, если спектр назначения эвфемизмов заключается в «осуществлении этико-этикетной, эмоционально-психологической, эстетической, общекультурной функций для создания культурного общения» [9], то назначение дисфемизма в намеренном воздействии, в основе которого лежит табу. Следовательно, дисфемизм можно определить как «запрещенное обычаем или приличием слово (табу), на месте которого употребляется иное, приукрашенное выражение (эвфемизм)» [10]. Соответственно эвфемизмы – это слова и выражения, заменяющие табуированные слова.

Следуя за исследователями, можно сделать вывод, что «эвфемизм и дисфемизм являются противоположными полюсами на оси оценочного варьирования денотата: эвфемизм «работает» на улучшение денотата, а дисфемизм – на его ухудшение» [21].

Таким образом, можно предположить, что эвфемизмы и дисфемизмы, имея в своей основе общее явление – «гиперболизацию» признака, выполняют различные функции: эвфемизм за счет интенциональной нагруженности используется как способ уклонения от этических и правовых рисков, затемнения денотата, манипуляции ценностными установками говорящего и слушающего, сокрытия за прямой номинацией разоблачительного контекста. Дисфемизм же, напротив, гипостазировывает инвективу, отрицательные и пейоративные оценки.

Ряд исследователей [1; 5] рассматривают эвфемизмы как частный случай косвенной номинации, что характерно для широкого подхода к рассмотрению этого явления, в рамках которого будет выполнено наше исследование с функциональной позиции.

На сегодняшний день в лингвистике нет единого подхода к классификации эвфемизмов: типы классификаций варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу. В настоящее время насчитывается десятки классификаций, которые в наиболее общем виде описаны Е. П. Сеничкиной: уровневая и лексико-семантическая классификация [14; 16; 5]; мотивационная классификация эвфемизмов [4; 2; 14;

18]; по степени сложности зашифровки [15]; морфологическая классификация [14].

Функциональный аспект выходит за пределы границ микроструктуры языка, рассматривает коммуникативные интенции и компетенции участников коммуникации, охватывает все пласты лексики, различные стилевые регистры. При рассмотрении эвфемизмов с функциональной позиции мы разделяем участников коммуникации на говорящих и слушающих, посылы и реакции которых должны быть взаимными, но стратегия речевого акта представляется по-разному: каждый из участников коммуникации имеет свои цели и намерения в процессе речевого акта, у каждого своя стратегическая роль.

Автор (говорящий/пишущий) с помощью эвфемизмов пытается сгладить конфликтогенную ситуацию, избежать ответственности независимо от стилевого регистра и сферы общения, производит номинативную замену таким образом, чтобы она была понятна адресату, адекватна заранее заданной речевой ситуации. Адресат (слушающий/читающий) своей задачей ставит «разгадать» предмет речи. При этом слушающий актуализует определенный багаж фоновых знаний для вычленения эвфемистических замен, реминисценций, прецедентных высказываний.

При выполнении функциональной классификации эвфемизмы подразделяются на группы, соответствующие различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям говорящего и слушающего. Соответственно, в классификации мы выделяем зону говорящего (Г) и зону слушающего (С).

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции говорящего:

Г1. По степени интенциональной нагруженности:

Г1.1. Интенционально ненагруженные (автоматические, не осознаваемые как эвфемизмы) (Хз, блин, песец, ёлы-палы, тупец).

Г1.2. Интенционально нагруженные, среди них по типу интенции:

Г.2.а) с целью ухода от правовых рисков (открытый рейдерский захват чужой интеллектуаль-

ной собственности вместо воровство авторской телепередачи) [6, 7];

Г1.2.6) с целью ухода от этических рисков (подошла дама преклонных лет вместо подошла старуха).

Г2. По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

Г2.1) явные (заснул вечным сном вместо умер);

Г2.2) затемненные (глаз стилиста, что называется, замыливается вместо скрываются отдельные нелицеприятные факты);

Г2.3) перверсные (список выглядит очень торжественно вместо скудно).

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции слушающего:

С1. По степени вычленимости в потоке речи, то есть степени потенциальной идентификации как эвфемизма:

С1.1) невычленимые (Ой, блин, как больно!);

С1.2) вычленимые (заемщица простила свой долг банку вместо заемщица не уплатила по кредиту).

С2. По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

С2.1) непрозрачные (сотрудники нагрели учреждение вместо обманули);

С2.2) прозрачные (травка вместо наркотическое средство).

С3. По типу герменевтической опоры:

С3.1) прецедентные (Все уходит, как в канкиномх вместо все остается без ответа);

С3.2) непрецедентные (нет ничего удивительного, что совместные проекты «трещат по швам»).

Классификация с позиции слушающего коррелирует с классификацией с позиции говорящего, посылы и реакции которых являются взаимными, но эта корреляция может выстраиваться по различным моделям, так как подчиняется стратегии говорящего и коммуникативным способностям слушающего.

В рамках настоящей статьи описываются результаты регистрации частотности реализации и типа корреляции типов эвфемизмов в соответствии с предложенной выше функциональной классификацией. В качестве материала избраны массовые популярные газеты – «Московский комсомолец в Кузбассе» и «Известия».

В номерах данных СМИ за период с 2010 по 2011 годы удалось зарегистрировать 91 случай использования эвфемизмов, частотность реализации которых можно проследить в следующих рядах типов сочетаемости (таблицы 1, 2).

Данные сводные таблицы демонстрируют случаи стабильной сочетаемости, подтверждая гипотезу корреляции типов эвфемизмов, соответственно мы можем говорить о взаимозависимости между типами эвфемизмов с позиций предложенных классификаций. Доминирующими типами в данных изданиях выступают типы комбинаций под номерами 2 («МК в Кузбассе») и 1 («Известия»). Непрецедентные, вычленимые, затемненные эвфемизмы, используемые с целью ухода от правовых рисков, присущи публи-

цистическому тексту. Такого типа эвфемизмы не могут быть легко прочитаны, однако это их свойство делает текст менее конфликтногенным. Так, во фразе «Заемщица "простила" свой долг банку» перед нами эвфемистическая замена (простила вместо украла), которая затемняет смысл высказываемого, помогая автору избежать юридической ответственности за распространение порочащих сведений.

Таблица 1

Частотность реализации эвфемизмов (по типам) – «Московский комсомолец в Кузбассе»

№	Комбинации сочетаемости	Кол-во повторений
1	Г1.2.а; Г2.3; С1.2; С2.2; С3.2	2
2	Г1.2.а; Г2.2; С1.2; С2.1; С3.2	22
3	Г1.2.б; Г2.2; С1.2; С2.2; С3.2	2
4	Г1.2.б; Г2.3; С1.2; С2.1; С3.2	3
5	Г1.2.а; Г2.3; С1.2; С2.1; С3.2	13
6	Г1.2.б; Г2.2; С1.2; С2.1; С3.2	2
7	Г1.2.а; Г2.1; С1.2; С2.1; С3.2	2
8	Г1.2.а; Г2.1; С1.2; С2.2; С3.2	2

Таблица 2

Частотность реализации эвфемизмов (по типам) – «Известия»

№	Комбинации сочетаемости	Кол-во повторений
1	Г1.2.а; Г2.2; С1.2; С2.1; С3.2	30/22
2	Г1.2.а; Г2.2; С1.2; С2.1; С3.1	3
3	Г1.2.а; Г2.3; С1.2; С2.1; С3.2	7/13
4	Г1.2.а; Г2.1; С1.2; С2.2; С3.2	2/2
5	Г1.2.а; Г2.2; С1.2; С2.2; С3.2	2/2

Иллюстрируя тип сочетаемости под номерами 5 («МК в Кузбассе») и 3 («Известия»), следует процитировать предложение из публикации в МК: «Какой "гениальный ученый сделал такое открытие" – куда там даже какому-то Эйнштейну» (о неверных научных выводах, о глобальном потеплении) перед нами перверсный, вычленимый, непрозрачный эвфемизм. В данном типе эвфемистической замены автор не дает прямой оценки, не называет ученых бесталанными или бездарными, а заменяет рискованное в правовом плане высказывание нерискованным, иными словами, производит его антонимическую замену, предлагая читателю разгадать прозрачную антифразу. Данный тип эвфемизмов может трактоваться нами как вычленимый, непрецедентный, то есть воспринимается адресантом как речевая замена. Тогда как эвфемизмы, классифицируемые по пункту С1.1 (слова типа *Хз*, *блин*, *песец*, *ёлы-палы*, *пипец*) и присущие разговорной речи, не воспринимается как речевая замена пейоративов, по этой причине эвфемизмы данного типа не были зафиксированы на страницах исследуемого материала.

Прецедентные эвфемизмы (тип эвфемизмов под номером 2 газеты «Известия») были зарегистриро-

ваны в единичных случаях. Для обращения к данному типу эвфемизмов нужно учитывать коммуникативные интенции и компетенции читателя, который должен без труда «разгадать» замысел автора. Например, во фразе: «*Мы со своими замечаниями по Лесному кодексу куда только не обращались, каких писем ни писали, – не скрывает горечи руководитель Ассоциации лесопромышленников области Виктор Решетов. – Все уходит, как в канкин мох*» вместо уходит корнями в эпоху безрезультатно, впустую. Для понимания данного высказывания читатель намерен обратиться к интертекстуальным отсылкам – известному мифу о потопе. Таким образом, коммуникативные стороны должны обладать общим багажом фоновых знаний для восприятия подобных реминисценций.

В результате исследования прослеживается неравномерная частотность использования эвфемистических замен в публицистических текстах, которые обусловлены факторами публичности речи и письменной формы. Подводя итоги сопоставительного исследования соотношения частотности реализации различных типов эвфемизмов в различных по типу изданиях, мы можем отметить, что газета «Известия» более цензурированная, масштабная, относящаяся к числу федеральных массовых изданий, по числу зарегистрированных эвфемизмов не уступает менее цензурированному периодическому изданию «МК в Кузбассе». Это объясняется тем, что в «Известиях», несмотря на ожидаемую стандартизованность, шаблонность, в состав основного материала входят также разделы «Общество», «Культура» и авторская рубрика «TV» Ирины Петровской. Данные разделы содержат эвфемистические замены, продиктованные конфликтогенностью публикуемых материалов. В разделах «Новости», «Политика», «Экономика», «Мир» и «Спорт» были зарегистрированы единичные случаи использования эвфемизмов (табл. 3).

В еженедельной газете «Московский комсомолец в Кузбассе» использование эвфемизмов зарегистрировано повсеместно, на всем публикуемом полотно, это объясняется тем, что данное массовое издание менее цензурировано, ориентировано на иную читательскую аудиторию. Необходимо отметить, что доминирующими в исследовательском издании оказались не эвфемизмы, а дисфемизмы (табл. 4).

Таким образом, зарегистрированная неравномерность распределения частотности использования различных типов эвфемизмов позволяет заключить, что на реализацию речевых тактик говорящего и слушающего в аспекте использования эвфемизмов влияют не только форма речи, коммуникативные интенции, компетенции говорящего и слушающего, но и статус печатного издания, читательская аудитория.

Таблица 3

**Частотность реализации эвфемизмов
и дисфемизмов (по рубрикам)
в газете «Известия»**

<i>Рубрика</i>	<i>Кол-во эвфемизмов</i>	<i>Кол-во дисфемизмов</i>
Постоянные рубрики		
«Новости»	4	1
«Политика»	0	8
«Экономика»	7	0
«Мировая хроника»	2	1
«Культура»	1	0
«Москва»	0	0
«Мнения и Комментарии»	0	5
«Общество»	16	0
«Персона»	0	0
«Спорт»	0	5
«Страна»	1	0
«Армия»	0	0
«История»	0	0
«Расследование»	0	14
«Образование»	0	0
«Политклуб»	0	0
«Наука»	0	0
Непостоянные рубрики		
«Авто»	0	0
«Здоровье»	0	0
«ИТ и Телеком»	0	0
«Космос»	0	0
«Медиа»	0	0
«Мнения»	0	0
«Прокурор разъясняет»	0	0
«История»	0	0
«Отцы и дети»	0	0
«Письма»	0	0
«Поможем вместе»	0	0
«Ретро-известия»	0	1
«Родная речь»	0	0
«Светская хроника»	0	2
«Специальный проект»	0	0
«Специальный репортаж»	0	16
«TV с Ириной Петровской»	14	7
«ЧП»	0	0

Таблица 4

**Частотность реализации эвфемизмов
и дисфемизмов (по рубрикам)
в газете «Московский комсомолец в Кузбассе»**

<i>Рубрика</i>	<i>Кол-во эвфемизмов</i>	<i>Кол-во дисфемизмов</i>
Постоянные рубрики		
«Острый угол»	23	67
«Игры патриотов»	0	2
«Слуховое окно»	0	1
«Экономика»	0	1
«Общество»	8	0
«Профессия»	1	0
«Власть»	1	0
«Свободная тема»	3	0
«МК РРЕ / реклама»	0	5
«Личный счет»	0	0
«О самом важном за неделю»	0	0
«Без комментариев»	0	0
«Персона»	0	0
«Дежурный репортер»	0	0
«Спец.репортаж»	0	0
«Образование»	0	0
«Мк-Доктор»	0	0
«Память»	0	0
«Спорт»	0	0
«Личный счет»	0	0
«Право руля»	0	0
Непостоянные рубрики		
«Автосалон»	0	3
«Кошелёк»	0	1
«Письма президенту»	6	0
«Судный день»	2	0
«Проблема»	3	0
«Ты и я»	0	0
«Беспредел» и др.	0	0

Литература

1. Арнольд, И. В. Лексикология / И. В. Арнольд. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1986.
2. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – М., 1953. – Ч. 2.
3. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века / Л. А. Булаховский. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1957.
4. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.

5. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л., 1988.
6. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М., 1966.
7. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца 19 столетия. – М.: Языки русской культуры, 2000.
8. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.
9. Ковшова, М. Л., Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов [Текст] / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
10. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М., 2006.
11. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61. – № 1.
12. Куркиев, А. С. О классификации эвфемистических названий в русском языке / А. С. Куркиев. – Грозный.
13. Куркиев, А. С. Классификация эвфемизмов по порождающим мотивам [Текст] / А. С. Куркиев. – Грозный, 1977.
14. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах [Текст] / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Проблемы языкознания: сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И. И. Мещанинова. – Л.: ЛГУ, 1961.
15. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Волгоград, 1999.
16. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст] / В. П. Москвин – 2-е изд. – М.: Ленард, 2007.
17. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования / З. И. Резанова. – Томск, 1996.
18. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 1996.
19. Санников, В. З. Эвфемизм [Текст] / В. З. Санников // Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
20. Сенечкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: учебное пособие [Текст] / Е. П. Сенечкина. – М.: Высшая школа, 2006.
21. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал: дис. ...докт. филол. наук. – Волгоград, 2000.
22. Шмелёв, Д. Н. Эвфемизмы / Д. Н. Шмелёв // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979.

УДК 81'373.611

**ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СПОСОБОВ И ПРИЕМОВ
ГРАФОДЕРИВАЦИОННОЙ ИГРЫ****(на материале наружной рекламы г. Кемерово)****Э. С. Денисова, Е. А. Василенко****INFLUENCING POTENTIAL OF GRAPHIC-DERIVATIVE GAME
METHODS AND TECHNIQUES****(as revealed in the outdoor advertisement in Kemerovo)****E. S. Denisova, E. A. Vasilenko**

В статье анализируются графодериваты, их воздействующий потенциал и особенности функционирования в наружной рекламе. В рамках данной проблематики было разработано и проведено экспериментальное исследование, целью которого было измерение воздействующего потенциала производной лексики в свете реализации словообразовательной игры.

The article analyzes the graphic derivatives, their influencing potential and features in the outdoor advertisement. As part of this problem, the experimental study was developed and conducted, to measure the influencing potential of derivative vocabulary in the light of implementing word-formative game.

Ключевые слова: словообразование, графические дериваты, наружная реклама, речевое воздействие, словообразовательная игра

Keywords: word-formation, graphic derivatives, outdoor advertisement, speech influence, word-formative game.

*"Искусство рекламы в том и состоит,
чтобы переместить информацию
из зоны безразличия в зону восприятия"*
В. Е. Демидов

В настоящее время человек находится под властью рекламы, которая встречается повсюду: на телевидении, на радио, на страницах газет, на улицах города. Реклама не только информирует о продукте, привлекает внимание потребителя к нему, мотивирует к приобретению товара, устанавливает и поддерживает длительные отношения между потребителем и компанией, но и оказывает влияние на весь строй мышления человека, на стиль мировосприятия, а также на его поведение (ср. [12, с. 135]).

В последнее время рекламные тексты составляют основу языкового пространства любого города (см. работы в [13, с. 130]). Основными характеристиками данных текстов являются языковое и социокультурное наполнение, специфические механизмы эмоционального и психологического воздействия на адресата. В связи с этим следует отметить, что рекламные тексты призваны выполнять экспрессивную функцию, заключающуюся в стремлении оказать определенное воздействие на адресата посредством создания более «яркой», запоминающейся языковой оболочки для известной, устойчивой номинативной единицы. Воздействие рекламы на человека осуществляется с помощью различных средств. К таковым можно отнести психические практики, особое построение, смысловое наполнение и языковое оформление рекламного произведения [3, с. 6].

В устной сфере рекламы воздействие осуществляется при помощи как вербальных (выбор слов, словосочетаний, построение предложений, а также употребление средств речевой выразительности: тропов, фигур и т. д.), так и невербальных компонентов (интонации, темпа речи, мимики, жестов и

пр.). В письменном же тексте воздействующий потенциал ограничивается лишь вербальными средствами. Именно поэтому при создании рекламного текста копирайтер прибегает к использованию различных приемов метаграфемии, в частности, таких ее средств, как супраграфемия (выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения – курсив, подчеркивание, разрядка, использование заглавных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта) и топографемия (способы размещения печатного текста на плоскости).

Под речевым воздействием нами понимается «использование особенностей устройства и функционирования различных знаковых систем (паралингвистических (т. е. «окололингвистических») семиотических систем, к которым относятся, прежде всего жесты, мимика и позы (так называемая кинесика, образующая ядро паралингвистики в традиционном понимании последней), эстетические коды словесного творчества (например, стилистические коды и систему интертекстуальных ссылок); а также, в случае письменной коммуникации, средства графического оформления текста (метаграфемия)) и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения» [6, с. 23].

Задача нашей статьи – проследить, с помощью каких способов и приемов графодеривационной игры осуществляется воздействие в рекламном дискурсе.

Рекламный дискурс, с одной стороны, рассматривается нами как совокупность семиотических элементов, организующих текст и контекст. При та-

кой трактовке одной из главных особенностей рекламного дискурса является его «комплексный, поликодовый характер» [1, с. 6], поскольку в его пределах сочетаются элементы различных семиотических структур. С другой стороны, рекламный текст представляет собой одну из разновидностей медиатекста – «последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика которых обусловлена конкретным каналом массовой информации» [3, с. 124] (ср. с [12, с. 220]). Функционирование таких разнородных элементов в пределах одного текста позволяет говорить о феномене языковой игры, под которой мы понимаем «сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы» [8, с. 167 – 190].

В рекламном медиатексте достаточно частотны графические трансформации слов, которые являются одним из приемов графодеривационной игры, представляющей собой «особый тип функционирования языкового знака, характеризуемого специфическим механизмом осуществления – активным участием внешней структуры слова при его употреблении, актуализацией значимых формальных оппозиций слова, служащих для выполнения рекламного замысла» [2, с. 83 – 88].

Согласно существующей классификации, рекламный дискурс можно дифференцировать на рекламные тексты (в т. ч. и слоганы) и рекламные имена [10, с. 144].

Рекламный текст представляет собой особый тип текста, имеющий определенные функции, реализуемый в устной или письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации, с преобладающей коммерческой целью – привлечение внимания адресата к тому или иному виду товара или услуги и побуждение его сделать выбор в пользу рекламируемого товара или услуги, компании и бренда [10, с. 144].

Под рекламными именами обычно понимаются «коммерческие наименования любых объектов, подлежащих рекламированию» [4, с. 33]. Рекламные имена представляют собой однословные (реже двусловные) номинации, которые подразделяются на следующие группы [9, с. 149]:

1) прагматонимы (словесные товарные знаки): леденцы «Рел@кс», кукурузные палочки «Попуруzza»;

2) эргонимы (названия деловых объектов: фирм, предприятий, организаций, в том числе обществ, союзов, политических партий): студия разработки web-сайтов и фотослужб «С@бака», салон красоты «Манхеттен»;

3) геортонимы (названия фестивалей, конкурсов, концертов): юбилейная программа рок-группы «Nautilus Pompilius» «науБУМ», развлекательная программа команды КВН «Уральские пельмени» «снеГОДия»;

4) гемеронимы (названия средств массовой информации): газеты «Статус - ВО!», «Комсомольская правда».

5) порейонимы (названия транспортных средств): автомобиль для перевозки мусора «СОРо-ежка», автомобиль доставки паркетных полов «ПАРКЕТ-мобиль».

Слоган представляет собой рекламный девиз, который в сжатом виде передает рекламное сообщение, часть долговременной коммуникационной платформы бренда. Слоганы используются во всех видах рекламной коммуникации для привлечения внимания целевой аудитории, повышения её лояльности к бренду, стимулирования продаж.

Стоит отметить, что в наружной рекламе г. Кемерово активно используются графически трансформированные слоганы. Например, рекламная акция, проводимая торгово-развлекательным комплексом «Гринвич», проходила под девизом: «МехаМания начинается!», где в структуре слова «мехамания» позицию интерфиксального компонента О занимает элемент А, что соответствует произносительному, а не орфографическому варианту лексем.

Самым распространенным и лучше всего освоенным копирайтерами языковым инструментом, который преследует цель эстетического воздействия на адресата, является выбор параграфемного элемента. Такой элемент способен воздействовать на воображение реципиента, формируя у него зрительные образы и возникающие в связи с ними ассоциации. При восприятии рекламного текста адресат может «развернуть» семантику одного слова до целой ситуации. Например, в слогане рекламной акции торгового центра «Я» «%та за скидками» первое слово представлено в виде графемы %та, где из реbusной информации, скрывающейся за символом % (проценты), реципиент извлекает дополнительный смысл «охота за процентами по скидке». Аналогичный пример можно встретить в меню ТВ-бара «ВОЛНушкА» – %бад, где за параграфемным компонентом слова эксплицируется следующий контекст: «этот обед позволяет сэкономить, т.к. на него действует скидка в процентах». В слогане антиалкогольной акции «СПИВаются быстро» прочитывается синтагма «С пива спиваются быстро». Или, например, в тексте рекламной акции «дни со ВСЕМ скидок», проводимой гипермаркетом бытовой техники «ТехноСила», скрывается следующий смысловой пласт: «дни не просто скидок, а скидок всем и для всех».

Часто в структуру рекламных слоганов копирайтер включает элемент, являющийся логотипом той или иной фирмы, для большего ее продвижения на рынке. Например, компонент D, входящий в состав слогана «РазбуДильники в утреннем шоу "Бигуди"», является логотипом радиостанции «Dfm». Нередко в слоганах рекламщики с помощью шрифтового выделения обыгрывают названия предприятий, фирм, супермаркетов, торговых марок и т. д. Например, рекламный слоган кофе MAXIM – «Возьми MAXIMум от кофе» или «линейно» прочи-

тываемый девиз супермаркета «Кора» – «сКОРА праздник каждый день». Еще одним ярким примером является реклама автомобиля Mazda Zoom-Zoom, слоган которой «Изоумительный автомобиль». Вкрапление в структуру слова «изумительный» компонента *zoom* позволяет акцентировать внимание на второй производящей основе деривата – названии марки автомобиля.

Еще одним активным «инструментом» воздействия является трансформация известных устойчивых выражений (в т. ч. фразеологизмов) и прецедентных текстов. По такому принципу созданы, например, рекламные слоганы магазина детского трикотажа ХЛОП'ОК – «Связано - сделано!» (ср.: «Сказано-сделано!»), телевизионного сериала МАРГОША – «Женщиной не рождаются» (ср.: «Оратором не рождаются, оратором становятся»), магазина тканей МирТек – «Давайте шить дружно!» (ср.: «Давайте жить дружно!») или кошачьего корма Felix – «Вкусно так, что усики облизешь» (ср.: «Вкусно так, что пальчики облизешь») и мн. др.

Как видим, слоганы выполняют преимущественно прагматическую функцию, они содержат различные информационно-оценочные характеристики объекта рекламы или обращения к потенциальному покупателю (потребителю), преследующие цель продвижения товара, создание его неповторимого имиджа [10, с. 144].

Как было отмечено выше, при создании рекламных слоганов и рекламных имен копирайтеры используют элементы из разных семиотических систем: математики (*ЦифрОград*, *[π]ЕКЛО*, *ПРО100 БАР*, *авто7я*), химии (*МедОзон*), компьютерной сферы (*Интернет*, *КиберПочт@*, *СТРАХОФКА*, *ФОРМАТ©om*), а также символы латиницы (*Стрaсти по пaсте*, *Пивкоff* и *Водочкин*, *sneЖnyi.com*, *Зеркало*), знаки препинания, рубрикации (*ДВИЖ'ОК*, *Кувыр.com*, «От» *ЛИЧНЫЕ тарифы*), зачеркивания, подчеркивания («*Большому банкету*» – *большие скидки*) и т. д.

Поэтому в настоящее время в условиях возрастающей конкуренции использование наружной рекламы становится все более эффективным. Для усиления прагматического и эмоционально-эстетического воздействия на адресата в структуре рекламных имен все чаще используются параграфемные элементы, поскольку употребление подобного рода знаков создает благоприятную атмосферу, делает рекламные имена яркими и запоминающимися. Вводя в рекламный дискурс слова-гибриды, копирайтер тем самым «уплотняет» текст, стремясь передать максимум информации, используя при этом минимальное количество символов, благодаря употреблению параграфемного элемента, свертывающего исходную пропозицию. Такая компрессия смысла, во-первых, способствует экономии пространства, времени, а также речевых усилий адресата; во-вторых, обеспечивает лучшую запоминаемость рекламного имени; в-третьих, работа адресата над расшифровкой смысла рекламного имени способна

доставить ему эстетическое удовольствие от узнавания зашифрованной в тексте информации.

В рамках данной проблематики нами были разработаны и проведены два этапа исследования – свободный и направленный ассоциативные эксперименты, целью которых было измерение воздействующего потенциала непроизводной/ производной лексики в свете реализации графодеривационной игры.

Объектом нашего исследования являются графодериваты, функционирующие в рекламном медиатексте. В качестве материала исследования нами был избран пласт наружной рекламы г. Кемерово: рекламные имена (вывески) и рекламные тексты (рекламные щиты, баннеры, рекламные афиши, объявления, буклеты, а также этикетки (товарные знаки)) в период с 2008 по 2012 гг.

Экспериментальный список включал 20 единиц, имеющих в своей структуре графические трансформации: адвокатУРА, Г^орячие (туры), ЕврО^Оптика, Киберпочт@, КнигОмир, ORANGEтур, %та (за скидками), С^НАТА, ФОРМАТ©om, ХЛОП 'ОК; вечеGREENка, влиWI-TEсь, кувыр.com, kroy. york, медОзон, попурыzza, разбуДильники, РЕЕформа, страхOFFка, ШИКолад.

Опрашиваемую аудиторию составили студенты различных факультетов (социально-психологического, химического, физического, факультета физической культуры и спорта Кемеровского государственного университета, а также студенты механико-машиностроительного факультета Кузбасского государственного технического университета). Общее количество информантов составило 100 человек.

Информантам предъявлялся список слов-стимулов, предлагалось записать первые приходящие в голову ассоциации (ответить на вопрос: «Какие ассоциации вызывает данное слово?») и дать семантические дефиниции на представленные единицы (ответить на вопрос: «Что может означать данное слово?»). В качестве иллюстративного материала им были предложены фотографические изображения слов-стимулов. Материал для эксперимента был напечатан в виде таблицы на отдельном листе. Также был проведен инструктаж информантов с целью выявления адекватности понимания ими предложенного задания.

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет говорить о том, что «мотивационные рефлексии характерны для любого носителя языка как один из компонентов его языковой способности» [7, с. 10]. Но эти мотивационные рефлексии являются неоднородными, поскольку каждый реципиент воспринимает ту или иную инновацию по-разному, в соответствии с возможностями своего индивидуального лексикона. Как отмечает исследователь В. Е. Чернявская (и подтверждает проведенный нами эксперимент), «при общем денотативном значении слова возможны различия в его коннотациях – дополнительных эмоционально-оценочных субъективно-личностных значениях» [11, с. 14].

При интерпретации слова с графически выраженным компонентом в его структуре, информант

может использовать стратегию псевдоэтимологизации. Яркий пример тому – анализ реципиентами слова *медОзон*: *мед* (медицинский) / *озон* “медицинский метод лечения активным кислородом”, “озонотерапия”. Информанты дали следующую ассоциацию на данный стимул: «*пасека и прилегающая к ней территория*». Из приведенной трактовки видно, что в сознании носителей языка данная инновация образована от производящих основ «*мёд*» и «*зона*» (некая территория), в результате чего происходит новое членение структуры слова: *мёд* / *о* / *зон(а)* (*О* выступает в качестве интерфиксального компонента).

При линейном прочтении адресатом новообразования *медОзон* можно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, мы видим переход от символа к букве: знак химического элемента *О₃* (озон) прочитывается как единый слог *-ОЗ*. Числовой компонент *3* переходит в букву *з*, так как графический облик этих элементов практически идентичен. В связи с этим формула химического элемента *О₃* не актуализируется информантами при прочтении данного слова, происходит замена лексемы (*о*)*зон* на *зон(а)*, т. е. гласная *О*, стоящая в препозиции в производящем слове *озон*, становится интерфиксальным (соединяющим) элементом в структуре слова-композиата. Например, *медицинская зона, где приобретают оборудование; медицинская зона – территория Медицинской академии*. С другой стороны, происходит замена букв символами: новообразование *медОзон* трансформируется в химическую формулу *MgO₃OH*; такому «превращению» способствует графическая оболочка синтагмы. При интерпретации данного слова информант в первой части *мед-* заменяет элемент *д* на *g*, поскольку на письме они имеют схожее начертание; при этом гласная буква *Е* «выпадает», а компоненты *м* и *д (g)* оказываются рядом и прочитываются как единый слог *Md* (химический элемент – магний).

Графические искажения дают возможность «двоякого» прочтения одного и того же слова и тем самым узнавания в его составе двух разных, но связанных между собой семантических структур. Например, при анализе структуры слова *попуруzza* информанты, с одной стороны, актуализировали первую часть слова *поп-*, например, *что-то связанное с популярной музыкой, попсой*; с другой стороны, интерпретаторы делали акцент на вторую часть синтагмы *-руzza*, в связи с чем возникали такие ассоциации, как *доставка пиццы* или *кафе-пиццерия*. Стоит отметить, что информанты подменяли исходную производящую основу *руzza* близким по графической структуре словом *pizza* (ср. *popurizza*).

Для подтверждения результатов основного эксперимента нами было разработано и проведено дополнительное исследование. Информантам предлагалось записать ассоциации и дать дефиниции графически трансформированным словам и словам, структура которых не содержит графических элементов. Эксперимент показал, что параграфемный компонент, входящий в структуру синтагмы, однозначно влияет на восприятие и интерпретацию лек-

сем экспериментального списка. Приведем несколько примеров: первая пара слов *книгОмир* (элемент *О* визуализирован в виде часов) и *книгомир* (изображение часов отсутствует). В первом случае благодаря иллюстративному компоненту были получены такие ассоциации, как *время читать; время для чтения; часы, потраченные на чтение; магазин книг и часов* и пр., во втором случае в связи с отсутствием дополнительной графемы ассоциативный ряд был следующим: *мир книг; книги о мире; множество книг; калейдоскоп книг* и т. д.

Вторая пара слов – *адвокатура* и *адвокатУРА* – представляет пример наличия / отсутствия цветового маркирования одного из компонентов в структуре стимула. При интерпретации слова, в котором отсутствует графически выраженный компонент (*адвокатура*), большинство информантов осознавали семантическую структуру слова посредством опоры на словарное значение данной единицы, в связи с чем возникали следующие ассоциации: *коллегия / бюро / компания адвокатов, юридическое агентство / офис*. При интерпретации слова с графически выраженным сегментом *-УРА* в сознании информантов появлялся коннотативный компонент, который отсутствовал у предыдущей лексемы, например, *лучший / опытный / отличный / сильный / успешный / хороший адвокат (т.е. услуги адвоката, которые воспринимаются на «ура»)*.

Третья пара слов – *хлопок* и *хлоп'ок*. При интерпретации первой узуальной лексемы информанты подбирали прилагательные, характеризующие качество подобного рода волокна и изделий из него. Например, возникали такие ассоциации – *мягкий / пушистый / приятный / легкий / прочный / теплый* и т. п. При толковании второго слова были выявлены следующие ассоциации – *хлопать в ладоши; звук; шум; аплодисменты; рукоплескание* и т. д., в которых непосредственная связь с волокном и изделиями из него отсутствует, благодаря цветовому и акцентологическому маркированию слова (с помощью апострофа). Иногда во внимание интерпретаторов попадал формант *-ок* (англ. "хорошо"), что и давало толчок к возникновению таких ассоциаций, как *хороший; хорошо; изделие из хороших материалов; отличный хлопок*.

Как правило, замена букв рекламного имени визуальными образами вызывает у читателя ассоциации, связанные с рекламируемым товаром или услугой, что повышает эффективность рекламы. Например, магазин, в котором заядлый рыбовод может приобрести все, что ему необходимо для любимого занятия, носит название *КАЙФ*. В данном примере буква *Ф* изображена в виде поплавка, что напрямую указывает на товары, которые можно приобрести в этом магазине. Аналогичным примером является номинация *Клевое место*, где вместо символа *Т* изображен рыболовный крючок.

Возможность семантического потенциала у графического вкрапления иногда порождает дублирование смысла слова в целом и /или отдельной его части. В результате появляются своеобразные графические (визуальные) плеоназмы – непроизводные

/ производные слова, включающие в свою структуру графемы, которые дублируют значение данного слова, выполняя изобразительную функцию: *КОФЕ-terra* (буква *О* изображена в виде кофейного зерна), *ORANGEтур* (буква *О* визуализирована в виде дольки апельсина), *Киберпочт@* (компьютерный символ @ дублирует семантику слова «почта»), *ПА[Р]КОВКА* (буква *Р* заменена графически тождественным знаком [Р] – «парковка») и пр.

Использование как языковых, так и неязыковых элементов способствует поэтапному достижению запланированного копирайтером эффекта: привлечь внимание → удержать внимание → вызвать интерес → сформировать запоминающийся образ денотата → побудить к действию (купить).

Стоит отметить, что параграфемные элементы, вкрапленные в структуру рекламных имен, способны выполнять ряд функций, среди которых значимыми оказываются идентификация объекта номинации, привлечение внимания (аттрактивная функция), информирование потенциального покупателя (потребителя). Этот функциональный потенциал поддерживают большинство проанализированных нами рекламных имен: *ЕврО^Оптика*, *Оптика Лорнет* (буквы *О* изображены в виде линз очков и лорнета), парикмахерская *Люкс* (буква *Л* изображена в виде копны волос, буква *К* – в виде ножниц) и т. д. Но существуют и рекламные имена, семантика которых затемнена, например наименование аптечного супермаркета *СОНАТА*. Несмотря на то, что в данном примере буква *О* изображена в виде таблетки, информанты в большинстве случаев воспринимают это наименование, скорее, как музыкальное произведение, нежели как сеть аптек.

Графодеривационная игра призвана выполнять ряд функций, среди которых можно отметить такие, как смыслообразующая (создание нового содержания за счет оригинального использования языка), например наименования *адвокатУРА*, *медОзон*; языкотворческая (создание новых словесных элементов, обогащение словарного запаса), например *снеГОДни*, *СОРоежка*; эстетическая (установка на новизну формы, перенесение акцента с того, о чем говорится, на то, как об этом говорится), например «Возьми МАХИМум от кофе», «сКОРА праздник каждый день и пр. [5, с. 27].

Как правило, для того, чтобы привлечь внимание адресата к рекламному щиту, внешний сигнал должен быть предельно сильным, выделяться из общего информационного поля. Достижению этой цели и способствует вкрапление в структуру рекламного имени параграфемного элемента. Но не всегда такой компонент может быть адекватно / правильно воспринят адресатом. Приведем пример рекламной акции ТЦ «Я», проходившей под девизом: «%та за скидками». Символ % (проценты) и зашифрованный в нем элемент *охо-* оказался сложным для восприятия адресатами, на что указывают такие ассоциации, как *оптический прицел*, *монокль*, *сова*, *смайлик*, *дуло ружья* и пр. В связи с этим можно говорить о том, что использование данного символа в структуре слова не способствует эффектив-

ности рекламы в целом, а скорее препятствует ей, о чем свидетельствует большое количество отказов при интерпретации данного слова. Данный пример является яркой иллюстрацией коммуникативной неудачи, непонимания адресатом интенций копирайтера.

Таким образом, в современном рекламном дискурсе можно отметить тенденцию к активному использованию графодериватов. Включение подобного рода новообразований в рекламный текст способствует стимулированию воображения потенциального потребителя, заставляет осмысливать номинацию, вызывает соответствующий ассоциативный ряд, тем самым привлекая внимание информанта к товару. В целом изучение механизмов рекламного воздействия с точки зрения деривационной специфики функционирующих в нем слов вписывается в рамки нового направления прикладной лингвистики – лингвистику рекламы, с другой стороны, продолжает развивать основные положения когнитивной парадигмы в сфере словообразования.

Литература

1. Булатова, Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе [Текст] / Э. В. Булатова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
2. Денисова, Э. С. Реализация словообразовательной игры в современном рекламном дискурсе (на материале наружной рекламы) [Текст] / Э. С. Денисова. – Кемерово, 2010.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской речи [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М., 2010.
4. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности [Текст] / И. В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
5. Куранова, Т. П. Функции языковой игры в медиаконтексте [Текст] / Т. П. Куранова. – Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Том I, «Гуманитарные науки».
6. Паршин, П. Б. Заметки о моделях мира современной российской коммерческой рекламы [Текст] / П. Б. Паршин // Интертекст. Культура: сб. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 4 – 7 апр. 2001 г.) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. – М.: Азбуковник, 2001.
7. Пересыпкина, О. Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексико-графические и теоретические аспекты) [Текст] / О. Н. Пересыпкина: автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998.
8. Пирогова, Ю. К. Речевое воздействие и игровые приемы в рекламе [Текст] / Ю. К. Пирогова // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М., 2000.
9. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988.

10. Романова, Т. П. Рекламное имя и слоган в наружной рекламе места продажи [Текст] / Т. П. Романова // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство. – Самара, 2009. – 292 с.

11. Чернявская, В. Е. Дискурс и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

12. Чичерина, Н. В. Медiateкст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов [Текст] / Н. В. Чичерина. – М., 2008. – 232 с.

13. Язык города. Материалы Международной научно-практической конференции (8 – 9 ноября 2007 г.) [Текст]. – Бийск, 2007. – 130 с.

УДК 811.163.42'373.43

РОЛЬ НЕОЛОГИЗМОВ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

С. В. Стеванович, А. В. Антонова

THE ROLE OF NEOLOGISMS IN MODERN CROATIAN LANGUAGE

S. V. Stevanovich, A. V. Antonova

В статье описываются основные пути лексических нововведений в современном хорватском языке. В качестве проверки эффективности освоения новых слов представлен анализ частотности их употребления в средствах массовой информации и в речи носителей языка (по данным опроса).

The article describes the main ways of lexical innovations in modern Croatian language. As a test of the effectiveness of new words development an analysis of their frequency in the media (the newspaper "Večernji list") and in the speech of native speakers (according to the survey) is submitted.

Ключевые слова: дифференциация сербского и хорватского вариантов, неологизмы, частотность употребления новых слов.

Keywords: differentiation of Serbian and Croatian language versions, neologisms, the frequency of using new words.

В связи с распадом Союзной Республики Югославии в конце XX века политическое руководство в новых странах-преемниках (в Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговине) стало устанавливать свои правила национального самоопределения, в том числе и в плане развития языка.

По данным исследователей-сербокроатистов [1, 2], в сфере изменения лексического состава языков, функционирующих на территории бывшей Югославии, наблюдается следующее: в Хорватии правительство проводит политику, направленную на вытеснение заимствований неологизмами, в Боснии и Герцеговине возрождаются слова из турецкого и других восточных языков (*bašca* «сад», *bahsuz* «неудачник», *findžan* «чашка»), в Черногории взамен сербских словоформ чаще используются диалекты (серб. *terati* – черн. *cerati*, серб. *devojka* – черн. *hevojka*). Следовательно, после распада Союзной Республики Югославии появление неологизмов, лексических дублетов стало одним из признаков дифференциации новых литературных языков.

Попытки, направленные на углубление языковых различий между сербским и хорватским вариантами, предпринимались и ранее, например: во время Второй мировой войны в рамках политики «мы не имеем ничего общего с сербами» искусственно изобретались многочисленные неологизмы (*slikopis* «киноплёнка», *tunjovoz* «трамвай» и др.), но после войны новые слова исчезли и в современном хорватском языке не возродились.

Изучением языковой политики в новой Хорватии активно и плодотворно занимается А. Р. Багдасаров [1], среди тенденций в нормировании совре-

менного хорватского языка исследователь называет следующие:

- увеличение количества собственно хорватских слов и уменьшение заимствований, включая сербизмы и османизмы (турцизмы): *sirce* > *ocat*; *vazduh* > *zrak*;
- отбор и утверждение орфографических норм, связанных с рефлексам праславянского гласного [ě]: *okrepa* i *okrjepa*; *besprikoran* > *besprijekoran*;
- отбор и утверждение определенных лексико-фонематических норм: *hronika* > *kronika*; *so* > *sol*;
- отбор и утверждение определенных словообразовательных и родовых норм: *barijum* > *barij*; *sudija* > *sudac*;
- предпочтение отдельных хорватских фонематических, словообразовательных и грамматических норм: *Evropa* > *Europa*;
- предпочтение хорватских словоупотребительных норм: *muzika* > *glazba*;
- реанимация старых и употребление новых слов: *generalstab* > *glavni stozer* [1, с. 14-15].

Цель данной статьи – выявить основные пути лексических нововведений в современном хорватском языке и проанализировать, насколько данные нововведения осваиваются современным хорватским языком.

Материалом для исследования послужили русско-сербскохорватские и русско-хорватские словари и разговорники с 1976 по 2009 гг. (список словарей прилагается).

В результате анализа слов, указанных в словарях, нам удалось выявить следующие пути появления неологизмов в хорватском языке.

1. Кодификация хорватского варианта лексем, существовавшей в сербохорватском языке (24 лексемы)

Лексические различия всегда существовали между сербским и хорватским вариантами сербохорватского языка. Например, в сербохорватском языке существовало 2 варианта лексемы со значением

«январь» – *јануар* (сербский вариант), *сијечањ* (хорватский вариант). В современных языках произошла дифференциация этих вариантов: в сербском языке закрепился сербский вариант, а в хорватском – хорватский. В таблице 1 даны примеры расхождения сербского и хорватского вариантов.

Таблица 1

Дифференциация сербского и хорватского вариантов

<i>Русско-сербскохорватский словарь. С. Иванович, И. Петранович, 1976</i>	<i>Сербско-русский и русско-сербский словарь. В. П. Гудков, С. Иванович, 2007</i>	<i>Русско-хорватско-сербский разговорник. О. А. Сарайкина, 2001</i>	<i>Универсальный русско-хорватский разговорник, 2009</i>	<i>Хорватский разговорник и словарь. – М.: Живой язык, 2009</i>
1. «хлеб» серб. <i>хлеб</i> , хорв. <i>крух</i>	<i>хлеб</i>	<i>kruh</i>	<i>kruh</i>	<i>kruh</i>
2. «неделя» серб. <i>недеља</i> , серб. <i>седмица</i> , хорв. <i>тејдан</i>	<i>недеља</i> <i>седмица</i>	<i>tjedan</i>	<i>tjedan</i>	<i>tjedan</i>
3. «тысяча» серб. <i>хиљада</i> , хорв. <i>тисућа</i>	<i>хиљада</i> <i>тисућа</i>	<i>tisuća</i>	<i>tisuća</i>	<i>tisuća</i>
4. «январь» серб. <i>јануар</i> , хорв. <i>сијечањ</i>	<i>јануар</i>	<i>siječanj</i>	<i>siječanj</i>	<i>siječanj</i>
5. «футбол» серб. <i>футбал</i> , хорв. <i>но-гомет</i>	<i>футбал</i>	<i>nogomet</i>	<i>футбал; nogomet</i>	<i>nogomet</i>

2. Создание новых слов на основе исконно хорватских корней (9 лексем)

Появление новых слов в современном хорватском языке на месте заимствованных – довольно продуктивная модель. В таблице 2 представлены некоторые новые слова, образованные из хорватского лексического материала.

С целью анализа эффективности популяризации новых слов в хорватском языке проанализируем частотность употребления обозначенных нами лек-

сем в одной из наиболее читаемых в Хорватии общественно-политических газет «Večernji list». Газета «Večernji list» публикует информационные и аналитические материалы, посвященные политическим, экономическим и культурным событиям в Хорватии и за ее пределами. Нами были проанализированы все номера газеты, представленные на сайте www.vecernji.hr/, за периоды с 01.01.2009 по 31.12.2009 и с 07.12.2010 г по 08.01.2011.

Таблица 2

Некоторые новые слова в хорватском языке

<i>Русско-сербскохорватский словарь. С. Иванович, И. Петранович, 1976</i>	<i>Сербско-русский и русско-сербский словарь. В. П. Гудков, С. Иванович, 2007</i>	<i>Русско-хорватско-сербский разговорник. О. А. Сарайкина, 2001</i>	<i>Универсальный русско-хорватский разговорник, 2009</i>	<i>Хорватский разговорник и словарь. – М.: Живой язык, 2009</i>
1. «посольство» <i>амбасада</i>	<i>амбасада</i>	<i>veleposlanstvo</i>	<i>veleposlanstvo</i>	<i>veleposlanstvo</i>
2. «самолет» <i>авион</i>	<i>авион</i>	<i>zrakoplov</i>	<i>zrakoplov</i>	<i>zrakoplov</i> <i>avion</i>
3. «композитор» <i>композитор</i>	<i>композитор</i>	<i>skladatelj</i>	<i>skladatelj</i>	<i>skladatelj</i>
4. «безопасность» <i>bezbjednost, sigurnost</i>	<i>sigurnost</i>	<i>bezbjednost</i>	<i>bezbjednost</i>	<i>bezbjednost</i>
5. «пенсия» <i>penzija, penzija</i>	<i>penzija</i>	<i>mirovina</i>	<i>penzija</i>	<i>mirovina</i>

Таблица 3

**Частотность употребления лексем,
которые имели в сербохорватском языке 2 варианта**

<i>Значение</i>	<i>Лексема</i>	<i>К-во упоминаний</i>	<i>Пример</i>
1. «хлеб»	хорв. <i>kruh</i>	46	<i>Drugi problemi, no ne manje ozbiljni, muče Željka Junkovića, poduzetnika koji svakidašnji <u>kruh</u> zarađuje dostavljajući namještaj.</i>
	серб. <i>hleb</i>	4	<i>Piše: Tihana <u>Hleb</u> Автор <u>статеи</u> – Тихана Глеб</i>
2. «неделя»	хорв. <i>tjedan</i>	187	<i>Trebao sam sljedeći <u>tjedan</u> ići k obitelji u BiH</i>
	серб. <i>nedelja</i>	2	<i>Obitelj Ris iz <u>Nedeljanca</u> u školama u <u>Nedeljancu</u> i Tužnom.</i>
	серб. <i>sedmica</i>	2	<i>klub “<u>Sedmica</u>”</i>
3. «тысяча»	хорв. <i>tisuća</i>	124	<i>osam <u>tisuća</u> eura</i>
	серб. <i>hiljada</i>	0	---
4. «январь»	хорв. <i>siječanj</i>	33	<i>Premijera je zakazana za 20. <u>siječanj</u>.</i>
	серб. <i>januar</i>	2	<i>'Mi se nismo igrali <u>grudima</u> <u>January</u> Jones!'</i>
5. «футбол»	хорв. <i>pogomet</i>	1779	<i>Predsjednik Međunarodne <u>nogometne</u> <u>federacije</u></i>
	серб. <i>футбал</i>	0	---

Результаты анализа частотности употребления новых слов (по материалам газеты «Večernji list») показали следующее.

1. Лексемы, имевшие в сербохорватском языке 2 варианта употребления, в современном хорватском языке используются только в хорватском варианте.

ском языке используются только в хорватском варианте.

2. Сербский вариант встречается исключительно редко, как правило, при упоминании имен собственных (Tihana Hleb, obitelj Ris iz Nedeljanca, u školama u Nedeljancu i Tužnom, klub “Sedmica”).

Таблица 4

**Частотность употребления неологизмов, возникших в хорватском языке в конце XX века
(по материалам газеты «Večernji list»)**

<i>Значение</i>	<i>Лексема</i>	<i>К-во упоминаний</i>	<i>Пример</i>
1. «посольство»	хорв. <i>veleposlanstvo</i>	5	<i>Nama se nisu javljali, ali imamo dobre odnose s njihovim <u>veleposlanstvom</u></i>
	серб. <i>ambasada</i>	1	<i>Rim: U eksplozijama u dvjema <u>ambasadama</u> dvoje ozlijeđeno</i>
2. «самолет»	серб. <i>avion</i>	56	<i>Milanov privatni <u>avion</u></i>
	хорв. <i>zrakoplov</i>	46	<i>Ivica je u Švicarsku <u>otputovao</u> <u>privatnim</u> <u>zrakoplovom</u></i>
3. «композитор»	хорв. <i>skladatelj</i>	14	<i>polki iz <u>skladateljske</u> <u>radionice</u> obitelji Strauss</i>
	серб. <i>kompozitor</i>	0	---
4. «безопасность»	серб. <i>sigurnost</i>	92	<i>Zaklada za <u>sigurnost</u> naše djece</i>
	хорв. <i>bezbjednost</i>	0	---
5. «пенсия»	мировина хорв.	31	<i>Ivo Bilogrević živi u <u>udomiteljskoj</u> <u>obitelji</u> i cijela mu <u>mirovina</u> od 2,225 kn</i>
	серб. <i>penzija</i>	2	<i>prosječna bi <u>penzija</u> u županiji bila oko 1840 kuna</i>

Анализ частотности употребления новых слов (по материалам газеты «Večernji list») показывает следующее:

1) из 5 анализируемых слов только 1 слово не встретилось в старом варианте (*kompozitor*);

2) слова *ambasada* и *penzija* редко, но продолжают встречаться на страницах газеты;

3) в значении «самолет» чаще используется слово *avion* (известное в сербохорватском), а не *zrakoplov* (кодифицированном в современном хорватском языке). Кроме того, рассматриваемые нами лексемы регулярно употребляются как синонимы.

Такое параллельное употребление пары лексем мы можем наблюдать как в статьях, так и в комментариях пользователей сайта данной газеты;

4) новое слово *bezbjednost* не укореняется в современном хорватском языке, вместо него продолжает функционировать старый вариант *sigurnost*.

С целью проверки достоверности сделанных нами выводов, был проведен интернет-опрос, в ходе которого пользователям разных социальных сетей (vkontakte.ru, odnoklassniki.ru, facebook.ru, MySpace.ru, twitter.ru, livemocha.ru, my.mail.ru) предлагалось ответить на вопросы анкеты.

Образец анкеты

Ja sam studentkinja Kemerovskog Univerziteta, koji se nalazi u Rusiji, bavim se istraživanjem srpskog i hrvatskog jezika. Ako Vi znate hrvatski jezik, molim Vas, možete li odgovoriti na nekoliko pitanja. Hvala unaprijed.

Koji od riječi Vi najčešće koristite?

- 1) *hleb* **или** *kruh*
- 2) *futbal* **или** *nogomet*
- 3) *ambasada* **или** *veleposlanstvo*
- 4) *avion* **или** *zrakoplov*
- 5) *kompozitor* **или** *skladatelj*

Перевод анкеты

Здравствуйте. Я являюсь студенткой Кемеровского государственного университета, который находится в России, и занимаюсь научным исследованием по сопоставительному анализу сербского и хорватского языков. Если Вы знаете хорватский язык, прошу Вас помочь мне, ответив на несколько вопросов. Заранее благодарна.

Какое из слов Вы используете чаще?

- 1) *hleb* **или** *kruh*
- 2) *futbal* **или** *nogomet*
- 3) *ambasada* **или** *veleposlanstvo*
- 4) *avion* **или** *zrakoplov*
- 5) *kompozitor* **или** *skladatelj*

В результате проведенного опроса нами было проанализировано 53 анкеты, из которых 32 заполнили хорваты, проживающие в Хорватии и 21 анкету – русские информанты, хорошо знающие хорватский язык (преподаватели, русские супруги хорватов). Для представления результатов анализа мы используем сводную таблицу, в которой отображается частотность употребления сербского или хорватского вариантов в современном хорватском языке.

Как показывают результаты опроса, в употреблении лексем *хлеб* и *kruh*, *футбал* и *nogomet* (известных в сербохорватском языке) произошла дифференциация. Хорваты фактически однозначно подтверждают, что слова *kruh* и *nogomet* регулярно используют в современном хорватском языке.

Такие новые слова, как *veleposlanstvo*, *skladatelj*, тоже осваиваются в языке хорватов, вытесняя сербохорватские варианты *ambasada* и *kompozitor*.

Таблица 5

Частотность употребления неологизмов, возникших в хорватском языке в конце XX века
(по данным опроса носителей языка)

№	Лексема	К-во употреблений информантами
1.	серб. <i>hleb</i>	1
	хорв. <i>kruh</i>	52
2.	серб. <i>futbal</i>	1
	хорв. <i>nogomet</i>	52
3.	серб. <i>ambasada</i>	13
	хорв. <i>veleposlanstvo</i>	49

Продолжение таблицы 5

4.	серб. <i>avion</i>	34
	хорв. <i>zrakoplov</i>	42
5.	серб. <i>kompozitor</i>	8
	хорв. <i>skladatelj</i>	50

Однако некоторые сербские лексические варианты продолжают использоваться хорватами. Вот какие причины регулярного употребления именно этих лексем называют сами хорваты:

1) Возраст людей

scorpio: <In Croatia, you will never hear "hleb" from anyone, but words such as *avion*, *ambasada* are mostly used by people who were educated during period of former Yugoslavia...>

Перевод: <В Хорватии вы никогда не услышите "hleb" от кого-либо, но такие слова, как *avion*, *ambasada* в основном используются людьми, которые были образованы в период бывшей Югославии...>

Željko: Međutim, riječ *hljeb* može se čuti često na selu, često ju koriste stariji ljudi... Ja osobno uvijek koristim naše hrvatske riječi, no to je zato što sam mlad, imam 17 godina i nas su tako učili u školi, dok stariji ljudi često govore i prve riječi, na primjer moji roditelji...>

Перевод: <... слово *хлеб* можно услышать часто в сельской местности, часто его используют пожилые люди, я лично всегда использую наши хорватские слова, но это потому, что я молод, мне 17 лет, и нас так учили в школе, в то время как пожилые люди часто говорят первые слова, например мои родители...>

Ivana Zd: <*Zrakoplov* je relativno nova hrvatska riječ pa ja osobno (a i većina Hrvata) isključivo koristim *avion* jer jednostavno nismo navikli na *zrakoplov*.>

Перевод: *Zrakoplov* – новое хорватское слово, лично я (и большинство хорватов) исключительно используем слово *avion*, потому что мы просто не привыкли к слову *zrakoplov*.>

2) Сфера употребления:

Klara: <Mi, Hrvati, koristimo riječ... *zrakoplov* književnom jeziku), a *avion* svakodnevno u govoru :D>

Перевод: Мы, хорваты, используем *zrakoplov* в литературном языке, а *avion* в области повседневной речи>

Petra: <*Avion* ili *zrakoplov* – oboje ... al *zrakoplov* je službeno ..., svi kazu *avion*>

Перевод: <*Avion* или *zrakoplov* – оба слова используются, официально – *zrakoplov*, но все говорят *avion*...>

Kristjana Košmrlj: <*Avion* ili *zrakoplov* (*avion* se koristi u govoru, neformalni izraz, a *zrakoplov* je više formalniji izraz)>

Перевод: *Avion* ili *zrakoplov* (*avion* используется в речи, это неофициальный термин, *zrakoplov* – более формальный термин)>

*Лариса Ильина*Вукшич*: <Вот только *авион*, в быту, пожалуй, используется чаще.>

Елена Шолудько: ... дома всегда говорим *avion*.>

Люба Гаджиева: <чаще *avion*, опять же это слово разговорное, *zrakoplov*, скорее, для печати и телевидения...>

Goran Vujašinović: <*Avion*, premda se u sredstvima javnog informiranja, ali češće koristi *zrakoplov*.>

Перевод: ...*Avion* – чаще, хотя в средствах массовой информации используется *zrakoplov*.>

Kristjana Košmrl: <*ambasada* ili *veleposlanstvo* - koristimo oboje, *veleposlanstvo* je formalniji (stručniji izraz)>

Перевод: < *ambasada* или *veleposlanstvo* используем оба, *veleposlanstvo* – формально (профессиональный термин).

Таким образом, после распада Югославии, вследствие активной государственной политики, в хорватском языке появились новые слова. В настоящее время некоторые из них активно употребляются в современном хорватском языке (*poget, skladatelj*), окончательно вытеснив сербский вариант. В словах другой группы (*ambasada – veleposlanstvo, avion – zrakoplov*) чаще используется хорватский вариант, однако сербский вариант не утрачивается, а продолжает встречаться в речи хорватов старшего поколения. Согласно данным проведенного опроса, различные варианты некогда единого сербохорватского языка дифференцировались и в зависимости от сферы употребления: сербский вариант проанализированных лексем употребляется в повседневном общении, а новый,

хорватский, используется в СМИ и официальных документах.

Литература

1. Багдасаров, А. Р. Некоторые тенденции нормирования современного хорватского литературного языка (на материале «Хорватского орфографического кодекса») / А. Р. Багдасаров // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. – М., 2001.
2. Гудков, В. П. К изучению сербско-хорватских языковых дивергенций / В. П. Гудков // Славистика. Сербистика. – М., 1999.
3. Гудков, В. П. Сербско-русский и русско-сербский словарь / В. П. Гудков, С. Иванович. – М., 2007.
4. Иванович, С. Русско-сербскохорватский словарь / С. Иванович, И. Петранович. – М., 1976.
5. Невекловский, Г. Языковое состояние на территории распространения бывшего сербохорватского языка / Г. Невекловский // Славяноведение. – 2001. – № 1.
6. Сарайкина, О. А. Русско-хорватско-сербский разговорник / О. А. Сарайкина. – М., 2001.
7. Универсальный русско-хорватский разговорник. – М., 2009.
8. Хорватский разговорник и словарь. – М.: Живой язык, 2009.

УДК 81'23

СТРАТЕГИИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ В КОНФЛИКТНЫХ БЫТОВЫХ СИТУАЦИЯХ

(по материалам речеситуативного исследования)

А. Г. Фомин, Н. С. Якимова

VERBAL AGGRESSION STRATEGIES IN RUSSIANS' AND AMERICANS' SPEECH BEHAVIOUR IN CONFLICT SITUATIONS (the results of a situations response study)

A. G. Fomin, N. S. Yakimova

Статья посвящена анализу вербальной агрессии в российской и американской лингвокультурах. В статье описываются основные стратегии вербальной агрессии в конфликтных бытовых ситуациях в коммуникативном поведении россиян и американцев.

The paper covers the problem of verbal aggression in Russian and American English languages and cultures. The verbal aggression strategies in Russian's and Americans' speech behaviour in common daily situations are analyzed.

Ключевые слова: вербальная агрессия, коммуникативное поведение, речевая стратегия.

Keywords: verbal aggression, speech activity, communicative strategy.

Речеситуативное моделирование является одним из эффективных средств исследования закономерностей речевого поведения. Для проведения этого типа эксперимента отбираются и моделируются речевые ситуации, отражающие ключевые моменты социальной действительности и являющиеся примерами реальных коммуникативных ситуаций. Respondентам предлагается записать свою вербальную реакцию в каждой из предложенных ситуаций. Сочетания ситуаций и полученных реакций являются моделями реальных коммуникативных актов, по-

скольку содержат эксплицитный экстралингвистический, семантический, когнитивный и собственно лингвистический компоненты [3, с. 24 – 25]. Следовательно, полученные данные являются уникальным источником лингвистической и культурологической информации.

Речеситуативное исследование может применяться при исследовании реактивной агрессии, т. е. агрессии, возникающей в результате реакции на некий раздражитель. Основной задачей данного экспериментального исследования было изучение вы-

бора респондентами коммуникативных стратегий в конфликтных бытовых с учетом таких экстралингвистических факторов, как пол респондентов, а также их этнокультурная принадлежность и национальный менталитет.

А. П. Сковородников определяет речевую стратегию как «общий план или «вектор» речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий», при этом выбор «линии речевого поведения» осуществляется с осознанием условий конкретной коммуникативной ситуации [7, с. 6]. Мы полагаем, что в коммуникативном поведении россиян и американцев в конфликтных ситуациях можно выделить:

- стратегию прямой активной агрессии;
- стратегию прямой пассивной агрессии;
- стратегию косвенной активной агрессии;
- стратегию косвенной пассивной агрессии;
- стратегию автоагрессии.

В психологических исследованиях агрессии широко используется классификация типов агрессии, предложенная А. Бассом, которая включает характеристику типов агрессивного поведения на основании трех шкал: физическая / вербальная агрессия; прямая / косвенная агрессия; активная / пассивная агрессия. На пересечении этих шкал могут быть образованы 8 типов агрессии, 4 из которых относятся к вербальной агрессии: прямая активная агрессия; прямая пассивная агрессия; косвенная активная агрессия и косвенная пассивная агрессия [8]. Эти бинарные оппозиции отражают выбор определенного коммуникативного намерения: осуществления коммуникации или отказа от нее; выражения агрессии в прямой либо иносказательной форме.

Прямая вербальная агрессия выражается в агрессивном коммуникативном поведении, адресатом которого является сам объект агрессии, например в прямых угрозах, насмешках. Исследователь не прямой коммуникации В. В. Дементьев определяет этот феномен как такую коммуникацию, в которой смысл высказывания не равен смыслу его компонентов и включает не содержащиеся в высказывании смыслы. Следовательно, *косвенная* агрессия выражается в таких речевых жанрах, как ирония, издевка, розыгрыш и др. [1]. Если *активная* агрессия проявляется коммуникантом при формировании некоторого высказывания, то *пассивная* агрессия,

напротив, проявляется в отказе от общения, что может повлечь за собой неприятные последствия в определенной ситуации или стать причиной психологического дискомфорта. В зависимости от контекста «тактика агрессивного молчания» может быть демонстрацией упрека, обиды, угроз и других мотивов [6, с. 265]. Другой разновидностью пассивной агрессии является отказ предоставить необходимую информацию. Если субъект агрессии не выражает ее в пассивной форме (форме отказа от коммуникации), то происходит вербализация его коммуникативного намерения в форме активной агрессии.

Н. Д. Левитов также выделяет агрессию, направленную «вовне», и направленную на самого себя [4]. Таким образом, еще одним видом агрессии является *автоагрессия*. Человек, обладая сознанием и самосознанием, способен к самоконтролю и саморегуляции коммуникативного поведения, осуществляя таким образом «самокоммуникацию» [5 с. 26].

В данном исследовании был изучен выбор россиянами и американцами стратегий вербальной агрессии в конфликтных бытовых ситуациях. Эксперимент был проведен в 2008 году в США и в 2009 году в России. Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 208 человек, из них – 106 русских и 102 американца. Однако количество полученных реакций на некоторые ситуации меньше общего количества респондентов, поскольку некоторые испытуемые дали ответ не на все ситуации в анкете. Среди русских респондентов – 35 мужчин и 71 женщина, все они – носители русского языка и студенты Кемеровского государственного университета. Среди американских респондентов – 35 мужчин и 67 женщин, все они являются носителями американского варианта английского языка, а также студентами университета Лок-Хэйвен (Пенсильвания, США). Средний возраст русских респондентов – 19,52 года, средний возраст представителей американской группы – 20,16 года. Эксперимент проводился в письменной форме на родном языке респондентов.

Участникам эксперимента было предложено 5 ситуаций из бытовой сферы. Для каждой ситуации было сформулировано 4 типа реакций на нее (отражающие разные стратегии агрессивного вербального поведения), у испытуемых также была возможность предложить свой ответ (вариант «д»).

Таблица

Стратегии агрессивного вербального поведения в смоделированных ситуациях

№ ситуации	1	2	3	4	5
Стратегия агрессивного вербального поведения					
Прямая активная агрессия	б) г)	а)	а) г)	а)	
Косвенная активная агрессия	в)			г)	а)
Прямая пассивная агрессия	а)				г)
Косвенная пассивная агрессия		б)	б)	в)	в)
Автоагрессия		в)	в)	б)	
Неагрессивная реакция		г)			в)

Предложенные варианты реактивного поведения отражают различные стратегии агрессивного вербального поведения: прямая / косвенная агрессия, активная / пассивная агрессия, автоагрессия (агрессия по отношению к себе) (см. таблицу). Помимо этого, один из предложенных вариантов реакции подразумевал отсутствие агрессивной реакции на предложенную ситуацию, в том случае, если респонденты не воспринимали данную ситуацию как фрустрирующую, с точки зрения их этнокультурных установок.

Возможность предложить свой вариант ответа была предусмотрена на тот случай, если ни одна из предложенных стратегий поведения не соответствует наиболее вероятной реакции испытуемых в данной ситуации. В том же случае, если стратегия, предложенная респондентом в своем варианте ответа в качестве реакции на ситуацию, совпадает с одной из стратегий предложенных в опроснике, выбор варианта «д», очевидно, означает желание высказать свое личное отношение к ситуации, что может сви-

детельствовать о большей важности и актуальности смоделированной ситуации с точки зрения исследуемой лингвокультуры.

По материалам данного исследования, русские респонденты выбирали свой вариант ответа чаще, чем американцы, а женщины выбирали этот вариант ответа чаще, чем мужчины. Очевидно, это можно объяснить большей эмоциональностью женщин по сравнению с мужчинами [2] и может свидетельствовать о большей эмоциональности русских по сравнению с американцами [9].

В ситуации 1 (рис. 1) из предложенных вариантов ответа русские респонденты чаще выбирали вариант «г» – стратегию прямой активной агрессии (тактика возмущения), тогда как американцы чаще выбирали вариант «в» – стратегию косвенной активной агрессии. Различия в выборе, очевидно, объясняются различием в типичной для данных культур стратегии поведения представителей двух национальностей в аналогичных ситуациях.

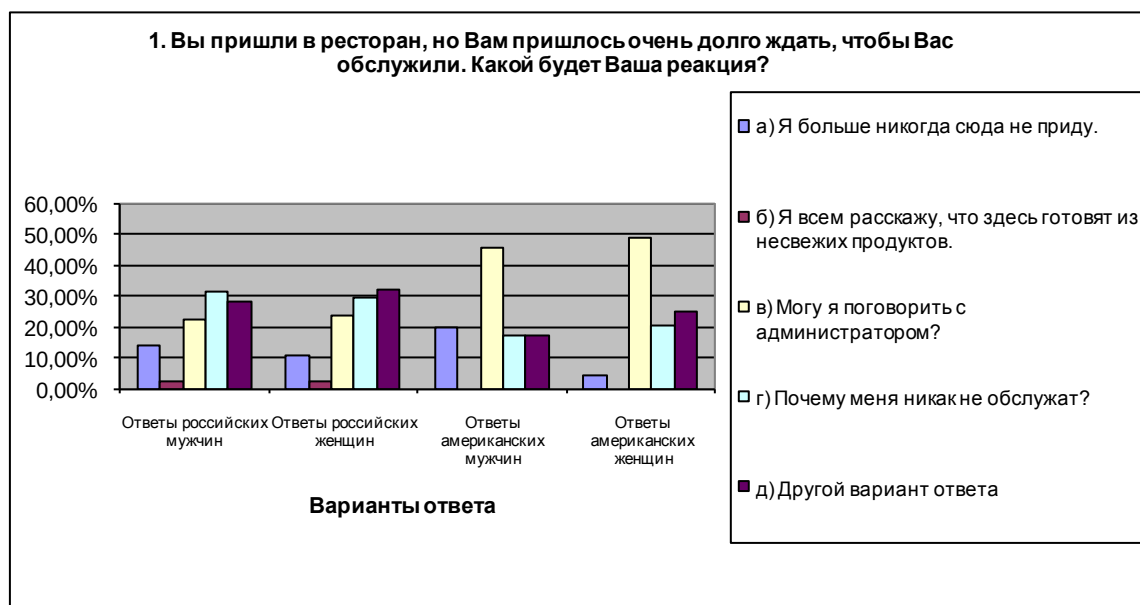

Рис. 1. Выбор респондентами стратегий коммуникативного поведения в ситуации 1

Приблизительно с такой же частотностью русские респонденты выбирали свой вариант ответа. Анализ ответов, предложенных самими респондентами, позволяет отметить, что многие представители всех четырех групп испытуемых в аналогичной ситуации готовы спокойно подождать и относятся к ситуации с пониманием – т. е. не склонны проявлять агрессию (*бывает; я подожду, не тороплюсь; Do nothing*). Многие респонденты американской группы отмечали, что сами имеют опыт работы в ресторане, а потому относятся к ситуации с пониманием (*Wait politely, I have been a cook in a restaurant and I know how stressful it is.*). Помимо того, многие из предложенных ответов отражают реальные переживания респондентов в аналогичных ситуациях, особенно

это характерно для российских респондентов женского пола: (*А мне и так хорошо! Хожу туда не чтобы есть, а чтобы поболтать с приятелями.*)

В ситуации 2 (рис. 2) наиболее частотный вариант ответа российских респондентов – вариант «г» (62,86 % у мужчин и 77,46 % у женщин), т. е. неагрессивная реакция на ситуацию, склонность к конструктивному диалогу. У американских респондентов два варианта ответа маркированы приблизительно одинаковой частотностью: «г» и «а», т. е. стратегия прямой вербальной агрессии. Эти различия в поведении опять же можно объяснить разницей культурных традиций: вероятно, американцам более свойственно отстаивать свои права.

Рис. 2. Выбор респондентами стратегий коммуникативного поведения в ситуации 2

Однако анализ ответов, сформулированных респондентами самостоятельно, показывает, что значительная часть американцев вообще никак не реагирует в данной ситуации: *I actually wouldn't say anything to be honest; nothing; say nothing, not worth it*. Также многие американские респонденты описали свое поведение в данной ситуации как неконфликтное: *Excuse me, but I was here before you. Would you mind stepping to the back of the line; Politely point out one's place in line*.

В ситуации 3 (рис. 3) большинство американских респондентов обоих полов в своих ответах вы-

брали вариант «а»: стратегия прямой активной агрессии, тактика упрека (68,57 % мужчин и 70,15 % женщин). В ответах русских респондентов этот вариант также был частотным (32,35 % у мужчин и 48,57 % женщин). Очевидно, данная ситуация является крайне неприятной и потому фрустрирующей с точки зрения представителей обеих исследуемых культур, поэтому испытуемые склонны реагировать, проявляя высокую степень агрессии.

Рис. 3. Выбор респондентами стратегий коммуникативного поведения в ситуации 3

Однако большинство ответов, представленных респондентами в варианте «д», отражают, напротив, нейтральное, не содержащее агрессивного намерения отношение к ситуации: *мне все равно; мне не интересно; It doesn't matter*. Этот вариант – наиболее частотный у русских мужчин (38,24 %) и второй

по частотности ответ русских женщин (25,71 %). Причина выбора такого варианта ответа – опять же в ситуативном факторе: важной является личность источника сплетен, если этот человек не важен для испытуемого, то его поведение не вызовет реактивной реакции (Ср.: *мне наплевать, что люди говорят*

обо мне, мои друзья обо мне плохого не скажут; Anyone who knows me well won't believe them anyway; My friends won't believe what they hear if they are friends with me).

Некоторые ответы американских респондентов имеют саркастическую окраску, что также свидетельствует об отношении испытуемых к ситуации: *Thank you for devoting your un-eventful life by centering it around me.* Менее частотные ответы российских женщин отражают положительное отношение к подобной ситуации: *пусть говорят! Это значит, завидуют; я – звезда, обо мне говорят и много!).*

Таким образом, отношение американцев к сплетням и сплетникам – негативное и агрессивное, тогда как русские респонденты не дали этой ситуации однозначной оценки.

В **ситуации 4** (рис. 4) наиболее частотный вариант ответа респондентов всех групп – «б», т. е. в данной ситуации испытуемым свойственно прояв-

лять автоагрессию. Вариант «а» (стратегия прямой активной агрессии в отношении служащего вокзала) – второй по частотности у респондентов всех групп. Следовательно, в аналогичной ситуации испытуемые склонны винить скорее себя, чем кого-либо.

Частотность выбора своего варианта ответа (вариант «д») – наименьшая из всех ситуаций. Однако полученные реакции свидетельствуют о том, что в данной ситуации россиянам свойственно проявлять экспрессивную агрессию в отношении вокзала (выражение гнева, крик, обидные наименования). В то же время американцы более склонны к инструментальной агрессии: как мужчины, так и женщины американской группы предложили варианты *Go talk to the clerk, then see about discount for the next train; Excuse me. I missed my train because I was given the wrong ticket. May I get a refund?* Следовательно, целью их поведения в данной ситуации будет получение скидки или возврат денег, а не агрессия сама по себе.

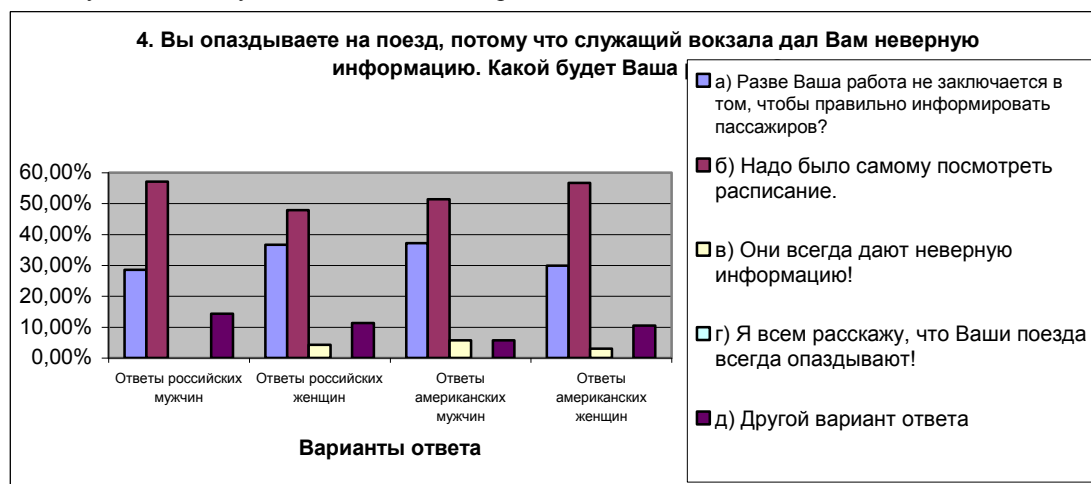

Рис. 4. Выбор респондентами стратегий коммуникативного поведения в ситуации 4

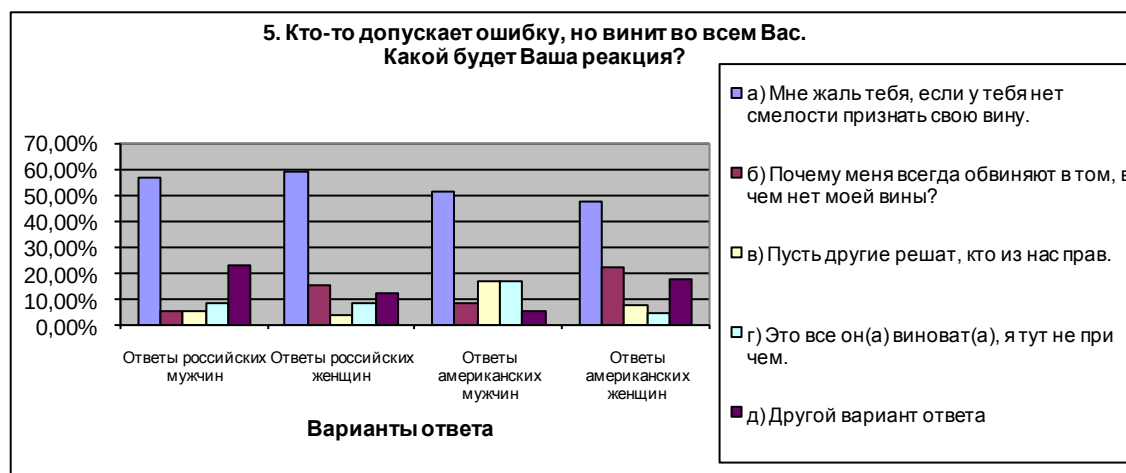

Рис. 5. Выбор респондентами стратегий коммуникативного поведения в ситуации 5

В **ситуации 5** (рис. 5) самым частотным вариантом ответа у всех групп респондентов был вариант «а»: выбор стратегии косвенной активной агрессии, тактика колкости. Вероятно, респонденты воспринимают поведение собеседника в данной ситуации как недостойное, потому реакцией на ситуацию

служит именно ирония, насмешка. В ответах женщин обеих национальностей также частотным был вариант «б» – «возможно, это свидетельствует о том, что женщины более склонны к обсуждению подробностей своей жизни, им более свойственно жаловаться на жизнь».

Из анализа ответов респондентов в варианте «д» следует, что в подобной ситуации американцы, скорее, будут реагировать спокойно: *Nothing; I'm sorry you feel this way, but I didn't do anything*. В то же время российские респонденты в аналогичной ситуацииотреагируют крайне эмоционально: *скажу "сам дурак" и уйду; я его обматерю; выскажу этому человеку все, что о нем думаю; Начну спорить, доказывая обратное!* и др.

Полученные результаты служат еще одним эмпирическим подтверждением факта различия культур: в некоторых ситуациях ответы россиян и американцев существенно различались (например ситуация 1). Различны как предпочтительные стратегии поведения в целом, так и отдельные тактики (в зависимости от того, является ли агрессия экспрессивной или инструментальной). В то же время в некоторых ситуациях ответы представителей двух культур совпадали: очевидно, это происходит в силу процессов интеграции, усиливающихся в современном мире. Взаимное изучение и проникновение культур (которому способствуют, в частности, СМИ и телевидение) отражается и на мировоззрении, и в языковом сознании их представителей.

Стратегия автоагрессии не является характерной для обеих исследуемых культур: российские респонденты выбрали этот вариант только в одной из 3 смоделированных ситуаций. В ответах, сформулированных респондентами самостоятельно (вариант «д»), наиболее частотна неагрессивная реакция.

Частотность выбора респондентами своего варианта ответа (вариант «д») подтверждает целесообразность проведения речеситуативного исследо-

вания на материале ситуаций, сформулированных в виде открытого вопроса.

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация [Текст] / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
2. Ильин, Е. П. Пол и гендер [Текст] / И. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
4. Левитов, Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний [Текст] / Н. Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1967. – № 6.
5. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Ком-Книга, 2006. – 248 с.
6. Седов, К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета [Текст] / К. Ф. Седов // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007.
7. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стили-стическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии [Текст] / А. П. Сковородников // Риторика-Лингвистика. Вып. 5. – Смоленск: СГПУ, 2004.
8. Хекхаузен, Х. Агрессия. [Текст] / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – М., 1986. – Т. 1.
9. Richmond, Y. From nyet to da: understanding the new Russia [Text] / Yale Richmond. – Boston; London: Intercultural Press, 1999. – 168 p.

ФИЛОСОФИЯ

УДК [130.2:398](571.1/.5)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Б. Абсальмов

ARCHETYPICAL ELEMENTS OF MENTAL CULTURE

M. B. Absalyamov

Статья посвящена роли структурных элементов духовной культуры с древнейших времен. Природа и характеристики этих элементов обсуждаются в свете теорий К. Юнга и Леви-Стросса.

The article is devoted to the role of structure elements of mental culture since ancient times. The nature and characteristics of those elements are discussed in the light of C. Jung's and Levi-Stross's theories.

Ключевые слова: духовная культура, архетипические структурные элементы, сознание.

Keywords: mental culture, archetypal structure elements, consciousness.

Вводя понятие «архетипические единицы духовной культуры», автору хотелось прежде всего раскрыть основные структурные элементы сознания и мировоззрения людей древнего мира Сибири, а также выделить содержательные узлы и образования, формирующие поле духовности в их культурах,

проследить значение и роль архетипов в мифах дописанных эпох, когда миф являлся основной формой бытия, культуры.

Постижение смысла основных системообразующих архетипов и мифов, выражающих, с одной стороны, их культурное многообразие, с другой –

мифологическое единство, позволяет представить целостную картину миропонимания и мироотношения человека архаического прошлого:

Был волею Небес удачлив я в боях,
И милостью Небес я тюрков возродил –
Готовых погибать я к жизни возродил.

В приведенной эпитафии раннетюркского времени достаточно убедительно представлен небесный архетипический образ, возникновение которого можно связывать с периодом зарождения самого мифологического сознания у *Homo sapiens* в его «колыбельном возрасте».

Каждому периоду в истории культуры присущи свои типы духовных образований. Они определяются основными моментами отношения человека к миру, социуму, космосу. Раскрывая характер мироотношения и мировоззрения древнего человека, стоит подчеркнуть его родовую общественную природность.

Общественное целое подчиняло жизнедеятельность образующих его индивидов, интерес рода доминирует над интересом индивида. «Индивид действует, поступает и мыслит от имени Целого и потому для Целого, – а значит, пред всеми, «на миру». Он гетерономно причастен к Целому и через него – как часть и акциденция – также другим индивидам-акциденциям» [1], – так «мудрено» выражает очень нужную мысль один из современных исследователей философии культуры.

Человек архаического мира погружен был в окружающую его природу и космос, как в социум и в собственный мир. Он одушевлял все вокруг себя. «Древний человек не знал неодушевленных предметов, всюду находил он и разум, и чувства, и волю», – более доходчиво поясняет А. Н. Афанасьев [2].

Для человека того времени важное значение имела также ценностная определенность предметов, причем не столько прагматическая, сколько МАГИЧЕСКАЯ, то есть способность предмета связать силы природы и Божества с силами человека.

Ряд исследователей замечают, что с современных позиций понимания сознания первобытный человек живет в двух мирах: реальном и иллюзорном. Как мне думается, «двойственность миров сознания» — это свойство человека всех времен, от древнего до современного. Разница в том, что современный человек осознает ее, знает об этой двойственности, а древний не имел такого знания. Мифическое содержание его сознания позволяло ему легко все оборачивать во все: чудесное в естественное и наоборот. Освоение природы и социальных отношений осуществляется первобытным человеком при помощи бессознательно-художественной деятельности познания.

И как отмечает далее А. А. Хамидов: «Производственная деятельность, во-первых, ориентировалась не на предметную логику действительности, а на более или менее жестко канонизированные традиционные способы (и их логику) отношения к действительности, а во-вторых, обростала (с нашей современной точки зрения) не- и внепроизводственными действиями – обрядами, ритуалами, за-

клонаниями и тому подобным, которые для архаического сознания представлялись даже более значимыми, чем предметные моменты производственного процесса» [3].

В сознании древнего человека логическое, чувственное, художественно-образное слиты в едином потоке – оно синкретично. Мифическая структурность сознания полагала, что все имеет небесный архетипический образец. Мир, осваиваемый человеком, «обладает действительной ценностью лишь благодаря внеземному прототипу, который послужил ему моделью. Человек строит по архетипам». В мировоззрении человека древней культуры можно выделить ряд универсалий (архетипических единиц), которые повторяются в разных культурах земного шара. А. Б. Снисаренко попытался представить основные смысловые слои древне-мифического сознания (прамать и ее муж, Мировое Древо, Мировой Змей, первочеловек, рождение богов, великаны и карлики, звери-тотемы, вызов богам, герои и титаны, пророки, гибель героев как начало эпоса), а затем проследить их воплощение в духовных культурах разных народов: Индии, Шумера, Греции, Рима, Германии, Скандинавии и Славян. Все архетипические единицы смысловых слоев в той или иной форме присутствуют в мировоззрении народов мира. Это подтверждается многочисленными работами, посвященными исследованию картины мифологического прошлого человечества.

Носитель любой исторической культуры раскрывается перед исследователем также через ценностный мир, через формы его мышления. В этом отношении значительна роль работ Леви-Стросса. Исследуя особенности мышления, мифологии и ритуального поведения людей древних обществ с позиций структурной антропологии, он предпринимает попытку раскрыть закономерности познания и психики человека в различных социальных и прежде всего, в традиционных системах, в культурной жизни народов. В основе методологии Леви-Стросса лежит попытка выявить кристаллизацию прошедших изменений в многослойности, в логике внутренней организации, которые присущи феномену культуры. Его эвристическая ориентация имела под собой основания. Он с ранних лет увлекался геологией, проблемами бессознательного, видя в них причинную обусловленность многих явлений как в обществе в целом, так и в индивидуальной психике.

По мнению Леви-Стросса, в отличие от прежних этапов гуманистического самопознания (а он выделяет по своей концепции три этапа: этнология, возрождение и начало освоения культурных ценностей Индии и Китая), благодаря изучению бесписьменных форм цивилизации, причем всех без исключения, открывается возможность создания наиболее исчерпывающей картины связи человека с природой. Постигание посредством переживания смысла другой культуры неизбежно приводит этнолога, как считает Леви-Стросс, и к более углубленному самопознанию, и к познанию своей культуры в историко-временной перспективе развивающихся связей человека с природой.

Его структурная антропология как методологическое направление в изучении социокультурных явлений древних или «традиционных» обществ опирается на следующие принципы:

- явление культуры рассматривается в синхронном срезе общества, в единстве всех внутренних и внешних связей;

- явление культуры анализируется как многоуровневое целостное образование, а связи между его уровнями истолковываются в семиотическом ключе;

- исследование явления производится непременно с учетом его вариативности в рамках конкретной культуры или более широкой области, где происходила его трансформация.

Конечный результат исследования – моделирование «структуры», а именно – предполагаемого алгоритма, который определяет скрытую логику, присутствующую как отдельным вариантам явления (культуры), так и виртуальным переходам от одного варианта к другому.

Антрополог в своей работе часто избирает самого себя объектом своих наблюдений. В результате, как полагает Леви-Стросс, исследователь должен научиться познавать самого себя, смотреть на себя объективно и издали, как если бы то был посторонний человек. И тогда антрополог обращается к этому постороннему, другому человеку, заключенному в нем и отличному от его «Я», стремясь дать ему определенную оценку. Он как бы видит свой образ, отраженный в других (древних) людях. Первобытный человек интуитивно чувствовал себя тождественным всем другим людям. В дальнейшем он никогда не забывал свой первоначальный опыт, даже тогда, когда рост населения заставлял его уходить на новые места, приспосабливаться к новому образу жизни, когда в нем пробуждалась его индивидуальность.

Но такое пробуждение пришло лишь после того, как человек постепенно научился познавать особенности других, различать животных по видам, отличать человеческое состояние от животного, свою индивидуальность от других индивидуальностей.

Объективный природный порядок, его систематика через миф, ритуал, обряд лежит в основании мышления древнего человека. Каждая сакральная вещь или явление должны быть на своем месте. Именно этот порядок, по Леви-Строссу, делает ее сакральной, и его нарушение даже в мыслях древнего человека разрушает все мироздание.

Образной иллюстрацией этой мысли является миф тазовских селькупов о хозяйке Огня. В этом мифе образ хозяйки огня – это конкретная форма бытия, он вырабатывает целостную систему понятий, которая отражена в мифологическом мышлении (в конкретном мифе). В нем основной образ принадлежит естественному порядку мироздания настолько, насколько и сам человек. Он (образ) наделен также рассудком и эмоциями, принадлежит к женскому полу, привязан к определенным местам и т. д. По Леви-Строссу, в каждом из случаев физический мир постигается с двух противоположных концов: один в высшей степени конкретен, а другой в высшей степени абстрактен – либо под углом зрения

чувственно постигаемых качеств, либо под углом зрения формальных свойств. Но то, что эти два подхода продвигались к сближению, объясняется тем, что они оба, независимо друг от друга, во времени и пространстве привели к двум различным, хотя и равно позитивным познаниям. Одно из них – теория чувственно постигаемого – обеспечила базу и продолжает помогать нашим насущным нуждам посредством таких достижений цивилизации, как скотоводство, земледелие, гончарное дело, ткачество и так далее, возникновение которых приходится на эпоху неолита. Другое – является с самого начала умопостигаемым, из чего вышла современная наука. И только в последние десятилетия эти пути познания пересеклись, превращая тем самым характер человеческого познания в закрытую систему. Леви-Стросс вполне обоснованно предостерегает от формального «историзма» как основной формы познания. История, по его мнению, выступает методом, использование которого необходимо для открытия элементов определенной структуры, человеческой либо природной. История служит отправным пунктом для любого поиска умопостигаемого, сущность которого в «неприрученной мысли». А она вне времени охватывает мир – и как синхронную, и как диахронную целостность, в которой множество образов, каждый из которых дает лишь частичное знание об этой целостности, выражающей истину.

Коллективное бессознательное есть результат жизни рода, хотя проявляется оно всегда через индивидуальную психику, отмечал К. Г. Юнг [4]. Оно присуще всем людям, является универсальным основанием духовной жизни каждого индивида. Содержаниями коллективного бессознательного являются архетипы, которые представляют собой универсальные праобразы, праформы поведения и мышления человека (система установок и реакций). Человек первобытного общества лишь в незначительной мере отрывается от матери-природы, отделяет себя от нее и от жизни рода, племени. С развитием сознания пропасть углубляется, и человек вынужден приспосабливаться не только к внешнему, но и к собственному внутреннему миру, т. е. ему нужно постоянно восстанавливать равновесие, гармоничное соотношение с унаследованным или бессознательным детерминантом поведения и мышления. И сохраняет он эту гармонию с помощью мифологии, магии, ритуалов. Мифологическое мышление еще не знает дифференциации субъекта и объекта, внешнего и внутреннего, физического и психического. По Юнгу, имеются два типа мышления.

1. Логическое, для которого характерна направленность на внешний мир, оно обеспечивает приспособление к реальности. Логическое мышление есть инструмент, порождение культуры, оно по мере углубления во времени слабеет.

2. Направленное мышление представляет собой поток образов, а не понятий. Такое мышление непродуктивно для приспособления к внешнему миру, т. к. уходит от реальности к фантазии. Однако оно необходимо, как полагает Юнг, для художественного творчества, мифологии, религии. Ми-

фологическое мышление вело к адаптации, к внутреннему миру, устанавливало равновесие с силами бессознательного. Примитивный склад духа не изменяет мифы, но их переживает. Мифы изначально – суть выявления до сознательной души, непроявленные высказывания о бессознательных душевных событиях: они меньше всего представляют собой аллегории физических процессов, отмечал Юнг.

Архетипы, по Юнгу, являются коррелятами инстинктов и вместе образуют бессознательные явления, которые в определенных ситуациях могут войти во взаимодействие с сознанием, порождать образы и мотивы мифа, обряда, ритуала.

Сходство мотивов многих мифов часто наводило и наводит исследователей на поиск определенных детерминантов или исторических взаимообусловленностей, связанных, например, с теорией миграций, тогда как теория Юнга есть попытка нащупать их детерминированность изнутри человеческой психики. Он различает архетип и архетипический образ, т. е. архетип, подвергнутый сознательной переработке в мифах, сказке и т. д. К самим архетипам ближе стоит индивидуальный опыт — в сновидениях, галлюцинациях, видениях мистиков и т. п. Образы такого опыта спутанны, воспринимаются как нечто страшное, чуждое. В мифологии же эти образы (архетипические) становятся символами, все более прекрасными по форме и всеобщими по содержанию. С развитием символов происходит ослабление личного опыта. Символы постепенно превращаются в догматы.

Психологическое обоснование архетипа и мифа Юнг видит в глубинном выражении сути души. Дикарь не склонен к объективному объяснению самых очевидных вещей, отмечает Юнг. Напротив, он постоянно испытывает потребность, или, лучше сказать, в его душе имеется непреодолимое стремление приспособлять весь внешний опыт к душевным событиям. Дикарю недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, — эти наблюдения внешнего мира должны одновременно быть психическими событиями. То есть, метаморфозы солнца должны представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути дела, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, по Юнгу, такие, как лето и зима, новолуние, дождь и так далее, не столько аллегории самих объективных явлений, сколько символические выражения внутренней и бессознательной драмы души.

Субъективность первобытного человека столь удивительна, считает Юнг, что самым первым предположением должно было бы быть выведение мифов из его душевной жизни. Познание природы для исследователя сводится, по существу, к языку и внешним проявлениям бессознательных душевных процессов. Их бессознательность представляет собой причину того, что при объяснении мифов обращались к чему угодно, но только не к душе из-за недоступности понимания.

Исследованию мифологической модели мира носителей скифской культуры посвящены основные работы Д. С. Раевского [4]. Значение и актуальность

научных материалов по североиранским степным культурам и скифскому миру в частности, в наших исследованиях определяются, во-первых, их близостью, а иногда и непосредственными контактами с единой прародиной. Северные культуры к тому же менее других ираноязычных групп испытали изменения условий существования и влияния инокультурной среды. Поэтому, как полагает Раевский, можно ожидать сохранения в их культуре целого ряда архаических черт, близких к общеиранским, которые, в свою очередь, были утрачены или существенно заглушены в других традициях. Во-вторых, известно, что степные народы североиранского ареала (племена скифского круга в широком этно-историческом его понимании) в массе своей остались в стороне от регионов с формирующимся зороастризмом. И, что очень важно, реконструкция мифологической картины мира скифов позволяет рассматривать множественность культур скифского типа в евразийских степях в диалектике общего и особенного.

Работа Д. С. Раевского «Модель мира скифской культуры» построена на исследовании двух видов скифских текстов, представляющих два способа кодирования мифологической и, соответственно, мировоззренческой информации. Во-первых, это тексты на естественном языке, уходящие своими корнями к скифскому повествовательному фольклору, и, во-вторых, изобразительные тексты.

Реконструкция скифского фольклора — одного из основных источников исследования всего евразийского скифского мира — имеет достаточные основания. С одной стороны, по данным ряда исследователей, в фольклоре некоторых народов Северного Кавказа предполагаются скифские корни, с другой — содержание скифской мифологии (ее фольклорная сторона), дошедшая до нас в основном как иноописание античности, по мнению ряда исследователей, во многом восходит к собственно скифской устной традиции. Например, версия Геродота о Таргитае-Геракле вполне определенно содержит скифскую генеалогию.

Таргитай-Геракл во время своих скитаний попадает в пустынную страну, которой в будущем суждено стать Скифией, и там засыпает. Пока он спит, пропадают его кони. Проснувшись, герой отправляется на их поиски и обнаруживает пещеру, в которой обитает фантастическое существо — полуженщина, полужмея. Эта нимфа признается, что кони у нее, но соглашается вернуть их при условии, что Таргитай вступит с ней в брачную связь. От этого союза рождаются три сына, младший из которых становится родоначальником скифских царей.

В литературе давно и неоднократно отмечалось поразительное сходство сюжетов версии Геродота с рассказом «Шахнаме» о браке Ростема и Техмине.

Согласно этому рассказу, отправившись на охоту в сторону Турана, Ростем на пути засыпает в тени дерева, а его коня Рехша в это время похищают проезжавшие мимо туранские воины. В поисках коня Ростем приходит в Семенган, где дочь местного царя Техмине склоняет его к браку, обещая за это вер-

нуть похищенного коня. От их союза рождается герой Сохраб.

Как полагает Д. С. Раевский, в этих двух версиях не просто совпадение отдельных мотивов, но явное тождество сюжета, причем достаточно развернутого. Из приведенного сопоставления скифского сюжета с данными иранской традиции явствует, по мнению Раевского, высокая достоверность передачи Геродотом скифского фольклорного материала, что является весьма существенным для анализа других геродотовских фрагментов скифского фольклора.

Скифское изобразительное искусство представляло собой совокупность мировоззренческих текстов. Являясь динамической семиотической системой, оно напрямую перекликалось с фольклорными мотивами. Доминирование в скифской культуре (особенно в первой ее половине) звериного стиля связывалось рядом исследователей с магической концепцией.

Изображения человека встречаются в это время только на импортных предметах. Однако Д. С. Раевский вполне убедительно показал мифологическую природу звериного стиля, его связь с моделью мира скифов.

С V века до н. э. в преобладавший в скифском изобразительном искусстве зооморфный код все чаще включаются антропоморфные мотивы. И, что очень важно, скифология в настоящее время располагает уникальными археологическими находками, воплощающими в себе ряд сюжетов из фольклора. Так, например, на серебряном кубке из кургана Куль-Оба воспроизведена известная версия мифа, записанная Геродотом, о происхождении скифов и скифских царей. Возможно, этот же сюжет, как полагает Раевский, представлен и на чаше из кургана Гайманова могила. Миф этот повествует об испытании, предложенном прародителем скифов Таргитам-Гераклом трем своим сыновьям, суть которого в

натягивании тетивы на тугой отцовский лук. Победивший в этом испытании должен был получить власть над Скифией. Выполнил задачу младший из сыновей.

К сожалению, скифо-сибирская археология в настоящее время не располагает возможностями соотнесения содержательной (фольклорной, письменной) стороны мифологии с несловесными текстами (археологическими). С точки зрения автора, не до конца исследованными и незаслуженно забытыми в сибирской археологии остались материалы раскопок так называемого дворца Ли-Лина у г. Абакана. Интересен факт его связи с китайской культурой рубежа нашей эры, о чем свидетельствуют надписи на черепице, найденной при раскопках дворца. Эти надписи связываются исследователями со временем правления императора Ван – Мана (9 – 23 гг.). Наличие материалов хунского происхождения и возможная связь с легендой хунского наместничества в лице Ли – Лина на северо-восточных рубежах империи дают основания рассматривать это явление сибирской культуры таштыкского времени во множестве связей.

Литература

1. Хамидов, А. А. Категории и культура / А. А. Хамидов. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 240 с.
2. Афанасьев, А. Н. Дерево жизни (избранные статьи) / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1992.
3. Юнг, К. Г. Психология и поэтическое творчество / К. Г. Юнг // Самосознание европейской культуры XX в. – М., 1991.
4. Раевский, Д. С. Очерки идеологии скифосакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии / Д. С. Раевский. – М., 1977.

УДК 140.8 + 157.910.3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В. М. Золотухин, М. В. Козлова, В. П. Шенников

SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF QUALITY OF LIFE

V. M. Zolotukhin, M. V. Kozlova, V. P. Shchennikov

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию качества жизни, в частности, среди представителей западной философской мысли и представителей религиозной русской философии. Представлена эволюция понятия «качество жизни» в контексте социального бытия. Определены понятия «качество жизни» и «уровень жизни».

Various approaches to understanding of quality of life, in particular those of representatives of the western philosophical thought and representatives of Russian religious philosophy are considered in the article. Concept evolution of «quality of life» in the context of social life is presented. The concepts of «quality of life» and "standard of the living" are defined.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, уровень дохода, потребности.

Keywords: quality of life, standard of living, level of the income, needs.

Современное российское общество характеризуется трансформацией социальных институтов. В период развития рыночных отношений и демократии, становления гражданских институтов и правового

государства социальная политика занимает существенное место в государственном регулировании общественных отношений. Названные изменения протекали и продолжают протекать на фоне

поляризации общества, выраженной прежде всего дифференциацией доходов. Основным направлением социальной политики является повышение качества и уровня жизни населения. Проблема качества жизни остается до сих пор малоизученной, несмотря на достаточно длительный период развития общества. Целью нашего исследования является социально-философский анализ проблем развития общества и установление научной трактовки категории «качество жизни».

Качество жизни как многоаспектное явление, можно исследовать, применяя системный подход в теоретических направлениях методологии научного познания: социологии, экономической теории и географии, психологии и философии. Причина этого в том, что на протяжении истории развития общества категория «качество жизни» прошла эволюционную динамику, в частности, она подменялась такими понятиями как «образ жизни», «стиль жизни», «уровень жизни». Прежде чем перейти к сущности качества жизни, необходимо проанализировать вышеуказанные понятия, исходя из понимания сущности жизни.

Качество жизни как предметная область, имеющая социальную ценность, становится актуальной с 60-х годов XX в. в результате переоценки потребностей общества в развитых странах. «Возникла смена доминанты жизненных ценностей населения с материального благополучия на культурное развитие, укрепление здоровья, улучшение экологических и других условий жизни». Совокупность всех этих ценностей, потребностей и интересов объединилась в термине «качество жизни». Научное значение данному термину впервые придал Дж. К. Гэлбрейт в работе «Общество изобилия» в 1958 г. [3, с. 15]. Проблема развития общества, являясь перманентной, была апогеем исследования философов на протяжении многих веков.

К проблеме развития общества обращались представители античной философии – Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и др. В их концепциях интересы государства возвышались над интересами человека. Человек рассматривался как бесправное «существо» по отношению к государству. Аристотель наделяет человека от природы «политическим животным» или «государственным животным», следовательно, государство не может быть объектом искусственного переустройства, последнее же является объектом естественного происхождения. В трактате «Политика» Аристотель изначально определяет статус и роль человека в естественном развитии государства. Он же вводит понятие «класс», говоря о поляризации общества, выделяя богатых как свободных людей, и бедных – в качестве рабов. Приверженность к одному из классов определяется природой, то есть спонтанным развитием. Аристотель целью государства провозглашает «совместное продвижение к высокому качеству жизни». Таким образом, античные философы выдвигали концеп-

цию *образа жизни* человека, персонифицированную законами природы.

В рамках средневековой социальной философии ее представители в качестве основного аспекта учений об обществе выделяли идею духовной стороны человека, как высшей формы образа и качества жизни, достигаемой лишь через любовь к Богу. Выделяя духовные потребности в развитии общества, представители философов-схоластов полностью отрицали искусственные потребности, такие как собственность, одежда и т. д., предлагая внешнюю и внутреннюю бедность как необходимое условие внутренней свободы человека. Фома Аквинский и Аврелий Августин под благосостоянием и развитием человека предопределили получение благодати от рождения, дарящей добро, спасение и блаженство.

Важным этапом развития философской мысли является философия эпохи Возрождения и Нового времени. Согласно учениям Г. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Т. Мора, человек занимает первостепенное место в сфере мировоззрения, становится высшей ценностью, наделяясь индивидуальностью. Проблемам справедливого устройства общества, а значит, и проблеме качества жизни, отводится приоритетная значимость. Н. Макиавелли является ярким представителем политической направленности благосостояния общества с элементами тоталитарного, насильственного режима. Могущество государства есть совокупность моральных качеств отдельно взятых индивидов. Добиваясь высшей морали, философ настаивает на применении любых средств, в том числе и аморальных, и преступных [9, с. 209]. Исследуемой нами категории новую направленность придал Т. Мор, выделяя социально-экономический аспект качества жизни. Он первым упоминает о необходимости социальных гарантий и реальной заботы государства о каждой личности.

В XVI – XVIII веках качество жизни находит свое отражение в теории «общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Гоббс говорит о недоверии людей друг к другу, в том числе и к государству, определяя общественные отношения «войною всех против всех» [8, с. 9]. Целью государства становится достижение общественного благосостояния путем достижения договоренности и согласия правителя и народа. В рамках теории Дж. Локка зарождается либерализм во всех сферах жизнедеятельности, создаются предпосылки для предпринимательской деятельности. Ж.-Ж. Руссо изначально считает людей равными, добрыми от природы, а человеческий разум и цивилизацию – источником раскола общества, приобретением зла. Для решения проблемы неравенства философ предлагает передать все свои права государю и стать равными в своем беспорядке.

Впервые теория качества жизни как экологическая детерминанта раскрывается представителем географической школы социальной философии

Ш. Л. Монтескье. В работе «О духе законов» он раскрывает зависимость между климатическими и природными условиями, с одной стороны, и видом занимаемой деятельностью, состоянием здоровья, нравственностью и моралью, с другой стороны [9, с. 5 – 7].

Иммануил Кант для познания высокого качества жизни выделил необходимые четыре его составляющие – разум, право, мораль и государство. Иначе, соблюдение нравственности и морали позволит достичь нравственного совершенства, а следовательно, и высокого качества жизни. В свою очередь, государство гарантирует обществу защиту посредством правовых норм. Наивысшая форма качества жизни – обретение счастья в рамках соблюдения правового закона и нравственного совершенства.

Иеремия Бентам выдвинул всеобщий принцип справедливого социального устройства с точки зрения гедонистических принципов. Для исследования общества Бентам вводит выражение «интерес общества», отражающееся через призму нравственного учения. С целью познания качества жизни общества предлагается применить субстанциональный подход к ценностям удовольствий и страданий индивидуальных лиц. [8, с. 31].

В концепции «абсолютного духа» Гегель превозносит германский народ как избранную нацию и провозглашает войну как единственный способ разрешения конфликтов между государствами. Его философия качества жизни германского народа содержит националистический аспект, насилие, безнравственность, то есть решение социальных проблем общества заключается в исключении и нарушении закона, социальных и духовных норм путем свободы – войны.

Представители эпохи Просвещения к исследованию благосостояния общества применили психологический и антропологический аспекты качества жизни. К. Гельвеций исследовал природу качества жизни человека через любовь к последнему и истине. Первоисточником совершенства человека назвал умственные способности и страсти. Именно «себялюбие делает нас целиком тем, чем мы являемся» [8, с. 25]. Таким образом, Гельвеций выделял в качестве показателей качества жизни внутреннее состояние человека – психологические и духовные составляющие – неистовство зависти, талант, любовь к уважению, привычка, которые, в свою очередь, являются проявлением любви к силе и власти. Но вместе с тем утверждал, что «принцип богатства» не является основным фактором, определяющим положение индивида в обществе. Основной критерий – счастье: «Если привычка делает труд легким, если люди всегда делают без усилий то, что они делают ежедневно, <...>, то умеренное состояние» заставляя человека трудиться, обеспечивает его счастье...» [8, с. 30].

П. Гольбах, выделяя человеческий разум как основную форму интересующего нас феномена, говорил о качественном развитии человека в обществе.

Чувство общности, зависимости, нужности человека развивает в нем опыт, predisposing его к получению благ и удовлетворению потребностей и интересов. Основой общности Гольбах, как и И. Бентам, К. Гельвеций, называет счастливую жизнь человека, регламентированную законами. Поэтому, живя в обществе, человек осознает правомерное поведение, как социально активную форму развития личности в обществе, искореняя преступность и пути к совершению правонарушений. Исследуя теорию развития общества в рамках эпохи Просвещения, наблюдается переход от образа жизни к *стилю жизни* под воздействием правовых и социальных норм.

Научная социальная революция О. Конта кардинально меняет представления о качестве жизни общества. Качество жизни определяется индивидуальными качествами человека. Качество жизни общества можно повысить путем интеллектуальной реформы, создавая индустриальное общество.

Представители школы марксизма-ленинизма (К. Маркс, Ф. Энгельс и Ленин) критиковали капиталистические отношения, которые были, прежде всего, основой общественного зла. Для высокого же развития нравственности, культуры и морали (качества жизни) необходимо построить коммунистическое общество, основанное на принципах гуманности, добра и справедливости.

Можно заметить, что проблема интерпретации качества жизни человека и населения среди представителей западной философии складывалась под влиянием и детерминацией мировоззренческих установок картины мира, выраженной неоднозначным подходом к проблеме исследования общества и общественных отношений.

Проблемой интерпретации качества жизни и ее разработкой активно занимались представители русской философии. Н. А. Бердяев в работе «Русская идея» качество жизни определяет русской идеей, основная цель которой – душевная структура, т. е. изначально в любом человеке заложена вера и любовь к Богу, вне зависимости от материализма. Философия качества жизни русского человека, согласно Бердяеву, определяется моральными и духовными оценками [8, с. 109]. В. С. Соловьев в своей концепции рода рассматривает принцип морального, духовного и религиозного сознания человеческого рода. Для культурного и духовного обогащения нации должны обмениваться своими ценностями для достижения высокого качества жизни [8, с. 47 – 50]. А. С. Хомяков и К. Н. Леонтьев раскрывают направления развития образа жизни русского и западного общества. Так, западное общество для исследования сущности жизни первым применило разум, русское – духовное и религиозное начало. На стыке двух цивилизаций им необходимо обменяться полученным опытом для достижения наивысшего качества жизни [9, с. 85 – 97]. Таким образом, качество жизни в контексте русской религиозной философии приобретает нравственный, ментальный характер.

В советской философии проблема качества жизни не была объектом изучения в силу сложившегося идеологического соображения. Ведущая российская школа изучения уровня жизни сформировалась в 60 – 70-е годы XX века в ИСЭПН РАН под руководством Н. М. Римашевской. Именно она является автором социально-политического и социально-экономического аспектов качества жизни в России. В начале 1970 г. в Советском Союзе термин «бедность» не использовался и не употреблялся ни на практике, ни в социально-экономической теории. Данной категории соответствовали категории «уровень малообеспеченности» и «минимальный потребительский бюджет», обеспечивающие социальное и биологическое воспроизводство человека. Но ситуация кардинально меняется с 1992 г. вследствие тотального экономического кризиса, началом «эпохи приватизации и гиперинфляции». Концепция бедности приобретает новые масштабы, находя свое отражение в крайне низком уровне жизни населения в целом. Социально-культурный аспект вытесняется экономическим. Для оценки уровня жизни населения меняется структура прожиточного минимума, отдавая основное предпочтение продуктам питания, сокращая долю услуг [7, с. 33]. В начале XXI в. для оценки экономического положения населения применяется новая методика расчета прожиточного минимума – ежеквартальный подсчет прожиточного минимума, за основу которого берется потребительская корзина. Прожиточный минимум подсчитывается как в целом по России, так и для отдельно взятого региона для основных социально-демографических групп – трудоспособного населения, пенсионеров и детей и в расчете на душу населения.

Д. В. Реут исследует категорию «качество жизни» относительно протекающей демографической ситуации, акцентируя основное внимание на проблеме прокреации. Для изучения качества жизни Реут выделяет два подхода: когнитивный и деятельный (категориальный). В первом случае высшей ценностью является познание. «Вопрос – «зачем нужно изучать качество жизни?» – неуместен». Во втором случае – тот же вопрос является основополагающим для изучения характеристик качества жизни. По мнению ученого, категория «качество жизни» необходима для управления социальными процессами. Реут говорит о возможном применении в категории «качество жизни» термина «общественный договор» – как соглашения «между управляющей и управляемой частями социума» [6, с. 16].

Д. Ж. Маркович предлагает определять качество жизни, подчеркивая «его взаимосвязь с качеством окружающей среды и требованием гуманизации положения человека в обществе». По его мнению, человеку необходимо предоставить свободу и творчество, не нарушая физическую и психическую ценность человека, основанную на «толерантной социальной среде» [4, с. 130].

Большинство ученых, занимающихся исследованиями в области проблем качества и уровня жизни

в России, свои теории выстраивают на основе поляризации и дифференциации общества, исследуя причины и первоисточники богатства и бедности, а также отношение респондентов друг к другу (Римашевская, М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, Н. Н. Седова и др.). Горшков и Тихонова, исследуя богатство и бедность в представлениях русского народа, обращаются к истории русского фольклора, в котором аккумулируется народная мудрость, – пословицам и поговоркам: «трудом праведным не наживешь палат каменных; бедность не порок, а несчастье; богатство – вода: пришло и ушло; чем беднее, тем щедрее, чем богаче, тем скупее; богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи; богатством ума не купишь; не в деньгах счастье» [1, с. 16]. При этом результаты исследования отражают философию качества жизни русской общности Леонычева, соответствующую его представлениям об аристократичности – власть, следовательно, и богатство, в сознании русского человека сосредотачивается в руках инициативных людей. Но, в бытие бедного человека, как и в субъективных теориях качества жизни Бентама, Гольбаха, Гельвеция и других, отражаются имманентные качества: счастье, законопослушность, толерантность, совесть, доброта. По мнению Давыдовой, качество жизни богатых и бедных слоев населения необходимо разграничивать с позиции материально-имущественной характеристики человека.

Г. М. Зараковский исследует категорию «качество жизни» с точки зрения психологического подхода к пониманию данной проблемы, который определяется жизненным потенциалом общества и удовлетворением результатами своей жизнедеятельности [3, с. 62].

В настоящий момент категория «качество жизни» наделена правовым аспектом. основополагающим документом, обеспечивающим социальную защиту и совершенствование жизни граждан РФ, является Конституция РФ от 12 декабря 1993 года. Так, в статье 7 Конституции Российская Федерация провозглашается социальным государством, деятельность которого направлена на обеспечение достойной жизни. Вместе с тем Россия – это демократическое государство с рыночной экономикой. Сущность рыночной экономики, как известно, не состоит в предоставлении каждому права на труд, образование, достойное благосостояние и качество жизни. Поэтому возникает необходимость вмешательства государства в социальную сферу. Социальная функция является одной из приоритетных функций внутренней политики государства. В 2003 году в России началась разработка социальных стандартов. Качество жизни населения необходимо регулировать и регламентировать как на федеральном, так и на региональном уровнях. Отдельные субъекты РФ, в частности, Кемеровская, Нижегородская, Белгородская области, Красноярский край, Республика Татарстан и другие разрабатывают Концепции качества жизни и пути его повышения. Основными пра-

вовыми регуляторами оценки качества жизни на сегодняшний день служат величина прожиточного минимума и потребительской корзины, а также минимальный размер оплаты труда, между которыми существует функциональная зависимость. В Трудовом кодексе РФ, согласно статье 133, минимальный размер заработной платы не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Следовательно, по нашему мнению, данные величины, в первую очередь, соотносятся с категорией «уровень жизни» для установления уровня доходов человека, т. е. являются объективными показателями. Поэтому, на наш взгляд, существует не только проблема интерпретации качества жизни в мировом масштабе, но и проблема тождественности этих двух категорий.

На наш взгляд, исследование сущности качества жизни необходимо начать с интерпретации понятий «качество» и «уровень» в русском языке. Слово «уровень» в русском языке означает степень развития и значимости чего-либо [5, с. 837]. Значит, в нашем понимании, уровень жизни – это степень внимания государства к материальному обогащению и развитию общества, или степень удовлетворения общества материальными ценностями, прежде всего – доходами. Также степень внимания государства к обществу определяется объемом и видами государственных услуг, необходимых для нормального функционирования жизнедеятельности общества. Качество – совокупность существенных признаков, определяющих достоинство социальных явлений [5, с. 270]. Следовательно, качество жизни – это свойство уровня жизни, определяющее степень обогащения отдельно взятого человека различными видами благ в зависимости от уровня располагаемого дохода и степени готовности к использованию социальных гарантий. Принцип рыночной экономики заключается в возможности получения соответствующего вознаграждения за свои способности, создает заинтересованность в удовлетворении потребностей человека, предоставляя право на высокое благосостояние «сильнейшему». На наш взгляд, именно сознательно-волевые способности человека к труду и составляют субъективную сторону качества жизни. Эта же составляющая определяет экономические возможности человека, т. е. уровень жизни. Под воздействием уровня жизни формируется качество жизни, т. к. человек сам расставляет приоритеты в зависимости от уровня доходов, культурных, физиологических и иных потребностей. Уровень жизни населения определяется номинальными денежными доходами, а качество жизни – реальными. Номинальная заработная плата выражается деньгами, которые люди получают за свой труд, реальная заработная плата – количеством продоволь-

ственных и непродовольственных продуктов и услуг, которые можно приобрести на полученные деньги. Таким образом, при равном уровне жизни (уровне доходов) качество жизни различных субъектов может отличаться друг от друга в зависимости от социокультурных, в частности, в силу этических и духовных потребностей человека.

Таким образом, исследовав интерпретацию качества жизни в контексте философии, можно выделить несколько аспектов в изучении данной категории, в том числе социально-философский. Учитывая концептуальные интерпретации качества и уровня жизни, их можно разделить на два подхода: субъективный и объективный. Субъективному подходу соответствует категория «качество жизни» с духовными и культурными составляющими, а объективному – категория «уровень жизни». Анализ интерпретации качества жизни позволяет получить представление об эволюционном развитии общества, его социальном состоянии, а также определить перспективы развития социальных субъектов. На каждом этапе развития общество сталкивается с постоянной составляющей социального устройства – бедностью.

Литература

1. Горшков, М. К. Богатство и бедность в представлениях Россиян / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2004. – № 3.
2. Давыдова, Н. М. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных / Н. М. Давыдова, Н. Н. Седова // Социологические исследования. – 2004. – № 3.
3. Зараковский, Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г. М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
4. Маркович, Дж. Глобальные проблемы и качество жизни / Дж. Маркович // Социологические исследования. – 1998. – № 4.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Реут, Д. В. Качество жизни и прокреация / Д. В. Реут // Философские науки. – 2010. – № 7.
7. Римашевская, Н. М. Бедность и маргинализация населения / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4.
8. Социальная философия: Хрестоматия. Ч. 1. / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. – М.: Высш. шк., 1994. – 255 с.
9. Социальная философия: Хрестоматия. Ч. 2. / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. – М.: Высш. шк., 1994. – 352 с.

УДК 130.2

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ИССЛЕДОВАНИИ «ДУШИ КУЛЬТУРЫ»

Е. Ф. Казаков

THE PRINCIPLE OF HISTORICISM IN THE STUDY OF "THE SOUL OF CULTURE"

E. F. Kazakov

В статье обосновывается правомерность рассмотрения «души культуры» в её историческом развитии. При этом автор опирается на идеи представителей «философии жизни». Доказывается, что «душа культуры» имеет сверхвременной и временной уровни. История предстаёт как инобытие «души культуры» в её непрерывной процессуальности.

The article substantiates the validity of considering "the soul of culture" in its historical development. The author bases on the ideas of the representatives of the "philosophy of life." It is proved that "the soul of culture" has a supratemporal and temporal levels. History appears as otherness of "the soul of culture" in its continuous processuality.

Ключевые слова: душа культуры, философия жизни, история, сверхвременное и временное, отчуждённое и первозданное, духовное, телесное, логическое и историческое.

Keywords: the soul of culture, philosophy of life, history, supratemporal and temporal, alienated and pristine, spiritual, physical, logical and historical.

Культура имеет свою историю. Предметом истории в самом широком смысле является эволюция культурных форм. Культура понимается как исторический феномен, как образ в мировой картине истории, как подобие и совокупность символов. Каждая культура, каждая эпоха создавали собственную картину души. Ее черты – символическое выражение идеи бытия. В развитии культуры выделяются различные этапы, связанные друг с другом, в том числе и отношениями преемственности.

Культура пролагает "путь души к себе самой", представая сменой форм, ведущей в конечном счете к их исчерпанию. В ходе исторического процесса происходит все большая дифференциация предметных достижений культуры, образуется многообразие ее форм. Для истории культуры свойственна не только стадильная последовательность, но и цикличность, возврат к прежним формам для их доизживания. Если в "широком" значении слова понятие "культура" соотносимо со всем процессом становления душевной жизни, то в "узком" значении оно используется как выражение зрелости души, ее одухотворенности, целостности, упорядоченности (в противоположность понятию "цивилизация", используемому для обозначения нисходящей рационально-прагматичной линии душевной истории).

С точки зрения "философии жизни", душа находится в развитии, неся в себе не только настоящее, но также прошлое и будущее. Душевное развитие – это обусловленное изнутри изменение во времени, отличающееся непрерывностью, телеологической связью, способностью закреплять и возвышать жизненные ценности. Душа устремлена к "изживанию себя", ко всё более жизненной форме, к полноте духовных состояний. Представая единством действительного и возможного, душа несёт в себе своё будущее, оказываясь "больше" себя. В душевной жизни заранее задана её собственная, более высокая и совершенная, в сравнении с нею же самой, форма. Такой формой является "первозданная энергия души", её духовная энтелехия прежде всего (являю-

щаяся "врождённой душевной связью", в отличие от приобретённых отчуждённых форм).

На основе идей "философии жизни" в культурологии начала XX века сформировалась "духовно-историческая школа". Метод последней представляет собой непосредственное постижение некоторой культурной (художественной) цельности и осуществляется путем "сопереживания", интуитивного проникновения в предмет и его интерпретации ("герменевтики"); "жизнь" понимается как духовно-историческая реальность, являющаяся с наибольшей полнотой в художественном творчестве. На оформление этой школы особое влияние оказала работа В. Дильтея "Построение исторического мира в науках о духе" (1910 г.), поставившая задачу раскрыть "историю духа" как историю образов.

Душа человека имеет как сверхвременной (дух, разум), так и "временной (плотская энтелехия души, "стихия душевной жизни") уровни. Изменчивость душевной жизни обусловлена как внутренними силами самой души, так и зависимостью её от телесных процессов. Основанием для генезиса является неоднородность души (духовное и плотское, адекватные её сущности и отчуждённые от неё состояния) и заключенная в её сущности интенция к единству. В душевной жизни человека можно выделить первозданный план (в его ставшем или становящемся состоянии) и отчужденный план. Оформление последнего составляет содержание нисходящей линии истории, становление первого – восходящей линии (В. Соловьёв в этой связи, пишет о трёх видах совершенства: безусловно, сущее – в Боге; потенциальное – в душе; действительно становящееся – во всемирно-историческом процессе).

"Душа" в концепции О. Шпенглера, – это то, что подлежит осуществлению (то есть содержание душевной жизни имеет потенциальный характер); "мир" – осуществлённое (по Г. Зиммелю, это – объективировавшаяся душевная жизнь); "жизнь" – это само осуществление (то есть, это – актуализирующаяся, становящаяся душевная жизнь; по Г. Зимме-

лю, это – "текучая живость" души; по В. Соловьёву, это – "всемирно-исторический процесс"). По О. Шпенглеру, душа развёртывает свой потенциал "из себя" (вопрос, почему он именно такой и как он там оказался, остаётся открытым). В душевной жизни есть и "безусловно сущее" (актуальное, духовное, "абсолютное", по Г. Зиммелю), и потенциальное, и становящееся (через процессы объективирования и переживания).

Основанием генезиса является то, что душа предстаёт как "потенциальная сущность". Человек – существо несовершенное, а лишь "тяготеющее к совершенству". На первоначальных ступенях своего развития человек есть духовное существо более в возможности, чем в действительности, но именно эта возможность высшего бытия и подвергается опасности со стороны плотской похоти. Таким образом, восходящая линия становления реализуется через противоборство нисходящей линии, которая может на определённых стадиях стать доминантной. Однако целостность генезиса (обусловленная духовным единосущием, целостностью душевной жизни) не может рано или поздно не возобладавать над выпадающей из неё частичностью. Исторический процесс, таким образом, развёртывается, в своём существе, в душевной жизни. Внешняя (телесная, материальная) сторона истории предстаёт в конечном счёте моментом, опосредующим развёртывание внутренней (душевной) стороны.

Душа человека предстаёт как "поток" становления, история. Душевная жизнь – на протяжении всего своего становления – есть оформление и взаимодействие различных составляющих ее начал. То одно, то другое из них доминирует, не побеждая окончательно. Своеобразие жизни души – в незавершённости происходящих в ней процессов. Доминирование незавершённости обусловлено "удельным весом" множественной дифференциации душевной жизни. Душевная жизнь раздроблена, состоит из неравномерно развитых элементов ("полифония"), отличается спонтанностью, хаотичностью, переплетённостью "мёртвого" и "живого", торжеством низшего и внешнего. Однако, несмотря на наличие раздробленности, противоборства (особенно плоти и духа), целостность души сохраняется (не случайно, раздираемый борьбой плоти и духа грешник – существо более целостное, более оформленное внутренним единством души, чем благополучный, всем довольный обыватель).

Отличительные черты отчуждённого и первозданного планов душевной жизни выступают "системой координат", позволяющей определить нисходящую и восходящую линии становления душевной жизни. Для первой свойственна внешняя, плотская, рассудочная, хаотичная, иллюзорная, частичная жизнь, довольствование настоящим, устремлённость к временному, сиюминутному, безобразному. Для второй свойственна внутренняя, духовная, разумная, целостная жизнь, устремлённость к будущему (вечному), гармоничному. Как в душе человека сосуществуют первозданное и отчуждённое, актуальное и потенциальное состояния, в историческом процессе

в целом (как и в каждом его конкретном состоянии) сосуществуют нисходящая и восходящая линии. Их субординация, выражение, характер соотносённости изменяются, что и даёт основание для выделения конкретных состояний исторического пути человека. Последний – не есть движение от души к душе, а есть единая душевная жизнь, изменяющаяся во времени.

Единичное в душевной жизни, с одной стороны, максимально удалено от всеобщего. С другой стороны, чем более ярко, неповторимо, значительно первое (например в выдающихся художественных произведениях), тем более оно общезначимо. Так, гений, выражая глубины человеческого духа, создаёт творения, имеющие общечеловеческое значение. Таким образом, единичное и всеобщее сходятся. И изучая отдельные художественные произведения, мы проникаем в глубины европейской душевной жизни, её истории. Исследуя единичные, внешние, конкретно-исторические проявления телесной жизни, мы получаем представление о скрытой за ними временной и сверхвременной жизни души. "В каждый миг и во всяком единичном душевном явлении присутствует (правда, с большей или меньшей актуальностью и явственностью) душевная жизнь как единство целого. Это типичное свойство душевной жизни, в силу которого она как целое присутствует в каждое своё мгновение, заключено уже в её сверхвременности".

Соединение в человеке душевной и телесной, внутренней и внешней жизни является основанием для существования внутренней и внешней стороны исторического процесса. Внешнее, видимое, "телесное" в истории есть выражение протекающих в ней внутренних, душевных процессов. Исторический процесс в конечном счёте предстаёт как ставшая и становящаяся душевная жизнь, как одна из важнейших её объективаций.

Внешнее, видимое в историческом процессе определяется О. Шпенглером как "физиогномика истории". Последняя есть форма, облик развёртывающегося генезиса душевной жизни. Внутренняя и внешняя стороны истории соотносимы с душевно-телесным обликом человека. Телесные объективации (фиксируемые на общем уровне) едины на всех стадиях истории, что даёт основание рассматривать их как составляющие одного процесса визуальной трансформации, выражающие бытие единой душевной жизни (выделяя "две души" – "аполлоновскую" и "фаустовскую" – европейской истории, О. Шпенглер абсолютизирует "особенное", абстрагируясь от "общего" и тем более "всеобщего" в европейской душевной жизни).

Конкретно-исторические состояния душевной жизни являются её объективациями, формами, в какой-то момент – в силу непрерывной "текучести" жизни – переставая ей соответствовать. "Причиной истории" является стремление "жизненного потока" освободиться от "застывших" форм, ставших чуждыми, враждебными, сдерживающими стремление жизни к адекватному самовыражению. История (как ставшая, завершённая жизнь в её конкретных со-

стояниях), в силу этого, предстаёт инобытием души как непрерывной процессуальности. Генезис душевной жизни будет продолжаться до тех пор, пока не будет выражено в полноте её сущностное бытие. Исторические формы душевной жизни "сбрасываются" не только потому, что соответствуют лишь оставшимся в прошлом её состояниям; они являются поверхностными, частичными, не выражающими её в полноте, адекватности, непосредственности.

Таким образом, можно говорить об истории как об "изживании" отдельных энтелехий души, но не души (как совокупности энтелехий) в целом. Исторический процесс есть единство многообразного; "умирание" какой-либо из различённостей этого единства не означает "конца" душевной жизни в целом. Подтверждением этому является возможность и продуктивность "вечного возвращения" к прошлому (для дооформления, "доизживания" не исчерпавших себя душевных энтелехий). "Возвращение" говорит о преемственности различных состояний, "прерывностей" исторического, представляющего в результате непрерывностью. Лишь исходя из представления о генезисе европейской душевной жизни в её целостности, можно понять то или иное её конкретное состояние (не объяснимое "само из себя").

Душевная жизнь – целеустремлённая, носящая направленный характер. Данная проблема развёртывается в "философии жизни" через категорию "воле-ние". "Волевое" определяется В. Дильтеем как длительное направленное устремление души. По Ф. Ницше, существует множество "центров" душевных сил, в основании чего лежит плюрализм воли, их разноустремлённость (вплоть до взаимоисключения). Для становящейся душевной жизни характерно самоволие. "Воля к власти", по Ф. Ницше, является основой мира становления, поэтому она возможна только как история. Нисходящая линия истории часто описывается в "философии жизни" как переход от "культуры" к "цивилизации". Если энергия "культурного" человека устремлена во внутрь (это – "внутренний человек"), то энергия "цивилизованного" человека устремлена на внешнее (это – "внешний человек"). Нисходящая линия генезиса предстаёт как переход от "культуры души" к "цивилизации плоти".

Однако последняя не понимается как единственная и всеполагающая. Против "парализующего ощущения всеобщего разрушения и неоконченности" Ф. Ницше выдвигает идею "вечного возвращения". В процессе развития происходит возвращение ко всем тем душевным энтелехиям, которые себя ещё не исчерпали, для их "доизживания". Но "возвращение" может быть вечным, только если это возвращение к вечному. Только в этом случае "возвращение" предстаёт как "вечное обожествление и разбожествление". Всякий период на этом пути обладает самостоятельной ценностью, не выступая лишь средством для более зрелого этапа. Таким образом, истории свойственна "пульсация", цикличность, в ходе которой душевная жизнь становится то "больше" телесного за счёт одухотворения, "обоже-

ствления", то "меньше" плотского (в результате "разбожествления"). При "развёртывании" духовного происходит "свёртывание" плотского и наоборот. В результате душевная жизнь либо открывается бесконечному, либо оказывается в плену конечного.

"Философы жизни" выделили те или иные противоречия, обуславливающие развитие душевной жизни (напр., у Г. Зиммеля, – это противоречие "текучей живости" жизни и её объективации форм культуры; у Л. Клагеса – духа и души). Этапы развития основного противоречия объекта (тождество с несущественными различиями – противоположности и конфликт между ними – разрешение противоречия) обуславливают прохождение объектом в целом соответствующих же стадий.

"Философия жизни" говорит о необходимости рассматривать культуру в развитии. Задачей культурно-исторического подхода является, по Г. Зиммелю, выяснение причин и носителей истории. Важным фактором исторического познания выступает общность современных и предшествующих душевных процессов (т. к. первые наследуют вторые), дающая основание для поиска исторических аналогий и взаимосвязей. Историко-культурное познание имеет эстетический характер (по Зиммелю, "историк непременно должен быть художником"). Художник "понимает" историю, т. к. погружается не в реальность объекта, но в его "идею", образ, символ, представляющие выражением душевной жизни.

История культуры есть становление душевной жизни, порождающее культуру. История – взывание душой мира, её желание света, возвышения, завершения и осуществления. История – постоянно меняющийся "образ души", "картина души" (визуально запечатленная искусством). Начальной стадией истории является "живая душевная стихия", находящаяся в постоянном процессе осуществления. Становящаяся душевная жизнь есть единство "прирожденного" и "приобретенного". Началом истории выступает "пробуждение внутренней жизни", "концом" – её самоосуществление.

История несет в себе момент "самопреодоления", "самоотчуждения". Становление душевной жизни может идти как по линии нисхождения ("нисходящая жизнь"), так и по линии восхождения ("восходящая жизнь"). В своей восходящей линии душевная жизнь стремится к "стадии духа", к "абсолютной жизни", к "трансцендированию", к "более-чем-жизни". В своей нисходящей линии душевная жизнь стремится к материальному, рассудочному, прагматичному, "цивилизационному". Если первая линия осуществляется через развёртывание (прирожденной душе) "первозданной энергии", то последняя – через "оформление" и "объективацию" отчужденных душевных интенций. Данные линии могут взаимодействовать друг с другом, одним из результатов чего является "изживание" душевного отчужденного.

Рассуждения "философов жизни" (в частности, О. Шпенглера и Г. Зиммеля) дают представление о некоторых ступенях становления душевной жизни. Начальной из них выступает душевная стихия, за-

ключающая в себе (в качестве "прирожденного") первозданное потенциальное. Собственно становление начинается с первых проявлений актуализации, оформления планов и уровней душевного. Становление достигает более зрелых состояний, когда в душе "внезапно обнаруживается" "безусловная определенность формы мира", "ясное существование"; происходит внезапное уразумление душевной дали и глубины. Если душевное отчужденное движется от одного самооформления своих интенций к другому, самообъективируясь и самоисчерпываясь (что осуществляется и через взаимодействие с душевным первозданным), то последнее устремлено к преодолению своей формы, к непосредственному самовыражению (т. к. в форме духовное в полноте не выражимо).

В культурно-историческом подходе "философов жизни" (в неотрефлексированном виде) содержатся моменты системно-исторического подхода. Так, О. Шпенглер пишет, что сама история перестанет быть простой суммой прошлого без присущего ей порядка и внутренней необходимости и явится организмом строгого строения. Речь идет о переходе от суммативного к органическому историческому процессу. В обоих подходах развертывание последнего рассматривается как дифференциация, усложнение структуры, усиление внутренних взаимосвязей. Становление понимается как переход от разнородности к однородности, в связи с нарастанием доминирования одной из его сторон. В обоих подходах, с разной степенью рефлексии, осуществляется логический аспект исследования, исходя из которого анализируется конкретно-исторический материал (то есть осуществляется собственно исторический аспект исследования).

Этапы познания душевной жизни (представление её как тождества, как исходной простейшей взаимосвязи важнейших сторон) соотносимы с этапами её развития, основанием чего является принцип единства логического и исторического. Последние предполагают друг друга, так как являются двумя необходимыми, последовательными (и в то же время параллельными) ступенями к формированию целостного представления. Один процесс познания выступает основанием, предпосылкой для осуществления другого. Полученное (в логическом аспекте) представление об "исходной душевной связи" (так, Г. Зиммель определяет основное отношение душевной жизни, считая его выявление важнейшей задачей исследования) выступает начальным звеном для осуществления исторического аспекта познания.

В простейшем представлении душевная жизнь определяется лишь в общем. Однако оно является необходимым основанием для определения различных конкретных состояний развития души. Посредством смены данных состояний душевная жизнь и характеризуется в её развитии. Стороны "исходной душевной связи" – это стороны сущностного отношения, выявляющегося на зрелой стадии душевной

жизни ("философы жизни" неоднократно отмечали необходимость исследования последней именно в зрелых её состояниях, когда составляющие стороны имеют оформленный выраженный характер). Исходное представление о душевной жизни, "проходя" через различные этапы исторического, наполняется конкретным содержанием, "обогащается". Повторяющиеся, существенные, необходимые моменты в строении и функционировании душевной жизни отделяются от второстепенных, случайных, явленческих, что и делает правомерным "введение" первых в исходное представление для формирования на его основе сложного развёрнутого представления о душевной жизни. Таким образом, происходит неоднократный возврат к логическому аспекту исследования для его завершения (подобный свойственному для самой истории "возвращению" к прошлым состояниям душевной жизни для их "доизживания").

С одной стороны, логическое (исходное отношение) выступает предпосылкой исторического. С другой – логическое (итоговое развёрнутое представление) выступает результатом исторического. Процесс познания – в единстве логического и исторического его аспектов – предстаёт самодостаточным, создающим необходимые предпосылки для собственного осуществления. В основе данного процесса познания, таким образом, лежит развитие противоречия логического и исторического, осуществляющееся через отделение данных аспектов друг от друга как последовательностей; соотношение их и формирование, исходя из обоих аспектов, итогового сложного представления о душевной жизни в целом.

Принцип единства логического и исторического адекватен целям системно-исторического подхода. С точки зрения последнего, исходной ступенью развития предстает оформление внутренних состояний объекта: себестождественность здесь доминирует над становящейся различенностью. На следующей ступени развития внутренние различности нарастают, становясь более определенными и обособленными. Они стремятся "разойтись" в своем внешнем выражении. Однако наиболее существенные стороны здесь ещё не определились. Объект начинает всё более развиваться не на ином, а на своем собственном основании. Происходит нарастание неравномерности становления его сторон.

Вступая в зрелую ступень, объект начинает развиваться на своей собственной основе. Оформляются стороны, предстающие относительно друг друга как существенные различия (противоположности); между ними начинает функционировать взаимодействие. Объект превращается в целостность. Существенно различные стороны обособляются друг от друга, что осуществляется лишь при внутренней дифференциации каждой из них. Различенность начинает "перевешивать" тождество. Важнейшие стороны теперь, в значительной степени, адекватно выражаются в своих проявлениях. Объект вступает в стадию зрелости.

УДК 101.1:316

О СОЦИАЛЬНОМ БЫТИИ

А. А. Овчаров

ON THE SOCIAL BEING

A. A. Ovcharov

В статье рассматривается социальное бытие, общество в контексте интуитивистской философии. Социальное бытие понимается как органическое целое, включающее в себя идеальный, реальный и конкретно-идеальный уровни бытия. Социальная реальность есть поле взаимодействия субъектов социальной деятельности или субстанциальных деятелей.

The social being and society in the context of intuitivistic philosophy are discussed in the article. The Social being is understood as an organic whole, which includes the ideal, real and concrete-ideal levels of existence. Social reality is on area of interaction between the subjects of social activities or substantival figures.

Ключевые слова: социальное бытие, интуитивизм, органическое целое, уровень бытия, субъект социальной деятельности, субстанциальный деятель.

Keywords: social being, intuitivism, an organic whole, level of being, social actor, substantival figure.

Поразмыслим об обществе как объекте социальной философии с позиций интуитивистского подхода. Прежде всего, само понятие "общество" или "социальное бытие" является интуицией социальной целостности. Иными словами, социальное познание имеет дело со специфическим родовым понятием, включающим в себя множество самых различных определенностей. Поэтому социальное бытие есть всеединство как соединение единства и множественности.

Действительно, как таковое, общество является чем-то единым. Так, можно высказываться об интересах общества как целого, о стремлении общества к известной цели, об общем благе и так далее. Социальное бытие является безусловным единым объектом, и в то же время это своеобразный единый субъект. Оно не есть что-либо единое: это в то же время живая реальность, объект с экзистенциальным значением.

Далее, "единство" не есть исчерпывающее определение общества; элементарные соображения эмпирического характера показывают сложность социального бытия или многообразие социальных явлений. То есть, им является человечество как совокупность отдельных индивидов и различных социальных групп как "дискретностей потока человеческого существования" [1, с. 177].

Самоочевидным фактом социального бытия является соображение в пользу упорядоченности человеческого существования и, соответственно, систематической организации общественной жизни. Действительно, социальное бытие не является суммой изолированных друг от друга социальных фактов. Напротив, эти факты координированы друг с другом; иными словами, пребывают в известных отношениях.

Это свидетельствует, онтологически, в пользу системности социальной реальности. Кроме этого, можно привести и довод гносеологического характера: формулирование абстрактного или отвлеченного знания об обществе как о целостности неизбежно предполагает знание его как системы понятий.

Таким образом, подведем итоги исходных предположений. Во-первых, социальное бытие есть некоторый самоочевидный и, по существу, аксиоматически полагемый факт, отрицание которого совершенно алогично и необоснованно. Во-вторых, социальное бытие есть некоторый объект-субъект, причем данная субъект-объектность обладает сложным и амбивалентным характером. В-третьих, социальное бытие есть специфическое всеединство, данное в интуиции как рефлексии к социальному бытию, представляющее, в свою очередь, синтез, соединение единства и множественности. В-четвертых, социальное бытие суть система, причем образуемая человечеством и, будучи живой реальностью или экзистенциально значимым явлением, — это система социальной деятельности. В-пятых, данное понимание онтологии общества, его действительной, безусловной природы предполагает использование приемов системного подхода для целостного восприятия социального бытия. Наконец, в-шестых, признание системы социальной деятельности экзистенциально значимым явлением свидетельствует о наличии факторов развития, противоречий, совпадения противоположностей и других диалектических категорий, что закономерно обуславливает привлечение к системному анализу общества диалектико-интуитивистской методологии.

Итак, социальное бытие в интуиции как рефлексии к социальному бытию представимо как система социальной деятельности. С позиций многостороннего философского синтеза как комплексной философской методологии науки, социальная действительность выглядит иерархией внутренне сложных циклов развития (возможных циклов истории), каждый из которых возникает как снятие предшествующих и проходит последовательно три основных этапа: количественных различий, качественных различий и снятия. Можно предположить, что каждый из циклов социального развития является органическим целым, живущим по своим специфическим законам. Они формируются в качестве определенных конкретно-исторических усложнений исходных (абстрактных) связей: "такое образование, объединяемое в целостность особым типом внутренне проти-

воречивого взаимодействия, и понимается как система" [2, с. 29].

Это позволяет расценивать "систему" в виде органического саморазвивающегося образования, обладающего внутренней противоречивостью. Практически это означает, что при таком понимании система как социальное бытие есть диалектическое противоречие. Системный характер социального бытия как определенного объекта состоит в том, что оно содержит в себе основания собственного развития, являясь тем самым самодостаточным объектом, или, иначе, органической системой. Причиной же развития органической системы является развертывание ее внутреннего противоречия, которое составляет содержание развития данной системы, ее историю. "С этой позиции задать систему, значит выделить в объекте диалектическое противоречие. Поскольку система выделяется через принцип развития, концепция органических систем может быть названа-таки генетической концепцией систем" [2, с. 30].

Таким образом, социальное бытие – объект социальной философии, есть не просто системная целостность, а живая реальность, развивающаяся на основе противоречий, то есть генетическое образование. В последнем значении онтология общества является внутренне сложным, но качественным процессом, становлением социального бытия, раскрытием его сущности. Будучи процессом, социальное бытие оказывается не просто некоторой "длительностью", а последовательной, хотя и противоречивой, сменой циклов развития. При этом каждый предшествующий цикл образует субстрат дальнейшего развития, его основание. Так, общество, как живая реальность, основывается на биосфере Земли. В своем развитии социальное бытие, или системная целостность, выступает в виде единства, однако, вследствие развития на основе противоречий, оно неизбежно и закономерно является множественностью как взаимодействием противоположностей или определенностей социального бытия.

В рамках системной гносеологической программы это взаимодействие противоположностей в социальной системе является сложносоставным единством, образуемым простыми составляющими, или элементами данной системы. Диалектико-интуитивистская теория рассматривает их как "действия", то есть жизненные проявления отдельных социальных субстанций, именуемых субстанциальными деятелями (термин философии Н. О. Лосского). Деятельность субстанций, становление их сущности и их взаимодействие в составе социальной целостности, или своеобразного субстанциального единства, образует диалектическое качество, имя которому – "движение", которое является основой циклов развития социальной целостности.

Цикличность есть содержание социальной прерывности как внутрисистемная различенность, видовое многообразие онтологии общества как рода. Диалектика прерывности и непрерывности или объективного содержания социального развития в его историческом измерении раскрывает цикличность

как смену различных типов социальных противоречий или этапов развития системы. При этом смена циклов не есть совершенное упразднение прошлого этапа развития, а выступление последнего в качестве основания дальнейшего цикла. Это и есть генетическое становление социального бытия. Вышеизложенный материал непосредственно приводит к введению в социально-философский дискурс основополагающих социальных изоморфов. Действительно, генетическое становление социального бытия в своем структурно-функциональном аспекте показывает субординацию отношений между социальными циклами как конкретный случай гносеологической координации, проявляющейся через генетические связи циклов и выступающую в качестве их снятия.

Суть этого диалектического снятия состоит в том, что органическая система всегда состоит из изоморфных или тождественных по строению элементов, структурно-функциональные связи которых находятся в зависимости от их генетических связей и выступают как их снятие в процессе становления. Соответственно, любое восприятие знания об онтологии социального бытия как абстрактное (теоретическое) воспроизведение социальной системности в структурно-функциональном аспекте возможно лишь как конкретный изоморф, образуемый на основе достаточно полного выделения генезиса данной системности.

Таким образом, можно сформулировать общее значение основополагающей социальной изоморфности. Оно позволяет осуществить социально-философское отображение онтологии социального бытия в абстракции. То есть, снять конкретику общества как объекта социально-философского рассуждения и получить тем самым социальную онтологию в аспекте содержания идеального социального бытия в сознании. Выделение основополагающих социальных изоморфов позволяет постичь образ функционирования социального бытия как системного целого и тем самым понять социальную онтологию – "для себя бытие".

Постановка вопроса об изоморфах имеет сугубо феноменологический характер. Происходит изменение выборки восприятия как тематики интенциональности сознания. Как указывает А. Ф. Лосев, "рассуждая о функциях, человек ровно нисколько не заинтересован в субстанциональном существовании вещей. Человек заинтересован в них не постольку, поскольку они существуют, но поскольку они мыслятся" [3, с. 767].

Это положение необходимо трактовать в следующем смысле. Диалектический интуитивизм конкретизирует лоскианское определение интуиции как рефлексии сознания к трансцендентному предмету, или имманентному материалу знания, образующего подлинное и целостное бытие или совокупность неопределенного множества значений. Так, например, С. Л. Франк и рассуждает о не постижимости абсолютного бытия, ибо человеку свойственно лишь стремиться к идеалу абсолютного знания. Человек познает реальность актуально, при

этом его физические возможности в данном направлении весьма ограничены. Однако ему свойственно стремление к умному постижению бытия, к охвату его мысленным образом. Это и есть функция изоморфности. В ней интуитивистское социальное философствование стремится к оптимизации выборов восприятия. Эти выборы принципиально не ограничены, так как являются интенциональными актами сознания. В различных выборах социальное знание раскрывается в формах социального сознания (научной, философской, политической, экономической, etc.). Изоморфная суть тематизации онтологии социального бытия состоит в том, что в предельном обобщении выборки восприятия позволяют сформулировать системное представление об обществе, то есть выделить тот или иной социальный изоморф.

Чем же является социальный изоморф в функциональном отношении? Если его рассматривать в предельном абстрагировании, то есть задать виток восхождения от конкретного к абстрактному в максимальном значении, то в нем, как в абстракции, будут обнаружены следующие принципы. Прежде всего обнаруживается понятие независимо-переменного. Действительно, любой изоморф как теоретическая конструкция состоит из некоторых переменных значений. Каждая из этих переменных как явлений "в себе" выступает как переменное в себе или нечто абстрагированное и трансцендированное от иного (т. е. другого переменного значения).

Это видно на примере отдельного социального факта или конкретного социального действия, такого, как "уличное шествие", "заработная плата", "работа городского транспорта" etc. При этом каждый отдельный факт противостоит другому факту, обособлен от него как онтологическая определенность, что объективно создает предпосылки для социальных антиномий. В этой антиномичности социальный факт независим, он есть такой, какой он есть. Можно также привести случай из чисто идеального бытия: "в треугольнике, напр., длина основания или высоты берется совершенно независимо от других элементов и величин, из которых состоит треугольник" [3, с. 762 – 763].

Далее, ход рефлексии о составе функции приводит к мысли о зависимом переменном. В социальной жизни это проявляется в случае той же "классической" зависимости производственных отношений от состояния развития производительных сил, обусловленности, например, события "уличное шествие" – от социальных обстоятельств, его вызвавших. Это могут быть протестные настроения в обществе или в его части, соблюдение требований социокультурной традиции, как-то: отмечание праздника.

Наконец, важно иметь не только два типа переменных, но и их определенную формулу зависимости. Необходимость ее заключена в том, что поскольку независимое переменное есть некое определенное социальное явление. Поскольку же зависимое переменное свидетельствует о какой-то зависимости вообще, то между этими обоими понятиями существует диалектическое противоречие.

Причина его в том, что постольку синтез обоих понятий должен объединить определенность значения с зависимостью вообще и дать не просто зависимость вообще, но определенного типа зависимость.

Очевидно, что для интуитивизма речь идет о синтезе социальных явлений в их противоречивом единстве-взаимодействии. Этот синтез является снятием социального бытия в его реальности (объективной действительности) и выступает как чисто смысловая возможность. Таким образом, социальная изоморфность является смысловой возможностью, абстрагированием или построением чистой мысли. В изоморфах онтология социального бытия проявляет себя как рассудочная схема. Как схематизм принцип изоморфности в понимании природы общества способствует пониманию того, "что такое" социальное бытие. В то же время социальная изоморфность имеет онтологическое значение в том смысле, что она отвечает на вопрос "что есть" социальное бытие. Изоморфный схематизм необходимо также воспринимать как качество, распространяющееся на все основные подходы диалектико-интуитивистской комплексной философской методологии познания.

Таким образом, изоморфные схемы не сводятся к теоретическому отображению объекта – общества. В изоморфности можно выделить два наиболее существенных типа. Во-первых, основополагающий социальный изоморф может выступать как некое абстрактно-всеобщее отображение элементов социальной системы в их отвлечении от качественной специфики внутри данной системы и характеризующий каждый отдельный элемент не как таковой, а представлять ее всеобщность. Во-вторых, изоморф позволяет раскрыть значение не только аспектов всеобщности в социальном бытии, но и может применяться как средство описания любого из элементов системы, то есть слагаемых природы общества, ее онтологических определенностей. Причем это описание не является формальной феноменологической дескрипцией, а фиксирует в диалектической взаимосвязи и развитии системных категорий конкретность или качественную специфику той или иной определенности в рамках социальной целостности. То есть, "сама конкретизация схемы есть некоторая ее модификация, снятие ее всеобщности" [2, с. 32].

Суммируя представления о природе основополагающих социальных изоморфов, необходимо отметить, что изоморф как таковой обладает более методологическим, нежели собственно теоретическим значением. Иными словами, специфика того или иного изоморфа может быть содержательно самой различной. Можно предположить, что социально-теоретическая конструкция является изоморфом постольку, поскольку отображает актуальную картину реальности как некоторое конкретное снятие с всеобщности бытия. Основополагающий изоморф специфичен тем, что раскрывает наиболее существенный состав социальной онтологии, излагает важнейшие характеристики социального бытия.

В чисто онтологическом значении изоморф выступает как снятая социальная функция или схема социальной деятельности, ибо он включает органически в себя такие предельно абстрактные качества, как зависимую и независимую формы переменных как некоторых "топосов" бытия с фиксацией их конкретной формулы зависимости, как способа детерминации или отношения. Функциональность и релятивность изоморфа как снятие всеобщности бытия оказывается отрывом от действительности в ее субстанциальности [3, с. 763] или в реальности; другими словами, изоморф выступает как онтологически значимая смысловая возможность бытия. Таким образом, социальная изоморфность является специфически оценива-емым в рамках подходов диалектико-интуитивист-ской комплексной философской методологии познания (многостороннего философского синтеза), моделированием социального бытия. Эвристический потенциал его состоит в возможности предельно аутентичного построения социальной целостности как системы социальной деятельности, развивающейся на основе диалектических противоречий.

Реконструирование онтологии социального бытия выглядит как задание его основополагающих изоморфов. Здесь необходима предварительная конкретизация. Дело в том, что сам по себе состав социальной онтологии может быть неопределенно велик. Его область есть вся совокупность общества в аспекте идеального социального бытия. Речь идет о выделении в основополагающих изоморфах основного состава социальной онтологии. Этот состав является социальным бытием как объектом, взятым в контекстах сущности и становления. Выражаясь точнее, основной состав социальной онтологии выглядит, во-первых, динамической реальностью, а, во-вторых, бытием, обладающим различными уровнями существования или полагания во внешнее или иное бытие.

Иными словами, социальная реальность есть самополагающий себя в ином объект. Это иное оказывается небытием как формальной онтологической противоположностью конкретного общества, или таким онтологическим "топосом", в котором нет признаков социальной фактуры. Онтологическая значимость общества, выраженная в феномене социальной деятельности, как раз и состоит в том, что социальная реальность как бы "раздвигает" пределы небытия как отсутствия себя, полагает в этом небытии свои потенции и тем самым превращает это небытие-отсутствие общества в социальное инобытие, в исторический процесс. Таким образом, диалектика качественных переходов онтологии общества из "для себя бытия" в "инобытие" как снятие небытия-отсутствия социальной реальности, оказывается, во-первых, человеческой историей, во-вторых, социальной процессуальностью, в-третьих, процессуальностью, развивающейся на основе собственных противоречий. Иными словами, социальное бытие является органической системой как всеединством единства и множественности (парафраз Н. О. Лосского и С. Л. Франка).

Если рассматривать социальное бытие как целостность или "систему", то есть, полагать ее дифференциацию в контексте элементарности и устанавливать принцип социальной деятельности как способ социальной субординации и самоосуществления социального бытия и рассматривать все это в смысле всеобщности, то дальнейшая рефлексия не может не начаться как анализ природы социальной элементарности. С точки зрения эмпирии, социальная элементарность – это социальные факты. Социальные факты проявляются в двояком виде. Прежде всего, это живая реальность, участники социальных явлений и событий. Также имеют место различные социальные артефакты как овеществленная или "определенная" социальная деятельность.

Это позволяет сразу же ограничить сферу социальной элементарности. Разговор может идти не об артефактах, а о носителях "живой реальности". В эмпирическом отношении это люди, человеческие индивиды, образующие, в свою очередь, различные социальные структуры или интерессубъективность. Поскольку принципом человеческого существования с самого начала определена социальная деятельность, то возможно ввести в обиход представление об элементе онтологии социального бытия. Данной исходной "клеточкой" социально-философской рефлексии является человек, являющийся наименьшей социально-онтологической единицей – субъектом социальной деятельности или субстанциальным деятелем социального бытия.

Субъект социальной деятельности не есть абстрактный и сугубо номинальный участник социальной деятельности как функциональной взаимосвязи и взаимозависимости в социальной системе как целом. Напротив, речь может и должна идти о том, что в социальной элементарности усматривается исток общества, то есть выделяется субстанция во всем специфическом плане своих значений как самодостаточного, самосущего и необходимого фактора социального бытия.

Рефлексия о реальном социальном бытии есть разговор о социальной материи или общественной эмпирии. Действительно, любой социальный объект признается как социально значимый, то есть включенным в социальные взаимосвязи, эмпирически представим. Выражаясь по-другому, любой социальный объект материален или вещественен, так как представляет собой определенное "тело". Это относится как к человеческим индивидам, так и к социальным артефактам любого рода. Следовательно, социальная материя является известной пространственно-временной фиксацией социальных объектов, в том числе и общества самого как специфически сложносоставного объекта.

Здесь необходимо затронуть извечный философский вопрос: можно ли приписать социальной материи значение субстанции и констатировать, что именно в ней выражена социальная сущность? Интуитивизм склонен к отвержению как сугубо материалистических, так и идеалистических интерпретаций материального. Действительно, если рассматривать материю в стиле Дж. Беркли, то мы признаем

социальную материю мнимостью и лишь перевернем наоборот марксистский "основной вопрос философии" о соотношении материи и сознания. Материальное будет производным идеального. Абстрагируемся на данном этапе от рассмотрения идеального и установим, что при всем этом материальное в социальном бытии есть, безусловно, "нечто". А именно: это "нечто" свидетельствующее о феноменальности социального бытия и о его объективности. Материя онтологически фиксирует объектность бытия, то, что, во-первых, есть "нечто", и, во-вторых, это нечто существует само по себе и независимо от произвольного субъективного полагания. Иными словами, не определив существо социальной материи, отметим, что материально фиксируется общество как объективная реальность. Именно качество объективности отметим в материи как наиболее существенную спецификацию последней.

Далее, чтобы установить, является ли социальная материя общественной субстанцией или, наоборот, производной другого типа бытия, репрезентируем дополнительные, помимо "объективности", онтологические определения материи социального бытия. Здесь можно сослаться на разработку данного вопроса Н. О. Лосским, ссылавшемся на систематизацию материального Э. Гартманом, включающей следующие классы представлений о материи: (а) гилюкинетические теории материи, полагающие в основу понятия "материя" категории пространства, времени и массы. Согласно представлениям Декарта, Декарта, Гоббса и др., материя является некоторой движущейся массой. Далее, (б) динамические теории материи: это представления о материи Лейбница, Канта, Гегеля, Вл. Соловьева и др. Согласно им, в понимании материи необходимо исходить из понятий пространства, времени и силы, а материю мыслить как обнаружение сил отталкивания и притяжения в пространстве. Следующими идут (в) энергетические теории материи, это взгляды Дюгема, Оствальда, Маха и др. Они трактуют материю как комплекс энергий [4, с. 20 – 36]. Как нам представляется, лоскианско-гартмановскую классификацию представлений о материи можно и необходимо дополнить (г) выделением диалектических теорий материи, рассматривающих последнюю как объективную или природную реальность, развивающуюся на основе собственных противоречий. Как известно, идеал-реалистический интуитивизм называет эти представления "экономическим материализмом", фиксируя то важнейшее качество диалектического материализма, как его социальную актуализированность ("исторический материализм") с присущей интенцией к экономическому редукционизму в интерпретаций явлений социального бытия.

Особенность интерпретации материального в диалектическом материализме заключается в том, что материя не сводится к конкретике физической реальности, и поэтому диалектическое определение материи не является ни гилюкинетическим, ни динамическим и не энергетическим: то есть не редукцируется к тому, что может быть обозначено как "вульгарный" или "механистический" материализм.

Как философская категория материя понимается здесь как понятие, служащее для "обозначения объективной реальности, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них" [5, с. 131].

Иными словами, в диалектическом понимании материи закреплено представление об объективности окружающего для отдельного человека как познающего субъекта. Разумеется, главный упрек, который может быть выдвинут против указанной трактовки материи, – это то, что при последовательном рассуждении "от материализма здесь остается только слово, и сохраняется оно только потому, что философ-материалист произвольно назвал все существующее материей и не дал точного ответа на вопрос, как соотносятся друг с другом различные стороны (механическая и психическая), которое он окрестил словом "материя" [4, с. 76].

В то же время объективная познавательная ценность диалектической интерпретации материи состоит в том, что она, согласно С. Т. Мелюхину, позволяет репрезентировать за объективной реальностью как за эмпирией такие качества, как бесконечное множество существующих в мире объектов и систем, всеобщую субстанциальность материи, оценку ее как субстрата любых свойств, связей, отношений и форм движения [6, с. 349]. Интуитивизм оценивает прежде всего субстратный характер социальной материи.

Действительно, по существу, все ранее приведенные определения материи либо обладают редукционистским свойством, то есть низводят материальное к физической конкретике, либо являются "апофатическими" и универалистскими, так как "поглощают" в материи все объективно сущее (что ставит сразу же проблему объективности сознания, психического). Поэтому интуитивизм и отказывает принципиально в материи в онтологической всеобщности. Помимо реального бытия как "данности в вещах", существуют и иные онтологические типы сущего. Здесь прежде всего можно сослаться на противостоящее реальному бытию идеальное бытие, которое является сферой смыслов, конституирующих как объективно (эйдетическая структура объектов), так и субъективно (эйдетическая структура объектов как феноменов сознания).

Таким образом, социальная материя как реальное бытие есть часть социального бытия как целостности, "внешний фон" социальных смыслов. Так, некий артефакт в материальном аспекте есть потенция смысла. Например, объект "столовый нож" вне конкретных социальных действий будет ничем иным, как безличным и нефункциональным ("мертвым") материалом. Выражаясь иначе, факт социальной материи оказывается субстратом социального действия. Следовательно, качество "субстанции" к нему не может быть отнесено, так как оно более уместно по отношению к субъекту социальной деятельности.

В то же время субъект социальной деятельности, в чисто абстрактном плане, есть диалектическое соединение реального и идеального бытия, тела и

сознания. На конкретном уровне социальная философия здесь имеет дело либо с человеческим индивидуумом ("человеческим бытием"), либо с социальной группой, либо, в потенции, с интеллектуальным артефактом (вероятностный, в контексте технологического прогресса, искусственный интеллект). В системной целостности материального и идеального в социальном субъекте материальное будет фактической проявленностью – в мире или, по-другому, субстратом социальной сущности.

Следовательно, интуитивизм воспринимает от диалектического подхода, в понимании материального, такие качества материи, как объективность, эмпирическую фактичность, субстратность и развивает собственное понимание материи, и в том числе, социальной материи, в платонистском духе как потенции, придающей смыслам возможность овеществления или объективирования. Любая идея будет абстракцией если только она не получит в процессе природного или социального развития выражение в вещи, в материальном. В вещи, в материи, идея или смысл становится чем-то "ставшим", фактической определенностью. В то же время как фактическая определенность вещь не является неизменной. Она подвержена изменчивости, которая трансцендентально есть не что иное, как смещение смысла (смысл *a* как данность, смысл *b* как эта же данность, но выраженная в инверсии, в модификации или изменении etc.). В плане мировой онтологии фундаментальным качеством материи является энтропия, физическая константа, приводящая к изменениям. В плане социальном, социальной материи, помимо энтропийности (физическое "старение" артефактов, человеческих организмов etc.), присуща еще и изменчивость, обусловленная социальной деятельностью. Поэтому социальную материю можно трактовать как субстрат социальных изменений [7, с. 28 – 29].

Социальная материя есть потенция социальных объектов. В то же время она является бесконечной определенностью, тем чисто смысловым ничем ("материя" как сама по себе, с платонистской точки зрения, не есть ни то, ни другое etc.), которое реально выступает "вместилищем" социальной эйдетики (формальных идей онтологии социального бытия). Материя функциональна, так как, благодаря ей, социальные идеи могут овеществляться (опредмечиваться). В итоге она есть мир фактических социальных объектов и образует "инаковость" социальных идей.

В этом отношении материальное в социальном бытии является содержательной стороной феноменального генезиса как порождения и развития явлений и событий общественной жизни. Материя как субстрат социальных изменений присутствует в любом социальном факте. Каждый индивид или артефакт содержат в себе собственный смысл ("нормативную идею", согласно Н. О. Лосскому). Одновременно конкретный социальный факт обладает эмпирической представленностью, или иначе, "вещностью". Так, социальное действие ради достижения абстрактного смысла (например пацифистская демонстрация) есть взаимодействие материальных тел. Более того, известной материальностью отличается

способ, скажем, речевой коммуникации – ибо та же речь является определенного рода акустическими колебаниями или материальным событием.

Социальная материя является также онтологическим принципом социальной индивидуации и дифференциации. Иными словами, как субстрат изменений или онтологическая "инаковость", выводящая идеальные смыслы из состояния покоя и обуславливающая тем самым текучесть социальной жизни, социальная материя способствует следующему. Во-первых, она обособляет отдельные социальные элементы, противопоставляет их друг другу вплоть до антагонистических состояний. Это видно на примере социальных конфликтов, порождаемых материальными интересами – проблем, связанных с удовлетворением физиологических, психологических и иных потребностей. Во-вторых, социальная материя выступает условием и способом дифференциации социального бытия, "разъединения" социальных вещей. Последнее непосредственно имеет отношение к такому фактору бытия, как "производство". Речь может идти как о производстве вещей, то есть артефактов или продуктов труда, так и производстве человека или воспроизводстве человеческого рода.

Дополнительным, но не менее важным обстоятельством, является и то, что в материальном бытии содержится потенция негативности, так как проявление субстрата изменений всегда связано с растратой ранее имеющейся или исходной социальной энергии. Поэтому в материальном расходуются прежде существовавшие ценности, при этом не имеет принципиального значения, если этот процесс связан с формальным порождением новых ценностей. Таким образом, как субстрат изменений, социальная материя может рассматриваться в качестве органической части социальной субстанции. Вне материального социальное бытие может быть только "мертвой" абстракцией; без реального уровня своего бытия общество не может существовать в действительности.

Опираясь на понимание интуиции сознания С. Л. Франка, мы усматриваем в сознании следующие важные и смыслообразующие моменты. Сознание, как и материя – субстрат социальных изменений, есть коррелят конкретно-идеального бытия. Далее, сознание есть связь субъекта и специфической функции сознания – интенциональности. Как замечает Н. О. Лосский, в целом в сознании присутствуют такие значения, как: (а) совокупность того, что обладает свойством сознательности и (б) свойство сознательности [4, с. 49 – 51]. Как нам представляется, данное понимание сознания в интуитивизме возможно откорректировать следующим образом. Необходимо ограничить сферу сознания интенциональностью и эйдетикой, условно выводя за скобки субъективность как конкретно-идеальное бытие. Иными словами, за скобками оказывается то что, согласно Н. О. Лосскому, обладает свойством сознательности. Само же свойство сознательности раскладывается на идеальное бытие и его присутствие или обнаружимость в интенциональных актах.

Данная интерпретация сознательности обладает социально-философской корреляцией. Действительно, помимо онтологического значения "космического" уровня (сознание абсолютного космического бытия, Божественное сознание), сознание есть прежде всего фактор социального бытия. Любая социальная деятельность сопряжена с сознанием и не может протекать вне интенциональных актов сознания. Например, любое действие, скажем, выполнение конкретных профессиональных обязанностей, связано с осознанием субъектом данных обязанностей и соответствующим интенциональным вниманием к соответствующим социальным фактам как в процессах рефлексии, так и в процессах овеществления и развеществления.

Вот поэтому, рассуждая о сознании, мы имеем в виду именно социальное сознание, распадающееся в своем конкретном строении на субъективное и интерсубъективное сознание. То есть, на сознательность, присущую отдельному субъекту как участнику социальной деятельности и на сознательность социальных групп ("союзных субъективностей").

Проявляя ответственность (благоприобретенное качество), человек осознает себя. В этот момент он становится ответственным за свою судьбу, а его поведение делается независимым. Человек должен проделать большую духовную работу по осознанию своего достоинства, способности к действию. Между действием и осознанием себя как личности существует диалектическая связь: осознание себя уже есть действие, в то время как действие возвышает человека как личность. Данное положение сходно с принципами и основными критериями толерантности. Оно действует и реализует себя в отношениях к субъекту (субъектам) толерантности, ибо толерантность предполагает активную позицию всех заинтересованных сторон. С этой точки зрения, она выступает как отказ от навязывания своей позиции другим с помощью какого-либо силового, в том числе информационного давления.

В случае невыполнения человеком в реальном правовом пространстве своих обязанностей, теряет всякий смысл требование признания и реализация прав человека. Соотношение прав и обязанностей полностью зависит от человека как субъекта правоотношений, его самоопределенности в рамках социально-политической инфраструктуры государства. Ограничивая свободу общим интересом в общественном порядке и безопасности, государство действует в соответствии с принципом равной свободы, относительно которого можно достичь и достигается согласие. Человек может полагать, что другие должны разделять те же верования и принципы, что и он сам, а понимание обязательств и моральных принципов показывает: мы не можем ожидать, что другие согласятся с меньшей свободой. Еще меньше мы можем надеяться на то, что они признают нас адекватными интерпретаторами их обязанностей или моральных обязательств.

В предложенном выше изложении онтологии идеального социального бытия или социального сознания заложена мотивация социальной деятель-

ности. Во-первых, сознательность может мыслиться как специфическая деятельность – интенциональность. Последняя является способом и условием осуществления социальной деятельности. В самом деле, интенциональные акты сознания выступают первичными актами в структурах социальной деятельности, так как произведение конкретного социального действия связано с осознанием. Согласно идеал-реалистической философии Н. О. Лосского, это имеет место как на перцептивном уровне, так и апперцептивном (то есть, как на уровне самосознания, так и в предсознании действия), его полаганием или трансцендированием, то есть процедурой овеществления или развеществления. Во-вторых, сознание является "вместилищем" социальных идей или, перефразируя М. Хайдеггера, социальное сознание есть "дом" идеального социального бытия.

В узком значении идеальное социальное бытие есть структурная, составляющая социального сознания, в то время как интенциональность выступает функциональной составляющей. С другой стороны, интенциональность не является бессодержательным вниманием субъекта к трансцендентному предмету или имманентному материалу знания. В таком случае интуиция была бы "пустой": в ней не было бы никаких смыслов. Иными словами, не происходило бы имманентное сознанию присутствие в подлиннике в нем трансценденции как объективной реальности.

Таким образом, можно констатировать, что социальное сознание, во-первых, представляется сложносоставной сущностью. В ней задействуются как собственно идеальное бытие или состав социального знания (эйдетика), так и присутствие других компонентов первого триединства – социальной материи и субъективности как конкретно-идеальной сущности. Социальное сознание оказывается "домом идеального социального бытия". Это означает специфичность сознания как открытого плана социального бытия, условия и возможности трансцендирования или становления социальной системы в процессе социальной деятельности.

Литература

1. Красиков, В. И. Предельные значения в философии / В. И. Красиков. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997.
2. Фофанов, В. П. Экономические отношения и экономическое сознание / В. П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, 1979. – 270 с.
3. Лосев, А. Ф. Хаос и структура / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.
4. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 18.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
7. Лосев, А. Ф. Словарь античной философии / А. Ф. Лосев. – М.: Мир идей, 1995. – 225 с.

УДК 008

**ПОТРЕБНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИЧНОСТИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ**
И. Ф. Петров

NEEDS CONTENT OF THE PERSONALITY: THE RELATIONSHIP AND MUTUAL DEPENDENCE
I. F. Petrov

В статье рассматривается личность, проблемы ее становления в процессе социализации, обусловленность развития личности характером потребностей, выступающих главной побудительной силой ее поведения и источником активности.

The article examines the personality, the problems of its formation in the process of socialization, the conditionality of the personality development of by the character of needs acting as the main motive force of its behaviour and the source of the activity.

Ключевые слова: личность, социализация, социальные силы, деятельность, структура личности, потребности.

Keywords: personality, socialization, social forces, activity, the structure of the personality, needs.

Проблема личности – это вопрос о том, какое место человек занимает в мире и «чем человек может стать, то есть, может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь» [5]. Разные религиозно-философские системы, изучая личность, выделяют разные стороны этой проблемы. «Если в античной философии личность выступала преимущественно как отношение, – отмечает И. С. Кон, – то в христианстве она понимается как особая сущность, «индивидуальная субстанция» рационального характера (Бозций), синоним нематериальной души. В философии нового времени, начиная с Декарта, распространяется дуалистическое понимание личности, на первый план выдвигается проблема самосознания как отношение человека к самому себе; понятие «личность» практически сливается с понятием «Я», тождество личности усматривается в ее сознании. По Канту, человек становится личностью благодаря самосознанию, которое отличает его от животных и позволяет ему свободно подчинять свое «Я» нравственному закону» [15].

Становление личности есть особый процесс, совершающийся в период социализации человеческого индивида. Но итогом процесса социализации не всегда, не во все исторические времена и не при всех условиях был такой продукт, как личность [10, с. 76]. Что же касается филогенеза личности, то он, как специфически социальное качество человеческого индивида, по мнению ряда исследователей античности (А. Адкинс, Ж. – П. Вернан, Л. Жернэ, А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи, В. Н. Ярхо и др.), появляется на сравнительно поздней ступени его исторической эволюции. По их мнению, в раннегреческий период личностный статус индивида еще не сформировался [16, с. 145 – 168].

Социализация (socialis) – не просто сумма внешних влияний, регулирующих проявление имманентных индивиду биопсихологических импульсов и влечений, а формирующий личность целостный процесс [4, с. 629]. «Процесс социализации преобразует человеческого индивида всесторонне. По крайней мере, все или почти все в нем, вплоть до

физиологических параметров, определенным образом модифицируется под влиянием процесса социализации. Соответственно все, или почти все, черты, свойства социализированного индивида социально значимы, но не все личностны. Не исключается ситуация, когда у социализированного индивида отсутствуют личностные черты, свойства. Это не препятствует тому, что такой индивид реализует себя как член (определенного) общества и выполняет комплекс общественно необходимых функций. Так обстоит дело в доклассовом обществе (в условиях первобытной общины). Периоду нерасчлененности общественного сознания (на формы), его синкретичности соответствует единообразие общественно-го бытия людей, их социальная однородность. В этот период отсутствует основа для появления того своеобразия в бытии и сознании социализированного индивида, которое делает возможными процессы, формирующие личность. Переход от первобытно-общинного строя к эпохе классовых формаций знаменует утрату человеком его примитивной целостности и (как бы взамен потери!) обретение личности» [10, с. 77 – 78].

Несмотря на частое использование понятия «социализация», оно не имеет однозначного толкования и в одних случаях сближается с понятием «воспитание», в других – с «формированием» личности. Сопоставляя и обобщая различные точки зрения по этому вопросу, в интересах анализа поставленной проблемы в дальнейшем ограничим круг наших рассуждений пределами двухфакторного подхода к формированию личности (наследственность и среда) и ее культурных потребностей, не забыв при этом и об активности самой личности как социального существа. В этой связи правомерна такая постановка вопроса – «Что есть появившийся на свет человек?» Является ли он в этот мир существом, включающим в себя биологическое и социальное одновременно, рождается биологическим, а затем становится социальным, а может, изначально он или социален или биосоциален? В научной литературе каждый из перечисленных подходов имеет своих сторонников и последователей, все они достаточно подробно про-

анализированы в работе К. А. Абульхановой [1, с. 115 – 131]. Мы же хотим добавить, что в различных концепциях социализации, принятых за рубежом, на одном полюсе стоят авторы, рассматривающие человека как биологическое существо, которое лишь приспособливает врожденные формы поведения, инстинкты и т. п. к условиям существования в обществе (фрейдизм), на другом – те, кто видит в личности пассивный продукт социальных влияний [15, с. 629]. Что касается отечественной философии, то такого рода примером полярных точек зрения во взглядах на соотношение природы и культуры, роли биологической наследственности и культурно-исторической преемственности в развитии личности могут служить высказывания Д. К. Беляева и Н. П. Дубинина. Так, Д. К. Беляев утверждает, что «все люди уже при рождении потенциально ... разнокачественны как в смысле своих физических свойств, так и в плане психических способностей, в том числе своей одаренности и своего поведения. <...> [Разнокачественность людей] не относится к категориям межрасовой, межклассовой, межсоциальной разнокачественности» [7]. Н. П. Дубинин же считает, что все нормальные люди способны к неограниченному духовному развитию, основанием для этого служит универсальность возможностей мозга и тела человека. Что касается психики человека, то она в его генах не заложена [8].

Проанализировав точки зрения по этому вопросу, можно сказать, что социализация – процесс формирования целостной личности. Взаимодействие биологического, социального и индивидуального в формировании личности является сложным видом диалектического единства этих начал. Биологическое в человеке представляет собой естественную, природную предпосылку развития духовного мира личности. Каждый человек способен к всестороннему развитию ввиду неспециализированности его мозга и тела, уникальности его генетической программы. В свете проблемы формирования личности можно говорить, что каждому человеку свойственна природой заданная уникальная интеграция задатков и что социальная жизнь должна, не повреждая эту первоначально согласованную систему задатков, побуждать индивида к развитию их в способности посредством общественно значимой деятельности [24, с. 17 – 18]. Иными словами, без активности человека (как существа общественного и живого организма) никакие задатки не могут сформироваться в способности. А без сформированного деятельного (и ответственного) отношения индивида к своей личности не может быть полного раскрытия сущностных сил личности.

А что такое сущностные (социальные) силы личности? Прежде чем перейти к раскрытию этого вопроса, хотелось бы обратить внимание, что речь пойдет о социальном аспекте проблемы. У разных индивидов социальные силы, выступая продуктом общественного развития, бесконечно модифицируются сообразно с их неповторимыми индивидуальными качествами и рожают индивидуальную сво-

боду в творческом развитии и удовлетворении культурных потребностей. Делают возможной саму культуру. Те общественные отношения, которые господствуют в данную эпоху или способствуют развитию сущностных сил личности, или тормозят их развитие, отчуждая их, превращая во враждебную для человека силу. А поскольку общественные отношения изменяются, то и сущностные силы имеют конкретно-исторический характер [13, с. 18]. По мнению Л. Ф. Ильичева, К. Маркс считал, что действительностью человеческой сущности является человеческая история, в которой эта сущность реализуется и развивается, поэтому сущностные (социальные) силы нельзя рассматривать в статике: они характеризуют процесс развития человека [11].

К. Маркс рассматривал социальные силы как действительную общественную связь людей [19, с. 246]. «Являясь индивидуальными в смысле принадлежности к тому или иному индивиду, они всегда общественны по своему содержанию, – отмечает Л. Н. Коган. – Только в общении появляются те или иные потребности, и между поколениями и внутри каждого из них происходит передача социального опыта, навыков, знаний, умений. Другими словами, условием развития сущностных сил каждого является взаимобмен сущностными силами между людьми.

Только в обществе, в процессе общественного материального и духовного производства и обмена сущностными силами между людьми осуществляется становление и развитие личности, ее «возвышение» до принятых обществом образцов той или иной социальной деятельности» [13, с. 18]. В этой связи правомерно привести точку зрения В. А. Козлова, который считает, что «сущностные силы человека должны опредметиться не только и не столько в природном субстрате, но и в другом человеке, который является конечным, истинным объектом деятельности» [14].

В настоящее время пока еще нет согласия относительно того, что должно составлять содержание понятия «сущностные (социальные) силы личности» (см., например, работы Х. Ф. Сабирова, Н. И. Шаталовой и др.). Приведем здесь разделяемую нами точку зрения Л. Н. Когана. Сущностные силы есть «мера присвоения социальным субъектом общественных отношений, раскрывающаяся в его практически-преобразующей деятельности, мера его социальной активности. Сущностные силы, с одной стороны, характеризуют возможности социального субъекта в реализации того или иного вида деятельности, с другой стороны, их развитие в общей форме характеризует развитие самого социального субъекта, меру присвоения им общественных отношений» [13, с. 20].

Исходя из общеизвестного тезиса К. Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений, следует, что система личности включает в себя две подсистемы – биологическую и социальную. Практически аналогичные подсистемы или аспекты в системе личности выделяются В. Ф. Сержантовым (1 – психологический базис и 2 –

социальный статус и социогенные черты) [29, с. 58] и Я. Щепанским. По мнению последнего, личность есть «интеграль[ая] целостность биогенных, психогенных и социогенных элементов» [34].

Возьмем в качестве отправных элементов вышеназванных подсистем личности (биологическая и социальная) элементы, описанные Я. Щепанским, так как предложенный им подход, по своей сути, есть монистический синтез различных аспектов природы человека [более подробно об этом см.: 29, с. 56 – 57]. Так, к биопсихологической подсистеме относятся особенности нервной системы, система желез, процессы обмена веществ, побуждения (голод, жажда, половой импульс), половые различия, анатомические особенности, процессы созревания и развития организма; темперамент, дарования, склонности, характер [по Н. Левитову, – 37].

К социальной подсистеме относятся: идеал личности, характерный для данной культуры (культурный идеал личности); социальные роли, выполняемые в различных коллективах; субъективное «я».

По Н. Левитову, социальные элементы личности – это «комплекс устойчивых свойств индивида, влияющих на его поведение, вырастающих на основе биологических и психологических свойств и вытекающих из влияния культуры и структуры общностей, в которых индивид был воспитан и в которых он участвует» [37, с. 69]. Так как общественные отношения изменяются, то меняются и социальные типы людей, следовательно, появляются и исчезают и их индивидуальное воплощения. Таким образом, при анализе структуры личности, в частности ее социальной подсистемы, необходимо исходить из условий эпохи, социальной структуры данной общественно-экономической формации.

Если для одних философов при определении сущности человека и человеческой личности человек выступает как продукт общественных отношений, то для других – как некоторая самостоятельная субстанция, из себя возникающая. В разных теориях это положение по-разному трактуется. Оно связывается с проблемами самосознания, самооценки, оценки своего внешнего образа и др. Но самосознание не есть лишь знание о себе. По А. Н. Леонтьеву, оно является не только системой приобретенных знаний. Осознанию себя «свойственно внутреннее движение, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует» [18, с. 227]. При этом А. Н. Леонтьев, ссылаясь на К. Маркса, подчеркивает, что «родовое существо означает у Маркса не биологический вид *Homo sapiens*, а человеческое общество» [18, с. 230], напоминает его знаменитое положение, что человек смотрится, как в зеркало, в другого человека, и лишь относится к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе как к человеку [21, с. 62].

В зарубежной философии существуют теории, которые сводят всю жизнедеятельность человека к проявлениям его физической, биологической природы. Такие теории игнорируют человеческую историю и законы развития общества. Представители подобных концепций ведут речь о «собственном ин-

стинкте», «инстинкте эгоизма» и т. д. Одной из самых распространенных теорий, которая и по сей день оказывает влияние на теорию личности, является фрейдизм и его разновидность – неопрейдизм. Различные стороны теории З. Фрейда достаточно подробно проанализированы в работах Ф. В. Бассина, Б. В. Зейгарника, К. Б. Клемана, Ж. Лакана, Б. Е. Рожнова, Л. Сэва и др.

В конструкции личности З. Фрейда содержится предположение о сложности, многоплановости структуры поведения человека. И тем не менее все эти компоненты в основном подчинены биологическим аспектам. Так, например, в его структуре личности существуют три основных компонента: Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-я (Супер-эго). Ид является той ареной, где властвуют вытесненные бессознательные инстинкты, а с другой – подчиняется принципу удовольствия. Эго, с одной стороны, следует бессознательным инстинктам, а с другой – подчиняется нормативам и требованиям реальности. Супер-эго – это совокупность моральных устоев общества, выполняет роль «цензора». Таким образом, по мнению Б. В. Зейгарника, Эго находится в конфликте, ибо требования Ид и Супер-эго несовместимы. Исходя из этого, Эго (Я) постоянно прибегает к защитным механизмам: вытеснению, сублимации (само вытеснение совершается неосознанно). Для осуществления разнообразных функций форм деятельности Фрейд выделил систему специфических механизмов (сублимация, проекция, перенос, вытеснение, регрессия и т. д.). Организм рассматривается им как сложная энергетическая система, управляемая законом сохранения энергии. Поэтому, если либидо (З. Фрейд выделил две потребности, которые определяют психическую деятельность человека – либидозную и агрессивную) остановлено в одном из своих проявлений, оно должно неизбежно произвести какие-то другие эффекты. Супер-эго обеспечивает социальную преемственность этих эффектов, но если это ему не удастся, конфликт между Ид и Супер-эго приобретает обостренный характер и нормальное функционирование системы нарушается, заблокированное либидо находит свое выражение в симптомах болезни, невроза [9, с. 7 – 8].

Есть и другие теории, например концепция «реформированного», «реконструированного» психоанализа (упомянутый выше неопрейдизм), которые хотя и обращаются к социальному фактору, но определяющей основой сознания и поведения человека считают предрасположения, коренящиеся в его психике в виде влечений.

Представителем рассматриваемой концепции служит Э. Фромм. Его учение является, если так можно выразиться, наиболее социализированным учением неопрейдизма. По Фромму, мысли, чувства, поступки личности нужно рассматривать как дремлющие в ней тенденции, которые ждут удобного случая для своего выражения [36, с. 180]. Несмотря на то, что Фромм рассматривает социальный фактор, показывая, как экономическая и политическая деятельность обостряет состояние человеческой отчужденности, он остается верен положению

о первичности психических сил. «Анализ Фроммом личности, – справедливо считает С. К. Рощин, – и общественных отношений, внешне носящий исторический характер, на самом деле основан на подмене факторов, имеющих первостепенное значение в человеческой истории, факторами совсем иного уровня» [28, с. 80]. Такие явления, как подчинение другим, стремление к власти, пассивное согласие с социальными нормами, стремление к разрушению, объясняются им действием особых психических сил, которые имеют свои корни в «родовой травме» человека (когда тот, выделившись из животного мира, осознал свою отдаленность от окружающей среды). То есть Фромм, впрочем, как и другие не-офрейдисты, подменяет социальные явления психологическими (психологический редукционизм). На самом же деле суть не в извечно заданных психических predispositions, а, как известно, в том, что люди есть продукты обстоятельств, исторически меняющихся социальных условий и изменяются с изменением первых.

Всеобщим признаком человека является социальная деятельность, выделяющая его из остального мира. О личности мы судим по тому, насколько она как общественная система способствует или препятствует проявлению человеческого в процессе деятельности, является результатом и средством самореализации, обеспечивает свободу творчества. «Когда характеризуют человека, то в первую очередь говорят о его деятельности – что он делает и как он делает» [6, с. 3]. Известно, что любой вид целенаправленной человеческой деятельности при условии ее превращения в самодеятельность, то есть деятельность, свободную от внешнего принуждения, может стать ареной раскрытия и реализации ее сущностных сил. В деятельности и через нее индивид включается в общественные отношения, которые складываются в ходе практики. «... Исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей» [17].

Основные моменты теории деятельности достаточно подробно исследованы в отечественной литературе (Б. А. Воронович, М. В. Демин, М. С. Каган, А. Н. Леонтьев, А. Н. Маргулис, Э. С. Маркарян, А. П. Огурцов, Ю. К. Плетников, К. Г. Рожко, В. В. Фофанов, Э. Г. Юдин и др.). Тем не менее остается не решенным вопрос о соотношении понятий «деятельность» и «активность». Самой распространенной точкой зрения является подведение человеческой деятельности под понятие активности (Л. П. Буюва, М. В. Демин, М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. В. Маргулис) и движения (С. Ф. Анисимов, Б. А. Воронович, В. П. Зинченко, В. А. Лекторский, В. М. Мунипов). Подробный анализ различных точек зрения сделан в монографиях М. В. Демина [6] и К. Г. Рожко [27]. Так, К. Г. Рожко отмечает варианты понимания деятельности: через взаимодействие и отношение ее определяет С. Л. Рубинштейн; адаптивно-адаптирующие (приспособительно-приспосабливающие) действия – Э. С. Маркарян, М. С. Кветной, Б. А. Боронович и

Ю. К. Плетников; через функции общественной системы – Л. П. Буюва; способ бытия людей – Э. Л. Акопов, В. А. Хотякова.

Из всех отмеченных подходов к определению деятельности наиболее оптимальной является точка зрения М. С. Кагана. Он считает, что человеческая деятельность «может быть определена как активность субъекта, ... а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности» [12, с. 43]. По М. С. Кагану, все основные виды деятельности (преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная) имеют по четыре группы разновидностей, определяемых характером или субстратом объекта:

- деятельность, направленная на природный предмет;
- деятельность, направленная на социальный предмет (социальный институт, учреждение, отношение и т. п.);
- деятельность, направленная на другого человека;
- деятельность, направленная на самого субъекта (например самопознание и самоизменение) [12, с. 46 – 53].

Классифицировав приведенные выше разновидности человеческой деятельности по признаку непосредственного участия в социальных отношениях, можно заметить, что первый и последний виды деятельности могут протекать без непосредственных контактов с другими людьми, хотя и зависеть от результатов их деятельности, а деятельность, направленная на «социальный предмет» или на другого человека, всегда находится в рамках контактов людей друг с другом [32, с. 53].

Всекие действия индивида, связанные прямо или опосредованно с жизнью и действиями других людей, являются социальными действиями, независимо от того, какой характер и какое направление они имеют. В. И. Сперанский выделяет следующие признаки, отличающие социальные действия от всех других (элементарных) действий личности:

- социальное действие всегда прямо или опосредованно проявляется как взаимоотношения с другими людьми (отдельными индивидами или человеческой общностью);
- социальное действие – это свободное действие, не детерминируемое жестко внешними обстоятельствами;
- социальное действие – это осознанное действие; осуществляя его, индивид предполагает его последствия, понимает – хотя и не всегда в полной мере – свою возможную ответственность [32, с. 58].

Человек – это активно действующий социальный субъект, изменяющий условия своей жизнедеятельности, существо не только социально деятельное, но и социально мыслящее.

Но вернемся к структуре личности. Проблема структуры личности активно разрабатывается в специальной литературе, в том числе отечественной (В. Г. Ананьев, Н. Н. Михайлов, Г. Л. Смирнов и др.).

По Г. Л. Смирнову, личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. Последнее же вытекает, в том числе, из потребностей личности. Они оказывают влияние на поведение личности, на ее отношение к своему положению в обществе, к своей роли в нем, а следовательно, в зависимости от этого налицо разные социальные типы личности.

Чтобы представить социальную структуру личности, необходимо проанализировать, по крайней мере, три основных элемента взаимодействия личности с обществом:

- положение личности в системе общественных отношений, прежде всего производственных отношений, т. е. ее принадлежность к определенной социальной группе;

- реальные формы жизнедеятельности человека (совокупность выполняемых социальных ролей), связанный с ними уровень знаний, умений, способностей;

- систему потребностей (материальных и духовных), интересов (общественных и личных), взглядов, убеждений, идеалов, выступающих в качестве мотивов индивидуального поведения, т. е. направленность личности [29, с. 62].

Таким образом, социальная структура личности складывается из трех основных элементов: места человека в системе общественных отношений; социальных ролей; потребностей.

В структуре личности они играют важную роль, так как выступают главной побудительной силой ее поведения, источником активности, основанием всей сложной системы мотивации, составляющей ядро личности. Не только усвоение и использование информации преломляется через потребности и интересы, справедливо отмечает Л. П. Буюева, но и сам ее выбор, принятие решения осуществляются под направляющим влиянием потребностей и интересов действующих субъектов. А поскольку в процессе общественной деятельности выступают различные и даже противоположные по своим потребностям и интересам субъекты, то и реальное поведение и деятельность личности, направленность и эффективность этой деятельности представляют сложное взаимодействие взаимно корректирующих воздействий [31, с. 57].

Во взаимодействии субъектов между собой складываются определенные отношения – прежде всего экономические и семейные. Они являются социальными формами, в которых осуществляются потребности личности, ее жизнедеятельность и производство. А так как потребности личности развиваются, это обуславливает развитие производства и общественных отношений. «Таким образом, уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства, и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно, представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей»

[23, с. 28 – 29]. Таким образом, в основании социальной жизни личности лежит исторически развивающаяся материальная связь людей.

Обусловленность развития личности характером ее потребностей объясняется содержанием и функциональной ролью потребностей в их диалектическом взаимодействии с производством, так как потребности выступают необходимостью воспроизводства материальных и духовных условий жизни личности, обеспечивающих ее нормальное функционирование. «На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних» [21, с. 520]. Таким образом, потребности выражают социальную природу личности, отражая исторический уровень развития производительных сил.

Потребности показывают и положение личности в социально-экономической системе, так как условия, жизнедеятельность различных участников общественного производства неодинаковы. А отсюда и различие потребностей личностей. Состояние потребностей, а также структура отражают определенный уровень развития личности, а их объективный характер обусловлен производительными силами и производственными отношениями общества. Таким образом, потребности – это продукт не сознания, а развивающегося общественного производства. Но потребности не просто пассивно отражают развитие производства, они характеризуют и саму личность. «Уровень и структура потребностей... оказываются отражением уровня и разнообразия способностей человека, от которых прямо зависит эффективность производственной деятельности, самым непосредственным образом они отражают соответствующую ступень социального прогресса личности» [26]. В этом смысле К. Маркс специально подчеркивал, какое значение имеет богатство человеческих потребностей, а следовательно, и какой-нибудь новый способ производства и какой-нибудь новый предмет производства: новое проявление человеческой сущностной силы и новое обогащение человеческого существа [19, с. 128].

В. Ф. Сержантов обращает внимание на сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом (в «Немецкой идеологии») исходные предпосылки общественной жизни человека. Так, человек обладает определенной телесной организацией и обусловленными ею потребностями. Его потребности, будучи морфофизиологически обусловленными функциями, существенно отличны от потребностей всех иных живых существ – они уже не адекватны окружающей среде, так как в ней не содержится всего того, что потребно человеку (и в том виде, в каком он может ассимилировать, следовательно, его потребности не могут быть удовлетворены обычным зоологическим способом), и предполагают приспособление тех или иных факторов и условий среды к его целям, определяемым потребностями. Далее, удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовле-

ния ведут к новым потребностям. Затем, удовлетворение потребностей, осуществление человеком своей собственной жизни не может совершаться индивидуально – оно возможно только во взаимодействии индивидов между собой. И наконец, непрерывность рода человеческого предполагает необходимость его продолжения [29, с. 125 – 126].

Таким образом, можно говорить о том, что жизнь человека регламентирована его потребностями. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются) ...» [20].

Потребности – сложные структуры, обусловленные внешним и внутренним, объективным и субъективным. Соотношение между указанными сторонами потребностей (объективной обусловленностью и «осознанием») очень часто бывает противоречивым. Так, изменение социального статуса личности не предполагает автоматического изменения сознания. Это происходит не сразу (тут возможны как отставание от изменений бытия, так и опережение). В качестве примера можно взять сегодняшнюю социально-экономическую ситуацию. Быстрый переход человека из одной социально-экономической группы (как правило, экономической) в другую не предполагает автоматического переворота в его духовном мире. К несчастью, привычные формы его отношения к себе, окружающим, обществу (образ мыслей, ценности, идеалы, потребности и т. д.) еще долго сохраняются или вовсе не изменяются. «Эти факторы как бы просеивают информацию о различных сторонах жизни человека, побуждают индивидов осуществлять поиск условий, наиболее адекватных их потребностям, ценностям, строить свой образ жизни по старым нормам и параметрам <...>. Прежние формы восприятия и оценки действительности, сложившиеся потребности и мотивы известное время сохраняются и при переходе человека к новым формам деятельности» [31, с. 58].

Изменение социального бытия личности ведет к изменению содержания ее потребностей, так же, как и изменение экономического строя общества, в свою очередь, ведет к изменению содержания общественных интересов и потребностей, а следовательно, влияет на изменение личных потребностей. Исходя из этого, к членам общества предъявляются новые требования, которые отвечают новым целям и задачам развития общества, изменяется система и содержание деятельности, образ жизни и мыслей людей, то есть речь идет о детерминации потребностей личности ее реальным положением или социальной обусловленности.

Со времени возникновения социальной дифференциации общества индивид находится в составе определенной группы, и взаимоотношение потребностей личности и общества преломляется через отношения потребностей социальной группы, в которую входит личность.

Общественные потребности имеют разнообразные структуры, которые преломляются в потребно-

стях личности. Многообразность потребностей предполагает их классификацию не по какому-то одному, а по многим критериям. Применение каждого критерия дает соответствующую систему потребностей. Например, по природе происхождения потребности разделяются на материальные и духовные; по объекту потребления – на производственные и личные; по субъекту потребления – на общие и индивидуальные; по форме реализации – на социальные и специфически экономические; по сфере проявления – на экономические, политические, идеологические, нравственные; по форме движения – на реальные и платежеспособные и др. Следует отметить, что каждый из названных элементов в рамках своей системы может быть представлен в более детальном виде (например, реальные потребности могут быть подразделены на абсолютные и действительные). Специфически же экономические потребности разветвляются в огромную систему экономических форм, характеризующих удовлетворение потребностей в данной социально-экономической системе.

Индивидуальные потребности выступают также в многообразных формах. Наиболее общая их классификация, связанная с природой происхождения, представляет потребности личности как материальные и духовные. Но они выступают и как личные, и производственные; характеризуются в абсолютном выражении, но приобретают и форму платежеспособных потребностей (спроса); предполагая в своем удовлетворении определенный объем и структуру материальных благ и услуг, потребности личности «набрасывают» на себя определенные экономические формы (формы распределения по труду, общественные фонды потребления) и др. [32, с. 27 – 28].

Потребности личности отражают ее индивидуальное своеобразие. Такое их понимание преодолевает известный недостаток, который был присущ представителям «уравнительного коммунизма», заключавшийся в игнорировании этого своеобразия потребностей личности. Так, Г. Бабеф полагал, что «потребность одного человека в точности совпадает с потребностью другого человека, и если нет какого-либо извращения сердца или ума, то все сводится к небольшой разнице в ту или в другую сторону, столь небольшой, что можно считать всех на одном уровне» [3].

Категории «потребность» и «необходимость» связаны между собой. Так, К. Маркс писал: «Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность» [22]. Таким образом, можно говорить, что потребность – это необходимость. Но не всякая необходимость есть потребность, а только практическая необходимость, так как «она неразрывно связана с деятельностью, благодаря которой та или иная абстрактная необходимость материализуется, обретает плоть и кровь. Возникая в процессе деятельности, потребность вместе с тем становится непосредственным стимулом последней. В качестве такового абстрактная необходимость либо вообще не может выступать, либо роль ее ограничена. Важно также и

то, что потребность является не внешней, а внутренней необходимостью для той или иной личности. Поэтому ее объекты имеют для личности ценность сами по себе, а не выступают средством реализации других потребностей» [2]. Следовательно, потребности личности являются самоцелью и стимулом ее жизнедеятельности. Точности ради следует сказать, что о потребности личности можно вести речь только тогда, когда две необходимости (объективная и субъективная) совпадают. «Из определения потребности как активно-деятельного состояния субъекта логически следует и ее определение как практического, деятельного осуществления необходимости... двоякого рода: с одной стороны, необходимости удовлетворения субъектом своих потребностей как важнейшего условия воспроизведения своей жизни, с другой – практически реализуется объективная необходимость, содержащаяся в предмете деятельности, в его свойствах и закономерностях» [4, с. 67].

Как уже отмечалось, потребности личности многообразны и подразделяются по разным критериям. В зарубежной психологии и социологии широко распространена теория мотивации А. Маслоу. Он один из первых попытался выстроить систему потребностей личности, в основе которой был положен принцип иерархии, в результате чего потребности личности предстали в виде пятиступенчатой лестницы: физиологические потребности; потребность в безопасности и благополучии; потребность в любви; потребность в уважении; потребность в самореализации [38].

По А. Маслоу, потребности каждой новой ступени становятся насущными только после того, как удовлетворены предыдущие. На наш взгляд, интересна попытка А. Маслоу подразделить потребности человека на врожденные (первичные) и социальные (приобретенные) и представить возвышение потребностей как процесс замены первичных потребностей высшими, пока, наконец, ведущим мотивом для личности не становится самореализация. Однако человек, для А. Маслоу, всего лишь биопсихологическое существо, наделенное набором изначально присущих потребностей, а социальная среда в лучшем случае может оживить, видоизменить или указать новые способы удовлетворения этих потребностей.

Существует множество попыток усовершенствовать систему А. Маслоу, однако, как правило, они сводятся к стремлению найти различные фундаментальные потребности (доминанты). Примером такого рода может служить классификация потребностей личности К. Альдерфера: потребность в существовании; потребность во взаимоотношении (общении); потребность в росте [35]. Альдерфер показал более сложную зависимость низших и высших потребностей человека, однако и он, как и Маслоу, исходил из того, что любая потребность является врожденной, а сам человек есть продукт биологической, а не социальной эволюции [33].

Многие философы придерживаются иных взглядов: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех обществен-

ных отношений» [23, с. 3]. Это значит, что и «... сущностные человеческие потребности порождены обществом, складываются в обществе, формируются им. Исторически определенная совокупность общественных отношений неизбежно проецируется и на потребности человека в этом обществе. Но не просто проецируется. Сама сущность человека не может проявляться иначе, как через совокупность его материальных и духовных потребностей, ибо через потребности (и в первую очередь через потребности!) проявляется деятельное отношение человека к окружающему его природному и социальному миру» [25].

Потребности в еде, жилище, в продлении своего рода и т. п. объективны по отношению к сознанию, так как никто не волен не иметь этих потребностей. Для их удовлетворения нужны объекты внешней природы. Перечисленные потребности, как правило, называются материальными (иногда их еще называют биологическими из-за того, что они общи нам с остальными животными).

Наличие у человека особых, отсутствующих у животных, потребностей является его специфическим отличием. К ним относятся, например, потребность в деятельности, потребность в общении и др., они вырабатываются в течение индивидуальной жизни человека и не имеют интенсивного, наследуемого характера. Духовные потребности порождаются индивидуальными условиями социальной жизни, в то время как материальные потребности передаются по наследству, а социальные условия человека подвергают их различной модификации.

Необходимость удовлетворения потребностей заставляет человека действовать. «Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» [21, с. 188]. Но деятельность, изменившая человека, сама становится потребностью, заставляя его функционировать в определенном направлении.

Духовные потребности имеют значительные отличия от потребностей материальных. Духовные потребности – это, прежде всего, определенные устойчивые системы, сложившиеся в течение индивидуальной жизни человека, они имеют социально-исторический характер и определяются условиями и объектами удовлетворения этих потребностей. Вместе с тем духовные и материальные потребности имеют общие признаки, проявляющиеся в их интегративном характере, в материальной связи с объективным миром (объективация) и в их мотивационном значении.

Выделим три существенные черты потребностей человека: интеграция, объективация и мотивационная роль [29]. Две последние характеризуют потребности как способы взаимосвязи индивида с внешним миром, а первая представляет собой указание на системную роль всякой потребности, на внутреннее, субстанциональное основание того или

иногo вектора его жизнедеятельности, который приобретает признаки потребности. Духовные потребности, так же, как и материальные, являются проявлением жизни человека. Всякое удовлетворение духовной потребности выражается в функциональных сдвигах, затрагивающих весь организм человека. Отсюда удовлетворение или неудовлетворение духовных (и материальных) потребностей отражается на человеке. А изменение структуры духовных потребностей человека связано с серьезной перестройкой внутреннего мира, часто сопряженной с настоящими трудностями и порой с болезненными проявлениями.

Потребности (как материальные, так и духовные) являются связями человека с объективной действительностью, с внешним миром, ни одна из потребностей не может быть удовлетворена без реального взаимодействия индивида с миром вещей и людей.

Духовные и материальные потребности в процессе объективации могут тесно «срастаться», образуя одну потребность, имеющую своим предметом один объект (половая любовь и основывающийся на ней брак, где сексуальное влечение и родительский инстинкт оказываются инстинктивной основой, которая индивидуально видоизменяется устремлениями, духовными потребностями; отношение к одежде, которое является не только материальной потребностью, но и духовной, эстетической и др.). Следует отметить, что многие потребности человека обладают таким сложным характером.

Далее, духовные потребности (и материальные) являются детерминантами, стимулами, побуждающими к деятельности (т. е. имеют мотивационное значение), которая разворачивается не только ради материальных, но и вокруг духовных потребностей человека и направлена на удовлетворение обоих видов потребностей. Это обстоятельство, как известно, важно для монистического представления о человеке, так как, во-первых, рассматривая основные духовные устремления человека как его потребности, в главном тождественные материальным, и оценивая их как детерминанты человеческого поведения и деятельности, можно охватить единой концепцией все личностные факторы бытия человека. Во-вторых, определяющая роль потребностей дает возможность понять, как через механизм развития потребностей осуществляется развитие личности человека в ее онтогенезе и в ходе социально-исторического процесса [29, с. 132 – 135].

Рассмотренные черты потребностей человека выражают тождество духовных и материальных потребностей, «ибо и те, и другие суть физиологические функции целостного организма. Но духовные потребности являются высшими отправлениями человека, специфически человеческими тенденциями его жизнедеятельности, поэтому развитие человека не может сводиться к удовлетворению и совершенствованию только материальных потребностей, оно предполагает образование, удовлетворение и совершенствование духовных потребностей» [29, с. 134].

И в заключение хотелось бы отметить, что по своей природе потребности обращены не в прошлое, а в будущее. В них, помимо усвоения прошлого опыта субъектов, программируются будущие образцы жизнедеятельности, побуждающие личность создавать новые явления жизни. Отсюда в потребностях выявляется не только детерминирующая роль внешних и внутренних условий, но и творческая роль сознания, деятельности человека [30, с. 58]. Это относится как к материальным, так и к духовным потребностям, детерминирующим поведение личности и стимулирующим ее активность. Далее, никакая структура личных потребностей не существует как стабильная система, так как личность постоянно развивается (изменяется), она динамична и находится во взаимодействии с окружающей средой.

Личность выступает противоречивым единством внутреннего и внешнего, то есть духовного и среды ее жизни, как биологической, так и социальной. Индивидуальное выступает в ней как превращенная форма социального и внеличного, в том числе биологического. В процессе своего превращения индивидуальное приобретает новое качество – духовность, субъектом которой отныне является. Духовность представляется основанием индивидуальности, проявляющейся в ее свободе и творческой устремленности. Духовность, рождая свободу и творчество, воплощается в культурных потребностях и в культуре в целом. Следовательно, культурная потребность осуществляется как противоречивое единство внутреннего и внешнего, духовного и материального (социального, биологического, конкретно-внеличного). Личность не может мыслиться вне контекста ее культурных потребностей.

Литература

1. Абульханова, К. А. Диалектика природного и общественного как методологический принцип наук о человеке / К. А. Абульханова // Биологическое и социальное в развитии человека. – М., 1977.
2. Архангельский, Л. М. Формирование потребностей социалистической личности / Л. М. Архангельский, Н. В. Иванчук // Социализм и личность / ред. Л. М. Архангельский. – М., 1979.
3. Бабеф, Г. Соч.: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1.
4. Батенин, С. С. Человек в его истории / С. С. Батенин. – Л., 1976. – 295 с.
5. Грамши, А. Избр. произв.: в 3 т. / А. Грамши. – М., 1959. – Т. 3.
6. Демин, М. В. Природа деятельности / М. В. Демин. – М., 1984. – 168 с.
7. Диалектика в науках о природе и человеке: в 4 кн. / ред. колл. И. Т. Фролов и др. – М., 1983. – Кн. 4.
8. Дубинин, Н. П. Наследование биологическое и социальное / Н. П. Дубинин. – М., 1980.
9. Здравомыслов, А. Г. Проблема интереса в социологической теории / А. Г. Здравомыслов. – М., 1981. – 228 с.

10. Зотов, Н. Д. Личность как субъект нравственной активности: природа и становление / Н. Д. Зотов. – Томск, 1984. – 246 с.
11. Ильичев, Л. Ф. Философия и научный прогресс / Л. Ф. Ильичев. – М., 1977.
12. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. – М., 1974. – 328 с.
13. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. – М., 1984. – 252 с.
14. Козлов, В. А. О категориях «деятельность», «труд» и «производство» как отражении сущности социального движения / В. А. Козлов // Вестник МГУ. – 1975. – № 5.
15. Кон, И. С. Личность / И. С. Кон // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М., 1983.
16. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М., 1987. – 367 с.
17. Ленин, В. И. Экономическое содержание народничества / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1958 – 1978. – Т. 29.
18. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975. – 304 с.
19. Маркс, К. Полн. собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 42. – 535 с.
20. Маркс, К. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – Т. 20.
21. Маркс, К. Капитал. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – Т. 23. – 907 с.
22. Маркс, К. Полн. собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3.
23. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – Т. 3. – 629 с.
24. Минюшев, Ф. И. Феномен социалистической личности / Ф. И. Минюшев. – М., 1984. – 188 с.
25. Михайлов, Н. Н. Социализм и разумные потребности личности / Н. Н. Михайлов. – М., 1982.
26. Радаев, В. В. Целенаправленное формирование материальных и духовных потребностей личности / В. В. Радаев // Социально-экономические основы формирования нового человека / ред. Ф. М. Волков и др. – М., 1985.
27. Рожко, К. Г. Принцип деятельности / К. Г. Рожко. – Томск, 1982. – 210 с.
28. Рошин, С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики / С. К. Рошин. – М., 1980.
29. Сержантов, В. Ф. Философские проблемы биологии человека / В. Ф. Сержантов. – М., 1974. – 158 с.
30. Смирнов, Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности / Г. Л. Смирнов. – М., 1980. – 463 с.
31. Социализм и личность / под ред. Л. М. Архангельского. – М., 1979. – 357 с.
32. Социально-экономические основы формирования нового человека / ред. Ф. М. Волков. – М., 1985.
33. Чудинова, И. М. Теоретические основы проблемы потребностей личности / И. М. Чудинова. – Красноярск, 1989. – 163 с.
34. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М., 1969.
35. Alderfer, C. P. Existence, relatedness and growth / C. P. Alderfer. – N.Y., 1972.
36. Fromm, E. Escape from Freedom / E. Fromm. – 1949.
37. Lewitow, N. Zagodnienia psychologii ocdowosc (цит. по: Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии).
38. Yandbook of general psychology / B. B. Wolman. – 1973.

УДК 008

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕКСТА И РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

В. Л. Филиппов

THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF TEXT AND REALITY IN THE CONTEXT OF XX CENTURY CULTURE

V. L. Filippov

Сложность происходящих в современном мире процессов связана с необходимостью верного их толкования и прежде всего понимания того, как и почему современная культура становится средоточием смыслов XX века. Несмотря на имеющийся философский материал, непосредственно в обозначенном нами аспекте данная тема ранее раскрыта не была.

The complicity of processes happening in the contemporary world requires their proper interpretation, and, first of all, it is necessary to understand why modern culture becomes the concentration of the XX century senses. Despite the existing philosophic knowledge, the topic was not studied in the denoted aspect.

Ключевые слова: философия, культура, смысл, картина мира, личность, кризис культуры, общество.

Keywords: philosophy, culture, sense, world view, personality, crisis of culture, society.

Культура, запечатлевшая образ XX века, разделяет с ним самую острую его онтологическую и эстетическую проблему: проблему разграничения текста и реальности. Рассмотреть эту проблему, на наш

взгляд, наиболее достоверно как в философском плане, так и в плане лучших продуктов мировой культуры можно на примере картины М. Антониони «Блоу-ап» (1966). Герой картины – свободный ху-

дожник-фотограф Томас, перемещается сквозь различные пространства социальных страт в поиске вечной натуры. Он в восторге от окружающей его природы, его картина мира гармонична, соответственно ей, он видит все в розовых очках. Посетив городской парк, где, по его мнению, нет насилия, проявлений низких человеческих инстинктов, фотограф делает снимки случайной пары влюбленных на фоне парковкой панорамы.

Впоследствии на одном из снимков Томас замечает застывшее выражение лица женщины, передающее впечатление от увиденного кошмара – объекта в зарослях. «Что это значит, если лицо женщины выражает страх», думает Томас. В круг объектов отрицания попадает ощущение Томаса, полученное при фотоконтрасте с мирной ситуацией парка. Ощущение спокойствия и гармоничности парка при соприкосновении с реальностью оказывается иллюзорным, так появляется мотив «второй реальности».

Фотоувеличение Антониони становится своего рода метафорой философии постмодернизма и ставит вопрос: «Есть ли то, что мы видим, тем, чем оно является на самом деле». Томас исследует объект, появляется зрительный ряд: мужчина, его лицо и рука с пистолетом. Фотограф складывает композицию, появляется текстовый ряд: ему удалось предотвратить убийство, а сделанные фотографии, которыми увешаны стены фотостудии, приобретают свою завершенную форму: на месте «ничто» появляется «нечто» и конкретный объект для объяснения. Таким образом, получается, что Томас спасает человека от смерти без слов, однако является ли это истиной, не имеет ли этот смысл много прочтений, вопросы остаются открытыми.

По мнению режиссера, в культуре все время ускользает смысл, зафиксированный в пространстве и во времени, происходит процесс самоускользания смысла и в том случае, если фотограф верит в свои спасительные действия. Очередное фотоувеличение обнаруживает труп мужчины за кустом, что доказывает, что истина оказалась ложной. Появляется хаос, который говорит фотографу, что тайна не разгадана, что реальность иллюзорна и его понимание реальности далеко от нее самой.

Таким образом, происходит разрушение смыслообразования, личность теряется в логике смыслов, «Я» фотографа теряется среди вещей, обломков речи и не может возникнуть из хаоса языка и обрести имя, поэтому герой в картине безымянен, его именем и нигде не упоминается, а имеет всего лишь личный номер. Этот герой картины может быть назван героем современной культуры, ощущающий ее критическое состояние и испытывающий личностный кризис сам.

Финал картины свидетельствует о подрыве идеи визуального ряда, так как фотограф при повторном осмотре места в парке не находит трупа. Загадочная реальность убийства ставится под вопрос: может быть было, а может быть, и нет, какой из сталкивающихся друг с другом смыслов реален. Фотограф присутствует при игре в теннис невидимыми ракет-

ками и с невидимым мячом, а затем включается в игру, которая влечет за собой стирание идеи истинности зримого. Так, реальность оказывается иллюзорной, зримым становится факт соотношения текста и реальности, который порождает определенный смысл и участвует в формировании смыслового поля в культуре.

В процессе формирования смыслового поля определенное место отводится установлению соотношения реального и ирреального, реального и воображаемого, реального и фантастического, реального и иллюзорного, являя собой смыслопорождающий стержень. Подытоживая лучшие из произведений мировой культуры, отметим следующие грани раскрытия единой для художников прошлого века темы – смыслообразования в системе координат кризиса культуры:

- связи со временем и пространством не разрываются окончательно, что дает возможность адаптироваться в ней личности, оказывается, что способны сочетаться реальное и абстрактное, в котором скрыт более глубокий смысл того, о чем шла речь в реальном, в качестве примера можно привести фильм В. Хитиловой «О чем-то ином» (1963);

- реальность отступает перед иным смыслом: происходит вторжение цивилизации в привычный для людей порядок вещей на острове, где сохранились средневековые обычаи, в стык ставится реальное и ирреальное, последнее оказывается сильнее, примером может служить картина С. Иммамуры «Глубокая жажда богов» (1967);

- «... граница между реальностью и фантазией весьма призрачна, бытовые атрибуты могут быть ирреальными, и, наоборот, пришельцы «оттуда» предстанут перед зрителями обыденными и приземленными», [1, с. 55];

- в картине «Сомнение» (1973) режиссер сталкивает реальное и фантастическое для того, чтобы «... проникнуть в тайну души героини, показать мучительный процесс, переживаемый ею: смятение, стыд, гнев, радость» [1, с. 55];

- связанные воедино прошлое и настоящее, сплетение реального и воображаемого отражено в текстах Маркеса, которые были экранизированы и показали бытовую жизнь героев, раскрывающую их психологию и внутренние противоречия;

- интересной оказывается картина Л. Андерсена «О, счастливчик» (1973), где соотношение реального и вымышленного предстает как смыслообразующий фактор культуры.

Изобразительная, музыкальная, текстовая части различных произведений культуры XX века отображают и комментируют реальное и вымышленное, формируют смысловое поле в культуре, объясняя суть ее произведений, которые являются одновременно метафорой, памфлетом, усмешкой и попыткой помочь современной культуре.

Подчеркнем, что рассматривая формирование смыслов на примере лучших произведений культуры, мы не случайно берем в качестве примера фильмы, поскольку именно в них наиболее наглядно отражены некоторые, интересующие нас соотноше-

ния смыслов реального и иллюзорного, которые оказались фундаментальной особенностью киноязыка, выявлявшего соотношение смысла текста и реальности. Сюрреалистические картины ярко демонстрировали этот процесс: Л. Бунюэль «Андалузский пес» (1928), «Золотой век» (1930).

Так, например, намеченный А. Курасовой в картине «Под стук трамвайных колес» (1970) взгляд о столкновении формирования смыслов реального и иллюзорного ставит вопрос: человеку это кажется или снится, в каком из миров – реальном или иллюзорном – он проживает основную часть своей жизни? Режиссер дает нам понять, как человек живет в иллюзорном мире, как сталкиваются и переплетаются друг с другом смыслы жизни безымянных, униженных и оскорбленных героев, которым ничего не остается, как и существовать в мире мечты. Например, вечно уставшая и голодная девочка делает бумажные цветы, живет мечтой, каждое утро ждет молодого человека, торгующего продуктами, в которого она влюблена и надеется на взаимность. Ее судьба, как и судьба других персонажей, трагична, девушку насилует родной дядя, пьяница.

Таким образом, исследуя формирование смыслов, ведущих к осознанию человеком критического состояния бытия, сопоставляя соотношения реальное и иллюзорное, режиссер подводит зрителя к мысли, что в мире нищеты и несправедливости, где здравый смысл отступает перед романтическими грезами, где мечта растоптана жестокой действительностью, люди превращаются в никому не нужные вещи.

Нам не известны психологические исследования, которые, подобно описываемым выше фильмам, столь бы явственно обнажали столкновения смыслов и разрушение картины мира. На наш взгляд, в этой области были совершены некоторые философские работы, показывающие, несколько иносказательно, как разрушается картина мира современного человека, и к какому кризису культуры неизбежно такое состояние ведет.

Отметим также, что формирование смыслового поля в культуре может быть рассмотрено с позиций анализа, предложенного последователями теории постмодернизма. На наш взгляд, многие из положений метода деконструкции могут стать одним из действенных способов защиты от неизбежного разрушения картины мира и последующего кризиса культуры.

Уточним, что понимается под «деконструкцией». Это «понятие о природе, значении и возможностях интерпретации», критика текста с таких позиций, порождающая «ничем не контролируемый поток прочтений, в котором необходимы ограничения, способствующие дешифровке мира как текста»; «стиль в архитектуре... Это стиль-обманка: все, что ты видишь и принимаешь за конструкции, на самом деле – декорации, а сама конструкция спрятана. Это вызов общепринятому «что полезно, то и красиво». Так определяет это слова С. Махлина [2, с. 76].

Отметим, что если первоначально под словом «деконструкция» понималась литературно-критическая практика постструктурализма, включающая

рашифровку смыслов того или иного текста, то впоследствии это понятие было перенесено на область философии, социологии, психологии, культурологии. К числу деконструктивистов обычно относят следующие имена: Ж. Деррида, П. де Ман, Х. Миллер, Х. Блум. Эти и другие ученые в 1970 – 1980 гг. разработали и обосновали основные положения концепции деконструктивизма.

Так называемый «герменевтический деконструктивизм» появился значительно позже. Его основателями называют У. Спейноса, Дж. Риддела, П. Бове, Э. Истхоупа, эти и другие исследователи определили следующие типы деконструкции, определяющие формирование смыслового поля в культуре:

- критика, которая бросает вызов реалистическому принципу восприятия, выступает против рациональной трактовки текста, с помощью такой критики разрушается привычное идеологическое смысловое поле, человек освобождается от стереотипов прочтения и восприятия того или иного культурного контекста;
- критическая техника, которая помогает обнаружить в культурном тексте несколько различных, существующих одновременно друг с другом его прочтений и сталкивающихся друг с другом смыслов;
- саморефлексивная ирония автора текста по отношению к собственному произведению, порождающая новые смыслы интерпретации с позиций личного субъективного опыта;
- анализ традиционных бинарных оппозиций, непрестанно претендующих на привилегированное положение в тексте и одновременно отрицающих друг друга, последующей задачей которого является уничтожение противостояния между этими оппозициями.

О том, что сама по себе деконструкция никогда не выступает как чисто техническое средство анализа, пишет И. Ильин, по его мнению, деконструкция «всегда предстает своеобразным деконструктивно-негативным познавательным императивом «постмодернистской чувствительности» [3, с. 178].

Данная логика размышлений неизбежно приводит нас к пониманию сущности деконструкции как критического восприятия и столкновения друг с другом устоявшихся литературных, философских и социальных смыслов, интерпретаций, стереотипов мышления и восприятия и даже социальных институтов. Таким образом, происходит стирание грани между реальным и ирреальным мирами, между воображением и действительным положением вещей, между истинным и ложным смыслом.

Отметим также, что материалом для деконструкции обычно служат системы координат культуры и философии: «Именно потому, что деконструкция никогда не ставит в центр внимания лишь означаемое содержание, деконструкция не должна быть отделима от политико-институциональной проблематики и должна искать новые способы установления ответственности, исследования тех кодов, которые были восприняты от этики и политики» [3, с. 74].

Концепция постструктуралистов о культуре как о господстве неких ментальных структур и попытка освободить сознание от их подавляющего влияния, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение к разрушению картины мира и кризису культуры. Самодовлеющие над сознанием человека и определяющие его поведение, навязанные культурой смыслы, обозначающие деконструктивистами как «власть», «институт», «институция», расцениваются ими как фантомы сознания, которые необходимо демистифицировать, в противном случае, они станут причиной разрушения картины мира.

Мы не склонны абсолютизировать точку зрения французских деконструктивистов, согласно которой необходимо демистифицировать весь культурный интертекст, чтобы защитить от кризиса культуру. В отличие от французских философов, американские представители этого направления исследуют в данном ключе исключительно проблемы литературного текста.

Отметим, что, согласно мнению Дерриды, любая институциональная замкнутость порождает ложное, деформированное сознание, легко управляемое господствующей идеологией, которая и порождает ложные, искусственно созданные, не органичные культуре смыслы. И. Ильин свидетельствует об этом методе следующее: «Сверхзадача деконструктивистского анализа состоит в демонстрации неизбежности «ошибки» любого понимания, в том числе того, которое предлагает сам критик-деконструктивист» [3, с. 185].

В данной связи подчеркнем, что сами деконструктивисты не согласны с трактовкой их метода исключительно как разрушения смысла текста литературного или интертекста культуры, они предпочитают видеть в этом методе путь к рождению новых смыслов. Так, Р. Сальдивар подчеркивает: «Деконструкция – это демонтаж старой структуры, принятый с целью показать, что ее претензии на безусловный приоритет являются всего лишь результатом человеческих усилий и, следовательно, могут быть подвергнуты пересмотру и обновлению» [4, с. 150].

Мы согласны с тем, что признание изначальной неполноты и относительности смысла любого текста культуры и его трактовки влечет за собой формирование неких внутренних интерпретационных полей, которые защищают от разрушения саму культуру. Призывая к активности интерпретации существующих в ней смыслов, тем самым деконструктивисты разрушают попытки воздействия на бессознательные механизмы человека, которые порождают иные неосознаваемые смыслы, исподволь разрушающие культуру.

Согласно мнению деконструктивистов, помочь культуре преодолеть кризис смогут следующие составляющие:

- умение видеть сразу несколько смыслов одного и того же процесса,
- способность иронически относиться к свободной игре одновременных словесных ассоциаций,

- склонность расширять варианты собственного восприятия текста и интертекста культуры,
- наличие навыка отстранения сознания от непосредственного влияния на него смыслов самих этих текстов.

Данный анализ позиций деконструктивистов приводит нас к тому, что этот метод, примененный к смыслам текстов культуры, позволит человеку избежать навязанного «институтами» смыслового восприятия, освободить от власти над его сознанием, найти самому тот момент и определить те цепочки, по которым эта власть осуществляется.

Переноса философию постмодерна на продукты мировой культуры, остановимся на некоторых примерах, наглядно раскрывающих суть изложенного выше. Так, мастера кино, в своих многослойных для прочтения произведениях иллюзорное, вымышленное восприятие действительности сближают с самой реальностью. Такие картины словно являются фильмами-видениями, где обычное общение между героями оказывается неожиданным и порой вымышленным, искусственным. В качестве примера можно привести следующие: «Персона» (1966) И. Бергмана; «8½» (1964) и «Город женщин» (1980) Ф. Феллини; «Скромное обаяние буржуазии» (1972) Л. Бунюэля; «Буффало Билл и индейцы, или урок истории сидящего быка» (1976) и «Три женщины» (1977) Р. Олтмена; «В прошлом году в Мариенбаде» (1961) и «Мюриэль, или время возвращения» (1963) А. Рене и др.

В этих фильмах, являющих собой по сути культурные тексты с многозначным прочтением, присутствует театральность жизни, персонажи упорно ищут иллюзорную свободу. Столкновение реального и ирреального в том или ином произведении культуры рождает определенный смысл и придает ему своеобразие, что немаловажно для художественной формы фильма. В творчестве кинорежиссеров, для которых многозначность толкования является ведущим методом построения сюжета картины, смешение реального и ирреального миров, реального и воображаемого, реального и фантастического и т. д. служило не только для объяснения состояния действительности, но и для создания смыслового поля культуры, что подчеркивает сложность ее современного состояния и остроту переживаемого кризисного момента.

Литература

1. Режиссерская энциклопедия кино Азии, Африки, Австралии, Латинской Америки. – М.: Материк, 2001. – 140 с.
2. Махлина, С. Т. Семиотика культуры и искусства. Опыт Энциклопедического словаря / С. Т. Махлина. – СПб., 2000. – 552 с.
3. Ильин, И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. Ильин. – М., 1998. – 256 с.
4. Saldivar, R. Figural language in the novel The flowers of speech from Cervantes to Joyce / R. Saldivar. – Princeton, 1984.

УДК 130.1

**У ИСТОКОВ ДУХОВНОСТИ. РАЦИОНАЛЬНО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ
КАТЕГОРИИ «ДУХ» В ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ****С. П. Штумпф****AT ROOTS OF SPIRITUAL OUTLOOK. RATIONAL GNOSEOLOGICAL REFLECTION
OF THE CATEGORY OF «SPIRIT» IN WEST EUROPEAN PHILOSOPHICAL THEORIES****S. P. Shumpf**

В статье раскрываются проблемы генезиса понятия «Духовность». На материалах западноевропейских философских учений проведён теоретико-методологический анализ его рационально-гносеологической формы, выражаемой в понятии «Дух». Выявлена диалектическая взаимосвязь в категориальном ряду дух-духовность, которая определяет качественное наполнение духовности, выстраивая систему универсальных ценностных ориентации человека и общества.

The genesis of the concept of «Spiritual Outlook» is analyzed in the article. The theory-metodological analysis of its rational-gnoseological form expressed in the concept of «Spirit» is provided. The dialectical correlation in categorical range «spirit - spiritual outlook» which defines the qualitative content of spiritual outlook is revealed in the paper. The system of universal axiological motives of personality and society is revealed as well.

Ключевые слова: духовность, дух, душа, западно-европейская философия, методология, интеллектуальное начало, рационализм.

Keywords: spiritual outlook, spirit, soul, western European philosophy, methodology, intellectual origin, rationality.

Феномен Духовности постоянно присутствует в современном мире, обсуждается в научных исследованиях. Мы придаём ему в разные времена различную акцентуацию. Однако проблемы генезиса этого сложнейшего понятия до сих пор оставляют место для размышлений и исследований. Не закрытых пробелов в этой области ещё достаточно много. Сегодня мы хотим обратить своё внимание на один из конституирующих концептов духовности – понятие «Дух». На наш взгляд, эта категория является генетически определяющей для духовности, обуславливающей её качественную определённую. И в качестве исследовательского допущения, – обоснованием для функционирования в человеке таких качеств (черт), как одухотворение его природных сил, стремление к свободе (духа), стремление к реализации им своих возможностей, сознательное созидание и возвращение своей индивидуальности. Необходимо конкретизировать данный концепт духовности в контексте социально-философского знания.

В соответствии с направленностью нашей исследовательской стратегии на понятие «дух» обратимся к его истокам. В западной философии систематическую разработку этот термин получил, в первую очередь, у рационалистически ориентированных древнегреческих мыслителей. Они понимали дух как «нус», «пневму», тончайший субстрат, лежащий в основе разумной души. У Платона и Аристотеля он совпадает с понятием «ум» и предстаёт как формообразующее начало, перводвигатель космоса. В диалоге «Федр» Платон пишет: «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да и никогда не воспёт по достоинству. Она же вот какова... эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму; на неёто и направлен истинный род знания» [9, с. 156].

Именно мышление и рассудок составляют интеллектуальное знание. Истинное познание – это познание мира идей, которое осуществляется разумной частью души. По мнению философа, «... из всех вещей, по природе своей видимых, ни одно творение, лишённое ума, не может быть прекраснее того, которое наделено умом... а ум не может обитать ни в чём, кроме души. Руководясь этим рассуждением, он (тот, кто устроил эту Вселенную. – С. Ш.) устроил ум в душе, а душу в теле и таким образом построил Вселенную, имея в виду создать творение прекраснейшее и по природе своей наилучшее» [8, с. 434]. Так видится Платону Космос – как живое, гармоничное существо, во главе которого стоит Божественный ум (понимается дух. – С. Ш.).

Согласно Аристотелю, это высшее интеллектуальное начало, это интеллект, безусловно принимающий тотальность интеллигибельного. Дух предстаёт как единство высшего мышления о высшем мыслимом. «Мы полагаем, что назначение человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки, согласованные с суждением» [1, с. 64 – 65]. По его мнению, бессмертная душа напрямую связана с безличным Богом-Перводвигателем, и именно разум оказывается высшей духовной способностью человека, осуществляющей эту связь.

У Платина дух представлен в космологической, интеллектуалистической, безличностной трактовке, как одна из трёх неразрывно связанных основных первичных субстанций (Душа, Дух, Единое). «Таким образом, Ум (подразумевается Дух. – С. Ш.) сообщает душе высшую степень божественности как тем, что производит её, так и тем, что всегда присущ ей, потому что между ними нет вовсе никакого разделения; есть только различие сущностей. А различие между ними и взаимоотношение почти такое, как между формой и материей. Роль формы тут, конечно, принадлежит Уму, но и материю он имеет

самую прекрасную, так как она интеллектуальна и проста. Однако, как же должен быть велик сам Ум, если он больше и выше даже души!» [10, с. 8 – 9]. По Плотину, дух, чтобы оформиться, при своём рождении должен пройти две фазы: обернуться для созерцания своего первоначала, напитаться, наполниться им, так рождается содержание мышления. А затем вернуться к себе самому и исполниться собой, порождая собственно мысль. Так рождается множественность мышления и мыслимого. Дух, вглядываясь в себя, видя в себе тотальность вещей и идей, наполняется Единым. Для Плотина, Единое представляет собой потенцию всех вещей, и, следовательно, дух становится всем, обнимая всё идеальным образом. Плотинский дух становится бытием, мышлением, жизнью. Интеллигибельный космос – тот, в котором всякая идея высвечивает всё, и, наоборот, во всём как Едином отражается облик каждой идеи. Это мир чистой Красоты, где Красота – сущностная форма. Даже этот, по необходимости краткий экскурс в историю античной философии, если и не опровергает, то, во всяком случае, ставит под сомнение распространённое мнение о дифференциации понятий «дух» и «душа». Для великих греков они синкретичны, как, собственно, и сама греческая философия. Можно предположить, что «начало» разделения следует отнести к более позднему периоду.

В отличие от античности, в библейско-христианской традиции дух рассматривается как личностный абсолют, как Бог, сотворивший из ничего по своей воле мир и человека. Свой путь, проделанный в земной жизни, он определяет как единственно возможный образец, к которому каждый должен стремиться. Христианская религиозная мысль большое внимание уделяет дихотомии духа и материи. Во всём мире и в человеке существуют два противоположных начала – добро и зло, соотносящихся с душой и телом, приоритет в которой принадлежит духу и душе. Более того, утверждается абсолютное превосходство духовного – всем правит дух, а плоть признаётся греховной. «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир. ...А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности» [2]. Жизнь любого человека состоит из деяний духовных и плотских. Природный разум, подчинённый телу, может впасть в грех, поэтому его следует строго содержать в рамках церковных истин, иначе он никогда не сможет приблизиться к образцу, достичь райских вершин. Плотские страдания Бога вселяют в верующих надежду на преодоление собственных страданий в загробной жизни и будущее воскресение в раю вслед за воскресшим Христом. Христианские религиозные учения указывают на то, что лишь смиренный, высоко нравственный человек может быть приближен к высокому Божественному Духу. Опираясь на вышесказанное, заключим, что в западной христианской традиции постижение духовного и приобретение духовности открыты для каждого свободного духом,

чистого сердцем, не отягощенного материальным, а потому имеют чисто сакральный смысл. Именно этим оправдано отделение духа от души.

Возвращением к античному образу духа является философия Нового времени, в которой дух рассматривается как мышление, разумное начало (Декарт, Спиноза). Особенно ярко рационализация духа проявилась в немецкой классической философии. Её представители разрабатывали интеллектуалистическую сторону духа с чётко выраженным рационалистическим основанием, для них природа была лишь моментом духа. Природа образована из самоотожествлённой силы – бессознательного разума. В работе «Трансцендентальный идеализм» Ф. В. Шеллинг приходит к такому заключению: «Кажется очевидным, что природа изначально тождественна тому, что мы привыкли считать интеллигибельным началом, сознанием» [12, с. 486 – 487]. Вывод из данных рассуждений очевиден: человек, взятый в бесконечности космоса, несмотря на свою физическую слабость, оказывается последней целью Природы, поскольку именно в нём просыпается дух, отдохнувший на предыдущих ступенях её развития.

Употребляемое в настоящее время философское понятие духа, как противоположного природе, сложилось в основном у Г. Гегеля. Он построил философию мирового духа, выражающего себя как систему развивающихся логических категорий. «Дух есть деятельность в том смысле, в котором уже схоластика говорила о Боге, что он есть абсолютная активность... Дух следует рассматривать в его конкретной действительности, в его энергии, и именно так, чтобы его внешние проявления познавались как обусловленные его внутренней стороной» [3, с. 141 – 142].

Философ понимает свою систему как одно гигантское умозаключение, три момента которого – Идея, Природа и Дух – диалектически опосредуют инобытие самого себя. Для Гегеля Природа является путём к самосознанию и самореализации Духа, а значит, его инобытием. Это абсолютная Идея, которая отчуждается от самой себя, умирает и, воскреснув, обретает новую жизнь в объективном Духе. Складывается диалектическая триада, где Идея представлена как тезис, Природа – как антитезис, а Дух – как синтез, в котором максимально актуализируются и реализуются позитивные возможности духа. Как заключительный этап, результат диалектического процесса – Дух является высшим проявлением Абсолюта. Понять его содержание – значит понять абсолютную тенденцию любой культуры и философии, науки и религии, осознать всеобщую мировую историю. Философия Духа структурирована, как и другие части гегелевской системы, в виде триад: субъективный Дух, объективный Дух и абсолютный Дух как Бог, именно он – полнота жизни и познания. Он независим от какого бы то ни было земного носителя, тождественен с чистым Божественным духом, рассматриваемым как идеальное целое. «Идея, дух, стоит над временем, потому что она составляет понятие самого времени. Дух вечен, существует в себе и для себя, не увлекается потоком

времени, потому что он не теряет себя ни в одной стороне процесса» [4, с. 55]. Составляющими субъективного духа, по мнению Г. Гегеля, являются: антропология (изучает раннюю стадию роста души, понимается как сон Духа), феноменология (ведёт от сознания через самосознание к разуму) и психология (узнаёт предметы как отличные от себя и систематизирует деятельность, изменяющую предметы) как формы научного познания. Завершается субъективный Дух появлением свободы – человек, будучи предметом любви Бога, навечно связан с ним как с абсолютным Духом и, следовательно, обречён на высшую свободу. Объективный Дух раскрывает себя в институтах семьи, общества, в государственных законах, без которых индивид бессилен и незащищён. Его диалектические моменты таковы – право, моральность, нравственность. Эти элементы специфически духовны, существенно отличны от материального измерения, но вместе с тем абсолютно реальны (рождение во времени, рост, развитие, кульминация, умирание). Их носителями являются конкретные индивиды. При этом реальность объективного Духа не индивидуальна, но его жизнь и продолжительность такая же, как у человека. В сущности объективный дух, по Гегелю, – это реализация свободы в intersubъективном выражении. Такой дух отдельного индивида, отдельного народа составляет звено в цепи развития всего исторического процесса и существует как особенная форма всеобщего мирового духа. Реализовавшись в истории как свобода, идея возвращается к самой себе в абсолютном самопознании. Поэтому Абсолютный Дух есть идея, познавшая себя абсолютным образом. Она включает и самопознание Бога, в которой человеку отведена существенно значимая роль, он поднят до высоты Бога. Знание Духа о самом себе реализуется в трёх формах: искусство (познание через чувственное созерцание, эстетику), религия (через представление веры), философия (посредством чистого понятия). Таким образом, в духе, по Гегелю, есть и объективность и субъективность. Благодаря им, дух способен отчуждать от себя природу, человека в виде своего инобытия. И ещё одна важнейшая черта состоит в том, что духовность есть реализация деятельности и активности исторического субъекта. Субъект должен соотносить свою энергию с законами Абсолютного Духа, который объединяет и Бога, и Божественно-духовное начало природы, и основные формы самопознания духа.

Совершенно иное понимание духа мы встречаем у философов материалистического направления. Для материалистов, дух является вторичным, производным от природы образованием, представляется как высший её продукт и цвет материи. Рационалистическое выражение онтологии духа считается у материалистов определяющей формой активности сознания, творческой природы мышления.

Такое понимание мы находим в марксистской философии, где дух выступает синонимом сознания. К. Маркс выделяет людей, занимающихся интеллектуальным трудом, в отдельный класс, называя их работу надисторической, духовной. Для него все

области духовного производства – образование представлений, мышление, духовное общение людей, их проявление в политике, законах, морали – являются непосредственным порождением материальных отношений людей. «Производство идей, представлений, сознания первоначально вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [7, с. 24]. Классики марксизма считают, что идеальное – это «...не что иное, как материальное, перенесённое в человеческую голову и преобразованное в ней...» [6, с. 21]. Люди, производя свои представления, идеи, осознают своё бытие, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. «Не сознание определяет их жизнь, а жизнь определяет сознание» [7, с. 25]. Порой К. Маркс, говоря о материальном, товарном, рыночном элементе истории в абсолютно детерминирующем смысле как бы заведомо принижает духовное измерение, говоря о нём как о порождении абстрактного идеализма, который «...конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [7, с. 2]. К. Маркс делает это для того, чтобы подчеркнуть значимость человеческой деятельности, практики, материалистического понимания этой практики, чтобы и в ней обнаружить рациональное начало. Философии, как «продукту» этого рационального начала, классиками марксизма уготована необычная роль: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё материальное оружие, так и пролетариат находит в философии своё духовное оружие» [5, с. 428].

Неудивительно, что судьба марксистского учения оказалась трагической, по крайней мере неоднозначной. К нему относились либо очень хорошо, либо очень плохо, её применяли в зависимости от идеологических интересов властьпредержащих. Сама доктрина принималась на вооружение авторами разнородных идеологических направлений и превращалась в знамя разных, зачастую диаметрально противоположных, социальных сил. Нам ближе взгляд немецко-американского учёного XX века Э. Фромма, не только внимательно изучавшего марксизм, но и создавшего на его основе собственную философию: «Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми» [11, с. 588].

Рационалистической трактовки, независимо от того, в какой форме она реализуется, материалистической или идеалистической, противостоит иррационализм. По мнению иррационалистов XIX – XX веков, дух может выступать синонимом интенции, интуиции. В частности, Л. Клягес считал, что дух не является противником души, хотя душа как понятие жизненной энергии человека есть носитель духа, подпитывающего её силы. Вместе с тем дух сохраняет и защищает жизнь, возвышает, одухотворяет телесную деятельность. Но он может это делать, только вытесняя жизненные стремления. Так, дух нарушает гармонию органического и противополо-

жен тенденции жизни совершенствовать человеческий вид посредством жёсткости, заключающейся в том, чтобы не давать возможности слабым разновидностям участвовать в продолжении рода. Иногда он так сильно обременяет индивида, что начинает страдать телесная жизнь: высококультурные семейства вымирают, если их кровь не обновляется за счёт сферы, неотягощённой духом.

Большое внимание исследованию понятия «дух» уделяет К. Юнг. Отмечая его многозначность и специфичность, он пишет: «...Жизнь и дух представляют собой две силы, или необходимости, между которыми находится человек. Дух наделяет его жизнь смыслом и возможностью величайшего личностного расцвета» [13, с. 219]. Для него дух – это нематериальная телесность, признак бессознательного комплекса, острый ум, а также трансцендентальная идея всеобщего знания. Юнг разделяет понятия духовного и душевного. Душа, по мнению Юнга, есть высшее проявление жизни в теле, а дух – высшее проявление душевного существа, он считает, что само слово «дух» привносит с собой мысль о превосходстве духа над Я-сознанием. Дух содержит в себе творческие возможности. Полнота жизни требует большего, чем просто «Я». Она нуждается в духе, то есть в независимом и вышестоящем комплексе, который является, по Юнгу, единственно способным вызвать к жизненному проявлению все те душевные возможности, которых не может достичь «Я-сознание». Жизнь – это критерий жизни духа.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что категория Дух, несомненно, является базисной для феномена духовности. Они диалектически взаимодействуют, и дух выполняет субстанциальную функцию, детерминируя качественную определённую духовности, привнося в неё такие составляющие, как сплав интеллектуальных способностей, влечение к духовному прогрессу, ориентацию на универсальные общечеловеческие духовные ценности, проявление (постижение) свободы выбора, поиск абсолютного и бесконечного. Они же являются основанием для осмысления сущности и предназначения человека в сопряжении со Вселенной.

Считаем необходимым уточнить, что в западной традиции чаще используются синонимы понятия «духовность» – психологическая зрелость человека, самоосуществление, духовное развитие (взрачива-

ние), совершенствование, восхождение. Однако совершенно очевидно, что речь идёт именно о феномене духовности, которому, без сомнения, всегда уделялось должное внимание в западно-европейских философских учениях.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4х т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
2. Библия. Послание к римлянам св. апостола Павла. – Гл. 8; 5 – 10.
3. Гегель, Г. В. Наука логики. Предварительное понятие // Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. – В 3-х т. / Г. В. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
4. Гегель, Г. В. Философия природы / Г. В. Гегель // Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. – В 3-х т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 2. – 695 с.
5. Маркс, К. К критике Гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К. Сочинения; 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. I. – 698 с.
6. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К. Сочинения; – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. XXIII. – 907 с.
7. Маркс, К. Немецкая идеология. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К. Сочинения; 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. III. – 629 с.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – 528 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
10. Плотин. Избранные трактаты / Плотин. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 319 с.
11. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 664 с.
12. Шеллинг, Ф. 3. Трансцендентальный идеализм // Шеллинг, Ф. В. Сочинения: в 2-х т. / Ф. В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – 636 с.
13. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – СПб.: Питер, 2002. – 352 с.

УДК 091 (124.5)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ТРЕВОГИ

В. П. Щенников, О. Н. Белоглазова

AXIOLOGICAL ASPECTS OF ANXIETY GENESIS

V. P. Shchennikov, O. N. Beloglazova

В статье дается характеристика тем аксиологическим (ценностным) аспектам, которые актуализируют тревогу. Одним из таких выступает неотвратимость решения ценностных дилемм и сопутствующая ответственность. Делается акцент на индивидуальные различия в чувствительности и толерантности к фрустрирующим факторам.

The article describes the axiological aspects that actualize anxiety, such as the inevitability of solving to value dilemmas and the attendant responsibility. Individual differences in sensitivity and tolerance to frustrating factors are stressed.

Ключевые слова: тревога, ценности, фрустрация, экзистенциальные данности, ответственность.

Keywords: anxiety, values, frustration, existential givens, responsibility.

Для нашего исследования важно отметить, что генезис тревоги обусловлен присущей социальному бытию человека необходимостью осуществлять выбор, разрешать ценностные дилеммы. Исследование феномена тревоги, аксиологических аспектов ее генезиса способствует исследованию механизмов регуляции социального поведения человека, что представляется весьма актуальным на сегодняшний день.

Проблема свободного выбора является одной из центральных проблем экзистенциализма. Именно в контексте экзистенциализма аксиологические проблемы проступают отчетливее и заостряются. Неотвратимость ценностной дилеммы порождена той свободой, в условиях которой «обречен» жить человек. Выбор, осуществляемый человеком в условиях свободы как экзистенциальной данности, это выбор не только одной из альтернатив, но вместе с тем выбор ценностей, определяющих эту альтернативу. Необходимость выбирать ценностную основу, регулирующую решения, инициирует тревогу, т. к. опора на те или иные ценности и их присвоение неизбежно сопряжены с ответственностью. Тревога проявляет себя в различных модусах и социальных масках вне зависимости от полноты осознания ответственности.

Сознание человека ищет объект, ссылаясь на который в своем выборе, можно было перенести и ответственность за решение. Такими опорами выступают религиозные и политические лидеры, деятели культуры и другие авторитеты. Ж.-П. Сартр отнимает у человека и эту последнюю лазейку, говоря о том, что у человека нет возможности переложить ответственность за те ценности, которые он избрал для себя как руководящие, т. к. авторитетный источник человек тоже выбирает сам. Можно ли в таком случае представить какой-либо выбор, решение вне переживания тревоги?! Французский экзистенциализм в лице Ж.-П. Сартра и А. Камю провозглашает: «Человек – это тревога».

Категорический императив Канта также звучит вполне в духе экзистенциальной традиции. Предписывая человеку оценивать всякий свой поступок как «императив», как закон для общества, Кант тем самым обрекает человека на тотальное осознание ответственности за себя самого, и не только перед самим собой, но перед обществом. Такое осознание не может быть лишено тревоги. Перед человеком ставят задачу нравственного выбора, когда нужно решить вопрос не столько и ситуационном поступке, сколько о выборе того или иного регулирующего принципа.

Из сказанного можно заключить, что в генезисе тревоги имеют место такие переменные, как неотвратимость в условиях свободы выбирать для себя регулирующие морально-нравственные принципы и

необходимость в полной мере нести ответственность за собственные решения.

Ценности составляют часть формирующегося мировоззренческого каркаса и служат удовлетворению фундаментальных потребностей (Э. Фромм). В первую очередь, следует сказать о потребности в системе ориентаций. Фундаментальные потребности порождаются в условиях конфронтации сознания с экзистенциальными данностями: смерть, свобода, отсутствие универсального смысла, изоляция (И. Ялом). Таким образом, можно сказать, что ценности выполняют опорную, конституирующую функцию, определяя смысл, цели, потребности и мотивы человеческой деятельности: «Ценности, как координаты человеческого мира способствуют его устойчивости, организуют целенаправленную человеческую деятельность» [1, с. 423].

Ценности не функционируют разрозненно и хаотично, они включены в динамическую систему и иерархически организованы. Ценности конкретизированы в широком спектре социальных потребностей.

Источником тревоги является неизбежная конфронтация сознания с экзистенциальными данностями. Именно поэтому тревога имманентна бытию человека и латентно присутствует на периферии сознания. Избранные ценности, включенные в общую систему ориентаций (мировоззрение, картину мира), работают на удовлетворение одной из фундаментальных потребностей (Э. Фромм) и таким образом призваны защищать сознание от хаоса, дезинтеграции и разрушения. Угроза инфляции значимых ценностей не всегда столь очевидна, чтобы сознание человека своевременно выставило другие защитные процессы. Маркеры инфляции или конфликта ценностей скрыты в общем потоке социальной информации, но все же улавливаются и актуализируют тревогу.

Самым мощным источником информации выступают СМИ. Преобладание в телеэфире фильмов со сценами убийства и насилия подрывают ценность человеческой жизни. Телепередачи, имеющие политическую направленность, демонстрируют конфликт реальных (интроецированных личностью того или иного политика) ценностей и декларируемых, звучащих в лозунгах, призывах и т. п.

Наиболее острая чувствительность к маркерам инфляции или конфликта ценностей наблюдается в сфере межличностных отношений, где сами отношения между людьми могут представлять субъективную ценность (коллегиальное партнерство, дружеские, интимные отношения и др.).

В сфере межличностных отношений также имеет место и когнитивный диссонанс (как ценностная дилемма при выборе поведения), и ценностный

конфликт (как основа конфликта межличностного), и инфляция ценностей (подрыв авторитетов, протест, игнорирование и т. п.). Именно социальное поведение является носителем маркеров перечисленных угроз, т. к. регулируется интроецированными (принятыми личностью) ценностями и реализует актуальные социальные потребности.

Обнаруженный ценностный конфликт (инфляция, диссонанс) актуализирует тревогу, т. к. под угрозой оказываются не только значимые отношения, но и удовлетворение фундаментальных потребностей.

В качестве вывода отметим, что угрозы инфляции ценностей и разного рода когнитивные диссонансы имеют внешний социальный источник. Это значит, что сознание человека пребывает в конфронтации с экзистенциальными данностями, проецированными в его социальное бытие, и аксиологические аспекты генезиса тревоги детерминированы всецело социальными факторами.

Сознание каждого человека универсально в своей уязвимости к угрозам, имеющим своим источником конфронтацию с экзистенциальными данностями. Но сознание каждого человека индивидуально в своей чувствительности и толерантности к тому или иному типу угрозы. Столь же различны и защитные процессы, оберегающие сознание от дезинтеграции и утраты других его существенных характеристик. Генезис ценностей подвержен влиянию названных выше факторов: чувствительность к той или иной угрозе, толерантность и комплекс защитных процессов.

В работе Ф. Римана представлены «Основные формы страха», в характеристике которых можно

усмотреть потребность, связанную с той или иной угрозой для сознания. Типология «основных страхов» Ф. Римана является вместе с тем типологией защитных стратегий, которые формируются с раннего возраста и остаются достаточно устойчивыми на протяжении всей жизни индивида. В основе защитной стратегии два взаимообуславливающих элемента – это доминирующие фундаментальные потребности и ценностные ориентации. До тех пор, пока удовлетворяются фундаментальные потребности и ценностным ориентациям не угрожает инфляция, удерживается оптимальный динамический баланс, переживание тревоги остается латентным, фоновым.

Эти угрозы и потребности, с ними связанные, поляризованы, и могут быть представлены двумя континуумами.

1. Автономия – Слияние.

2. Изменение – Стагнация.

Оба континуума предполагают широкий спектр чувствительности к представленным в нем угрозам. Близкие к полюсам позиции отражают крайне острую чувствительность к угрозе и предельно острую необходимость в обеспечении толерантности к этой угрозе, которая достигается удовлетворением потребности, расположенной на континууме в противоположном полюсе.

В названных континуумах каждый из двух полюсов одновременно выступает фундаментальной потребностью для одних индивидов и угрозой для других. Сделаем попытку представить сказанное в целом.

Таблица 1

Континуум «Автономия – Слияние»

	<i>Автономия</i>	<i>Слияние</i>
Как фундаментальная потребность.	Чувство тождественности и индивидуальность (Э. Фромм).	Приобщенность (Э. Фромм), укорененность и братство (Э. Фромм) в объекте поклонения.
Как ценности.	Независимость, самостоятельность, самодостаточность, уникальность и исключительность, высокие индивидуальные достижения, конкурентоспособность.	Любовь, привязанность, близость.
Как угроза для «Я». Угроза фрустрации фундаментальной потребности и инфляции ценностей актуализируют тревогу.	Переживается как угроза эмоциональной привязанности, близости, единения, уравнивания.	Переживается как угроза утраты значимых отношений, изоляции, одиночества, расставания, утрата части самого себя.
Социальные контексты (примеры проявления защитной стратегии).	Дистанцирование, индивидуализация, обособление, непроницаемость границ субъективного мира, независимость, самореализация.	Близкие отношения с людьми, единение, включенность в группу, симбиотические отношения по типу мать-ребенок.

Потребность в обособлении и автономии. Потребность фрустрируется, если нарушаются границы индивида, если требуется самоотдача, раство-

рение в другом, если нарушается автономия личности. Тревогу вызывает фрустрация потребности, которая расценивается индивидом как субъективная,

внутренняя опасность, угрожающая целостности и интегрированности своего «Я». «Жизнь этих людей связана с повышенным стремлением к самосохранению. Стремления направлены прежде всего на сохранение независимости и самоудовлетворение. Быть независимым, не нуждаться ни в чьей помощи, не быть никому обязанным имеет решающее значение. Поэтому он дистанцируется от других людей, не позволяет приближаться к себе, стремится к отграничению. Нарушение этой дистанции расценивается им как угроза его жизненному пространству, как опасность для его независимости и целостности его личности и вследствие этого пресекается [2, с. 208].

Потребность в слиянии с другим и самоотдаче, в нивелировании границ. Удовлетворение потребности нарушает всякое расставание, утрата, игнорирование, отстраненность и дистанция со стороны значимого человека. Тревогу вызывает все то, что изнутри или снаружи препятствует слиянию

с другим; все то, что разделяет, изолирует, дистанцирует.

Для человека с потребностью в слиянии преобладает самоотвержение и самоотдача в ущерб потребностям становления своего «Я». «Первичным следствием этого является то, что партнер ... (такой личности) становится сверхценным объектом. Любая самоотверженность стремится посвятить себя партнеру и без связи своего существования с другим человеком невозможна. Отсюда устанавливается и распространяется зависимость, которая является их центральной проблемой...» [2, с. 229]. Тревогу актуализирует вероятность утраты, изолирующее дистанцирование, неизбежным следствием которых становится переживание своей беззащитности, покинутости, уязвимости. Такая чувствительность к риску утраты формирует сильную эмоциональную привязанность, наделяет отношения с человеком особой ценностью и заставляет искать неограниченной близости, создавать крепкие узы.

Таблица 2

Континуум «Стагнация – Изменение»

	<i>Стагнация (постоянство)</i>	<i>Изменение</i>
Как фундаментальная потребность.	В системе ориентаций (Э. Фромм).	Преодоление и созидательность (Э. Фромм).
Как ценности.	Порядок, контроль, традиции, стабильность, предсказуемость, определенность, опыт, прошлое, вечное.	Новизна, свобода, креативность (творчество), инициативность.
Как угроза для «Я» Угроза фрустрации фундаментальной потребности и инфляции ценностей актуализируют тревогу.	Хаос, изменчивость как течение времени и преходящий характер всего живого (неизбежность собственной смерти).	Окончателность, ограниченность свободного волеизъявления, последовательность и закономерность (неизбежность собственной смерти).
Социальные контексты (примеры проявления защитной стратегии).	Коллекционирование, тщательное внимание к порядку, консерватизм, непоколебимость собственных взглядов или мнений авторитетного лица.	Игнорирование формальностей, рамок и социальных ограничений, пренебрежение порядками и традициями, новации, творчество, гонка за новыми впечатлениями.

Потребность в сохранении постоянства и стабильности порождает стремление в человеке препятствовать изменениям, оставить все по-прежнему. Остановить изменения или перестать замечать их. В таком случае опасность представляет собой все то, что изнутри или извне указывает на преходящий характер, на временность и текучесть. «Все, что движется к окончанию, напоминает им о преходящем и в конечном счете о смерти. Без постоянного собственного и постороннего контроля может наступить угрожающий им хаос, что для наступления такой ужасающей неупорядоченности достаточно лишь немного расслабиться, отпустить вожжи, стать более открытым чужим влияниям и более податливым» [2, с. 249].

Люди, с такой потребностью интроецируют ответственность ценности, обеспечивающие им иллюзию контроля над временем (постоянство, порядок, традиции и т. п.). «Когда все остается таким,

как есть – вещи на письменном столе, порядок расположения которых священен, мнения и суждения, имеющие силу закона, моральные установки, застывшие и навсегда классифицированные, теории, неоспоримые, как аксиомы, вера, непоколебимая и абсолютная, – то кажется, что время остановилось» [2, с. 252].

Противоположный полюс – потребность в неограниченном проявлении своей воли вне порядка, вне закона, причинности. Тревогу вызывает необходимость признания факта причинно-следственной связи событий, явлений, признание существующих ограничений проявлений своей воли. «Гарантирующим безопасностью способом таким личностям представляется жизнь, при которой принимается во внимание лишь мгновение без всяких предыстории и последствий. Именно их нетерпеливость, их любопытство и неотягощенность прошлым иногда дают им шанс видеть и охватывать то, что

недоступно другим, и тем самым расширять границы нашего познания и наших возможностей. Они смотрят на жизнь с отвагой и своеобразием авантюристов, и смысл жизни для них заключается в том, чтобы она была богатой, интенсивной и изобильной» [2, с. 252].

Приведенные таблицы и комментарии к ним свидетельствуют о том, что защитные стратегии имеют в своей основе тот или иной набор ценностей, соответствующий актуальной фундаментальной потребности. Этот набор ценностей является организующим центром, регулирующим социальное поведение и направляющим его.

Принимая во внимание генезис тревоги, в том числе его аксиологические аспекты, мы имеем воз-

можность найти способы и приемы оказания более щадящего, но при этом не менее эффективного воздействия на социальное поведение человека, а также скорректировать способы и приемы оказания социальной помощи и поддержки незащищенным слоям населения.

Литература

1. Краткий философский словарь / Г. Г. Кирилленко, Е. В. Шевцов. – М.: АСТ СЛОВО: Политиздат, 2010. – 480 с.
2. Рима́н, Ф. Основные формы страха / Ф. Рима́н. – М.: Алете́йя, 1999. – 336 с.

ХИМИЯ

УДК 543.153

ВЛИЯНИЕ ИСКАЖЕНИЯ СПЕКТРА НА ПРАВИЛЬНОСТЬ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ПО МЕТОДУ МНОГОМЕРНОЙ КАЛИБРОВКИ

И. М. Дубровкин, В. А. Ананьев

THE IMPACT OF THE SPECTRA DISTORTIONS ON THE TRUENESS OF THE QUANTITATIVE ANALYSIS IN MULTIVARIATE CALIBRATION

I. M. Dubrovkin, V. A. Ananiev

Путем компьютерного моделирования оценена правильность спектрометрического анализа многокомпонентных смесей по методу многомерной калибровки при использовании искаженных спектров. Указаны границы допустимых искажений.

Computer-based evaluation of the trueness of the quantitative analysis of the multicomponent mixtures using multivariate calibration has been performed in the case of the disturbed spectra of the training set. The permissible limits of these distortions have been established.

Ключевые слова: количественный анализ, многомерная калибровка, искажение полос поглощения, правильность.

Keywords: quantitative analysis, multivariate calibration, pure-component spectra distortions, trueness.

В аналитической химии для количественного анализа многокомпонентных смесей применяется многомерная калибровка, которая позволяет установить связь между спектрами эталонных образцов (тренировочное множество) и концентрациями определяемых компонентов [1, с. 302 – 321]. При этом знание параметров спектров значительно улучшает эффективность математических процедур [2, с. 30 – 136]. Параметры могут быть определены или с помощью экспертных систем, основанных на использовании баз спектральных данных, в том числе с привлечением теоретического расчета спектров молекул [3, с. 1053 – 1066; 4], или путем разложения сложных спектров на полосы, обусловленные поглощением индивидуальных компонентов [5, с. 108 – 115]. Очевидно, что параметры индивидуальных полос, полученные математически или экспериментально с использованием первого или второго подхода, и их аналоги в изучаемой смеси будут отличаться из-за неточности теории, погрешности эксперимента и вычислений. Это должно приводить

к погрешности в определении концентрации компонентов в смеси. Однако оценить в аналитическом виде возможную погрешность количественного анализа, обусловленную искажением полос индивидуальных компонентов, используя метод многомерной калибровки, не представляется возможным.

Целью настоящей работы являлась численная оценка относительного отклонения вектора расчетных концентраций от истинного значения в смеси (правильность анализа) при использовании, как МНК (*Метод наименьших квадратов*), так и метода PLS (*The Partial Least Squares* или *Проекция на латентные структуры* (ПЛС) [1]). При расчетах предполагалось, что спектры тренировочного множества состоят из полос гауссовой или лоренцевой формы, положения максимумов которых и ширина на полувысоте (полуширина) были возмущены случайными погрешностями. Анализ проводился относительно спектра смеси, который состоял из суммы неискаженных полос.

Теория. В тексте используются общепринятые термины линейной алгебры. Заглавные и строчные буквы, выделенные жирным шрифтом, обозначают матрицы и векторы-столбцы, соответственно, скаляры выделены курсивом. Надстрочные индексы T и -1 используются для обозначения транспонированной и обратной матриц соответственно.

Рассмотрим линейную модель спектра многокомпонентной смеси y при соблюдении закона Бугера-Ламберта-Бера:

$$y = Kc + \varepsilon, \quad (1)$$

где $K = m \times n$ – матрица полос поглощения индивидуальных компонентов; n – число компонентов; m – число точек на оси абсцисс спектра; $c = n \times 1$ – вектор концентраций компонентов, $\varepsilon = m \times 1$ – вектор нормального шума с нулевым средним и дисперсией σ_y^2 .

В общем случае p смесей выражение (1) может быть переписано в классической форме:

$$Y = CK^T + \Xi_y, \quad (2)$$

где $Y = p \times m$ – матрица спектров смесей тренировочного множества; строки $p \times m$ матрицы C составлены из векторов c^T ; $\Xi_y = I \times \sigma_y^2$; I – единичная матрица; σ_y^2 – дисперсия шума.

Предположим, что матрица K известна, тогда, согласно классическому методу прямой калибровки [1], оценка матрицы C из выражения (2) по МНК [6] может быть получена из выражения:

$$\hat{C} = Y \hat{B}_{KL}, \quad (3)$$

где $\hat{B}_{KL} = K(K^T K)^{-1}$ – оценка регрессионной матрицы.

Для обратного метода калибровки (метод P -матрицы) [1]:

$$C = Y B_{обр} - \Xi_C, \quad (4)$$

где $B_{обр}$ – регрессионная матрица рассчитываемая по ПЛС; $\Xi_C = I \sigma_C^2$; σ_C^2 – дисперсия шумов матрицы концентраций тренировочного множества.

Вектор концентрации индивидуальных компонентов в смеси оценивается по ее спектру (1):

$$\hat{c}^T = y^T \hat{B}. \quad (5)$$

Пусть столбцы неискаженной матрицы K составлены из полос гауссовой (A_G) или лоренцевой (A_L) формы:

$$A_{Gn}(x) = A_{0n} \exp[-4 \ln 2 (x - x_{0n})^2], \quad (6)$$

$$A_{Ln}(x) = A_{0n} / [1 + 4(x - x_{0n})^2], \quad (7)$$

где A_{0n} – оптическая плотность в максимуме полосы n ; $x = i/w_n$; i – целочисленная координата по оси абсцисс спектра; w_n – (полуширина); $x_{0n} = i_{0n}/w_n$ – положение максимума полосы.

Предположим, что максимум полосы n смещен на величину Δi_{0n} , а ее форма искажена за счет изменения полуширины Δw_n . Относительные смещения будут равны $\delta_{i_{0n}} = \Delta x_{0n} = \Delta i/w_n$ и $\delta_{w_n} = \Delta w_n/w_n$. Кроме этого, примем, что каждая полоса искажена случайным шумом. Задавая матрицу концентраций тре-

нировочного множества C , из выражения (2) получим матрицу спектров смесей для многомерной калибровки:

$$Y_{иск} = (C + \Xi_C) K_{иск}^T + \Xi_y, \quad (8)$$

где $K_{иск}^T = K_{иск}^{сист} + \Xi_K$ – матрица, составленная из полос, искаженных систематическими погрешностями; $\Xi_K = I \sigma_K^2$; σ_K^2 – дисперсия шумов. Из уравнений (4) и (8) находим регрессионную матрицу $B_{обр}^{иск}$ для обратного метода калибровки, используя ПЛС.

Для классической калибровки регрессионная матрица (3) может быть представлена в виде:

$$\hat{B}_{KL}^{иск} = K_{иск} (K_{иск}^T K_{иск})^{-1}.$$

Матрица $K_{иск}$ может быть определена из спектров тренировочного множества (8) по МНК (метод K -матрицы) [1]:

$$\hat{K}_{иск}^T = (C_T C)^{-1} C_T Y_{иск}. \quad (9)$$

Оценка вектора концентрации смеси, обладающей спектром (1), производится с помощью выражения подобного (5):

$$\hat{c}_{иск}^T = y^T \hat{B}^{иск}.$$

В качестве меры влияния погрешности матрицы $K_{иск}$ на вектор определяемых концентраций будем использовать относительную погрешность оценки этого вектора:

$$\delta_c = \frac{\|\hat{c}_{иск} - \bar{c}\|}{\|\bar{c}_{здн}\|}, \quad (10)$$

где $\|\cdot\|$ – символ Евклидовой нормы вектора; черта означает усреднение по независимым экспериментам; $C_{здн}$ – заданный вектор концентрации смеси.

Поскольку вектор $\hat{c}$ искажен только случайными погрешностями, а $\hat{c}_{иск}$ – как случайными, так и систематическими, то относительная погрешность (10) служит характеристикой относительного отклонения вектора расчетных концентраций от истинного значения (правильность анализа).

Описание численного эксперимента для модельных спектров

Для численного эксперимента использовали три теоретических спектра трехкомпонентных смесей, представленных на рис.1а-в ($\Delta = A/A_{max}$ – относительная оптическая плотность; A_{max} – максимальная оптическая плотность спектра смеси). Полоса поглощения каждого компонента (столбец матрицы K) имеет гауссову форму. Параметры полос представлены в таблице. Как видно, спектры **a**, **б** состоят из полос одинаковой полуширины, различным образом перекрывающихся между собой, а спектр **в** – из полос разной полуширины. Все три полосы имеют одинаковую оптическую плотность в максимуме. Мерой чувствительности расчетной концентрации к возмущениям матрицы K может служить ее число обусловленности – $\text{cond}(K)$ [6] (таблица). При расчетах использовали $m = 100$.

Таблица

Параметры полос и значение $\text{cond}(\mathbf{K})$

Спектр	Параметры полос						$\text{cond}(\mathbf{K})$	
	i_{01}	i_{02}	i_{03}	w_1	w_2	w_3	Гаусс	Лоренц
1	120	160	180	50	50	50	4	5
2	150	160	165	100	100	100	453	228
3	150	160	170	100	75	35	19	28

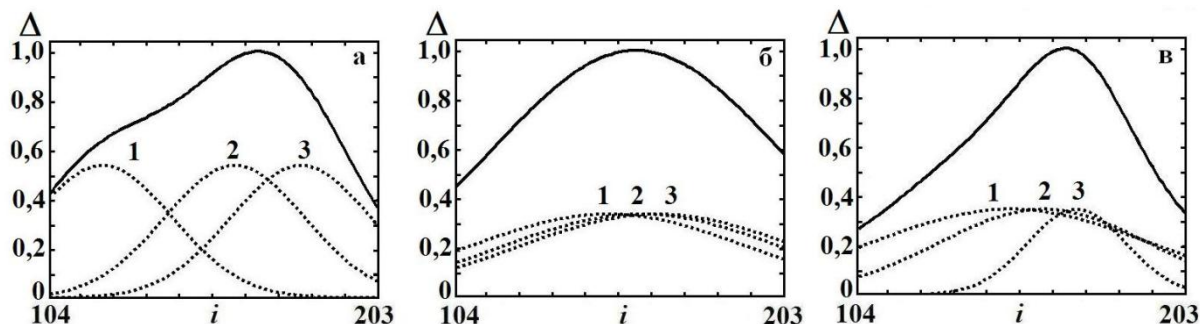

Рис. 1. Спектры смесей а-в (—), состоящих из полос 1 – 3 (…)

Кроме этого, были использованы спектры, аналогичные описанным выше, но состоящие из полос лоренцевой формы с параметрами, совпадающими с теми, которые представлены в таблице.

Относительная погрешность δ_c рассчитывалась как среднее из результатов 10^5 независимых численных экспериментов. Стандартное отклонение для этой величины оценивалось при $P = 95\%$. В каждом эксперименте относительное смещение максимума полосы δ_{n0} и относительное смещение её полуширины δ_w являлись нормально распределенными случайными величинами с нулевым средним и с фиксированным стандартным отклонением $\sigma_{\delta_{i0}}$ и σ_{δ_w} соответственно.

Матрица концентраций тренировочного множества включала 50 образцов. Каждая её строка была составлена из трёх случайных чисел, равномерно распределенных в области 0-1. В каждой серии численных расчетов генерировались шумы, обладающие следующими стандартными отклонениями: $\sigma_y = \sigma_x = \sigma_K = 10^{-3}$; $\sigma_C = 5 \times 10^{-3}$.

Для вычислений и построения графиков был написана программа на языке MATLAB. При калибровке по методу ПЛС использовалось два компонента.

Результаты и их обсуждение

Результаты численных расчетов верхней границы погрешности δ_c^m для спектров 1 а-в от ошибок δ_{n0} и δ_w ($P = 95\%$) представлены на рис. 2, 3 (буквы соответствуют таковым для рисунка 1). Выбор верхней границы обусловлен тем, что в некоторых случаях стандартное отклонение величины δ_c превышало её среднее значение.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Использование МНК для сильно перекрывающихся полос неприемлемо, так как уже при смещении максимума полос δ_{n0} , имеющем стандартное отклонение $\sigma_{\delta_{i0}} = 10\%$, ошибка определения вектора концентрации может превысить 20% (рис. 2 б₁, б₂). Кроме этого, значительный разброс рассчитанных величин свидетельствует о большой неустойчивости полученных оценок.

2. Согласно [8], верхняя граница погрешности, определяемая из уравнения (10):

$$\delta_c^{\text{sup}} < \text{или} \approx \text{cond}(\mathbf{K}) \|\Delta \mathbf{K}\| / \|\mathbf{K}\|, \quad (11)$$

где $\|\Delta \mathbf{K}\|$ норма возмущения матрицы $\mathbf{K}$. Из наших оценок следует, что $\delta_c^m \ll \delta_c^{\text{sup}}$ и что $\text{cond}(\mathbf{K})$ не является доминирующим фактором, определяющим величину δ_c^m . Так, например, значения $\text{cond}(\mathbf{K})$ для спектров а, б отличаются в десятки раз (таблица), а погрешности δ_c^m близки между собой (рис. 2 а₁, б₁). В этой связи представляется необоснованной рекомендация по использованию расширенной формы выражения (11) со знаком равенства в качестве универсальной оценки погрешности анализа [9].

3. Как видно из данных, представленных на рис. 2 и 3, переход от МНК к методу ПЛС приводит к существенному уменьшению погрешности. Даже для спектра б, характеризующегося высокой коллинеарностью индивидуальных полос поглощения, максимальное значение δ_c^m не превышает 12% (рис. 3 б₁).

4. Смещение максимумов полос поглощения оказывает значительно больший возмущающий эф-

фekt, чем изменение их полуширины. Этим, по всей видимости, объясняется относительно слабое влияние формы полос (гауссова или лоренцевая) на погрешность δ_c^m (при $\sigma_{\delta_{i0}}$ или $\sigma_{\delta_w} < 10\%$) при неизменности положения их максимумов. Тем не менее наблюдается зависимость δ_c^m от ширины индивидуальных полос при калибровке по МНК. Например,

для спектра **в**, обусловленного полосами разной ширины, погрешность гораздо меньше при больших значениях $\sigma_{\delta_{i0}}$, чем для спектров **а**, **б**, полосы которых имеют равную полуширину. Необходимо отметить, что для ПЛС этот эффект не наблюдается (рис. 3).

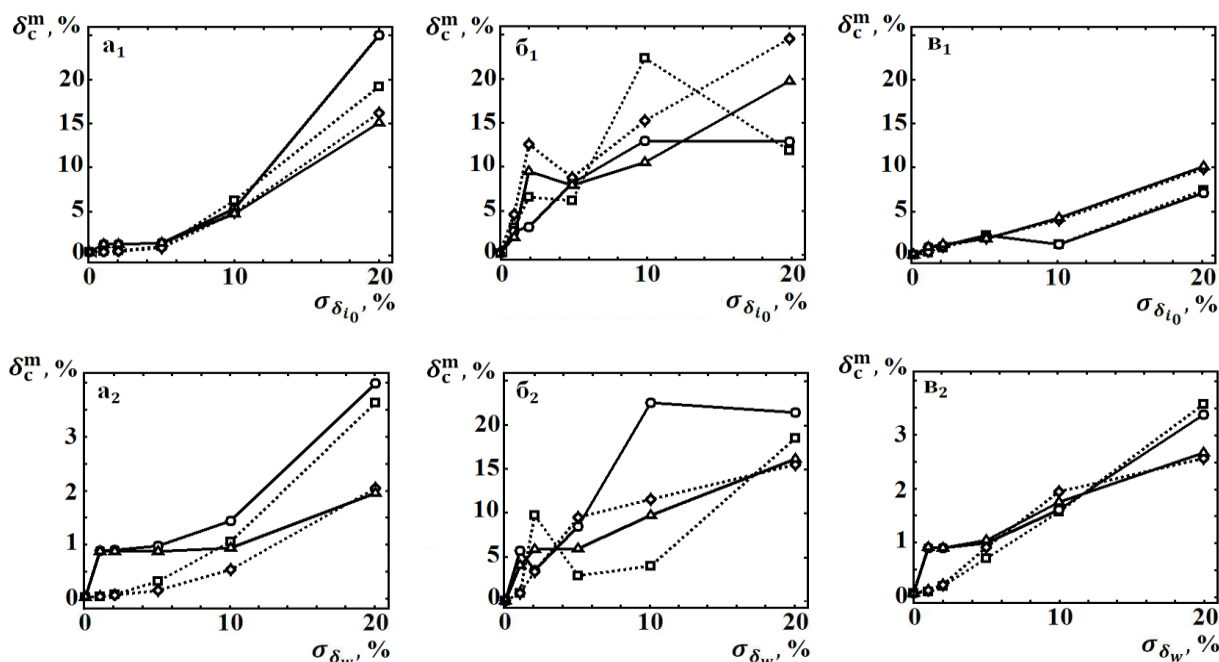

Рис. 2. Максимальные погрешности определения вектора концентраций по МНК для спектров 1 а-в без реконструкции полос поглощения индивидуальных компонентов (—) и с реконструкцией (...) для гауссовых (○, □) и лоренцевых (Δ, ◇) полос соответственно

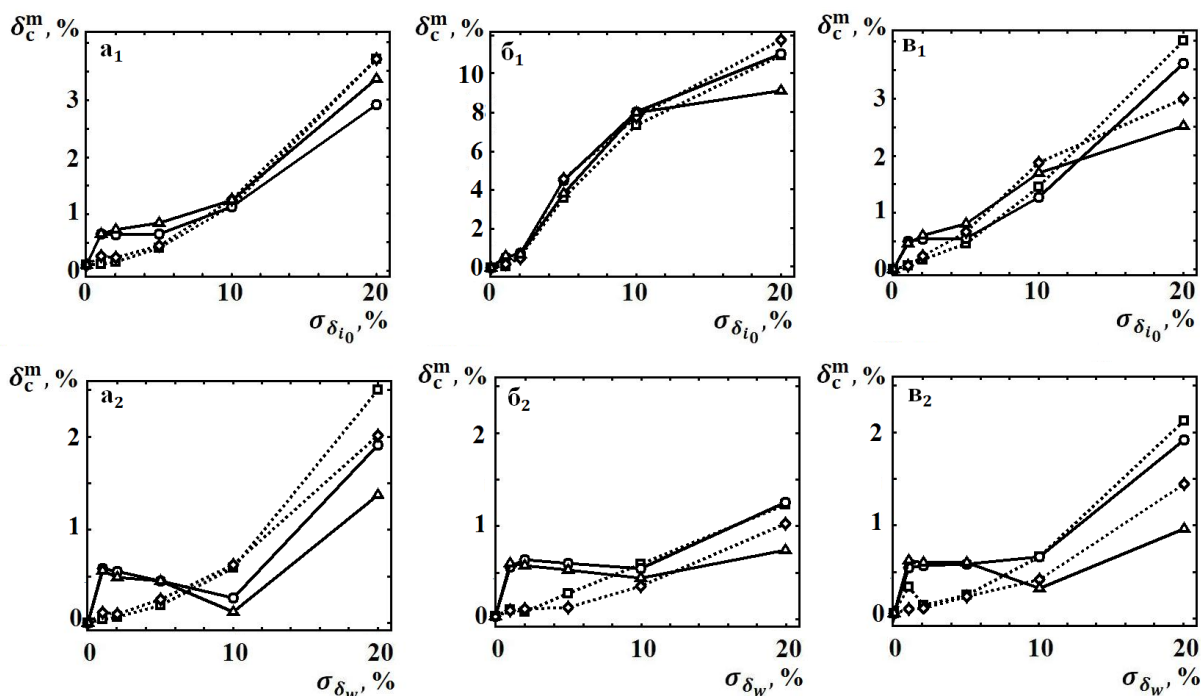

Рис. 3. Максимальные погрешности определения вектора концентраций по ПЛС для спектров 1 а-в без реконструкции полос поглощения индивидуальных компонентов (—) и с реконструкцией (...) для гауссовых (○, □) и лоренцевых (Δ, ◇) полос соответственно

Учет смещений максимумов полос поглощения, обусловленных индивидуальными компонентами, при анализе таблеток Экседрин

В качестве практического приложения предложенной методики нами оценены погрешности опре-

деления вектора концентраций при анализе препарата Экседрин. Спектры Экседрина и его ингредиентов представлены на рис. 4а [7].

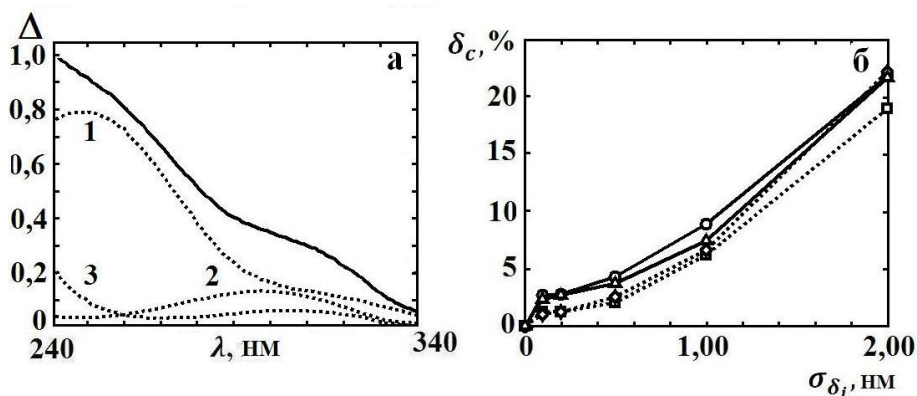

Рис. 4а. Спектры препарата Экседрин (—) и его ингредиентов (...) (парацетамол (1), кофеин (2), аспирин(3)), взятых в соотношении 0.4425:0.1150:0.4425 соответственно. Суммарная концентрация – 20 г/л в смеси вода – метанол – ледяная уксусная кислота (69-28-3). Воспроизводится с разрешения <http://www.dissolutiontech.com>.

Рис. 4б. Средние погрешности определения вектора концентраций при анализе препарата Экседрин по МНК (о, □) и ПЛС (Δ, ◇) без реконструкции (—) и с реконструкцией (...) спектров индивидуальных компонентов

Методом полиномиальной аппроксимации (с помощью многочлена 5-й степени) в области 241–340 нм (шаг 1 нм, $m = 100$) были получены функциональные выражения для дискретных спектров, позволившие осуществить их контролируемое смещение по оси абсцисс без потери крайних точек. При расчетах принималось, что форма спектров индивидуальных компонентов Экседрина остается постоянной. Спектр, обусловленный индивидуальным компонентом, смещался независимо от других спектров по оси абсцисс на величину δ_i , имеющей нормальное распределение с нулевым средним и стандартным отклонением σ_{δ_i} . Все остальные параметры численных расчетов были тождественны параметрам, используемым в предыдущем разделе. Зависимости средних погрешностей δ_c от стандартного отклонения смещений по оси абсцисс σ_{δ_i} для препарата Экседрин представлены на рис. 4б.

Выбор средних величин обусловлен относительно слабым разбросом значений δ_c при различных численных экспериментах. В отличие от случая модельных спектров, реконструкция индивидуальных спектров, обусловленных различными компонентами, из спектров смесей дала некоторые преимущества по сравнению с непосредственным использованием искаженных спектров. Неожиданным, однако, оказалось, что ПЛС-калибровка не имеет преимуществ по сравнению с МНК. Данный факт указывает на необходимость анализа погрешностей в каждой конкретной ситуации.

Как известно, погрешность спектральной калибровки современных спектрофотометров составляет ± 0.2 нм. Исходя из данных, представленных на рис. 4б, можно утверждать, что ошибка определения вектора концентраций при анализе Экседрина не превышает 1.5 – 2 %. Указанная величина согласуется с опубликованными погрешностями спектрометрического анализа таблеток Экседрин [10].

Заключение

Генерирование спектров смесей тренировочного множества, основанное на использовании нескольких полос поглощения, параметры которыхотягощены погрешностями, позволяет проводить компьютерное моделирование погрешности, обусловленное использованием многомерной калибровки. При относительных величинах погрешностей до 10 % относительная погрешность определения концентраций не превышала 10 % даже в случае сильно перекрывающихся полос поглощения. Предлагаемая методика позволяет в каждом конкретном случае оценить погрешность определения концентраций при варьировании параметров полос спектров.

Литература

1. Родионова, О. Е. Хемометрика: достижения и перспективы / О. Е. Родионова, А. Л. Померанцев // Успехи химии. – 2006. – Т. 75. – № 4.
2. Boulet, J.-C. Improvement of direct calibration in spectroscopy / J.-C. Boulet, J.-M. Roger // Anal. Chim. Acta. – 2010. – V. 668.
3. Elyashberg, M. E. Fuzzy structure generation: a new efficient tool for computer-aided structure elucidation.

tion (CASE) / M. E. Elyashberg, K. A. Blinov, S. G. Molodtsov, A. J. Williams, G. E. Martin // J. Chem. Inf. Model. – 2007. – V. 47.

4. Грибов, Л. А. Безэталонный молекулярный спектральный анализ. Теоретические основы / Л. А. Грибов, В. И. Баранов, М. Е. Эляшберг. – М.: URSS. – 2002. – 320 с.

5. Monakhova, Y. B. Independent components in spectroscopic analysis of complex mixtures / Y. B. Monakhova, S. A. Astakhov, A. Kraskov, S. P. Mushtakova // Chem. Intell. Lab. Syst. – 2010. – V. 103.

6. Себер, Дж. Линейный регрессионный анализ / Дж. Себер. – М.: Мир, 1980. – 456 с.

7. Simonian, M. H. Full spectrum quantitation: an advance UV/Visible spectroscopic method for multi-

component dissolution testing / M. H. Simonian // [http://www.dissolutiontech.com/DTresour/1995 Articles /DT199505_A02.pdf](http://www.dissolutiontech.com/DTresour/1995%20Articles/DT199505_A02.pdf).

8. Воеводин, В. В. Матрицы и вычисления / В. В. Воеводин, Ю. А. Кузнецов. – М.: Наука, 1984. – 320 с.

9. Danzer, K. Analytical chemistry. Theoretical and metrological fundamentals / K. Danzer. – Springer, 2005. – 315 p.

10. Özdemir, A. Utilization of multivariate calibration techniques for the spectrophotometric simultaneous determination of paracetamol, aspirin and caffeine in pharmaceutical formulation / A. Özdemir, E. Dinc, F. Onur // Turk. J. Pharm. Sci. – 2004. – V. 1.

УДК 544

ФОТОХИМИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ПРОДУКТОВ ТВЕРДОФАЗНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ НИТРАТСОДЕРЖАЩИХ МАТРИЦ

С. Ю. Лыричиков, Л. Д. Кригер, М. Б. Миклин, В. А. Ананьев

PHOTOCHEMICAL CONVERSION OF PRODUCTS OF NITRATE-CONTAINING MATRICES DECOMPOSITION

S. Yu. Lyrshchikov, L. D. Kriger, M. B. Miklin, V. A. Ananiev

В настоящей работе изучены методами ИК-спектроскопии и химического анализа фотохимические превращения продуктов твердофазного разложения в нитратах щелочных металлов и нитрат содержащих матрицах. Показано, что в процессе фотоотжига из пероксонитрита нитрит-ион не образуется, следовательно, и при фотолизе такой механизм не реализуется.

The photochemical conversion of products of nitrate ion decomposition in solid alkali nitrates and nitrate-containing matrices has been studied by IR spectroscopy and chemical analysis. The mechanism for nitrite formation under photolysis of crystalline alkali nitrates has been discussed. In the process of peroxyxynitrite photoannealing of nitrite ions are not formed, hence in the process of photolysis this mechanism is not realized either.

Ключевые слова: спектроскопия, фотолиз, фотоотжиг, пероксонитрит, нитрит, щелочные нитраты.

Keywords: spectroscopy, photolysis, photoannealing, peroxyxynitrite, nitrite, alkali nitrates.

Авторами работ [1, 2] утверждается, что ион нитрита является продуктом вторичных фотопревращений пероксонитрита. В то же время в [3, 4] предполагается независимый от пероксонитрита механизм образования нитрита. В настоящей работе исследовано, непосредственно в твердой фазе, изменение в результате фотоотжига концентрации нитрат иона и продуктов его разложения, образовавшихся при воздействии УФ-излучения в кристаллических нитратах и в нитратсодержащих твердых растворах.

В работе использовали нитраты щелочных металлов и твердые растворы иона нитрата в перхлорате, хлорате и бромиде калия, сульфатах натрия и калия. Кристаллы с добавками иона нитрата выращивали медленным охлаждением водных растворов, насыщенных по основной соли. Содержание NO_2^- в образцах определяли спектрофотометрическим методом [5] после растворения образца в воде. Определение ONOO^- осуществляли потенциометрическим титрованием раствором перманганата [6] после растворения образца в 1М растворе КОН. ИК-спектры измеряли с разрешением 2 см^{-1} на спектро-

метре с фурье-преобразованием Tensor 27 (Bruker) с приставкой диффузного отражения. Предварительный фотолиз образцов осуществляли светом с длиной волны 222 (эксимерная лампа модели KtCl BD_P (ИСЭ СО РАН)) и 253,7 нм (ртутная лампа низкого давления ДБ-30 с увиолевым баллоном). Фотоотжиг проводили, используя фильтрованное излучение ртутных ламп среднего давления ДРШ-250 или ДРТ-1000 (фильтр УФС-2). Фотолиз, фотоотжиг и измерение спектров проводили при 300 К.

Во всех образцах в процессе хранения при комнатной температуре после фотолиза наблюдается рост интенсивности ИК полос поглощения NO_2^- . Интенсивность полос поглощения, обусловленных ONOO^- , остается постоянной.

В результате фотоотжига предварительно фотолизированных порошков вышеуказанных образцов интенсивность полос поглощения, обусловленных ONOO^- и NO_2^- , изменяется (рис. 1). Характер этих изменений во всех образцах одинаков. Фотоотбеливание полос поглощения ONOO^- во всех случаях происходит с выходом на стационарное значение

концентрации, при этом незначительное увеличение интенсивности полос поглощения NO_2^- (для некоторых матриц) является следствием вторичного термического процесса, не связанного с фотоотжигом ONOO^- . Кинетика фотоотбеливания полос поглощения ONOO^- в данных матрицах описывается реакцией первого порядка.

Проведенные исследования показывают, что уменьшение концентрации ONOO^- не сопровождается изменением концентрации NO_2^- в процессе фотоотжига. Для образцов, в которых ион нитрата изо-

лирован в матрицах (рис. 2), показано, что при фотоотжиге пероксонитрита образуется примерно столько же нитрат-ионов, сколько было израсходовано их при фотолизе. Эти данные позволяют сделать вывод, что в процессе фотоотжига из пероксонитрита нитрит-ион не образуется, следовательно, и при фотолизе такой канал образования нитрат-ионов отсутствует и, возможно, механизм, предложенный авторами работ [1, 2], не реализуется.

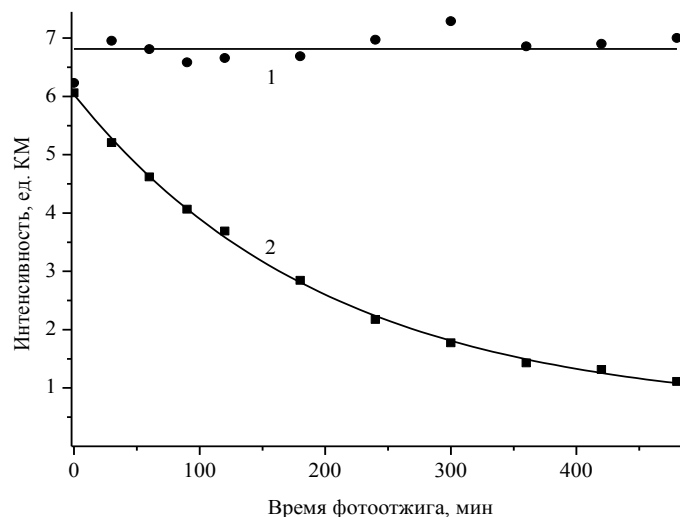

Рис. 1. Кинетика фотоотбеливания полос, соответствующих ONOO^- (940 см^{-1} (2)) и NO_2^- (1250 см^{-1} (1)) в фотолизированном KNO_3 , с коррекцией на термические пост-процессы. Время предварительного фотолиза 70 мин.

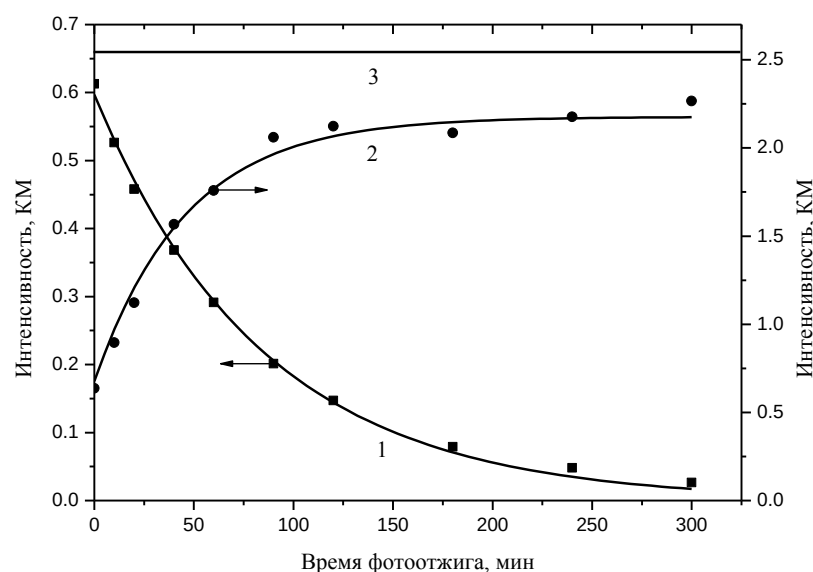

Рис. 2. Кинетика фотоотбеливания полос, соответствующих. 1 - ONOO^- (1462 см^{-1}) и 2 - NO_3^- (1368 см^{-1}) в фотолизированном $\text{KClO}_4\text{:NO}_3^-$, 3 - NO_3^- до фотолиза (1368 см^{-1}). Время предварительного фотолиза 60 мин.

Изучение поведения в процессе фотоотжига продуктов разложения в предварительно фотолитизированных светом 253.7 нм образцах нитрата калия (рис. 3) показало, что в начале процесса убыль пероксонитрита сопровождается пропорциональной убылью нитрита. Коэффициент пропорционально-

сти $C(\text{NO}_2^-) / C(\text{ONOO}^-)$ возрастает при увеличении времени предварительного фотолитиза и составляет 0.4 (2 часа) и 1.0 (4 часа). На последующей стадии убыль ONOO^- проходит на фоне неизменной концентрации NO_2^- .

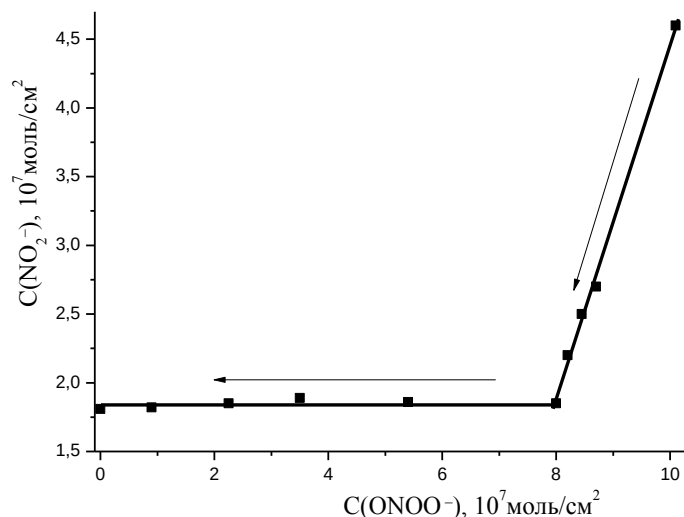

Рис. 3. Изменение концентраций ONOO^- и NO_2^- в процессе фотоотжига (ДРТ-1000, фильтр $\lambda \geq 310$ нм) KNO_3 , фотолитизированного светом 253.7 нм (4 час)

Несоответствие результатов, получаемых методом ИК-спектроскопии, и данных химического анализа растворов обработанных образцов указывает на возможное наличие как минимум еще одной частицы, кроме ONOO^- и NO_2^- . Наиболее вероятно такой частицей является «клеточный» комплекс вида $[\text{NO}_2 \dots \text{O}]^-$. Такой комплекс при растворении распадается на NO_2^- и O и дает вклад в анализ нитрита. При действии света комплекс захватывает образующиеся возбужденные состояния нитрата симметрии $^1A_1''$, и его компоненты рекомбинируют с образованием NO_3^- . Поскольку комплекс невидим в ИК-спектрах фотолитизованного кристалла, процессы с его участием не наблюдаются. Максимум спектра оптического поглощения комплекса находится в области 290 нм [7, 8]. При фотоотжиге интенсивность этого поглощения уменьшается [7, 8]. Высокая эффективность фотоотжига комплекса позволяет предположить, что его электронно-возбужденное состояние перекрывается с состояниями нитрата симметрии $^1A_1''$, что, учитывая наличие такого компонента как нитрит поглощающего свет при 3.5 эВ, представляется очевидным.

Представленные в работе экспериментальные данные позволяют утверждать, что при захвате ионом пероксонитрита электронно-возбужденных состояний иона нитрата симметрии $^1A_1''$ нитрит не образуется. Из этого следует, что при фотолитизе такой механизм не реализуется. Все сказанное позволяет говорить о независимости механизмов образования

нитрита и пероксонитрита при фотолитизе иона нитрата в любой из кристаллических матриц.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (Государственное задание КемГУ на 2012 г. НИР № 3.3768.2011 «Исследование влияния кристаллического окружения на механизм фотолитиза и радиолитиза иона нитрата»).

Литература

1. Юрмазова, Т. А. Фотохимическое превращение нитрат-иона в кристаллах KNO_3 , KClO_3 и KClO_4 / Т. А. Юрмазова, Л. Н. Коваль, Л. В. Сериков // Хим. высоких энерг. — 1984. — Т. 17. — № 2.
2. Plumb, R. C. Color Centers in UV-Irradiated Nitrates / R. C. Plumb, J. O. Edwards // J. Phys. Chem. — 1992. — V. 96. — № 8.
3. Миклин, М. Б. Образование пероксонитрита и нитрита при фотолитизе кристаллических нитратов / М. Б. Миклин, В. А. Ананьев, С. Ю. Лырщиков, Н. В. Нелюбина, А. В. Скибина // Ползуновский вестник. — 2006. — № 2 — 1.
4. Невоструев, В. А. Фотолитиз и радиолитиз кристаллических нитратов щелочных металлов / В. А. Невоструев, М. Б. Миклин // Хим. высок. энерг. — 1987. — Т. 21. — № 2.
5. Уильямс, У. Дж. Определение анионов / У. Дж. Уильямс. — М.: Химия, 1982. — 148 с.
6. Papée, H. M. Formation and Decomposition of Alkaline "Pernitrite" / H. M. Papée, G. L. Petriconi // Nature. — 1964. — V. 204. — № 1.

7. Ананьев, В. А. Оптические спектры продуктов фотолиза нитрата калия / В. А. Ананьев, М. Б. Миклин, Н. В. Нелюбина, В. А. Невоструев // Хим. высок. энерг. – 2003. – Т. 37. – № 6.

8. Anan'ev, V. Optical Spectra of UV Irradiated Alkali Nitrate Crystals / V. Anan'ev, M. Miklin,

N. Nelyubina, M. Poroshina // Journal of Photochemistry & Photobiology. – A.: Chemistry, 2004. – V. 162. – № 1.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК 613.62(571.17)

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КУЗБАССА В 2005 – 2010 ГОДАХ

Л. С. Хорошилова, Л. М. Табакаева, Л. Е. Скалозубова

ON OCCUPATIONAL MORBIDITY OF KUZBASS POPULATION IN 2005-2010

L. S. Khoroshilova, L. M. Tabakaeva, L. E. Skalozubova

Высокий уровень профессиональной заболеваемости в Кузбассе связан с сохраняющимся неблагоприятным состоянием условий труда в большинстве отраслей экономики, особенно в угольной, являющейся ведущей в структуре промышленного производства области. Проанализированы причины сохранения тяжелых условий труда шахтеров-угольщиков Кузбасса. Изложены существующие направления ведущихся научных разработок мероприятий по снижению рисков развития профзаболеваний.

High level of occupational morbidity in the Kuzbass region is associated with persistent adverse labour conditions in most sectors of the economy, especially in the coal industry, as the lead in the structure of industrial production. The reasons for keeping poor working conditions of coal miners in Kuzbass are analyzed the existing areas of current scientific research to reduce the risk of occupational morbidity are outlined.

Ключевые слова: условия труда, риски, шахтеры, профессиональная заболеваемость, профилактика.

Keywords: working conditions, risks, miners, occupational morbidity, preventive measures.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Президентом Российской Федерации в мае 2009 г., одним из главных рисков и угроз национальной безопасности на долгосрочную перспективу в области экономического роста названа прогрессирующая трудонедостаточность [3].

В связи с этим наибольшую актуальность представляет разработка новых подходов к анализу причин профессиональной заболеваемости, а также комплексное решение вопросов профилактики профессиональных и производственно обусловленных заболеваний. Так как сами профессиональные заболевания, а также инвалидность вследствие профзаболеваний регистрируются в большинстве случаев в трудоспособном возрасте, это существенно влияет на численность и качество трудового потенциала страны.

Применение регрессионного и кластерного анализа профессиональной заболеваемости Н. О. Карабинцевой с соавторами [4] выявило регрессивную зависимость данного показателя от объема добычи полезных ископаемых в регионе и условий труда работников. Кластеризация регионов Сибирского Федерального округа позволила выделить 3 кластера по профзаболеваемости в зависимости от влияющих факторов. При этом Кемеровская область обра-

зовала отдельный – третий кластер, характеризующийся самыми высокими показателями профзаболеваемости при наибольшем числе работников, занятых тяжелым физическим трудом и наивысшем объеме добытых полезных ископаемых в 2005 г.

В последние пять лет (2006 – 2011 гг.) профессиональная заболеваемость трудящихся в Кузбассе по-прежнему остается одной из самых высоких в Российской Федерации, в 6 – 8 раз превышая уровень по России в целом (табл. 1) [8, 11].

Причем после периода некоторого снижения профпатологии в области (2003 – 2007 гг.) с 2008 г. наметился рост профзаболеваемости, частота которой возрасла, по отношению к предыдущему году, на 14,2 %, в 2009 г. рост уровня профессиональной заболеваемости составил 20,3 %, в 2010 г. – 0,2 % и достиг величины 14,59 на 10 тыс. работающих.

В 2010 г. зарегистрировано 1358 случаев хронических профессиональных заболеваний, из них два и более диагноза было зарегистрировано у 108 человек (7,95 %). Удельный вес инвалидов составил 0,7 % от всех профзаболеваний, зарегистрированных в 2010 г., 90 % из них получили третью группу инвалидности, 10 % – вторую группу. 81,0 % хронических профзаболеваний был выявлен при проведении периодических медицинских осмотров.

Таблица 1

**Уровень профессиональной заболеваемости в Кемеровской области и в Российской Федерации
на 10 тыс. занятого населения в 2005 – 2010 гг.
(сумма острых и хронических заболеваний и отравлений)**

<i>Территория</i>	<i>Годы</i>					
	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>
Кемеровская область	10,8	10,78	10,6	12,1	14,56	14,59
Угольная промышленность Кузбасса	65,0	71,3	66,9	75,9	106,9	108,9
Российская Федерация	1,61	1,61	1,59	1,52	1,79	

Таблица 2

**Показатель профессиональной заболеваемости в Кемеровской области по видам экономической
деятельности на 10 тыс. занятого населения за 2005 – 2010 гг.**

<i>Виды экономической деятельности</i>	<i>Годы</i>					
	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>
Добыча и переработка каменного угля	65,0	71,3	66,9	75,9	106,9	108,9
Металлургическое производство	13,8	22,5	18,8	28,7	35,12	24,9
Производство машин и оборудования, электрических машин и электрооборудования	12,2	13,5	12,4	9,4	14,5	15,1
Сельское хозяйство	4,7	6,6	4,0	3,4	4,6	3,8
Строительство	5,3	3,9	2,4	5,3	5,8	12,0
Автомобильный транспорт	3,6	3,0	4,0	6,1	6,6	6,1
Здравоохранение	2,1	1,8	2,1	1,6	1,6	0,5

В структуре нозологических форм профессиональных заболеваний в 2006 – 2010 гг. более 99 % составляла хроническая профпатология, в частности (в порядке их ранговых мест), болезни суставов, сухожилий и мышц – 38,22 %, вибрационная болезнь – 21,45 %, пылевые заболевания органов дыхания – 18,52 %, профессиональная тугоухость – 15,57 %, профессиональные инфекционные заболевания – 0,78 % [8].

Наиболее высокие уровни профессиональной заболеваемости в 2006 – 2010 гг. регистрировались, как и в предыдущие годы, на предприятиях угольной промышленности (в 2010 г. – 108,9 на 10 тыс. занятого населения при среднеобластном – 14,59). На их долю приходилось 73,39 % (в основном это лица, занятые на подземных горных работах). В цветной и черной металлургии зарегистрировано 9,16 % профбольных, в машиностроении, металлообрабатывающей и электротехнической промышленности – 3,03 %, на предприятиях автомобильного транспорта – 3,22 %, в строительстве – 3,0 %, в здравоохранении – 0,82 %, на долю агропромышленного комплекса приходилось 0,67 % (табл. 2) [8].

При этом профзаболеваемость в Кузбассе гораздо выше, чем в других шахтерских регионах, на-

пример в Ростовской области (в 2010 г. – 14,59 и 4,7 на 10 тыс. работающих соответственно) [8, 9].

При анализе причин высокой профпатологии в Кемеровской области следует обратить внимание на тот факт, что в области по-прежнему сохраняется неблагоприятная ситуация по условиям труда в большинстве отраслей экономики. Во вредных условиях в 2010 г. трудилось 231,016 тыс. человек или 66,1 % работающих. Среди отраслей промышленности наиболее неблагоприятной по условиям труда остается угольная отрасль. На предприятиях угольной отрасли Кемеровской области трудилось 102,383 тыс. человек, из них во вредных условиях работало 86,301 тыс. человек или 84,3 %, тяжелым физическим трудом было занято 62,976 тыс. человек (61,5 %). На подземных работах, где самые тяжелые условия труда, было занято 38,821 тыс. человек (37,9 %). В Ростовской области из 15,7 тыс. человек, работающих в угольной отрасли, подземная группа составляла 5,6 тыс. человек (35,6 %).

Необходимо учитывать также и сложные горно-геологические особенности угольных месторождений Кузбасса (крутопадающие пласты, пласты малой мощности), формирующие своеобразные условия труда – затрудняют механизацию процесса добычи угля, что сохраняет физические перегрузки

и приводит к функциональному перенапряжению опорно-двигательного аппарата. Внедрение в угольную промышленность ручного механизированного инструмента и мощной горной техники значительно увеличили объем добычи угля. Комплексная механизация добычи угля сокращает численность рабочих, но увеличивает вклад неблагоприятных факторов на здоровье работающих: вибрации, шума, физического перенапряжения. Характер и интенсивность воздействующих на горнорабочих высоких уровней вибрации и шума зависит от типа и мощности используемой техники, условий ее эксплуатации, геологического строения и крепости разрабатываемых горных пород [10].

Уровни шума, генерируемого оборудованием, в подземных условиях превышают допустимые по всему спектру частот на 10 – 25 дБ. Самые высокие уровни вибрации при подземной добыче угля регистрируются на рукоятке электросверл, превышая ПДУ на 2 – 22 дБ. При работе на угольных комбайнах уровни вибрации находятся в пределах ПДУ.

При добыче угля открытым способом превышение уровней вибрации и шума наблюдается при работе всех используемых механизмов в процессе выемки угля, его транспортировки и погрузки в транспортные средства. Уровни локальной вибрации на рычагах управления экскаваторов, бульдозеров, большегрузных автомобилей превышают ПДУ на 8 – 28 дБ, уровни общей вибрации – на 9 – 34 дБ. Интенсивность шума от оборудования при открытой добыче превышает ПДУ от 0,8 – 11 дБ.

Перенапряжение опорно-двигательного аппарата большим объемом работ у горнорабочих связано с переносом груза на расстояния в подземных условиях; вынужденной позой при работе на механизмах при открытой разработке, проведении ремонтных работ; выраженной статической и динамической нагрузкой, связанной с большим количеством стереотипных движений при управлении горнодобывающей техникой.

Высокая запыленность, сохраняющаяся в шахтах, объясняется особенностями технологии добычи угля, интенсивностью ведения горных работ и недостаточным применением защитных средств органов дыхания.

В подземных условиях запыленность воздуха выше и составляет от 25 до 360 мг/м³. Усугубляющим фактором, способствующим возникновению патологии дыхательной системы у горнорабочих является неблагоприятный микроклимат: температура в холодное время года колеблется от +8°C до +12°C; в теплый период – от +12°C до +17°C при скорости движения воздушной среды 0,5 – 2 м/с.

При открытом способе добычи угля запыленность составляет не более двух ПДК. Так, в кабинах машинистов экскаваторов содержание пыли было в пределах 0,44 – 7,1 мг/м³, в кабинетах бульдозеров и другой техники – 2,1 – 9,0 мг/м³, при общей запыленности карьера 0,8 – 1,5 мг/м³ [10].

Реструктуризация угольной отрасли Кузбасса изменила формы собственности с государственной на частную, но не привела к ожидаемому улучшению условий труда, широкому внедрению новых технологий, позволяющих снизить вредное воздействие неблагоприятных факторов.

Кроме того, на всех угольных разрезах Кемеровской области установлена увеличенная продолжительность рабочей смены до 11 – 12 часов. И если учесть, что работники основных профессий на угольных разрезах (машинисты экскаваторов, бульдозеров, буровых станков, водители большегрузных автомобилей БелАЗ) работают при несоблюдении параметров шума и вибрации гигиеническим нормативам, вредные условия труда усугубляются необоснованным увеличением продолжительности рабочей смены, что приводит к увеличению ежесменной нагрузки вредными факторами в 1,5 раза [8].

В таких условиях возрастает воздействие множества вредных производственных факторов, имеющих на угольных предприятиях Кузбасса. Особое внимание должно уделяться профилактике профессиональной заболеваемости.

Реальным путем снижения профессиональной заболеваемости считается поиск факторов их повышенного риска развития, что позволяет формировать группы риска к отдельным заболеваниям и проводить своевременные и целенаправленные профилактические мероприятия [1].

Работодатель обязан отвечать за сохранение рабочего потенциала и его резервов, для чего должен разработать концепцию по предупреждению коллективного или индивидуального риска общих и профессиональных заболеваний. Охрана здоровья работающих обеспечивается медико-социальными мероприятиями на принципах оптимизации коллективной защиты и мерами по ограничению индивидуального риска для каждого [6].

Использование методов прогноза индивидуальных рисков различных видов профессиональных заболеваний, в зависимости от экспозиционных доз производственных факторов с учетом условий труда и стажа работы, позволило установить безопасный стаж работы в условиях воздействия шума и ряда других производственных факторов [6, 7].

Установлено, что в развитии хронического пылевого бронхита у шахтеров-угольщиков имеет значение наличие в организме генотипов риска и генотипов резистентности. А раннее выявление у шахтеров, подвергающихся длительному совместному воздействию локальной вибрации и угольной пыли, нарушений в системе гемостаза позволит снизить риск развития ИБС [12]. Дальнейшая разработка методов индикации индивидуальной устойчивости или предрасположенности к различным профессиональным заболеваниям на основе генетических, физиологических и биохимических марке-

ров может помочь добиться успехов в профилактике профзаболеваний [2].

В некоторых случаях, при наличии большого числа разнообразных факторов риска заболевания, важное значение имеет своевременное распознавание не только начальных проявлений болезни, но и донозологических состояний, когда наиболее эффективно проведение лечебно-оздоровительных мероприятий [13], что возможно лишь при регулярном проведении обязательных профилактических медицинских осмотров, а также углубленных медицинских обследований работников, занятых во вредных условиях труда на базе специализированных центров профилактики.

Важное значение для профилактики профессиональных заболеваний имеет обеспечение персонала сертифицированными средствами индивидуальной защиты. До введения (или невозможности введения в настоящее время) мероприятий по ограничению вредных факторов и с учетом низкой эффективности индивидуальной защиты рекомендуются все формы защиты временем (рациональные режимы труда и отдыха, сокращенный рабочий день, дополнительный отпуск) с обязательным мониторингом работающих [5].

Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые во всех странах по оптимизации труда в целях снижения воздействия неблагоприятных факторов на организм работающих, ни одной стране мира не удалось до настоящего времени добиться полной нормализации условий труда и устранения повышенных рисков для здоровья трудящихся, участвующих в производственных процессах [5].

Литература

1. Гафаров, Н. И. Хронический профессиональный бронхит у работников угледобывающих предприятий Кузбасса: роль эндогенных факторов [Текст] / Н. И. Гафаров, В. В. Захаренков, Н. И. Панев и др. // Медицина труда. – 2010. – № 3.
2. Евтушенко, А. Я. Исследования по научному обеспечению охраны здоровья шахтеров Кузбасса [Текст] / А. Я. Евтушенко, А. П. Михайлуц // Медицина труда. – 2002. – № 2.
3. Еловская, Л. Т. О дальнейшем совершенствовании санитарного законодательства в области профилактики профессиональных заболеваний пылевой этиологии [Текст] / Л. Т. Еловская // Медицина труда. – 2010. – № 5.
4. Карабинцева, Н. О. Кластерные подходы к анализу профессиональной заболеваемости на примере Сибирского Федерального округа [Текст] / Н. О. Карабинцева, Е. Л. Потеряева, Л. В. Мошкова // Медицина труда. – 2010. – № 5.
5. Кислицина, В. И. Оценка состояния здоровья рабочих энергетических и угледобывающих предприятий. Гигиена труда и профпатология [Текст] / В. И. Кислицина // Материалы XXXVIII научно-практической конференции. – 2003.
6. Кудзин, Е. Г. Механизмы реализации профилактики профессиональных заболеваний работающих во вредных условиях труда на Крайнем Севере [Текст] / Е. Г. Кудзин, И. И. Логвиненко, Е. Л. Потеряева и др. // Медицина труда. – 2010. – № 8.
7. Олещенко, А. М. Оценка риска заболеваемости рабочих угольных разрезов Кузбасса [Текст] / А. М. Олещенко, В. В. Захаренков, Д. В. Суржиков и др. // Медицина труда. – 2006. – № 6.
8. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Кемеровской области в 2010 г.: Государственный доклад. «Территориальное управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Кемеровской области» [Текст]. – Кемерово, 2011.
9. Пиктушанская, Т. Е. Условия труда и их влияние на здоровье работающего населения Ростовской области [Текст] / Т. Е. Пиктушанская, Т. Ю. Быковская // Медицина труда. – 2011. – № 3.
10. Семенихин, В. А. Профессиональная патология у шахтеров Кузбасса: особенности формирования и профилактика / В. А. Семенихин: автореф. дис. ...д-ра мед. наук [Текст]. – Иркутск, 2006. – 253 с.
11. Условия труда работников и производственный травматизм в Кемеровской области в 2010 г.: Статистический бюллетень [Текст]. – Кемерово, апрель, 2011.
12. Филимонов, С. Н. Нарушения в системе гомеостаза у шахтеров-угольщиков [Текст] / С. Н. Филимонов, В. В. Захаренков, Н. И. Пинев и др. // Медицина труда. – 2009. – № 9.
13. Шаповая, Н. С. Клинико-эпидемиологические особенности и факторы риска профессиональной пылевой патологии легких [Текст] / Н. С. Шаповая, П. Г. Фомин, Н. К. Макарова // Медицина труда. – 2010. – № 5.

ЭКОНОМИКА

УДК 332.14:332.821

ПРОТОКЛАСТЕР МАЛОЭТАЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ РЕСУРСНОГО ТИПА

*В. И. Бувальцева, И. В. Корчагина*THE PROTOCLUSTER OF LOW-HEIGHT HOUSING CONSTRUCTION
IN A RESOURCE TYPE REGION*V. I. Buvaltseva, I. V. Korchagina*

Концепция кластерного развития территории остается весьма актуальной. Потенциал кластеризации в отраслях и включение в состав цепочки ценности малых предприятий имеет существенное ограничение, которое связано со структурой промышленности и преобладанием вертикально-интегрированных групп в регионе. Системное многоуровневое сотрудничество всех заинтересованных сторон, активное участие регионов в существующих международных программах стимулирует становление полноценного кластера в регионе и переносит успешность опыта на большее количество предприятий отрасли.

Комплекс разработанных мероприятий для прохождения этапов становления и развития протокластера должен стать отправной точкой реализации региональной кластерной политики.

The concept of an area's cluster development is very important. The potential of clustering in different branches of industry and the inclusion of the value of small businesses in the chain has a significant limitation, which is connected with the structure of industry and the predominance of vertically integrated groups in the region. System multi-level cooperation of all the parties concerned and, the active participation of the regions in the existing international programs stimulate the formation of a full-fledged cluster in the region and brings successful experience to a greater number of the enterprises of this branch.

The complex of measures designed to pass the stages of protocluster formation and development protoklastera should be the starting point for the implementation of regional cluster policies.

Ключевые слова: регион ресурсного типа, малое предпринимательство, кластерная политика, протокластер, малоэтажное строительство.

Keywords: resource type region, small business, cluster policy, protocluster, low-height housing construction.

Основной особенностью промышленно развитого региона ресурсного типа в российских условиях является высокая концентрация промышленности и наличие высокого удельного веса в региональном валовом продукте продукции компаний, входящих в состав вертикально-интегрированных холдингов. Эта особенность присуща и экономике Кемеровской области, фактором, определяющим экономическое развитие региона, является присутствие около 20 крупных многоотраслевых финансово-промышленных холдингов (9 из которых федерального уровня), формирующих около 50 % ВРП Кемеровской области (не более 0,5 % всех предприятий). Доминирующим видом деятельности таких холдингов является, как правило, добыча полезных ископаемых, металлургическое производство. Вспомогательными отраслями являются: производство и распределение электроэнергии, газа, воды; транспорт; строительство; производство строительных материалов; машиностроение; сельское хозяйство и пищевое производство. Большинство крупных и средних холдингов ориентированы на самообеспечение основными товарами и услугами за счет открытия собственных дочерних предприятий или приобретения долей в действующих предприятиях, что значительно снижает возможности развития конкуренции.

Несмотря на то, что стратегия развития региона принята, до сих пор является актуальной именно

концепция кластерного развития территории с выделением центров развития горнорудной промышленности, центров инновационных производств и технико-внедренческих зон, Кемеровская область продолжает оставаться экспортно-ориентированным регионом Российской Федерации, в котором базовый сектор экономики составляет добыча и первичная переработка сырья. До настоящего времени также недостаточно развита инновационная инфраструктура, которая должна стать одним из основных источников привлечения инвестиций. При некоторых положительных тенденциях в части диверсификации экономики региона, сырьевая направленность продолжает оставаться доминирующей и в планах развития региона в перспективе.

Сложившиеся тенденции к усилению значимости малых и средних предприятий указывает на то, насколько важны для функционирования многих кластеров региональные ресурсы. Малые предприятия особенно зависят от местных условий, поскольку редко располагают ресурсами, достаточными для сотрудничества с широкой сетью партнеров. Механизмами косвенного регулирования и стимулирования процессов кластеризации в регионах ресурсного типа могут быть: формирование условий для кластеризации, включающих в себя создание инфраструктуры и стимулирование включения в состав кластера инновационной составляющей; законодательная поддержка кластерных инициатив, в

том числе разработка кластерной политики, направленной на развитие протокластеров; а также обеспечение равных условий конкуренции; формирование драйверов роста через стимулирование обменных процессов и развития кадрового ресурса и кооперации.

Кластерная политика в регионе должна учитывать не только базисные условия факторов производства, но и структуру взаимосвязей между секторами экономики, в том числе и обслуживающими сервисными секторами, формирующими добавленную стоимость.

Потенциал кластеризации в отраслях и включение в состав цепочки ценности именно малых предприятий имеет существенное ограничение, связанное со структурой промышленности и преобладанием вертикально-интегрированных групп в регионе. Согласно концепции развития малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области до 2025 года, для нивелирования рисков предполагается тесное взаимодействие систем управления крупного, малого и среднего бизнеса на основе производственно-технологических кластеров, а также решение вопросов подготовки управленческого персонала для малых предприятий в рамках программ поддержки малого предпринимательства в муниципальных образованиях Кемеровской области. Отмечается, что для снижения риска невостребованности продукции необходима реструктуризация каналов сбыта продукции местных товаропроизводителей с использованием инструментов логистики, формирования логистических кластеров, составной частью которых будут являться в том числе и малые предприятия. В то же время мировая практика выстраивания логистических комплексов и логистических компаний, в том числе дистрибуторских, показывает, что это крупные предприятия, поскольку необходим эффект масштаба. Кроме того, согласно схеме территориального планирования региона, проектное развитие транспортно-распределительных функций имеет почти исключительно внутриобластное значение. В системе Сибирского региона неблагоприятным для Кемеровской области является соседство с региональным организующим центром – Новосибирском, в связи с чем хозяйственный комплекс области неизбежно будет испытывать сильную конкуренцию в сфере межрегиональных транспортных и региональных непроизводственных инфраструктур.

Соответственно развитие малого предпринимательства в регионе с ярко выраженной промышленной специализацией и преобладанием вертикально-интегрированных структур в производстве имеет свои особенности.

Одним из перспективных кластеров в регионе, эффективно интегрирующий в себя, в том числе и малые предприятия, несмотря на количественные характеристики, может стать строительный кластер, который включает в себя малоэтажное строительство. Именно этот сегмент строительства имеет все ключевые факторы для кластеризации. Здесь, в отличие от других секторов региональной экономики,

активно развивается собственная инфраструктура, формируется круг поставщиков, быстрыми темпами идет внедрение новых технологий, имеется междunarодное сотрудничество. Малоэтажное строительство делится на два крупных направления: комплексная малоэтажная застройка и индивидуальное строительство домов населением. В частности, в Кемеровской области реализуется крупный проект по строительству города-спутника «Лесная поляна», вошедшего в перечень пилотных проектов РФ по отработке технологий комплексного освоения территорий. Строительство городов-спутников является новым явлением в современной России – по объективным причинам на протяжении последних 15 лет не было реализовано ни одного крупного проекта строительства городов. В советское же время строительство новых поселений велось в тесной связи с освоением природных богатств территорий, то есть города строились вокруг мест приложения труда. В Кемеровской области имеется сырьевая база для развития производства строительных материалов. Очевиден большой потенциал разработок нерудных полезных ископаемых: в области около 150 месторождений различных видов строительных материалов, из них эксплуатируется около 40 %.

Имеются запасы песчано-глиняных смесей, щебня, кирпичных керамзитовых глин, облицовочных камней. Также имеются значительные запасы талька и фосфоритов. На севере области расположены лесные массивы, пригодные для промышленного использования, работают деревоперерабатывающие предприятия. В сравнении с отдельными регионами СФО России лесной фонд Кемеровской области используется недостаточно интенсивно: анализ производства и потребления деловой древесины показал, что, несмотря на большие запасы спелых и перестойных лесов на территории области, уровень заготовки древесины не удовлетворяет потребностей лесоперерабатывающих предприятий. Однако на региональном уровне предусмотрено как экстенсивное увеличение объемов лесозаготовки, так и интенсификация процесса лесозаготовки и переработки. В краткосрочной и среднесрочной перспективе в области запланирована реализация ряда инвестиционных проектов, при этом особую роль для развития малоэтажного строительства в регионе имеют инвестиционные проекты в деревообрабатывающем комплексе и проекты, направленные на производство продукции с высокой добавленной стоимостью (гипсокартон, звуко- и теплоизоляционные материалы, минерально-ватные плиты, ячеистый бетон). В частности, было введено несколько новых кирпичных заводов, завод по производству кровли, щебеночные заводы, заводы по производству блоков из пенобетона, газобетона, специализированных конструктивов для малоэтажного строительства. Начато строительство двух новых цементных заводов.

Факторы развития кластера малоэтажного строительства относительно проекта «Лесная Поляна» можно представить в следующие группы:

– условия факторов производства в области производства строительных материалов – крупные

производители «традиционных» строительных материалов, доступное сырье, производители современных материалов, инвестиционные проекты по модернизации действующих производств и созданию новых;

– условия факторов производства в области малоэтажного строительства – крупные строительные организации, вспомогательные малые строительные организации, доступ к рекреационным ресурсам;

– географическая концентрация и близость – ключевые участники кластеров находятся в географической близости друг к другу и имеют возможности для активного взаимодействия на единой территории, наличие необходимой инфраструктуры, агломерационные процессы, в том числе за счет процессов развития пригородов;

– наличие связей и взаимодействия между участниками кластеров – рабочие связи и координация усилий между участниками кластера в рамках формальных сетевых организаций «Союз строителей Кузбасса», некоммерческое партнерство «Стро-

ительные предприятия малого и среднего бизнеса Кузбасса»;

– региональная политика – проекты комплексного освоения территорий и системной малоэтажной застройки, наличие программ стимулирования жилищного строительства;

– инновации – наличие специализированной организации проводника технологий (Кузбасский Технопарк);

– международная деятельность – проектирование города основано на канадском опыте.

Таким образом, сформировавшиеся в регионе предпосылки определяют базовые возможности для развития кластера.

Кластер малоэтажного строительства представляет собой протокластер малых и средних предприятий локального уровня, располагающих необходимым уровнем инновационности и взаимодействия, но не обладающий необходимой критической массой.

Рис. 1. Цепочка добавленной стоимости протокластера малоэтажного строительства в Кемеровской области

Для стимулирования становления полноценного кластера в регионе, перенесения успешного опыта на большее количество предприятий отрасли необ-

ходимо системное многоуровневое сотрудничество всех заинтересованных сторон, активное участие

Кемеровской области в существующих международных программах.

Формирующийся в Кемеровской области кластер необходимо рассматривать как единую систему увеличения добавленной стоимости в части производства строительных материалов и повышения качества и доступности жилья.

Цель развития кластера малоэтажного строительства и производства строительных материалов в Кемеровской области можно сформировать следующим образом: обеспечение плана ввода 50 % жилья за счет малоэтажного строительства, отвечающего современным требованиям по технологическим, стоимостным и эстетическим характеристикам.

Достижение цели необходимо осуществить за счет усиления конкурентных преимуществ отрасли малоэтажного строительства и производства строительных материалов посредством внедрения системы внутри- и межотраслевого взаимодействия, повышения объема межотраслевой информации и коммуникации, стимулирования спроса.

В стратегическом аспекте формирование кластера малоэтажного строительства дает возможность реализовать эффективный механизм повышения конкурентоспособности региональной экономики с точки зрения диверсификации региональной экономики.

Кластерная форма организации малоэтажного строительства и производства строительных материалов несет в себе очевидный потенциал улучшения статистических показателей региональной экономики (рост ВРП, повышение производительности труда). За счет усиления концентрации в отрасли возможно повышение уровня инвестиционной привлекательности предприятий отрасли. Кластер представляет собой единое бизнес-пространство, в рамках которого формируются общепринятые прозрачные «правила игры», что положительно скажется и на уровне инвестиционной привлекательности региона. Кластер малоэтажного строительства в Кемеровской области может явиться драйвером роста малого бизнеса, так как предполагает снижение транзакционных издержек при реализации крупных региональных девелоперских проектов.

В то же время развитие инфраструктуры малоэтажного строительства предполагает повышение уровня эффективности вложения бюджетных средств в инфраструктурные проекты в рамках комплексной малоэтажной застройки. У застройщиков увеличивается спрос на традиционные строительные материалы и возникает потребность в новых материалах, что приводит к увеличению уровня конкуренции между производителями строительных материалов.

Производители строительных материалов в условиях повышенной конкуренции в рамках кластера и растущего спроса на их продукцию увеличивают ассортиментный ряд, повышают качество готовых изделий, стремятся к снижению издержек производства, увеличению производительности труда, при-

меняя более эффективные малозатратные ресурсо- и энергосберегающие технологии производства. В результате снижается себестоимость производства строительных материалов, понижается их отгрузочная цена, что ведет к уменьшению стоимости одного квадратного метра жилья, делая его более качественным и доступным для населения.

Развитие кластера предусматривает активизацию смежных отраслей промышленности: машиностроительный комплекс, производство оборудования и инструментов, грузоперевозки, добыча нерудных материалов, система профессионального образования и т. д. Кластер стимулирует модернизацию строительной и смежных отраслей за счет создания устойчивых каналов передачи передовых знаний и обмена опытом в рамках единого технологического и информационного пространства.

Функциональное пересечение тесно взаимосвязанных отраслей малоэтажного строительства и производства строительных материалов в рамках кластера имеет синергетический эффект, воздействие которого положительно отразится на доступности жилья, что ведет к улучшению качества жизни населения. Потребитель (население), застройщики и предприятия – производители строительных материалов взаимодействуют в едином информационном пространстве.

Успех развития кластера напрямую зависит от проводимой в регионе кластерной политики. Таким образом, отправной точкой реализации региональной кластерной политики должен стать комплекс разработанных мероприятий для прохождения этапов становления и развития протокластера.

Совокупный синергетический эффект от работы предприятий в кластере заключается в усилении конкурентных преимуществ как в отрасли производства строительных материалов, так и строительстве малоэтажного жилья, что положительно сказывается на качестве жизни населения.

В стратегическом аспекте формирование кластера малоэтажного строительства дает возможность реализовать эффективный механизм повышения конкурентоспособности региональной экономики с точки зрения диверсификации региональной экономики.

Литература

1. Адамова, К. З. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности национальной экономики / К. З. Адамова // Вестник СГТУ. – 2009. – № 38.
2. Бекбузарова, Ф. М. – Х. Стимулирование региональной экономической политики при помощи кластерных технологий / Ф. М. – Х. Бекбузарова // Вопросы статистики. – 2009. – № 6.
3. Воротников, К. А. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности предприятий России / К. А. Воротников // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2010. – № 5(29).
4. Лаврикова, Ю. Г. Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом простран-

ве региона / Ю. Г. Лаврикова; Рос. акад. наук, Урал. от-ние; Ин-т экономики. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 229 с.

5. Проект «Концепция развития малого и среднего бизнеса в Кемеровской области до 2025 года» // www.ako.ru.

6. Сташевская, Г. Н. Формирование инновационного кластера на базе профильного технопарка / Г. Н. Сташевская // Инновации. – 2009. – № 4.

УДК 330.3

ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РЕНТЫ

Л. Л. Зобова

THE OBJECTIVE BASE OF THE «SPACE RENT» CATEGORY

L. L. Zobova

В статье рассматривается происхождение категории «пространственная рента» на основе методологии Новой экономической географии и теории экономики близости. Проанализированы причины, источники пространственной ренты и субъекты её присвоения.

The origin of the «space rent» category is examined in the article on the basis of the methodology of new economic geography and theory of the economy of proximity. Reasons and sources of space rent and the subjects of its appropriation are analyzed.

Ключевые слова: экономическое пространство, пространственная рента, географическая близость.

Keywords: economic space, space rent, geographical proximity.

В 2008 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена П. Кругману «За анализ торговых моделей и мест расположения экономической активности», т. е. за разработку проблем, так называемой Новой экономической географии. Это свидетельство того, что проблемы, связанные с вводом категории пространства в экономические исследования начинают осознаваться обществом как проблемы, требующие и всестороннего научного осмысления и практического решения.

В этом контексте находится и понятие пространственной ренты.

Категория ренты появилась в эпоху активного земледелия, когда физиократы считали ренту центральной категорией экономической науки. Эта категория хорошо изучена в экономической науке. Известно, что рента – это дополнительные выгоды, получаемые от использования *ограниченного ресурса* в общественном производстве. Из этого определения следует, что рента изначально связана с ограниченностью ресурса. Прежде всего, таким ресурсом является земля. При этом земля может быть рассмотрена и как ресурс (т. е. как потенциал), и как фактор производства. Д. Рикардо выделял два главных рентаобразующих фактора – различия в плодородии и местоположении, при этом уделял основное внимание фактору естественного плодородия. Ф. Лист, в противоположность этой точке зрения, считал местоположение решающим фактором. Рента и ценность земли везде увеличиваются пропорционально *близости* земельной собственности к городу, населенности последнего и развитию в нем фабрично-заводской промышленности, т. е. емкости внутреннего рынка [3, с. 13]. Таким образом, Ф. Лист использует дихотомию «далеко – близко» для анализа дифференциальной ренты по местоположению.

Современную экономику часто анализируют в связи с экономическими формами изъятия и перераспределения глобальной ренты. При этом обращает на себя внимание тот факт, что проблемы, связанные с пространственной рентой, в современных исследованиях рассматриваются, а определения категории пространственной ренты не дается.

Можно ли пространство по аналогии рассматривать как ресурс и как фактор производства и насколько правомерно говорить о степени его ограниченности? Насколько правомерно общепринятое определение ренты использовать для описания пространственной ренты?

Как правило, в научной литературе пространственная рента отождествляется с территориальной рентой. Либо часто ставят знак равенства между глобальной рентой и мировой пространственной рентой. При этом источником глобальной ренты полагают минимизацию транзакционных издержек [1]. Полагаем, что подобный подход не правомерен, поскольку не отвечает на принципиальные вопросы, связанные с возникновением и изъятием пространственной ренты.

Обратим внимание на то, что территориальная рента связана с наиболее выгодным местоположением субъекта на *объективно* существующей географической или(и) экономической территории. Пространственная рента генетически связана с территориями, но принципиально отличается тем, что пространство *субъективно* и дискретно.

Изначально необходимо дать определение экономического пространства. Однако в зарубежной и отечественной экономической науке пока нет общепринятого определения экономического пространства.

Ф. Перру исследуя природу экономического пространства, подчеркивал, что, во-первых, «эконо-

мическое пространство фирмы – это прежде всего структура связей, определяющая план этой фирмы и планы других фирм, и оно в основном не зависит от обычного пространства» [5, с. 84]. Кроме того, фирма может обладать пространством, определяемым как силовое поле. «В качестве такого поля экономическое пространство состоит из центров, из которых исходят центробежные и центростремительные силы. С этой точки зрения любое пространство – набор центров и место взаимодействия сил» [5, с. 84]. Поэтому возникает зона экономического влияния (фирмы), вне зависимости от того, совпадает ли она с соответствующей топографической зоной. В качестве примера Ф. Перру рассматривает деятельность фирмы Michelin во Франции и показывает, что топографическая зона её влияния заключена в рамках определенного региона, а зона её экономического влияния находится за пределами возможностей картографии.

Под экономическим пространством мы понимаем организованную среду, которая возникает в результате взаимодействия субъектов на определенной территории.

На основании такого подхода к определению экономического пространства остановимся на нескольких принципиальных аспектах, связанных с пространственной рентой, а именно – причине ренты, её источнике и субъектах присвоения.

Для выявления природы экономического пространства и пространственной ренты имеет смысл воспользоваться как классическими методологическими посылками в теории марксизма, так и методологией относительно нового экономического направления – «экономика близости».

В философии и физике оперируют парными категориями – «пространство – время». В современной экономической науке существуют понятия «экономика пространства» и «экономика времени».

Полагаем, что категория пространственной ренты – тот случай, когда для её понимания необходимо использовать пару «пространство-время».

Ещё К. Маркс показал значение пространственного фактора при анализе обращения капитала. Он подчеркивал, что обращение капитала происходит одновременно в *пространстве и во времени*. Раскрывая сущность движения капитала в пространстве, Маркс отмечает его стремление к ломке установленных границ: чем более капитал расширяется пространственно, тем активнее он становится. С другой стороны, на процесс дальнейшего накопления капитала большое влияние оказывает и скорость обращения. В процессе накопления капитала пространство и время имеют противоположные тенденции: чем больше капитал получает пространства для обращения, тем меньше времени он стремится на это затратить. Маркс утверждал, что в то время как капитал, с одной стороны, должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы обращения, т. е. обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы свести к минимуму то время, которое необходимо для продвижения товаров от одного места

к другому, уничтожив тем самым пространство. Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, который образует пространственную сферу обращения капитала, тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени [4, с. 130].

Следует обратить внимание на то, что Маркс не отождествляет пространство ни с физическим, ни с географическим пространством. Под пространством Маркс в данном случае понимает «сферу», «границы», «протяженность», формы связи и организации, в которых происходит движение капитала, при этом пространство зависит от своего содержания [4, с. 127]. Такое очень современное понимание экономического пространства позволяет использовать методологию Маркса применительно к современному пониманию пространственной ренты.

В начале 1990-х годов во Франции сложилась «Французская школа динамики близости» (French School of Proximity Dynamics). Благодаря французским исследованиям, указанная проблематика вошла в перечень актуальных тем мировой пространственной экономики.

Исследователи, которые работают над проблематикой близости, пытаются объяснить природу эффектов близости и способствовать внедрению пространственной переменной в социальные науки.

Эти авторы разделяют определение таких понятий, как «пространство», «сеть» и «территория». Они полагают, что термин «пространство» связан с физической близостью между акторами, термин «сеть» – с организованной близостью и, наконец, «территория» соответствует соединению физической и организованной близостей.

Из всех эффектов близости нас интересует географическая близость. Географическая близость, в первую очередь, связана с понятием «расстояние». Но на самом деле географическая близость может быть определена несколькими разными способами. Она может относиться к морфологическим характеристикам пространств, внутри которых протекает некая деятельность. Кроме того, географическая близость может говорить о наличии транспортной инфраструктуры, способствующей более или менее легкой доступности. И наконец, географическая близость может характеризовать богатство (финансовые ресурсы) индивидов, которые используют эту транспортную инфраструктуру. Линия скоростного поезда обеспечивает быстрое перемещение между двумя точками, но ее стоимость оказывается значительной для части населения, по крайней мере, в случае частых перемещений. Следовательно, географическая близость между лицами (или между лицами и точками) частично связана с транспортными затратами, частично – с богатством и доходами индивидов [6, с. 109].

Географическая близость нейтральна в своей сути. Именно деятельность человека и его восприятие сообщают ей положительную или отрицательную оценку, так же, как и некоторую полезность. Следо-

вательно, географическая близость активируется или мобилизуется действиями экономических и социальных акторов. В зависимости от стратегий или восприятия среды поведение и отношение акторов могут различаться с точки зрения географической близости. Точнее, акторы будут приближаться или удаляться от некоторых лиц (или некоторых мест) или же считать удовлетворительной или неудовлетворительной их географическую близость. В зависимости от последних обстоятельств, А. Торр выделяет соответственно две разновидности географической близости – искомую, или желательную, и нежелательную [там же].

Итак, чтобы найти ответы на вопросы о причинах пространственной ренты и её источниках, необходимо учитывать: 1) сущность самого экономического пространства, которое характеризуется круговой (закольцованной) причинной связью (circular causality), эндогенной асимметрией (endogenous asymmetry), катастрофической агломерацией (catastrophic agglomeration), пространственным гистерезисом (locational hysteresis) и 2) связку «пространство – время» [8].

Причина возникновения пространственной ренты в эндогенной асимметрии, неоднородности пространства как национального, так и мирового. Экономические пространства привлекают производство и людей по-разному, и этими различиями определяют географические диспропорции в доходах. Процесс развития в отдельных районах, странах и во всём мире носит волнообразный характер, а сформировавшийся в результате этого экономический ландшафт оказывается неровным: в одних районах – процветание, в других – бедность. Наш мир – не плоский [6]. Развитие – на любом географическом уровне – процесс негладкий и нелинейный. При этом однородность пространства не только не достижима, но более того – чрезмерное усиление или ослабление отдельных сторон пространства нарушает его целостность и может привести к застою или полной гибели.

Полагаем, что источником пространственной ренты, в отличие от территориальной ренты, является потенциальная возможность перемещения капитала (в том числе и человеческого капитала), игнорирующего экономические или административные границы для наиболее эффективного приложения капитала и дающая возможность получить выигрыш во времени. Земельная рента образуется и присваивается, как правило, в рамках национальных хозяйств, источник пространственной ренты не всегда жестко зафиксирован территориально.

В этом случае уместно говорить о потенциальной и реальной пространственной ренте. При этом надо разделить выгоды для экономической деятельности и выгоды для проживания. Таким образом, (1) количество субъектов присвоения пространственной ренты в современной глобальной экономике увеличивается; (2) следует различать субъектов, получающих ренту непосредственно (как правило, крупный капитал) и тех, кто получает ренту опосредованно (рента от местожительства). Например,

пространственную ренту по определению получают столичные города или города с некоторыми столичными функциями.

В современном глобальном мире в лучшем положении находится не тот, кто производит товары, а тот, кто управляет их потоками, кто привлекает финансы, права, наиболее квалифицированные кадры, кто придумывает и распространяет технологии. Для территории способность влиять на глобальные обмены конвертируется в стоимость активов, к которой добавляется своеобразная региональная рента: возможность более эффективно и диверсифицированно распорядиться финансами, получить большую плату за рабочую силу, обеспечить большую ликвидность недвижимого имущества и пр. Это выражается в направленности перемещения в пространстве экономической активности, когда одни регионы сознательно выносят за пределы своей территории определенные виды хозяйственной деятельности, передавая их на аутсорсинг другим территориям.

Остановимся более подробно на пространственной ренте от местожительства.

Часто полагают, что пространственную ренту можно извлекать, находясь в центре пространства. Иначе говоря, дихотомия «далеко – близко» находит выражение в дихотомии «центр – периферия». В результате создаётся впечатление, что так устроен мир. Бинаризм диктует схему "либо – либо". Сама постановка вопроса заставляет идти по пути упрощения. Но понятия «центр» и «периферия» всегда относительны, и данная дихотомия не может описать все случаи и богатство реалий. Неслучайно появился термин «полупериферия». Объективно напрашивается выделение состояния, которое объединило бы центр и периферию. Для методологии целостного подхода к сущности имеет смысл использовать триаду в качестве структурной единицы. Прежде всего потому, что диады явно недостаточно, а из всех более сложных структур триада – простейшая.

Может ли периферийное положение субъекта в пространстве быть источником ренты? Процесс экономической глобализации даёт положительный ответ. При этом подчеркнем, что доступность рынков измеряется не эвклидовым расстоянием, а экономическим.

Местожительство имеет значение на всех стадиях развития, но в богатой стране оно менее важно, чем в бедной.

Более того, по мере того, как страна богатеет, растёт значение местонахождения для производства. В Гане, Польше и Новой Зеландии – трёх средних по размеру странах, площадью около 25000 кв. км каждая, – резко различается валовой национальный доход на душу населения, который составляет соответственно около 600, 9000 и 27000 долл. США. На 5 процентах территории каждой страны с наивысшей экономической плотностью производится около 27 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) в Гане, 31 процент – в Польше и 39 процентов – в Новой Зеландии. Иначе говоря, с ростом уровня развития стран местонахождение значит меньше для

семей и больше – для компаний. Авторы доклада «О Мировом развитии – 2009 г.» подчеркивают, что развитие обеспечивает определенной местности возможность использовать экономические преимущества от растущей концентрации производства и получать социальные преимущества от выравнивания уровня потребления. Таким образом, экономическое развитие создаёт условия для дальнейшего процветания – возникает «благотворный круг». Еще одно общее наблюдение: имеет значение соседство. Окрестности процветающего большого города редко прозябают в нищете. Если одна провинция достигла экономических успехов, рано или поздно процветание распространится и на её соседей. А у стран-соседей общими бывают не только границы, но и экономические судьбы. Сегодня Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия – это регионы с процветающей экономикой. Вместе с тем процветание ведёт к «перенасыщенности» экономики; вследствие этого происходит «перелив» экономической активности, но только в определенные районы. Таким образом, бывший центр утрачивает свои преимущества центра. Деление глобального пространства на центр и периферию зачастую предполагает меры по обеспечению большей территориальной сбалансированности экономического роста. Предлагаются меры по увеличению темпов сокращения разрыва в доходах между городом и деревней. Отстающим в экономическом развитии местностям и областям предлагается оказывать поддержку в рамках программ территориального развития, предусматривающих создание рабочих мест для местного населения. Лейтмотив доклада «О мировом развитии – 2009» иной: экономический рост редко бывает сбалансированным. Стремясь устранить неравномерность размещения производства внутри своих стран, правительства подрывают их конкурентоспособность и ставят их под угрозу коллапса развала. Политика сокращения диспропорций в производстве и уровне жизни между территориальными единицами страны проводится сплошь и рядом, но по большей части не даёт результатов. Таким образом, стремление получить дополнительный доход от близости к «центру» может обернуться своей противоположностью.

В советскую эпоху государство ценой огромных усилий добилось сокращения с 65 до 32 процентов доли старых индустриальных районов – Санкт-Петербурга, Центра и Среднего Урала. В результате целенаправленного перемещения производства на восток доля восточных районов в производстве резко увеличилась с 4 процентов в 1925 году до 28 процентов в конце советского периода, причем территориальная неэффективность, к которой привели эти усилия, по мнению авторов Доклада, веро-

ятно, приблизила крах социалистического строя [2, с. 33].

Исходя из этого принципа, в Докладе переосмысливается дискуссия об урбанизации, территориальном развитии и международной интеграции и содержится призыв к смене ориентации политики от географической адресности к интеграции. Применяя точно выверенное сочетание институтов, инфраструктуры и мер политики, те, кто сегодня управляет процессом развития, смогут перестроить экономическую географию. И если им это удастся, результатом будет неравномерный экономический рост и одновременно развитие в интересах всего населения планеты.

Таким образом, на основе интеграции различных методологических подходов и не претендуя на исчерпывающий ответ, можно охарактеризовать категорию пространственной ренты, её причины, источники и субъекты её присвоения. Пространственная рента – это потенциальные дополнительные выгоды, возникающие от эндогенной асимметрии, неоднородности экономического пространства. Источником пространственной ренты является местоположение субъекта в неоднородном пространстве, в том числе и периферийное, поэтому субъекты присвоения достаточно многообразны.

Литература

1. Бекетов, Н. В. Пролиферация альтернатив научного знания: экономическое пространство / Н. В. Бекетов // «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». – 2007. – № 4.
2. Доклад о мировом развитии 2009 «Новый взгляд на экономическую географию». – М.: Весь Мир, 2009. – 384 с.
3. Лист, Ф. Национальная система политической экономии / Ф. Лист. – М.: Европа, 2005. – 382 с.
4. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, ч. 1. – М.: Политическая литература, 1983.
5. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / Ф. Перру // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – 84 с.
6. Украинский, В. Н. Современная французская пространственная экономика / В. Н. Украинский // Пространственная экономика. – 2011. – № 2. – 109 с.
7. Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI века / Т. Фридман. – М.: Хранитель, 2006. – 601 с.
8. Gianmarco, O. Thisse New Economic Geography: what about the N? / O. Gianmargo // Environment and Planning. – A – 2004, 37(10) 26 January.

УДК 338.49

**МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЭЛЕКТРОСЕТЕВОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА
В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ****А. М. Лавров, И. А. Унщикова****MANAGEMENT MODEL OF A REGION'S POWER SUPPLY NETWORK ECONOMY DEVELOPMENT
IN MARKET CONDITIONS****A. M. Lavrov, I. A. Unshchikov**

Предлагается модель управления развитием электросетевого хозяйства региона. Определены блоки привлечения инвестиций в развитие электросетевого хозяйства региона. Показана роль менеджмента и маркетинга в реализации инвестиционных проектов и программ.

The management model of a region's power supply network economy development is provided. Blocks of investments attraction into a region's power supply network economy development are defined. The management and marketing role in realization of investment projects and programmes is shown.

Ключевые слова: модель управления, менеджмент, маркетинг, инвестиции, регион, электросетевое хозяйство.

Keywords: management model, management, marketing, investments, region, electronetwork economy.

Развитие конкуренции на рынке инвестиций в строительство (реконструкцию) электрических сетей заставляет предприятия искать новые подходы к разработке инвестиционных предложений и проектов, удовлетворяющих спросу инвесторов (покупателей). Условия рынка диктуют новые требования к характеристикам инвестиционных предложений, к поиску новых подходов к управлению развитием электросетевых компаний.

В этой связи нами предлагается к рассмотрению многоуровневая система управления развитием таких предприятий в рыночных условиях. Выбраны три уровня управления: микро-, мезо- и макро-. На каждом уровне выделены территориальные и отраслевые аспекты управления. В качестве базовых инструментов управления приняты следующие виды маркетинга: территориальный, отраслевой, инвестиционный маркетинг. Их горизонтальная и вертикальная интеграции позволяют получить значительный синергетический эффект.

На каждом уровне управления с использованием методов территориального и отраслевого маркетинга формируются территориальные (ТКП) и отраслевые (ОКП) конкурентные позиции соответствующих объектов управления. Так, на микроуровне управления формируются ТКП и ОКП электросетевого предприятия. На муниципальном подуровне – ТКП и ОКП муниципального образования. На региональном подуровне – ТКП и ОКП региона и т. д.

Горизонтальная интеграция территориального и отраслевого маркетинга позволяют формировать территориально-отраслевые конкурентные позиции (ТОКП), которые являются основой для формирования инвестиционных предложений. Для их доработки до уровня инвестиционных проектов, программ и последующей «раскрутки» и реализации предлагается использовать инструменты инвестиционного маркетинга. Он, таким образом, на каждом уровне управления интегрируется с территориальным и отраслевым маркетингом.

Затем предлагается вертикальная увязка и согласование всех комплексов интегрированного маркетинга по уровням управления снизу вверх (рис. 1). Это позволяет всем уровням управления говорить «на одном языке» и принимать согласованные решения в одном формате в области инвестиционной деятельности.

Электросетевые компании стараются по возможности приумножить конкурентные позиции путем вертикальной интеграции. Согласование инвестиционных программ и лоббирование интересов компании перед крупными инвесторами на макро- и мезоуровнях управления удобнее осуществлять ввиду прямой зависимости социально-экономического развития соответствующей территории с вопросами развития электросетевой отрасли на данных территориях.

Стоит отметить, что вертикальная интеграция ТОКП различных уровней управления целесообразна при разработке и осуществлении приоритетных муниципальных, региональных, окружных и национальных проектов. Такими проектами могут быть, например, строительство крупных промышленных комплексов, масштабных жилых поселений. Суть вертикальной интеграции в данном случае сводится к интеграции территориально-отраслевых конкурентных преимуществ разных уровней управления. Например, конкурентные территориально-отраслевые преимущества предприятий на микроуровне управления развитием сетевого комплекса формируют и являются частью территориально-отраслевых конкурентных позиций муниципального образования. Конкурентные территориально-отраслевые преимущества муниципального образования формируют и являются частью территориально-отраслевых позиций региона и т. д. по вертикали многоуровневой системы управления.

При реализации такого подхода развитие конкурентных позиций на более низких уровнях управления приводит к упрочнению и улучшению конкурентных позиций на более высоких уровнях. Это становится основой разработки приоритетных инве-

стиционных проектов и программ на разных уровнях управления.

В качестве примера рассмотрим модель интеграции маркетинга на микроуровне управления (рис. 2).

Первый блок. Анализ и оценка ТКП и ОКП.

С позиций территориального маркетинга выделяются для анализа следующие территориальные конкурентные позиции электросетевого предприятия:

ТКП1 – местонахождение предприятия;

ТКП2 – общий размер территории предприятия, пограничные территории;

ТКП3 – природно-ресурсный потенциал: земельные ресурсы, лесные ресурсы, водные ресурсы, воздушные ресурсы;

ТКП4 – инфраструктурный потенциал (помимо электрических сетей): системы водоснабжения и канализации, транспортная сеть, сеть зданий и сооружений, элементы социальной и финансовой инфраструктуры и т. д.

С позиций отраслевого маркетинга идет оценка отраслевых конкурентных позиций:

ОКП1 – общая протяженность электрических сетей по группам напряжения;

ОКП2 – зоны обслуживания, охват территорий муниципальных образований, регионов в границах функционирования предприятия;

ОКП3 – физический и моральный износ основного технологического оборудования;

ОКП4 – общие и нормативные потери в электрических сетях по группам напряжения;

ОКП5 – уровень внедрения энергосберегающих технологий и оборудования;

ОКП6 – возрастной состав и квалификация персонала;

ОКП7 – структура ремонтных программ;

ОКП8 – инвестиционная деятельность;

ОКП9 – финансово-экономические показатели и т. д.

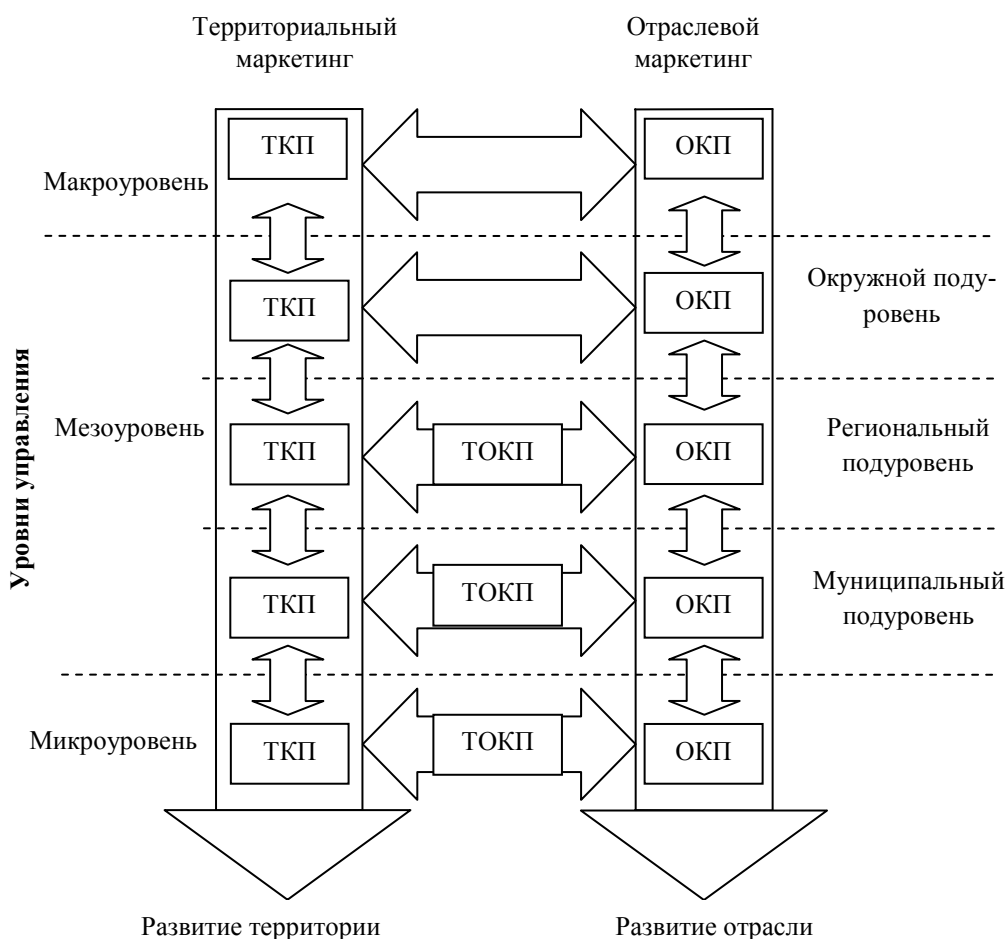

Рис. 1. Модель многоуровневой системы управления развитием электросетевых компаний

Второй блок. Формирование инвестиционных предложений

Оценка и сопоставление территориальных и отраслевых конкурентных позиций с ТКП и ОКП других электросетевых компаний позволяют выявить

сильные и слабые стороны предприятия в территориальном и отраслевом разрезе, т. е. произвести первый этап SWOT-анализа.

В целях формирования конкурентных направлений развития компании целесообразно провести

STEP-анализ. STEP-анализ – это маркетинговый инструментарий, предназначенный для выявления социальных (Social), технологических (Technological), экономических (Economic) и политических (Political) факторов внешней среды, которые влияют на развитие бизнеса компании. Всесторонняя оценка этих факторов позволяет выявить возможности и

угрозы в развитии компании, интегрировать территориальные и отраслевые конкурентные преимущества (ТОКП), которые и становятся основой инвестиционных предложений.

Третий блок. Разработка инвестиционных проектов, программ и активное привлечение инвестиций.

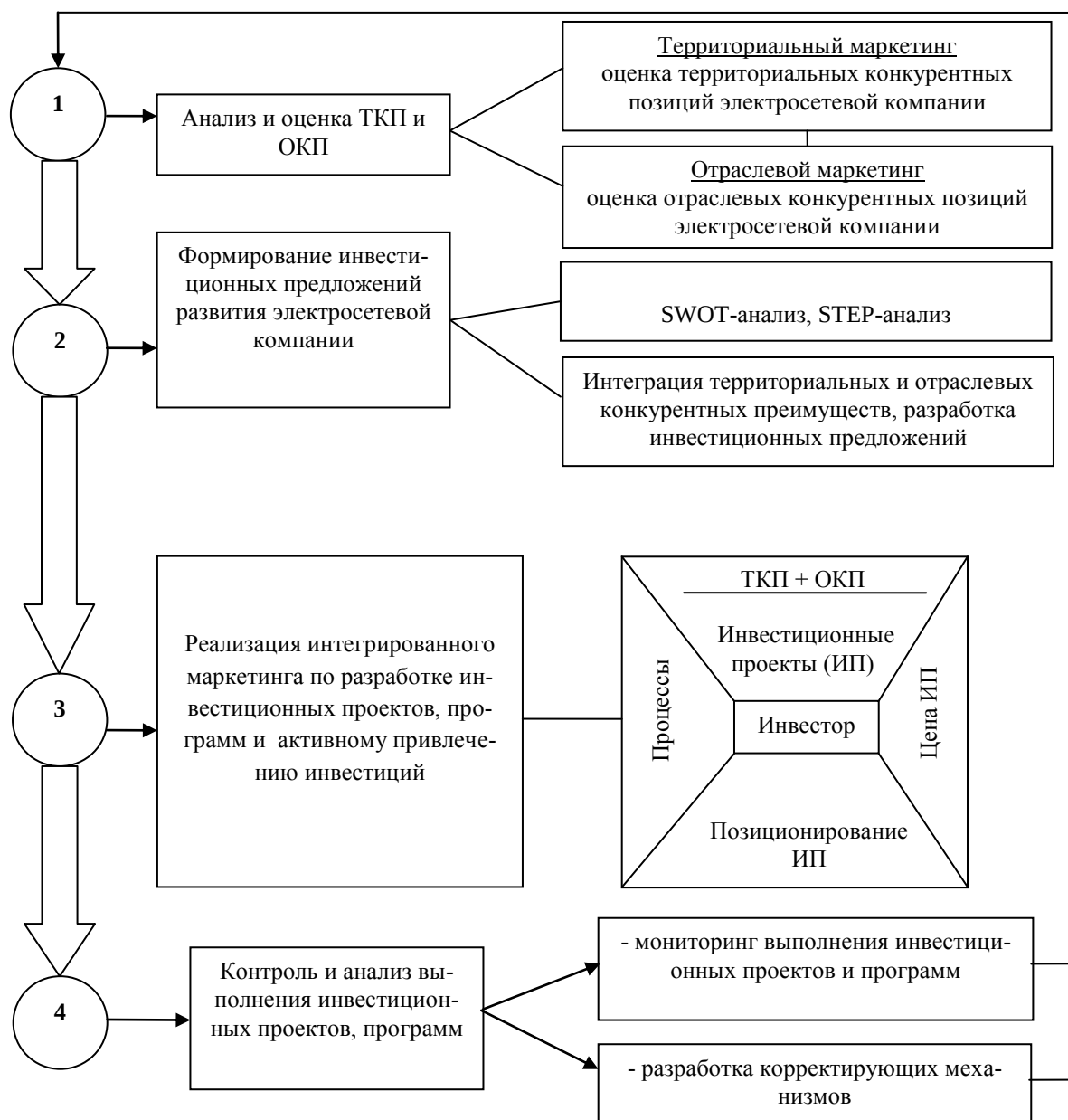

Рис. 2. Схема организации интегрированной маркетинговой деятельности в электросетевой компании

В данном блоке инвестиционные предложения дорабатываются инвестиционными подразделениями компании до уровня инвестиционных проектов и программ. При этом учитываются наиболее весомые конкурентные преимущества предприятия и требования потенциальных инвесторов.

Выбранный подход к разработке инвестиционных проектов и программ определяет содержание комплекса интегрированного маркетинга на основе

горизонтальной интеграции территориального, отраслевого и инвестиционного маркетинга.

Интегрированная маркетинговая деятельность должна быть направлена на активную работу энергокомпании на рынке инвестиций, на замешивание «смеси» интегрированного маркетинга для каждой группы и даже отдельного инвестора.

Особенности инвестиционного проекта как товара для развития электросетевой компании состоят в том, для продажи предлагаются новые мощности

или объекты строительства (реконструкции) участка электрических сетей, необходимые для технологического присоединения покупателя к сети.

Экономически обоснованная цена на товар (инвестиционный проект) формируется как на стадии разработки продукта, так и на стадии его согласования и утверждения региональными регулирующими органами, учитывая монопольный характер основной деятельности электросетевой компании.

Умелое позиционирование конкурентных преимуществ на рынке инвестиций позволяет значительно повысить имидж организации. Это важно с точки зрения удовлетворения растущего потребительского спроса на технологическое присоединение, формирования положительных откликов целевых аудиторий. Повышению имиджа сетевых организаций на инвестиционном рынке значительно способствуют качество оказываемых услуг по основной операционной деятельности, их дополнительный ассортимент и гарантии.

В модели интегрированного маркетинга основные процессы включают:

- процесс формирования и оценки ТКП и ОКП;
- процесс взаимодействия с инвесторами;
- процесс согласования и лоббирования интересов компании с мезо- и макроуровнями управления;
- процесс саморазвития системы интегрированного маркетинга.

Четвертый блок. Контролинг выполнения инвестиционных проектов и программ

Этот блок в системе интегрированного маркетинга предполагает стандартные процедуры организации мониторинга выполнения инвестиционных проектов и программ, анализ причин отклонений, корректировку программных документов.

Можно констатировать, что развитие маркетинга в электросетевой отрасли, несмотря на существующие особенности и ограничения, напрямую связано с развитием конкуренции на инвестиционном рынке. Одним из главных направлений маркетинговой деятельности в управлении развитием отрасли становится разработка и продвижение инвестиционных проектов развития электрических сетей на основе интеграции на микроуровне управления территориального, отраслевого и инвестиционного маркетинга, оценки территориально-отраслевых конкурентных позиций сетевых компаний в рамках предложенной модели.

В целом можно заключить, что инвестиционные проекты строительства новых электросетевых активов, разработанные с ориентацией на ТОКП сетевой компании являются наиболее заманчивыми для инвесторов, которыми зачастую выступают органы региональной и муниципальной властей. Поэтому данный подход в разработке инвестиционных продуктов, на наш взгляд, выглядит наиболее эффективным в системе многоуровневого управления развитием электросетевого комплекса региона.

УДК 330.812

СТАРЕЮТ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ?

А. Д. Леванов

ARE ECONOMIC DOCTRINES GROWING OLD?

A. D. Levantov

В статье критикуется утверждение о старении экономических учений. На примере меркантилистских взглядов доказывается, что хронологически давние учения содержат современное познавательное значение.

The article criticizes the proposition of economic doctrines growing old. The example of mercantilism shows that chronologically old doctrines contain new modern meaning.

Ключевые слова: актуальность учений прошлого, всесторонний анализа трудов экономистов-исследователей.

Keywords: urgency of the past doctrines, the all-round analysis of economic researches.

Любая наука имеет свою историю. Из этого факта следует, что она прошла в своём развитии ряд этапов, что у неё есть прошлое, которое позволяет говорить о старении её выводов и появлении более новых положений. Исторический аспект, надо полагать, специфичен в отношении различных отраслей наук, что обусловлено разным удельным весом прикладного или фундаментального значения науки в той или отрасли, а также внутринаучными особенностями и внешними условиями её развития. Вместе с тем общим для истории всех наук является ретроспективный анализ видоизменений в знаниях и способах их получения. Это также и описание хода ис-

следований, краткая или развёрнутая информация о его результатах, указание новизны позиций, характеристика деятельности авторов открытий. Необходимым элементом исторического изложения является сравнение последнего открытия с предшествующими. Сделать это можно только при условии всестороннего знания работ экономистов прошлого и современности. А это значит, надо владеть многими языками и иметь возможность изучать первоисточники.

Исторический подход позволяет также увидеть параллельные варианты достижения похожих научных результатов. Наконец, само формирование ис-

торического материала является непрерывным процессом, хотя его интенсивность может быть различной. Соответствует ли указанным характеристикам возникновение и развитие экономической науки?

В истории экономической мысли и экономических учений важную роль играет хронологический ряд. Его начало имеет двойное толкование, поскольку в нем выделяется предыстория и собственно начало истории.

Относительно предыстории отметим следующее.

Доказано, что возникновение первых понятий, суждений и умозаключений экономического толка относится к V – IV в. до нашей эры. Их географическое пространство охватывало юг Европы, Ближний Восток, Индию и Китай. Среди мыслителей этого периода называют имена греков Ксенофонта, Платона, Аристотеля. К источникам экономических знаний того времени относят и нормативно-законодательные документы – наставления, предписывающие указания, традиции. Небольшим приростом экономических знаний ознаменовалось и средневековье. Длительный отрезок времени (почти два тысячелетия) является предысторией, поскольку экономический анализ, как мы его понимаем ныне, ещё не сформировался. Он не выделился в особое, отдельное направление знаний. Преобладала констатация событий, описание фактов хозяйственных отношений. Эти факты зачастую соседствовали с наблюдениями морально-нравственного характера. К описаниям некоторых проявлений экономики человечество обращалось при различных поводах: в ходе написания философских трактатов или, как уже говорилось, в письменных нравоучениях, в законах. Даже Библия содержит указания на элементы хозяйственных отношений и оценки товарно-денежных отношений.

Начало же непосредственной истории экономической теории положила меркантилистская система (с XVII в.), география которой включала многие европейские страны и Россию. По традиции эта система содержала много рекомендательных положений, а их значимость даже даёт основание для оценки меркантилизма не как теории, а как прикладной, практической системы. Однако научная общественность резонно принимает меркантилизм как первое экономическое учение, с которого начался отсчёт экономической науки.

С тех пор развитие экономической науки шло с некоторым ускорением. К настоящему времени число экономических теорий, концепций и доктрин перевалило за полтора десятка. Мы не ставим задачу изложить всю историю возникновения и развития экономических учений. Остановимся лишь на наиболее важных закономерностях этих процессов, которые связаны с тематикой статьи.

Старение справедливо связывают с потерей актуальности, то есть с потерей востребованности. Но оценка экономических теорий с этой позиции является не столь однозначной как кажется на первый взгляд.

Старение имеет несколько значений. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой процесс старения иллюстрируется разными примерами, но основная параллель проводится по отношению к возрасту человека. Здесь при разных проявлениях старения исходным является хронологический ряд жизни человека: детство, юность, молодость, зрелость, старость. На последнем этапе происходит постепенное ослабление деятельности организма, а потом наступает и смерть. Венец жизни человека, как справедливо заметил великий русский писатель И. А. Бунин, это память о нём.

Возникает естественное желание применить эту схему и к экономическим учениям. В целом этот подход имеет место в работах экономистов-историков, и он действительно даёт представление о возникновении, развитии экономических идей и о их сменяемости.

Но такой подход упрощает процесс становления истории экономической мысли: что применимо к жизни человека не всегда отражает последовательность, закономерности научного поиска, формирование его результатов и соотношение с действительностью. Старение отражает движение во времени некой материально-осязаемой субстанции – человека, населения, живой и неживой природы. Подвластны ли ему продукты идеальной мыслительной деятельности людей, каковой является и экономическая теория?

Обратимся для ответа на этот вопрос к наиболее давнему, первому в экономической науке, учению – к меркантилизму.

Как отмечалось, первое концептуальное осмысление экономических отношений связано с меркантилизмом – коммерческой, по словам А. Смита, системой. Известно, что сторонники этого учения проводили непосредственную связь между богатством страны и торговлей. Страна, которая поставляет на мировые рынки своих представителей – перекупщиков (коммерсантов), может рассчитывать на получение торговой прибыли: золота и серебра. Но это аксиома всякой торговли, к которой было привлечено внимание ещё Аристотелем (его рассуждения о хрематистике).

Меркантилизм привлёк внимание многих представителей науки и практики. К числу первых аналитиков этого учения относятся У. Петти, Дж. Локк, Р. Кантильон, А. Смит. В XIX – XX веках таковыми были В. Рошер, Дж. М. Кейнс, Й. Шумпетер, Р. Хекшер и другие. Выводы и оценки у них были разными, но преобладающим объектом внимания были золотоденежные потоки и торговый баланс. Многочисленность различных толкований теоретических обобщений меркантилистов и практики их реализации породили отнюдь не лестную оценку торговой концепции. Так, согласно М. Блаугу, одному из современных историков экономической мысли, меркантилизм получил своё первое название как «громоздкого чемодана» и «гигантского теоретического пузыря» [1, с. 9]. Последующие оценки в основном ориентировались на противоречия, со-

державшихся в работах представителей этого учения. А по мнению Р. Хекшера, меркантилизм вообще нельзя считать систематическим учением. Но даёт ли подобный вывод основания назвать теорию меркантилизма устаревшей?

Представители меркантилизма в разной степени, но указали и доказали необходимость разностороннего подхода к определению содержания и форм торговли, её причин и условий развития. Обратимся к непосредственным рассуждениям идеологов и разработчиков этого учения.

Таковым, в частности, был англичанин Н. Барбон (1640 – 1698). В «Очерке о торговле» он пишет: «Причиной, почему многие не имеют правильного представления о торговле, является то, что они применяют свои рассуждения к отдельным отраслям торговли, в которых они больше всего заинтересованы. Найдя наилучшие правила и законы для этой отдельной отрасли торговли, они применяют те же рассуждения для создания всего великого дела торговли и, не размышляя о несоответствии частей и целого, получают весьма неприятные результаты. Точно так же тот, кто выучился рисовать хорошо глаз, ухо, руку и другие части тела, но неопытен в законах симметрии, соединив эти отдельные части, получает очень безобразное тело» [4, с. 28].

Из этой цитаты следует, что Н. Барбон – сторонник комплексного подхода к рассмотрению торговых процессов как главного условия научного анализа. Им указано также на необходимость различать в этом анализе свойства общего и особенного. Согласимся, что эти две позиции отнюдь не устарели.

В этом же очерке мы найдём современный методологический приём: указание на наличие в экономических отношениях микро- и макроуровней. Здесь рассматривается соотношение таких понятий, как полезность, потребность, ценность и цена, которые являются неперенным условием знания как общих основ экономики, так и раздела по микроэкономике, содержащегося в современных учебниках.

Эта же работа предвосхитила (за два с половиной века!) структуру потребностей, предложенную американским экономистом А. Маслоу. Чтобы не быть голословным вновь процитируем Н. Барбона. «Полезность вещей, – пишет он, – заключается в том, чтобы удовлетворять нужды и потребность человека. Существует две главные потребности, с которыми человек рождается; это – потребности тела и потребности духа... Товарами, полезными для удовлетворения потребностей тела, являются все те предметы, которые... полезны для удовлетворения трёх главных потребностей человека: в пище, одежде и жилище.

Товарами, которые... удовлетворяют потребности духа, являются все те вещи, которые удовлетворяют желания... Это аппетит души, он является столь же естественным для души, как голод для тела.

Потребности духа бесконечны. Человек, естественно, стремится вперёд, и по мере того, как дух его возвышается, его чувства всё более уточняются и становятся более способными к восхищению. Его

желания расширяются и его потребности возрастают с его желаниями...» (4, с. 29.)

Нельзя оставить без внимания механизм ценообразования, подмеченным этим экономистом. По мнению Н. Барбона, «цена, назначаемая ремесленником, составляется подсчётом стоимости материалов и времени, затрачиваемого на работу. Цена времени соответствует ценности искусства и труда ремесленника. Но лучшим судьёй ценности товара является рынок, так как при стечении покупателей и продавцов лучше всего узнаётся количество товаров и потребность в них. Вещи стоят как раз столько, за сколько их можно продать» (4, с. 30).

Из последнего отрывка следует, что Н. Барбон формулирует принцип образования равновесной цены, или закон спроса и предложения. Нет необходимости доказывать, что все современные учебники по экономической теории не обходятся без описания этого закона, хотя с весьма большими дополнительными комментариями и пояснениями.

Как видим, экономическая теория в учениях меркантилизма была обогащена достаточно полновесными и значимыми по сей день положениями.

Но можно ли сказать такое же в отношении метода и методологии экономических исследований?

Наиболее очевидной и замечаемой стороной меркантилизма является его практическая направленность. В недалёком прошлом «виной» этого учения считали его ограниченность: кроме денежной формы экономических отношений никакой другой формы в нём якобы не использовалось, и преобладал эмпирический и описательный методы. Но вновь обратимся к непосредственным источникам – работам представителей этого учения.

Есть все основания считать, что они достаточно хорошо владели структуро-системным анализом, абстрактно-логическим методом, категориями общего и особенного, компаративистскими приёмами.

Показательны в этом отношении рассуждения А. Серры (Италия, рубеж XVI – XVII вв.).

В «Кратком трактате о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов» он предлагает следующую структуру упомянутых средств: они делятся на естественные и искусственные. Искусственные состоят из специфических и обычных. Обычные, в свою очередь, делятся ещё на четыре группы. К естественным относится наличие рудников драгоценных металлов в стране. «Специфические средства – те, которые присущи определённому государству и не встречаются в других государствах. Специфические средства, которые могут доставить государству изобилие золота и серебра, сводятся преимущественно к двум: во-первых, – это избыток продуктов сельского хозяйства... Другое специфическое средство – местоположение государства в отношении других государств и частей света. Это местоположение может быть важнейшим условием и даже причиной большой торговли...» [4, с. 20]. Группы обычных средств выглядят так: первая – количество ремёсел; вторая – характер населе-

ния; третья – размеры торговли; четвёртая – политика правителей.

Опустим дальнейшие пояснения этих средств. Но они вполне могут быть оценены как первооснова смитовского положения об абсолютных преимуществах как причине торговли между странами. Аналогичным образом применимы они и к теории международной торговли Д. Рикардо.

Из этого краткого обзора теоретических позиций меркантилизма следует, что некоторые из них не поддаются старению, то есть потере возможностей полно и всесторонне объяснять окружающую действительность. Но тогда почему же в истории экономических учений преобладает убеждение в слабости и неактуальности меркантилистской системы? Позволим высказать на этот счёт несколько соображений.

Представляется, что первостепенное значение в этом играет малоизученность всех источников – трудов идеологов этого учения. Второе обстоятельство – увлечение критикой результатов политики государств, которые использовали идеи сторонников коммерческого учения. С позиций современности легко увидеть изъяны в последствиях усиленного внимания правителей государств к обогащению казны, в методах регулирования внутренней и внешней торговли. Практика реализации идей меркантилизма была, безусловно, неоднозначна. С одной стороны, приток в экономику страны денежного материала способствовал развитию рыночного хозяйства. Функция мировых денег, которая стала отчётливо проявляться со времён великих географических открытий, действительно наделяла деньги ролью всеобщего мирового эквивалента стоимости товаров, всеобщей в мировых масштабах покупательной способностью. Обладать деньгами означало возможность приобрести различные желаемые товары, а значит, приумножать свое либо государственное богатство. С другой стороны, государственный контроль за движением денег и множество фискальных мер, которые были в основном направлены на пополнение королевской казны, а также политика активного торгового баланса сводили на нет положительное значение поступления денег в страну. Наконец, пополнение сферы обращения деньгами послужило началом инфляционным процессам – к росту товарных цен. Отсюда и двойственность и последствий, и оценок меркантилизма. Несомненно, что появлению учения физиократов стало ухудшение экономической ситуации во Франции к началу XVIII века.

Процесс торговли, будучи необходимым элементом экономики, неоднозначен и с морально-нравственных позиций. Торговле сопутствовали (и в ряде случаев сопутствуют ныне) контрабанда, жёсткая конкуренция, нарушения норм и правил взаимодействия агентов, криминальные проявления. Трагическая картина сломанных людских судеб предстаёт в повести немецкого писателя Б. Брехта в его пьесе «Мамаша Кураж и её дети», которая была порождена «слиянием» торговли и войны.

Отметим, что одним из авторитетных критиков меркантилизма был А. Смит, что и послужило, полагаем, в дальнейшем сдерживающим факторов дополнительных, самостоятельных оценок в отношении этого учения. Отсюда и третье обстоятельство: односторонность в оценках оказалась удобным средством подчеркнуть прогрессивность и классической школы, и всех других школ. Не исключено поэтому, что однажды предложенное толкование стало транслироваться во многих учебниках как неоспоримое. Возможно, что только Дж. М. Кейнс нарушил это правило в тридцатых годах XX века, который счёл необходимым вновь обратиться к учению меркантилизма. По мнению этого учёного, нужно было учесть выводы меркантилизма для проведения научно обоснованной денежно-кредитной политики.

Выводу о старении первого экономического учения поспособствовал и ряд косвенных обстоятельств. К ним, в первую очередь, относится то, что в учебниках по истории экономических учений содержится её упрощенно-схематизированный шаблон, в рамках которого по сей день излагается содержание этой теории. Меркантилизм предстаёт в них в виде одного-двух обобщений: богатство общества – это денежный металл, а способ его получения – торговля. Обязательным дополнением к этому определению является указание на два этапа в развитии меркантилизма: в первом преобладало стремление к активному денежному балансу, во втором – активному торговому балансу. Ясно, что в современных условиях, когда появились дополнительные формы и источники богатства, такое определение выглядит ограниченным. Но ведь и ныне этот источник богатства не исчез. Им пользуются многие страны мира и в ближайшей перспективе отказываться от него не собираются. Предложенные в XVI – XVII веках меры протекционизма актуальны и поныне.

Однако поздние исследования значения меркантилизма не столь категоричны в его оценке. Многие зарубежные учёные относят к рациональным элементам теории меркантилизма их стремление доказать необходимость стабильного денежного средства, создание основ количественной теории денег, указание на зависимость между величиной денежной массы и ставкой процента и ряд других.

Процесс старения имеет несколько проявлений. В упомянутом «Толковом словаре русского языка» к ним, например, относятся старение моды и вкусов, старение металлов, старение населения. Стареет одежда, материалы, постройки и сооружения, поскольку они теряют свои качественные, потребительские свойства и не могут выполнять своё предназначение. Предметы и вещи, долго бывшие в употреблении, приходят в негодность. Но в отношении многих положений меркантилистской теории этого сказать нельзя: они не являются вещами и чувственно осязаемыми предметами.

Старость определяется ещё и как нечто давнее, существующее на протяжении длительного периода времени. Этот аспект, полагаем, даёт основание для

нового видения и ответа на вопрос о том, что представляет собой старение экономических учений. Полагаем, что здесь правомерно указать на различие смысла в словах «старая» теория и «устаревшая» теория (В. А. Канке). Понятие «старая» в этом случае говорит о многолети её существования. Понятие «устаревшая» подразумевает действительную потерю влияния теории на науку и практику современности. Причина старения в том, что теория опиралась на факты и действительность, которые стали архаичными.

В связи с последним подходом к пониманию старения науки следует поддержать точку зрения, высказанную В. А. Канке. По его мнению, наряду с хронологическим принципом описания возникновения и развития науки – «научно-теоретический ряд», следует использовать и принцип «научно-теоретического строя». Последний подразумевает «не сумму нескольких отдельных теорий, а их синтез» [2, с. 30]. Он представляет собой научно-логическое движение от современных концепций к ранее существовавшим, т. е. предстаёт противоположностью анализу от прошлого к настоящему. В этом случае восхождение анализа идёт не от простого к сложному, а от сложного к простому. Появляется возможность интерпретировать прошлые теории с позиций тех достижений, которые демонстрирует современная наука. В качестве примера применения такой интерпретации укажем на приведённые выше положения меркантилизма факторного анализа, ценообразования, структуры потребностей как начал микроэкономики, а движение золотоденежных потоков, торговый баланс, причины инфляции – это

категории макроанализа. Тем самым мы наделяем давнее учение современными чертами и не даём ему устаревать. Невозможно считать старым начало научного знания. Если научные знания когда-либо окажутся конечными, тогда, согласимся, теории устареют.

Поддерживая правомерность существования научно-теоретического строя, полагаем, что дискуссионным является предложение В. А. Канке излагать курсы по истории любой отрасли науки в той последовательности, которая предусмотрена этим строем. Но вопрос о его реализации, безусловно, заслуживает внимания.

Литература

1. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг: [пер. с англ.]. – М., 1994.
2. Канке, В. А. Философия экономической науки: учеб. пособие для вузов [Текст] / В. А. Канке. – М., 2007.
3. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков в 5 т. [Текст] / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов // Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М., 2004.
4. Развитие метода политической экономии [Текст] / сост.: Ю. Г. Козак, С. В. Ляликов, С. В. Новиков, Я. И. Кузьминов; под общей ред. А. К. Покрытана. – М., 1986.
5. Ядгаров, Я. С. История экономических учений: учебник для вузов [Текст]. Изд. 4-е, перераб. и доп. / Я. С. Ядгаров. – М., 2007.

УДК 314.174(1-35)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА Е. А. Морозова, А. Н. Челомбитко, Л. М. Андреева

THE DEMOGRAPHIC SITUATION AND ITS INFLUENCE ON THE REGION SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT E. A. Morozova, A. N. Chelombitko, L. M. Andreeva

Статья подготовлена в рамках проекта № 11-13-42001а/Т РГНФ.

В статье раскрывается понятие «демографическая ситуация», показатели и характеристики ее различных состояний. На основе исследования зависимостей, выявленных различными учеными, изучавшими процессы взаимодействия демографических факторов, с одной стороны, и состояния, динамики производства, экономики, социальной сферы – с другой, доказывается существенное влияние демографической ситуации на социально-экономическое развитие территорий. Анализ современной демографической ситуации в Кемеровской области позволил сделать вывод о продолжающейся депопуляции населения, что в определенной степени тормозит социально-экономическое развитие региона.

The article discloses the notion of «demographic situation», indicators and characteristics of its different conditions. The significant influence of the demographic situation on the socioeconomic development of regions is proved by the studies of the demographic factors' dependences, revealed by the scientists researching the processes of demographic factors' interaction, on the one part, and, on the other part, by the analysis of the conditions, dynamics of industry, economics and social sphere. The analysis of the contemporary demographic situation in the Kemerovo Region has allowed deducing an inference about lasting depopulation that in some extent hampers the region socioeconomic development.

Ключевые слова: демографическая ситуация, социально-экономическое развитие, демографические показатели, демографические факторы.

Keywords: demographic situation, socioeconomic development, demographic indicators, demographic factors.

На социально-экономическое развитие страны и любого региона влияет множество факторов, среди которых важнейшая роль принадлежит демографическим, в обобщенном виде представляющим собой демографическую ситуацию. Прежде чем проанализировать влияние демографических условий на экономику и социальную сферу, охарактеризуем содержание понятия «демографическая ситуация», а также приведем те показатели, которые её отражают.

Под демографической ситуацией обычно понимают демографическую обстановку, состояние демографических процессов, состава и размещения населения в определенное время в стране или отдельном регионе [16, с. 41]. Таким образом, анализ демографической ситуации необходим для понимания основных параметров народонаселения, тенденций их динамики, прогнозирования численности, демографической структуры, демографического поведения населения.

Коллектив авторов под руководством Л. Л. Рыбаковского трактует данное понятие несколько уже – как комплексную количественную характеристику и качественную оценку демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции, брачности, разводимости), протекающих на определенной территории: их тенденций, итогов к определенному периоду и последствий. Характеристика демографической ситуации, по мнению ученых, включает 3 группы элементов: статическую оценку численности, сложившейся возрастно-половой структуры населения и параметров его воспроизводства; анализ динамики демографических процессов, формирующих численность и структуры населения; прогноз тенденций и оценку их демографических последствий. Каждая из этих групп элементов описывается соответствующей системой показателей [11, с. 219].

При изучении демографической ситуации следует помнить, что она тесно связана с демографической структурой общества, которая, в свою очередь, является составляющей социальной структуры, также, как профессиональная, территориальная, национальная и прочие структуры. М. Н. Руткевич подчеркивает, что демографическая структура всегда является социально-демографической, так как зависит, «во-первых, от особенностей социально-экономического строя данного общества, во-вторых, существенно различается у классов, социальных групп и слоев, в совокупности составляющих данный социум» [12, с. 24]. Таким образом, усредненные для общества или регионального сообщества демографические показатели нельзя рассматривать в отрыве от его социально-классовой структуры.

Для характеристики демографической ситуации в принципе можно использовать различные наборы демографических показателей, которые могут с раз-

ной степенью глубины и детальности отражать положение дел и существующие тенденции демографических изменений. Так, по мнению ряда исследователей, для мониторинга демографической ситуации целесообразно отслеживать динамику следующих показателей: численность населения; численность и состав населения трудоспособного возраста; возрастно-половой состав; социально-демографический состав; численность и состав домохозяйств и семей; брачность, стабильность брака, матримониальное поведение; рождаемость и репродуктивное поведение; планирование семьи; смертность, продолжительность жизни, самосохранительное поведение; естественный прирост и воспроизводство; здоровье и заболеваемость; здоровье беременных и рожениц; инвалидность; медицинская помощь; жизненный уровень населения; миграция, беженцы, вынужденные переселенцы; образовательная мобильность, трудовая мобильность [4, с. 165 – 175; 10, с. 212; 1, с. 25 – 40].

Однако для более оперативного и доступного сравнительного анализа, как по территориям, так и во временном аспекте, целесообразно ограничиться небольшим перечнем индикаторов. Л. Л. Рыбаковский выделяет три основных параметра характеристики региональной демографической ситуации: рождаемость (оценивается общим коэффициентом рождаемости – ОКР), смертность (оценивается общим коэффициентом смертности – ОКС), миграция (сальдо и, иногда, интенсивность миграции) [14, с. 81]. Опираясь на эти или подобные показатели, можно охарактеризовать конкретную демографическую ситуацию и найти её место на шкале «очень благоприятная – крайне неблагоприятная».

К сожалению, демографическая ситуация в России и её регионах в последние десятилетия оценивается негативно. Поэтому в научной литературе речь чаще всего идет о понятиях «депопуляция», «демографический кризис», «демографическая яма». Так, авторский коллектив под руководством В. А. Ивонцева, опираясь на названные выше показатели, выделяет такие демографические явления, как [4, с. 16]:

– *демографическая катастрофа* – ситуация, когда за очень короткое время (2 – 3 года) население территории значительно уменьшается (более чем на 50 %) или вообще исчезает. Ряд ученых расценивают как демографическую катастрофу ситуацию в России 1990-х – начала 2000-х годов. М. Н. Руткевич, например, определяет демографическую катастрофу в Российской Федерации как вызванный распадом СССР в 1991 году процесс резкого сокращения рождаемости и еще более впечатляющего возрастания смертности населения. Демографическая ситуация характеризовалась тогда массовой безработицей, бедностью населения, сокращением

средней продолжительности жизни и сверхсмертностью мужчин трудоспособного возраста [12, с. 25]. Вклад от роста смертности в сокращение численности населения России в 1990-е – 2000-е годы в 4 раза превысил вклад от снижения рождаемости. Сверхсмертность была вызвана массовым обнищанием населения, гражданскими конфликтами, ростом заболеваемости. Кроме того, смертность «омолодилась» – среднестатистический российский мужчина не доживает до пенсионного возраста. Несмотря на некоторые улучшения ситуации в середине 2000-х годов (за 2006 – 2008 годы рождаемость выросла на 15,7 %, смертность снизилась на 13,7 %, естественная убыль снизилась на 25,3 % [5, с. 6 – 7]), пик падения численности трудоспособного населения России демографы ожидают в 2010 – 2014 годах – среднегодовая убыль составит 1,3 млн человек [9, с. 184 – 186];

– *демографический кризис* – ситуация значительного и быстрого снижения рождаемости при одновременном резком росте смертности;

– *депопуляция* – ситуация, когда каждое последующее поколение не воспроизводит предыдущее. Для России ситуация депопуляции начала формироваться в конце 1960-х годов, кратковременно прервавшись в середине 1980-х;

– *демографический спад / подъем* – присущие развитию населения явления, обусловленные, в частности, движением так называемых демографических волн, как правило, кратковременного характера.

Для обеспечения сравнимости основных показателей демографической ситуации, для демонстрации сравнительного характера демографических и миграционных процессов в регионе Л. Л. Рыбаковский предлагает использовать *коэффициент демографического неблагополучия* (КДН) – интегральный показатель демографической динамики, учитывающий уровни рождаемости и смертности (рассчитывается как коэффициент депопуляции в случае естественной убыли населения – путем деления ОКС на ОКР) и величину и направленность сальдо миграции (рассчитывается как индекс изменения численности – путем деления численности расчетного, с учетом потока миграции, населения на численность фактического населения). КДН рассчитывается перемножением коэффициента депопуляции и индекса изменения численности. Чем выше значение КДН, тем более неблагополучна демографическая ситуация в регионе в сравнении с другими регионами страны [14, с. 83 – 85].

В приводимой Л. Л. Рыбаковским группировке регионов России КДН изменялся от 1,122 (Республика Алтай) до 2,225 (Ленинградская область). Кемеровская область имела средний и имеющий тенденцию к снижению (т. е. улучшению) показатель демографического неблагополучия – 1,825 (2005 год) и 1,461 (2007 год) – и была отнесена автором к 4-й из пяти групп регионов, наряду с Брянской, Владимирской, Магаданской, Мурманской,

Новгородской, Кировской, Костромской, Сахалинской, Тверской областями, Пермским и Хабаровским краями, Республиками Коми и Марий Эл. В 2007 году в среднем для России КДН составлял 1,266 [14, с. 87; 13, с. 109 – 110].

Рассмотрев понятие «демографическая ситуация», остановимся на анализе её взаимосвязи с социально-экономическим развитием территорий, изначально подчеркнув, что связь между демографической ситуацией и социально-экономическим положением носит взаимную обусловленность. С одной стороны, «все демографические процессы, несмотря на их кажущуюся самостоятельность, в конечном счете социально детерминированы, их интенсивность обусловлена социально-экономическими условиями. Воздействие условий жизни населения на параметры рождаемости, смертности и т. д. осуществляется опосредованно через образ жизни, социокультурные нормы, ценностные ориентации и т. д.» [16, с. 117]. С другой стороны, население и его параметры – важнейший фактор развития производства и социальной сферы (особенно на региональном уровне), который необходимо учитывать и в стратегическом планировании, и в оперативной работе. Остановимся подробнее на данном вопросе и покажем, какие зависимости выявили различные исследователи, изучая процессы влияния демографической ситуации на социально-экономическое положение и развитие территорий.

Еще в 1972 году А. Г. Вишневский сформулировал три способа влияния демографической ситуации на совокупные результаты производства [3, с. 11 – 34]:

– через изменение численности и структуры работников;

– через изменение эффективности использования производственных ресурсов в результате меняющегося количественного соотношения между ними (например в результате повышения фондовооруженности труда);

– через изменения эффективности использования ресурсов, имеющие качественную природу, не связанные с изменением соотношений между количествами ресурсов (например влияние технического прогресса).

Таким образом, первостепенное влияние на социально-экономическое развитие, по мнению ученого, имеют такие факторы, как численность и структура работников и населения в целом.

1. Численность населения. При прочих равных условиях численность работников прямо пропорциональна численности населения. При прочих равных условиях масштаб производства полностью характеризуется численностью населения и, согласно существующей гипотезе, определяет уровень производительности труда. Изменение же производительности труда происходит из-за изменений соотношения между ресурсами и живым трудом.

Все народнохозяйственные объекты, по Вишневскому, более эффективны, когда они имеют рациональные, оптимальные размеры, но при малочисленном населении и развитом разделении труда неизбежны минимальные размеры многих таких объектов, а значит, и низкая их эффективность. Это замечание характерно и для форм территориальной концентрации населения и производства.

Вопрос оптимальной численности населения находится в тесной связи с вопросом оптимального количества ресурсов. На практике существуют как отрицательные, так и положительные последствия изменений обоих зависимых величин – и численности населения, и обеспеченности ресурсами: в каждом случае будет свой оптимум.

2. Структура населения. Уровень экономической активности населения, по сути, есть степень участия населения в производстве. Невозможно полностью отделить демографические факторы из массы факторов влияния на экономическую активность. Но можно установить отдельные связи между демографическими характеристиками населения и степенью его участия в производстве.

Во-первых, экономическая активность населения связана с его возрастно-половой структурой. Хотя «стандартов» такой зависимости и не существует, каждой возрастно-половой группе свойственны собственные коэффициенты экономической активности и закономерности их изменений при переходе от одних возрастно-половых групп к другим.

Коэффициент экономической активности женщин обычно намного ниже, чем у мужчин, и находится в обратной связи с числом детей, приходящихся на одну женщину, и в прямой связи с возрастом детей. И у мужчин, и у женщин экономическая активность с возрастом изменяется.

От возрастно-половой структуры зависит мобильность населения, то есть его способность и готовность изменять свое экономическое и социальное положение, уровень образования или профессию, место работы или место жительства и т. п. Не факт, например, что такой показатель мобильности, как текучесть кадров, имеет сугубо отрицательные последствия. Мобильность определяется прежде всего социально-экономическими причинами, но при прочих равных условиях на первый план выдвигаются факторы второго порядка, среди которых – демографическая структура населения.

По мнению ряда современных ученых, демографические характеристики населения влияют на следующие процессы социально-экономического развития региона [4, с. 113 – 114; 9, с. 184]:

- воспроизводство трудовых ресурсов – влияют численность, возраст, пол, уровень образования и профессиональной подготовки;

- занятость – пол, возраст, количество детей в семье, интервал между их рождениями, возрастно-

половая, образовательная и профессиональная структура прибывающих и убывающих мигрантов;

- безработица – пол, возраст, особенно среди молодых и пожилых;

- уровень первичных доходов – пол, возраст;

- перераспределение доходов – количество иждивенцев в семьях разного размера и состава;

- уровень бедности – динамика доли детей, молодежи, многодетных и неполных семей.

Экономическими показателями, находящимися в зависимости от демографической ситуации, являются также объем и структура платежеспособного спроса, спрос на образовательные услуги, спрос на услуги здравоохранения, спрос на социальное обслуживание и пособия.

Источником расширения производства и занятости, обеспечения населения средствами жизни является ВВП. В свою очередь, население – источник ВВП и одновременно потребитель произведенной продукции. Другими словами, как производство, так и потребление зависят от численности, возрастно-половой структуры населения, числа и состава домохозяйств.

Простейшая связь между производством и населением – линейная: чем больше численность занятого трудоспособного населения, тем больше продукции оно изготавливает. Вторым прямым фактором зависимости является производительность труда – чем она выше, тем больше и объем произведенной продукции. Но производительность труда будет различна у разных по возрасту и полу групп работников.

На величину и динамику производительности труда влияет также качество человеческого капитала. Б. Бреев видит причины его ухудшения, в частности, в разрушении в 1990-е годы системы начального профессионального образования и системы повышения квалификации инженерно-технических кадров – первая резко сократила выпуск квалифицированной рабочей силы, вторая, как структурная составляющая крупных советских предприятий, практически прекратила существование. Еще одна причина ухудшения качества человеческого капитала – падение реальной начисленной заработной платы, что снизило материальную заинтересованность занятых в высокопроизводительном труде. Отрицательную роль сыграло также устаревание оборудования и низкие темпы его обновления. В результате 15-летнего процесса реформ производительность труда в России, снизившись до минимума в середине 1990-х, к 2008 году достигла уровня 1991 – 1992 годов [2].

А. Семенов и С. Кузнецов, устанавливая взаимозависимости между показателями занятости (численность экономически активного населения, количество вакансий, а также разница между этими показателями, означающая, согласно методике МОТ, величину общей безработицы), основными макроэкономическими показателями (ВВП, объем инвестиций, объем производства, производитель-

ность труда), размером реальной заработной платы и размером среднедушевых доходов населения, заметили, что в период повышения экономической активности населения и ВВП после 1998 года динамика активности была очень близка к динамике ВВП. Но однофакторную зависимость этих двух показателей авторам установить не удалось. Не удалось также установить ни однофакторную зависимость динамики экономической активности от динамики реальной заработной платы, ни двухфакторную зависимость динамики экономической активности от динамики реальной заработной платы и динамики ВВП. Однако были получены статистически значимые подтверждения наличия явной зависимости показателей экономической активности всех половозрастных групп (в пятилетней разбивке) от динамики ежегодного индекса ВВП и динамики индекса среднедушевых номинальных доходов населения [15, с. 47]:

- динамика общеэкономической ситуации в стране, определяемая индексом ВВП, значима для населения основных трудоспособных возрастов и не имеет большого значения для экономически активных представителей молодого и пожилого возраста;

- наиболее чутко на изменение номинальных доходов реагирует молодежь, а также представители пенсионного и предпенсионного (в период, когда закладывается размер будущей пенсии) возраста – чем больше прирост номинального дохода, тем больше прирост экономической активности.

Авторы описывают зависимость следующим образом: «Экономическая активность всех возрастных групп повышается с ростом реальной заработной платы и снижается с увеличением среднедушевых доходов. Грубо говоря, если деньги можно заработать, то население выходит на рынок труда. Если же есть возможность повысить свое благосостояние за счет социальных трансфертов или других источников дохода, то экономическая активность падает». Особенно явно эта зависимость прослеживается на экономически активных представителях крайних возрастных групп (до 20 лет и 60 – 72 года). Лица же основного трудоспособного возраста (25 – 49 лет) не реагируют резко на изменение реальной заработной платы или среднедушевого дохода, но для них фактор заработной платы в два раза значимее фактора среднедушевого дохода, в то время как для лиц старших возрастных групп нет большой разницы в том, как получать доход: за счет пенсии или за счет заработной платы.

А. Семенов и С. Кузнецов предлагают использовать созданную модель зависимости экономической активности от темпов изменения реальной заработной платы и доли заработной платы в совокупных среднедушевых доходах для прогноза экономической активности различных половозрастных групп населения.

Демографические процессы в большой степени определяются демографическим поведением населения, то есть, по определению В. Н. Архангельского и Н. В. Зверевой, «системой действий и отноше-

ний, опосредующих достижение того или иного результата в отношении деторождения, брачного статуса, здоровья и продолжительности жизни». Уровень рождаемости, режим воспроизводства населения – это результат репродуктивного поведения, брачность и разводимость – матримониального поведения. На уровень смертности в значительной мере влияет самосохранительное поведение. Поэтому исследованию, по мнению В. Н. Архангельского и Н. В. Зверевой, подлежат три вида поведения: репродуктивное, матримониальное, самосохранительное. В качестве примеров возможных результатов демографического поведения авторы называют вступление в брак и его регистрацию, отказ от вступления в брак или его регистрации, сохранение или расторжение брака, рождение того или иного числа детей, отказ от рождения детей вообще, сохранение хорошего здоровья или его ухудшение, продолжительность жизни [1, с. 49 – 50].

Среди основных характеристик устойчивого социально-экономического развития региона Т. Леонидова и Е. Чекмарева выделяют получивший распространение с начала 1980-х годов термин «трудовой потенциал», толкуемый демографами как «население в трудоспособном возрасте», статистиками – как «численность трудовых ресурсов», а экономистами – как «трудовые ресурсы в единстве своих количественных и качественных проявлений», либо «форма проявления личного фактора производства», либо «обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к труду» [8, с. 30 – 33].

В. Кижеватова и В. Газетов дают определение понятию «социально-трудовой потенциал» – это «совокупность оптимизированного труда, трудовых ресурсов и потенциально возможного труда, реализуемого при целевой установке по его воспроизводству, использованию и развитию» [6, с. 48]. В состав трудовых ресурсов при этом включают мужчин 16 – 59 лет и женщин 16 – 54 года, а также лиц, работающих за пределами трудоспособного возраста, и иностранных трудовых мигрантов.

Количественными характеристиками трудового потенциала выступают численность (трудовых ресурсов, экономически активного населения, занятых, безработных, в трудоспособном возрасте), уровень экономической активности, занятости, безработицы и пр. Набор качественных характеристик трудового потенциала различен у разных авторов.

Итак, выявленные исследователями тенденции и закономерности наглядно демонстрируют существенное влияние демографической ситуации и отдельных демографических факторов на социально-экономическое развитие территорий, что обуславливает необходимость постоянного анализа соответствующих показателей в регионах. В заключительной части статьи приведем анализ демографической ситуации в Кемеровской области, который свидетельствует о наличии достаточно тревожных фактов.

Главной проблемой демографического развития Кемеровской области является депопуляция – систематическое уменьшение абсолютной численности населения. Численность населения Кемеровской области на 1 января 2011 составила 2761,6 тыс. человек. Пять лет назад в Кузбассе проживало 2838,5 тыс. человек, или на 76,9 тыс. человек больше. За 2010 год население области сократилось на 7,6 тыс. человек, или на 0,3 процента (в 2009 году – на 1,2 тыс. человек, или на 0,04 процента). Сокращение численности населения происходило в основном из-за естественной убыли населения (превышения числа умерших над числом родившихся) на фоне миграционного прироста населения.

Период депопуляции населения наблюдается в Кемеровской области с начала 90-х годов XX века. Её наиболее острый период пришелся на 1994 – 2000 годы, когда смертность почти в два раза превышала рождаемость, однако за последние пять лет темпы превышения смертности над рождаемостью несколько замедлились.

В 90-х годах в Кемеровской области превалировала тенденция сокращения рождаемости. В среднем с 1991 по 1999 годы число появившихся на свет детей ежегодно уменьшалось на 5 процентов. Коэффициент рождаемости за последние пять лет вырос на 16,8 процента. В 2010 году в области родилось 36,4 тыс. детей. В расчете на тысячу жителей коэффициент рождаемости составил 13,2 – это выше, чем в среднем по России (12,6 ребенка на каждую тысячу жителей). Однако, по сравнению с 2009 годом, число родившихся сократилось на 1229 человек (на 3,3 процента).

Существующие сегодня показатели рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости 1,6) в 1,3 раза ниже, чем необходимо для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения. Такая ситуация ставит под вопрос развитие накопленного материального, духовного и культурного потенциала в дальнейшем. Ретроспективный анализ уровня рождаемости указывает на то, что в области превалирует тенденция малодетности.

Учитывая невысокие показатели рождаемости, особое значение приобретает сокращение смертности новорожденных. Начиная с 2000 года стабильно снижается младенческая смертность, здесь достигнут существенный прогресс. За последние пять лет коэффициент младенческой смертности уменьшился на 19,4 процента.

Начиная с 2006 года, в области наблюдается устойчивая динамика снижения общей смертности. За последние пять лет общая смертность сократилась на 6,9 процента: с 17,3 умершего на 1000 человек населения в 2006 году до 16,1 – в 2010 году (по Российской Федерации – 14,2).

Одна из наиболее острых проблем – смертность населения в трудоспособном возрасте. С 2005 года началось постепенное снижение численности населения трудоспособного возраста, связанное с

сокращением численности поколений, вступающих в трудовой возраст и выходящих из него, и ежегодными потерями трудоспособного населения из-за смертности. Ежегодные потери населения трудоспособного возраста составляют 15 – 18 тысяч человек, или более трети общего числа умерших. В ближайшей перспективе процесс снижения численности трудоспособного населения будет нарастать, что может вызвать дефицит рабочей силы на рынке труда.

Основными причинами смерти населения области являются болезни системы кровообращения – 48,4 процента от всех умерших, новообразования – 13,9 процента, болезни органов дыхания и пищеварения – соответственно 4,6 и 4,8 процента. Высокой остается смертность и от внешних причин – 7176 человек (16,1 процента от общего числа умерших).

В Кузбассе сохраняется характерное для населения области значительное превышение численности женщин над численностью мужчин. Удельный вес мужчин в общей численности населения в 2010 году составил 45,9 процента, женщин – 54,1 процента. Соотношение мужчин и женщин несколько ухудшилось в связи с продолжающимся общим старением населения и высокой преждевременной смертностью мужчин.

Высокий уровень смертности негативно отражается на показателе ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Продолжительность жизни в Кемеровской области ежегодно увеличивается (по сравнению с данными за 1994 год, продолжительность жизни в области возросла на 4,56 года), но при этом данный показатель находится на довольно низком уровне. В 2009 году средняя продолжительность жизни населения Кемеровской области составляла 65,4 года. В среднем по России показатель равнялся 68,67 года, а по регионам Сибирского федерального округа – 66,99 года.

На фоне негативных естественных процессов движения населения для Кемеровской области возрастает значение миграции населения. В целом Кемеровская область характеризуется как зона миграционного притяжения населения. Но на протяжении последних лет миграционные потоки (сумма прибывших и выбывших) имеют нестабильный характер. Так, миграционный прирост области в 2009 году составил 6034 человека, а в 2010 году – всего 537 человек, сократившись на 5,5 тыс. человек (в 11 раз).

До 2002 года в области шел процесс урбанизации, в последующий период число городских жителей снизилось: соотношение городских и сельских жителей в 2010 году составило 85,4 процента и 14,6 процента соответственно (в 2002 году – 86,7 и 13,3 процента). Однако снижение доли городского населения в общей численности обусловлено прежде всего тем, что во исполнение Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»

за этот период были проведены административно-территориальные преобразования, связанные с переводом ряда городских поселений в категорию сельских населенных пунктов. В 2003 – 2005 годах 15 поселков городского типа были преобразованы в сельские населенные пункты, вследствие чего более 50 тыс. горожан автоматически стали сельскими жителями.

Таким образом, основная характеристика демографических изменений в Кемеровской области – продолжающаяся депопуляция населения. Высокий уровень его естественной убыли лишь частично перекрывается положительным сальдо миграции. Сложная демографическая ситуация в регионе в определенной степени тормозит его социально-экономическое развитие. Поэтому она должна детально анализироваться при разработке и реализации стратегических, долгосрочных и краткосрочных планов и программ социально-экономической направленности. Чтобы улучшить демографическую ситуацию в области, была принята комплексная региональная программа «Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области» на 2011 – 2015 годы» [7], целью которой является стабилизация численности населения и создание условий для последующего демографического роста, повышения качества жизни при увеличении ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 68 лет.

Литература

1. Архангельский, В. Н. Теоретические основы мониторинга региональной социально-демографической политики / В. Н. Архангельский, Н. В. Зверева. – М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Бреев, Б. О качестве занятости населения России / Б. Бреев // «Демоскоп weekly». – 2007. – № 277 – 278. – 19 февраля – 4 марта. [Электронный ресурс]: официальный сайт. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit06.php> (дата обращения 29.12.2011).
3. Вишневский, А. Г. Население и производство. (Избранные демографические труды: в 2 т.) / А. Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – Т. II.
4. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / под ред. В. А. Ионцева. – М.: ТЕИС, 2004.
5. Демографическое развитие России в первой четверти XXI века: условия сохранения устойчивой динамики / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Эконом-Информ, 2009.
6. Кижеватова, В. Как сохранить и развить социально-трудовой потенциал российского общества / В. Кижеватова, В. Газетов // Человек и труд. – 2010. – № 7.
7. Комплексная региональная программа «Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области» на 2011 – 2015 годы» (приложение к Постановлению Коллегии администрации Кемеровской области от 2 августа 2011 г. № 361).
8. Леонидова, Т. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне / Т. Леонидова, Е. Чекмарева // Человек и труд. – 2009. – № 12.
9. Липатова, Л. Н. Формирование трудового потенциала предприятий региона в условиях демографического кризиса / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, А. А. Солдатов // Регионология. – 2009. – № 1.
10. Механизм выравнивания социально-экономического развития регионов (отечественная и зарубежная практика) / под общ. ред. В. И. Кушлина. – М.: Изд-во РАГС, 2007.
11. Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005.
12. Руткевич, М. Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России / М. Н. Руткевич // Социс. – 2005. – № 7.
13. Рыбаковский, Л. Л. Классификация регионов по характеру демографической ситуации и её динамике / Л. Л. Рыбаковский // Демография (статьи XXI века). – М.: Экон-Информ, 2009.
14. Рыбаковский, Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России / Л. Л. Рыбаковский // Социс. – 2008. – № 10.
15. Семенов А. Методология прогнозирования экономической активности населения / А. Семенов, С. Кузнецов // Человек и труд. – 2001. – № 9.
16. Социальная политика, уровень и качество жизни. Словарь. – М.: ВЦУЖ, 2001.
17. Социальная политика: энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. А. Волгина; отв. ред. Т. С. Сулимова. – М.: Академический Проект: Триеста, 2005.

УДК 332.12:332.14

**СИСТЕМА КОМПЛЕКСНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПО ИНИЦИАЦИИ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ЭКОНОМИКЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
В. С. Сурнин

**A SYSTEM OF COMPLEX ACTIONS ON STRUCTURALS SHIFTS INITIATION
IN THE ECONOMY OF KEMEROVO REGION**
V. S. Surnin

В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи процессов инновационного развития экономики и ее структурных изменений. Показана роль ряда отраслей в формировании новой структуры экономики на федеральном и региональном уровнях.

The article deals with the problems of interrelation of economy's innovative development processes and its structural changes. The role of some branches in the formation of new economy structure at federal and regional level is shown.

Ключевые слова: финансово-экономические аспекты, кредитная эмиссия под будущую стоимость, новые комбинации, внедрение базисных нововведений, перманентные облагораживания экспорта, конвертация доходов от экспорта и импортозамещающих структурных сдвигов в сбережения и далее – в эффективные инвестиции.

Keywords: financial and economic aspects, credit issue under the future cost, new combinations, introduction of basic innovations, permanent upclassing of export, converting export incomes and import substitution structural shifts in savings and further in effective investments.

Существует и постоянно функционирует органическая взаимосвязь процессов инновационного развития экономики и ее структурной перестройки. Без инновационных преобразований в экономике структурные сдвиги будут носить в основном лишь количественный, но не качественный характер, в то время как структурная перестройка экономики имеет смысл и позитивную направленность лишь в том случае, если она осуществляется на новой технико-технологической (инновационной) основе. Именно в этих целях, с учетом значения инновационных процессов в структурных сдвигах, в работе раскрыты теоретические и практические аспекты процесса формирования инновационной экономики.

Особое внимание следует обратить на финансово-экономические аспекты «запуска» и действия механизма длинноволновых технико-экономических изменений. В настоящее время ведущей становится инновационная модель, которая как бы противостоит модели экономического роста в рамках ортодоксальной теории равновесия [1, с. 12 – 13]. В контексте этой модели формирование технологически передовых производств происходит на основе кредитной эмиссии под будущую стоимость. «Создание новой покупательной силы из ничего, в дополнение к тому обращению, которое существовало уже прежде. Как раз это и есть тот источник, из которого в типичных случаях финансируется осуществление новых комбинаций» [2].

Концепции кредитной эмиссии под будущую стоимость созвучны результатам исследований, проведенных Г. Меншем и посвященных концентрации базисных нововведений в фазе депрессии. Он подчеркивает, что внедрение базисных нововведений на этом этапе развития оказывается единственной возможностью прибыльного инвестирования, и в конце концов «нововведения преодолевают депрессию».

Кредитование под будущую стоимость характерно для стран, переживающих технологическое обновление. Оно связано с формированием «длинной волны» в экономике, что определяет характер ее развития в ближайшие 50 – 60 лет [3, с. 134 – 135]. Отсюда и условия кредитования – направленность на кластеризацию в экономике нововведений на основе синтезирования элементов импортозамещающей и экспортно-промышленной моделей с учетом национальной специфики хозяйствования и тенденций мировой конъюнктуры». Кластеры нововведений 6-й технико-экономической парадигмы формируются главным образом в области информатики и коммуникаций. Именно в этой сфере концентрирует свои усилия государство в технологически развитых странах, оказывая поддержку отечественным производителям.

Кроме того, нельзя забывать о формировании избыточных валовых сбережений, когда волна подъема близится к завершению. Что происходит? Во-первых, проявляется эффект прошедшей реструктуризации и внедрения новых технологий. Во-вторых, в отсутствие значительной инвестиционной активности как раз и формируются избыточные валовые сбережения. Но формируются они, конечно же, в контексте благоприятной оценки будущего экономическими субъектами. Фактором, поддерживающим позитивные ожидания, выступают значительные возможности для проведения дальнейших инноваций (причем финансовые учреждения обладают достаточной информацией о технико-экономической парадигме и имеют методики оценки связанных с ней рисков).

Итак, проведенное в работе исследование позволило прийти к следующим выводам, которые касаются системы мероприятий по инициации структурных сдвигов в экономике как на федеральном, так и региональном уровнях:

– Разработка и принятие на правительственном уровне обоснованной программы диверсификации экономики и ее структурной перестройки.

– Разработка и принятие (на этой указанной основе) соответствующих региональных программ, естественно, с учетом особенностей развития региона [3].

Необходима всесторонне продуманная и четко сформулированная экономическая политика государства, нацеленная на масштабное импортозамещение при одновременном стимулировании экспорта всего того, что уже конкурентоспособно или становится таковым благодаря импортозамещению.

Целесообразно усиление (временное) централизма в сфере процессов диверсификации экономики и ее структурной перестройки. Такая мера необходима потому, что негосударственные компании, отстаивая свои узкокорпоративные интересы, вряд ли добровольно будут выделять необходимые финансовые ресурсы на реализацию данных процессов. Кроме того, в любой стране в какие-то переломные периоды экономическая роль государства всегда усиливается, по мере решения остроактуальных вопросов эта роль постепенно затухает.

Инициация сдвигов в экономической структуре региона, а равно и на федеральном уровне, должна осуществляться прежде всего в тех отраслях, которые могут дать максимальный импульс для развития экономической системы, то есть они обладают наибольшим эффектом мультипликатора.

Исходя из такой постановки вопроса, к таким отраслям, согласно расчетам ученых, относятся пищевая и легкая промышленность, химия и нефтехимия, машиностроение и металлообработка, топливная промышленность. Именно эти отрасли располагают наибольшим коэффициентом корреляции по отношению к другим отраслям и производствам.

Необходимым, с нашей точки зрения, условием развития прогрессивных структурных сдвигов в экономике России является наращивание экспорта одновременно с процессом импортозамещения. Данный путь позволяет постепенно, на основе перманентного облагораживания экспорта, добиться не только ускоренной индустриализации, но и сделать определенные шаги в направлении постиндустриального развития структуры экономики.

Переход к самоподдерживаемому экономическому росту, как совершенно справедливо замечает О. Ю. Красильников, сопряжен с налаживанием взаимоусиливающегося динамического (мультипликативного) взаимодействия между импортозамещающими структурными сдвигами и сдвигами в структуре экспорта, сбережений и инвестиций. Необходимо постоянная конвертация доходов от экспорта и импортозамещающих структурных сдвигов в сбережения и далее – в эффективные инвестиции в развитие структурных сдвигов в области науки и образования, высоких технологий, информатики, становления интерактивных экономических отношений [4].

И наконец, разработка, внедрение и реализация на практике региональных целевых программ, направленных на диверсификацию региональной экономики и ее модернизацию.

В Кузбассе создана еще одна новая отрасль.

Растёт производительность труда. В 2010 году она увеличилась на 4 % по сравнению с 2009 годом. И сегодня с уверенностью можно сказать, что Кузбасс полностью выполнит свои обязательства по поставкам угля как на внутренний рынок, так и на экспорт.

Вышли из режима неполной занятости, возобновили работу законсервированные производства металлургов в Кемеровской области. В результате, в 2010 г. объем производства в отрасли вырос на 8 % к уровню 2009 года. Выпуск стали поднялся на 7,4 %, чугуна – на 7,8 %.

Сегодня загрузка технологического оборудования в металлургии выведена на полную мощность. В 2010 году на Западно-Сибирском металлургическом комбинате завершена реконструкция мелкосортного стана. На Новокузнецком металлургическом комбинате в 2010 году основной упор сделали на масштабную модернизацию производства, развитие инновационных технологий. Здесь завершили первый этап реконструкции рельсобалочного цеха. Теперь предприятие выпускает рельсы высшей категории качества, повышенной прямолинейности, которые могут использоваться для высокоскоростного движения. Всё это позволило: поднять цены на нашу рельсовую продукцию до уровня международных, расширить рынки сбыта, а самому комбинату сохранить позиции основного производителя рельсов в России.

Компания «Кузнецкие ферросплавы» в начале года на «Юргинском ферросплавном заводе» запустила в эксплуатацию вторую ферросплавную печь с энергосберегающей технологией.

Наращивают производство Новокузнецкий алюминиевый завод, Гурьевский металлургический завод. В стабильном режиме работают наши ведущие предприятия химической промышленности.

Общий объем производства в отрасли вырос на 7 % по сравнению с 2009 г. Благодаря подъему добывающих и обрабатывающих отраслей выросло и количество заказов на машины и механизмы со стороны промышленных предприятий, что позволило на 30 % увеличить объемы производства машин и оборудования. Так, Юргинский машиностроительный завод освоил опытный образец современного проходческого комбайна. В настоящее время разрабатываются другие виды техники для угольных и нефтеперерабатывающих предприятий.

В апреле 2010 года в Ленинск-Кузнецком районе вместе с южно-корейской компанией открыта ещё одна отрасль – автомобилестроение. Построен новый завод «Хёндай – Кузбасс – авто». На предприятии собирают пассажирские автобусы. И сегодня 260 автобусов уже курсируют по области. В 2011 году на этом же заводе вместе с корейцами начнется сборка ещё и грузовых автомобилей.

В сельском хозяйстве, несмотря на сложные погодные условия, удалось засыпать в закрома области 1 млн 370 тыс. тонн зерна. По продуктивности полей Кемеровская область вновь стала лидером среди регионов Западной Сибири.

Особое значение придается развитию в Кузбассе предпринимательства. Сегодня в малом бизнесе трудятся 379 тыс. человек (на 2 % больше, чем в 2009 году), почти треть всех занятых в экономике (29 %).

В целом на развитие предпринимательства в 2010 было направлено 8,3 млрд рублей из всех источников. В малом бизнесе было создано около 8,5 тыс. новых рабочих мест.

В целом по экономике валовой региональный продукт к концу 2010 года составил 603 млрд рублей. Рост к уровню 2009 года в сопоставимых ценах – 4,8 %. Для сравнения: в целом по России прирост составил 4 %, в США – только 3 %, в странах Европы – 1 %.

В 2010 году средняя заработная плата в области увеличилась на 8,5 % и составила 17357 рублей.

В настоящее время личный автомобиль имеет каждый пятый житель области. По этому показателю мы уже приближаемся к европейскому уровню.

Особо радует, что даже с учетом кризисного 2009 года удалось сохранить демографическую ситуацию в области. Как и в 2009 году, в 2010 году в Кузбассе родилось 28 тыс. малышей, смертность сократилась на 1,1 %. И, самое главное, – средняя продолжительность жизни в Кузбассе увеличилась с 65,4 лет в 2009 году – до 65,7 лет в 2010 году.

Инвестпроекты и новые направления в экономике. Главный проект в модернизации угольной отрасли – это добыча метана из угольных пластов. Это совершенно новое направление в экономике области и страны в целом. К его реализации Кузбасс шел совместно с «Газпромом» почти 10 лет. В феврале 2010 года Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев лично запустил метано-угольный промысел в работу. В реализацию проекта вложено 1,9 млрд рублей инвестиций. На сегодняшний день на Талдинском месторождении в Прокопьевском районе действует 7 скважин. Суммарная добыча газа достигает 19 тыс. кубометров в сутки. Этот газ используется в качестве газо-моторного топлива, до конца года на нём будут работать более 100 автомобилей Талдинского разреза.

Кроме этого, на территории разреза идёт установка двух газо-поршневых электростанций, которые будут работать на метане. Выработанная на них электроэнергия будет использоваться для нужд Талдинского угольного разреза.

Таким образом, сделан реальный шаг к новой отрасли экономики и к превращению нашего региона из угольного в метано-угольный.

В конечном итоге получается, что мы выкачиваем газ метан из угольных пластов, а запасы его в Кузбассе составляют 13 триллионов кубометров. Из них нам нужно – 3,5 млрд кубометров в год. То есть, мы добываем ценнейшее сырьё, используем его для своих нужд и одновременно решаем ещё одну важ-

нейшую проблему – безопасность шахтёрского труда.

В Кузбассе создано ещё одна новая отрасль – нефтехимия.

В сентябре 2010 года ввели в строй Анжерский нефтеперерабатывающий завод мощностью 150 тыс. тонн в год. Создано 145 новых рабочих мест. Продолжается строительство Яйского НПЗ, который будет крупнейшим в Сибири – здесь будут перерабатывать 3 млн тонн нефти в год. В реализацию этого проекта уже инвестировано более 6 млрд рублей.

К 2012 году, за счет ввода новых нефтеперерабатывающих заводов, мы полностью закроем наши потребности в ГСМ, которые сейчас завозим в Кузбасс из других регионов.

Реализуются масштабные проекты и в социальной сфере. В городе Кемерово открыт областной перинатальный центр. Это – уникальное специализированное высокотехнологичное медицинское учреждение, которое оснащено на уровне мировых стандартов. Здесь создан замкнутый цикл: от наблюдения будущих мам, которые нуждаются в особом уходе, до выхаживания новорожденных детей. Высококласную помощь здесь смогут получить будущие мамы и новорожденные дети со всего Кузбасса. Общая стоимость проекта – 2 млрд рублей. Это позволит за 2011 – 2012 годы сократить материнскую смертность на 10 %, младенческую – на 5 %. В Центре будет создано 700 новых рабочих мест для медицинских работников.

В сфере образования реализован федеральный экспериментальный проект «Школьное питание», который за три года позволил модернизировать пищеблоку в 109 школах (г. Анжеро-Судженск – 9, г. Кемерово – 75, г. Новокузнецк – 9, г. Междуреченск – 16).

Общий объем финансирования проекта составил 535 млн рублей. В результате сегодня 100 % школ обеспечивают ребят горячим полноценным питанием.

Для достижения устойчивого развития промышленности Кузбасса необходимо ускорить темпы структурных преобразований, направленных на внедрение энергосберегающих технологий и организацию устойчивых рынков сбыта, диверсификацию производства в направлении формирования мощного блока перерабатывающих отраслей. Необходимо также создать необходимые условия для динамичного развития инновационных технологий с целью постепенного снижения доли сырьевых отраслей в общем объеме промышленного производства Кузбасса и его зависимости от конъюнктуры мирового рынка (в целом речь идет о формировании в Кузбассе ускоренными темпами инновационной экономики, нацеленной как на рост производства, так и на повышение качества жизни населения региона).

Реализуя стратегию экономического роста, надо иметь в виду, что подъем возможен только на основе расширенного производства, когда происходит регулярное наращивание производительности труда, основных производственных фондов, зарплаты, совокупного конечного спроса и, как следствие, по-

вышение уровня жизни населения (при проведении, естественно, соответствующей бюджетной политики).

Особенно значительным и необходимым является резкое усиление инвестиционной привлекательности региона, так как структурные преобразования экономики потребуют, по нашим расчетам, не менее 4 – 5 млрд долларов только на первых этапах реализации данного процесса, рассчитанного на 15 – 20 лет.

Такова, на наш взгляд, система комплексных мероприятий по инициации структурных сдвигов в экономике Кемеровской области и, естественно, в других регионах, образующих в своей совокупности Российскую Федерацию.

Литература

1. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: ВладДар, 1993.
2. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
3. Кислюк, М. Б. Кузбасская модель реформирования экономики / М. Б. Кислюк, В. С. Сурнин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995.
4. Красильников, О. Ю. Структурные сдвиги в экономике современной России / О. Ю. Красильников. – Саратов: Научная книга, 2000.

УДК 336.14

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВИЛ В СОВРЕМЕННОЙ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ

В. А. Шабашев, В. В. Шипунова, Н. К. Сагайдачная

INSTITUTIONAL ASPECT OF RULES CLASSIFICATION IN MODERN BUDGETARY SYSTEM

V. A. Shabashev, V. V. Shipunova, N. K. Sagadaichnaya

В статье проводится классификация правил в бюджетной системе РФ, а также признаки отнесения правил бюджетной системы к формальным и неформальным.

A classification of rules in the budgetary system of Russian Federation, and the signs for concerning budgetary system rules as, formal or informal are provided in the article.

Ключевые слова: бюджетная система РФ, правила, формальные и неформальные правила, институты.

Keywords: budgetary system of the Russian Federation, rules, formal and informal rules, institutes.

Бюджетную систему можно представить не только как совокупность финансовых отношений, направленных на выполнение определенных функций, но и как совокупность правил и институтов.

Бюджетная система, таким образом, – система институциональных отношений субъектов, которые функционируют в соответствии с правилами и институтами, формируя определенную институциональную среду.

Исследованием норм, прежде всего социальных, т. е. действующих в обществе и отдельных его группах, в соответствии с правилами и институтами, традиционно занимались (и занимаются) философы, социологи, социальные психологи. В неоклассической экономической теории, составляющей ядро всей современной экономической науки, эта категория отсутствует. Объяснение этому вполне понятно: если информация для принятия решения полна, бесплатна и мгновенна, никакой необходимости в возникновении правил и тем более во введении их в экономическую теорию не возникает.

В общем виде система правил поведения классифицирована в монографии немецкого экономиста Виктора Ванберга «Правила и выбор в экономической теории» [6, с. 110].

Поскольку в реальности правила тем не менее есть, и они ощутимо влияют на поведение экономических агентов, на их издержки и выгоды, этот феномен заслуживает детального и пристального изучения.

Следует согласиться с В. Ванбергом по поводу классификации правил. Прежде всего, поведение человека определяется на подсознательном уровне. Те правила, которыми человек руководствуется при принятии решений, в большинстве случаев наследуемые, генетические, ведь он даже не задумывается, почему так поступает, а все очень просто, – потому что так всегда делали, так делает большинство, и это является нормой (правилом).

В процессе обучения, получения жизненного опыта человек начинает руководствоваться другой группой правил – это правила приобретенные, передаваемые через культуру правил. Эти правила подразделяются на личные и социальные. Личные правила человека – это его видение личностных ценностей, личностного восприятия окружающего мира, ими во многом определяется поведение индивида. Социальные же правила, на наш взгляд, – это правила, навязываемые общественными нормами. А так как человек живет в социуме, ему необходимо эти правила выполнять. В этой группе правил существуют как формальные, так и неформальные социальные правила. В данном случае неформальные социальные правила – это традиции и обычаи, в соответствии с которыми принято жить в данном обществе. На наш взгляд, очень часто такие правила вступают в противоречие не только с формальными социальными правилами, но и личными правилами человека. Формальные социальные правила – это правила, отраженные в различных законодательных актах и

выступающие как обязательные для исполнения. Неисполнение этих правил юридически наказуемо.

Мы считаем, что для достижения главной цели нашего исследования необходимо расширение предложенной В. Ванбергом классификации. В данной схеме формальные социальные правила делятся всего на две группы – «общественное» право и «частное» право, относя субъекты хозяйствования (предприятия) и поведение отдельных граждан к одной группе. Ведь отнести к той или иной группе правил предприятие можно в зависимости от его организационно-правовой формы и формы собственности. Если это государственное или муниципальное унитарное предприятие, то его целесообразнее отнести к общественным финансам, так как они будут относиться к государственной или муниципальной собственности. А если у предприятия доля акций принадлежит государству или муниципалитету, то неясно, к какой же группе тогда отнести этот субъект хозяйствования.

На наш взгляд, необходимо разделить формальные социальные правила на три группы: «частное» право – регулирующее поведение домашних хозяйств и отдельных граждан; «хозяйственное» право – регулирующее поведение всех субъектов хозяйствования, ведущих деятельность на территории РФ, и разрешенных гл. 3 ст. 23, гл. 4, гл. 16 ст. 257 Гражданского кодекса РФ; «общественное» право – регулирующее деятельность государства как внутри, так и на межгосударственном уровне. Данное деление не соответствует нормам права, но с позиции финансовой системы позволяет увидеть совокупность различных субъектов, участвующих в перераспределительном процессе.

Большинство действующих в обществе норм можно условно разделить на три группы: нормы,

обеспечивающие координацию деятельности агентов в экономических и социальных взаимодействиях (правила координации); нормы, регулирующие отношения кооперации между агентами (правила кооперации); нормы, распределяющие результаты совместной деятельности (правила распределения) [3, с. 69]. Отметим, что данное деление достаточно условно: на практике одно и то же правило может способствовать решению сразу нескольких проблем.

На наш взгляд, более целесообразно правила бюджетной системы классифицировать следующим образом:

I. Поведенческие правила субъектов бюджетной системы: правила координации, распределения, сетевые правила (типа «свой-чужой»).

II. По влиянию на формирование доходной и расходной частей бюджета можно выделить прямые и косвенные правила.

III. По степени легализации правила делятся на формальные и неформальные. *Неформальные правила* можно разделить на коррупционные и легальные неформальные, а *формальные правила* представлены в виде законодательства РФ, его государственного устройства и прав собственности.

Объединив две предыдущие классификации, представим авторскую классификацию правил поведения субъектов в бюджетной системе (рис. 1).

Как мы уже говорили, одним из классификационных признаков является легализация правил, по которой правила подразделяются на формальные и неформальные. Очень важным моментом является определение границ отнесения правил к той или иной группе, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Границы формальных и неформальных правил

<i>Формальные правила</i>	<i>Неформальные правила</i>
Правила общего порядка	
Установлены государством, являются выражением его воли.	Не установлены государством и выражают волю отдельных субъектов.
Исполнение обеспечивается принудительной силой государства.	Могут осуществляться как по желанию и усмотрению субъекта, так и принудительно путем давления вплоть до криминального.
Предоставляет участникам юридические права и возлагает обязанности.	Для участников неформальных отношений нет охраняемых и гарантированных государством прав и обязанностей.
Правила общего характера, рассчитанные не на конкретный случай.	Действует дискретно, по обстоятельствам, имеет персональную адресность.
Есть формальные ограничения.	Есть неформальные ограничения.
Финансовые нормы (правила)	
Целевое назначение.	Может быть нецелевое использование.
Императивный характер (не может быть произвольным).	Может быть произвольное изменение и правило не адресуется в конкретной форме.
Общественная предопределенность, т. е. направлено на реализацию общественных интересов.	Направленность на реализацию частных интересов.
Имеет материальное ограничение (ограничение доходами).	Имеет материальное ограничение (ограничение доходами).
Не имеет прототипа в общественной жизни.	Имеет прототипы в общественной жизни.

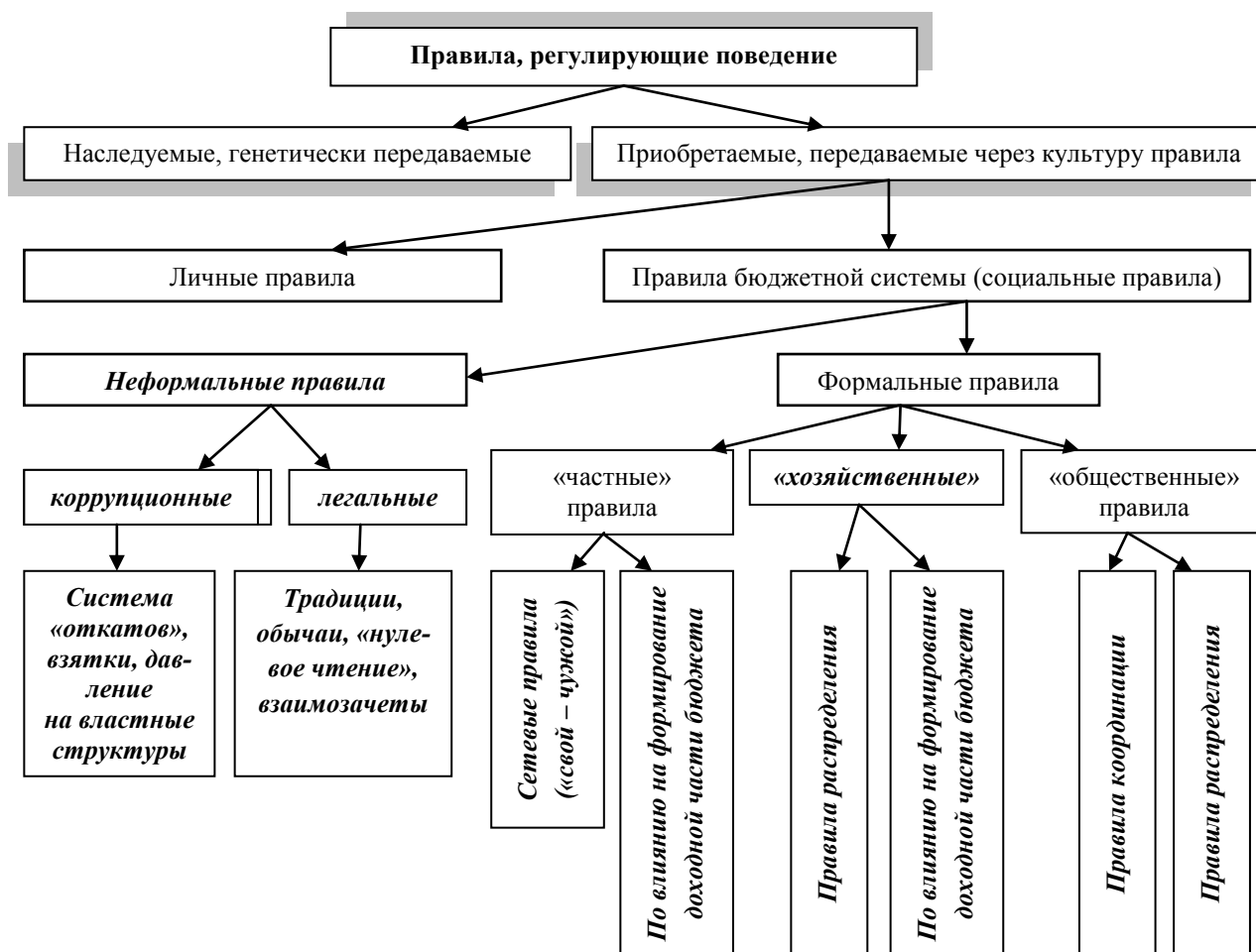

Рис. 1. Классификация правил, регулирующих поведение субъектов в бюджетной системе
(выделенное шрифтом – предложено авторами)

Как только возникает норма социального взаимодействия, возникает и проблема отклонения от этой нормы. Поэтому структура норм всегда включает в себя санкции за их нарушение. Проблема принуждения к исполнению норм является центральной практически в любых социальных и экономических взаимодействиях. В долгосрочной перспективе все участники (в широком смысле – все члены общества) могут выиграть от соблюдения норм, регулирующих эти взаимодействия: условия контрактов не нарушаются, партнеры оправдывают доверие, сделки реализуются без взаимных претензий. Но отдельный человек в конкретной ситуации («здесь и сейчас») нередко решает пренебречь своими долгосрочными интересами ради интересов сиюминутных и нарушает нормы. Экономия на собственных усилиях, он стремится воспользоваться результатами труда своих партнеров, которые им следуют [3, с. 86]. Механизмы принуждения к исполнению норм различны для формальных и неформальных правил.

За нарушение неформальных правил, которые сложились на основе ценностей и норм, людей ждут санкции – персональные, реализуемые пострадав-

шей стороной, или коллективные, реализуемые группой, куда входит нарушитель. Последние санкции выражаются либо в социальном осуждении (потеря репутации), либо в исключении из группы (остракизм). Эти санкции очень действенны, когда человек не может прожить без группы.

Представителям разных групп свойственны разные ценности, знания, структура экономических отношений, ментальные модели. Поэтому способы принуждения к исполнению одних и тех же неформальных правил могут различаться, а в некоторых случаях даже быть противоположными.

Чем прочнее и интенсивнее социальные связи, тем действеннее такие санкции и соответственно тем сильнее влияние неформальных правил.

Определение неформальных правил в бюджетной системе страны значительно затруднено, так как она представлена многогранной структурой и множеством высокопоставленных чиновников.

Кроме признаков нелегальности, неформальные правила содержат и другие, в какой-то степени схожие с формальными признаки:

– это правило не общего, но группового поведения, так как там закладываются варианты поведения

членов группы (партии) в определенной ситуации или при наличии социально-экономической обстановки;

– целевое назначение правила, т. е. указание, как должна вести себя та или иная группа в процессе решения вопроса о бюджете, каковы должны быть приоритеты при голосовании по вопросам образования, распределения и использования централизованных фондов денежных средств.

Как правило, как уже говорилось, к неформальным правилам относится коррупционная структура, но не только она: существуют также некоторые кодексы «чести». Охарактеризовать подобные кодексы можно следующим образом: это правила, нигде не прописанные, но выполняемые всеми членами группы. Например, если говорить о рассмотрении и принятии федерального бюджета, то это является прерогативой Государственной думы. Государственная дума состоит из определенного количества депутатов, представляющих различные партии и фракции. Каждая из этих партий имеет свою позицию и отстаивает ее, а также имеет свое представление о структуре доходной и расходной баз федерального бюджета. Каждый член партии просто обязан отстаивать позицию своего лидера и своей партии. Неследование данному правилу влечет за собой исключение из партии, тем самым лишение определенного статуса.

Если же говорить о правилах, связанных с коррупцией, то это, как уже и говорилось, так называемая процедура «откатов». Помимо государственных структур, так уж повелось в России со времен перестройки, государством «управляют» некие неформальные, а иногда и преступные группировки. Скопление капитала в этих группировках нередко превышает капитал, собранный в бюджете того или иного уровня бюджетной системы. Связано это с временами тотальных дефицитов бюджетов. Так, например, при превышении расходной части бюджета муниципального образования над его доходной необходимо финансирование дефицита. И не всегда законных (формальных) методов достаточно, часто прибегают к «черному капиталу». Соответственно власть этих структур может превосходить власть легитимную и влиять на все процессы, происходящие в данном муниципальном образовании. Неследование правилам данных структур, несомненно, влечет за собой определенные последствия, и не всегда обходится только снятием с должности, чаще применяются более жестокие меры: пытки, издевательства над родственниками, убийства.

По мере развития общества социальные связи между людьми слабеют. Тогда резко увеличиваются издержки коллективных действий; каналы, по которым передается информация о нарушителе, становятся менее действенными; отношения перестают быть столь же безальтернативными, как в случае плотных социальных связей (у нарушителя правил, подвергнутого ostracismu, появляется возможность

наладить новые социальные и экономические связи вне отвергнувшей его группы).

В такой ситуации стимулы к нарушению неформальных правил возрастают, и все более важную роль начинают играть формальные правила, санкции за нарушение которых носят организованный характер и не зависят от социальных связей. Поскольку аппарат реализации таких санкций допускает большую отдачу, то сравнительными преимуществами в их осуществлении обладает государство. Именно оно устанавливает и формальные правила, и санкции за их нарушение. Западные экономисты предлагают систему контроля за соблюдением правил рассматривать в виде таблицы с исследованием различных типов правил для субъектов, санкций за нарушение правил и системы принуждения к соблюдению правил. Представим систему контроля за соблюдением правил, исходя из ранее рассмотренных классификаций правил, предложенных В. Ванбергом, и нашей классификацией (табл. 2).

Рассмотрим более подробно данную таблицу применительно к бюджетной системе страны.

Первая сторона – актор. Как и в любой системе, будь то социальная, финансовая или бюджетная система, первой стороной будет человек, а точнее, чиновник, работающий в данной системе. У каждого человека существуют свои собственные моральные и этические нормы, существует своя система ценностей, и именно от этого зависит работа в системе данного чиновника. Если у служащего высокие моральные ценности, исполнение обязанностей будет четко скоординировано в соответствии с законодательством и должностными обязанностями. Как правило, при мелком нарушении и обходе какого-либо формального правила у чиновника будут возникать собственные внутренние санкции (угрызения совести) за содеянное. Система принуждения, как правило, для таких людей не нужна: они сами следят за своими поступками. Соответственно, если в бюджетной системе работают только подобные акторы, о возникновении неформальных взаимоотношений и неформальных правил и речи быть не может. Очень часто складывается другая картина, когда чиновники злоупотребляют своими полномочиями, и как раз в этих условиях и создается система неформальных правил или неформальный институт взаимодействия с другими акторами. Ведь главная роль, которую играют институты в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой структуры взаимодействия между людьми, лимитирующей выбор вариантов поведения. В этом аспекте любой институт рассматривается как результат власти: правила устанавливаются людьми, выражают их интересы, реализуются посредством принуждения. Механизм установления, обеспечения и соблюдения правил становится компонентом институциональной структуры общества, если правила выполняют функцию ограничений и являются действующими.

Таблица 2

Система контроля за соблюдением правил в бюджетной системе

<i>Сторона, осуществляющая контроль</i>	<i>Правила</i>	<i>Санкции за нарушение правил</i>	<i>Система принуждения к соблюдению правил</i>
<i>Первая сторона:</i> актор.	Личные правила (собственные моральные и этические нормы), сетевые правила, косвенные правила.	Внутренние санкции, зависящие от норм морали (угрызения совести), санкции, принятые в группе.	Самоконтроль, исключение из группы.
<i>Вторая сторона:</i> другие акторы – участники взаимодействия.	Неформальные правила (легальные и коррупционные).	Санкции, осуществляемые второй стороной единолично.	Обещания, лежащие в основе контракта.
<i>Третья сторона:</i> а) социальная группа (окружение); б) организация; в) государство.	Личные правила, принятые в социальной группе. Внутренние правила организации, правила распределения, прямые и косвенные правила. Государственные законы, формальные контракты.	Санкции, осуществляемые социальной группой. Система принуждения, принятая в организации и осуществляемая ею. Государственная система принуждения.	Неформальный контроль со стороны социальной группы. Система контроля, принятая в организации. Система права.

Второй стороной являются другие акторы (участники взаимодействия). При взаимодействии нескольких акторов нередко возникают неформальные контракты или неформальные договорные отношения. Как мы уже говорили, роль института, а соответственно и роль первой стороны (актора), заключается в уменьшении неопределенности. При сотрудничестве двух сторон по неформальным нормам эту неопределенность можно уменьшить еще в несколько раз, ведь не секрет, что при распределении бюджетных ресурсов или при проведении конкурсов за определенную плату все неопределенности просто исчезают. Для второй стороны доступной становится та информация, которая не доступна всем другим акторам. Как известно, что тот, кто владеет информацией, тот «владеет миром», в нашем случае – ограниченными бюджетными ресурсами. В подобной ситуации возникает так называемая асимметричность информации, когда одной стороне доступна информация в том объеме, в котором она не доступна другим членам общества.

Третьей стороной являются окружение или социальная группа, организация, государство. Каждая из этих групп устанавливает свои собственные нормы, санкции за нарушение этих норм и, конечно же, систему принуждения к соблюдению этих норм.

Окружение актора очень часто влияет на его поступки, под воздействием давления и при определенных обстоятельствах служащий может престу-

пить формальную норму и вступить во взаимодействие с неформальным институтом, причем контроль за соблюдением или выполнением данного действия осуществляется со стороны социальной группы. Не всегда можно вступить в противоречие с данной группой, так как санкции у подобного окружения весьма жесткие. Как правило, такими группами являются криминальные или преступные группировки.

Организация также влияет на актора, ведь в каждой системе существуют свои внутренние правила «игры», тот кто их не выполняет, лишается поддержки со стороны организации или просто из нее исключается. Как правило, внутри организации очень редко возникает исполнение неформальных правил. В большей степени здесь существуют неформальные контракты между сотрудниками организации. Поддержав одного актора, другой актор заручается его поддержкой в следующий раз.

Государство предъявляет свои собственные правила, санкции за нарушение этих правил, а также систему принуждения к соблюдению этих правил.

Классическое определение государства, данное М. Вебером, включает: во-первых, закрепление насилия лишь за одной организованной группой, в то время как другие эффективно устранены или нейтрализованы; во-вторых, применение насилия в рамках такой монополии исключительно на основе легитимности [2, с. 648].

Д. Норт дает другое определение государству, он рассматривает его как «организацию, обладающую сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, которые распространяются на определенный географический район и выражаются в способности облагать налогом население данного района» [6, с. 50].

В соответствии с моделью М. Олсона, государство может рассматриваться как «стационарный бандит», который контролирует определенную территорию и насильственным образом отбирает у жителей часть доходов в виде налогов. «Если грабежи и кражи государством монополизированы, жертвы начинают инвестировать и увеличивать свой капитал, а «оседлый бандит» за счет налоговых поступлений – финансировать общественные блага» [4, с. 392].

В действительности бюджетная система основывается на изъятии у других хозяйствующих субъектов определенной части дохода, несмотря на то, что само государство также является неким хозяйствующим субъектом, закладывающим в цену товара, услуги свой централизованный фонд в виде НДС, акцизов и пошлин. Соответственно у хозяйствующих субъектов возникает неизбежное желание либо уклониться от этого изъятия, либо сократить его. Отсюда возникают неплатежи в бюджет, отсюда взятки и т. д. Но речь идет не только о взаимоотношениях между субъектами хозяйствования и государством, но и о взаимоотношениях в самой бюджетной системе.

Неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленных Бюджетным кодексом порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля за исполнением бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации признается нарушением бюджетного законодательства, которое влечет применение к нарушителю мер принуждения.

К нарушителям бюджетного законодательства могут быть применены следующие меры [1, с. 192]:

– предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса;

– блокировка расходов;

– изъятие бюджетных средств;

– приостановление операций по счетам в кредитных организациях; наложение штрафа;

– начисление пени.

Санкциями за нарушение бюджетного законодательства может служить как административная, так и уголовная ответственность.

Итак, применение и развитие правил неотделимо от реализации поддерживающих эти правила санкций и их эволюция. Говоря о правилах и санкциях, мы говорим об их применении в институтах.

В заключение можно сказать, что бюджетная система на всех уровнях должна быть обеспечена достаточным набором формальных правил, четко прописанных в законодательных актах и не противоречащих друг другу. Изменение в законодательстве РФ не должно возвращать страну к старой системе, к старым методикам. В действующих правилах бюджетной системы не должны быть использованы «плохие» неформальные правила – и именно по этой причине их необходимо идентифицировать, изучать последствия от их использования. Система контроля за соблюдением правил и норм в бюджетной системе должна быть направлена на исключение неформальных контактов, оказывающих негативное воздействие на бюджетную систему РФ

Литература

1. Бюджетный кодекс РФ. – М.: Юрист, 2008.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1989.
3. Кузьминов, Я. И. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов / Я. И. Кузьминов, К. А. Бендукидзе, М. М. Юдкевич. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – XL.
4. Олсон, М. Институциональные изменения, рассредоточение власти и общество в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста / М. Олсон // Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация, социальный склероз: [пер. с англ.]. – Новосибирск: ЭКОР, 1998.
5. Шабашев, В. А. Неформальный институт административно-силового давления на субъектов малого предпринимательства / В. А. Шабашев, Н. Ю. Куракова. – Кемерово: КемГУ, 2006.
6. Vanberg, V. Rules and Choice in Economics / V. Vanberg. – L., 1994.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 316.334.3:343.8

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ
С НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В. Ф. Лелюх, А. Э. Позднякова

RUSSIAN PRISON INTERACTION WITH NON-GOVERNMENTAL SOCIAL INSTITUTIONS
AND ORGANIZATIONS

V. F. Lelyukh, A. E. Pozdnyakova

В статье раскрывается деятельность в местах лишения свободы различных общественных организаций и движений, содействующих исправлению осужденных, например: «Россия православная», Общество милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь», Российское библейское общество, общественная просветительская организация «Древо добра»; священнослужители Русской православной церкви и других конфессий, традиционно окормляющих свою паству на территории России.

The article covers the activities of various public organizations and movements that promote reformation of the convicted in places of deprivation of liberty: for example, «Orthodox Russia», Society of mercy in prisons «Faith, Hope and Charity», the Russian Bible Society, public educational organization «Tree Good»; the priests of the Russian Orthodox Church and other denominations that traditionally direct congregations in Russia.

Ключевые слова: священнослужители, паства, окормление, свобода вероисповедания, сектанты, попечительские советы, правозащитники, религиозные конфессии.

Keywords: clergy, congregations, pastoral direction, freedom of worship, sectarians, boards, human rights defenders, religious denominations.

Развитие мер общественного призрения в определенной системе явилось заслугой Петра I. В его распоряжениях указывалось на предупреждение нищеты: нищие делились по категориям, виды оказываемой помощи ставились в зависимость от нужд, устанавливались органы призрения и определялись средства для их развития.

В 1775 г. императрица Екатерина II особым законодательным актом создала **Приказы общественного призрения**. Одной из сфер деятельности Приказов было «учреждение и надзирание богаделен для мужского и женского пола убогих, увечных, престарелых, кои пропитания не имеют». Наряду с государственными службами разрешалось создание аналогичных служб частными лицами, т. е. параллельно получала развитие частная система призрения.

Во второй половине XIX века в Москве создаются многочисленные общества врачей различных специальностей. Неотъемлемой частью их работы была благотворительная деятельность. Благотворительной деятельности посвятил большую часть своей жизни врач-гуманист Ф. П. Гааз, безвозмездно лечивший больных в богадельных домах. Будучи главным врачом московских тюрем, он проводил линию на справедливое, без напрасной жестокости, отношение к виновному, деятельное сострадание к несчастному и призрение больного. Как известно, в то время за виновным отрицались почти все человеческие права и потребности, больному отказывалось в действенной помощи, несчастному – в участии. По ходатайству Ф. П. Гааза были отпущены средства на устройство тюремной больницы на Воробьевых го-

рах. Здесь он, оставляя ссылаемых на некоторое время в Москве «по болезни», разрешал снимать с них оковы и обязывал обращаться с ними как с людьми прежде всего несчастными.

В 1878 г. в Петербурге было основано **Общество пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения**. За 15 лет попечение было принято над 1166 несовершеннолетними, из них повторно совершили преступления 65 человек. В 1908 г. был утвержден устав общества **«Патронаж»**, отличительной чертой которого было большое число правоведов, судебных практиков в ряду его членов. «Положение освобожденного из заключения не может не обращать на себя внимания и с точки зрения гуманности, и еще более с точки зрения государственной пользы. Тюремное сидение, ослабив его связи со свободным обществом, почти всегда уменьшает его жизненные силы и энергию. В лучшем случае по открытии тюремных заперов он возвращается в ту же общественную среду, условия которой натолкнули его на прежнее преступление, обыкновенно же к этому присоединяется... создаваемый не столько судимостью и преступностью, сколько именно пребыванием в тюрьме, ореол позора», – отмечал один из членов этого общества и указывал на возможность помощи таким лицам «на более высокой основе индивидуальной любви к падшему» [3, с. 10 – 14].

Традиция участия общественности в сфере исполнения уголовных наказаний известна пенитенциарной системе России с начала XIX века – с момента образования **«Общества попечителей о тюрьмах»**. Оно объединяло представителей различных

сословий государства, в т. ч. членов императорской фамилии и дворянства. Российскому обществу всегда были присущи черты сострадания, соучастия, участия в благотворительности, и попечительства, распространены и на сферу отношений с пенитенциарной системой.

Реалии сегодняшнего дня требуют от администрации мест лишения свободы внедрения новых, нестандартных форм эффективного взаимодействия с религиозными концессиями (объединениями) по духовно-нравственному воспитанию и подготовке осужденных к освобождению и правопослушному поведению на свободе. Жизнь показала эффективность нетрадиционных форм воспитательного воздействия в пенитенциарных учреждениях России.

Проведенное автором исследование свидетельствует о том, что свыше 56 % осужденных, приобщившихся к религии, становятся более уравновешенными, толерантными, спокойными, реже допускают нарушения режима отбывания наказания, осознают тяжесть совершенного преступления, раскаиваются в содеянном, начинают честно трудиться, вступают в самостоятельные организации осужденных, активнее участвуют в отрядных и колонийских мероприятиях, возобновляют прерванные контакты с семьями, в т. ч. с родителями, создают новые семьи.

За последние годы в уголовно-исполнительной системе накоплен определенный опыт совместной работы с религиозными организациями. В этой истине подвижнической работе принимают живейшее участие священнослужители Русской православной церкви, представители других христианских деноминаций, мусульмане, буддисты, иудеисты, различные благотворительные миссии и фонды как отечественные, так и зарубежные. С каждым годом развивается их просветительская и благотворительная деятельность.

В исправительных учреждениях сегодня построено 343 храма (часовни, домовые церкви). Из них: 324 – Русской православной церкви, 3 домовые церкви евангельских христиан-баптистов, костел Римско-католической церкви, 10 мечетей и 5 буддийских дуганов. Возводится еще 75 культовых сооружений. Там, где нет возможности построить капитальные здания, действуют 628 молитвенных комнат, за всеми учреждениями закреплены священнослужители для пастырских посещений. Создано около 1000 религиозных общин различных конфессий, в которых насчитывается более 40 тысяч верующих осужденных (5,5 % от среднесписочной численности). В большинстве регионов организованы 262 воскресные школы (библейские курсы), где проходят религиозное и духовное обучение около 9 тысяч осужденных.

В решении проблем православного просвещения в местах лишения свободы участвуют и общественные организации: Общероссийское общественное движение «Россия православная», Общество милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь», Российское библейское общество, общественная

просветительская организация «Древо добра» [1, с. 5].

Содействие представителей гражданского общества особенно значимо при работе с несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательных колониях. Воспитательные колонии постоянно находятся в поле зрения государственных органов власти и общественных организаций. В рамках Федеральной целевой программы «Дети России» на 2003 – 2006 годы воспитательные колонии получили дополнительно из федерального бюджета 42 млн рублей.

В соответствии с требованиями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, во всех воспитательных колониях созданы *родительские комитеты, а также попечительские советы*, большинство из которых возглавляют руководители местных органов исполнительной власти. Важным направлением в работе является организация шефства над сиротами и лицами, оставшимися без родительского попечения, оказание им финансовой помощи после освобождения и помощи в бытовом устройстве.

Например, в воспитательной колонии г. Ангарска Иркутский молодежный фонд правозащитников «Ювента» проводит работу по повышению уровня правовых знаний несовершеннолетних правонарушителей, оказывает консультативную помощь, осуществляет сопровождение после освобождения.

Некоммерческим благотворительным Фондом содействия социальной реабилитации осужденных и защиты персонала УИС Минюста России «*Попечитель*» разработаны и осуществляются целевые программы, направленные на поддержку социального статуса педагогических работников общеобразовательных школ воспитательных колоний и стимулирование обучающихся. Фонд выступил учредителем ежегодной премии «Учитель года воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы Минюста России» и «Лучший учащийся школы воспитательной колонии».

Одной из наиболее актуальных на сегодняшний день является проблема социальной реабилитации и адаптации наиболее незащищенной категории осужденных – женщин и детей. В настоящее время в России функционирует 41 исправительная колония, где отбывают наказание около 40 тыс. женщин. В 11 из них имеются *дома ребенка*, в которых находятся 520 детей в возрасте до трех лет [1, с. 6].

Межрегиональная благотворительная организация «*Фонд помощи заключенным*» реализует проекты, направленные на поддержку инициатив в области улучшения условий отбывания наказаний в местах лишения свободы и ресоциализации осужденных женщин.

К этой работе фонд привлекает известных государственных и политических деятелей, представителей законодательных и исполнительных органов власти, деловых кругов, культуры, религиозных конфессий. В целях развития творческих способностей осужденных в исправительных колониях про-

водятся фестивали женской, молодежной и детской моды. Фонд осуществляет и гуманитарную помощь.

При этом особое внимание уделяется медицинскому обеспечению осужденных женщин и их малолетних детей, находящихся в домах ребенка при исправительных учреждениях.

Весьма злободневной для России является проблема социальной адаптации осужденных, освободившихся из мест лишения свободы. В практике взаимодействия институтов гражданского общества с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы есть многочисленные положительные примеры. Но все они в основном относятся к так называемому пенитенциарному взаимодействию – процессу, когда институты гражданского общества оказывают помощь администрации учреждений и осужденным в период отбывания наказания.

Меняются цели привлечения осужденных к труду. Сейчас главная из них – помочь человеку после освобождения адаптироваться в обществе, привить ему жизненно важные навыки.

Сложнее обстоят дела с постпенитенциарным воздействием, когда перед осужденным, освободившимся из мест лишения свободы, возникают многочисленные проблемы, разрешить которые без участия общественности невозможно. Помощь институтов гражданского общества в таких случаях заключается, в первую очередь, в бытовом и трудовом устройстве освобождаемых. Осложняет социальную адаптацию бывших осужденных отрицательное отношение со стороны общества. С этой проблемой они сталкиваются в первые дни на свободе. Именно для того, чтобы ее преодолеть, нужна помощь общественных организаций.

Проекты по активизации участия структур гражданского общества в судебно-правовой реформе, внедрению в деятельность исправительных учреждений новых социальных технологий, способствующих ее гуманизации и реформированию, а также координации усилий государственных и негосударственных структур для социальной адаптации лиц, осуществляет международная неправительственная организация *«Международная тюремная реформа»*.

Эта организация совместно с Россией осуществляет проект *«Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации»*, который направлен на реформирование уголовно-исполнительных инспекций с целью их подготовки к исполнению новых видов наказаний.

С нашей точки зрения, недооценка религиозного формирования как внутреннего фактора, восстанавливающего личность, ведет к отрыву от истонных нравственных ценностей, таких, как почитание родителей, создание прочной семьи, понятие о чести и человеческом достоинстве. Они вдохновляют человека на исполнение своего долга по отношению к ближнему, каковым является каждый человек, независимо от национальности, религии и мировоззрения, а также на бескорыстное служение общественному благу и Отечеству.

Русская православная церковь не осталась безучастной к происходящему в нашем обществе процессу духовного обновления. Современная деятельность Церкви способствует обществу в достижении им более возвышенного духовного облика, а также в создании во всех сферах жизни моральных отношений, сочетающих достижения прогресса с голосом праведной совести. Русская православная церковь вступает ныне в новый период совершенствующихся церковно-государственных отношений.

Обращение сотрудников уголовно-исполнительной системы при организации воспитательной работы с осужденными к богатейшему наследию Русской православной церкви не случайно. Это восстановление генетической памяти, возвращение к своим российским истокам, к своей тысячелетней истории. До 1917 года в России существовал институт тюремных священников (аналогично – в армии, на флоте).

Октябрь 1917 г. послужил точкой отсчета эпохи тотального атеизма. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года, а затем постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» фактически свели на нет право на свободу совести вообще, а для осужденных в особенности. В первые годы советской власти происходил массовый отход от религии, рвались многовековые связи с церковью и прежде всего с господствующей – православной. Только в исключительных случаях и в специальном порядке, согласно вышеуказанному постановлению, разрешалось совершение по просьбе умирающих или тяжело больных осужденных, находящихся в местах заключения, религиозно-культовых обрядов, проводимых в особо изолированных помещениях.

Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года с изменениями и дополнениями, внесенными 23 июня 1975 года, официально оставалось в силе до тех пор, пока не был принят в 1990 году довольно прогрессивный для того времени закон «О свободе вероисповеданий». С принятием в 1989 году на ведомственном уровне ряда мер по урегулированию этих отношений положение кардинально изменилось. Так, приказом МВД СССР № 250 от 10 октября 1989 года были утверждены «Рекомендации по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов».

Происшедшие изменения в России, а также переоценка роли религии в духовном возрождении Отечества повлияли на то, что после долгих лет насильственного насаждения атеистической идеологии наше общество начало возвращаться к истинным ценностям, составляющим естественную духовно-нравственную основу человеческой жизни. Действующее законодательство заметно расширило права осужденных на свободу совести и свободу вероисповеданий.

Среди силовых структур православные традиции заметно укоренились именно в пенитенциарной системе. Даже нарушители, приняв веру, более доб-

росовестно относятся к тем требованиям, которые предъявляет к ним администрация. Многие осужденные охотно и бескорыстно трудятся при возведении культовых сооружений.

Улучшению совместной деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, с Русской православной церковью способствовало создание в 1995 году Синодального отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. В этих целях снят ряд видеофильмов, издается печатная продукция, в которую входят и целевые обзоры. Все это становится достоянием практических работников пенитенциарных учреждений и служит им подспорьем в работе с осужденными.

При посещении ИУ священнослужители ведут индивидуальную и массовую работу с осужденными по распространению убеждений, религиозному обучению, духовно-нравственному воспитанию, удовлетворению потребностей последних в совершении обрядов крещения, брака, соборования, покаяния и причастия. Привычным стало проведение литургий, проповедей и нравственных бесед. В настоящее время в 42 регионах в ИУ созданы и действуют воскресные школы, библейские курсы и иные формы обучения осужденных религиозным предписаниям, нормам вероучений и культовой практике. У многих осужденных и подследственных есть в личном пользовании Библия, Новый Завет, Псалтырь и др.

В значительной мере на укрепление связей между исправительными учреждениями и религиозными конфессиями повлияли *Совместное заявление* от 6 сентября 1994 года и *«Соглашение о сотрудничестве»* от 30 августа 1996 года между МВД России и Московской Патриархией Русской православной церкви, а также *«Соглашение о сотрудничестве» между Минюстом России и Московской Патриархией Русской православной церкви, подписанное 21 декабря 1999 года*. В соответствии с этими документами разработаны мероприятия, в которых участвуют учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, учебные и научно-исследовательские институты, местные Епархиальные управления Русской православной церкви.

При всей своей прогрессивной направленности Закон «О свободе вероисповедания» 1990 года имел и негативное влияние на общество в целом, поскольку открыл дорогу проповедникам с Запада и Востока, которые хлынули в Россию учить традиционно православный народ вере в своего Бога. Не обошла эта тенденция и места лишения свободы. Так, в 1995 – 1996 годах в пенитенциарных учреждениях побывали миссионеры из Англии, Германии, Латвии, Нидерландов, США, Украины, Финляндии, Швеции, Эстонии и даже Японии. Поскольку значительная часть сотрудников исправительных учреждений, как, впрочем, и большинство атеистически воспитанного населения России, недостаточно разбирается в проблемах различных вероисповеданий, то двери исправительных учреждений открылись не только для протестантов, католиков, мусульман,

буддистов, но и для представителей религиозных тоталитарных сект. К сожалению, эта тенденция не прекратилась и до настоящего времени, но при этом сектанты стали действовать более изощренно, часто выдавая себя за служителей православной церкви.

Сектанты самых различных направлений (и западные, и восточные) наносят непоправимый вред духовно-нравственному развитию личности. К тому же их деятельность в местах лишения свободы представляет большую, чем на свободе, опасность. Их методы, структура, способы вовлечения в свои ряды новых членов весьма схожи с подобными механизмами, существующими в группах осужденных, придерживающихся уголовных традиций. Осужденные, попавшие под их влияние и ставшие членами сект, после освобождения не могут из них добровольно выйти, чем ставят под угрозу не только свою жизнь, нравственное и психическое здоровье, но и жизнь своих родных и близких.

Принятие нового закона в 1997 году при его грамотном толковании и применении может способствовать прекращению беспрепятственного проникновения в места лишения свободы, в частности, представителей чуждых нам религий и тоталитарных сект. Во-первых, в преамбуле однозначно определяется доминирующая роль православия в российском обществе; во-вторых, в статье 13 сказано, что представительство религиозных иностранных организаций не может заниматься культовой или иной религиозной деятельностью на территории России.

Таким образом, можно констатировать, что в истекшем десятилетии уголовно-исполнительная система наладила взаимодействие с церковными организациями.

В «Соглашении о сотрудничестве» между РПЦ и Министерством юстиции (подписано 21.12.99 г.) некоторые из обозначенных проблем нашли свое отражение в тексте документа. Так, предусматривается в системе служебной подготовки сотрудников:

- изучение основ православия, его роли в истории Российского государства; обучение основам православного вероучения представителей администрации и сотрудников по их желанию в учебных заведениях РПЦ;
- организация краткосрочных курсов катехизаторов в епархиях РПЦ для подготовки кадров преподавателей религиозного образования специально для мест лишения свободы;
- создание в высших учебных заведениях Минюста кафедр теологии, православной культуры и педагогики;
- более полное обеспечение религиозной литературой, в том числе и по истории российского государства;
- размещение в колониях заказов на изготовление изделий и продукции для реставрируемых и строящихся храмов, религиозной атрибутики.

Православное просвещение в местах лишения свободы имеет солидную правовую основу:

– статью 28 Конституции России, гарантирующую каждому гражданину России, в том числе и осужденному, свободу совести и вероисповедания;

– «Закон о свободе совести и религиозных объединениях», принятый 19 сентября 1997 года;

– Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, где в статье 14 «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных» сказано, что осужденные вправе исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; этой же статьей разрешен допуск священнослужителей в исправительные учреждения, следственные изоляторы, тюрьмы и даже в камеры смертников.

За исправительными учреждениями для пастырских посещений стали закрепляться конкретные приходы и священнослужители. Это создало условия для нравственных и просветительных бесед в рамках воскресных школ, для строительства новых храмов и оборудования молельных комнат.

На представителей религиозных организаций, посещающих ИУ, распространяются требования выполнения условий совместной работы вольнонаемного персонала с осужденными и допуска лиц на объекты мест лишения свободы, предусмотренные исправительно-трудовым законодательством и Правилами внутреннего распорядка. При посещении ИУ представителями религиозных организаций администрация учреждения доводит до их сведения установленный порядок встречи и обеспечивает меры безопасности. Рекомендуется так обеспечивать взаимодействие исправительных учреждений и религиозных организаций, чтобы, с одной стороны, организовывать выступления и консультации пенитенциарных работников для представителей религиозных организаций по современным проблемам исполнения (отбывания) уголовного наказания в местах лишения свободы, с другой – создавать, при желании сотрудников, условия для их общения со служителями религиозных культов.

В вопросах обеспечения свободы совести осужденным сотрудникам ИУ рекомендуется:

1. Предоставлять возможность осужденным во внерабочее время, не нарушая установленного распорядка дня, беспрепятственно совершать индивидуально или коллективно религиозные действия. Предоставлять возможность представителям религиозных организаций посещать исправительные учреждения, проводить воспитательную работу и распространять свою веру путем совершения обрядов культа, религиозного обучения и воспитания, милосердия и благотворительности, иной деятельности, определяемой соответствующими вероучениями и уставами (положениями) религиозных организаций и объединений.

2. Обеспечить реализацию права осужденных на свободу вероисповедания, в том числе путем содействия в приглашении профессиональных служителей культа в учреждение для встреч с осужденными, отправления религиозных обрядов и церемоний. При наличии в учреждении приверженцев различных вероисповеданий целесообразно с учетом возможности учреждения выделить одно помещение

для доминирующего среди осужденных вероисповедания и другие помещения – для приверженцев иных вероисповеданий. Во избежание конфликтов между осужденными-приверженцами различных конфессий рекомендуется разводить проведение их служб по различным помещениям и по времени их проведения.

3. Без крайней необходимости (угроза чьей-либо жизни, захват заложников и т. д.) не обращаться за содействием к священнослужителям и другим представителям религиозных организаций для решения оперативных и иных служебных задач.

4. По инициативе религиозных организаций предоставлять возможность их членам и профессиональным служителям культа проводить встречи с осужденными с целью воспитательной работы и миссионерской деятельности; содействовать религиозным организациям в создании условий для общегуманитарного воздействия на осужденных, в том числе в форме участия в работе различных общественных образований. Администрации не следует запрещать осужденным принимать участие в изготовлении в свободное время предметов культа.

5. Разрешать замену дней работы, одних видов питания на другие, иных условий содержания в связи с необходимостью соблюдения религиозных предписаний и сложившихся обычаев (праздники, посты, запреты на употребление определенной пищи и т. д.) по предварительному согласованию с территориальными органами управления уголовно-исполнительной системы, исходя из соображений обеспечения нормальной жизнедеятельности учреждения, безопасности и дисциплины в условиях исправительного учреждения, а также конкретных местных обстоятельств.

6. Обеспечить в учреждении равноправие всех граждан, независимо от религиозных или атеистических воззрений, различий по вероисповедному признаку. Принимать все предусмотренные законодательством и ведомственными нормативными актами меры по пресечению действий, прямо направленных или могущих содействовать:

- возбуждению религиозной вражды или розни;
- унижению чести и достоинства по признаку отношения к религии;
- пропаганде исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии и определенному вероисповеданию;
- прямому или косвенному преимуществу граждан в зависимости от вероисповедной принадлежности или отношения к религии вообще;
- причинению вреда здоровью граждан или посягательствам на личность или права граждан либо побуждению граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершению иных противоправных действий;
- нарушению условий совместной работы вольнонаемного персонала с осужденными и допуску лиц на объекты мест лишения свободы, установ-

ленных законодательством и Правилами внутреннего распорядка.

7. С целью упорядочения работы религиозных организаций с осужденными устанавливать по соглашению с представителями культа в рамках действующего законодательства время посещения ими учреждения и проведения мероприятий, порядок прохода на территорию и перемещения по ней.

8. Ориентировать служителей культа на координацию усилий по формированию морально-психологического климата в коллективах осужденных, а также на индивидуальную работу с теми из них, чье исправление встречает наибольшие трудности.

9. Оказывать всяческое содействие деятельности Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, а также рабочим группам, которые создаются ею для изучения конкретных вопросов.

10. В планы служебной подготовки сотрудников службы по воспитательной работе включать изучение законодательства Российской Федерации о свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях. Наряду с этим рекомендуется периодически проводить координационные совещания-семинары практических работников ИУ, представителей УИС со служителями различных религиозных конфессий для обмена опытом работы и решения проблем религиозно-нравственного воздействия на исправление осужденных.

Кроме того, религиозные организации (объединения) могут на договорных началах с администрацией исправительного учреждения и при наличии возможностей в учреждении (свободной территории, соответствующих зданий, сооружений, помещений) построить и оборудовать по канонам веры специальное культовое здание (строение) или перестроить с этой целью здание, строение, помещение, принадлежащее исправительному учреждению. В этих случаях все расходы по строительству, переоборудованию и дальнейшей эксплуатации культового объекта определяются по договору между администрацией исправительного учреждения и другими заинтересованными сторонами (религиозными общинами, их властями, спонсорами, благодетелями и т. п.).

При этом осужденные могут по собственному желанию участвовать в покрытии этих расходов посредством денежных пожертвований, работы в свободное время по возведению и обслуживанию культового объекта. В находящихся на территории ИУ специальных культовых зданиях, строениях, помещениях могут работать на постоянной основе за счет религиозных организаций (объединений) профессиональные работники культа, а также использоваться по найму (по соглашению с администрацией ИУ и на основании трудового договора) осужденные в качестве обслуживающего персонала.

Администрации ИУ рекомендуется также при решении вопроса о допуске к работе с осужденными тех или иных религиозных организаций применять дифференцированный подход к ним. Суще-

ствует масса религиозных течений, нетрадиционных культов (вневероисповедная мистика, магия, оккультизм и т. д.), которые по своим принципам и культовой практике не могут быть допущены к работе с осужденными. Например, отвергнутая Русской православной церковью так называемая «Богородическая церковь» проповедует неприятие семьи, отказ от заботы о детях, отрицательное отношение к женщине. В старообрядческой секте хлыстов до сих пор (хотя и довольно редко) практикуются так называемые моления с самобичеванием и пророчествами, в результате которых верующие могут впадать в состояние религиозного экстаза, теряя при этом контроль над своими действиями.

Во взаимодействии с официально зарегистрированными религиозными конфессиями руководители исправительных учреждений не должны допускать преимущественной поддержки одних объединений за счет других. Администрация ИУ должна обеспечивать им одинаковые возможности для общения с верующими осужденными (за исключением тех случаев, когда деятельность той или иной религиозной общины влечет очевидные негативные последствия). Кроме того, необходимо обеспечивать одинаковые возможности в распространении своих взглядов, наряду с религиозными объединениями, представителям светских (например, научных) организаций и обществ, придерживающихся атеистического мировоззрения. Осужденным должно быть предоставлено право свободно выбирать между религиозным и атеистическим мировоззрением, задача же сотрудников ИУ – уметь отбирать и использовать в работе все конструктивное, что могло бы принести пользу для исправления правонарушителей.

Продолжает активно сотрудничать с ИУ благотворительный фонд во имя Николая Чудотворца «Вера, Надежда, Любовь». Исследователи отмечают, что за пять лет фондом была оказана помощь в оснащении более 10 храмов в следственных изоляторах и колониях; его юристы рассмотрели около 20 тыс. писем и просьб заключенных и осужденных, изучили 3483 судебных документа, составили 1177 ходатайств, из которых 167 удовлетворено. Фондом закуплено и передано больным, содержащимся в следственных изоляторах и колониях, медикаментов на сумму более 10,6 млн рублей, направлено в места лишения свободы, семьям осужденных около 7000 предметов одежды.

К этой работе привлекаются и православная общественность, общественные православные организации и движения. Именно с этой целью в декабре 1997 г. была основана Российская православная благотворительная общественная организация «**Общество «Духовное возрождение»**», основными задачами которой стали гуманизация отношений между персоналом учреждений и осужденными, их духовно-нравственное просвещение, оказание социальной поддержки, содействие строительству и восстановлению православных храмов, часовен, моленных комнат и многое другое.

Членами Общества могут быть юридические и физические лица, попечители, сотрудники УИС, священнослужители, родственники осужденных и любые лица, разделяющие положения Общества и следующие его Уставу.

В последнее время деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях России приобрела системный и устойчивый характер, укрепляется сотрудничество между представителями администрации этих учреждений и религиозными организациями.

Гуманизация, гласность, смягчение режима в УИС позволяет администрации любого исправительного учреждения осуществлять комплекс организационно-профилактических мер по стабилизации, удержанию под контролем оперативной обстановки в колонии; активнее привлекать к воспитательному процессу общественные организации, особое место среди которых занимают священнослужители, представители зарегистрированных в законном порядке религиозных общин. Привлекая служителей культа различных церквей и конфессий, администрация учреждения успешно решает задачу приобщения осужденных к истинным моральным и духовным ценностям, их нравственному становлению.

Правовой базой деятельности религиозных организаций в местах лишения свободы являются: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ст. 14). В УИК РФ к основным средствам исправления осужденных отнесено оказание общественного воздействия на них. Исходя из этого, последующие нормы УИК РФ закрепили возможность участия общественных объединений в исправлении осужденных, содействии в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, в контроле над их деятельностью (ст. 23). Осужденные имеют право на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в общественные формирования, в том числе и международные (ст. 12). Участие общественных объединений в работе воспитательных колоний предусмотрено ст. 142 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

В настоящее время учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания, оказывают содействие в работе свыше 150 благотворительных фондов, общественных и религиозных организаций. Они принимают участие в нравственном, правовом, трудовом, физическом воспитании осужденных, подозреваемых и обвиняемых, содействуют повышению их образовательного и профессионального уровня.

Представители общественных формирований участвуют в работе комиссий по вопросам помилования, созданных в субъектах Российской Федерации. Наряду с предварительным рассмотрением ходатайств о помиловании осужденных и подготовкой материалов по ним, комиссии осуществляют общественный контроль над условиями содержания осужденных.

Традицию попечительства пенитенциарных учреждений возродила созданная в декабре 1999 года *Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы»*. Основными направлениями ее деятельности является гуманитарно-просветительская работа, духовно-нравственное просвещение осужденных, а также оказание благотворительной помощи исправительным учреждениям, сотрудникам и ветеранам пенитенциарной системы. Главная их задача – привлечение широких слоев общественности к проблемам и нуждам пенитенциарных учреждений, процессу исправления осужденных, решению социальных и бытовых проблем. Например, «*Общественным центром содействия реформе уголовного правосудия*» проводится независимая общественная экспертиза новых законодательных предложений и проектов, предлагаются действенные механизмы контроля над местами лишения свободы и заключения под стражу, осуществляется общественный контроль над соблюдением законности и прав человека в пенитенциарных учреждениях.

Правозащитная организация *Московская Хельсинкская группа* совместно с *Международной Хельсинкской федерацией по правам человека* и при поддержке Европейской комиссии провела мониторинговые исследования ситуаций с соблюдением прав человека в исправительных учреждениях всех субъектов Российской Федерации. По итогам исследования, в Министерство юстиции были представлены выводы и предложения, а также издан сборник «Положение заключенных в современной России». Участники мониторинга отметили, что в пенитенциарной системе России проводятся глубокие и коренные преобразования, связанные с гуманизацией условий отбывания наказаний.

Основными направлениями содействия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, являются правовое просвещение осужденных и сотрудников, социальная, материальная помощь, а также помощь в обеспечении прав на свободу совести и вероисповедания. Ряд общественных организаций содействуют также в организации трудовой занятости осужденных, их досуга, в получении образования, участвуют в духовно-нравственном, правовом, физическом и культурном воспитании и развитии.

Выводы. В процессе реформирования исправительных учреждений общественные организации стали содействовать решению многих социальных проблем осужденных, оказывают действенную помощь в духовном окормлении осужденных, их бытовом устройстве, получении общего среднего и профессионального образования, участвуют в привлечении средств массовой коммуникации к информационному обеспечению воспитательного процесса. Следует также подчеркнуть, что участие общественности, неправительственных организаций является средством смягчения напряженности на линии осужденный – персонал исправительного учреждения.

Литература

1. Болтков, С. Н. Российский опыт привлечения общественности к помощи заключенным и их последующей адаптации / С. Н. Болтков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 8.
2. Калинин, Ю. И. Дальнейшее реформирование системы не возможно без участия общественности / Ю. И. Калинин // Преступление и наказание. – 2003. – № 12.
3. Кашпур, Л. Человеколюбием исправлять // Преступление и наказание. – 1999. – № 11.
4. Лелюх, В. Ф. Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с неправительственными

социальными институтами и организациями / В. Ф. Лелюх // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (50).

5. Лелюх, В. Ф. Реформирование российской уголовно-исполнительной системы: использование международного опыта в пенитенциарной практике / В. Ф. Лелюх // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (50).

6. Некрасов, А. П. Профилактика пенитенциарной преступности / А. П. Некрасов; под ред. А. В. Горожанина; Самар. юрид. ин-т. – Самара, 2001. – 95 с.

УДК 349.6: 372.18: 502/504

ПОНИМАНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Т. Б. Невзоров

UNDERSTANDING OF THE IMPORTANCE OF THE IDEOLOGICAL MECHANISM FOR ENVIRONMENTAL LAW IMPLEMENTATION

T. B. Nevzorov

В статье представлено несколько элементов, составляющих систему формирования идеологического механизма реализации экологического права, основой которого являются экологическое образование, экологическая культура, правосознание.

The article provides some elements composing the system of forming the ideological mechanism for environmental law implementation, whose principles are ecological education, ecological culture, and feeling for law and order.

Ключевые слова: правосознание, идеологический механизм экологического права, экологическая культура, экологическое образование.

Keywords: feeling for law and order, ideological mechanism for environmental law implementation, ecological education, ecological culture.

Призывая к решению проблемы вывода из экологического кризиса посредством радикальных мер, некоторые исследователи стремятся использовать понятие «гармонизация отношений» по поводу использования ресурсного потенциала планеты, экологической безопасности жизнедеятельности населения и сохранения разнообразия природы. Однако это не единственная эколого-правовая, экономическая, политическая и этическая позиция. Сторонники противоположной зачастую стремятся избежать соблюдения эколого-правовых норм, игнорируют этические нормы взаимодействия с природой.

Современное российское общество близко к состоянию некоторой стабильности. Стремление к концентрации Федеральной государственной власти и расширение самостоятельности субъектов Российской Федерации определяют новые тенденции в развитии права, законодательства, в том числе в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Сложившаяся экономическая и политическая ситуация в России неоднозначно сказывается на процессах развития экологического права как отрасли и реализации его норм в современных условиях. Следующие друг за другом структурные изменения в отрасли, переподчинение органов охраны окружающей среды, перераспределение функций органов исполнительной власти сви-

детельствуют о том, что именно в данных условиях необходимо сосредоточить внимание на изучении и дальнейшем развитии системы механизмов экологического права, в частности, не вполне знакомого научной общественности идеологического механизма экологического права.

Задачей представляемых размышлений является предправовое определение структурных элементов идеологического механизма экологического права как факторов, реально влияющих на экологически значимую деятельность, на формирование и реализацию нормативного правового массива экологического права, на эколого-политические и управленческие решения в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. В работе умышленно не приводится сугубо правовая оценка правоотношений, возникающих в указанной области, поскольку законодательство о каждом из представленных ниже элементов настолько обширно, что требует специального исследования. Данный материал лишь предпосылка такого исследования.

Исторически современная эколого-культурная ситуация может быть объяснена. Экономические приоритеты в жизни общества, сложившиеся на рубежах XIX – XX – XXI веков, предопределили направление дальнейшего интенсивного развития, в первую очередь, европейского общества посред-

вом индустриальной экспансии в отношении природной среды, в результате чего негативные итоги этого развития в конце XX – начале XXI веков заставили нас говорить о неотвратимости экологического кризиса.

Было бы неверным повторять ошибки вековой давности и совсем недавние псевдореволюционные демарши против реально существующих и определяющих жизнь общества явлений (всяческие псевдореволюции). Любой коллектив, любое общественное или государственное образование, государство в целом может достичь позитивных результатов в своем развитии только при условии существования идеологической основы. Носителем определенной идеологии может быть любой более или менее устойчивый коллектив. Попытка подменить прижившееся понятие «идеология» иным не увенчалась успехом. Не всеми понимаются или принимаются понятия «ментальность» и «менталитет». На наш взгляд, это триединое свойство – ум, дух, стремление действовать, т. е. в принципе понятие, идентичное идеологии. Однако идеология как форма общественного осмысления явлений, событий, общих тенденций развития и проч., на самом деле не является чем-то непреложным, обязательным для всех. «Идеология» – понятие множественное.

Идеологический механизм экологического права (ИМЭП) в первом приближении можно определить как непрерывно обновляемую, динамичную, открытую систему средств, методов формирования или создания условий для формирования права и законодательства путем непосредственного воздействия на правовые институты или косвенно через иные социальные институты, путем создания нравственно-этических оснований действия права.

Идеологический механизм экологического права, как и иные средства обеспечения реализации права, имеет специфические основания. Для определения их круга следует ответить на ряд достаточно серьезных вопросов. Каким образом идеологический механизм и его элементы влияют на действие и развитие нормы права? Какова обратная указанной зависимости, т. е. каким образом осуществляется или должно осуществляться правовое регулирование действия идеологического механизма и его элементов? Какова продуктивность реализации нормы экологического права через ИМЭП?

Аксиоматично, что базовым средством формирования и индивидуального, и общественного сознания является симбиоз образования и воспитания на всех этапах становления личности и социума.

Пропедевтическая цель современного воспитания и образования заключается в воспитании у молодежи чувства ответственности перед «будущими поколениями» за состояние нашего общего дома – планеты Земля, предоставление необходимого объема экологических знаний и умение не причинять с помощью этих знаний вреда. Необходимо, чтобы молодые люди глубоко сознавали и предвидели последствия своей деятельности и при принятии решений, и при их практической реализации, стреми-

лись и умели предупредить наступление негативных последствий воздействия на окружающую среду.

Для экологически значимой деятельности, безусловно, актуальной остается сугубо техническая и технологическая проблема необходимости поиска способов предотвращения ущерба, наносимого природе непродуманной хозяйственной деятельностью и несовершенными технологическими процессами промышленных предприятий. Совсем недавно именно эта задача определялась как единственно возможный подход к решению экологических проблем.

Следует заметить, что современное понимание экологического подхода охватывает не только естественные и технические науки, их технологическое применение в практике промышленного производства, правовое регулирование применения тех или иных технологий. Экологический кризис не может быть преодолен с помощью теперь уже традиционных способов: безотходное производство, переработка отходов, очистка сточных вод и проч., поскольку уже принципиально нарушен глобальный экологический баланс. Решение проблемы лежит за рамками технологического и узкодисциплинарного, узкоотраслевого подхода. Любые усилия окажутся напрасными, если не произойдет изменений в сознании современного человека. Естественно, что это процесс длительный, и определенной результативности его трудно ожидать скоро. Но именно как начальная фаза переворота в сознании социума может стать позиция, предполагающая приоритет экологического подхода как необходимого элемента современного мышления.

В настоящее время в России создается единая система непрерывного экологического образования, правовой основой для которой послужил Закон Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды», а впоследствии и Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» [1]. Были изменены именно идеологические аксиомы (тем не менее ориентированные на экономическую целесообразность). Однако уже в конце 70-х годов в России высшие учебные заведения стали вводить природоохранные дисциплины в специализации. Безусловно, первопроходцами стали МГУ и академические образования столицы РФ, Украины, Белоруссии. Окончательно сформировавшееся (середина 80-х) понятие экологического права было принято всей научной общественностью страны. Развитие научного направления, учебной дисциплины «Экологическое право» привело к формированию отрасли права – Экологическое право РФ. Разве это не идеологический фактор формирования правового института?

Непрерывное экологическое образование имеет задачей охватить как можно больше членов общества. Система непрерывного экологического образования состоит из ряда последовательных этапов, включая дошкольное и послевузовское образование. В ряде вузов России сделана попытка последовательного включения в учебные планы гуманитарных факультетов экологических и экологоориентирован-

ных дисциплин. Так, студенты первого курса, в том числе и юридического факультета Кемеровского госуниверситета, изучают предмет «Концепции современного естествознания», базовым материалом которого являются философские, методологические и естественнонаучные основы экологии [2, 3].

Отсутствие или предвзятая трактовка, неверное представление научной, технической, социальной, экономической, правовой информации, необходимой для принятия управленческих решений, нередко провоцирует развитие экологических проблем, усиление социальной напряженности, связанной с экономической деятельностью, воздействием производственной деятельности на окружающую природную и культурную среду. Особенное значение корректность и достоверность экологической информации приобрели в период становления новых социально-экономических отношений в Российском обществе. Представляется чрезвычайно важной задача правового регулирования деятельности, обеспечивающей получение, анализ, распространение экологически значимой информации о состоянии природной среды, о мероприятиях экологического контроля, об экологическом мониторинге, об источниках загрязнения и их воздействии, о проектах промышленного развития, об изменениях состояния окружающей среды, их тенденциях. Это необходимо как для принятия адекватных ситуациям управленческих решений, так и для долгосрочного планирования.

В этом смысле необходимо говорить о правовой гарантии достоверности информации. Может показаться странным мнение о том, что итоговый документ, ежегодно представляемый специально уполномоченным органом в сфере охраны окружающей среды – Состояние окружающей среды в Российской Федерации и регионах, перед публикацией должен проходить процедуру экологической экспертизы. Действительно, ведь он представляется органом, в полномочия которого входит проведение государственной экологической экспертизы. Однако анализ изданий двенадцати лет (1998 – 2010) свидетельствует о том, что в них зачастую содержатся «незначительные, довольно серьезные неточности». А ведь это не только отчетный документ за некоторый прошедший период, но и документ, предопределяющий дальнейшее направление природоохранной деятельности развитых и экологически опасных регионов.

Невероятно актуальной остается проблема правового регулирования в сфере экологического образования. Недаром в прессе, в других источниках массовой информации, в профессиональной периодике, во время работы научных, научно-методических и научно-практических конференций, в том числе и по экологическому праву, не прекращается обсуждение проблемы необходимости разработки и принятия закона, регулирующего отношения в сфере экологического образования и информированности населения. В данной статье не представляется возможным провести достаточно серьезный анализ законопроектов об экологическом

воспитании, образовании, культуре, представляемых на обсуждение, в том числе и в средствах массовой информации.

Важнейшим способом идеологического воздействия всегда были и останутся информационные способы формирования общественного сознания, в первую очередь, правового. Влияние информационных средств на правотворческую и правоприменительную деятельность в экологическом праве особенно сильно. Это относится как к информационным системам обеспечения исследования окружающей среды и мониторинга, имеющих решающее значение для принятия управленческих решений, так и к информационным средствам собственно идеологического воздействия.

Таким образом, проблему формирования источника экологически значимой информации необходимо рассматривать как одну из основополагающих в структуре ИМЭП. Под источником формирования понимается субъект указанной деятельности. Условно их можно разделить на «государственные» и «общественные». Органы государственной власти формируют нормативный массив (здесь мы вправе упомянуть об источниках экологического права) и массив ненормативных документов (относящихся к источникам права – методические указания, типовые положения, инструкции и т. д.; не относящиеся к источникам права – государственные доклады, государственные программы, аналитические отчеты министерств, ведомств и проч.). К общественным источникам экологической информации следует относить доктрины и доктринальные толкования, научные и научно-практические комментарии, прессу, Интернет-ресурсы, издания и публикации общественных организаций и образований, результаты социологических опросов, отчеты о проведенных научно-исследовательских работах и проч.

В настоящее время все большее влияние на развитие ИМЭП оказывает деятельность научно-исследовательских организаций, которые посредством формирования федеральных и региональных программ чрезвычайно активно внедряются в процесс формирования социально-экологического фона жизнедеятельности территорий. Для Кемеровской области (например) такая активность приносит, безусловно, позитивные результаты. Чем больше и активнее научная общественность участвует в процессах формирования интеллектуальной обоснованности того или иного экологически значимого проекта, тем весомее интегрированный вклад в формирование экологической культуры населения. Чем настойчивее предлагается авторитетное мнение научной общественности, тем результативнее усилия по привлечению внимания государственных органов власти к насущным проблемам охраны окружающей среды. К сожалению, зачастую стремление ученых к сотрудничеству игнорируется аппаратом государственной власти.

Одним из факторов, определяющих возникновение дисбаланса между реальным правовым регулированием и готовностью общества к пониманию принимаемых решений, является дефицит инфор-

мированности, осведомленности населения, дефицит образовательной и культурологической идеологичности.

Как указывается в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», необходимо как определение специальных целей (разработка концепций, научных прогнозов и планов сохранения и восстановления окружающей природной среды; разработка и создание наилучших технологий в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов и т. п.) так и реализация соответствующих им задач [4].

При этом реализация идеологического механизма представляет собой разработку планов действий на федеральном, региональном, местном и отраслевом уровнях, а также мер государственной поддержки и регулирования в сфере экологического образования, просвещения и научного обеспечения. Как указывает экологическая доктрина, конкретизация положений применительно к отдельным сферам деятельности общества и государства и особенностям государственной политики в области экологии по различным субъектам РФ может быть осуществлена при разработке программ развития субъектов РФ и отраслей экономики. Критериями эффективности работы с населением будут являться позитивное отношение людей к деятельности по охране и рациональному использованию окружающей среды и готовность оказывать поддержку в проведении этой деятельности, о чем будут свидетельствовать уменьшение случаев экологических правонарушений в регионе, рост количества участников добровольных природоохранных акций, реальная коррекция хозяйственной деятельности с учетом ограничений, необходимых для сохранения окружающей природной среды. Долгосрочной целью работы с населением должно стать формирование у всех жителей страны высокого уровня экологической культуры – стремления и способности людей использовать свои экологические знания в практической деятельности.

Для придания этой деятельности организованного характера необходимо определить принципы, на которых должна основываться реализация идеологического механизма. К ним относятся:

- широкая социальная направленность;
- профессиональное и методическое обеспечение (деятельность осуществляется профессионально подготовленными специалистами на базе организационно-методического обеспечения, наряду с биологами, географами, педагогами необходимо привлекать социологов и психологов, а также журналистов и представителей других творческих профессий);
- приоритетность и результативность (необходимо определять в каждом конкретном случае приоритетные механизмы, позволяющие достичь максимального эффекта при минимальных затратах);
- комплексное использование естественнонаучного и гуманитарного потенциалов (наряду с ис-

пользованием информации экологического и биологического характера необходимо широко применять гуманитарные средства формирования экологического правосознания);

- экологическая безопасность (любые формы образовательной и просветительской работы, равно как и участие населения в природоохранных акциях, не должны быть связаны с каким-либо риском нанесения ущерба экологическим системам или их отдельным особям).

Вместе с тем следует также подчеркнуть, что идеологический механизм реализации экологического права предполагает развитие гражданского общества. И в этом случае основными задачами являются:

- государственное содействие экологизации гражданского общества;
- совершенствование законодательства для создания правовых условий, позволяющих гражданам участвовать в принятии и реализации экологически значимых решений, в том числе путем проведения опросов, общественных слушаний, общественных экспертиз и референдумов;
- совершенствование законодательства в целях развития общественного экологического контроля, в том числе общественных инспекций;
- обеспечение возможности прохождения альтернативной гражданской службы на объектах и структурах, реализующих политику в области экологии; поддержка экологических общественных движений и благотворительной деятельности;
- создание условий для поддержания и развития традиционного сбалансированного природопользования коренными малочисленными народами.

В заключение отметим, что эта проблема всегда будет оставаться актуальной, особенно в настоящее время. И проблема на сегодняшний день – это не столько проблема нашего правосознания, сколько проблема самого отношения человека к окружающей его среде. Нигилизм по отношению к природе обусловлен, прежде всего, нашим нравственным сознанием, а правильное казать, безнравственным, И решаться эта проблема должна в первую очередь идеологическим воздействием на человека. А это, в свою очередь, задача не только юристов, но и представителей других специальностей.

Литература

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды». – 2002.
2. Горбачев, В. В. Концепции современного естествознания: учебное пособие для студентов вузов. – Изд. 3-е. / В. В. Горбачев. – М.: Оникс, 2008. – 592 с.
3. Найдыш, В. М. Концепции современного естествознания: учебник / В. М. Найдыш. – М.: Альфа-М.: ИНФРА-М, 2009. – 704 с.
4. Лапина, М. А. Экологическое право: учебное пособие для студентов вузов / М. А. Лапина. – М.: МИЭМП, 2010. – 262 с.

РЕЦЕНЗИИ**«ИМЕННЫЕ» ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА**

(О книге: Петрова, Г. В. А. А. Фет и русские поэты конца XIX – первой трети XX веков: монография / Г. В. Петрова. – СПб.: Астерион, 2010. – 196 с.)

Н. В. Налегач

THE “NAME” TRADITIONS IN RUSSIAN POETRY OF THE XX CENTURY

(About the book: Petrova, G. V. A. A. Fet and Russian poets of the end of the XIX – the first third of the XX century: monograf / G. V. Petrova. – St. Petersburg: Asterion, 2010. – 196 p.)

N. V. Nalegach

В свете историко-литературного подхода перед современным литературоведением встала задача, связанная с осмыслением сути и закономерностей литературного процесса XX столетия. Одной из важных особенностей литературы в XX веке стало осознанное развитие «именных» традиций в творчестве художников слова, что, по сути, является разновидностью метатекстовых структур, наряду с коллективно создаваемыми «петербургским», «московским», «венецианским» и т. п. сверхтекстами русской литературы.

Ответ на вопрос о том, почему именно в литературе XX века так остро стала ощущаться потребность в неких культурно-литературных текстовых межавторских единствах, постепенно прорисовывается, но еще далек от состояния удовлетворительной освещенности в современной науке. Чтобы дать убедительный ответ на этот вопрос, необходимо тщательно исследовать продолженные из предыдущих периодов развития и сформировавшиеся в русской литературе XX столетия традиции и линии поэтических диалогов. В этом плане исследование фетовской традиции в русской поэзии первой трети XX века, предпринятое Г. В. Петровой, представляется актуальным и способствующим решению задач, вставших перед современной наукой об истории литературы.

Представленная в монографии научная концепция в полной мере освещает процесс формирования фетовской традиции в русской поэзии на рубеже XIX – XX веков, а также раскрывает разные векторы в развитии творческого диалога поэтов первой трети XX столетия с лирикой А. А. Фета. Композиционная логика способствует концептуальному изложению рассмотренной научной проблемы. Так, во введении в качестве тезисов, которые получают развитие в трех главах книги, выступают определения тех элементов фетовской художественной системы, которые оказались воспринятыми в обозначенный период развития русской поэзии. Среди них – концепция «душевного человека» как сверхиндивидуальной целостности и право художника на преодоление в своем творчестве «недовоплощенности» современного мира и человека.

Первая глава, состоящая из четырех параграфов, посвящена тщательному исследованию процесса

формирования читательского интереса к поэзии А. А. Фета в связи с публикацией выпусков «Вечерних огней» и первых посмертных собраний его сочинений. Анализ критических отзывов на эти издания, писем современников, в которых содержится их отношение и оценка поэзии А. Фета, а также творческих отношений А. Фета и В. Соловьева позволяет Г. В. Петровой обоснованно определить характер этого восприятия как направленного на формирование культа А. Фета и его лирики в русской культуре рубежа XIX – XX веков.

В первом параграфе этой главы содержится история критического восприятия «Вечерних огней», поскольку именно их выход, по справедливому мнению автора монографии, и привел к формированию поэтической «школы Фета». Основная часть этого параграфа закономерно посвящена подробному рассмотрению непростых литературно-критических отношений А. А. Фета и В. П. Буренина. Изменение смысла и пафоса литературно-критических высказываний В. П. Буренина об А. А. Фете становится своеобразным зеркалом изменений типичной оценки русским обществом лирики поэта. В этом смысле позиция Н. Н. Страхова, А. А. Голенищева-Кутузова и некоторых других, всегда высоко ценивших его поэзию, отражает на момент написания их статей и отзывов, скорее, индивидуальное восприятие и какое-то время находит поддержку лишь в узком кругу единомышленников.

Второму этапу формирования поэтической школы и культа А. Фета, который выделила Г. В. Петрова, соответствует второй параграф главы. В нем содержится анализ поэтических, некрологических и критических текстов, вызванных смертью А. А. Фета и, по сути, создавших вокруг него смысловой ореол «идеального поэта». Развернувшаяся в 1890-е годы вокруг этого идеализированного образа А. Фета полемика удачно рассмотрена в монографии как столкновение двух противоположных ценностных установок, что способствовало кристаллизации эстетических вкусов и представлений «нового искусства» в русской литературе этого периода.

В третьем параграфе главы Г. В. Петрова рассматривает историю и принципы издания собрания стихотворений А. А. Фета, подготовленного К. Р. и Н. Н. Страховыми, а затем Б. В. Никольским. Автор

монографии видит роль этих изданий не только в сохранении интереса к творчеству поэта, но также выявляет их значимость в создании культурно-поэтического мифа об А. Фете. В свете этого закономерен анализ философско-эстетического диалога А. Фета и В. Соловьева, содержащийся в заключительном параграфе главы. В монографии убедительно показана роль мифопоэтической по своей сути интерпретации лирики А. Фета В. Соловьевым как связующего звена между «фетишизмом» конца XIX столетия и символистским прочтением А. Фета как «предтечи» нового искусства.

Учитывая важную роль философско-эстетических взглядов В. Соловьева в формировании эстетики и поэтики символизма, логично обращение исследователя во второй главе своей монографии к рассмотрению освоения фетовской традиции в творчестве символистов. Если первый параграф этой главы посвящен изучению роли А. Фета в оформлении поэтики и эстетики русского символизма в целом, то три следующих представляют собой анализ поэтического диалога с А. Фетом в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова и А. Блока. Выбор именно этих авторов-символистов не случаен и обусловлен особенностями их поэтических систем, в которых, как это уже неоднократно было отмечено в литературоведческой науке, поэтический опыт А. Фета играл немаловажную роль.

Новизна в этой главе связана как с собственно интерпретационным аспектом работы (речь идет о предпринятом Г. В. Петровой сопоставительном анализе произведений вышеуказанных авторов), так и с концептуальными наблюдениями и выводами, касающимися сути этих диалогических линий. Так, в параграфе, посвященном К. Бальмонту, важным представляется наблюдение о том, что «И Фет, и Бальмонт по-своему приблизились к пониманию мира и человеческой души как единой энергетической системы» (с. 82), а также установление связи с этим представлением таких символических аспектов поэтики К. Бальмонта, как «внутренний слух», «осиянные слова», «четверогласие стихий», благодаря которым и реализуется один из магистральных мотивов его поэзии – слияние души поэта, человека с миром. В параграфе, посвященном В. Брюсову, последовательное рассмотрение фетовских влияний приводит к убедительному выводу о том, что ведущий пафос его творческой системы – совершенствование мира и человека, по сути, является отражением и творческим преломлением глубинно усвоенной фетовской концепции «душевного человека».

В параграфе, посвященном А. Блоку, особенный интерес представляют наблюдения Г. В. Петровой, посвященные поэтическому диалогу А. Блока с А. Фетом в зрелом творчестве поэта-символиста, особенно во втором и третьем томах его лирики. Ценным представляется концептуальный вывод о переосмыслении А. Блоком восходящей к А. Фету символистской идеи преображения мира словом, что обусловлено нарастающим интересом к истории и к проблеме взаимоотношений человека и времени. При этом исследователь убедительно показывает,

что поэтический диалог А. Блока с А. Фетом, хотя и приобретает полемический характер, ставя под сомнение идеал «душевного человека» как утопически обреченный, но все же остается значимым в поле творческого самоопределения и выработки собственной эстетической позиции.

Третья глава «А. А. Фет и поэты постсимволистского поколения» обоснованно начинается с параграфа, посвященного исследованию поэтического диалога И. Анненского с А. Фетом. Включение этого параграфа в начало третьей главы, представляется логичным в связи с особой ролью, которую сыграла поэзия И. Анненского в творческом самоопределении поэтов-постсимволистов. Культ И. Анненского в читательской среде 1910 – 1920-х годов, тщательно исследованный в работах Р. Д. Тименчика, по сути, оказался «культурным зеркалом» «фетишизма», которому Г. В. Петрова посвятила первую главу своего исследования. Можно даже говорить о том, что роль поэтических открытий И. Анненского для поэтов постсимволистского поколения сходна с той ролью, которую сыграли поэтические открытия А. Фета в оформлении эстетики и поэтики символизма. Новизна и ценность этого параграфа видится в том, что исследователь четко определяет самый смысл особенности восприятия И. Анненским поэтического мира А. Фета. Несмотря на внутреннюю близость этих поэтических систем, они по самому своему духу друг другу противоположны в силу разного отношения этих поэтов к «поэтической рефлексии». Совершенно справедливо Г. В. Петрова отмечает, что «если Фет призывал освободить поэзию от «сплетни рефлексии», то для Анненского «поэтическая рефлексия» и есть главная пружина творческого процесса. Лирика «Тихих песен» предстает перед читателем как пространство постепенно разворачивающейся не просто «души автора», а «странствующей» мысли творческой личности (с. 128). Не менее ценны и другие наблюдения, демонстрирующие глубину и неоднозначность поэтического диалога И. Анненского с А. Фетом.

Концептуальный вывод из интерпретации «фетовских параллелей» в лирике И. Анненского о значимости творчества А. Фета «...как важного этапа в становлении поэзии, способной «не расширять личность» и преображать ее, а «усовершенствовать тип человека» (с. 140), а также выражение сходной мысли И. Анненским в докладе «Поэтические формы современной чувствительности», обращенном к молодым поэтам, предопределяет логику следующих трех параграфов этой главы. Они посвящены преломлению фетовской традиции в поэзии О. Мандельштама, А. Ахматовой и Б. Пастернака. Важным здесь представляется наблюдение о том, что для всех этих обращений характерно общее свойство – восприятие фетовской традиции как органической части большой традиции русской классической литературы XIX века.

Так, в творческой эволюции О. Мандельштама немаловажную роль, с точки зрения исследователя, сыграет ориентация на А. Фета в кристаллизации идеи жертвенного подвига поэта, призванного пре-

одолеть культурно-историческую катастрофу XX столетия, склеить «двух столетий позвонки». Сопоставительный анализ целого ряда стихотворений А. Фета и А. Ахматовой обнаруживает глубинные переклички на уровне развития тематики смерти и любви в творчестве обоих поэтов, что позволяет исследовательнице выявить феномен ахматовской мифологизации «несимпатии» к лирике А. Фета. Несмотря на то, что А. Фет так и не станет «близким» поэтом А. Ахматовой, она, как это убедительно доказывает Г. В. Петрова, все же учитывает его опыт соединения классицистической сюжетно-тематической модели с фольклорной формульностью в достижении высокой степени типизации лирического переживания, а также обращается к его концепции «душевного человека» в развитии любовной лирики зрелого периода творчества.

Наиболее глубоко в поколении постсимволистов фетовская традиция усвоена и продолжена Б. Пастернаком, что обусловлено, по справедливому мнению исследователя, общим для обоих поэтов представлением о противопоставленности сфер Лирики и Истории. Предпринятое Г. В. Петровой рассмотрение стихотворений Б. Пастернака в сопоставлении с фетовскими позволяет выявить определенную эволюцию в приобщении поэта XX века к обозначенной линии русской поэтической традиции. Так, в книге «Сестра моя – жизнь» обнаруживается единство пафоса обоих поэтов, предопределенное их взглядом на человека как органическую часть миро-

здания, что и обуславливает образные, мотивные и тематические переклички между обеими лирическими системами. Во «Втором рождении» поэтический диалог с А. Фетом приобретает проблемный характер, связанный с решением Б. Пастернаком творческой задачи – «...провести фетовскую и символистскую онтологию и органику сквозь исторические противоречия своего века» (с. 185). В итоговой же книге поэта «Когда разгуляется», согласно наблюдениям исследователя, и происходит «...сопряжение «памяти сердца» с эпохой» (с. 195). В этом свете, обоснованным и интересным представляется вывод Г. В. Петровой о том, что именно в творчестве Б. Пастернака в первой половине XX столетия происходит «второе рождение», творческое обновление восходящей к поэзии А. Фета традиции. Итоговое суждение о поэзии Б. Пастернака оказывается органичным завершением изучения различных форм проявления и развития фетовской традиции в русской поэзии конца XIX – первой трети XX веков.

Таким образом, представленное Г. В. Петровой монографическое исследование поэтического диалога русских поэтов рубежа XIX – XX веков с поэтической системой А. Фета обладает несомненной научной новизной и ценностью и представляет интерес для филологов-специалистов в области русской поэзии, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

- Абсалимов Марат Бахтеевич** – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и философии науки Красноярского государственного аграрного университета. 8(391) 23-16-18, m_absalamov@mail.ru
- Absalyamov Marat Bakhteevich** – Doctor of Cultural Studies, Professor, head of the Department of Cultural Studies and Philosophy of Science of Krasnoyarsk State Agrarian University.
- Адакин Евгений Евстафьевич** – доктор педагогических наук, профессор, директор Беловского института (филиала) КемГУ. 8 (3845) 22-82-07, bbkemsu@mail.ru
- Adakin Evgeny Evstafievich** – Doctor of Pedagogic, Professor, Director of the Belovo branch of KemSU.
- Алтухова Татьяна Владимировна** – стажер-исследователь кафедры теории языка и славянорусского языкознания КемГУ. 8-951-187-90-91, louvenna@mail.ru
- Altukhova Tatyana Vladimirovna** – intern, researcher at the Department Theory of Language and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU
- Ананьев Владимир Алексеевич** – доктор химических наук, профессор кафедры аналитической химии КемГУ. eprlab@kemsu.ru
- Ananiev Vladimir Alekseevich** – Doctor of Chemistry, Professor at the Department of Analytical Chemistry of KemSU.
- Андреева Любовь Михайловна** – главный консультант отдела социального партнерства, демографии и уровня жизни Департамента труда и занятости населения Кемеровской области. (3842) 58-73-43, alm@ako.ru
- Andreeva Lyubov Mikhailovna** – chief adviser of Social Partnership, Demography and Living Standards' Section, the Department of Labour and Employment of Kemerovo Region Population.
- Антонова Анна Викторовна** – студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ. antonova0426@mail.ru
- Antonova Anna Victorovna** – 4-th year student of the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.
- Белоглазова Ольга Николаевна** – кандидат философских наук, кафедра философии КемГУ. Petrola7877@yandex.ru
- Beloglazova Olga Nikolaevna** – Candidate of Philosophy, Department of Philosophy of KemSU.
- Беляков Артем Александрович** – кандидат филологических наук, доцент Прокопьевского института (филиала) КемГУ. 8(3846) 69-12-11, tony80@mail.ru
- Beljakov Artem Aleksandrovich** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Prokopenvsk branch of KemSU
- Блинова Светлана Викторовна** – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ, Кемерово. 8(3842) 58-07-46, sv_blinova@mail.ru
- Blinova Svetlana Victorovna** – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.
- Бобриков Валерий Николаевич** – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета экономики и сервиса КузГТУ. 8 (3842) 58-54-74, bvn@kuzstu.ru
- Bobrikov Valery Nikolaevich** – Doctor of Pedagogic, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Service of Kuzbass State Technical University
- Бринев Константин Иванович** – профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии, Барнаул.
- Brinev Konstantin Ivanovich** – Professor at the Department of General and Russian Linguistics of Altai State Pedagogical Academy.
- Бувальцева Валентина Ивановна** – доктор экономических наук, профессор кафедры финансы и кредит КемГУ. 8(3842) 58-66-72, buvi@kemsu.ru
- Buvaltseva Valentina Ivanovna** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Finance and Credit of KemSU.
- Буторин Геннадий Геннадьевич** – доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии Челябинского государственного педагогического университета. 8 919 114 72 81, g1966@mail.ru
- Butorin Gennady Gennadiyevich** – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Theoretical and Applied Psychology of Chelyabinsk State Pedagogical University.

- Василенко Екатерина Александровна** – магистрант кафедры стилистики и риторики КемГУ. 8-953-068-61-02, ekaterinavasilenko1989@mail.ru
- Vasilenko Ekaterina Alexandrovna** – master student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.
- Вершинин Ярослав Николаевич** – аспирант кафедры математической кибернетики КемГУ. 8-913-299-83-94, Azimus88@gmail.com
- Vershinin Yaroslav Nikolaevich** – post-graduate student at the Department of Mathematical Cybernetics of KemSU.
- Гилев Алексей Валерьевич** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург. gilev@ipae.uran.ru
- Gilev Alexey Valeryevich** – Candidate of Biology, senior research assistant at the Institute of Ecology of Plants and Animals of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
- Голев Николай Данилович** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ. 8(3842) 31-84-26, ngolevd@mail.ru
- Golev Nikolai Danilovich** – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language of KemSU
- Гравова Ирина Викторовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Анжеро-Судженского института (филиала) КемГУ. 8(38453) 62 89 2, gravova.irina@yandex.ru
- Gravova Irina Viktorovna** – Candidate of Pedagogic, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Anzhero-Sudzhensk Branch of KemSU.
- Данилов Николай Николаевич** – доктор физико-математических наук, профессор, декан математического факультета КемГУ, заведующий кафедрой математической кибернетики. 8 (3842) 54-34-18, danilovnn@kemsu.ru
- Danilov Nikolay Nikolaevich** – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Dean of Mathematical Faculty of KemSU, Head of the Department of Mathematical Cybernetics.
- Дегтярева Алена Руслановна** – магистрант КемГУ. degtvarjova@yandex.ru
- Degtyareva Alena Ruslanovna** – master student of KemSU.
- Денисова Эльвира Степановна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ. 8-923-611-29-10, elvdenisova@yandex.ru
- Denisova Elvira Stepanovna** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.
- Дубровкин Иосиф Михайлович** – доктор физико-математических наук, заведующий отделом точных наук, Академический колледж Западной Галилея, Израиль. 9-724-629-29-10, dubrovkin@013.net
- Dubrovkin Iosif Mikhailovich** – Doctor of Physics and Mathematics, Head at the Department of Exact Sciences of Western Galilee Academic College, Israel.
- Ерёмин Виталий Валерьевич** – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ. 8-906-922-90-67? Eremin_06@mail.ru
- Eremin Vitaly Valerievich** – Senior lecturer at the Department of Foreign Languages at the Faculty of Romance and Germanic Philology of KemSU.
- Желтов Виктор Васильевич** – доктор философских наук, профессор КемГУ. vjeltov@kemsu.ru
- ZheltoV Victor Vasilievich** – Doctor of Philosophy, Professor of KemSU.
- Желтов Максим Викторович** – доктор социологических наук, профессор КемГУ. zhigalova_irina@mail.ru
- ZheltoV Maksim Viktorovich** – Doctor of Sociology, Professor of KemSU.
- Жигалова Ирина Александровна** – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления КузГТУ. 8 (3842) 39-63-03, zhigalova_irina@mail.ru
- Zhigalova Irina Aleksandrovna** – Doctor of Pedagogic, Professor, Head at the Department of State and Municipal Management of Kuzbass State Technical University.
- Зеленин Алексей Анатольевич** – доктор политических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ. 8 (3842) 58-21-53, zelenin@kemsu.ru
- Zelenin Alexey Anatolievich** – Doctor of Politology, Professor at the Department of Contemporary Russia History of KemSU.
- Зобова Людмила Львовна** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КемГУ. llzob@mail.ru
- Zobova Ludmila Lvovna** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Economic Theory of KemSU.
- Золотухин Владимир Михайлович** – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, политических отношений права КузГТУ. 8-905-067-16-63, zvm64@mail.ru
- Zolotukhin Vladimir Mikhaylovich** – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head at the Department of Sociology and Political Relations and the Law of Kuzbass State Technical University.

- Зяблицева Светлана Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и педагогики КемГСХИ. 8-(3842)727495, ziabl2@rambler.ru
- Zyabliceva Svetlana Vladimirovna** – Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and Pedagogy of Kemerovo State Agricultural Institute.
- Казakov Евгений Фёдорович** – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ. 8(384)2-64-63-08, kemcitykazakov@mail.ru
- Kazakov Evgeni Fedorovich** – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Philosophy of KemsU.
- Казьмина Маргарита Васильевна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культуры России КемГУ. 31-08-63; 58-17-21, Rita-KMV@yandex.ru
- Kazmina Margarita Vasilevna** – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of History and Culture of Russia of KemsU.
- Кисляков Михаил Михайлович** – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономической истории Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 8-904-575-62-33, M.Kislyakov@mail.ru
- Kislyakov Mikhail Mikhailovich** – Candidate of History, Associate Professor, Professor at the Department of Social and Economic History of the Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.
- Клименко Наталья Сергеевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков СибГИУ, г. Новокузнецк. 8(3846) 69-32-25
- Klimenko Natalia Sergeevna** – Senior lecturer at the Department of Foreign Languages of Siberian State University, Novokuznetsk.
- Козлова Марина Васильевна** – преподаватель, соискатель, КузГТУ. 8-905-968-41-01, kozlovam21@mail.ru
- Kozlova Marina Vasilevna** – teacher, post-graduate student at Kuzbass State Technical University.
- Колесников Павел Владимирович** – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ. 8 951-578-20-77, Rufocanus@mail.ru
- Kolesnikov Pavel Vladimirovich** – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology of KemsU.
- Корчагина Ирина Васильевна** – старший преподаватель кафедры налогообложения, предпринимательства и права КемГУ. 8-906-925-10-77, korchagina-i@mail.ru
- Korchagina Irina Vasilevna** – Senior lecturer at the Department of Taxation, Business and Law of KemsU.
- Кригер Людмила Дмитриевна** – кандидат химических наук, старший научный сотрудник ПНИЛ СТТ КемГУ. eprlab@kemsu.ru
- Krieger Liudmila Dmitrievna** – Candidate of Chemistry, Senior Research at Laboratory of Spectrology of Solids of KemsU.
- Крутиков Владимир Николаевич** – доктор технических наук, профессор КемГУ. 8-905-044-53-48, KrutikovVN@gmail.com
- Krutikov Vladimir Nicolaevich** – Doctor of Technology, Professor of KemsU.
- Кулемзин Анатолий Михайлович** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ. 8(3842) 35-94-07, kulemzin41@mail.ru
- Kulemzin Anatoliy Mikhailovich** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head at the Department of Museology of Kemerovo State University of Culture and Arts
- Лавров Александр Михайлович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга КемГУ. 8-384-2-36-85-02, lavrov@kemsu.ru
- Lavrov Alexandr Mikhailovich** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Marketing of KemsU.
- Леванов Анатолий Дмитриевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории экономического факультета КемГУ. 8(3842) 58-17-35, bash@kemsu.ru
- Levanov Anatoly Dmitrievich** – Doctor of Economics, Professor at the Department of Economic Theory of KemsU.
- Лелюх Владимир Фёдорович** – доктор социологических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 8-903-071-67-75
- Lelyukh Vladimir Fedorovich** – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.
- Лучникова Екатерина Михайловна** – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ. 8(3842) 58-07-46, bios@kemsu.ru
- Luchnikova Catherine Mikhailovna** – Candidat of Biology, Associate Professor at the Department of Zoology and Ecology of KemsU.
- Лыршиков Сергей Юрьевич** – ведущий инженер ИУХМ СО РАН. serstud@mail.ru
- Lyrshchikov Sergey Yurievich** – chief engineer at the Institute of Cool Chemistry and Materials Science of the Siberian Branch of the RAS.

- Максимова Жанна Сергеевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики АСФ КемГУ. 8(38453) 62 89 2
- Maksimova Zhanna Sergeevna** – Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogics of Anzhero-Sudzhensk branch of KemsU.
- Марков Виктор Иванович** – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ. 73-30-64,
vikt-markov@yandex.ru
- Markov Viktor Ivanovich** – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies of Kemerovo State University of Culture and Arts
- Миклин Михаил Борисович** – кандидат химических наук, заведующий ПНИЛ СТТ КемГУ. miklin@kemsu.ru
- Micklin Mikhail Borisovich** – Candidate of Chemistry, Head at the Laboratory of Spectrology of Solids of KemsU.
- Миненко Геннадий Николаевич** – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ. 8(3842)72-03-54,
antropolog-min@mail.ru
- Minenko Gennady Nikolaevich** – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies of Kemerovo State University of Culture and Arts.
- Морозова Елена Алексеевна** – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета КемГУ. 8(3842) 36-50-18,
morea@inbox.ru
- Morozova Elena Alekseevna** – Doctor of Economics, Professor, Dean of Economics Faculty of KemsU.
- Налегач Наталья Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ. 8-904-375-12-05,
Nalegach@list.ru
- Nalegach Natalya Valerievna** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX Century of KemsU.
- Невзоров Борис Павлович** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой современного естествознания КемГУ. nevzorov@kemsu.ru
- Nevzorov Boris Pavlovich** – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Chairman for Modern Natural Science of KemsU.
- Невзоров Тимур Борисович** – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ. 8-906-937-07-25,
timur101@bk.ru
- Nevzorov Timur Borisovich** – Associate Professor at the Department of Labor, Ecological and Civil Law of KemsU.
- Ненилин Сергей Николаевич** – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ. 8 (38475) 2-77-84?
nenilin_serгей@rambler.ru
- Nenilin Sergei Nikolaevich** – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology of KemsU.
- Овчаров Александр Андреевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ. 8(3842) 73-62-19,
AlexOvc2001@yandex.ru
- Ovcharov Alexander Andreevich** – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of KemsU.
- Осадчий Михаил Андреевич** – кандидат филологических наук, докторант кафедры стилистики и риторики КемГУ. osadchij@mail.ru
- Osadchiy Mikhail Andreevich** – Candidate of Philology, doctoral student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemsU.
- Петров Игорь Фёдорович** – доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ. 8 (3842) 73-30-63,
IgorPetroff@yandex.ru
- Petrov Igor Fyodorovich** – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Kemerovo State University of Culture and Arts
- Позднякова Анастасия Эдуардовна** – соискатель кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 8(384-2)31-64-88
- Pozdnyakova Anastasia Eduardovna** – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Procedure of Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.
- Родионова Дарья Дмитриевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ. 8(3842) 35-94-07,
dasha@kemguki.ru
- Rodionova Daria Dmitrievna** – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Museology of Kemerovo State University of Culture and Arts.
- Рябчевская Жанна Александровна** – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры эстрадного оркестра и ансамбля КемГУКИ. 8(3842)72-03-54
- Ryabchevskaya Zhanna Aleksandrovna** – Candidate of Cultural Studies, Senior lecturer at the Department of Variety Orchestra and Ensemble of Kemerovo State University of Culture and Arts

- Сагайдачная Надежда Константиновна** – старший преподаватель Томского государственного университета. 8-903-908-02-36, shipunovav@yandex.ru
- Sagadaichnaja Nadezhda Konstatinovna** - Senior lecturer at Tomsk State University.
- Семина Ольга Алексеевна** – доцент кафедры иностранных языков СибГИУ, г. Новокузнецк. 8(3843) 46-38-38,
- Semina Olga Alekseevna** – Associate Professor at the Department of Foreign Languages of Siberian State University, Novokuznetsk.
- Скалозубова Лариса Евгеньевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ. 8-960-907-80-01, bgd.kemsu@mail.ru
- Skalozubova Larisa Yevgenyevna** – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Social Medicine and Safety of KemSU.
- Скалон Николай Васильевич** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой зоологии и экологии КемГУ. 8-950-264-09-41, nskalon@kemsu.ru
- Skalon Nikolay Vasilyevich** – Doctor of Pedagogics, Professor, Head at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.
- Скалон Татьяна Николаевна** – магистрант кафедры анатомии и физиологии человека и животных и валеологии КемГУ. 8(3842) 58-07-46? bios@kemsu.ru
- Skalon Tatiana Nikolaevna** – master student at the Department of Human and Animal Anatomy and Physeology and Valeology of KemSU.
- Стеванович Светлана Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ. stevan2000@rambler.ru
- Stevanovich Svetlana Vasiljevna** – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Language and Slavic-Russian Linguistics of KemSU.
- Сурнин Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры общей и региональной экономики КемГУ. 8(3842) 75-47-26, region@kemsu.ru
- Surnin Vladimir Sergeevich** – Doctor of Economics, Professor at the Department of General and Regional Economics of KemSU.
- Сущенко Максим Алексеевич** – преподаватель МБНОУ «Лицей», г. Кемерово. 8-923-527-84-54, spacemirror@mail.ru
- Sushchenko Maxim Alexeevich** – Teacher at Municipal Education Institution "Lyceum", Kemerovo.
- Табакеева Людмила Михайловна** – кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ. 8-906-987-73-25, bgd.kemsu@mail.ru
- Tabakaeva Ludmila Mihailovna** – Candidate of Medicine, Associate Professor at the Department of Social Medicine and Safety of KemSU.
- Теплова Наталья Сергеевна** – старший преподаватель кафедры зоологии и экологии КемГУ. 8(3842) 58-07-46, bios@kemsu.ru
- Teplova Natalia Sergeevna** – senior lecturer at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.
- Уншиков Иван Анатольевич** – аспирант кафедры маркетинга КемГУ.
- Unshchikov Ivan Anatol'evich** – post-graduate student at the Department of Marketing of KemSU.
- Филиппов Валерий Леонидович** – кандидат педагогических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ректор Луганского ГИКиИ. 8 (0642) 59-02-62, lugiki@ua.fm
- Filippov Valerij Leonidovich** – Candidate of Pedagogics, Professor at the Department of Socio-Humanitarian disciplines, Rector of Lugansk State Institute for Culture and Arts.
- Фомин Андрей Геннадьевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода КемГУ. 8-903-993-34-44, andfomin67@mail.ru
- Fomin Andrey Gennadyevich** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Interpretation and Translation of KemSU.
- Хорошилова Лилия Семеновна** – доктор географических наук, профессор кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ. 8-923-516-19-38, bgd.kemsu@mail.ru
- Khoroshylova, Lilia Semenovna** – Doctor of Geography, Professor of the Department of Social Medicine and Safety of KemSU.
- Челомбитко Анна Николаевна** – старший преподаватель кафедры менеджмента КемГУ. 8(3842) 58-44-26, ef@kemsu.ru
- Chelombitko Anna Nikolaevna** – senior lecturer at the Department of Management of KemSU.
- Чеснокова Светлана Витальевна** – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института систематики и экологии животных СО РАН, Новосибирск. 8(3842) 58-07-46, tchsvet@mail.ru
- Chesnokova Svetlana Vitalievna** – Candidate of Biology, researcher at the Institute of Systematization and Ecology of Animals of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики АСФ КемГУ.

8(3842)58-29-55,
churekov_t@mail.ru

Churekova Tatiana Mikhaylovna – Doctor of Pedagogics, Head of the Department of Psychology and Pedagogics of Anzhero-Sudzhensk branch of KemSU.

Шабашев Владимир Алексеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КемГУ.

8(3842) 58-17-35,
bash@kemsu.ru

Shabashev Vladimir Alekseevich – Doctor of Economics, Professor at the Department of Economic Theory of KemSU.

Шипунова Вера Васильевна – старший преподаватель Новокузнецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

8-903-908-02-36,
shipunovav@yandex.ru

Shipunova Vera Vasiljevna – Senior lecturer at Novokuznetsk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Штумпф Светлана Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

8 908 210 72 63?
stumpflcp@kspu.ru

Stumpf Svitlana Petrovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology of Krasnoyarsk V. P. Astafiev State Pedagogical University.

Щеглова Ирина Ивановна – старший психолог отделения морально-психологического обеспечения, отдела по работе с личным составом управления МВД России по г. Челябинску.

Shcheglova Irina Ivanovna – chief psychologist of Moral and Psychological Welfare Department of the Personnel Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Chelyabinsk.

Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии КемГУ.

8(384-2) 58-32-31,
logos@kemsu.ru

Shchennikov Vladimir Petrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head at the Department of Philosophy of KemSU.

Якимова Наталья Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ.

8-903-907-29-01,
nataliyayakimova@mail.ru

Yakimova Nataliya Sergeevna – lecturer at the Department of Foreign Languages at the Faculty of History and International Relations of KemSU.

Яковлева Светлана Николаевна – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ.
Yakovleva Svetlana Nikolaevna – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology of KemSU.

8-923-488-8740,
Emurankasuslik@mail.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Для публикации в журнале «Вестник КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования, развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY.RU) и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на кото-

рые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1)i + \operatorname{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок на каждой странице, а не в конце статьи.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы**, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (**на русском и английском языках**).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата А4 (210х297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article investigates the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their sources and strives to demonstrate their influence upon the style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, professor of the Department of Philosophy of Kemsu.

E-mail: krasikov1958@yahoo.com

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), **телефон:** 8(384-2) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 20.03.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Соу. Усл. печ. л. – 31,87. Уч.- изд. л. – 29,48.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.